

Эта книга является продолжением моего исследования "Славяне в древности", изданного в 1994 г., в котором рассмотрены ранние периоды истории и развития культуры славян от их выделения из среды древнеевропейцев и становления как отдельного европейского этноса до эпохи "великого переселения народов". Содержанием настоящей книги является история славянского мира в период от V до XI-XII вв.

Раннее средневековье - переломная эпоха в истории славянства. В Европе накануне средневековой поры существовало два весьма различных мира. Первый - античный, с высокоразвитой культурой, ремеслами и городской жизнью, уже христианский, включавший преимущественно греков и римлян. Второй - более обширный, варварский, не знавший городов и государственности, с языческими миропониманием, бытом и нравами. Различия между этими мирами были огромными. Славяне наряду с другими этносами составляли часть варварского мира.

Раннее средневековье коренным образом изменило эту ситуацию. "Великое переселение народов" и великая славянская миграция начала средневековой поры взломали рубежи между античным и варварским мирами, в результате "варвары" смогли воспользоваться плодами римско-византийской цивилизации и заложить основы новой европейской культуры. Это был период вступления на историческую арену новых сил, разорвавших рамки первобытности. В раннем средневековье формируется новая этническая карта Европы - именно в этот период закладываются основы тех этноязыковых общностей, которые через эпоху развитого и позднего средневековья дошли до нашего времени. Параллельно со сложением народностей в большинстве регионов Европы складывается государственность. Это был также период зарождения и становления раннесредневековых городов, которые, в свою очередь, оказали всестороннее воздействие на весь ход дальнейшей европейской истории, став импульсом и укрепления государственности, и подъема экономики, и развития культуры, архитектуры, искусства и духовной жизни.

Важным фактором жизни складывающихся европейских народностей и развития культуры стало христианство с его миропониманием, правом и обычаями. Именно в раннем средневековье христианство стало господствующим в Европе, сделавшись идеологией формирующейся государственности, цементируя новые политические образования.

Одной из наиболее мощных движущих сил раннего средневековья в Европе стали славяне. Результатом великой славянской миграции стало освоение этим этносом обширных пространств Европы от побережья Балтийского моря на севере и Пелопоннеса на юге и от бассейна Эльбы на западе до Волги на востоке. Славяне самым активнейшим образом включились в общие процессы европейской истории.

Начало средневековья было последним периодом общеславянского состояния. В последних веках I тысячелетия н.э. славянский мир дифференцируется на несколько славянских этнических групп, единый праславянский язык делится на отдельные славянские языки. Начался процесс становления отдельных славянских народностей и государственных образований с самостоятельными культурами. Славянский мир раннего средневековья, активно приняв римско-византийское наследие, в развитии культуры и экономики шел наравне с другими европейскими народами. Принятие христианства вывело славянство в круг значимых европейских этносов средневекового мира.

В основе настоящего исследования лежат материалы археологии. Вместе с тем, для исторических построений были привлечены и в полной мере использованы свидетельства памятников письменности, а также данные других наук. Сбор материалов для создания этого труда потребовал от автора большой и объемной работы в научных институтах, музеях и библиотеках ряда европейских стран. Благожелательное отношение со стороны археологов и сотрудников этих учреждений во

многим способствовало успешному выполнению этой работы.

Не все темы, затронутые в исследовании, получили равномерное и равноценное освещение. В одних случаях, если проблема уже получила достаточное отражение в научной литературе, автор считал возможным ограничиться общим ее изложением; в других - тот или иной вопрос истории раннесредневекового славянства анализируется подробно; в третьих - только намечаются направления будущих исследований. Значительные трудности при этом обусловлены некоторой недостаточностью источникового фонда. Поэтому отдельные вопросы славянской истории решены автором в форме научных гипотез. Насколько они оправданы, покажут дальнейшие исследования.

Славяне в начале средневековья

Славяне вступили в эпоху средневековья далеко не монолитной массой. Уже в римское время на основании археологических материалов выделяются две крупные культурные группировки славян, одна из которых представлена пшеворскими древностями, другая - черняховской культурой. Это были не моноэтнические формирования славян: и в пшеворском, и в черняховском ареалах наряду со славянами чересполосно проживали также другие этносы (германцы, сарматы, фракийцы и другие). При этом в разных регионах обширных территорий распространения пшеворских и черняховских древностей протекали различные микромиграционные и неоднозначные ассимиляционные процессы, создававшие чрезвычайно пеструю картину культурного и этноязыкового развития.

Начавшаяся на заре средневековья великая славянская миграция разбросала славянские племена по широким просторам Средней и Восточной Европы. При этом значительные части славянства оказались территориально оторванными от его основного массива. Провинциально-римские культуры, достижениями которых активно пользовались славяне, в период "великого переселения народов" прекратили свое существование. Славяне вынуждены были создавать новые культуры. Во вновь освоенных землях они встретились с различными иноэтническими племенами, которые в той или иной мере были включены в славянский этногенез и оказали заметное влияние на формирование славянских культур.

Уже в начале средневековья в славянском мире складывается около десятка культурных образований, иногда довольно близких между собой, в других случаях существенно различающихся по своим важнейшим показателям. Основными славянскими культурами начала средневековой поры являются пражско-корчакская, суковско-дзедзицкая, пеньковская, ипотешти-кындештская, именьковская, псковских длинных курганов и носителей браслетообразных височных колец (рис. 1). В VII-VIII вв. к ним добавляются новые культурные образования, сформированные или исключительно славянами, или вместе с другим населением, проживавшим в том же ареале.

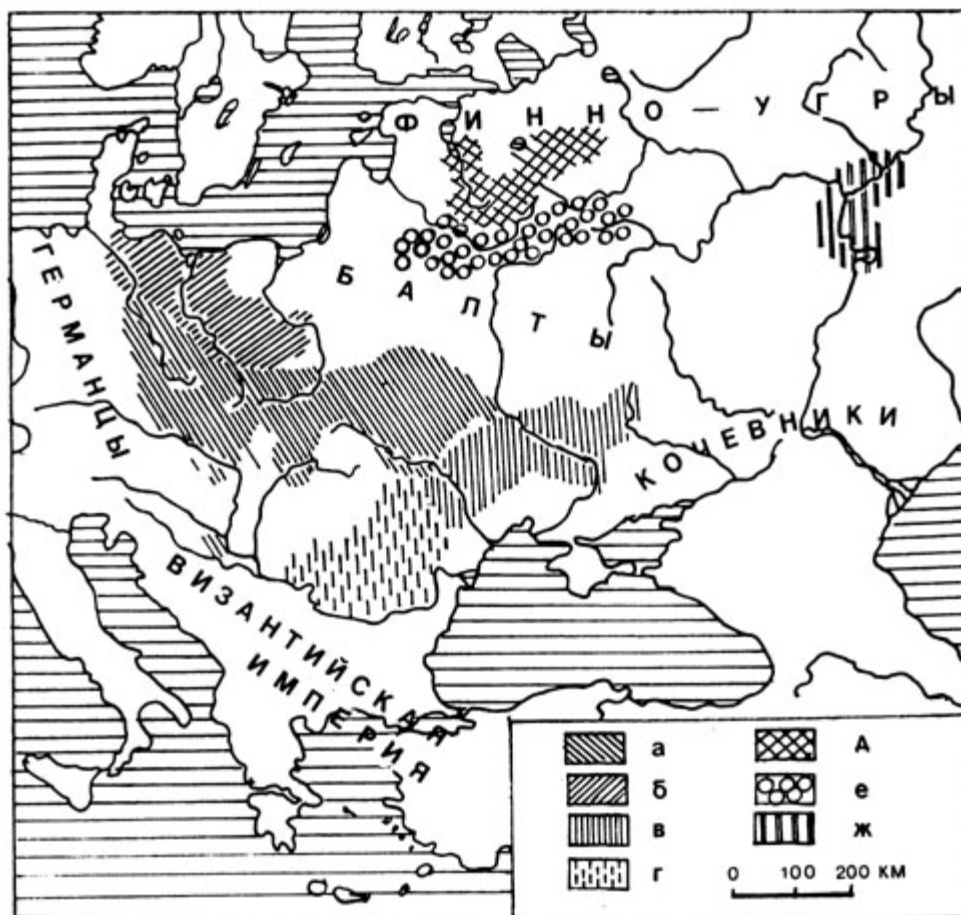

Рис. 1. Ареалы основных славянских культур начала средневековья:
 а - пражско-корчакской; б - суковско-дзедзицкой; в - пеньковской;
 г - ипотешти-кындештской; д - псковских длинных курганов;
 е - браслетообразных сомкнутых височных колец; ж - именьковской

Начало средневековья соответствует позднему этапу эволюции праславянского языка (V-VIII вв.). Широкое расселение славян и взаимодействие их с иноэтничным населением привели в конечном итоге к разделению единого языка на отдельные славянские языки. Языковое единство славян в это время еще продолжало существовать, однако уже появились условия для зарождения и развития в разных местах славянского мира отдельных языковых групп.

Правжско-корчакская культура

Начало изучения этих древностей было положено работами чешского археолога И.Борковского, который ввел в научный оборот керамические материалы третьей четверти I тысячелетия н.э. из славянских памятников Чехословакии. Исследователь отметил, что подобная глиняная посуда известна также на территории Польши и Германии, и предложил именовать ее правжской, полагая при этом, что она развивалась автохтонно из керамики культуры погребальных урн и кельтской [1]. И.Борковский считал правжскую керамику характерной для всего славянского мира начала средневековой поры.

После окончания Второй мировой войны начался период активного накопления археологических материалов. Славянские древности начала средневековья были выявлены и исследованы на обширной территории Средней и Восточной Европы. В результате оказалось, что славянскую глиняную посуду этого времени, отнесенную И.Борковским к правжской, следует дифференцировать на несколько локальных групп. Так, были выделены пенковская и суковско-дзедзицкая керамические группы. Керамика же срединного региона раннесредневекового славянского мира стала именоваться правжско-корчакской (в первой части названия сохранен термин И.Борковского, вторая производна от названия поселения Корчак на Житомирщине, раскопки которого дали наиболее характерные формы этой посуды).

Основу правжско-корчакской керамики составляют высокие горшки с усеченно-коническим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. Наибольшее расширение их приходится на верхнюю треть высоты (рис. 2: 3, 8, 9-12). Поверхность сосудов обычно коричневатая, изредка несколько сглаженная. Большинство их лишено орнаментации, лишь изредка встречаются горшки с косыми насечками по верхнему краю венчика. Вся эта керамика изготовлена без помощи гончарного круга.

Эти горшкообразные сосуды являются наиболее существенным признаком правжско-корчакской культуры и позволяют достаточно определенно очертить ее ареал. Последний охватывает обширные области от бассейна верхней и средней Эльбы на западе до правобережья Киевского Поднепровья на востоке. На юго-западе памятники с правжско-корчакской посудой встречаются вплоть до побережья Адриатики (рис. 3). Такая же керамика известна и в левобережной части Нижнего Подунавья, свидетельствуя об инфильтрации ее носителей в эти земли, в культурном отношении заметно отличные от основного ареала.

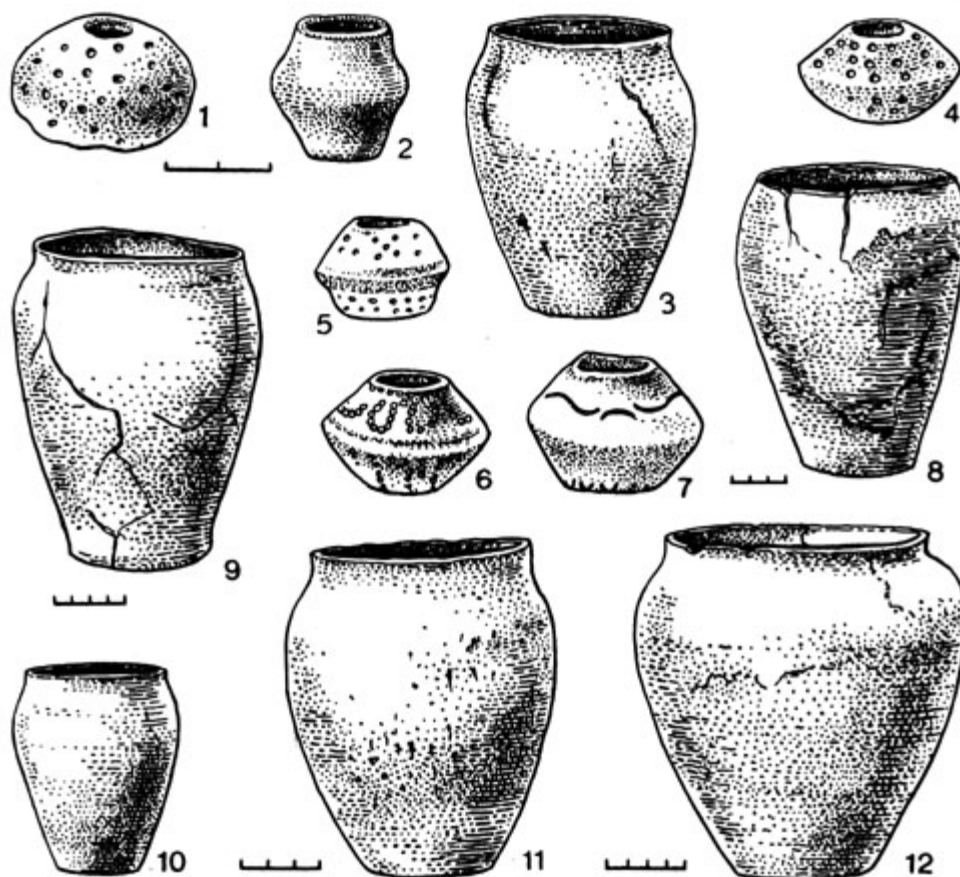

Рис. 2. Глиняные сосуды и пряслица пражско-корчакской культуры:
 1, 5 - Тетеревка; 2, 6, 7 - Корчак VII; 3 - Сентендре; 4 -
 Корчак I; 8, 9 - Корчак IX;
 10 - Нова Гута-Могила; 11 - Велеславин; 12 - Бубенеч

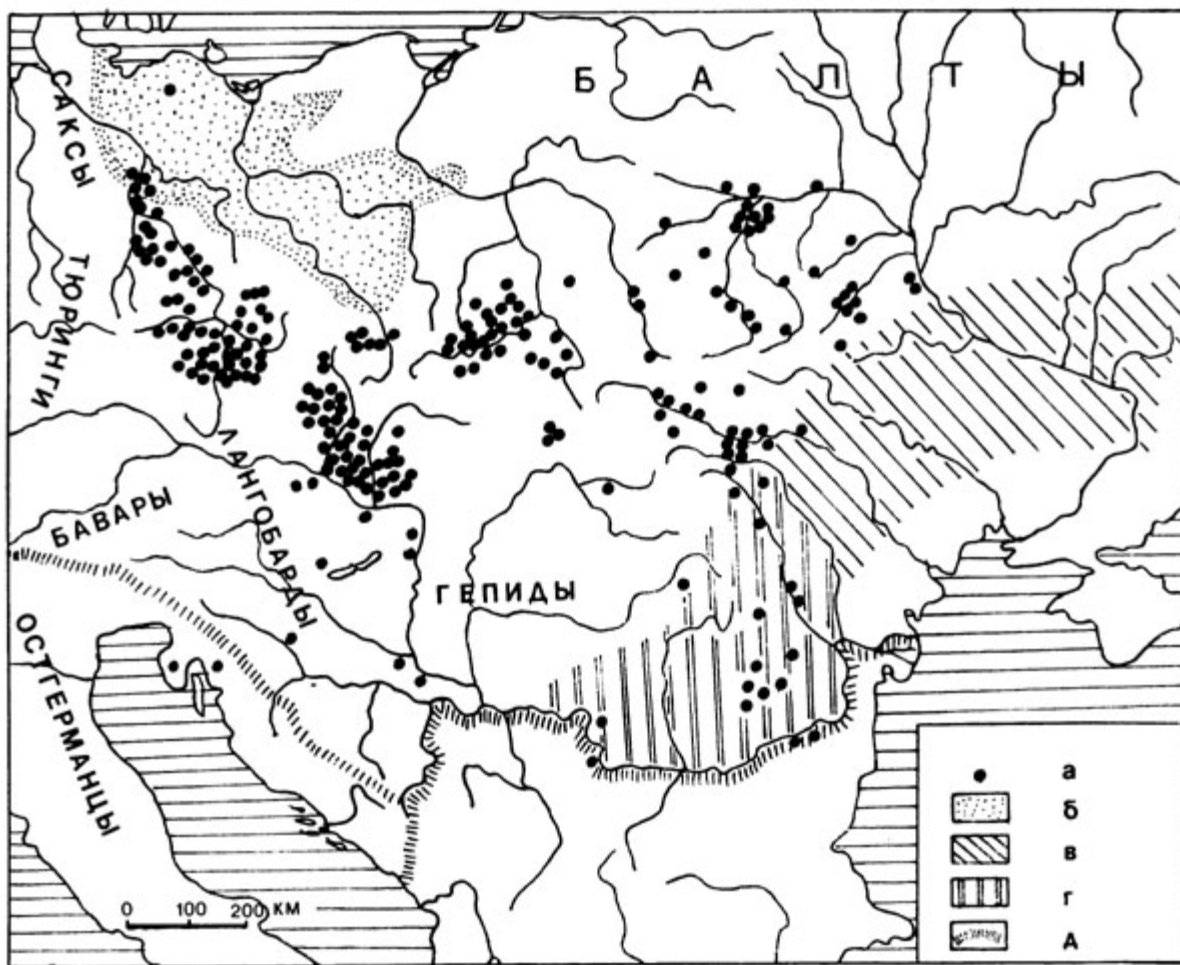

Рис. 3. Распространение памятников пражско-корчакской культуры:
 а - основные памятники пражско-корчакской культуры; б - ареал
 суковско-дзедзицкой культуры;
 в - ареал пенковской культуры; г - ареал ипотешти-кындештской культуры;
 д - северная граница Византийской империи

Другими характерными элементами пражско-корчакской культуры являются особенности домостроительства и погребальная обрядность, описание которых дано ниже.

Пражско-корчакским древностям посвящено множество книг и статей в самых различных научных изданиях. Попытка обобщения материалов, собранных до 70-х годов, принадлежит И.П.Русановой [2]. Однако основная предпосылка этого исследования, согласно которому славянская культура в начале средневековья была единой и ее составляли исключительно рассматриваемые древности, была явно ошибочной.

Заслуживают внимания, прежде всего, итоговые труды по отдельным регионам пражско-корчакского ареала и монографии, посвященные отдельным наиболее исследованным памятникам. Археологические материалы с территории Польши нашли отражение в двух книгах М.Парчевского [3]. Нельзя не упомянуть и обстоятельную сводку памятников раннего средневековья, составленную коллективом польских археологов [4]. В Чехии основной труд по изучению и систематизации древностей пражско-корчакской культуры принадлежит И.Земану [5]. Большой интерес представляют материалы раскопок поселения Бржезно, произведенных И.Плейнеровой [6].

Д.Бялековой была собрана информация о памятниках рассматриваемой культуры в Словакии [7]. Книга о начале славянской жизни на территории Чехословакии написана З.Кланицей [8].

В бассейне Эльбы на территории Германии обобщения по памятникам пражско-корчакской культуры принадлежат Й.Геррманну [9] и Г.Брахманну [10]. Большое значение для изучения этих древностей имеет монография Б.Крюгера, в которой опубликованы материалы раскопок интереснейшего поселения Дессау-Мозигкау [11].

Материалы пражско-корчакской культуры междуречья верхнего Днестра и среднего Днепра систематизировались В.Д.Бараном [12] и И.П.Русановой [13]. Среди изданий, посвященных раскопкам отдельных памятников, нельзя не упомянуть книгу И.П.Русановой и Б.А.Тимощука, посвященную исследованиям поселений Кодын на р. Прут [14], и монографию В.Д.Барана о результатах раскопок поселений Рашков в Поднестровье [15].

Древности пражско-корчакского облика, выявленные на территории Венгрии и Югославии, пока не получили монографического освещения. Информация об их изучении разбросана в разных изданиях, некоторые из которых будут упомянуты ниже. Здесь можно назвать лишь старую сводку З.Винского и каталог раннеславянских памятников Сербского Подунавья М. и Б. Янковичей [16].

Основными памятниками рассматриваемой культуры являются неукрепленные поселения - селища. Располагались они, как правило, по берегам больших и малых рек, при ручьях и иных водоемах, часто на склонах надпойменных террас. Изредка селища находились и на открытых местах плато. Поселения имели в основном небольшие размеры и состояли в среднем из 8-20 дворохозяйств. Но известны и селища как с меньшим, так и более значительным числом построек. Так, на поселении Рашков III раскопками вскрыто 92 жилища, но какая-то часть построек, помимо того, была уничтожена при обвалах берега Днестра. К сожалению, более или менее полно раскопанных селищ очень немного, поэтому целостной характеристики их размерности дать не удастся.

Исследователями замечено, что в ряде регионов пражско-корчакского ареала селища располагались гнездообразно. Так, в Припятском Полесье зафиксированы "гнезда", состоящие из трех-четырех селений, отдаленных друг от друга на 300-500 м. Расстояния же между "гнездами" достигали 3-5 км. Подобное скопление поселений исследовано раскопками близ Дессау-Мозигкау на Эльбе. На террасе,

10

возвышающейся над долиной этой реки, находилось пять поселений, каждое из которых состояло из 6-11 жилых построек.

10

Выделяется два типа планировки поселений. Наиболее распространенной, очевидно, была кучевая, бессистемная застройка. При этом нередко наблюдается размещение жилых строений нерегулярными группами. В промежутках между ними обнаруживаются хозяйственные ямные постройки, которыми, как полагают исследователи, пользовались коллективно большие патриархальные семьи. Ко второму типу принадлежат поселения, вытянутые вдоль берегов рек или иных водоемов. Они имели рядную застройку. На поселении Дессау-Мозигкау зафиксирован еще один тип застройки: около десятка жилых построек располагались кольцеобразно, середина селища оставалась незастроенной.

Среди памятников пражско-корчакской культуры известны единичные городища. Наиболее интересным является городище у с. Зимно на Волини [17]. Оно устроено на мысу высокого берега р. Луг, правого притока Западного Буга. Городище занимает срединную часть мыса, ограниченную глубокими рвами. Его размеры 135 x 14 м. Раскопки поселения показали, что его юго-западный край был укреплен стеной из деревянных стояков и закрепленных в них горизонтальных бревен, а также

частоколом. С противоположной стороны городище имело крутой склон, недоступный для противника. В юго-западной части его раскопками открыто 13 кострищ, устроенных на глиняных вымостках. Скорее всего, это остатки большой наземной постройки, может быть, разделенной на отдельные камеры и конструктивно связанной с оборонительной стеной.

На Зимновском городище найдены многочисленные металлические предметы - орудия труда, бытовые вещи, принадлежности одежды и украшения, а также изделия из кости, камня и глины, в том числе литейные формочки и тигельки. Эти находки с несомненностью свидетельствуют, что городище было зарождающимся ремесленным центром, в котором жили и работали кузнецы, ювелиры и камнерезы.

Жилищами населения пражско-корчакской культуры были преимущественно полуземлянки, квадратные или под-квадратные в плане, размерами от 8 до 20 кв.м. Котлованы их опускались в грунт от 0,3 до 1 м и более. Наиболее распространенная глубина - 0,5-1 м. Конструкции стен были различными. В одних случаях это были срубы, сложенные из бревен, реже из плах, в других стены имели столбовые конструкции (из горизонтальных плах, впущенных концами в пазы стояков или прижатых к земляным стенам котлованов с помощью столбов).

Полы жилищ были земляными, иногда подмазанными глиной, или выстилались досками. В одной из стен построек делался вырез для входа, который закрывался деревянной дверью. Для спуска в жилища обычно устраивались деревянные лестницы. Зафиксированы также жилища с коридорообразными прирезками, в которых имелись вырезанные в грунте ступеньки для входа. Предполагается, что общая высота жилых построек достигала 2 м. Перекрытия их были двускатными, они имели деревянный каркас, покрытый досками или соломой.

Неотъемлемой частью всех жилых построек были печи или очаги. Конструкции их различны. В одних случаях это были печи-каменки, в других регионах печи строились из глины, а в западной части пражско-корчакского ареала доминировали очаги, сложенные из глины или небольших камней. Отопительные устройства находились, как правило, в одном из углов жилища, что составляет этнографическую особенность интерьера славянского дома.

Внутри жилищ вдоль стен устраивались прилавки, вырезанные в материке со следами облицовки деревом или устроенные целиком из дерева. Они служили лежанками и скамейками. В земляном полу некоторых построек выявлены небольшие

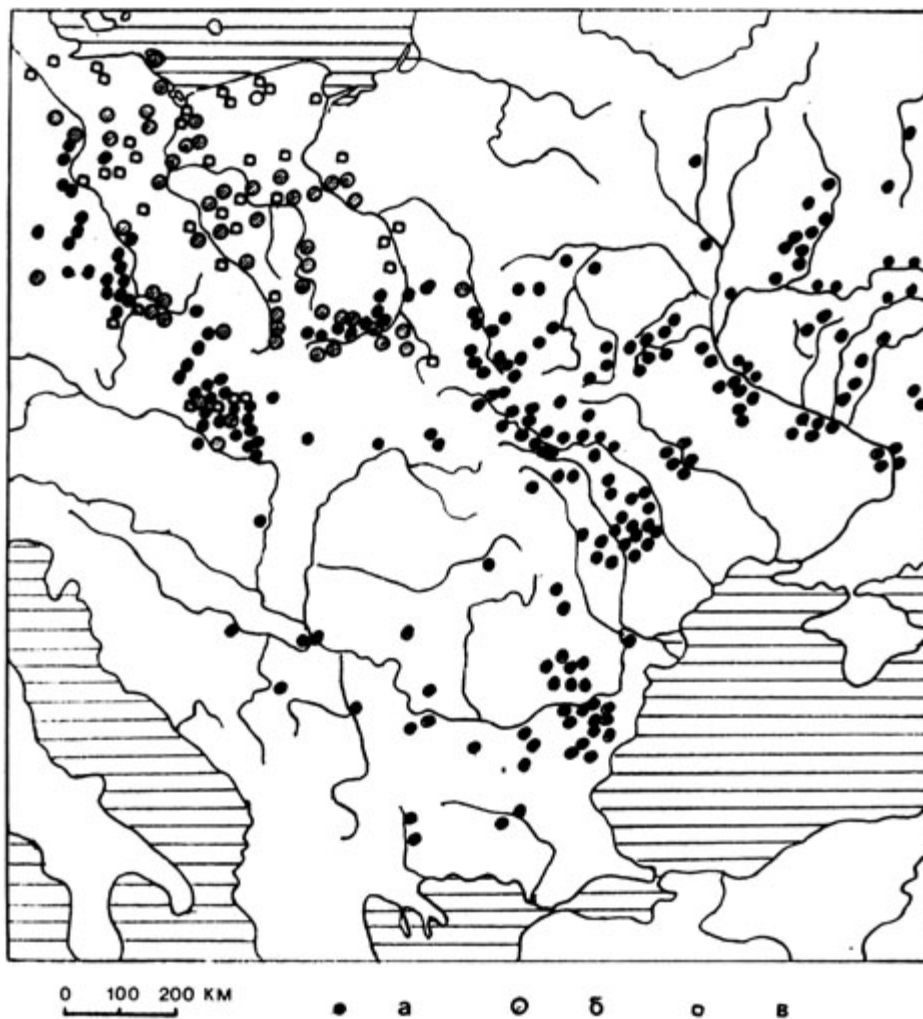

Рис. 4. Распространение жилищ различных типов на славянских поселениях V-VII вв. (по П.Донату с дополнениями):
а - поселения с полуземляночными жилищами;
б - с наземными жилищами с подпольными ямами;
в - с наземными срубными домами

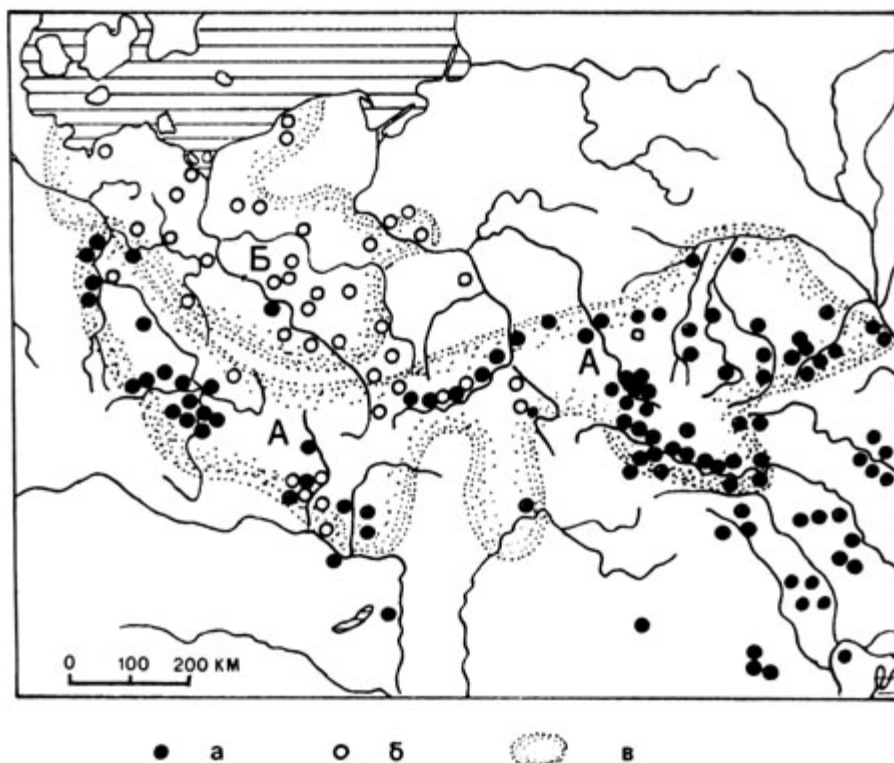

Рис. 5. Разграничение пражско-корчакского и суковско-дзедзицкого ареалов по типам жилищ:
а - поселения с полуземляночными жилищами; *б* - поселения с наземными домами;
в - ареалы пражско-корчакской (А) и суковско-дзедзицкой (Б) культур

ямки, заполненные обугленным деревом, возможно, это следы ножек столов или иной мебели. Зафиксированы также ямы, в которых были поставлены крупные глиняные сосуды с хозяйственными припасами.

Славянское домостроительство раннего средневековья получило обстоятельную характеристику в работах П.Доната [18]. Исследователь показал существенные этнографические различия между славянскими и германскими жилищами, а среди славянских построек выделил три основных типа. Описанные выше полуземляночные жилища являются одним из таких типов, широко распространенным в срединной и юго-восточной частях славянского мира рассматриваемого времени (рис. 4). Жилища-полуземлянки составляют характернейшую особенность пражско-корчакской культуры и отчетливо отделяют ее ареал от более северных группировок славян начала средневековья (рис. 5). Вместе с тем, этот тип славянского дома не был исключительной особенностью славян рассматриваемой культурной группировки, аналогичные жилища широко распространены были также

на поселениях пеньковской и ипотешти-кындештской культур.

Ранними погребальными памятниками населения пражско-корчакской культуры являются грунтовые могильники. Обряд погребения - трупосожжение, совершавшееся на стороне. Остатки кремации, собранные с погребального костра, помещались в небольших (от 20 до 80 см в поперечнике) и неглубоких (от 20 до 50 см) ямках, нередко в урнах - глиняных горшках пражско-корчакского типа. Иногда они накрывались плитняковым камнем, опрокинутым вверх дном горшком или сковородкой. Вещей при захоронениях почти нет. Встречены лишь одиночные и порой невыразительные, нередко оплавленные предметы, среди которых есть стеклянные бусы, фрагменты

костяных гребней, железные ножи, кресала, пряжки.

Количество захоронений в могильниках весьма различное. Во многих случаях они насчитывают до двух десятков трупосожжений, но исследовались также некрополи, состоящие из сотен захоронений. Последние обычно функционировали довольно продолжительное время. Так, в одном из могильников в Пржитлуках раскопано было свыше 430 погребений, но часть их относится еще к римскому времени, а наиболее поздние - к VIII- IX столетиям.

Географическое распределение грунтовых могильников в пражско-корчакском ареале крайне неравномерно (рис. 6). Наибольшее число их выявлено и исследовано в западных частях ареала - в Словакии, Моравии и в бассейне верхнего и среднего течения Эльбы. Результаты раскопок этих могильников разбросаны по многим изданиям. Небольшие обобщения сделаны Х.Цолль-Адамиковой и И.Земаном [19]. Срединная часть территории пражско-корчакской культуры представлена только единичными захоронениями. По два-три погребения с пражско-корчакскими горшками-урнами открыты на средней Висле (Мендзиборув и Непорент) за пределами характеризуемого ареала, отражая, по всей вероятности, миграцию небольшой части населения в земли, занятые славянами иной культурной группировки.

Уже в VI-VII вв. в среде славянского населения, представленного пражско-корчакскими древностями, получает распространение курганный обряд погребения. Эта особенность развития погребального ритуала выделяет рассматриваемую группировку среди остального раннесредневекового славянского мира. Славяне пеньковской и ипотешти-кындештской культуры, как будет показано ниже, курганной обрядности не знали вовсе, а в суковско-дзедзицком регионе появление курганов относится к более позднему времени и вызвано было внешними импульсами.

К наиболее ранним курганам на территории пражско-корчакской культуры (рис. 7) принадлежат, прежде всего, невысокие, круглые в плане насыпи в Климентовичах на Воыни [20]. В двух раскопанных здесь курганах были обнаружены остатки трупосожжений в пражско-корчакских горшках. Это курган 1, в котором два урновых захоронения (одно безынвентарное, в другом найдено глиняное пряслице) находились в основании насыпи, и курган 17 с одним безынвентарным трупосожжением в горшке. Другие курганы содержали преимущественно безынвентарные урновые (сосуды типа Луки Райковецкой) и безурновые захоронения по обряду кремации.

Курганы того же облика исследовались в 20-х годах, нашего столетия в уроч. Гусецко под Шепетовкой [21]. Горшок пражско-корчакского типа, использованный в качестве погребальной урны, был обнаружен только в одном кургане. Курганы с захоронениями в таких же сосудах раскапывались в могильниках между Мирополем и Ульхой на Воыни [22]. Наиболее ранние из них характеризуются весьма небольшими высотой (0,3-0,5 м) и диаметрами (4-10 м). Урны-сосуды пражско-корчакской культуры обнаружены в шести насыпях. В кургане 5, раскопанном И.П.Русановой, горшок-урна

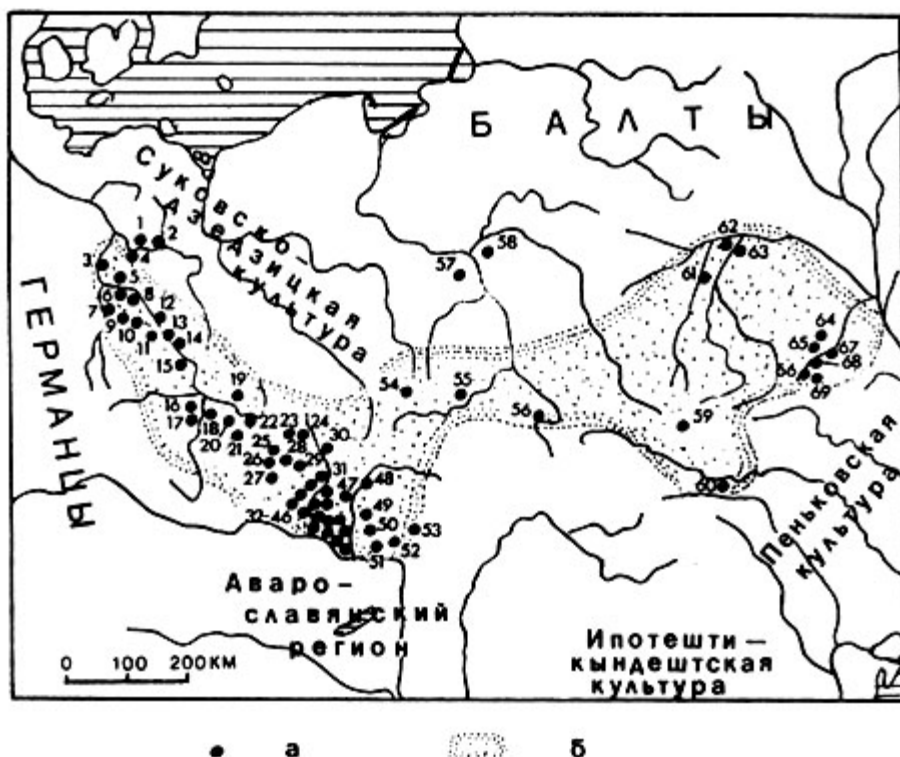

Рис. 6. Распространение грунтовых могильников пражско-корчакской культуры:
а - могильники пражско-корчакской культуры; б - ареал той же культуры
1 - Захов; 2 - Фарланд; 3 - Кенигсборн; 4 - Прютцке; 5 - Брамбах; 6 - Дессау-Мозигкау; 7 - Эддеритц; 8 - Мершвиц; 9 - Гросс Зеберитц; 10 - Зауездлиц; 11 - Паусснитц; 12 - Зветнау; 13 - Голис; 14 - Нюнхритц; 15 - Дрезден-Штечш; 16 - Чичовице; 17 - Прага 1- Градчаны; 18 - Прага 8-Либень; 19 - Бобнице; 20 - Врбчане; 21 - Планыны; 22 - Пнев; 23 - Биловице; 24 - Старе Място; 25 - Адамов; 26 - Подоли; 27 - Беджиховице; 28 - Велатице; 29 - Братислава 9 - Вайноры; 30 - Голешов; 31 - Скорнице; 32 - Бржецлав-Поганско; 33 - Бржецлав-Стара; 34 - Ланжхот; 35 - Моравскы Ян; 36 - Малы Леваре; 37 - Ступава; 38 - Девинска Нова Вель; 39 - Вельки Гроб; 40 - Загорска Быстрица; 41 - Завод; 42 - Куты; 43 - Кошуты; 44 - Середь; 45 - Мостова; 46 - Матушково; 47 - Потворице; 48 - Тренчанске Бискупце; 49 - Вычапы-Опатовце; 50 - Дольне Кршканы; 51 - Бешенев; 52 - Пастовице; 53 - Ипельске Предмостие; 54 - Семония-Колоица Подмлыние; 55 - Иголомиа; 56 - Бахуж; 57 - Мендзиборув; 58 - Непорент; 59 - Звиняч; 60 - Кренешты; 61 - Бабка; 62 - Хорек; 63 - Хотомель; 64 - Барашевка; 65 - Тетеревка II; 66 - Вилы; 67 - Тетеревка I; 68 - Корчак; 69 - Шумск

находился на кострище с кальцинированными косточками, устроенном в основании насыпи. Оно имело круговую ограду из вертикальных столбиков.

Горшки пражско-корчакского типа встречены также в ряде курганов Житомирщины - в могильниках у с. Корчак на берегу р. Тетерев [23], около д. Лозница на р. Уж [24], у с. Селец [25] и в Зубковичах на р. Уборть [26]. В одном из курганов последнего могильника встречены две урны с сожженными костями: одна находилась на кострище в основании насыпи, другая - в грунтовой ямке того же облика, что характерно для бескурганных некрополей.

Курганы с трупосожжениями в урнах-горшках пражско-корчакского типа раскопаны и в регионах к югу от Карпат - в Брезолупах на р. Нитре [27], в упомянутом выше могильнике Пржитлуки, значительная часть которого состоит из бескурганных захоронений, но имеются и небольшие насыпи [28].

К ранним следует относить и курганы с фрагментарными находками пражско-корчакской керамики, если удастся установить их связь с погребениями. Таковы курганы в Тшебеславицах и Винарах под Сандомиром [29]. Пражско-корчакская посуда встречена в двух курганах, раскопанных в Тшебеславицах. Ее фрагменты находились вместе с кальцинированными костями на кострищах, устроенных в основаниях насыпей. Подобные курганы исследовались в Янковицах на Волини, Буде Шеецкой на Житомирщине и некоторых других местах (рис. 7).

Завершая краткий обзор ранних курганов пражско-корчакской культуры, можно отметить, что как правило они не составляют отдельных могильников, а расположены совместно с более поздними погребальными насыпями. Курганы невысокие (до 0,5 м), обычно окружены ровиком. Кремация умерших совершалась на стороне, а остатки сожжений помещались в основаниях курганов или в ямках под ними. Абсолютное большинство захоронений не содержат вещевых находок, многие трупосожжения были и безурновыми.

Причины и условия зарождения курганной обрядности в среде славян пражско-корчакской группировки пока непонятны. Возможно, это было обусловлено какими-то изменениями в языческом мировоззрении. Однако данные о духовной жизни славян начала средневековья настолько скудны, что не дают возможности даже для гипотетических построений. Вместе с тем, допустимо предположение, что становление курганной обрядности у пражско-корчакских племен связано с воздействием со стороны культуры карпатских курганов, локализуемой в Северо-Восточном Прикарпатье и датируемой первой половиной I тысячелетия н.э. [30].

Погребальными памятниками этой культуры являются могильники, состоящие из невысоких, округлых в плане, курганов с захоронениями по обряду трупосожжения. Остатки кремации умерших, совершаемой на стороне, помещались или в основаниях насыпей, или в грунтовых ямках под ними, в глиняных урнах или без них. Во многих курганах выявлены следы кострищ. Погребальная обрядность, фиксируемая в ранних пражско-корчакских курганах, во всех деталях сопоставима с похоронным ритуалом культуры карпатских курганов. Функционировала эта культура до середины V в., когда ее территорию заселяют носители пражско-корчакской культуры. Нужно полагать, что при этом племена культуры карпатских курганов в своей основной массе не покинули мест своего проживания и влились в славянскую среду. В поздних материалах этой культуры присутствуют явные пражско-корчакские элементы - лепные горшки, весьма близкие к славянским, и полуземляночные жилища с печами-каменками в углу. С другой стороны, на ряде пражско-корчакских поселений второй половины V - VI в. Прикарпатского региона (Кодын, Глубокое, Гореча II, Рогозна и другие) выявлены смешанные комплексы, сочетающие в себе черты культур карпатских курганов

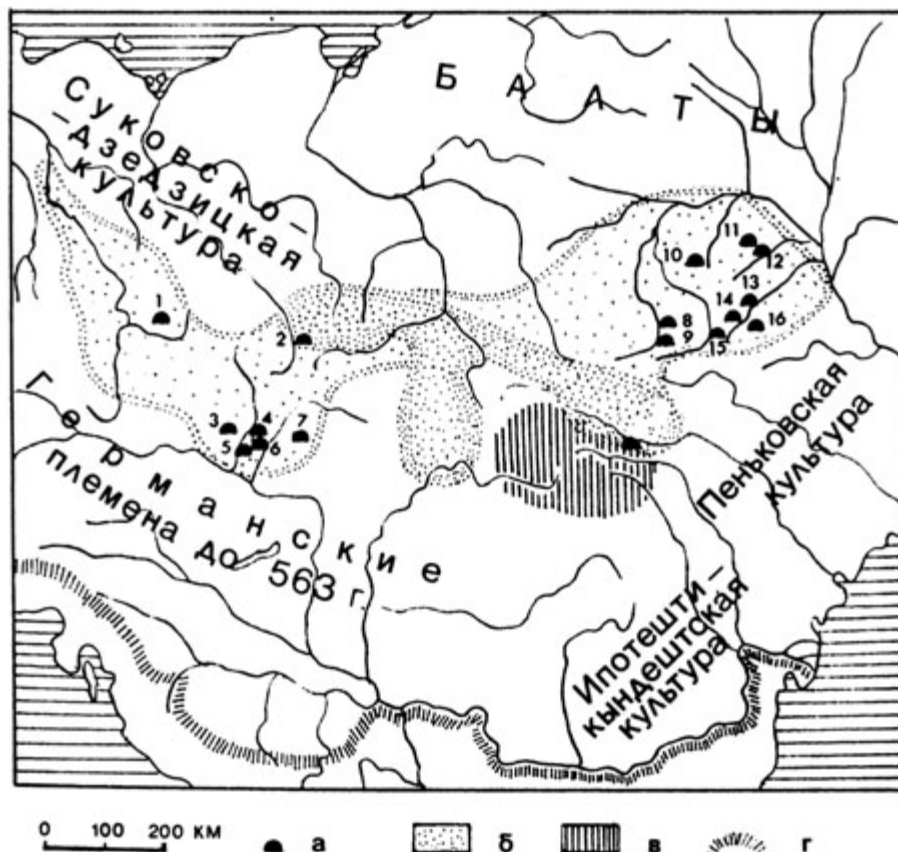

Рис. 7. Зарождение курганной обрядности среди славянского населения пражско-корчакской культуры:
 а - могильники с ранними курганами (VI-VII вв.); б - ареал пражско-корчакской культуры (более плотным пунктиром выделена область становления культуры); в - ареал культуры карпатских курганов; г - северная граница Византийской империи
 1 - Наделав; 2 - Рацибуж-Обора; 3 - Пржитлуки; 4 - Скалица; 5 - Гбелы; 6 - Боровице; 7 - Брезолупы;
 8 - Климентовичи; 9 - Шепетовка; 10 - Зубковичи; 11 - Селец; 12 - Лозница; 13 - Корчак; 14 - Буда Шеецкая; 15 - Мирополь-Ульха; 16 - Янковицы; 17 - Чепоны

и пражско-корчакских. Поэтому мысль о возможном влиянии культуры карпатских курганов на развитие погребальной обрядности славян - носителей пражско-корчакской культуры, кажется, не должна вызывать возражений.

Распространение ранних славянских курганов преимущественно в стороне от территории культуры карпатских курганов, на первый взгляд, препятствует принять эту гипотезу. Однако следует иметь в виду, что все земли, где известны

ранние курганы, были освоены славянами только в VI столетии. Не исключено, что со временем где-то в Прикарпатском регионе обнаружится область более ранних курганов. Пока в этом регионе к числу таковых относятся только славянские курганы, раскапываемые вблизи с. Чепоны в бассейне Днестра [31]. В одном из них, имевшем высоту 0,3 м, остатки трупосожжения вместе с лепным сосудом открыты на кострище в основании насыпи, в другом в центре основания находились горшок и кучка кальцинированных костей, и несколько в стороне - кострище. По керамическому материалу

эти курганы датируются Б.А.Тимощуком VII-VIII вв., но не исключено открытие в этом регионе и более ранних погребальных насыпей.

Период VI - первой половины VII в. был этапом зарождения и становления курганной обрядности в ареале пражско-корчакской культуры. Основная часть ее носителей в это время хоронила умерших еще в грунтовых могильниках. На следующем этапе (вторая половина VII - VIII в.) курганный обряд получает более широкое распространение. Теперь эта обрядность, кроме тех регионов, где она известна в предшествующее время, появляется в Малопольше, Силезии и на Эльбе [32]. Однако по-прежнему параллельно функционируют и грунтовые могильники.

На третьем этапе (VIII-X вв.) курганный обряд погребения широко распространяется по всему ареалу пражско-корчакской культуры [33], а грунтовые могильники постепенно прекращают функционирование. Курганы появляются также в тех землях, которые в это время были освоены славянами, вышедшими из рассматриваемой здесь племенной группировки (рис. 8). В этот период обряд кремации умерших постепенно сменялся трупоположениями. При этом обычай сооружать курганные насыпи над захоронениями не претерпел заметных изменений. Курганы с трупоположениями по внешнему облику ничем не выделяются от насыпей с захоронениями по обряду кремации и располагаются, как правило, в тех же могильниках.

Такая эволюция погребальной обрядности составляет характерную черту славянской группировки, представленной в начале средневековья пражско-корчакской культурой. Совсем иная картина развития похоронного ритуала наблюдается в ареалах других культурно-племенных групп славянства.

Заканчивая обзор могильных памятников пражско-корчакского ареала, нельзя не обратить внимание на их распространение преимущественно на его окраинах, в то время как в срединной части, где формировалась рассматриваемая культура, и грунтовые могильники, и курганы единичны. По всей вероятности, это указывает на то, что среди значительной массы славянского населения в римское время был распространен какой-то погребальный обряд, который трудно фиксируется археологически. Население древнейшей части пражско-корчакского ареала, видимо, сохраняло эту архаическую обрядность и в начале средневековой поры.

Культовые памятники славян пражско-корчакской культуры практически нам неизвестны. Языческие святилища, обследованные на этой территории археологами, и находки языческих изваяний датируются уже более позднем временем. Краткая информация о них собрана в работе И.П.Русановой и Б.А.Тимощука [34].

Вещевой материал пражско-корчакской культуры представлен глиняной посудой и изделиями из металлов, кости и камня. Основная форма керамики получила характеристику выше. Кроме горшков, на поселениях обычны глиняные

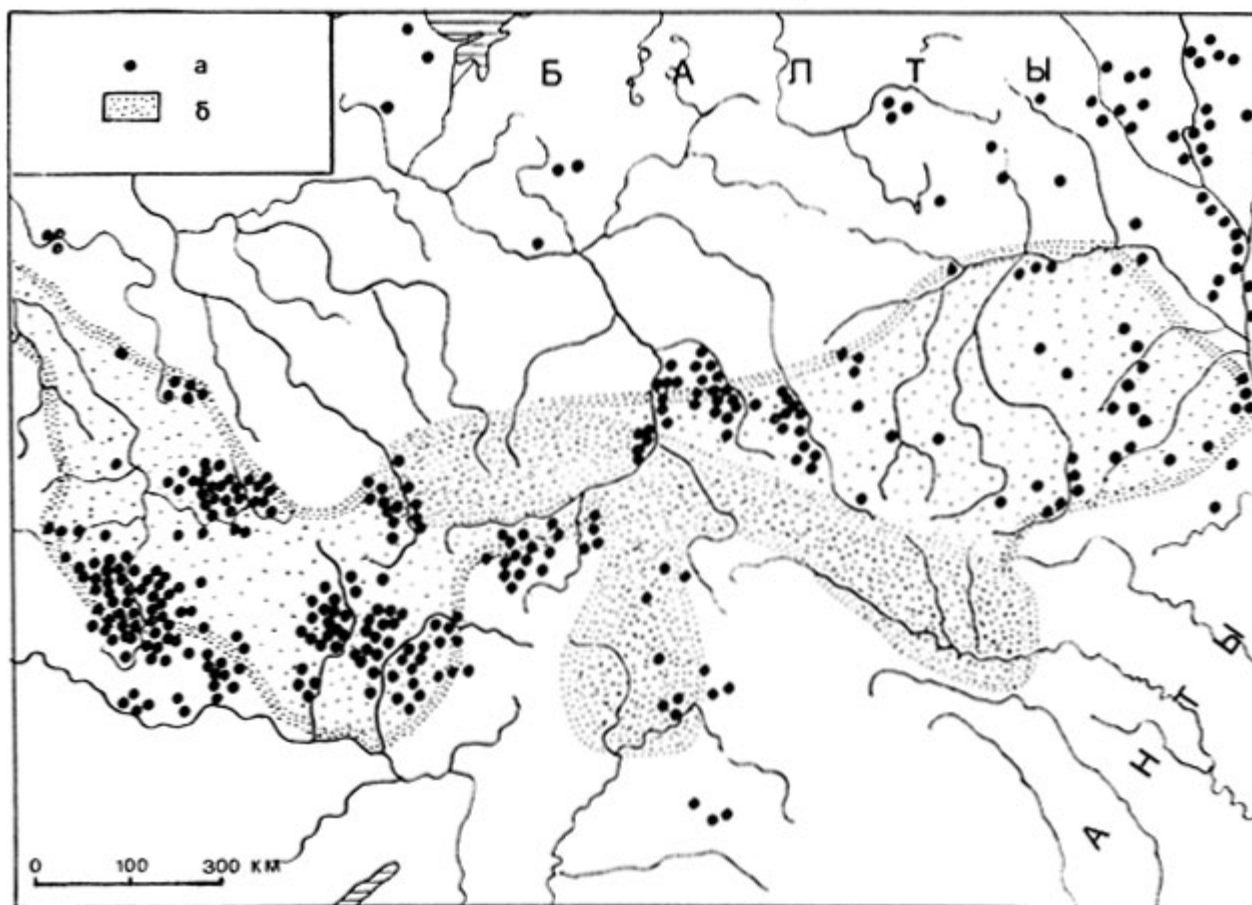

Рис. 8. Распространение курганных могильников с захоронениями по обряду кремации:
 а - курганные могильники с трупосожжениями; б - ареал пражско-корчакской культуры (более плотным пунктиром выделена область формирования культуры)

сковородки, изредка встречаются и миски. На наиболее ранних поселениях в небольшом количестве присутствует и гончарная посуда (от 1 до 15% керамического материала). Это сероглиняная керамика, хорошо известная на памятниках пшеворской и черняховской культур. На пражско-корчакских поселениях она представлена как столовыми (преимущественно ребристые, раструбообразные миски с поддоном, с лощеной поверхностью серого или темного цвета), так и кухонными (горшки с ошершавленной поверхностью) сосудами. В отличие от провинциально-римской керамики раннесредневековая сероглиняная посуда представлена более ограниченным ассортиментом и обычно не имеет орнамента. Лишь немногие сосуды украшены врезными горизонтальными линиями. Однако бесспорно, что эта керамика, как и ее формы, непосредственно связана с пшеворским и черняховским гончарством. Несомненно, вместе с тем, и спад гончарного производства.

Находки сероглиняной керамики на поселениях пражского-корчакской культуры - одно из свидетельств континуитета населения. Распространены они исключительно на территориях, прежде занятых пшеворской и черняховской культурами.

В Северной Буковине на раннесредневековом поселении у с. Глубокое раскопками были исследованы остатки мастерской по производству сероглиняной керамики. Это была

полуземляночная постройка размерами 3,8 х 3 м (глубина котлована 0,8 м) с печью-каменкой в одном из углов. Кроме гончарной керамики в ней найдены лепные горшки пражско-корчакского облика и сковородки. Гончарная печь двухъярусной конструкции находилась в прирезке к котловану и устьем выходила в жилище [35].

Е. Домбровская, изучая раннесредневековую керамику Малопольши, полагала, что гончарный круг здесь не исчезал, а использовался в V-VIII вв. непрерывно. По ее мнению, на поселениях пражско-корчакской культуры Южной Польши параллельно с лепной функционировала в той или иной степени и посуда, в верхней части обточенная на круге [36]. Ряд памятников, исследованных позднее, не подтверждает это. Устанавливается, что количество гончарной керамики на поселениях этого региона постепенно уменьшается, и в комплексах VI и первой половины VII в. она отсутствует [37]. Другая ситуация была на среднем Дунае, где гончарный круг использовался для изготовления глиняной посуды без каких-либо перерывов. Однако и здесь наблюдается непродолжительный период, в течение которого производство гончарной керамики затухало, и доминировала лепная. В VII-VIII вв. в Среднедунайском регионе широкое распространение получила гончарная посуда, получившая название дунайской. Импульсы из Среднего Подунавья во второй половине VII - VIII в. достигли южнопольских земель, где началось постепенное вытеснение лепной посуды гончарной керамикой.

Среди изделий из железа пражско-корчакской культуры наиболее интересной категорией являются находки, характеризующие хозяйственную деятельность населения. К таковым принадлежат, прежде всего, орудия земледельческого труда - наральники, мотыжки, серпы, косы-горбуши. Наральники найдены на поселениях Городок, Бакота, Зимно, Хотомель, Рипнев, а также в составеклада железных вещей в Летех под Добржиховицами в Чехии. Они изготавливались из цельного куска железа, имели сравнительно небольшие размеры, с лезвием в форме треугольника. Эти орудия разделяются на два типа: втульчатые и с бортиками в верхней части, которые удерживали их на деревянной основе рала. Наконечники с бортиками известны и среди провинциально-римских древностей, и очевидно, раннесредневековые являются их наследием. Исследователи полагают, что характеризующие наконечники принадлежали орудиям типа рала с полозом, используемым на сравнительно легких, вероятно,

старопахотных землях. Кроме того, в ходу, очевидно, были деревянные рала без железных наральников. Тягловой силой для работы такими орудиями у славян были лошади и волы.

Вспомогательными орудиями обработки пахотных участков были железные и костяные мотыжки. Урожай с полей снимали при помощи серпов, по форме близких параболе, с отогнутым наружу черенком. Современные серпы восходят к этим раннесредневековым орудиям, а последние ведут свое происхождение от аналогичных римских и провинциально-римских. Для уборки урожая, а в основном для косы травы на сено широко использовались косы-горбуши - массивные изделия с немного вогнутым лезвием и отогнутой пяткой-штырем.

Ландшафтная приуроченность поселений пражско-корчакской культуры, многочисленность зерновых ям, исследованных раскопками, и вещевой инвентарь со всей определенностью свидетельствуют, что основой экономики населения рассматриваемого ареала было земледелие. Состав зерновых культур в разных регионах его был неодинаковым. В ряде местностей господствовавшей культурой было просо, в других - пшеница. Так, среди зерновых материалов, происходящих из раскопок поселения Тополита, доминировала пшеница. Интересную картину состава культурных растений дали карпологиические материалы, собранные при раскопках поселения Бржезно, - 46% исследованной зерновой коллекции приходилось на пшеницу, 32 - на ячмень, 11 - рожь, 10 - овес и только 1% составляло просо. Кроме того, на этом памятнике зафиксированы следы культивирования гороха, чечевицы, вики, конопли и сливы [38].

С переработкой зерновых культур связаны каменные жернова, повсеместно встречающиеся на поселениях. Для выпечки хлеба и лепешек широко применялись глиняные сковороды. Их же

использовали для приготовления различных блюд из несозревших зерен ячменя и пшеницы, а также пищи из проса [39]. Хранилось зерно в специальных ямах колоколовидной или бочковидной формы, хорошо известных по раскопкам многих поселений.

Наряду с земледелием большое место в хозяйственной деятельности славян занимало животноводство. К инвентарю этой отрасли занятий относятся пружинные ножницы, использовавшиеся для стрижки овец, косы для заготовки трав и сена, ботала-колокольчики, а также единичные находки удил и шпор. Основным же источником изучения животноводства являются остеологические материалы, которые, правда, пока немногочисленны. Они показывают, что на первом месте по числу особей в большинстве случаев находится крупный рогатый скот, второе место отводится свинье, третье - овцам и козам и четвертое - лошади. Преобладание крупного рогатого скота говорит о мясо-молочном направлении животноводства. На поселении Бржезно при анализе костных материалов зафиксирован следующий состав стада: крупный рогатый скот - 52%, свиньи - 22, овцы - 11, лошадь - менее 2, куры - 10, утки - 2. Примерно такое же соотношение костей домашних животных установлено и на поселении Девинске Язеро в Словакии, датированном VII-VIII вв.: крупный рогатый скот - 46%, свиньи - 22, овцы - 24, лошадь - 6, куры - 1, собака - 1 [40]. На поселениях в уроч. Кодын подобных подсчетов соотношения между видами домашних животных произведено не было, но отмечено, что в большем числе найдены кости крупного рогатого скота и свиньи, малочисленны кости мелкого рогатого скота и единичны кости лошади.

Охоте и рыбной ловле в целом в экономике славянского населения рассматриваемого ареала принадлежало довольно второстепенное место. Так, на поселении Бржезно на долю костей диких животных приходится лишь 2% остеологической коллекции. Конечно, в лесистых регионах доля охоты на диких животных была более заметной, но материалы для ее

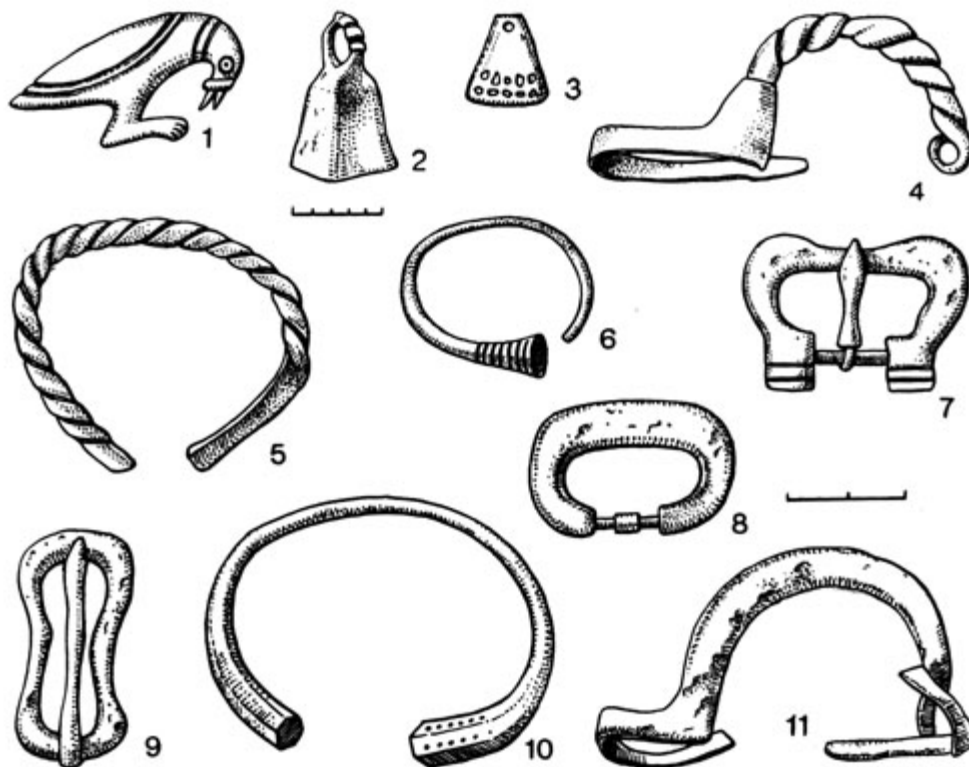

Рис. 9. Вещевые находки пражско-корчакской культуры:
1 - бляшка; 2, 3 - привески; 4, 11 - фибулы; 5, 6, 10 -

характеристики пока отсутствуют. Основными орудиями охоты на зверя, очевидно, были лук и копье, но единичные находки наконечников стрел и копий встречены только на очень немногих поселениях. Также единичны и находки рыболовных крючков и грузил.

Изделия из цветных металлов на памятниках пражско-корчакской культуры представлены немногочисленными пряжками, браслетами, перстнями, бляшками и привесками (рис. 9). Наиболее интересная коллекция таких находок происходит из раскопок городища Зимно. В ее составе имеются бронзовые и серебряные пряжки различных типов - с круглыми, овальными и фигурными рамками, простой и шарнирной конструкции, а также прямоугольные "гитаровидные". Многочисленны поясные бляшки - двухщитковые, круглые, трапециевидные и фигурные, прорезные и с рельефным орнаментом, в виде фигурок птиц. Встречены также бронзовые и серебряные браслеты с утолщенными гранеными и округлыми концами, колоколовидные и трапециевидные привески, бронзовый пинцет с расширенными концами. На других

поселениях изделия из цветных металлов сравнительно редки, обычно это единичные находки; известно немало памятников, где они отсутствуют вовсе.

Костяные изделия на памятниках пражско-корчакской культуры представлены находками различных проколов, шильев, иглол и гребней. К более распространенным бытовым предметам принадлежат железные ножи и глиняные пряслица различных форм (рис. 2: 1, 2, 4-7).

Предметы вооружения и конского снаряжения крайне немногочисленны. Это - наконечники копий, дротиков и стрел, удила и шпоры.

Ремесленное производство славянского населения пражско-корчакской группировки может быть охарактеризовано лишь фрагментарно. Следы железоделательного и кузнечного ремесел зафиксированы раскопками в Рипневе (железоделательный горн), Рашкове (комплекс из горна и кузницы), Зимно (заготовки товарного полуфабриката железа, наковальня, зубило и железный молоток) и др. Металлографическое изучение кузнечной продукции показывает, что они отковывались целиком из железа и сырцової стали с применением технологических приемов (цементация изделий с последующей закалкой, пакетирование сырья), восходящих к провинциально-римскому ремеслу [41]. Вместе с тем, ассортимент кузнечных изделий и анализ их технологии свидетельствуют о заметной архаизации железообрабатывающего ремесла в рассматриваемое время.

С бронзолитейным делом связаны находки на Зимновском городище тиглей, льячек и литейных форм. На других памятниках они крайне редки. Широкого распространения бронзолитейное ремесло не имело, вещей из бронзы в пражско-корчакском ареале, как уже отмечалось, встречено немного.

Можно полагать, что достигшие в римский период высокого развития деревообрабатывающие ремесла сохранялись в славянской среде и в раннем средневековье. Однако данных для их характеристики в материалах археологии очень немного. Обнаруживаемые при раскопках поселений остатки жилых и хозяйственных срубных построек (зафиксированы соединения "в лапу" и "в обло") свидетельствуют о наследовании славянами совершенной строительной техники римского времени. Материалы Зимновского городища указывают на бытование токарного станка, безусловно восходящего к провинциально-римским культурам. В литературе высказано предположение об изготовлении на токарном станке в начале средневековья деревянной столовой посуды. Имеются также весьма фрагментарные свидетельства о косторезном и камнеобрабатывающем ремеслах.

Вопрос о происхождении пражско-корчакской культуры рассмотрен мною в предыдущем исследовании [42]. Было показано, что это было новое культурное образование, становление

которого протекало в условиях кризиса провинциально-римских достижений в период великого переселения народов. Областью формирования пражско-корчакской культуры была полоса от верхнего течения Одера до Верхнего Поднестровья включительно.

В V в. население рассматриваемой культуры не выходило за пределы этого ареала. Только здесь, как уже отмечалось, на поселениях встречена сероглиняная гончарная керамика и обнаружены вещевые находки, достаточно определенно относящиеся к этому столетию. Так, на поселениях Кодын I, Бакота и Лука-Каветчинская найдены фибулы, датируемые временем не позднее V в. Две железные арбалетовидные фибулы с высокой дугообразной дужкой, обнаруженные в жилищах 10 и 21 на Кодынском селище (рис. 9: 4, 11), имеют аналогии в материалах Северо-Восточной Польши, надежно датируемых второй половиной IV - первой половиной V в. [43].

Фибула из поселения Лука-Каветчинская встречена в полуземляночном жилище с печью-каменкой, которая датирована археомагнитным способом концом V в. О раннем времени функционирования этого селища говорят и находки стеклянной спаренной бусины IV в. и костяного трехчастного двустороннего гребня [44]. Ранняя дата пражско-корчакского поселения Бакота определена И.С.Винокуром концом IV - началом V в. на основании находки в жилище 65 железной фибулы с широкой, прямоугольной в сечении спинкой [45]. На полностью раскопанном поселении Рашков III пять жилищ археомагнитным методом продатированы второй половиной V в.

Исследователю этого памятника В.Д. Барану удалось подразделить жилые и хозяйственные постройки его на три этапа, ранний из которых определен второй половиной V - началом VI в. [46].

Названные памятники расположены в Верхнеднестровском регионе. Западнее, на левобережье Буга, находится поселение Усмеж, на котором помимо лепной керамики найдены фрагменты сероглиняной посуды и бронзовый поясной наконечник, сопоставимый с древностями эпохи великого переселения, что позволило Л.Гаевскому и Я.Гурбе датировать памятник временем от второй половины IV до конца VII в. [47].

В бассейне верхней Вислы к пражско-корчакским памятникам с напластованиями V в. могут быть отнесены поселения Пулавы-Влостовице, где найдены бронзовые поясные принадлежности и костяной гребень, давшие основание для его датировки V-VII вв. [48], Мерзановице, в ямных комплексах которого вместе с пражско-корчакской встречена и гончарная сероглиняная посуда [49], и Страдув, где наблюдается такое же сочетание [50].

Из этого ареала становления пражско-корчакской культуры ее носители начали широкое расселение в западном, восточном и южном направлениях. В правобережной части Среднего Поднепровья славяне этой культурной группы появились не ранее VI в. И.П.Русанова, уделившая немало внимания хронологии этих древностей, определяет самые ранние пражско-корчакские памятники Поднепровья VI в. [51]. По всей вероятности, в конце IV - начале VI в. эти земли из-за чрезмерной увлажненности были непригодны для ведения земледелия и вообще не были заселены. Археологических материалов этого времени здесь не выявлено. О том же говорит и отсутствие каких-либо субстратных элементов в ранних корчакских памятниках. Исследуя водные названия Правобережной Украины, О.Н.Трубачев пришел к выводу, что "на правобережье Припяти сосредоточена значительная часть древних чисто славянских гидронимов" [52]. Это, по-видимому, тоже один из показателей незаселенности этих земель перед миграцией славян.

Основные, более мощные потоки славянского населения из области становления пражско-корчакской культуры начиная с рубежа V и VI столетий направились в Среднее Подунавье и далее на Эльбу. Допустимо предположение о проникновении славян в этот регион и в более раннее время. Так, И.Полулик полагал, что раннюю пражскую керамику в Моравии следует датировать V в., поскольку самые ранние захоронения в упоминаемом выше могильнике Пржитлуки относятся III-IV вв. Исследователь в этой связи допускал проникновение первых славян на территорию Чехословакии из земель Южной Польши уже в III-IV вв. [53]. Однако захоронения этого некрополя римского времени, по всей вероятности, принадлежат еще неславянскому населению.

В северо-восточной части Словакии в позднеримское время была распространена прешовская культура, среди населения которой были и славяне. Исследователи отмечают сложную структуру этой культуры, но на поздней ее фазе (от середины III до начала V в.) заметно преобладающими становятся пшеворские особенности с сероглиняной гончарной посудой и лепными горшками, близкими по форме пражско-корчакским. По-видимому, в эпоху переселения народов славянское население доминировало в ареале прешовской культуры, а в начале средневековья

эти земли стали частью территории формирования пражско-корчакской культуры [54].

На основе анализа археологических материалов Словакии Д.Бялекова полагает, что с прешовской культурой связана первая ступень лепной, допражской керамики, а появление пражско-корчакской посуды в этом регионе датируется концом V - началом VI в. В основном же памятники пражско-корчакской культуры в Словакии относятся к VI в. [55].

Разрабатывая хронологию раннеславянской керамики в Чехии, И.Земан показал, что пражско-корчакская посуда получила распространение здесь только в VI в. Славянскую колонизацию этих земель следует отнести к первой половине этого столетия, когда славяне вошли в контакты с остатками проживавшего здесь германского населения [56]. Согласно З.Кланице, археологически славяне прослеживаются в Моравии не ранее 30-х годов VI в. [57].

Следует заметить, что некоторая неопределенность датировок появления пражско-корчакской керамики обусловлена тем, что прямых свидетельств для ее хронологии пока нет: все единичные находки, обнаруженные в комплексах с этой посудой, имеют широкую дату. В этой связи представляют большую ценность некоторые свидетельства исторических источников.

Как известно, в первых веках нашей эры лангобарды - одно из германских племен - проживали на нижней Эльбе. В последних десятилетиях IV в. они покинули этот регион (очевидно, из-за резкого ухудшения климатических условий) и в 80-х гг. V в. фиксируются источниками в Ругиланде (в современной Австрии). Продвигаясь далее, лангобарды встретились с герулами, которые, осев еще в III в. в землях Среднего Подунавья, участвовали вместе с готами в набегах на Римскую империю, а затем были подчинены гуннами. После распада Гуннской державы герулы создали на среднем Дунае небольшое королевство (предположительно, в Западной Словакии).

В сражениях с лангобардами герулы потерпели поражение и вынуждены были покинуть свои земли. Прокопий Кесарийский в связи с этим пишет: "Когда герулы, потерпев в бою поражение от лангобардов, поднялись с отчих мест, одни из них... поселились в иллирийских землях, другие же решили отнюдь не переходить реку Истр, но осели где-то на самых окраинах обитаемой земли;... они прошли поочередно все племена склавинов, миновав затем обширную пустынную землю, пришли к так называемым варнам, а после них быстро прошли и через племена данов." [58]. Следовательно, где-то по-соседству, по-видимому, уже в Среднем Подунавье проживали славяне. Локализовать их конкретно затруднительно. В исторической литературе по этому поводу было высказано несколько догадок [59]. Остается несомненным, что конечным пунктом миграции герулов была Ютландия - земля данов. Места проживания германских племен варнов менее определены, "обширная пустынная земля", по всей вероятности, пространство между славянскими и германскими землями, то есть междуречье Одера и Эльбы. Таким образом, область славян, через которую прошли герулы, находилась, по-видимому, в словацко-моравских землях. Это допускает датировку ранних памятников пражско-корчакской культуры в этом регионе Среднего Подунавья рубежом V и VI вв. Время поражения герулов определяется различными исследователями по-разному - от 495 до 512 г. [60].

Древности лангобардов Среднего Подунавья были обстоятельно проанализированы Й.Вернером [61]. Их погребальными памятниками являются грунтовые могильники с захоронениями по обряду ингумации. Глиняная посуда лангобардов резко отлична от славянской. Наиболее характерными были широкогорлые чашевидные сосуды с бороздчатой орнаментацией и миски с резким изломом

профиля. В погребениях обычны мечи, шайбообразные и так называемые S-образные фибулы,

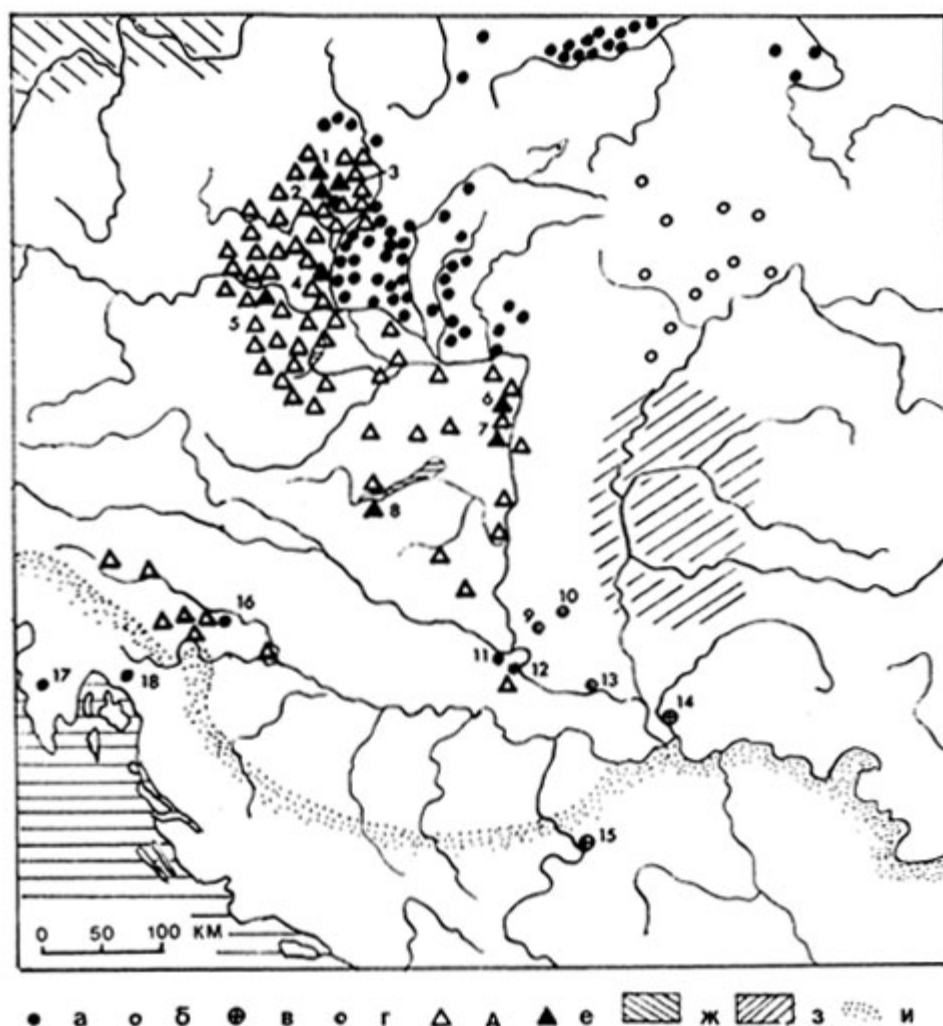

Рис. 10. Славяне и лангобарды в Среднем Подунавье:
 а - памятники пражско-корчакской культуры; б - памятники
 прешовской культуры;
 в - славянские памятники V в. с пшеворскими чертами (по М. и
 Б.Янковичам);
 г - славянские памятники рубежа V и VI в. и первой половины VI
 в. (по М. и Б.Янковичам); д - памятники лангобардов; е -
 памятники лангобардов со славянскими элементами; ж - регион
 поэльбских германцев; з - регион гепидов; и - северная граница
 Византийской империи 1 - Велатице; 2 - Шаратице; 3 - Журань; 4
 - Хохенау;
 5 - Лангенлебарн; 6 - Сентендре; 7 - Рекалмас; 8 - Вырс; 9 -
 Сомбор; 10 - Хоргош; 11 - Осиек; 12 - Винковци; 13 - Кае (Нови
 Сад); 14 - Опово-Баранда; 15 - Мушиен; 16 - Петровина; 17 - Двоград; 18 - Бакар

фибулы с полукрестообразными головками. Согласно Й.Вернеру, лангобарды расселились в Моравии около 450 г., в Паннонских землях в 526/527 г.

В Среднедунайской области расселения лангобардов довольно много элементов пражско-корчакской культуры (рис. 10). Еще Р.Питтиони, обращая внимание на присутствие в могильнике Хохенау захоронения по обряду кремации в глиняном сосуде, заметно отличающемся от массового керамического материала этого памятника, считал, что это погребение должно быть отнесено к нелангобардскому населению [62]. В 50-х годах Х.Мича-Мерхайм, публикуя материалы этого погребения с остатками трупосожжения, показал, что глиняный горшок, в котором оно было найдено, принадлежит к бесспорной раннеславянской керамике пражского облика. Такая же посуда встречена и на германском поселении Линц-Зизлау, указывая на несомненное взаимодействие славян с лангобардами [63].

Согласно Й.Вернеру, в севернодунайских землях лангобардов имеется немало захоронений по обряду трупосожжения с глиняной посудой, сопоставимой с пражской. К числу таковых он относил могильники Велатице, Журань, Ланжхот, Пржитлуки, Хохенау. Исследователь отмечал, что какого-либо регионального разграничения между славянскими сожжениями и лангобардскими трупоположениями в могильниках не наблюдается. Более того, обнаруживается некоторое смешение лангобардских и славянских культурных элементов. Так, могильник Лангенлебарн близ Туллы содержит славянские горшки пражского типа в типично лангобардских скелетных захоронениях. В одном из погребений встречены глиняный горшок пражского типа и характерные лангобардские пряжка и стеклянные бусы. Такая же ситуация наблюдается и в могильнике Шаратице в окрестностях Брно, где типичные славянские элементы зафиксированы также в скелетном захоронении [64]. Эти факты - несомненное свидетельство славянского проникновения в среду лангобардов и начавшейся славяно-лангобардской метисации.

Специально находки керамики пражско-корчакского типа в лангобардских могильниках рассматривались в одной из статей венгерского археолога И.Бона. Исследователь показал, что подобные славянские горшки в регионе расселения лангобардов были распространены довольно широко и нередко в германских трупоположениях [65].

В сочинении "История войн" Прокопия Кесарийского имеется одно свидетельство о контактах лангобардов со славянами. Историк сообщает, что Ильдигис, сын законного наследника правителя лангобардов, спасаясь от преследований узурпатора Авдуина, вынужден бежать к славянам. Когда началась война между лангобардами и гепидами, Ильдигис с большим отрядом из лангобардов и славян пришел на помощь последним. Первоначально гепиды надеялись возвести его на лангобардский престол. Однако вскоре между ними и лангобардами был заключен мирный договор и Авдуин стал требовать выдачи Ильдигиса, который "не мешкая ушел обратно к склавинам вместе со своим отрядом..." [66]. Эти события относятся к 549 г. В 552 г. лангобарды разбили гепидов и стали полновластными хозяевами Паннонского Подунавья.

В 568 г. лангобарды в условиях аварского нашествия вынуждены были оставить Среднедунайские земли. Большими массами они вторглись в Италию. Византия не смогла выдержать напора лангобардских завоевателей, ее владычество рухнуло, и североитальянские земли оказались занятыми переселенцами из Подунавья. В составе лангобардов, как свидетельствуют исторические источники и некоторые археологические данные, были и другие племенные группы, в том числе и славяне. Вероятно, это были и славяне, проживавшие в лангобардском регионе Среднего Подунавья, и соседние племена, увлеченные потоком миграции.

После ухода лангобардов моравские земли были плотно заселены славянами. Уже в первой половине VI в. славянское население появилось в бассейне верхней Эльбы, где встретилось с остатками германцев. Одним из интереснейших памятников раннего славянского расселения в этом регионе является поселение Бржезно, расположенное на террасе р. Огрже в районе Лоуни [67]. Раскопками, производившимися в течение нескольких лет И.Плейнеровой, восстанавливается его детальная история.

Славянскому поселению здесь предшествовало германское, для которого характерны вытянуто-прямоугольные жилища столбовой конструкции. Печей в них нет, открыты очаги в

срединных частях помещений, на которые членились постройки. Керамические материалы представлены горшками, в том числе биконической формы, и низкими широкими мисками. Орнаментацию их составляют врезные или штампованные узоры. Датируется это поселение первой половиной VI в.

Славянское население основало свое поселение около середины VI в. на другой стороне небольшого оврага. Оно функционировало в течение второй половины этого столетия. Раскопками открыто 10 квадратных в плане жилищ-полуземлянок, которые в северо-западных углах имели или печь-каменку или открытый очаг, окомтуренный камнями. Кроме того, на поселении имелось 11 зерновых ям и несколько ям хозяйственного назначения. На поселении встречена исключительно лепная керамика пражско-корчакского облика.

Какое-то время славянские и германские постройки существовали одновременно, занимая разные участки поселения. Очень скоро началось взаимодействие между этими этносами, о чем свидетельствуют находки славянской керамики в некоторых германских жилищах и, наоборот, в славянских полуземлянках - глиняных сосудов с германскими особенностями. Черты смешения наблюдаются и в домостроительстве. Так, жилище 8 сочетало в себе и славянские (оно имело квадратную в плане форму и печь в углу), и германские (шестистолбовую конструкцию стен) элементы [68].

В последующее время германские элементы на поселении Бржезно уже не проявляются. Оно существовало, может быть, с небольшими перерывами, вплоть до рубежа IX и X в.

Начиная со второй половины VI в. славяне пражско-корчакской группы широко расселяются в бассейнах среднего течения Эльбы и Заале. Здесь выявлено множество селищ и грунтовых могильников с захоронениями по обряду трупосожжения, относящихся к этой культуре и датируемых второй половиной или концом VI - VII в. [69]. Исключением пока является поселение Лютьенберг I, возникновение которого отнесено Й.Геррманном к началу VI в., причем археологическая дата подкреплена дендрологической [70]. Представляется несомненным, что распространение славянского населения происходило по Эльбе и ее притокам с юга, с территории Чехии и Среднего Подунавья.

Среди поселений этого региона наиболее полно исследовано раскопками селище Дессау-Мозигкау, расположенное на небольшом возвышении при р. Мульда [71]. Открыто 44 полуземляночных жилища с печами-каменками в одном из углов. Вход в постройки - прирезка в виде наклонного пандуса или вырезанных ступенек, иногда покрытых камнями, устраивался обычно напротив печи. По всем своим показателям это типичные славянские дома начала средневековой поры. Только одна постройка заметно выделялась среди остальных. Она имела удлиненные очертания и шесть столбов вдоль стен. Исследователь памятника Б.Крюгер сопоставил его с "длинными" домами, весьма характерными для германского мира. Очевидно, славяне, продвигаясь на север по Эльбе и ее притокам, кое-где встретились с германским населением, небольшими островками сохранившимся

с эпохи переселения народов.

Основываясь на находке в жилище 10 тюрингской миски, Б.Крюгер датировал селище Дессау-Мозигкау временем начиная с конца VI в. Радиоуглеродная дата шестого жилища - 590 ± 80 г. Большинство же вещевых находок на поселении (трехчастный гребень, нож с заклепками на рукояти, наконечник копья, подпружная пряжка и др.) относятся уже к VII и началу VIII в.

Мощные волны продвижения славян пражско-корчакской группы из Среднего Подунавья в северо-западном направлении вдоль Эльбы, по-видимому, были обусловлены тем, что путь на юг для славян в то время был закрыт. Укрепления византийской границы Юстинианом сдерживали миграцию славян в правобережные части Среднего Подунавья и Адриатику. Археологические материалы фиксируют лишь инфильтрацию в эти земли отдельных групп славянского населения. Об этом

говорят и находки керамика пражско-корчакского типа в разрозненных памятниках территории Венгрии, Югославии и Хорватии, и захоронения по обряду кремации, и полуземляночные жилища, идентичные пражско-корчакским.

Среди венгерских памятников со славянскими материалами рассматриваемой группы имеется два могильника - Орослань и Покасепетк, в которых встречены урны - пражско-корчакские сосуды [72]. Могильник Покасепетк функционировал продолжительное время. Его основу заложили, очевидно, захоронения по обряду кремации с пражско-корчакскими сосудами, на следующей стадии погребения совершались и по обряду трупосожжения, и по обряду ингумации, и сопровождалась дунайской и городищенской посудой.

Находки пражско-корчакской керамики с территории Югославии и Хорватии были опубликованы в названной выше статье З.Винского. Согласно мнению это-то исследователя, первые славяне появляются в данном регионе в конце VI - начале VII в. вместе аvaraми [73]. Судя по развитым формам сосудов, пражско-корчакская керамика, как отмечают исследователи, в этом регионе относится в основном к VII столетию [74].

В несколько более раннее время были, по-видимому, освоены славянами земли Сербского Подунавья. М. и Б. Янковичи допускают проникновение в этот регион небольших групп славян начиная с IV - V вв. н.э. В Народном музее Панчева среди старых сборов в Опово-Баранде имеются материалы сопоставимые с пшеворскими древностями. Концом V - началом VI в. датируется поселение Хоргош (Суботица), где раскопками выявлены наземные и углубленные постройки и деревянная оборонительная стена. К этому же времени относятся находки в Нови Саде (Каб) и Сомборе. Интересные материалы были получены при раскопках поселения Апатин близ Винчи. Кроме лепных глиняных сосудов здесь найдена также византийская керамика. Анализ последней позволяет датировать памятник серединой VI в. При появлении в этом регионе кочевых аваров славяне вынуждены были оставить это поселение [75].

М. и Б. Янковичи полагают, что славяне в течение VI в. жили не только близ границ Византии, но и проникли в крепости, став наемниками византийского войска. Они довольно быстро освоили византийскую культуру и фортификацию, пользовались византийской керамикой, уже не строили полуземлянок, а проживали в домах с каменными стенами. Находки византийской керамики почти обычны для славянских селищ сербского Подунавья.

В других местностях Югославии, Хорватии, Боснии и Герцеговины зафиксированы славянские древности преимущественно VII в. Единственный грунтовый могильник с трупосожжениями и лепной урной VII в. открыт в Кашичи близ Задара [76]. Славянское поселение первой половины VII в. с прямоугольной полуземлянкой и ямным очагом исследовалось в местности Кршце близ Вышеграда [77]. В этом же столетии небольшие группы

славянского населения достигли адриатического побережья Истрии: лепной сосуд пражско-корчакского облика найден при раскопках в Двограде [78]. В Адриатике славяне довольно быстро приспосабливались к местной культуре и условиям быта, поэтому часто археологически не уловимы.

Крупные массы славян - носителей пражско-корчакской культуры в VI в., обогнув Карпаты с востока, продвинулись в междуречье нижнего Дуная и Днестра. Лепная керамика рассматриваемой культуры встречена на многих поселениях Молдавии и юго-восточной части Румынии с типично славянскими полуземляночными жилищами [79]. Однако здесь пражско-корчакские древности не получили самостоятельного развития. Параллельно северные земли Нижнего Подунавья были заселены славянами пеньковской культуры. При этом здесь проживало и местное дако-романское населения. В условиях территориального смешения разных этноплеменных групп на территории Румынии складывается своеобразная культура, получившая название ипотешти-кындештской. Ее характеристике ниже посвящен отдельный раздел.

Славяне пражско-корчакской культуры составляли одну из крупных племенных группировок, которая историком VI в. Иорданом и византийскими авторами VI-VII вв. называлась *sclaveni* (скламены, где "к" безусловно вставное) [80]. Иордан в сочинении "Гетика", законченном в 551 г., сообщает, что "многолюдное племя венетов" в его время было известно "под тремя именами: венетов, антов, скламенов" [81]. Им приводятся и географические координаты расселения: "Скламены живут от города Новиетуна и озера именуемого Мурсианским, до Данастра, а на север - до Висклы" [82].

Интерпретация этих названий различными исследователями обстоятельно была рассмотрена Е.Ч.Скржинской [83]. Судя по контексту Иордана, отмечает она, город Новиетун и Мурсианское озеро ограничивали ареал скламен с запада. Поэтому этим городом скорее всего был Невиодун на р. Саве, здесь же находилось и Мурсианское озеро (от города Мурсы, теперь - Осиек). Е.Ч.Скржинская полагает, что этим озером мог быть Балатон (путь к нему для римлян начинался от города Мурсы).

Таким образом, географическими координатами расселения скламен являются Балатон и нижнее течение р. Савы на юго-западе, Висла - на севере, Днестр - на востоке. Эта территория как раз и является основой ареала пражско-корчакской культуры [83]. Припятское Полесье и бассейн Эльбы, находящиеся за пределами координат, названных Иорданом, были освоены славянами уже во второй половине VI в.

Этнонимы отдельных славянских племен внутри пражско-корчакского ареала неизвестны. Исключением являются дулебы, которые составляли какую-то часть рассматриваемой славянской группировки. Средневековыми письменными документами зафиксировано проживание дулебов на Волыни, в Чехии, на среднем Дунае между озером Балатон и рекой Мурсой, а также на верхней Драве [84]. Разбросанность этнонимов безусловно отражает миграции дулебов в разных направлениях из какого-то единого региона, локализовать который не представляется возможным. Этот этноним появился не в эпоху раннего средневековья, а раньше. Западногерманское происхождение его [85] допускает предположение о проживании в римское время единого праславянского племени дулебов где-то на территории пшеворской культуры по соседству с древним западногерманским ареалом.

Пражско-корчакская культура в целом датируется V-VII столетиями. Ее дальнейшее развитие в разных регионах было различным. На среднем Дунае на ее территорию вторглись большие массы нового населения, и в результате взаимодействия и метисации нескольких племенных групп здесь складывается своеобразная славяно-аварская культура. В бассейне

Эльбы эволюция пражско-корчакской культуры была прервана новыми волнами миграции славян, принадлежащих к иным культурно-племенным образованиям. В южнопольских землях начиная с VIII в. протекал интенсивный процесс взаимодействия славян пражско-корчакской группы с суковско-дзедзицкими племенами, в котором частично участвовали еще и западные балты. Более или менее спокойно пражско-корчакские древности развивались лишь в землях Правобережной Украины. Здесь на рубеже VII и VIII в. на их основе эволюционно формируется лука-райковецкая культура, которая позднее вошла в состав древнерусской.

Несмотря на эти существенные различия в судьбе славянского населения, восходящего к пражско-корчакской культуре, в X-XII вв., его объединяет единый тип височных украшений. Это - свидетельство устойчивости этнографического своеобразия выделяемой группы славян начала средневековья, что допускает предположение и о ее диалектном своеобразии, которое со временем, по-видимому, можно будет реконструировать.

Височные кольца - одно из важнейших и наиболее характерных головных украшений средневекового славянского мира. Еще в прошлом столетии исследователи обратили внимание на возможности на основании височных колец, в частности эсоконечных, выделять славянские древности среди иноэтничных, определять места обитания славян, разграничивать их земли от

территорий соседних германских и иных племен [86].

Дальнейшие изыскания многократно подтвердили это положение. Более того, для восточнославянского ареала были определены конкретные типы височных колец, специфические для ряда племенных образований, известных по русским летописям.

Среди разных типов славянских височных украшений наибольшее распространение получили эсоконечные кольца, подразделяемые на две группы. Одну из них составляют проволоочные (или дровые) кольца разного диаметра, один конец которых завит в виде латинской буквы S. В другую группу входят так называемые височные кольца поморского типа - более массивные, полые, часто орнаментированные, завершающиеся таким же завитком. Эти группы имеют различные ареалы и связаны с разными племенными образованиями раннесредневекового славянства. Здесь речь пойдет только о проволоочно-дротовых эсоконечных кольцах.

Они носились славянскими женщинами на висках с одной или обеих сторон головы и крепились на налобной ленточной повязке или головном уборе, а нередко просто свободно вплетались в волосы (рис. 11). Польский археолог В.Гензель высказал предположение, что эти украшения имели еще и какое-то магическое значение [87].

Имеется несколько интересных региональных работ, посвященных рассматриваемым эсоконечным височным кольцам [88]. В 40-х годах обзорную статью об этих древностях опубликовала К.Мусянович [89]. Большинство исследователей считают их западнославянскими. Однако в раннем средневековье не было такого образования, а география проволоочных эсоконечных колец (рис. 12) показывает,

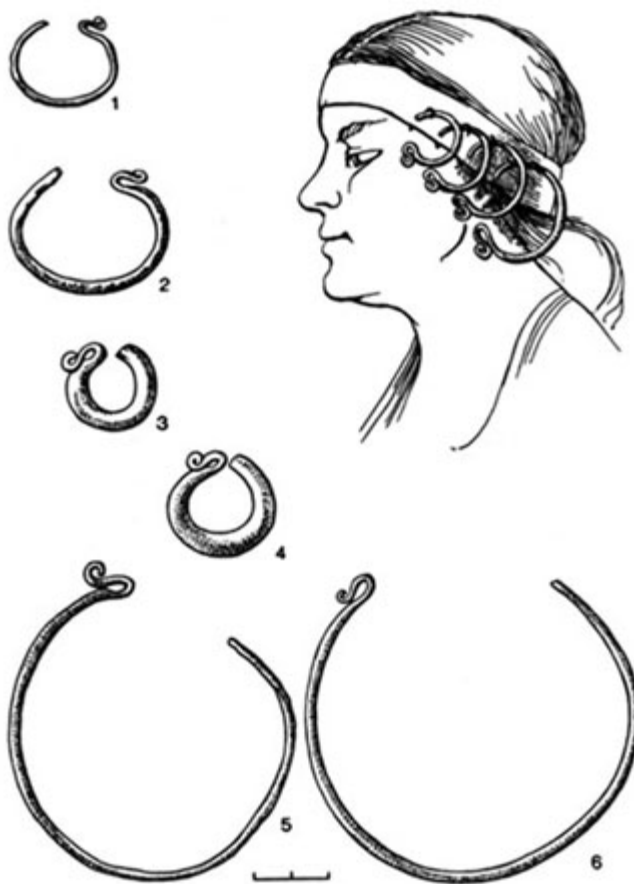

Рис. 11. Проволоочные и дровые эсоконечные височные кольца:
1, 2- Калдус; 3 - Млодзиково; 4 - Мейцевоц; 5, 6 -

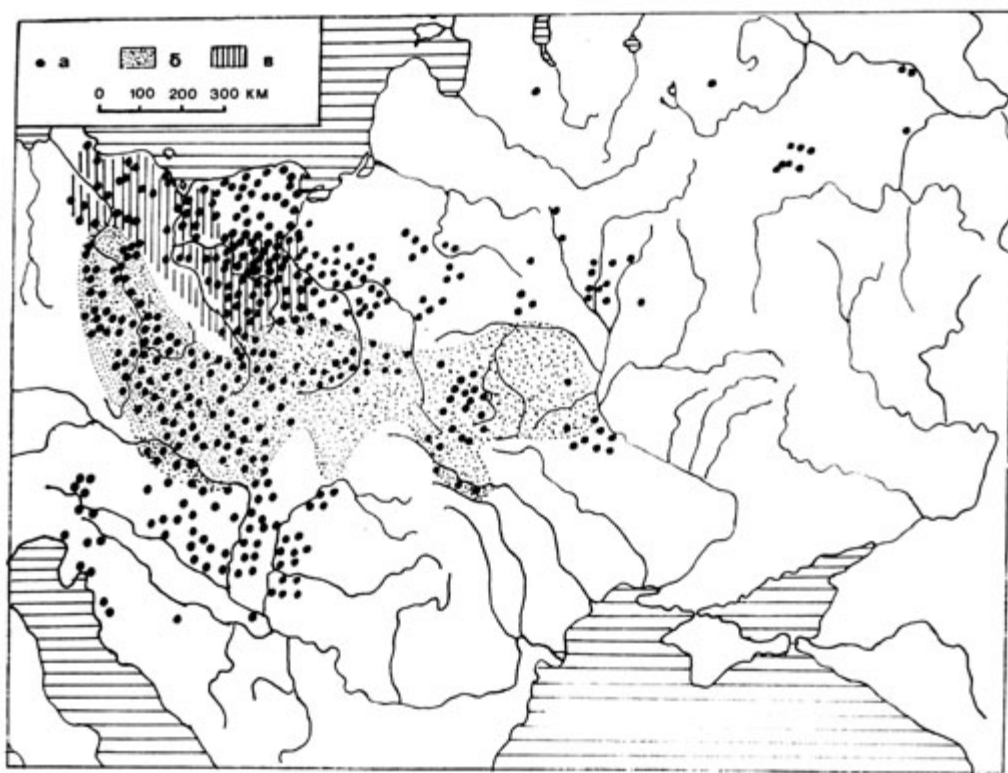

Рис. 12. Распространение эсоконечных (проволочных и дротовых) височных колец:
а - памятники с находками эсоконечных височных колец;
б - ареал пражско-корчакской культуры; в - ареал суковско-дзедзицкой культуры

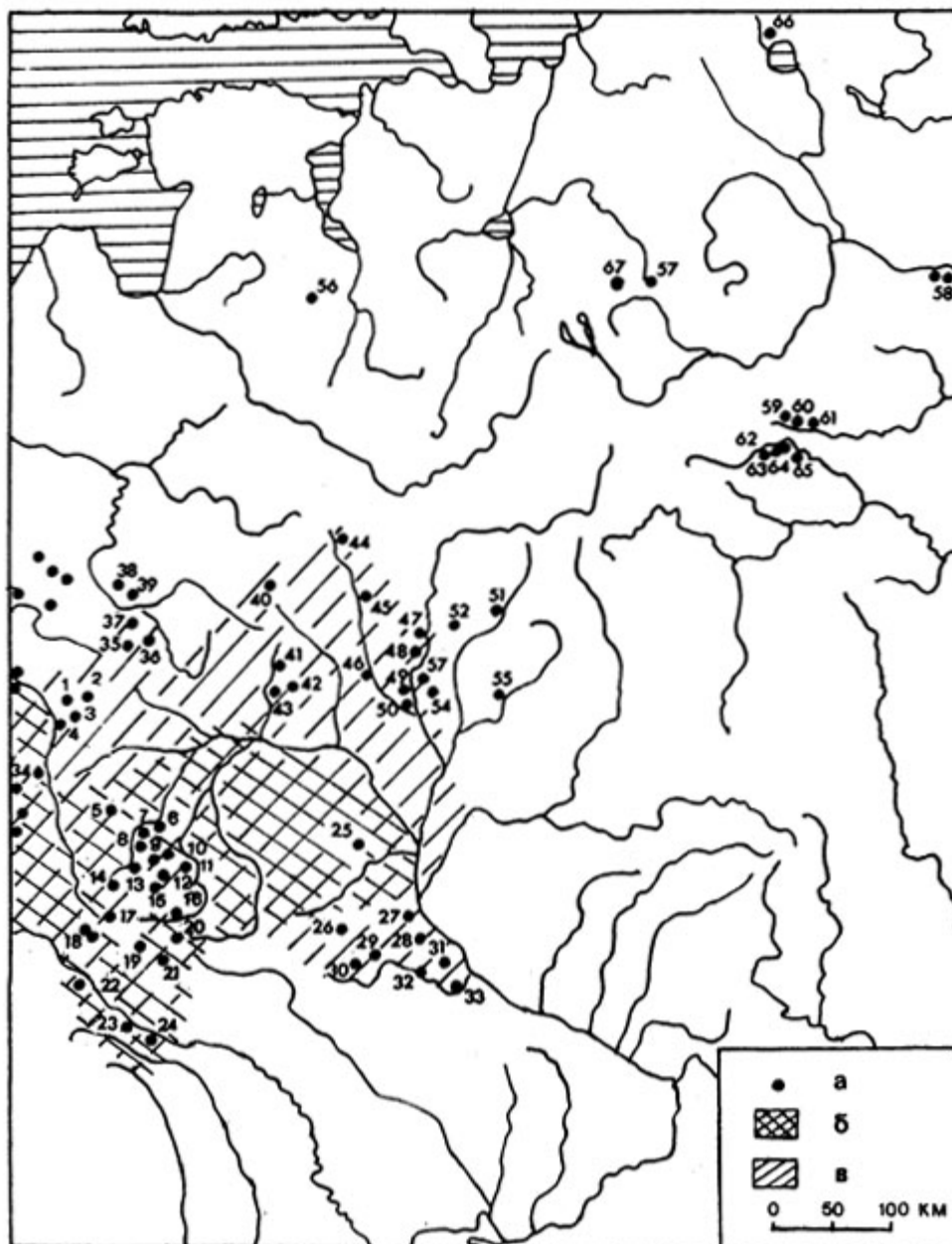

Рис. 13. Распространение эсоконечных височных колец на восточнославянской территории:

а - памятники с находками эсоконечных височных колец; б - ареал пражско-корчакской культуры;

в - регионы расселения славян пражско-корчакской группы 1- Свищево; 2 - Ратайчицы; 3 - Войская;

4 - Брест; 5 - Ставка; 6 - Лыща; 7 - Теремно; 8- Поддембце; 9 - Пересопница; 10 - Белев; 11 - Гродек Ровенский; 12 - Стыдынка; 13 - Боромля; 14 - Подгорцы; 15 - Горки Полонковские; 16 - Длугошья;

17 - Плиснеск; 18 - Звенигород (два пункта); 19 - Глубочек Великий; 20 - Челганщизна; 21 - Защянка;

22 - Галич-Крылос; 23 - Делва; 24 - Копачинцы; 25 - Песчаное-Народичи; 26 - Грубск; 27 - Почтовая Вита;

28 - Ромашки; 29 - Буки; 30 - Ягнятин; 31 - Козин; 32 - Северка; 33 - Николаевка; 34 - Хелм; 35 - Красное Село; 36 - Волковск; 37 - Подрось; 38 - Гродно; 39 - Мигово; 40 - Заславль; 41 - Падзерские Огородники; 42 -

Нежаровские хутора; 43 - Митяевичи; 44 - Слободка; 45 - Оздятичи; 46 - Ясень; 47 - Лудчицы;

48 - Вишин; 49 - Каменка; 50- Проскурня; 51 - Дубейково; 52 - Чаусы; 53 - Ходосовичи; 54 - Мадора;

55 - Козаричи; 56 - Мариенгаузен; 57 - Федово; 58 - Погорелка (два пункта); 59

- Звездочка;
60 - Каргашино; 61 - Путилово; 62 - Горки X; 63 - Дружный; 64 - Одинцово; 65 -
Мякинино;
66 - Никольское; 67 - Поддубье. За пределами карты - Муром и
Горишнешеровский могильник .

что их распространение не соответствует выделяемому кабинетным путем западнославянскому языковому ареалу.

Анализ территориального размещения находок рассматриваемых украшений дает все основания связывать их с пражско-корчакской культурно-племенной группой славян раннего средневековья. Наибольший сгусток эсоконечных проволоочных колец приходится на области расселения этих славян. При этом немалое число находок сделано в землях южных славян, но исключительно в тех местностях, в освоении которых участвовали славяне рассматриваемой здесь группы. Еще более отчетливо это видно в восточноевропейском ареале (рис. 13). Здесь основная масса эсоконечных украшений встречена в пражско-корчакском регионе и в землях, заселенных потомками дулебов - волянянами, дреговичами и полянами. За пределами этой территории зафиксированы лишь единичные, разрозненные находки таких колец, которые можно связывать с древнерусскими переселенцами из областей проживания славян, вышедших из пражско-корчакского ареала.

Более сложной является ситуация в северо-западной части раннесредневекового славянского мира. Здесь распространение эсоконечных проволоочных колец выходит за пределы пражско-корчакской территории. По всей вероятности, это - показатель расселения потомков славян, связанных своим происхождением с пражско-корчакской группой. Этот северо-западный регион славянства выделяется от пражско-корчакского широким распространением височных колец поморского типа, указывая на его диалектно-племенное своеобразие.

Первые эсоконечные проволоочные височные кольца появились в среде славянского населения Среднедунайского региона в VIII в. Они довольно часто встречаются в поздних захоронениях аварских, точнее славяно-аварских, могильников. До этого в Среднем Подунавье и Адриатике были в употреблении различные проволоочные колечки, связанные с провинциально-византийским ремесленным производством и не имевшие никакой этнической нагрузки. В позднеаварский период, когда славянское население стало в Подунавье доминирующим и закладывались основы его этнического самосознания, по-видимому, в среде этого этноса и зародился обычай ношения специфичных височных украшений. Постепенно к X-XI вв. эта особенность женского убранства распространилась по всему ареалу родственных славянских племен. В других регионах славянского мира племенные особенности, выраженные в элементах женского костюма, получают распространение примерно в то же время.

1. Borkovsky I. Staroslovanska keramika ve stredni Evrope. Studie k pocatku slovanske kultury. Praha, 1940.
2. Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.
3. Parczewski M. Początki kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie zr6det archeologicznych. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk; Lodz, 1988; Idem. Najstarsza faza kultury wczesnosłowiańskiej w Polsce. Krakow, 1988.
4. Stan i potrzeby badani nad wczesnym sredniowieczem w Polsce. Poznan; Wroclaw; Warszawa, 1992.
5. Zeman J. Nejstarsi slovansko osidleni Cech // PA. LXVII. 1979. S. 115-235.

6. Pleinerová I. Březno. Vesnice prvních Slovanů v severozápadních Čechách. Praha, 1975.
7. Bialeková D. Nove včasnoslovanske nalezy z juhozápadného Slovenska // SA. X-1. 1962. S. 97-148.
8. Klanica Z. Pocátky slovanského osídlení našich zemí. Praha, 1986.
9. Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968; Die Slawen in Deutschland. Berlin, 1985. S. 21-32.
10. Brachmann H. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin, 1978; Idem. Die Funde der Gruppe des Prager Typs in der DDR und ihre Stellung im Rahmen der frühslawischen Besiedlung dieses Gebietes // SA. XXIX. 1983. S. 23-64.
11. Krüger B. Dessau-Mosigkau, ein frühslawischer Siedlungsplatz im mittleren Elbgcbiet. Berlin, 1967.
12. Баран В.Д. Ранні слов'яни між Дністром і Прип'яттю. Київ. 1972.
13. Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом. САИ. Вып. Е1-25. М., 1973.
14. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Кодын - славянские поселения V-VIII вв. на р. Прут. М., 1984.
15. Баран В.Д. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселения у с. Рашков). Киев, 1988.
16. Vinski Z. Gibt es slawische Keramik aus der Zeit der sudslawischen Landnahme? // Archaeologia Jugoslavica. 1. Beograd, 1954. S. 71-82; Јанковић М и Б. Словени у Југословенском Подунављу. Белград, 1990.
17. Ауліх В.В. Зимнівське городище - слов'янська пам'ятка VI-VII ст. н.е. в Західній Волині. Київ. 1972.
18. Donat P. Zur Nordausbreitung der slawischen Grubenhauser // Zeitschrift für Archäologie. 4. Berlin, 1970. S. 250-269; Idem. Bemerkungen zur Entwicklung des slawischen Hausbaues im mittleren und südöstlichen Europa // Balcanoslavica. 4. Prilep; Beograd, 1975. S. 113-125; Idem. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa von 7. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1980.
19. Zoll-Adamikowa H. Die Verwendbarkeit der Grabfunde aus dem 6.-10. Jh. für die Aussonderung der Stammesgruppen bei den Westslawen // Rapports du III-e Congrès International d'Archeologie Slave. T. 1. Bratislava, 1979. S. 941-952; Zeman J. K problematice casne slovanske kultury ve Střední Evropě // PA. LXX. 1979. S. 113-130.
20. Musianowicz K. Cmentarzysko kurhanowe z VI-VIII w. w Klimontowiczach koto Szepietowki // WA. XXXIX-3. 1975. S. 325-338.
21. Гамченко С.С. Археологічні дослідження на Шепетівщині року 1927 і 1928 // Архив Института археологии Национальной Академии наук Украины: 35/8, 44/1.
22. Гамченко С.С. Раскопки в бассейне р. Случи (между м. Мирополь и с. Ульха) // Труды XI Археологического съезда. Т. 1. М., 1901. С. 355-403; Кухаренко Ю.В. Миропольские курганы // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 111-115; Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом... С. 40.
23. Петров В.П. Памятники корчаковского типа (по материалам раскопок С.С.Гамченко) // Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА. 108. 1962. С. 17-23.
24. Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом... С. 39.
25. Кухаренко Ю.В. Курганы у с. Селец // Славяне накануне образования Киевской Руси. МИА. 108. 1962. С. 316-319.
26. Яроцкий Я.В. Могилиники по среднему течению р. Уборть // Археологическая летопись Южной России за 1903 год. Киев, 1904. С. 180, 181.
27. Будинский-Кричка В. О погребальном обряде славянских курганов в Словакии // Acta archaeologica Carpathica. T. I. Krakow, 1958. С. 67; Bialekovi D. Nove včasnoslovanske nalezy... S. 137.

-
28. Poulik J. Staroslovanske mohylove pohřebiště v Pítlukách na Moravě // Archeologické rozhledy. III. Praha, 1951. S. 97-100. 113-116, 275, 283, 284.
 29. Zoll-Adamikowa H. Wczesnosredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1975. S. 241-252.
 30. Смішко М.Ю. Карпатські кургани першої половини I тисячоліття н.е. Київ, 1960; Вакуленко Л.В. Пам'ятю підгір'я Українських Карпат першої половини I тисячоліття н.е. Київ, 1977.
 31. Тимошук Б.О., Приходнюк О.М. Ранньослов'янські пам'ятки VI-VII ст. в Середньому Подністров'ї

- // Слов'яно-руські старожитності . Київ, 1969. С. 78, 79; Тимошук Б.О. Слов'яни Північної Буковини V-IX ст. Київ, 1976. С. 94, 95.
32. Zoll-Adamikowa H. Wczesnosredniowieczne cmentarzyska... S. 50-53, 57-60, 73-79, 80-95, 120-137, 140-144, 156-160, 205-213, 215-218. 220-222, 238-241.
 33. Небольшое исследование о географии курганов с захоронениями по обряду трупосожжения принадлежит чешскому археологу М.Лутовскому: Lutovsky M. Uzemni rozšíření slovanských mohyl ve střední Evropě. K problematice mohylových oblastí // ArcheologickýS rozhledy. XLI-1. Praha, 1989. S. 59- 74.
 34. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.
 35. Вакуленко Л.В. Пам'ятки підгір'я Українських Карпат першої половини I тис. н.е Київ, 1977. С. 86-89.
 36. Dabrowska E. Studia nad osadnictwem wczesnosredniowiecznym ziemi Wislickiej. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1965. S. 153-161.
 37. Parczewski M. Najstarsza faza kultury wczesnostowianskiej... S. 35, 36.
 38. Tempir Z. Analýza rostlin // Pleinerova I. Breznu... S. 87-92; Beranova M. Zemedelstvi starých Slovanu. Praha, 1980. S. 149-166. Tabl. 2. 5, 6, 8.
 39. Skruzny L. Pekaie - jejich vyskyt, funkce a datování // PA. LV-1. 1964. S. 370-391.
 40. Beranova M. Zemedelstve starých Slovanu... Tabl. 9.
 41. Вознесенская Г.А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н.э. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 61-65.
 42. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 290-296.
 43. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Кодын - славянское поселение... С. 23-28.
 44. Вакуленко Л.В., Приходнюк О.М. Славянские поселения I тыс. н.э. у с. Сокол на Среднем Днестре. Киев, 1984. С. 46, 72-74. Рис. 40: Они же. Проблема преемственности черняховских и раннеславянских древностей в свете исследований на Среднем Днестре // С. 95. Рис. 11.
 45. Винокур І.С., Горішній П.А. Бакота. Столиця давньоруського Поділля. Кам'янець-Подільський. 1994. С. 318, 319. Рис. 56:2.
 46. Баран В.Д. Пражская культура Поднепровья. . С. 61-67.
 47. Gajewski L., Gurba J. Z najnowszych badan nad wczesnosredniowiecznym osadnictwem Lubelszczyzny // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F. XXXII-3. Lublin, 1979. S 49; Idem. Nowe znalezisko metalowej koncowki pasa w pow. hrubieszowskim // WA. XL. 1975. S 426, 427.
 48. Gajewski L., Gurba J. Z najnowszych badan... S 49-54. Rys. 2, 3; Гурба Я., Гаевски Л Результаты последних исследований раннего средневековья на Люблинской возвышенности // Rapports du III-e Congres International d'Archeologie Slave. T. 2. Bratislava. 1980. С 117-123.
 49. Miskiewicz M. Wyniki prac wykopaliskowych prowadzonych w latach 1958 i 1959 na osadzie z okresu rzymskiego w Mierzanowicach, powiat Opatow // Materiały starożytne. T. VIII. Wroclaw. 1962. S. 409.
 50. Dabrowska E. Studia nad osadnictwem wczesnosredniowiecznym... S. 266-268; Idem. Wielkie grody dorzecza górnej Wisty. Wroclaw, 1973. S 81, 86, 87, 254, 255.
 51. Русанова И.П. Славянские древности VI-IX вв. между Днепром и Западным Бугом.. С. 17- 22; Она же. Славянские древности VI-VII вв.... С. 12-55.
 52. Трубочев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 273.
 53. Poulik J. Staroslovanská Morava. Praha, 1948. Idem. Staroslovanské mohylové pohřebiště... S. 97-99.
 54. Седов В.В. Славяне в древности... С. 290-296.
 55. Bialekova D. Nove včasnoslovanske nalezy... S. 134-136; Idem. Zur Datierung der oberen Grenze des Prager Typus in der Stidwestslowakei // Arche-ologické rozhledy. XX-5. Praha, 1968. S. 619- 625.
 56. Zeman J. Zu den chronologischen Fragen der ältesten slawischen Besiedlung im Bereich der Tschechoslowakei //Archeologické zhledy. XVI-II-2. Praha, 1966. S. 157-189; Idem. Nejstarsí slovanské osídlení... S. 210-212.
 57. Klanica Z. Pocátky slovanského osídlení... S. 215

-
58. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. С. 177.
 59. Свод древнейших письменных известий... С. 212.
 60. Свод древнейших письменных известий... С. 210.
 61. Werner J. Die Langobarden in Pannonien. Bei-träge zur Kenntnis der langobardischen Bodenfunde vor 568. München, 1962.

62. Pittioni R. Fruhgeschichte Brandgraber in den March-Thaya-Auen // Germania. XVIII. 1934. S. 130-133.
63. Mitscha-Marheim H. Neue Bodenfunde zur Geschichte der Langobarden und Slawen im osterrcichischen Donauraum // Beitrage zur alteren Eu-ropaischen Kulturgeschichte. Bd. II. Klangefurt, 1953. S. 355-376; Idem. Dunkler Jahrhunderte goldene Spuren // Die Vulkerwanderungszeit in Osterreich. Wien, 1963. S. 158, 159. Abb. 25.
64. Werner J. Die Langobarden in Pannonien... S. 113.
65. Bona I. Uber einen archaologischen Beweis des langobardischen-slawisch-awarischen Zusammenlebens // Studijne zvesti Archeologickeho ustavu Slovenskej Akademie vied. 16. Nitra, 1968. S. 33- 45. Исследователь высказал предположение о том, что находки пражской керамики были характерны для детских захоронений лангобардов.
66. Свод древнейших письменных известий... С. 189, 181.
67. Pleinerova I. Brezno. Vesnice prvnich Slovanu...; Idem. Brezno: Experiments with building Old Slavic houses and living in them // PA. LXXVI1. 1986. S. 104-176.
68. Pleinerova I. Germanische und slawische Kompo-nenten in der altslawischen Siedlung Brezno bei Louny // Germania. 43. 1965. S. 121-138.
69. Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhaltnisse... S. 21-30; Brachmann H.J. Slawische Stumme an Elbe und Saale... S. 57-60; Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stamme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1985. S. 21-30.
70. Herrmann J. Die germanischen und slawischen Siedlung und das mittelalterliche Dorf von Tornow, Kr. Galau. Berlin, 1973. S. 243-265, 359-366.
71. Krilger B. Dessau-Mosigkau...
72. Sos A.Cs. Das fruhabenzeitliche Graberfeld von Oroszlany // Folia Archaeologica. X. Budapest, 1958. S. 105-124; Idem. Das slawische Urnengraberfeld von Pokaszepetk, Pannonien // Studien zur europaischen Vor- und FrUhggeschichte. Neumtlnster, 1968. S. 282-285; Idem. Jelentes a Pokaszepetki asatisokrol // Archaeologiai ertesito. Budapest, 1973. N 1. S. 74. Fig. 9.
73. Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // Vjesnik Arheoloskog muzeja u Zagrebu. Serija 3. Sv. V. Zagreb, 1971. S. 61-67.
74. Korosec J. Pravilnost opredcljevanja posameznih predmetov in kultur zgodnjcga srednjega veka do 7. stoletja kot slovanskih // Zgodovinski casopis. XII-XIII. Ljubljana, 1958-1959. S. 100-102; BeloSevic J. Uber einige Besonderheiten in der Entwicklung der Keramik auf dem Gebiete Dalma-tiens // Balcanoslavica. 3. Prilep; Negotin, 1974. S. 161-181
75. Јанковић М. и Б. Словени у Југословенском Подунављу... С. 12-20.
76. Belosevic J. Ranosrednjovjekovne nekropola u selu Kasicu kod Zadra // Diadora. T. IV. Zadar, 1968. S. 221-246; Idem. Die ersten slawischen Urnengraber auf dem Gebiete Jugoslawiens aus dem Dorfe KaSliS bei Zadar // Balcanoslavica. I. Prilep; Beograd, 1974. S. 73-86.
77. Cremonnik J. Prvi nalazi najsrarijih slavenskih nastambi u Bosni i Hercegovini // ArheoloSki vest-nik. XXI-XXII. Ljubljana, 1970-1971. S. 221- 224; Idem. Die altesten Ansiedlungen und Kultur der Slawen in Bosnien und der Herzegowina im Lichte der Untersuchungen in MuSici und Batkovi6i // Balcanoslavica. I. Prilep; Beograd, 1972. S. 59- 64.
78. Marusii B. Starohrvatska nekropola u Zminju // Histria archaeologica. 17-18. Pula, 1986-1987. S. 5-125. Tabl. XXIV:].
79. Комша М. Проникновение славян на территорию Румынской народно-демократической республики и их связи с автохтонным населением // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Т. V. М., 1970. С. 275-287; Teodor D.Gh. La penetration des Slaves dans les regions du S-E de l'Europe d'apres les donne-es archeologiques des regions orientales de la Rouma-nie // Balcanoslavica. I. Prilep; Beograd, 1974. P. 29-42.
80. Славянами назывались не только племена пражско-корчакской группы, но и вся совокупность племен, говоривших на диалектах праславянского языка. Это - самоназвание представителей всей этноязыковой общности Среди нескольких объяснений этнонима славяне, предложенных в лингвистической литературе, наиболее перспективной является этимология от термина "слово". О.Н.Трубачев в этой связи отмечает, что более вероятно образование этого этнонима от глагола *slovo, *sluti, то есть понятно говорить (Трубачев О.Н. Из исследований по праславянскому словообразованию: Генезис модели на -eninъ, *-janinъ // Этимология. 1980. М., 1982. С. 3-15).

-
81. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М., 1960. С. 90.
 82. Иордан. О происхождении и деяниях гетов... С. 72.
 83. Иордан. О происхождении и деяниях гетов.. С. 213-218.
 84. Niederle L. Slovanské starozitnosti. T. II. Praha, 1910. S. 369, 370.
 85. Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы - свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. N 6. С. 52, 53.
 86. Lissauer A. Über die hakenförmigen Ringe oder Hakenringe der Slawen // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. X. Berlin, 1878. S. 107-116; Müller S. Über slawische Schlafenringe // Achlesiens Vorzeit in Bild und Schrift. Bd. 3. 1881. S. 189-197; Virchow R. Wendische Gruburnen // Zeitschrift für Ethnologie. Bd. XIV. 1882. S. 444-450; Niederle L. Bemerkungen zu einigen Charakteristiken der altslawischen Gräber // Mittheilungen der Anthropologischen Gesellschaft zu Wien. Bd. XXIV. 1894. S. 194-202. Итоговый обзор см.: Niederle L. Život starých Slovanů. T. I. Z. 2. Praha, 1913. S. 589-610.
 87. Hensel W. O magicznej funkcji wczesnosrednio-wiecznych kablaczkow skroniowych // Slavia Antiqua. T. XVI. Warszawa; Poznań. 1968. S. 243- 261
 88. Borkovsky I. Ešovice zašnice, jejich původu význam // Referáty o pracovních výsledcích česko-slovenských archeologů za rok 1955. Č. I. Liblice. 1956. S. 148-156; Abramowicz A. W sprawie typologii i zasięgów kablaczkow skroniowych // Przegląd archeologiczny. T. 8. Wrocław, 1950. S. 387-389; Kralovský A. Beiträge zur Frage der Ausgestaltung Chronologie und der ethnischen Bestimmung des sog. Schlafenringes mit S-Ende // Studia Slavica. T. 5. N 3-4. Budapest, 1959. S. 237-361; Mesterházy K. Az S-vegyű hajkarika eiterjedése a Kárpát-medencében // A Debreceni Déri Múzeum évkönyve. 1962-1964. Debrecen, 1966. S. 95-113; Idem. Kőznepi eszközök nemes-fém változatai: arany S-vegyű hajkarikák // Alba Regia. Annales Musei Stephani Regis. XX. Szekes-fehérvár, 1983. S. 143-152; Kocka-Krenz H. Ešovate kablaczki skroniowe z terenów Polski północno-zachodniej // Fontes archaeologici Posnanienses. V. XXII. Poznań, 1972. S. 97-143.
 89. Musianowicz K. Kablaczki skroniowe - próba typologii i chronologii // Światowit. T. XX. Warszawa, 1948-1949. S. 115-232.

Суковско-дзедзицкая (лехитская) группа

В северо-западной части раннесредневекового славянского мира довольно отчетливо выделяются древности, составляющие суковско-дзедзицкую культуру. Ее территория охватывает значительную часть бассейна Одера со смежными землями Среднего Повисленья, а на западе - междуречье Одера и нижней Эльбы (рис. 14). Культура получила название по двум сравнительно полно исследованным памятникам - городищу Суков в Мекленбурге [1] и селищу Дзедзицы в Польском Поморье [2]. В немецких археологических изданиях она обычно именуется "культура Суков-Шелиги".

Исследований, целостно посвященных этим древностям, пока нет. Карта распространения поселений суковского типа на территории Германии впервые была составлена и опубликована Х.Кайлингом [3], более полная издана в книге "Славяне в Германии" [4]. Краткая информация о всех памятниках рассматриваемой культуры содержится в "Корпусе археологических источников по раннему средневековью территории Германской Демократической Республики" [5]. Суковско-дзедзицкие древности на территории Польши монографически не обобщены. Перечень памятников, приведенный в статье Я.Жака, касается лишь области Польского Поморья, преимущественно земель между нижним Одером и Парсентой [6]. В сводной работе М.Парчевского, посвященной славянским памятникам Польши начала средневековой поры, они не выделены и рассматриваются в общей массе вместе с пражско-корчакскими [7].

Наиболее характерным элементом суковско-дзедзицкой культуры, отчетливо разграничившим ее ареал от вплотную примыкающей к нему пражско-корчакской территории, является домостроительство [8]. В отличие от пражско-корчакских полуземлянок жилищами славян рассматриваемой группы были исключительно наземные постройки, преимущественно срубные. При раскопочных изысканиях они выявляются с большим трудом, в основном по подпольным чашеобразным ямам овальных или неправильных, реже прямоугольных очертаний. Размеры последних весьма разнообразны - от 2 x 1,5 м до 3,1 x 1,9 м, глубина - около 0,4 м. Исследователями выделяются ямы от жилых построек и от хозяйственных сооружений. Последние обычно меньших размеров и заполнены грунтом с большим содержанием различных отходов. В жилищных ямах довольно часто обнаруживаются развалы камней от отопительных устройств, которые, очевидно, устраивались на полу поблизости от углублений. Неразрушенные очаги

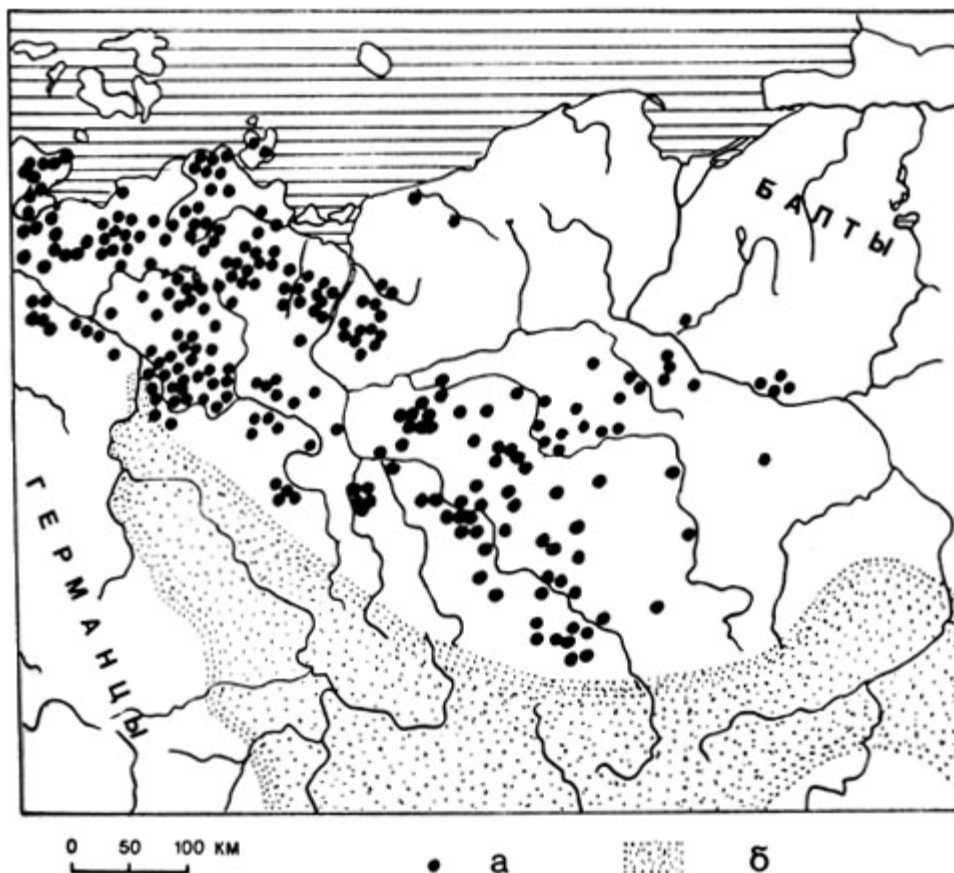

Рис. 14. Распространение поселений суковско-дзедзицкой культуры:
а - поселения суковско-дзедзицкой культуры; *б* - ареал пражско-корчакской культуры

исследованы вне ям. Это - или кладки из камней в один-два яруса, или воронкообразные углубления, заполненные углистым слоем. Средние размеры очагов около 1,5 x 1,2 м. Наряду с очагами на ряде поселений зафиксированы остатки печей-каменок.

Распространение домов суковско-дзедзицкого типа показано на рис. 15. В том же ареале зафиксировано несколько поселений с постройками каркасно-столбовой конструкции, сопоставимыми с германским домостроительством. По всей вероятности, это наследие германских племен, проживавших в этих землях в римское время. Но, поскольку археологические материалы в таких домах раннего средневековья полностью идентичны находкам в срубных жилищах, то их нужно относить уже к славянскому населению.

Суковско-дзедзицкая керамика заметно отличается от пражско-корчакской.

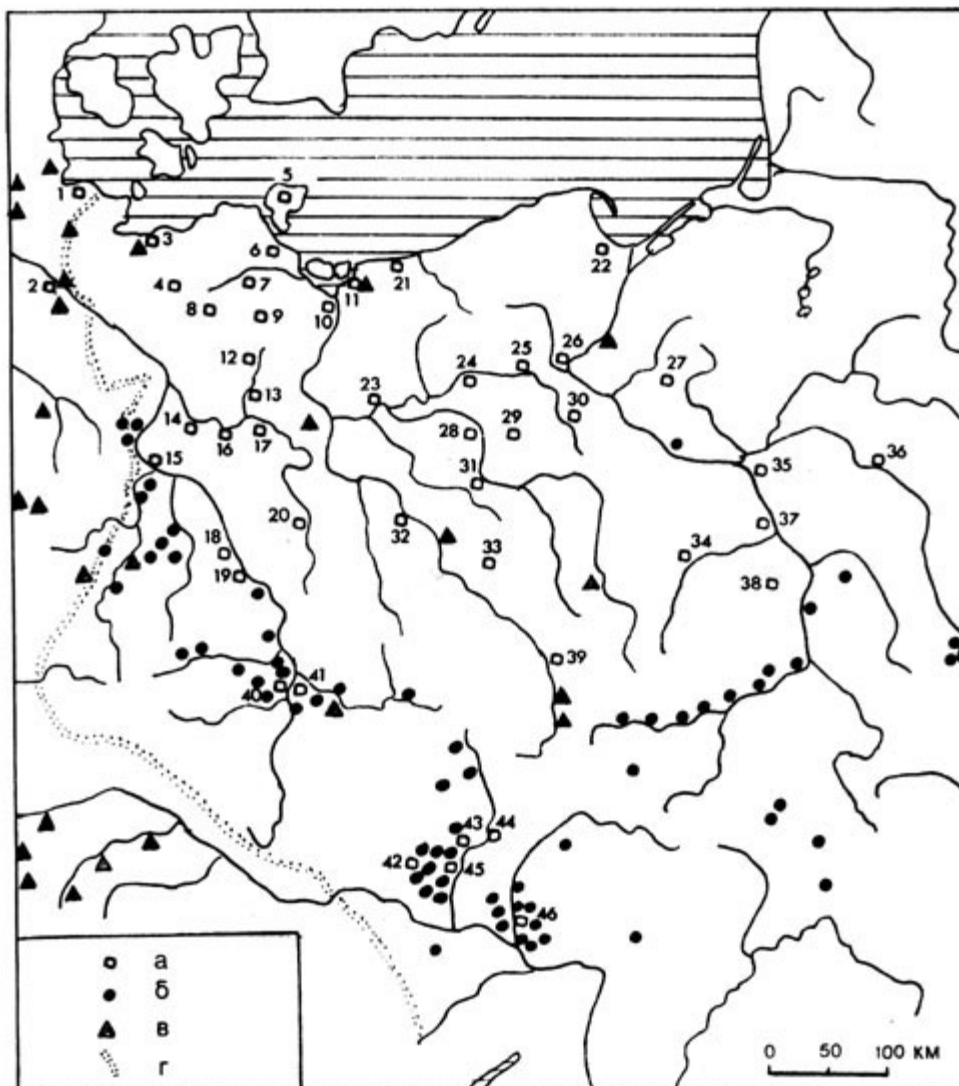

Рис. 15. Распространение наземных срубных жилищ суковско-дзедзицкого типа:

а - поселения с наземными срубными жилищами; *б* - поселения с подквадратными полуземлянками;
в - поселения с жилыми постройками столбовой конструкции; *г* - приблизительная граница между областями расселения славянских и германских племен в начале средневековья 1 - Любек; 2 - Гамбург, Альтштадт;
3 - Дорф Мекленбург; 4 - Тетеров; 5 - Ральсвик 6 - Гютцков; 7 - Нейбранденбург; 8 - Випперов;
9 - Зеденик; 10 - Щецин; 11 - Волин; 12 - Берлин-Мальсдорф; 13 - Берлин-Каульсдорф; 14 - Бранденбург;
15 - Дорнбург; 16 - Потсдам; 17 - Берлин-Копеник; 18 - Церен; 19 - Маиссен; 20 - Торнов; 21 - Колобжег-Будцисово; 22 - Гданьск; 23 - Санток; 24 - Уйшце; 25 - Накло; 26 - Фордон; 27 - Скрвилно; 28 - Познань;
29 - Голанч; 30 - Крушвица; 31 - Семово; 32 - Попеншице; 33 - Завония; 34 - Розпржа; 35 - Варшава-Брудно Старе; 36 - Дрогичин; 37 - Черск; 38 - Радом; 39 - Ополе; 40 - Прага-Левы Градец; 41 - Прага-Градчане;
42 - Енишов-Ташовице; 43 - Микутьнице; 44 - Старе Место; 45 - Бржецлав Поганско; 46 - Гурбаново

Это тип посуды был выделен Э.Шульдтом по материалам городища Суков. Она лепная, в основном неорнаментированная (рис. 16 и 17). Лишь единичные сосуды имели простейшие волнистые или ногтевые узоры. Основными формами являются горшки, подразделяемые на две группы, и мискообразные сосуды. К первой группе относятся горшки с наибольшим расширением в верхней части, имеющие сравнительно широкое горло и небольшое по диаметру днище. Вторую группу образуют почти биконические горшки, но со сглаженным переходом от верхней части к нижней. Почти такую же форму имели многие миски при меньшей высоте и большем диаметре.

Погребальные памятники в суковско-дзедзицком ареале практически неизвестны. Исследователи полагают, что здесь бытовала какая-то обрядность, трудно фиксируемая археологией. По всей вероятности, это был ритуал кремации умерших с последующим разбрасыванием остатков трупосожжения, собранных с погребального костра, в определенных местах прямо на поверхности. Такой могильник с поверхностным слоем, состоящим из остатков трупосожжений, был открыт в Ябеле в округе Нейбранденбург [19].

Поселения суковско-дзедзицкой культуры были преимущественно неукрепленными. Поселение в Сукове на ранней стадии не имело оборонительных сооружений. Селища обычно располагались по берегам больших и малых рек и иных водоемов. К сожалению, достаточно полно раскопанные селища единичны, поэтому судить об их планировке преждевременно. Имеющиеся фрагментарные данные позволяют говорить о доминировании кучевой застройки многих поселений.

На рассматриваемой территории очень рано возникают и городища. Автор монографии о раннесредневековых поселениях региона Парсенты В.Лосиньский считает, что для их возникновения имелось несколько причин. Расселение славянского населения в третьей четверти I тысячелетия н.э. привело к его перегруппировке и распаду прежних племенных отношений. Наметилась тенденция формирования малых племен. В этой ситуации необходимыми стали оборонные и политические центры. Возникающие городища и были такими опорными пунктами малых племен, занимавших окрестные местности площадью около 30 кв. км. Это были пункты натурального обмена, политические центры и убежища в моменты опасности. Вокруг городищ группировались селища, где жило население, занимавшееся сельским хозяйством. В.Лосиньский замечает, что примерно в то же время строятся городища и в других регионах Польского Поморья, в Мекленбурге и Силезии [10].

Городища с напластованиями суковско-дзедзицкой культуры известны довольно широко. В бассейне Хавеля-Шпрее начало процесса возникновения укрепленных селений датируется концом VI - началом VII в. В этом регионе к ранним принадлежат городища, исследованные в Бранденбурге на Хавеле, Кепенике, Шпандау, Бланкенберге [11]. В других регионах Германии к суковско-дзедзицким относятся городища близ Наумена, Альтфресак, Леегебрух, Бамме и другие.

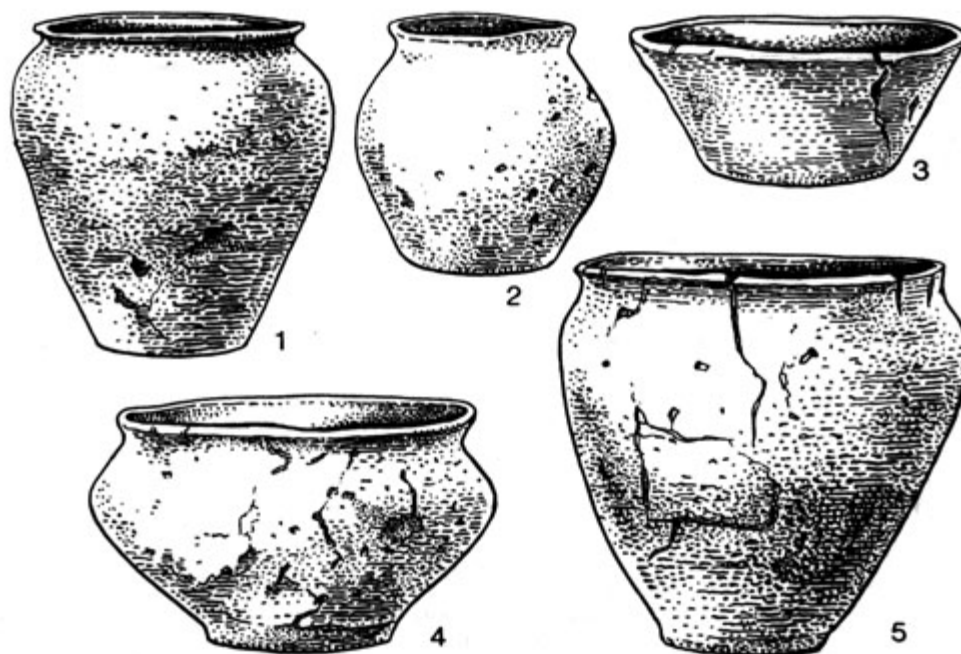

Рис. 16. Керамика суковско-дзедзицкой культуры:
1 - Герке; 2 - Вентшов; 3, 4 - Суков; 5 - Клайн Марков

Первые укрепления в Ольденбурге были возведены славянскими поселенцами в первой половине VII в. По-видимому, этим же временем датируется начало славянских городищ в Бозау и Фархау [12].

В Польше наиболее известными являются городища Бониково и Шелиги. Возведение валов на первом из них, правда, относится, скорее всего, уже к торновскому периоду. Поселение Шелиги, раскапывавшееся в 1959-1963 гг. В.Шиманьским, располагалось на берегу небольшой речки Слупянки в 4-5 км от ее впадения в Вислу в Плоцком воеводстве [13]. Раскопками открыты следы наземных построек с каменными очагами. Они образовывали два ряда по краям городища, а в срединной его части находилась незастроенная площадь. При сооружении вала широко использовались крупные камни.

Около 70 % керамического материала, собранного при раскопках городища, составляли фрагменты лепной посуды суковско-дзедзицкого облика. В ямах, открытых в материке, встречена только такая керамика. Кроме того, обнаружены обломки биконических горшков, близких к торновским, тюльпановидные сосуды, а также посуда, обточенная на гончарном круге. Из раскопок городища происходит коллекция изделий из металлов (рис. 18), в которой имеются серебряный браслет с расширенными концами; бронзовые пальчатая фибула, ромбовидные и иные подвески, спиральные бусы, бубенчики; железные топор, шпоры с загнутыми внутрь концами, наконечник копья, фрагмент псаля. При издании материалов раскопок

Рис 17. Керамика суковско-дзедзицкого типа из Брущево

В.Шиманьский датировал городище второй половиной VI - первой половиной VII в. Однако позднее, дополнительно проанализировав вещевые находки, исследователь пришел к заключению об основании поселения в Шелигах в самом начале VII в. [14].

Городище было центром комплекса поселений. В его окрестностях выявлены синхронные селища Шелиги 2 и 3, Мишевка, Стжалковские 3, Чеканово 2.

Топографические условия поселений суковско-дзедзицкой культуры и весь ее облик говорят о земледельческом характере населения. Хотя прямых находок для обстоятельного изучения сельскохозяйственной деятельности славянских племен на памятниках рассматриваемого ареала

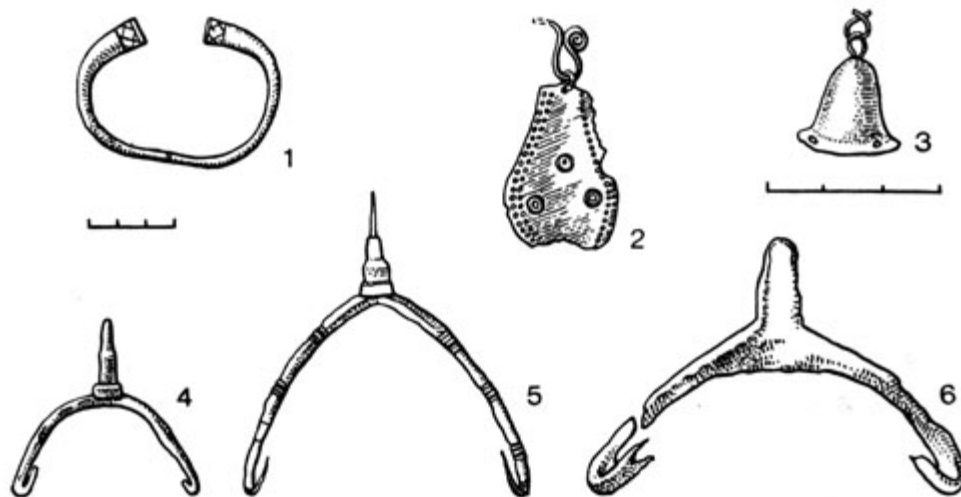

Рис. 18. Вещевые находки из раскопок в Шелигах: 1- браслет; 2, 3 - привески; 4-6 - шпоры (1-3 ; цветной металл; 4-6 - железо)

и не встречено, можно полагать, принимая во внимание материалы последующего времени, что жизнь и быт здесь мало отличались от пражско-корчакской группировки славян.

В основе суковско-дзедзицкой культуры, нужно полагать, лежат пшеворские древности области между средними течениями Одера и Вислы, претерпевшие в эпоху великого переселения народов существенные трансформации. Наиболее ранние суковско-дзедзицкие поселения известны исключительно в этом регионе. В нижних слоях многих из них встречена сероглиняная гончарная керамика, восходящая к римскому времени. В частности, она найдена на селищах Радзеюв Куявский, Осечница, Новы Дворек, Боровой Млын, на городище Полупин.

Для определения начальной даты суковско-дзедзицкой культуры очень мало данных. На поселении Радзеюв Куявский найдена скандинавская фибула с прямоугольной головкой, датируемая V-VI вв. и позволяющая полагать, что оно было освоено, по крайней мере, в VI столетии [15]. В Боникове при раскопках обнаружена фибула с подвязанной ножкой III - IV вв. и шпора VI в., давшие основание датировать культурные отложения с суковско-дзедзицкой керамикой этого памятника начиная с IV-VI вв., а в целом V/VI-VII вв. [16]. На городище Бискупин найдена пряжка V в. [17]. Начало поселений в Жуковицах М. Качковский склонен определять второй половиной V в. или рубежом V и VI в. [18]. Кроме Жуковицких селищ М. Парчевский к числу памятников ранней (первой) фазы относит также поселения Язув, Брущево, Новины и Хвалкув. Ориентировочно VI в. датируется основание еще целого ряда других поселений [19]. Все они локализуются в ареале пшеворской культуры.

В пользу датировки поселений суковско-дзедзицкой культуры в этом ареале ранним временем (второй половиной или концом V - началом VI в.) свидетельствует и то обстоятельство, что многие формы ранней посуды рассматриваемых

древностей имеют прототипы в керамике римского времени той же территории. Анализируя керамические материалы из поселений VI-VII вв. окрестностей Глогува, М. Качковский выделил три группы посуды, из которых две обнаруживают бесспорные связи с местной поздне римской керамикой [20]. На связи раннесредневекового керамического материала с поздне римским обращал внимание и Э. Домбровский. В Боникове, Осечнице и Шелигах встречены горшкообразные сосуды с высоким прямым горлом, слегка отогнутым венчиком и раздутым туловом, которые имеют прямые аналогии среди материалов позднепшеворских памятников [21].

Из ареала становления суковско-дзедзицкой культуры ее носители уже в VI в. расселились в западных районах Польского Поморья и в междуречье Одера и Эльбы. К этому столетию в Польском Поморье принадлежат исследованные раскопками поселения Дерчево, Дембчино и Дзедзицы [22]. Правда, находок, надежно определяющих дату их основания, пока не обнаружено. Согласно В.Лосиньскому, памятники дзедзицкого типа в этом регионе датируются в целом VI - началом VII в.

Западнее Одера, в частности, в области Шпрее-Хавеля, первые славяне суковско-дзедзицкой группы появляются, по всей вероятности, около середины VI в., но массовое расселение относится ко второй половине VI - началу VII в. Балтийского побережья в низовьях Эльбы славяне достигли уже на рубеже VI и VII столетий. Первые укрепления в Ольденбурге, построенные славянами, как уже говорилось, датируются первой половиной VII в. [23].

Некоторые группы славянских переселенцев, двигаясь на запад, кое-где встретились с остатками германских племен. Детали этой встречи пока не исследованы, раскопками выявлены лишь фрагментарные данные. Так, на основании множества пыльцевых анализов, произведенных немецкими исследователями на ряде поселений региона Хавеля-Шпрее, в которых встречена и славянская, и германская керамика, устанавливается непрерывность использования пахотных полей от римского периода до раннеславянского [24]. В Берлине-Марцан на поселении суковско-дзедзицкой культуры раскопками открыт колодец германского населения, который славяне застали действующим и, немного подновив, стали им пользоваться [25].

Подобная ситуация наблюдается и на острове Рюген. Из 40 пыльцевых анализов половина показала континуитет земледельческой деятельности и, следовательно, несомненную встречу славянских переселенцев с местными германцами. Этноним славянского племени, заселявшего этот остров - раны (руяне, рушане, руги), - очевидно, восходит к германским ругиям, упоминаемым еще Тацитом, связь которых с тем же островом представляется бесспорной. Контакты славян с германцами фиксируются и в Вагрии, в частности, по материалам Ольденбурга и Бозау [26].

Вместе с тем, результаты пыльцевых анализов, произведенных на материалах многих пунктов, расположенных в низинных местностях междуречья нижнего течения Эльбы и Одера, достоверно свидетельствуют, что эти обширные области были полностью оставлены германским населением и в V-VI вв. плотно заросли лесами. Славяне, заселявшие эти земли с востока, вынуждены были расчищать от леса участки для пахотных угодий. Расселялись славяне здесь небольшими группами, их ранние поселения имели малые размеры. На первых порах большая роль в хозяйствовании, по-видимому, здесь принадлежала подсечно-огневому земледелию.

Выделяемая по археологическим материалам суковско-дзедзицкая племенная общность раннесредневекового славянства соответствует лехитской диалектной группе праславянского языка, которая характеризуется рядом фонетических особенностей, заметно выделяющих

ее среди других праславянских диалектных групп. Сопоставление ареала лехитской диалектной группы с суковско-дзедзицким выявляет почти полное совпадение [27].

В начале средневековья в составе суковско-дзедзицкой группы славян фиксируется несколько племенных образований (рис. 19). В междуречье среднего течения Одера и Варты локализуются поляне - одно из крупных племенных образований лехитской группы славян. Этимология имени *поляне* прозрачна - от слова "поле". Географ Баварский не упоминает полян, но называет "глопеан" - большое объединение, включавшее "400 градов". По-видимому, оно тождественно полянскому образованию, в состав которого входил ряд мелких племен-новообразований, в том числе гопляне (название связано с озером Гопло в Куявии), ленцичане (окрестности Ленчицы), сарадзане (окрестности Сарадза).

С юго-запада по р. Одере соседями полян были дедошане. Выше по этой реке жили слензяне, еще выше - ополяне. Названия племен *дедошане* и *ополяне* - явно славянские. Этноним *слензяне* обычно

производят от реки Сленза и горы Сленз (Сленж) в Силезии, где, как свидетельствует "Хроника" Титмара Мерзебургского, находился центр племенного культа слензян. Вместе с тем, кажется несомненным, и об этом писали многие исследователи, в частности Л.Нидерле, что имя слензян связано с германскими силингами, локализуемыми в римское время Дионом Кассием примерно в той же части Одерского бассейна. Нужно полагать, что образование славянского племени слензян восходит к позднеимскому времени, и оно какое-то время обитало на одной территории вместе с вандалами-силингами, иначе невозможно объяснить сохранение этнонима. По-видимому, слензяне были крупным племенным формированием, в состав которого входили более мелкие племена. Из среды слензян вышли, как можно судить на основании учредительной грамоты Пражского епископства, упомянутые выше дедошане и ополяне.

Северные земли суковско-дзедзицкого ареала восточнее нижнего Одера занимали поморяне. От территории полян их отделял большой лесной массив. Заселение славянами Польского Поморья осуществлялось по Одеру, и первоначально были освоены лишь его западные земли. Поморяне, подобно таким образованиям, как поляне и слензяне, состояли из нескольких мелких племен. Баварский географ упоминает в области поморян волинян (велюнзан) и приссан (выжичан). Первые из них локализуются в окрестностях Волина, вторые - на правом берегу Одера, выше по течению. В состав поморян входили также кашубы, обитавшие на побережье Балтийского моря. Ретроспективное изучение средневековых исторических материалов позволило Г.Ловмянскому предположить существование в IX в. политического образования - "поморского союза племен" [28].

Каких-либо региональных различий как между полянами, слензянами и поморянами, так и между более мелкими племенными образованиями в археологических материалах выявить пока не удастся. Может быть, это связано с отсутствием на этой территории погребальных древностей. Более или менее конкретно области расселения раннесредневековых племен очерчиваются исследователями с помощью карты древней залесенности Польши [29].

Самым западным крупным племенным образованием в суковско-дзедзицком ареале были ободриты. Первое упоминание о них содержится во "Франкских анналах" под 789 годом; этот источник говорит о них как о особой этнической и политической общности [30]. В ее состав входило несколько племен: собственно ободриты, давшие название всему племенному объединению, варны, полабы, вагры, древане и линяне.

Племя ободритов локализуется по побережью Балтийского моря от Любекского залива до Ратиборского озера, между

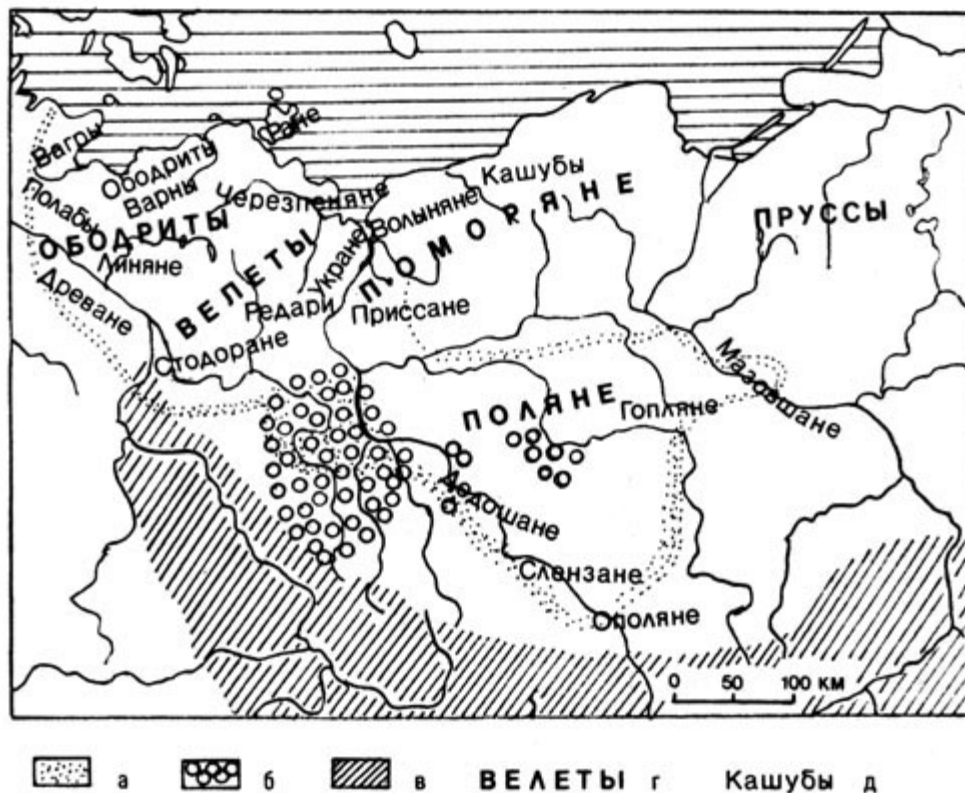

Рис. 19. Славянские племена лехитской группы:
 а - ареал суковско-дзедзичской культуры; б - ареал торновской культуры;
 в - ареал пражско-корчакской культуры; г - племенные союзы;
 д - племена

реками Травной и Варной. Их этноним объясняется исследователями по-разному. Самая распространенная этимология - от гидронима Одер, то есть ободриты - "жители по Одеру". В таком случае этноним восходит к той поре, когда это племя проживало еще где-то в бассейне Одера [31]. Во "Франкских анналах" начала IX в. упоминаются еще ободриты, проживавшие где-то на среднем Дунае. В этой связи исследователями предложено несколько гипотез о локализации ранних ободритов в регионе среднего течения Одера, откуда одна часть племени переселилась на северо-запад в области Мекленбурга и Голштейна, а другая мигрировала на юг, осев на среднем Дунае, по соседству с болгарами [32].

О.Н.Трубачев, разделявший до недавнего времени точку зрения о том, что ободриты получили свое имя по месту происхождения - "жители по реке Одер", в новой работе предложил иную этимологию - от славянского глагола *ob(ъ)derti/*ob(ъ)dъrati* "ободрать, ограбить", в пользу чего, кажется, прямо

свидетельствуют "Франкские анналы", рассказывающие об ободритах на Дунае: "ободриты, которые на языке народа называются грабителями" [33]. Не исключено, что этот этноним имеет патронимическое начало: ободриты - потомки предводителя Ободра, о чем писал еще Л.Нидерле [34].

К востоку от племени ободритов по р. Варне жили варны. Центром их предположительно был Пархим. В Восточном Голштейне между Балтийским морем и р. Травной обитали вагры, главным городом которых был Старгард (ныне Ольденбург). Южнее, по правому берегу Эльбы (Лабы)

проживали полабы, а выше по течению этой реки - линияне. Центром полабов был Рацисбург (по-видимому, слав. Ратибор). Левобережную часть Поэльбья занимали древане. Каких-либо различий между ободритскими племенами в археологических материалах пока не обнаруживается. Отчасти это обусловлено тем, что эти племена были, прежде всего, территориальными новообразованиями с не сложившимися еще этнографическими особенностями. Правда, судя по информации Гельмольда, каждое из ободритских племен имело свои обычаи и свои религиозные культы (у полабов главным языческим божеством была Жива или Сива, у вагров - Прове, у собственно ободритов - Радогошт или Редегаст) [35]. Местами отправления языческого культа у ободритов были священные рощи. Описывая одну из них, где главным богом был Прове, Гельмольд отмечает, что это место было "святыней всей земли" вагров, где каждый второй день недели собирался весь народ с князем и жрецом [36]. Деревянные изображения языческих богов встречены при раскопках ряда поселений Вагрии [37].

Письменные источники сохранили имена князей ободритского племенного союза. Первым значится князь Вилчан, затем на протяжении 40 лет это политическое образование возглавляли Дражко, Славомир и Чедраг. Упоминаются также князья малых племен, составлявших ободритский союз. В последней четверти VIII в. ободриты были союзниками короля франков Карла (позднее император Карл Великий) в процессе покорения саксов. Одновременно, отстаивая свои земли, ободриты вели войны с датчанами и велетами. В 30-40-х годах IX в. восточнофранкский король Людовик Немецкий одержал победу над войском ободритов и ликвидировал их племенной союз. В середине IX в. в период некоторого ослабления Восточнофранкского государства ободриты восстановили свое политическое объединение, просуществовавшее до 20-30-х годов X в. Можно полагать, что это племенное образование ободритов постепенно трансформировалось в государственное, началось формирование ободритской народности [38]. Этот процесс был прерван немецкой экспансией. В середине X в. князь Готшалк (1043-1066 гг.) предпринимал попытки воссоздания ободритской государственности [39], но они не были удачными. Утратив политическую самостоятельность, ободриты оказались под властью немецких князей и епископов. Обращение ободритов в христианство и массовая колонизация немцами их земель привели к постепенной ассимиляции большей части славянского населения.

На территории ободритов известно несколько более или менее крупных градов, которые были центрами политической власти и одновременно постепенно превращались в ремесленно-торговые пункты, охотно посещаемые иноземными купцами. Наиболее крупными среди них являются упоминавшийся выше племенной центр вагров Старгард, названный датчанами в IX в. Рериком - центр малого племени ободритов - и Велиград - резиденция князей ободритского племенного союза. Из "Франкских анналов" известно, что в 808 г. Рерик был захвачен и сожжен датчанами, а купцы были переведены в Хайтхабу - в земли, подвластные датскому королю. Но вскоре он был отстроен заново и в нем разместился князь ободритов. Остатки этого поселения

пока не отождествлены археологами с конкретным пунктом.

Крупнейшим раннесредневековым поселением является находящееся недалеко от Висмара Мекленбургское городище, отождествляемое с Велиградом исторических источников [40]. Это был княжеско-административный центр - резиденция князей ободритского племенного союза, а в позднее время мекленбургских князей. Городище занимает всхолмление, в плане имеет овальные очертания, размеры - 180 x 140 м. По периметру оно защищено валом высотой до 8,6 м. В ближайших окрестностях открыты синхронные неукрепленные поселения и сравнительно поздние грунтовые могильники с захоронениями по обряду ингумации.

Раскопками городищенских валов установлено 7 строительных периодов. Древнейший вал с внутренними деревянными конструкциями имел высоту около 7 м и ширину основания 12,75 м. Его возведение относится, как полагает автор раскопок П.Донат, к первой четверти VII в. Разрушен он был в 680 г. (дендрологическая дата). Самый нижний горизонт культурного слоя, в котором доминирует суковско-дзедзицкая керамика, определяется 630-680 годами. В последующие столетия

Мекленбург-Велиград превращается в одно из крупнейших ремесленно-торговых поселений раннего средневековья и сохраняет свое важное значение вплоть до XIII в.

Суковско-дзедзицкая керамика в ободритском ареале доживает до IX в., но в слоях этого времени она составляет уже сравнительно небольшой процент. Уже на рубеже VII-VIII вв. получает распространение керамика менкендорфского типа, изготавливавшаяся на гончарном круге [41]. Эта посуда была продукцией ремесленного производства и распространялась среди славянского населения независимо от племенной принадлежности. На Мекленбургском городище в слоях второго вала (Б), датируемого от 680 г. до начала IX в., суковско-дзедзицкая посуда составляет уже около 14% керамического материала, а на долю менкендорфской приходится 82%. Процессы вытеснения суковско-дзедзицкой керамики менкендорфской в разных регионах земли ободритов были неоднозначными. В Вагрии, судя по материалам раскопок Альт-Любека, Бозау и Шарсторфа, суковско-дзедзицкая посуда доминировала до конца IX в. В Ольденбурге эта керамика преобладает в слоях от середины VII до конца VIII в. и в напластованиях IX в. еще составляет около 40% материала [42]. Вместе с тем, в земле вагров уже на рубеже VII и VIII вв. появляется глиняная посуда менкендорфского типа, но она длительное время не получала широкого бытования.

Обширные области между ободритскими землями и Польским Поморьем принадлежали велетам-лютичам. В основе культурного развития этих земель лежат суковско-дзедзицкие древности. Однако здесь в конце VI - начале VII в. появляются новые группы славянского населения, характеризующиеся иными культурными особенностями. Славяне - носители суковско-дзедзицкой культуры при этом в значительной массе не покинули мест своего обитания. Лишь в отдельных пунктах они вынуждены были оставить свои селения. Культура славян второй волны миграции получила название фельдбергской по одному из раскопанных городищ в Фельдберге (округ Нейбранденбург). Основным ареалом фельдбергской культуры является область западнее нижнего течения Одера между побережьем Балтийского моря на севере и поречьем Хавеля-Шпрее на юге (рис. 20).

На первых порах племена фельдбергской культуры несколько отличались от прежнего населения некоторыми чертами материальной культуры. Для них было характерно сооружение сравнительно крупных городищ. Как полагают исследователи, такие поселения состояли из нескольких десятков дворохозяйств, в одном таком граде могло проживать от 600 до 1000 человек. В отличие от суковско-

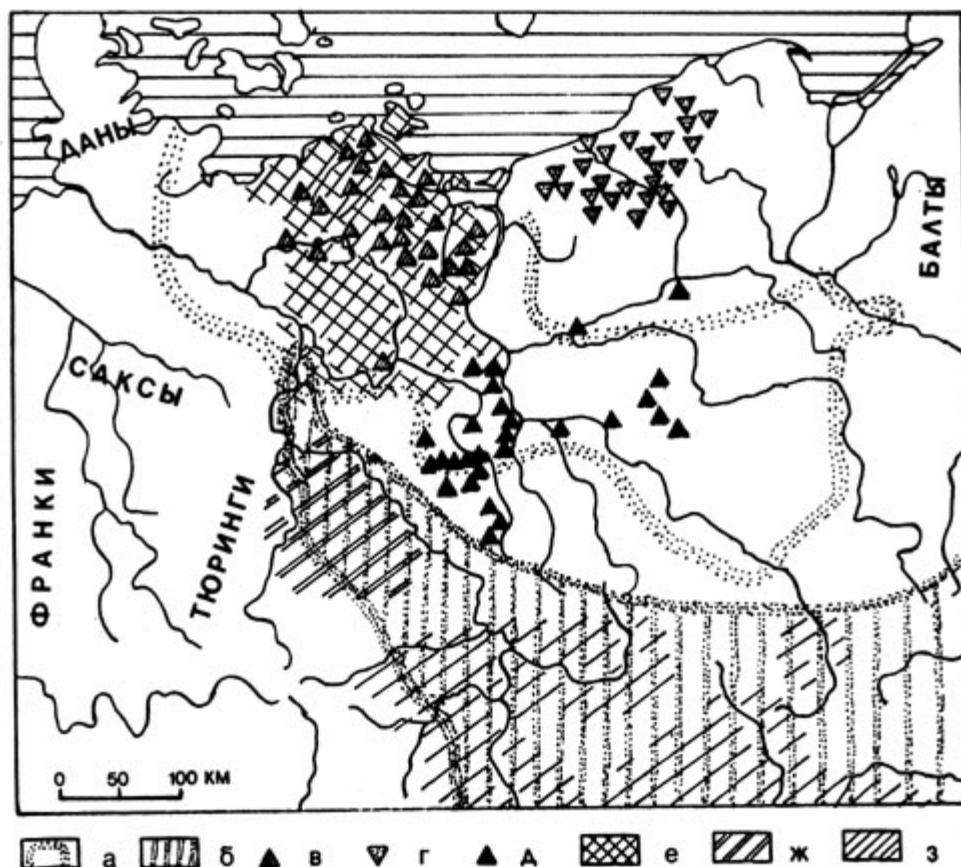

Рис. 20. Северо-западный регион славянского мира в VII-VIII вв.:

а - ареал суковско-дзедзицкой культуры; б - ареал пражско-корчакской культуры.
Основные памятники культур: в - фельдбергской; г - кендзинской; д - торновской.
Ареалы культур: е - фельдбергской; ж - рюсенской; з - область распространения керамики дунайского типа

дзедзицкого расселения, происходившего малыми группами, передвижения фельдбергского населения, по-видимому, осуществлялись большими, хорошо сплоченными коллективами. На вновь освоенных местах ими строились сравнительно крупные укрепленные селения.

Фельдбергская керамика изготавливалась уже на гончарном круге, она хорошо обжигалась и богато орнаментировалась (рис. 21). Это преимущественно горшкообразные сосуды, невысокие, широкогорлые, с выпуклыми боками и суженной нижней частью. Большая часть сосудов орнаментирована многорядной волной или горизонтальными линиями, встречаются также штампованные узоры и наlepные валики ниже шейки.

Жилищами фельдбергского населения были наземные срубные дома. Погребальные

Рис. 21. Фельдбергская керамика:
1-3 - Менцлин; 4 - Герке; 5 -
Дамен

В процессе миграции носителей фельдбергской культуры имели место случаи разрушения некоторых суковско-дзедзицких городищ [43]. Однако очень скоро между славянами первой волны расселения и фельдбергскими племенами установились самые тесные взаимоотношения. Славянское население разных культурных групп не только территориально, но и физически быстро перемешалось, образовав единое племенное сообщество. Фельдбергская керамика была активно воспринята славянами суковско-дзедзицкой группы, вытеснив прежнюю, изготавливавшуюся ручным способом.

Э.Шульдт, разрабатывая схему стадийного развития раннеславянской керамики, полагал, что фельдбергская посуда эволюционировала из суковско-дзедзицкой [44]. Это не нашло подтверждения в последующих изысканиях. В частности, И.Геррманн отчетливо показал, что фельдбергская посуда сосуществовала с суковско-дзедзицкой параллельно и на ряде поселений залегает в самых нижних культурных напластованиях. На селище Дамен в слое с фельдбергской керамикой была найдена шпора с гвоздеобразным шипом, позволившая датировать эти отложения VI в. [45].

В настоящее время не подлежит сомнению, что фельдбергская керамика была принесена в результате славянского расселения. И можно согласиться с И.Геррманном в том, что ее начало восходит к распространенной на территории Силезии глиняной посуде римского времени и периода

переселения народов. Среди последней имеются множество горшков, которые по своим формам и орнаментации весьма близки к фельдбергским и могли стать их прототипами [46].

Ареал фельдбергской культуры соответствует области, которая согласно историческим материалам принадлежала велетам - крупному славянскому племенному образованию. Имеются все основания полагать, что велеты и были носителями этой культуры. Согласно Й.Геррманну, фельдбергская керамика - это "типичное произведение велетских племен" [47]. Расселившись в восточной части Мекленбурга, велеты прервали эволюционные процессы, происходившие на ободритской территории.

Из ареала велетов фельдбергская керамика в небольшом количестве поступала в соседние области ободритов. По подсчетам П.Доната, на территории Германии выявлено 268 памятников с находками керамики фельдбергского типа, около 85% их приходится на велетскую территорию. Этим исследователем составлена и общая карта распространения этой керамики [48]. Все поселения с преобладанием этой посуды находятся в ареале велетов. Вне последнего фрагменты фельдбергской керамики встречены на отдельных поселениях ободритской территории и на острове Рюген, составляя ничтожный процент. Так, на Мекленбургском городище в слоях, относящихся к концу VII - началу IX в., они составляют около 4% керамической коллекции. П.Донат обратил внимание на некоторую концентрацию находок рассматриваемой керамики в регионе проживания линян, которые, по свидетельству "Франкских анналов", находились в начале IX в. в союзнических отношениях с велетами.

Расселение фельдбергской группы славян оказало заметное воздействие и на культурное развитие Польского Поморья. Если, согласно изысканиям В.Лосиньского, на первом этапе (VI - начало VII в.) здесь безраздельно господствовала лепная керамика суковско-дзедзицкого облика, то во второй фазе (VII - первая половина IX в.) получает распространение посуда, подправленная на гончарном круге, и гончарная керамика, при этом появляются формы сосудов, эволюционно не связанные с более ранними. Примерно с середины VIII в. гончарный круг применяется уже для изготовления всей керамики.

Ранняя глиняная посуда, подправленная на круге, в Польском Поморье получила

название голанчской [49]. Она довольно многообразна и включает горшки баночные, яйцевидные и близкие к биконическим, широкие и невысокие сосуды, близкие к мискам. Большинство сосудов не орнаментировано. Голанчский тип сменяется кенязинским, в составе которого наиболее характерными являются вазообразные выпуклобокие сосуды, часто орнаментированные. Время бытования голанчской и кендзинской посуды определяется VII - первой половиной VIII в., область распространения показана на рис. 20.

Голанчская и кендзинская керамика по всем своим показателям сопоставима с фельдбергской. Появление ее в Польском Поморье безусловно связано с фельдбергской посудой. Имела ли место при этом инфильтрация носителей фельдбергской культуры в эти земли или появление голанчской керамики было результатом заимствования суковско-дзедзицкими племенами Польского Поморья новых форм посуды с подправкой на гончарном круге, сказать определенно затруднительно.

Дальнейшее развитие керамики этого региона происходило независимо от соседних земель. Во второй половине VIII - первой половине IX в. еще продолжала бытовать голанчская и кендзинская посуда, но вместе с ней получает хождение керамика бардыского и волинского типов, а в конце этого периода появляется и керамика щецинского типа. Последний тип выделен по материалам раскопок Щецина и был характерен для западнопоморских областей. Он содержит богатый набор форм сосудов, наиболее характерными среди которых являются горшки со слабым изломом в верхней трети их тулова, близкие к цилиндрикоконическим и биконическим. Керамика почти вся орнаментирована. Обычны узоры из линий, прочерченных вертикально, горизонтально или крестообразно. Встречаются также орнаменты из волнистых линий и палочные вдавления.

Наибольшее распространение этой посуды (вместе с волинским типом) приходится на период от середины IX до 70-х годов X в., после чего широкое бытование приобрела керамика швелюбского типа.

В основном регионе распространения фельдбергской керамики она бытовала продолжительное время. Только в IX в. здесь появляется керамика менкендорфского типа. В области Хавеля-Шпрее вырабатывается своеобразный тип посуды, занимающей как бы промежуточное место между фельдбергской и менкендорфской керамикой. Некоторые исследователи считают эту посуду вариантом менкендорфского типа, а К.Гребе назвал ее псевдофельдбергской [50]. В IX-X вв. эта керамика приобрела в регионе Хавеля-Шпрее доминирующее положение. В остальной же части велетского ареала господствовала фельдбергская посуда.

Основу племенного союза велетов составляли хижане (кессины), черезпеняне (цирципаны), толлензы (доленцы), укряне, стодоране и редари (ротари). Последние, по-видимому, были главным племенем, поскольку их князь одновременно возглавлял все велетское сообщество. Локализуются редари в окрестностях Редегоста (Ретры), где находился языческий храм Сварожича Радогоста, упоминаемый в трудах Адама Бременского и Гельмольда. Известно, что Ретра была разгромлена немцами в 1127 г. Предположительно она находилась близ нынешнего Нейбранденбурга. Черезпеняне обитали за рекой Песне (Пена) и получили имя по этому гидрониму. Между черезпенянами и варнами жили хижане (от славянского хыжь - хижина). Регионом обитания толленцев была округа озера Толлензее, укрян - земли по реке Укры. Самым южным племенем велетского союза были стодоране, называвшиеся также говолянами. Их земли примыкали к реке Хавель, откуда и второе название племени.

Кроме того, письменные источники называют целый ряд мелких племен, обитавших на территории фельдбергской культуры (моричане, брижане, шпреяне, плоне, семчичи и другие). Как видно из названий и крупных, и мелких племен,

это были преимущественно территориальные новообразования. В археологических материалах каких-либо различий между ними не выявляется.

"Франкские анналы" свидетельствуют о возникновении конфронтации с ободритами с самого начала появления велетов в Мекленбурге (под 808 годом сообщается, что они находились в "давнишней вражде с ободритами"). В последней четверти VIII в. велеты, согласно историческим источникам, один из славянских народцев (франки именовали велетов вильцами), подчинившийся Карлу Великому. До конца этого столетия у велетов сохранялась старая племенная структура. В начале IX в. наметилась тенденция усиления власти великого князя велетов.

Велеты характеризуются источниками как самое воинственное славянское племя. Они вели упорную и ожесточенную борьбу против немецкого господства и насаждения христианской религии. Особенно упорный характер приобрела она в X в., при этом племенное объединение велетов стало именоваться лютичами [51].

На рубеже IX-X в. стодоране, по-видимому, непрочные связанные с велетским союзом, создали свое племенное образование. Интересно, что в это время и в культурном отношении территория этого племени (бассейн Хавеля-Шпрее) несколько выделяется от коренного велетского ареала. Выше уже говорилось о распространении здесь особой псевдофельдбергской керамики. В 929 г. стодоране оказались в числе первых жертв немецкой экспансии. Велеты продолжали активное сопротивление, в 50-х годах они отстаивали независимость вместе с ободритами. После кратковременного установления господства немецких феодалов и духовенства в 983 г. велетские племена, объединившись в союз лютичей, подняли восстание и повели за собой ободритов. В течение нескольких недель они освободили свою территорию и восстановили свой прежний племенной строй. В Ретре стало собираться "народное собрание", решавшее вопросы племенного союза. Языческий культ получил широкое развитие. В Ретре находилась главная святыня, одновременно это был

сборный пункт для общих боевых походов [52]. Как сообщают хронисты, роскошные языческие святилища возникли и во многих центрах племен, составлявших лютичский союз.

Организация языческого культа явилась средством сохранения политической самостоятельности лютичей. Создание же наряду с племенными культами центрального культа всего племенного союза свидетельствует и о начальных процессах формирования одного из ранних славянских этносов, языковых особенностей и зарождения зачатков государственности.

Лютичский союз племен в течение длительного времени сохранял свою политическую и военную самостоятельность. Однако во второй половине XI в. союз лютичей не выдержал напора немецкого и датского феодальных государств. Славянское население Мекленбурга окончательно было подчинено светской и духовной власти Запада. В результате последовавшей затем немецкой колонизации велетские славяне были постепенно ассимилированы.

Трудно сказать, составляли ли руяне или раны - обитатели острова Рюгена - часть велетского союза племен или были, как считал Л.Нидерле, особой племенной группой балтийских славян. Первыми славянскими поселенцами были здесь племена суковско-дзедзицкой группы. Фельдбергская керамика распространяется на острове Рюген и прилегающих к нему районах сравнительно поздно, только в VIII в. Но уже в IX в. здесь безраздельно господствовала фрезендорфская. Ее характерными формами являются широкогорлые выпуклобокие горшки с орнаментальными поясами из валиков с нарезными узорами или волнистых линий. Фрезендорфская керамика датируется в основном IX-X вв., но бытует и в XI в. Наиболее ранние находки ее в Ральсвике относятся к VIII в. Основным регионом распространения фрезендорфской

керамики является остров Рюген, поэтому немецкие археологи рассматривают ее как этноопределяющий элемент племени ранов. Кроме того, эта посуда известна в заметно меньшем количестве преимущественно в прибрежных местностях Фестландии [53].

В земле руян находилось известное по описаниям датского хрониста Саксона Грамматика языческое святилище Святовита в Арконе, функционировавшее в XI-XII вв. Аркона была одним из крупных укрепленных поселений этого племени, по-видимому, его культовым и административным центром. В 1168 г. датчане разрушили Аркону, и руяне были подчинены их владычеству.

Арконское городище было устроено на мысу, возвышающемся над водами Балтики на 70 м, и имело подтреугольную форму в плане при ширине около 400 м и длине до 300 м. С напольной стороны оно было защищено валом и рвом. Как показали раскопки памятника, поселение было основано в VIII-IX вв. и имело первоначально небольшие размеры. Сохранившиеся укрепления датируются X- XI вв. Языческий храм Святовита находился в срединной части культового городища, устроенного на самом мысу. Эта часть памятника была разрушена морским прибоем. Раскопками зафиксирован лишь ров, ограждавший культовую площадку с языческим храмом. Исследования костных остатков, обнаруженных на ее сохранившемся участке, выявили следы жертвоприношений, совершавшихся во время языческих празднеств. В жертву приносились в основном молодые животные - крупный рогатый скот, овцы, козы и свиньи. Около городища и внутри его во время таких празднеств совершались торговые операции, о чем говорят находки вещей, привезенных из Скандинавии и стран Западной Европы. Наиболее интересной среди таковых является ларец с большим числом металлических изделий IX-X вв. [54].

Погребальный обряд славянского населения Мекленбурга и Польского Поморья пока не поддается археологическому изучению. Х.Цолль-Адамикова выделяет эти земли в зону А, где на протяжении VI - X вв. существовали погребальные ритуалы, которые не фиксируются археологическими методами [55].

Появление курганных захоронений в рассматриваемом регионе датируется концом VIII - началом IX в., что было связано с глубокими контактами славянского населения с жителями других областей,

примыкающих к Балтийскому морю. Самым ранним могильником в земле балтийских славян является Менцлинский, который относится к крупному торговому поселению VIII-IX вв. в Менцлине на р. Пеене, носившему полиэтнический характер. Археологические раскопки показали, что в Менцлине наряду со славянским населением проживали переселенцы из Скандинавии. Жители поселения поддерживали торговые связи с прибрежными областями Балтики, Скандинавией и Фрисландией. В деталях погребальной обрядности Менцлинского могильника отчетливо выявляется скандинавский этнический элемент - умерших хоронили в сложенных из камней под курганными насыпями ладьевидных могилах. Скандинавское влияние обнаруживается в вещевых инвентарях ряда захоронений под курганными насыпями, которые были идентичными курганам Швеции. Вполне очевидно, что обычай сооружать курганные насыпи для захоронений был принесен в земли Южной Балтики переселенцами из Скандинавии и воспринят славянским населением, проживавшим в Менцлине. Этническая атрибуция большинства конкретных трупосожжений, как правило, не поддается определению [56].

Подобная картина наблюдается и в других курганных могильниках, в частности в Швилубие, основание которых относится к IX в. Ранние захоронения в них обычно содержат элементы скандинавской обрядности или скандинавские вещевые находки. Большой курганный могильник Волина датируется IX-XII вв.

Надежных доказательств наличия чужеземных захоронений, правда, здесь нет. Но в наиболее древних курганах встречены скандинавские находки.

Интереснейший курганный могильник находится близ Ральсвика на острове Рюген в местности "Шварцер Берг"; его возникновение датируется последними десятилетиями IX в. В могильнике насчитывается около 150 невысоких полусферических насыпей. В результате раскопок выявляются единичные захоронения скандинавов (например, погребения в ладьях, вместе с ладьей и ее остатками), еще в нескольких курганах встречены предметы скандинавского происхождения. Основная же масса курганных погребений безынвентарна или содержит единичные бытовые находки. Такие захоронения исследователями памятника относятся к местному славянскому населению, с чем нельзя не согласиться. Некрополь функционировал до конца XII столетия. На поздней стадии появляются и христианские погребения, сохраняющие традиционную обрядность [57]. Основание других курганных могильников на Рюгене датируется уже XI в. Очевидно, привнесенная из Скандинавии курганная обрядность получила широкое распространение среди балтийских славян относительно поздно.

Все наиболее ранние курганные могильники в земле балтийских славян находятся при торговых поселениях-факториях, где проживало разноэтническое население. Более того, все могильники с курганными захоронениями по обряду трупосожжения сосредоточены исключительно в прибрежных регионах [58], там, где проживание скандинавского этнического компонента фиксируется различными археологическими находками. Все свидетельствует о том, что появление курганной обрядности на северо-западной окраине раннесредневекового славянского мира было результатом внешнего импульса.

Процессы зарождения протогородских поселений и становления раннесредневековых городов на территории Польши рассмотрены во второй части исследования - в разделах, посвященный становлению польской народности и ее государства. Иной была ситуация в ободритско-велетском ареале. Здесь подобные процессы были прерваны иноземной экспансией, не были завершены, а само славянское население, оказавшись под властью немецких феодалов и церкви, растворилось в среде колонистов. Заканчивая археологическую характеристику полабских славян, представляется целесообразным кратко охарактеризовать некоторые достаточно хорошо изученные археологами ремесленно-торговые поселения, функционировавшие в землях ободритов и велетов.

Среди этих памятников к числу наиболее интересных принадлежит поселение Ральсвик на острове Рюген [59], курганное кладбище которого было кратко охарактеризовано выше. Поселение было

основано в VIII в., его наибольший расцвет приходится на IX-X столетия. В XI в. жизнь поселения затухает. Оно располагалось на полуострове на берегу Большого Ясмундского залива и имело размеры 360 x 70-100 м. Раскопками определена структура застройки. Ее образовывала система дворов, каждый из которых включал жилой дом, подсобные постройки, мастерские и хозяйственные амбары. Многие из таких усадеб имели собственный якорный участок или пристань, в некоторых из них были устроены навесы-перекрытия, где содержались и могли ремонтироваться ладьи. Раскопками зафиксировано 15-17 таких пристаней. Исследованы и сами суда, на которых совершались морские перевозки. Это были ладьи длиной около 14 м и шириной 3,4 м. Осадка их - около 1 м, грузоподъемность - примерно 9 тонн. Передвигались они с помощью парусов, весла имели подсобное назначение.

Главная роль на Ральсвикском поселении принадлежала купцам. Они и были владельцами хозяйственных дворов, где работали и жили моряки, ремесленники и подсобники. В составе усадеб имелись мастерские по изготовлению железных

орудий труда, обработке дерева и выделке изделий из кости. На отдельных дворах, судя по следам обработки дерева и находкам железных заклепок, вероятно, строились ладьи. С момента основания поселения его жители занимались также земледелием и скотоводством, но роль их была незначительной.

Ральсвикское поселение было одной из торговых факторий в Балтийском регионе. Подобные памятники исследовались и в других местностях - Хайтхабу на юге Ютландского полуострова, Хельге в Швеции, Каупанг в Норвегии, Ладога в Новгородской земле и другие. Это были прибрежные торговые поселения, осуществлявшие товарообмен путем морских перевозок между отдаленными регионами [60].

Среди поселений, удаленных от морского побережья, интересны Тетеров и Берен-Любхин в округе Нейбранденбург. Первое из них было основано около середины IX в. на острове Тетеровского озера. Ядро его составляло округлое в плане городище, защищенное по периметру валом высотой до 10 м над уровнем озерного зеркала. Раскопками вала выявлено три этапа его возведения. Основу вала образовывали деревянные конструкции, сложенные в виде решетки или ящикообразно. На позднем этапе к этому городищу примыкала также укрепленная валом площадка, застроенная жилыми домами. Раскопками изучены остатки двух мостов, перекинутых через неглубокий участок озера и болотистое побережье. Один из них имел длину около 750 м, другой - 70 м. Деревянные конструкции мостов состояли из свайного основания и положенной на него вымостки из плотно подогнанных плах. Для напластований поселения, относящихся к IX-X вв., характерна менкендорфская керамика. Существовало оно до начала XII в. Исследователи полагают, что это был главный город велетского племени черезпенян [61].

Важные результаты по конструкции оборонительных сооружений велетских славян получены при раскопках в Берен-Любхине. На городище, устроенном на острове Любхинского озера, раскопками изучены защитные стены, сложенные из толстых брусьев с надсадкой, воротная башня, остатки моста и околостной караульной постройки, датируемые XI - XII вв. [62].

Остатки жилых построек встречены на многих из раскапываемых поселений. Это были наземные срубные дома, весьма различные по площади - от небольших, размерами 3,2 x 3,2 м до крупных, 12,6 x 11,4 м. Небольшое обобщение по славянскому домостроительству X-XII вв., основанное преимущественно на материалах раскопок поселения Пархим, сделано Х.Кайлингом [63].

В позднеславянский период в ободритско-велетском регионе закладываются основы градообразовательного процесса. Наряду с городищами, которые были резиденциями князей и знати, археологами обнаружены поселения, в которых наблюдается сосредоточение ремесленников, что документируется находками орудий труда и отходов ремесленного производства (полуфабрикаты гребней и обрезки кости и рога, шлаки и т.п.). На ряде поселений фиксируются следы широкой

торговой деятельности. Исследуя такие памятники, А.Гринмут-Даллмер полагал, что они, осуществляя власть, торговлю и ремесленное дело, обладали зачаточными функциями города. В XI-XII вв. на ряде поселений наблюдается усиление роли этих элементов. Города "немецкого права", возникавшие в XII-XIII вв. на территории между нижней Эльбой и Одером, как подметил исследователь, нередко основывались непосредственно на таких протогородских славянских селениях или около них [64].

Одним из таких поселений был Альт-Любек в земле ободритов. Его ядром стало городище с кольцевым валом и жилой площадкой размерами около 100 x 75 м, находящееся в устье р. Траве. Около него по левому берегу реки располагалась неукрепленная часть поселения с ремесленным

производством. Во второй половине XI в. ободритский князь Генрих основал на противоположном берегу реки торг и поселение вокруг него, которое развивается в дальнейшем как преимущественно купеческое. На следующем этапе это правобережное поселение стало ядром складывающегося города, купцы вышли за рамки посадских людей и образовали сообщество с собственным правом [65].

Духовная жизнь славянского населения рассматриваемого северо-западного региона - особая тема, нуждающаяся в специальном монографическом исследовании. Языческая религия здесь была не только наследием предшествующей поры, но и получила дальнейшее развитие, поскольку играла огромную роль в постоянной и длительной борьбе за независимость. Языческое мировоззрение не только сопутствовало всем сторонам жизни и быта ободритских и велетских славян, но было идейной основой княжеской власти. В этих землях строились культовые здания, которые неизвестны на других славянских территориях.

Храмы-святилища, сооруженные из дерева и великолепно оформленные, до недавнего времени были известны по описаниям средневековых авторов XI-XII вв. Археологическими изысканиями в Гросс Радене недалеко от г. Штернбергер в Шверинском округе была открыта одна из таких культовых построек, относящаяся к более раннему времени. Здесь на полуострове озера Биннензее находится городище с высоким кольцевым валом и поблизости поселение IX-X вв., на котором и находилось культовое здание, датируемое второй половиной IX в. Стены его были сооружены из вертикально поставленных бревен, которые с наружной стороны были облицованы уплощенными брусками. Последние сверху завершались схематически вырезанными изображениями голов. Над входом висел череп зубра - символ силы и благополучия. Длина храма 12,5 м, ширина 7 м [66].

Остатки подобной культовой постройки, несколько худшей сохранности, раскопаны были также в Фельдберге.

Анализ этих языческих храмов показал, что ближайшие аналогии им находятся в культовом строительстве кельтов. В этой связи вполне обоснованной представляется мысль И.Геррманна о том, что культовые здания северо-западных славян восходят к кельтским храмовым постройкам [67]. Их начало, по-видимому, связано с теми регионами, где в I тысячелетии до н.э. имели место кельто-славянские контакты, то есть с бассейном верхнего течения Одера. Из Силезии в земли балтийских славян кельтское наследие было перенесено, очевидно, носителями фельдбергской культуры.

Говоры суковско-дзедзицкой группы славян стали основой становления польского языка в Великопольше, кашубского языка (или диалекта) в Померании и полабского (или древяно-полабского) в бассейне нижней Эльбы. О первых двух языках речь пойдет ниже в разделе, посвященном становлению польской народности. Полабский же язык принадлежит к числу мертвых [68]. Последние носители его были зафиксированы в области проживания раннесредневекового племени древан на левом берегу Эльбы: в первой половине XVIII в. этот язык бытовал среди сельских жителей княжества Люнебург. Данные о полабском языке ныне основываются на записях и словариках, сделанных непрофессионалами, а также на материалах топонимики и славянских

заимствованиях в немецком. Лингвисты полагают, что полабский язык имел распространение на востоке до нижнего течения Одера и обычно делится на древанскую, ободритскую и велетскую

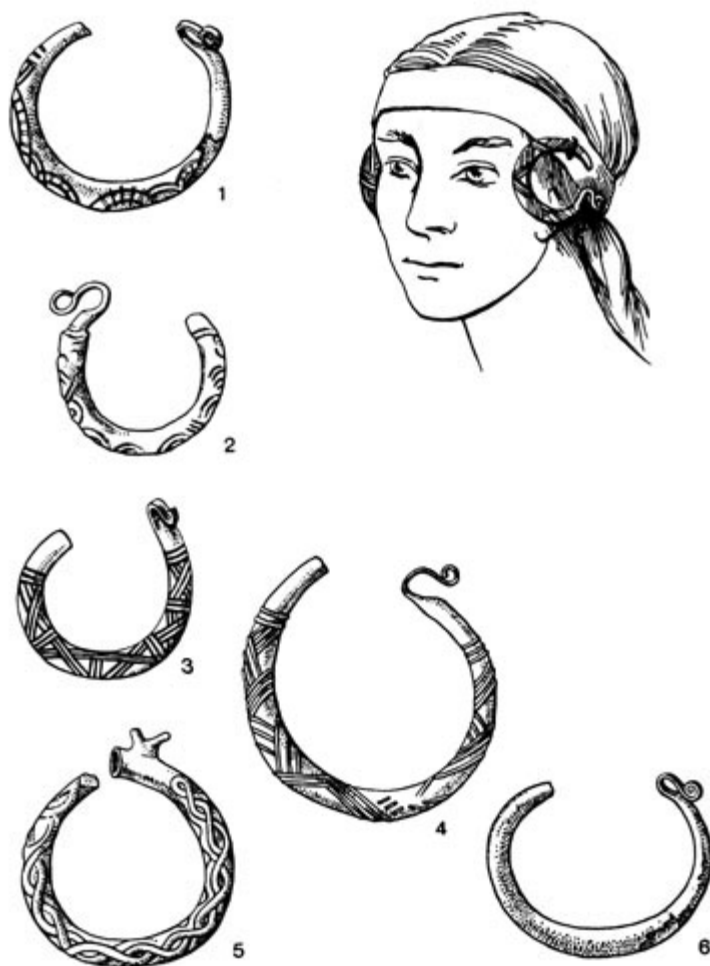

Рис. 22. Височные кольца поморского типа:
1 - Данковице; 2 - Жарнувка; 3 - Бяла; 4 - Гез; 5 -
Гданьск, 6 - Бискупин

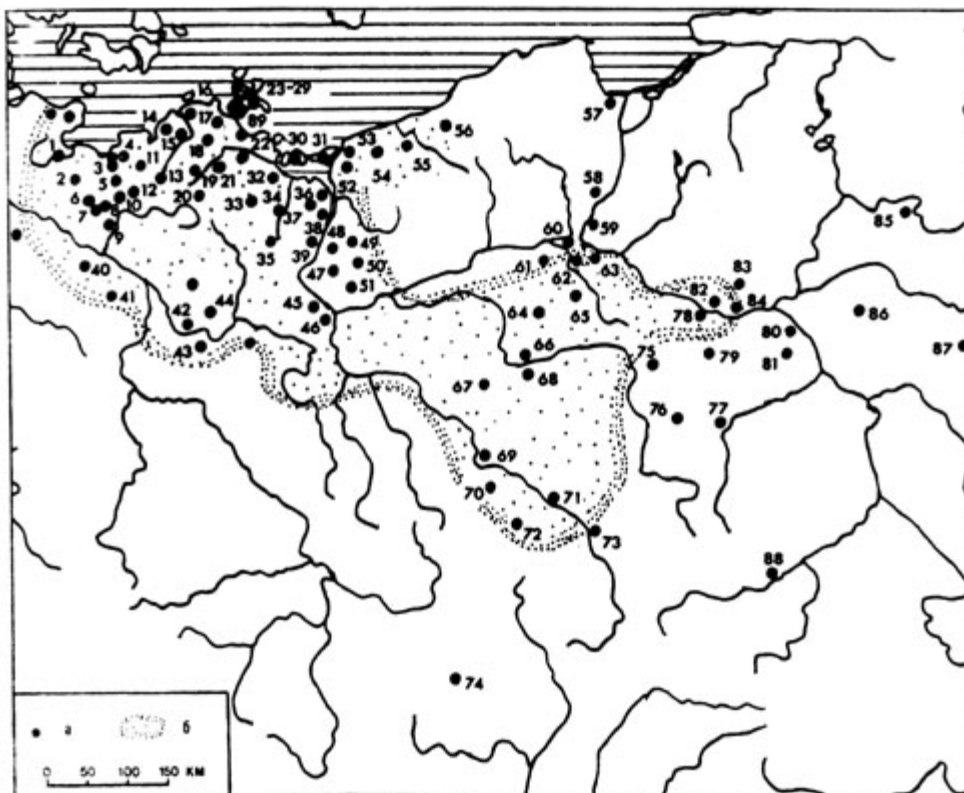

Рис. 23. Распространение височных колец поморского типа:
 а - памятники с находками височных колец поморского типа; б - ареал суковско-дзедзицкой культуры
 1 - Альт-Любек; 2 - Гадебух; 3 - Гамель; 4 - Хохен-Виехельн; 5 - Дорф Мекленбург; 6 - Доббин-Флессенов; 7 - Флессенов; 8 - Пиннов; 9 - Ланц; 10 - Густвель; 11 - Шваан; 12 - Шверин-Зее; 13 - Клайн Лантов; 14 - Биендорф; 15 - Призанновитц; 16 - Альт-Бартельдорф; 17 - Дамм; 18 - Требельвиезен; 19 - Гнойен; 20 - Випперов; 21 - Мальхин; 22 - Занцков; 23-24 - Ланкен-Гранитц; 25 - Наделитц; 26 - Натзевитц; 27 - Загард; 28 - Рюген; 29 - Вильмнитц; 30 - Неппермин; 31 - Волин; 32 - Туров; 33 - Вербелов; 34 - Швенненц; 35 - Блиндов; 36 - Щецин; 37 - Рамин; 38 - Рамбин; 39 - Пенькунь; 40 - Рассау; 41 - Мерин; 42 - Бранденбург; 43 - Потсдам; 44 - Гольм; 45 - Блото (Платков); 46 - Лубуш (Лебус); 47 - Кошево; 48 - Кусово; 49 - Хорст; 50 - Гросс Кюссов; 51 - Турце; 52 - Фритцов; 53 - Трибзеес; 54 - Вжосово; 55 - Карлино; 56 - Земелин; 57 - Гданьск; 58 - Гручно; 59 - Калдус; 60 - Бычина; 61 - Бискупин; 62 - Фордон; 63 - Отлочын; 64 - Гнезно; 65 - Стжельно; 66 - Геч; 67 - Осечна; 68 - Скробач; 69 - Лубяньж; 70 - Малкович; 71 - Вроцлав-Остров Тумски; 72 - Данковице; 73 - Ополе-Острувек; 74 - Троубско; 75 - Ленчица-Эмаус; 76 - Лутомерск; 77 - Псары; 78 - Вежбица-Шлахеца; 79 - Лович; 80 - Непорент; 81 - Ксянженице; 82 - Турово; 83 - Плоньск; 84 - Оршымовице; 85 - Кобылин-Кулешки; 86 - Зарнувка; 87 - Бяла Подляска; 88 - Краков-Старый рынок; 89 - Гюрцков

диалектные группы, но достоверные данные об этом отсутствуют.

Археологические материалы указывают на то, что на северо-западной окраине раннесредневекового славянства, скорее всего, сформировались два лехитских языка. Один из них -

полабский - развивался на основе диалектов ободритских племен и должен быть локализован в западной части Мекленбурга и в землях, прилегающих к Эльбе. Велеты, пришедшие с юга и принешие в восточные земли Мекленбурга фельдбергскую культуру, хотя и слились с ранее проживавшими здесь суковско-дзедзицкими славянами, в языковом отношении должны были несколько отличаться от ободритов. Весьма вероятно, что велетские говоры развивались независимо от ободритских, а эволюционировали в самостоятельный славянский язык, следы которого обнаружить не удается.

Несмотря на широкое расселение славянских племен суковско-дзедзицкой группы и их глубокую дифференциацию, они в течение длительного времени осознавали свое единородство, принадлежность к единой племенной общности. Только этим обстоятельством можно объяснить единый тип височных украшений, получивший в первых веках II тысячелетия н.э. бытование на всей территории расселения суковско-дзедзицких племен.

Это - височные кольца поморского типа, полые внутри, один конец их завершается дротом, завернутым в виде латинской буквы S (рис. 22). Большинство колец орнаментировано различными растительными или геометрическими узорами. Изготавливались они из сплавов белых металлов, нередко и из серебра; в Альт-Любеке встречено и кольцо из золота. Носились эти украшения по одному с каждой стороны головы, подвешиваясь в районе висков к налобной повязке, головным уборам или вплетались в волосы.

З.Буковский, посвятивший височным кольцам поморского типа небольшую книгу, показал, что это были изделия ремесленного производства. Появляются эти украшения на рубеже X и XI вв. В XIII в. они постепенно выходят из употребления, наиболее поздние датируются или концом этого столетия, или началом XIV в. [69] З.Буковский не связывал бытование колец поморского типа с какой-либо славянской племенной группой, полагая, что они распространялись из ремесленных центров там, где находили спрос. Теперь выясняется, что распространение рассматриваемых височных украшений соответствует ареалу суковско-дзедзицкой культуры (рис. 23) и их можно считать определяющими для славян - потомков племен одной из праславянских группировок начала эпохи средневековья [70].

1. Schuldt E. Die Ausgrabungen im Gebiet der "Alten Burg" von Sukow, Kr. Teterow // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. Jahrbuch 1963. Schwerin, 1964. S. 217-238; Idem. Die slawische Keramik von Sukow und das Problem der Feldberg-er Gruppe // Там же. S. 239-262.
2. Porzezinski A. Wstepne wyniki badan na osadzie wczesnosredniowiecznej w Dziedzicach, pow. Mysliborz, w 1970 r. // Materiały zachodniopomorskie. T. XVII. Szczecin, 1971. S. 97-112; Idem. Zasedlenie Pomorza Zachodniego w VI-VII wieku n.e. w swietle dotychczasowych wyników badan archeologicznych // Slavia Antiqua. T. XXII. Warszawa; Poznan, 1975. S. 29-63; Idem. Zbadart nad problematyka osadnictwa najstarszej fazy wczesnego sredniowiecza na Pomorzu Zachodnim // Materiały zachodniopomorskie. T. XXVI. Szczecin, 1982. S. 115-144; Sikorski A. Problem ceramiki typu Dziedzice w swietle badan w Debczynie, woj. Koszalin // Folia praehistorica posnaniensia. T. II. Poznan, 1987. S. 279-302.
3. Keiling H. Keramikfunde aus einer friihslawischen Siedlung von Gramonshagen, Kr. Schwerin // Ausgrabungen und Funde. Bd. 10. H. 4. Berlin, 1965. S. 187-191.
4. Die Slawen in Deutschland. Geschichte und Kultur der slawischen Stamme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1985. S. 27, 28. Abb. 4.
5. Corpus archaologischer Quellen zur Fruhgeschichte. Aus dem Gebiet der Deutschen Demokratischen Republik (7. bis 12. Jahrhundert). Lieferung 1. Berlin, 1973; 2. 1979; 3. 1979.
6. Zak J. Die alteste frtlhmittelalterlich-slawische Keramik Westpommerns // Koszalinские zeszyty muzealne. T. 5. Koszalin, 1975. S. 221-229.
7. Parczewski M. Początki kultury wczesnostowiańskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł

- archeologicznych. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1988.
8. CM : Donat P. Haus, Hof und Dorf in Mitteleuropa vom 7. bis 12. Jh. Berlin, 1980
 9. Warnke D. Bestattungssitten der slawischen Bevölkerung in Norden der DDR // Zeitschrift für Archäologie. 1982. N 2. S. 195.
 10. Losinski W. Początki wczesnosredniowiecznego osadnictwa grodowego w dorzeczu dolnej Parsety (VII-X/XI w.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1972; Idem. Osadnictwo plemienne Pomorza (VI-X wiek). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1982.
 11. Grebe K. Zur friihslawischen Besiedlung des Havelgebietes // Veröffentlichungen des Museums für Ur- und Frühgeschichte Potsdam. Bd. 10. 1976. S. 167-189; Herrmann J. Kopenick. Ein Beitrag zur Frühgeschichte Gross-Berlin. Berlin, 1962; Muffer A. Die slawischen Burgen von Spandau // Ausgrabungen in Berlin. Bd. II. Berlin, 1971. S. 89-95; Seyer H. Die Burg in Berlin-Blankenburg und die altslawische Besiedlung des Niederen Barnims // Archäologie als Geschichtswissenschaft. Berlin, 1977 S. 381-395.
 12. Struve K.W. Die slawischen Burgen in Wagrien // Offa. N 17/18. 1959/1961. S. 57-108; Idem Die Burgen in Schleswig-Holstein. Bd. 1. Neumünster, 1981.
 13. Szymanski W. Szeligi pod Ptockiem na początku wczesnego sredniowiecza. Zespół osadniczy z VI- VII w. Wrocław, 1967.
 14. Szymanski W. Próba weryfikacji datowania zespołu osadniczego ze starszych faz wczesnego sredniowiecza w Szeligach, woj. plockie // Archeologia Polski. T. XXXII. Wrocław, 1987. S. 107-134.
 15. Gabalowna L., Nowakowski A. Wczesnosrednio-wieczna osada na stanowisku 5 w Radziejowie // Prace i materiały Muzeum w Łodzi. Seria archeologiczna. T. 11. Łódź, 1964. S. 233.
 16. Holownska Z. Wczesnosredniowieczne grodzisko w Bonikowie. Poznań, 1956. S. 37, 70-78; Godtowski K. Die Frage der slawische Einwanderung ins ostliche Mitteleuropa // Zeitschrift für Ostforschung. XXVIII 1979. S. 423, 425.
 17. Kaczkowski M. Charakterystyka osadnictwa wczesnosredniowiecznego w rejonie Głogowa od połowy V do połowy XI wieku w świetle źródeł archeologicznych // Zielonogorskie zeszyty muzealne. T. II. Zielona Góra, 1971. S. 5-37.
 18. Grod prasłowiański w Biskupinie w pow. Żnin-skim. Poznań, 1938 Tabl. LVIII.
 19. Parczewski M. Początki kultury wczesnostowiańskiej... S. 134-211.
 20. Kaczkowski M. Próba chronologicznej klasyfikacji ceramiki z VI i VII wieku w okolicach Głogowa // Zielonogórskie zeszyty muzealne. T V. Zielona Góra, 1975. S. 43-72.
 21. Dąbrowski E. Rozwój zasiedlenia w okolicach Krosna Odrzańskiego od późnego okresu laterańskiego po wczesne sredniowiecze // Slavia Antiqua T. XVII. Warszawa; Poznań, 1970. S. 146-158; Idem. Dotychczasowe wyniki badań archeologicznych w Osiecznicy i Białogórze, pow. Krosno Odrzańskiego na tle niektórych zagadnień z pogranicza późnego okresu rzymskiego i początków wczesnego sredniowiecza // Zielonogorskie zeszyty muzealne. T.III. Zielona Góra, 1971. S. 39-82.

-
22. Porzeziński A. Z badań nad problematyką osadnictwa... S. 115-144; Kohler R. Frühe slawische Siedlungen in Pommern unter besonderer Berücksichtigung der neuen Grabungen in Dziedzice/Deetz // Offa. XXXVII. Neumünster, 1980. S. 177-183.
 23. Willkomm H. Comparison of C Dates // Radiocarbon. XXII-2. 1980. P. 286-290.
 24. Lange E. Ergebnisse pollenanalytischer Untersuchungen zu den Ausgrabungen in Waltersdorf und Berlin-Marzahn // Zeitschrift für Archäologie. Bd. XIV. Berlin, 1980. S. 243-248.
 25. Seyer H. Germanische und slawische Brunnenfunde in der Siedlung von Berlin-Marzahn // Zeitschrift für Archäologie. Bd. XIV. Berlin, 1980. S. 225-241.
 26. Struwe K.-W. Ausgrabung Oldenburg // Sonderforschungsbereich 17. Skandinavien- und Ostseeraumforschung. Kiel, 1981. S. 75-80. О славяногерманских контактах в начале средневековья в междуречье Эльбы и Одера см.: Herrmann J. Germanen und Slawen in Mitteleuropa. Zur Neugestaltung der ethnischen Verhältnisse zu Beginn des Mittelalters. Berlin, 1984.
 27. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 227 и карта IV.
 28. Lowmianski H. Początki Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. V. Warszawa, 1973. S. 411-414.

29. Leciejewicz L. Słowianszczyzna zachodnia. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. S. 53- 69; Idem. Stowiane zachodni. Z dziejów tworzenia się średniowiecznej Europy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1989. S. 52-66.
30. Horak B., Travnicek D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii // Rozprawy Czeskosłowenskiej Akademii věd. T. 66-2. Praha, 1956. S. 3; Fritze W. Probleme der abodritischen Stammes- und Reichsverfassung und ihrer Entwicklung vom Stammesstaat zum Herrschaftsstaat // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giessen, 1960. S. 141. Основные вопросы изучения древностей обод-ритов поставлены в статье Л.Лециевича (Leciejewicz L. Głowne problemy dziejów obodrzyckich // Stowianszczyzna Potabska między Niemcami a Polska. Poznań, 1981 S. 167-182).
31. Lehr-Splawinski T. Rozprawy i szkice z dziejów kultury Słowian. Warszawa, 1954. S. 99; Rudnicki M. Nazwy Stowian połabskich i luzickich u Geografa Bawarskiego // Opuscula Casimira Tymienieckiego septuagenario dedicata. Poznań, 1959. S. 253; Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы - свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. N 6. С. 56; Moszynski L. Z zagadnień stowotwórstwa prastowiańskich nazw plemiennych // Etnogeneza i topogeneza Stowian. Warszawa; Poznań, 1980. S. 65-69.
32. О различных точках зрения относительно локализации ободритов Подунавья и их происхождении см.: Novakovic R. Balticki sloveni u Beogradu i Srbiji. Beograd, 1985. S. 96-135.
33. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 129, 130.
34. Niederle L. Slovanske starozitnosti. T. III. Praha, 1919. S. 126.
35. Helmoldi Presbyteri Bozoviensis Chronica Slavorum // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte des Mittelalters. Bd. XIX. Berlin, 1963. 1,83; Lowmianski H. Religia stowian i jej upadek. Warszawa, 1979. S. 175.
36. Helmoldi ... 1,83.
37. Struve K. Ziel und Ergebnisse von Untersuchungen auf drei slawischen Burgwallen Ostholsteins // Ausgrabungen in Deutschland. Bd. III. Mainz, 1975. S. III, 112.
38. По мнению ряда исследователей, становление государства у ободритов датируется первой половиной или серединой X в. (Ловмянский Г. Происхождение славянских государств // Вопросы истории. 1977. N 12. С. 193). Об образовании ободритской народности см.: Саливон А.Н. Самосознание ободритов (к вопросу об образовании ободритской раннефеодальной народности) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 130-151.
39. Корольюк В.Д. Государство Готшалка // Славянский сборник. М., 1947. С. 336-355.
40. Donat P. Die Mecklenburg - eine Hauptburg der Obodriten. Berlin, 1984.
41. Schuldt E. Die slawische Keramik in Mecklenburg. Berlin, 1956; Idem. Slawische Topferei in Mecklenburg. Berlin, 1964.
42. Gabriel I. Starigard/Oldenburg: Hauptburg der Slawen in Wagrien. I. Stratigraphie und Chronologic. Neumünster, 1984. S. 75-89, 213, 214.
43. Schuldt E. Die frühslawische Befestigung von Sternberger Burg, Kr. Sternberg // Bodendenkmalpflege in Mecklenburg. Jahrbuch 1982. Schwerin, 1982. S. 97-145.
44. Schuldt E. Die slawische Keramik...
45. Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder/Neisse und Elbe. Berlin, 1968. S. 4 i -5 1.

-
46. Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse... S. 70-73.
 47. Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse... S. 49.
 48. Donat P. Zur zeitlichen und regionalen Gliederung der altslawischen Keramik zwischen Oder und Elbe/Saale // Studia nad etnogeneza^ słowian i kultura Europy Wczesnosredniowiecznej. T. 1. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. S. 239-254.
 49. Losinski W. Początki wczesnosredniowiecznego osadnictwa...; Idem. Osadnictwo plemienne Pomorza...
 50. Grebe K. Zur frühslawischen Besiedlung des Havelgebietes // Veröffentlichungen des Museums für Vorgeschichte Potsdam. Bd. 10. Berlin, 1976. S. 7-54.
 51. Bulín H. Neměcký prínos k dějinám polabských Slovanů // Vznik a počátky Slovanů. Díl. II. Praha, 1958. S. 5.

Чем объясняется мена этнонима, сказать трудно. Этноним велеты связан со славянским vel- "великий", в украинском языке ведет, в русском во-лот - "великан, богатырь". Племенное имя лютичи ассоциируется со славянским ljut- в значении "лютый, жестокий, свирепый, сильный". Согласно Л.Нидерле, этноним лютичи произведен от имени их родоначальника или предводителя Люта.

52. Herrmann J. Feldberg, Rethra und das Problem der w-ilzischen HOhenburgen // *Slavia Antiqua*. T. XVI. Warszawa; Poznan, 1970. S. 33-69.
53. Donat P. Zur zeitlichen und regionalen Gliederung... S. 245-247. Abb. 4, 5.
54. Herrmann J. Arkona auf Rtlgen. Tempelburg und politisches Zentrum der Ranen vom 9. bis 12. Jh. Ergebnisse der archaologischen Ausgrabungen 1963-1971 // *Zeitschrift fur Archaologie*. Bd. 8. Berlin, 1974. S. 177-209.
55. Zoll-Adamikowa H. Wczesnosredniowieczne cmentarzyska ciatopalne stowian na terenie Polski. T. II. Wroclaw, Warszawa; Krakow; Gdansk, 1979. S. 219-221; Idem. Die Verwendbarkeit der Grab-fundc aus dem 6.-10. Jh. flir die Aussonderung der Stammesgruppen bei den Westslawen // *Rapports du III-e Congres International d'Archeologie Slave*. 1. 1. Bratislava, 1979. S. 941-949.
56. Schoknecht U. Menzlin, ein fruhgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. Berlin, 1977.
57. Warnke D. Das fruhgeschichtliche HUGelgraber-geld in den "Schwarzen Bergen" bei Ralswiek, Kreis Riigen // *Zeitschrift fur Archaologie*. Bd. 5. Berlin, 1975. S. 89-127; Idem. Funde und Grabsitten der Graberfelds in den "Schwarzen Bergen" bei Ralswiek im Rahmen der kulturellen Beziehu-ngen im Ostseegebiet // *Zeitschrift fur Archaologie*. Bd. 12. Berlin, 1978. S. 275-282; Idem. Das frilh-mittelalterliche Hilgelgraberfeld von Ralswiek, Kr. Rtlgen // *Rapports du III-e Congres International d'Archeologie Slave*. T. 1. Bratislava, 1979. S. 901-904; Idem. Das frilhmittelalterliche Hugel-graberfeld in den "Schwarzen Bergen" bei Ralswiek, Kr. Rtlgen // *Bodendenkmalpflege und archaologische Forschung*. Berlin, 1983. S. 165- 173.
58. Lutovsky M. Uzemni rozSifeni slovanskych mo-hyl ve stredni Evrope. K problemu mohylovych oblasti // *AR*. XLI-1. 1989. S. 65, 66. Obr. 1.
59. Herrmann J. Ralswiek auf Riigen - ein Handel-platz des 9. Jahrhunderts und die Fernhandelsbe-ziehungen im Ostseegebiet // *Zeitschrift ftir Archaologie*. Bd. 12. Berlin, 1978. S. 163-180; Idem. Ralswiek - Seehandelsplatz, Hafen und Kultstatte, Arbeitsstand 1983. // *Ausgrabungen und Funde*. Bd. 29. Berlin, 1984. S. 128-135.
60. Геррманн И. Роль прибрежных торговых факторий VIII-X вв. в развитии племенного общества, формировании государств и городов // *Труды V Международного Конгресса славянской археологии*. Т. I. Вып. 1. М., 1987. С. 32-46; Седов В.В. Становление европейского раннесредневекового города // *Становление европейского средневекового города*. М., 1989. С. 31-38.
61. Unverzagt W., Schuldt E. Teterow. Ein slawischer Burgwall in Mecklenburg. Berlin, 1963.
62. Schuldt E. Behren-Lubchin. Ein spatslawische Burganlage in Mecklenburg. Berlin. 1965.
63. Keiling H. Slawische Hausgrundrisse aus Mecklenburg und die Blockhauser vom jungslawischen Siedlungsplatz Parchim // *Zeitschrift fijr Archaologie*. Bd. 19. Berlin, 1985. S. 233-239.
64. Грингмут-Даллмер А. Расселение славянских племен. Исторические предпосылки возникновения города в Восточном Мекленбурге // *Труды V Международного Конгресса славянской археологии*. Т. I. Вып. 2а. М.. 1987. С. 67-73.
65. Hilbener W. Alt Liibeck und die Anfange Lubecks-Überlegungen der Archaologie zu den Anfängen ihres "stadtischen Wesens" // *Neue Forschungen zur Geschichte der Hansestadt Ltibeck Liibeck*, 1985. S. 7-25.
66. Schuldt E. Der altslawische Tempel von Gross Raden. Schwerin, 1976; Idem. Siedlung und Burg von Gross Raden. Schwerin, 1978; Idem. Gross Raden. Ein slawischer Tempelort des 9./10. Jh. in Mecklenburg. Berlin, 1985; Idem. Der eintausendjährige Tempelort Gross Raden. Schwerin, 1990.
67. Herrmann J. Zu den kulturgeschichtlichen Wur-zei(n) und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frtlhen Mittelalters // *SA*. XXVI-1. 1978. S. 19-28.
68. Супрун А.Е. Полабский язык. Минск, 1987.

-
69. Bukowski Z. Puste kabtaczkki skroniowe typu po-morskiego. Szczecin, 1960.
 70. Вопрос о начале височных колец поморского типа и какой-то связи их с эсоконечными

проволочно-дротовыми требует специального рассмотрения. Выше уже говорилось, что последние украшения широко проникли и на территорию распространения суковско-дзедзицких древностей.

Пеньковская (антская) культура

Пеньковские древности были открыты в середине 50-х годов в результате раскопочных изысканий Д.Т.Березовца и З.П.Петрова в бассейне р. Тясмин, правого притока Днестра, в окрестностях с. Пеньковка [1]. Активными полевыми работами последующих десятилетий [2] были выявлены и довольно обстоятельно изучены однотипные памятники пеньковского облика на широкой территории Северного Причерноморья от Прута на западе до бассейна Северского Донца на востоке (рис. 24).

Пеньковская культура выделяется рядом специфических особенностей, среди которых наиболее существенна керамика. Ведущей формой лепной посуды были горшки со слабо профилированным верхним краем и овально-округлым туловом. В отличие от сосудов пражско-корчакского типа, наибольшее расширение у пеньковских горшков приходится на среднюю часть высоты; горло и дно сужены и примерно равны по диаметру. Другой распространенный тип сосудов - биконические горшки с резким или несколько сглаженным ребром. Среди них встречаются сосуды с короткой отогнутой шейкой и без шейки.

Кроме горшков на пеньковских поселениях обычны плоские глиняные диски и сковороды, характерные для большинства славянских культур раннего средневековья, и изредка миски. Встречаются диски без закраин и с небольшой закраиной. Сковороды имели бортики высотой 1-1,5 см, вертикальные или слегка отогнутые наружу. Миски были биконическими и цилиндроконическими, округлобокие со слабо выделенным или отогнутым венчиком и суженной придонной частью. Сравнительно редкой находкой являются небольшие кружки с цилиндрическим или слегка выпуклым туловом.

Глиняная посуда пеньковской культуры обычно толстостенная, тесто с примесью дресвы и шамота, поверхность сосудов неровная, иногда шероховатая. Орнаментация на сосудах в основном отсутствует, лишь изредка встречаются горшки с насечками по краю венчика, с наlepным валиком, трехгранным в сечении, или с налeпами в виде шишечек на тулове.

Славянскую принадлежность основных типов пеньковской керамики определяет ее преемственность со славянской посудой VIII-IX вв. Пеньковская посуда в больших количествах найдена на памятниках, расположенных по Днестру и его притокам, на участке от устья Роси до Запорожья, в бассейне Южного Буга и междуречье Днестра и Прута. Далее на запад она распространяется в землях

Нижнего и Среднего Подунавья, где встречается вперемежку с пражско-корчакской и иными типами глиняной посуды. Очевидно, что здесь потоки славянской миграции, исходящие из разных культурных групп, встретились, перемешались и взаимодействовали вдобавок с аборигенным населением, принадлежащим к самым различным этносам. Культуры Дунайского региона начала средневековья развивались отлично от пеньковской, их нельзя включать в собственно пеньковский ареал, поэтому характеристика этих древностей вынесена в отдельный раздел исследования.

Пеньковская керамика широко представлена также в Днепро-Донецком лесостепном левобережье и распространена в верховьях Северского Донца. Эти земли входят в основной ареал пеньковской культуры. В зоне его соприкосновения с пражско-корчакской территорией наблюдается смешение элементов этих культур: на одних и тех же памятниках встречается керамика, характерная для обеих культурных групп. Такая же картина наблюдается в полосе взаимодействия пеньковского ареала с областью распространения колочинской культуры. Кроме того, глиняная посуда колочинского типа (горшки тюльпановидной и цилиндрико-конической формы) зафиксирована на отдельных поселениях в глубине пеньковской территории, свидетельствуя об инфильтрации отдельных групп колочинского населения далеко на юго-запад.

Основным типом поселений пеньковской культуры являются открытые селища, занимавшие участки первых надпойменных террас в долинах небольших рек или ручьев, иногда располагались на останцах. Для поселений выбирались места, которые не требовали сооружения искусственных укреплений. Реки, леса и болота служили им естественной защитой. Рядом с поселениями обычно находятся легкие для пашенной обработки земли и пойменные луга для выпаса скота.

Площадь большинства пеньковских селищ не превышает 2-3 га, значительная же часть их занимала 0,5-1,5 га. На большинстве поселений одновременно существовало от 7 до 15 домохозяйств. Так, на селище Семенки раскопками зафиксировано 11 таких дворов, в Селиштах - 12, в Ханске II - 16. Но было и немало селений с меньшим числом хозяйств. На поселениях Кочубеевка, Скибинцы и Сушки их выявлено от четырех до семи.

Преобладала бессистемная застройка, постройки ставились на расстоянии 15-40 м друг от друга. На крупных и достаточно хорошо исследованных поселениях отмечена концентрация жилищ группами. Рядный тип застройки прослежен на некоторых поселениях Молдавии (Реча, Старые Малаешты, Хуча) и в Поднепровье (Стецовка).

Основным типом жилища пеньковской культуры были подквадратные в плане полуземлянки площадью от 12 до 20 кв.м, по основным показателям идентичные пражско-корчакским постройкам. Глубина котлована жилищ - от 0,4 до 1 м. Стены построек были срубными или столбовыми, преобладали срубные жилища. В Днепро-Днестровском междуречье на их долю приходится около 75%, в Днепро-Днестровском регионе - свыше 80%.

Срубы рубились "в обло" или "в лапу". Предполагается, что наземная часть сруба имела высоту 1,5-2 м. При столбовой конструкции плахи укладывались горизонтально вдоль стен котлована и крепились кольями или путем впуска концов в пазы стояков. Крыши жилищ имели деревянные каркасы, которые покрывались соломой или камышом. На поселении Перебыковцы исследованы остатки двускатной крыши, которая была сооружена из жердей, перекрытых сверху слоем глины.

Отопительным устройством служили печи или очаги. По подсчетам О.М.Приходнюка, среди жилищ ранней фазы пеньковской культуры 21 постройка отапливалась очагами, а в девяти имелись

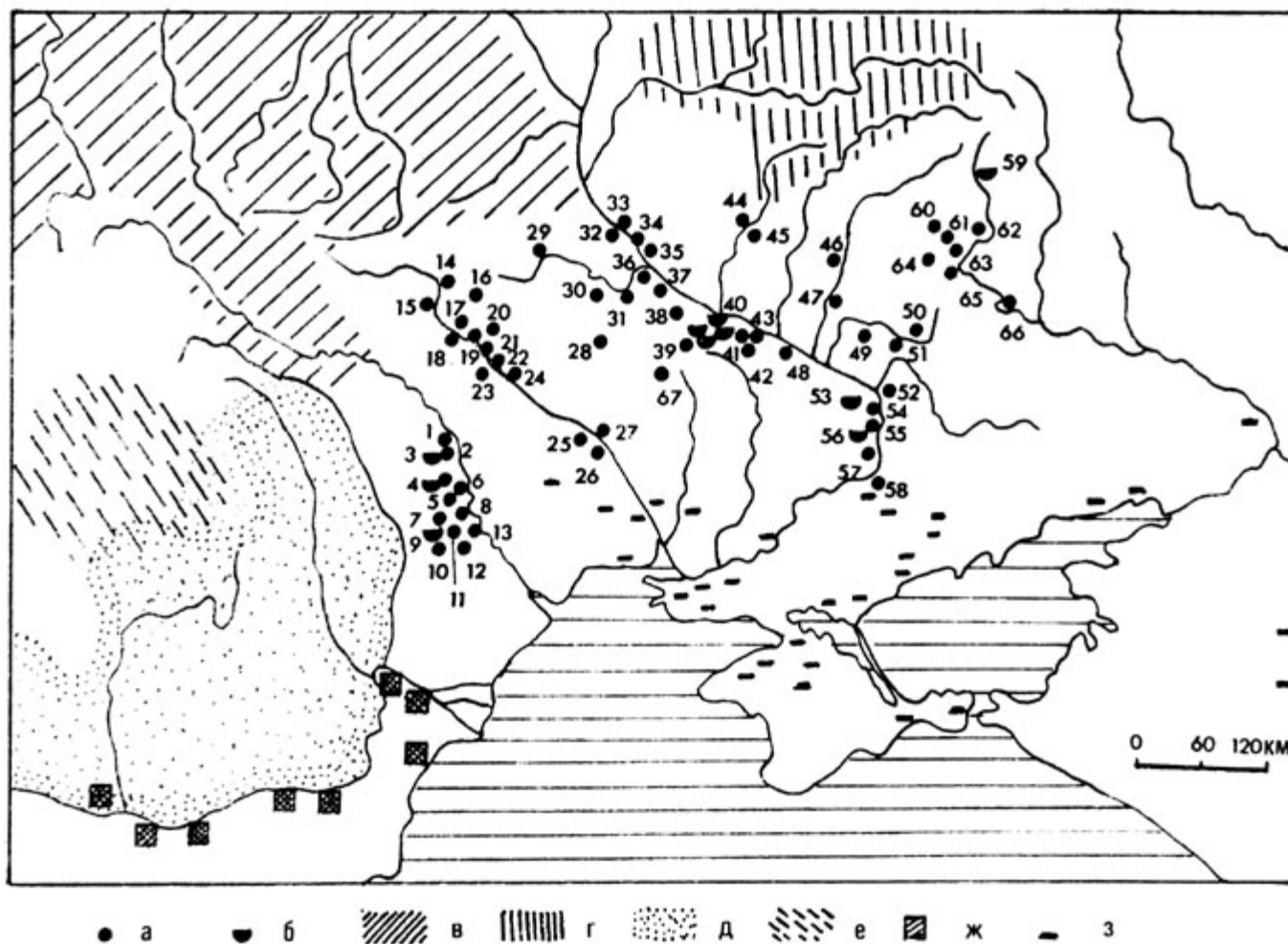

Рис. 24. Основные памятники пеньковской культуры:

а - поселения; б - могильники. Ареалы: в - пражско-корчакской культуры; г - колочинской культуры; д - ипотешти-кындештской культуры; е - культуры морешти; ж - византийские города и крепости; з - памятники кочевых племен

1 - Алчедар; 2 - Лопатна; 3 - Ханска III; 4 - Селиште (поселения I-III и могильник); 5 - Реча; 6 - Бранешты; 7 - Скок; 8 - Лукашевка; 9 - Данчены; 10 - Кобуска-Веке; 11 - Стручены I-III; 12 - Костешты I-III; 13 - Ханска; 14 - Пиков; 15 - Якушин; 16 - Глинское; 17 - Самчинцы; 18 - Семенки; 19 - Кисляк; 20 - Куня; 21 - Ладыжин; 22 - Скибинцы; 23 - Балашовка; 24 - Гайворон; 25 - Ивановка; 26 - Ивановка 2; 27 - Семеновка; 28 - Кочубеевка; 29 - Белая Церковь; 30 - Вильховчик; 31 - Гута-Михайловская; 32 - Григоровка; 33 - Цибли; 34 - Домантово; 35 - Сушки; 36 - Крещатик; 37 - Будище; 38 - Стецовка; 39 - Беляевка; 40 - Великая Андрусовка (четыре могильника); 41 - Пеньковка-Луг I; 42 - Пеньковка-Луг II; 43 - Пеньковка-Молочарня; 44 - Хитцы; 45 - Прогресс; 46 - Засулье; 47 - Полузорье; 48 - Дериевка; 49 - Осиповка; 50 - Чернещина; 51 - Богатое; 52 - Игрень; 53 - Волосское; 54 - Звонецкое; 55 - Алексеевка; 56 - Хортица; 57 - Скулька; 58 - Дмитриевское; 59 - Липцы; 60 - Сухая Гомольша; 61 - Петровское; 62 - Задонецкое; 63 - Занки; 64 - Таранцево; 65 - Студенок; 66 - Пастырское

печи-каменки. В жилищах второй фазы господствовали печи (51 постройка), очаги встречены лишь в 10 домах. В Днепровско-Днестровском междуречье все без исключения срубные полуземлянки имели печи-каменки. Полуземляночные постройки с очагами, а иногда и вообще без отопительного устройства тяготеют к окраинным землям пеньковского ареала. Печи ставились всегда в одном из углов полуземляночных жилищ, что, как уже отмечалось, весьма характерно для всего

раннесредневекового славянского мира.

На большинстве пеньковских жилищ печи строились из камня непосредственно на полу и лишь изредка их основания несколько опускались в грунт или поднимались выше пола. На ранних этапах печи сооружались из мелких камней, они обнаруживаются при раскопках в разрушенном состоянии и поэтому детали конструкций их не ясны. Позднее основы печей укладывались нередко из каменных плит, поставленных на ребро и перекрывались каменной плитой. Устья печей имели ширину 0,4-0,6 м при высоте 0,3-0,5 м.

В редких случаях устраивались и глиняные печи. Они открыты, в частности, на поселении Ханска в Молдавии. Очаги располагались в углублениях или имели глиняное основание. Форма их преимущественно овальная, поперечник - 0,5-0,7 м.

Печи, как уже говорилось, занимали один из углов постройки. Для ранних жилищ характерно положение печи в одном из углов близ северных стен, тогда как входы в них обычно устраивались с южной стороны. Позднее эта закономерность нарушается.

Интерьер пеньковского жилища неприхотлив. В домах обычно устраивались лишь пристенные лавки. Пол в подавляющем большинстве построек был утрамбованным, материковым. Не исключено, что в некоторых жилищах он выстилался деревянными плахами, но проследить это при раскопках не представлялось возможным. В каждом жилище был вход, но в основной части построек его изучить не удалось. Нужно полагать, что для спуска в полуземлянки устраивались деревянные лестницы. В ряде жилищ напротив печей вырезались прямоугольные или овальные выемки шириной 0,5-0,8 м, выступающие за пределы котлованов на 0,3-0,4 м. Некоторые из них опускались до уровня пола жилища, и в таких случаях, видимо, для спуска в полуземлянку устраивались деревянные лестницы. Иногда же ступеньки лестницы входа вырезались в материке.

Единичные жилые полуземлянки

пеньковских поселений Хитцы, Скибинцы, Селиште, Кочубеевка и Данчены принадлежали к иному типу. Они имели центральный опорный столб, который, по всей вероятности, усиливал коньковый прогон. Все постройки этого типа принадлежат к наиболее ранним горизонтам пеньковских поселений. Среди жилищ следующего этапа такие постройки отсутствуют. Вполне очевидно, что дома с центральным опорным столбом были привнесены в пеньковский ареал переселенцами из верхнеднепровских земель, где такие строения были весьма распространены еще во второй четверти I тыс. (киевская культура) и широко бытовали в колочинской культуре, являясь характерным элементом этих древностей. Со временем верхнеднепровское население растворилось в пеньковской среде, и жилища с центральным столбом исчезли из обихода. Об инфильтрации верхнеднепровского населения параллельно свидетельствует и керамика: на памятниках Днепровского лесостепного левобережья и в меньшей степени на Правобережье вплоть до Южного Буга встречаются горшки тюльпановидных форм, весьма характерные для колочинских древностей.

В южных районах Поднепровья, там, где население пеньковской культуры вплотную соприкасалось с тюркоязычными кочевниками, на ряде поселений (Осиповка, Стецовка, Луг II, Будище, Чернешина и другие) раскопками зафиксированы углубленные жилища округлой или овальной в плане формы, напоминающие кочевнические юрты. На поселении в Стецовке открыта овальная постройка размерами 6 x 7,2 м, углубленная на 0,25 м и оконтуренная канавкой шириной 0,3-0,4 м и глубиной 10-15 см. Пол был выстлан соломой. В Будищах выявлено подпрямоугольное жилище с скругленными углами (размерами 6 x 4,2 м и глубиной до 0,8 м) и с утрамбованным полом. В центре находился каменный очаг. Исследователи справедливо считают, что эти жилища принадлежали осевшим на землю кочевникам. Неславянскими были и углубленные жилища с глиняными стенами и полами, выложенными из черепков, гальки и глины, раскопанные на поселении Жовнин, а также постройка с каменным цоколем на селище у балки Звонецкой [3]. Очевидно, наличие на пеньковских поселениях всех этих жилищ, сопоставимых по планировке с постройками

салтовской культуры, отражает инфильтрацию в среду славян алано-болгарского населения.

Жилищам на пеньковских поселениях сопутствовали хозяйственные постройки. Иногда это были наземные срубные или столбовые строения, сходные с жилищами, но чаще - разнообразные ямы цилиндрической, колоколовидной или бочковидной формы. Размеры их различны - от 0,3 до 2 м в поперечнике и до 2 м глубиной. В этих ямах хранились зерно и иные продовольственные припасы.

Хозяйственные ямы и постройки хозяйственного назначения находились рядом с домами. На поселении Семенки жилую полуземлянку 25 на расстоянии 0,5-2,5 м окружали семь хозяйственных ям. Связь хозяйственных ям с конкретными жилищами устанавливается и по материалам раскопок поселений Кочубеевка и Семенки. По мнению О.М.Приходнюка, поселения, на которых подсобные строения и ямы-хранилища составляли вместе с жилой постройкой единый домохозяйственный комплекс, фиксируют начавшееся разложение семейной общины, когда производство оставалось коллективным, а его продукты распределялись между общинниками. На других селищах зарегистрирована иная картина. Так, на поселении Будише 19 хозяйственных ям вместе с подсобными наземными строениями компактной группой располагались на периферии поселения, а жилые полуземлянки занимали его срединную часть. Такая ситуация наблюдалась и на поселении Хитцы. Обособленное положение хозяйственных помещений, по-видимому, указывает на то, что производство и его сельскохозяйственная продукция

здесь оставались еще обобществленными [4].

В ареале пеньковской культуры известно и несколько укрепленных поселений. Одним из таковых является городище Селиште в Молдавии, исследованное раскопками почти полностью [5]. Поселение было устроено на возвышенном мысу с крутыми обрывами при впадении ручья Ватич в р. Реут. С напольной стороны его защищали оборонительная стена и глубокий каньон. Размеры городища - 130 x 60 м.

На поселении исследовано 16 полуземляночных построек и 81 хозяйственная яма. В четырех полуземлянках зафиксированы следы ремесленной деятельности, связанные с ювелирным делом (найжены тигли, льячки и литейные формочки) и гончарным производством. В одной из полуземлянок обнаружено большое количество кусков сланца, из которого изготавливались литейные формочки. Оборонительное сооружение представляло собой две параллельные деревянные стены, поставленные на расстоянии 0,6-1 м друг от друга; пространство между ними было заполнено суглинком.

Исследователи памятника полагают, что городище было одним из административно-хозяйственных центров пеньковского населения. Рядом с этим городищем раскопками исследовался грунтовый могильник, в котором открыто 5 трупосожжений и два захоронения по обряду ингумации с материалами пеньковского облика.

Одним из интереснейших памятников пеньковской культуры является городище, расположенное на р. Сухой Ташлык в бассейне Тясмина близ с. Пастырское и занимающее площадь около 3,5 га. Его валы и рвы были сооружены еще в скифскую эпоху и позднее не возобновлялись. В VI-VII вв. население воспользовалось старыми укреплениями, может быть, лишь несколько подправленными.

Раскопки этого поселения были начаты еще на рубеже XIX и XX вв. и продолжены в середине XX столетия [6]. Выявлено около двух десятков полуземляночных жилищ с печами-каменками того же типа, что и на пеньковских селищах. Установлено, что Пастырское городище было крупным для своего времени центром ремесленной деятельности. Раскопками открыты остатки мастерских по обработке железа, найдены крицы, шлаки, остатки горна, исследована кузница.

Среди вещевых находок этого памятника имеются орудия ремесленников - кувалда, кузнечные молоты, клещи, зубило, ножницы для резания железа, пробойник, долота, тесла, глиняная льячка.

Имеются и многочисленные изделия, основная часть которых принадлежат местным мастерам, в том числе наральники, косы, серпы, лопаты, топоры, различные бытовые предметы и украшения.

Преобладающей на поселении была керамика пеньковского облика. Кроме нее, встречены приземистые лепные горшки с массивной расширенной придонной частью, явно кочевнического происхождения.

Значительную группу пастырской керамики составляет гончарная посуда - выпуклобокие, часто почти шаровидные серолощенные горшки. Они изготавливались из серой, хорошо отмученной глины, иногда с примесью песка. Это так называемая керамика пастырского типа. По форме она весьма близка к черняховской посуде и, по всей вероятности, имеют черняховскую подоснову. Признавая, что эта посуда действительно могла вести свое начало из черняховского гончарства, М.И.Артамонов указывал на хронологический разрыв между временем функционирования Пастырского городища и черняховской культурой [7]. Однако существенного разрыва, по-видимому, не было, тем более, что на городище встречена и собственно черняховская керамика.

Гончарная керамика пастырского типа встречена и на ряде селищ пеньковской культуры. Обычно она составляет очень небольшой процент керамического

материала, а на большинстве памятников отсутствует вовсе. Так, на селище Селиште в Молдавии на долю пастырской посуды приходится 0,4% всей глиняной посуды, в Ханске - 3,3%. В таком же малом числе она обнаруживается на поселениях Побужья. В Поднепровье доля пастырской керамики на некоторых селищах достигает 5-5,8% (Луг I, Макаров Остров).

На Пастырском городище, около с. Алексеевка в Днепропетровской обл. и близ с. Федоровка в Запорожской обл. открыты гончарные горны по обжигу посуды пастырского типа. В последнем пункте, у балки Канцерка исследованы три небольших поселения, в которых жили и работали гончары. Изучены остатки 18 горнов, где обжигалась посуда пастырского типа [8].

По-видимому, к поздним горизонтам напластований городища относится салтовская керамика - гончарные лощеные узкогорлые одноручные кувшины с округлым туловом.

В научной литературе высказано предположение, что Пастырское городище было центром производства пальчатых, зооморфных и антропоморфных фибул [9]. На поселении найдено несколько кладов, в составе которых были антропоморфные фибулы, звездовидные серьги, браслеты с расширенными полыми концами, шаровидные полые подвески с гроздевидными отростками, бубенцы и иные подвески. Наличие в двух кладах звездовидных сережек, отлитых по одной матрице, свидетельствует об их местном изготовлении. Находки на городище инструментов ремесленников позволили воссоздать процесс изготовления бронзовых браслетов с полыми концами и штампованных подвесок. Художественный стиль большинства пастырских украшений имеет придунайские истоки. Местные мастера нередко копировали дунайские прототипы, но и творчески развивали ювелирное дело. Результатом последнего стало появление пальчатых и антропоморфных фибул днепровского типа.

Пастырское городище было торгово-ремесленным поселением, в котором, по-видимому, проживало разнородное население. Кроме типично славянских полуземлянок, указывающих на то, что жителями городища были в основном славяне, здесь исследованы остатки четырех сооружений, определенно свидетельствующих об оседании тюркоязычных кочевников.

В пеньковском ареале исследован Гайворонский железоделательный центр, расположенный на острове Южного Буга между селами Солгутов и Гайворон. Раскопными изысканиями на площади 3000 кв.м вскрыто 25 производственных печей, из которых 4 были агломерационными (для обогащения железной руды), а в остальных горнах осуществлялась выплавка железа. Открыто здесь и несколько круглых ям, где хранились запасы руды. Вблизи производственных объектов встречены

лепная пеньковская керамика, железные ножи и серебряная подвеска [10].

Погребальными памятниками пеньковской культуры являются исключительно грунтовые могильники. Ни пеньковское население, ни его прямые потомки совсем не знали курганного обряда. Могильные памятники пеньковской культуры обнаружены и исследованы пока в немногих пунктах. Однако тот материал, которым располагает наука, дает основание полагать, что пеньковскому ареалу в отличие от пражско-корчакской и суковско-дзедзицкой групп раннесредневекового славянства с самого начала был свойствен биритуализм, по всей вероятности, унаследованный от черняховской культуры. Могильники устраивались в нескольких стах метров от поселений и занимали как возвышенные, так и более низкие участки местности. Иногда захоронения встречаются и непосредственно на поселениях.

Обряд кремации умерших на стороне с последующим помещением кальцинированных косточек в неглубоких преимущественно цилиндрических ямках диаметрами 0,4-0,6 м и глубиной 0,3-0,5 м

зафиксирован в целом ряде мест. Но только в двух пунктах - Великой Андрусовке и Селиште - исследовано более или менее значительное количество трупосожжений. В большинстве же случаев раскопаны единичные погребения. Встречены урновые и ямные могилы. Ямные, как правило, безынвентарные, в урновых кроме глиняных сосудов встречены немногочисленные вещевые находки - бусы, подвески, серьги, фибулы.

В окрестностях с. Великая Андрусовка недалеко от впадения р. Тясмин в Днепр раскапывались три грунтовых могильника [11]. Два из них сохранились частично, третий - относительно хорошо. Площадь последнего - около 1,5 га. Раскопками вскрыта площадь 1000 кв.м и выявлено 29 захоронений. Все они содержали трупосожжения в небольших округлых в плане ямках глубиной 0,3-0,5 м. Большинство погребений безурновые и безынвентарные, что, как уже отмечалось, характерно для славянского погребального ритуала. Единичные захоронения совершены в глиняных урнах - горшках пеньковских типов, поставленных в таких же ямках. В одном из погребений обнаружен железный нож, в другом - бронзовая рифленая В-образная пряжка, позволяющая датировать трупосожжение VI-VII вв., в третьем - бронзовая выпуклая бляшка. Наиболее поздние захоронения этого памятника, судя по глиняным сосудам-урнам, относящимся уже к культуре Луки-Райковецкой, датируются VIII - IX вв.

Остатки биритуального могильника исследованы около с. Селиште в Молдавии [12]. Среди раскопанных захоронений есть трупосожжения, помещенные в неглубоких ямках, в том числе в урнах - глиняных горшках пеньковского типа, и два трупоположения. В последнем случае умершие были погребены на спине в вытянутом положении в ямах глубиной 0,35 м. При одном из погребенных обнаружены две пряжки - овальная литая с асимметрично выступающей передней частью и малая округлая. Второе захоронение по обряду ингумации сопровождалось бронзовой пальчатой фибулой, пастовыми и янтарными бусами, ромбовидной бронзовой привеской и костяной иглой.

Другой биритуальный могильник раскапывался в Данчанах в 15 км юго-западнее Кишинева [13]. Этот памятник в основном принадлежит к черняховской культуре. В окружении черняховских погребений раскопками вскрыто пеньковское женское трупоположение, находившееся в прямоугольной могильной яме размерами 2 x 0,8 м. Умершая была погребена на спине, в вытянутом положении, головой на северо-запад, руки вытянуты вдоль туловища. На плечевых костях обнаружены две бронзовые пальчатые фибулы, на правой руке - дотовый браслет со слегка расширяющимися концами, в области шеи - остатки ожерелья из мелкого стеклянного бисера и двух синих граненых бусинок. Справа от черепа стоял лепной пеньковский горшок. Кроме того, на площади могильника встречены украшения VI-VII вв., происходящие, как считал исследователь памятника И.А.Рафалович, из разрушенных захоронений по обряду трупосожжения, поскольку они носят следы пребывания в огне.

Погребения по обряду ингумации с металлическими украшениями пеньковского типа выявлены

также у с. Алексеевка в Надпорожье. Раскопками А.В.Бодянского здесь открыто три труположения в ямах глубиной 0,6-0,8 м. Возле висков обнаружены бронзовые спиральные кольца, представленные на ряде пеньковских поселений и обычные для кладов, речь о которых пойдет ниже. Кроме того, при погребенных найдены бронзовый браслет и пастовые бусы. Интересное захоронение открыто и на поселении Ханска III. В могильной яме глубиной 0,6 м находились череп и три лепных ребристых сосуда пеньковского типа. Такой ритуал безусловно имеет истоки в черняховской культуре.

К пеньковским труположениям, по всей вероятности, относятся также

75

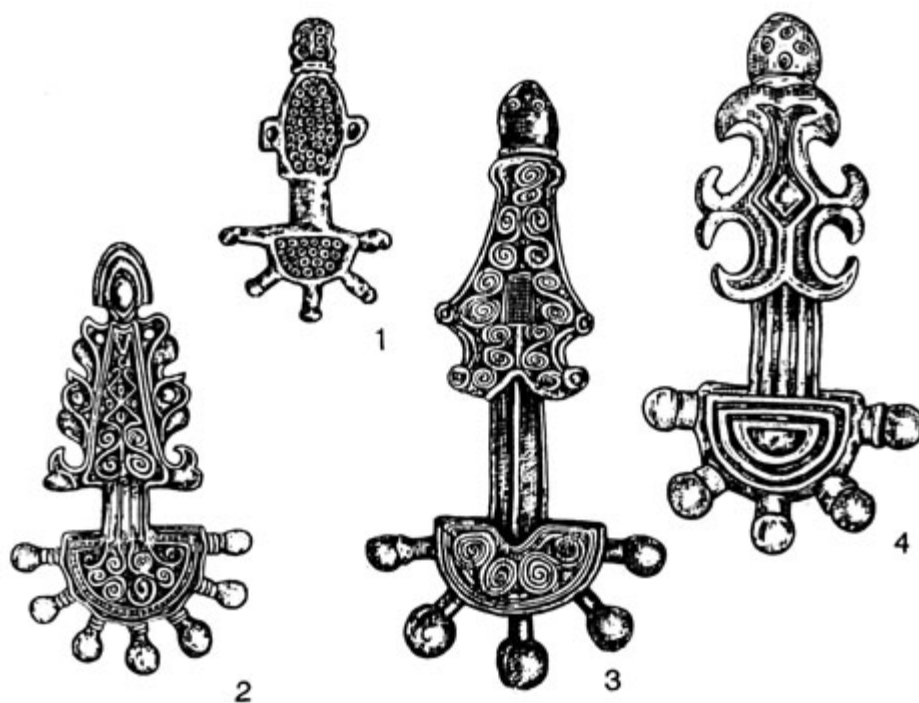

Рис. 25. Антские пальчатые фибулы:
1 - Кладово; 2 - Морешти; 3 - Мартыновка; 4 - Сучава-Шипот

захоронения с пальчатыми и зооморфными фибулами, открытые в конце XIX и начале XX в. при с. Балаклея в Чигиринском р-не, с. Поставмуки на Полтавщине и у с. Буда в Ахтырском р-не Сумской обл. [14]. Думается, что число погребений по обряду ингумации, относящихся к пеньковской культуре, более значительное. Однако выявить таковые во многих случаях не представляется возможным, поскольку для славянского населения были характерны безынвентарные захоронения.

С пеньковской культурой связана серия кладов и случайных находок, обнаруженных в ряде местностей левобережной части Среднего Поднепровья, в Нижнем Поднепровье и на смежных с ними территориях. Среди них выделяется клад, найденный в 1909 г. у с. Мартыновка в бассейне р. Роси и содержащий до сотни различных серебряных предметов [15]. В состав его входят предметы головного убора - налобные венчики, серьги, височные кольца; женские украшения - шейная гривна, браслеты, пальчатая фибула (рис. 25:3); многочисленные поясные бляшки, накладки и наконечники. Кроме того, в составе клада находились две серебряные чаши с византийскими клеймами, фрагмент блюда, ложка и девять стилизованных фигурок людей и животных (рис. 26). Эти девять фигурок представляют

76

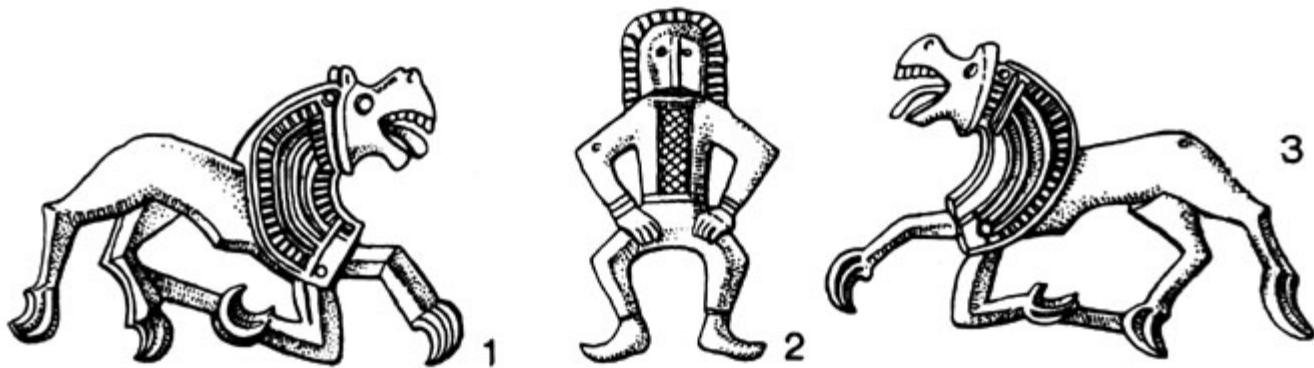

Рис. 26. Бронзовые фигурки из Мартыновского клада

исключительный интерес для характеристики искусства той эпохи. Они рельефны и имеют отверстия для гвоздиков или заклепок. Четыре фигурки изображают "пляшущих" мужчин. Каждый из них стоит подбоченившись, словно готовясь пойти вприсядку, ноги согнуты в коленях, руки - в локтях и упираются в колени. Головы мужчин увеличены несколько несоразмерно с остальными частями тела, геометричны и обрамлены "золотыми волосами". На груди выгравированы узоры, по-видимому, передающие вышивку на рубахах.

Фигурки животных изображают скорее всего коней, но они фантастичны и напоминают хищных зверей. Они бегут с оскаленными пастьми, из которых высунуты языки. Широкие лунообразные гривы украшены геометрическим узором и позолочены.

Клады, состоящие из украшений тех же типов, что и в Мартыновском, найдены у сел Малый Ржавец, Харивка (рис. 27), Хацки [16], на Пастырском городище и в других местах.

Головные венчики из этих кладов делались из серебряных пластин и загнуты на концах. Серьги, получившие наименование пастырских, имеют провололочные кольцевые дужки, к которым снизу прикреплялись разнотипные привески, главным образом дисковидные с пятью-семью лопастями и дисковидные ажурные с дополнениями из зерни. Шейные гривны изготавливались из массивного дрота, иногда перекрученного, с петлеобразно загнутыми концами. Ожерелья состояли из стеклянных и пастовых бус разных цветов. Форма их разнообразная - цилиндрическая, кольцевая, боченкообразная, иногда они украшались волнистым узором или глазками. В состав ожерелий включались также металлические привески и трубочки-пронизки. Браслеты были массивными или полыми, концы их обычно утолщены.

Довольно подробно представлен поясной убор. Пояса снабжались различными накладками - круглыми, прямоугольными, зооморфными, крестовидными, а также фигурками, орнаментированными бляшками, обоями, украшенными стилизованными растительными узорами, кольцами и наконечниками разных типов.

Эти поясные наборы, иногда именуемые наборами мартыновского типа, безусловно не являются принадлежностью какого-либо одного этноса. Они распространены довольно широко и в них проявляется общая евроазиатская мода. Такие пояса, по-видимому, носили дружинники, принадлежавшие к самым различным этноплеменным группировкам, в том числе эта мода распространилась и в пеньковском ареале. А.К.Амброз связывал появление рассматриваемых поясных наборов с полуварварской средой византийских городов и крепостей Нижнего Подунавья, откуда они довольно быстро и широко распространились на значительных пространствах Евразии [17].

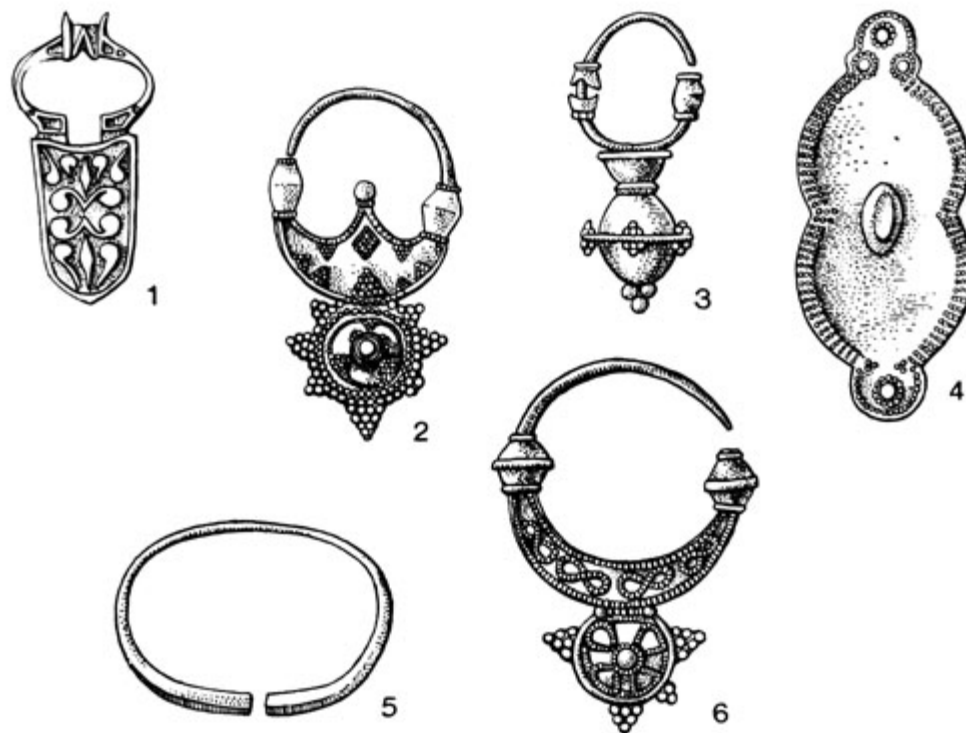

Рис. 27. Серебряные украшения из Харивского клада

Весьма интересную и многочисленную категорию находок в кладах составляют фибулы, встречаемые также на пеньковских поселениях и в захоронениях. Они принадлежат к нескольким типам. Среди них есть щитковые фибулы, образованные из двух щитков, соединенных загнутой полукруглой дужкой. Лицевые стороны их орнаментированы обычно концентрическими кругами и спиралями. Нередки также зооморфные и антропоморфные фибулы с прорезными щитками. Многочисленны широкопластинчатые фибулы. Они бронзовые, шарнирные с прогнутой пластинчатой спинкой и ромбической ножкой, чуть выступающей вперед. Они орнаментированы точечными и прочерченными линиями. Характерными для антского населения были пальчатые фибулы, имевшие полукруглые щитки с пятью-семью выступами. Эти фибулы подробнее будут рассмотрены ниже.

Фибулы, встречаемые на пеньковских памятниках, сложились в Северном Причерноморье под сильным культурным влиянием Византии и Дунайского региона и датируются в целом VI-VIII вв. [18]. Широкое распространение их в пеньковской среде очевидно восходит к традициям черняховской культуры.

Предметы, составляющие рассматриваемые клады и, следовательно, сами клады, определяются VI-VIII вв. [19]. Они

дифференцируются на две хронологические группы. Такие клады, как Мартыновский, Хацковский, Малоржавский и некоторые другие, относятся к VI-VII вв., а Пастырский, Харивский и подобные им - ко второй половине VII - началу VIII в.

О принадлежности рассматриваемых кладов населению пеньковской культуры свидетельствует нередкая встречаемость на пеньковских поселениях и в могильниках вещей, сопоставимых с находками в составе кладов. Так, на селище Скибинцы в Побужье найдена литая фигурка льва, выполненная в том же стиле, что и подобные вещи из кладов. На поселении Требужены в Молдавии

встречена подвеска в виде фигуры человека с согнутыми ногами и упирающимися в бедра руками, стилистически близкая фигуркам из Мартыновского клада. Один из кладов найден даже непосредственно на пеньковском поселении Вильховчик. Впрочем, нельзя, конечно, утверждать, что все клады с находками мартыновского и пастырского типов оставлены славянами. Некоторые из таких кладов могли быть зарыты и неславянским населением. В ряде кладов есть предметы, представленные фрагментарно. В этой связи было высказано предположение, что вещи и их обломки в таких кладах были металлическим сырьем ремесленников-ювелиров.

Раскопки памятников пеньковской культуры дали богатый материал для характеристики хозяйства и быта ее носителей. Обнаружено довольно много различных изделий из железа. Среди них имеются орудия сельскохозяйственного труда - наральники (Пастырское, Селиште, Любимовская Забора), мотыжки (Чернещина, Волосское, Таранцево, Тягинская Забора), серпы (Бельск, Кочубеевка, Семенки, Ханска II, Зеленянка). Наральники сравнительно небольшого размера (длиной 15-19 см), некоторые из них имеют узкую втулку, другие - бортики, удерживавшие их на деревянной основе рала. Мотыжки длиной 10-15 см имеют широкие лезвия, переходящие во втулку. Серпы принадлежат к асимметричным, у которых вершина дуги смещена к основанию. Среди них есть и крючковидные, и черешковые.

Частыми находками на пеньковских поселениях являются железные ножи с прямой спинкой и плоскими черенками. Из Стецовки происходит топор, при раскопках селищ Будище и Сушки встречены долота и резцы для обработки древесины. В нескольких местах найдены железные шилья и иглы. На поселениях Волосское, Игрень-Подкова, Осиповка и других обнаружены железные рыболовные крючки.

Сравнительно немногочисленны предметы вооружения и конского снаряжения. Трехлопастные наконечники стрел гуннского типа обнаружены на селище Занки, а на поселении Богатое найдена большая трехлопастная стрела "аварского" типа. В Богатом, Сухой Гомольше и Семенках встречены плоские черешковые наконечники с удлинненным ланцетовидным пером. Из поселений Луг I и Волосское происходят ланцетовидные наконечники копий с массивной втулкой. Простые железные удила найдены на селищах Семенки и Ханска.

Изделия из цветных металлов уже получили краткую характеристику при описании вещевых находок в составе кладов. Они встречены и на многих поселениях. Так, в Бельске, Данченах, Дежках, Звонецком, Майорке, Молочарне, Протопоповке, Семенках, Сурской Заборе и Таранцеве обнаружены пальчатые и зооантропоморфные фибулы, в Куне, Звонецком, Осоковке, Сурской Заборе и Ханске II - цельнолитые дунайского типа и двухчленные подвязные фибулы. Повсеместно встречаются серьги, пронизки, поясные бляшки и накладки. Есть некоторые данные об изготовлении части таких изделий на поселениях пеньковской культуры. Об этом говорят глиняные тигли, льячки, литейные формы и шлаки, связанные с бронзолитейным делом, которые были выявлены при раскопках селищ Хитцы, Будище, Семенки, Скибинцы,

Домантово, Гута-Михайловская и др. В Скибинцах и Семенках зафиксировано изготовление литейных формочек из местных пород камня.

На пеньковских поселениях Кисляк, Хуча и Ханска II найдены костяные гребни, изготовленные из целого куска кости. Из кости делались также шилья, иглы и проколки, предназначенные для портняжного производства. На подавляющем большинстве исследованных раскопками селищ обнаружены глиняные пряслица от веретен - биконической, цилиндроконической и дисковидной формы.

Очевидно, к культовым предметам принадлежат небольшие фигурки животных из обожженной глины. Изображения схематичные и стилизованные - намечен лишь общий контур животного, поэтому даже определить вид его не представляется возможным. Лишь одна фигурка из поселения Ханска II выполнена в реалистичной манере и не оставляет сомнений в том, что изображен конь. На

поселении Старые Малаешты обнаружена глиняная фигурка человека с широко расставленными ногами и поднятыми до уровня плеч руками. Изображение стилизовано и несколько условно.

Основой экономики пеньковского населения были земледелие и животноводство. Плодородные земли, занимаемые племенами пеньковской культуры, находки орудий земледельческого труда и обычные для поселений зерновые ямы свидетельствуют о том, что продукты земледелия были основным источником питания. Почти повсеместное использование ручных мельниц указывает на большое значение хлеба. Однако состав культивируемых растений не выяснен. Животноводство оставалось приселищным. Стада паслись преимущественно на пойменных лугах. Состав домашних животных традиционен для территории, занятой пеньковской культурой, крупный рогатый скот, свиньи, овцы, козы, лошади.

Изучение остатков железоделательного производства (Гайворон, Семенки, Самчинцы) показывает, что населением пеньковской культуры использовались стационарные наземные горны со шлаковыводом. Гайворонский железоделательный центр свидетельствует о зарождении территориальной специализации в черной металлургии. Материалы раскопок Пастырского городища дают все основания утверждать, что это был ремесленный центр по обработке черного и цветных металлов. Рядом с кузницей здесь выявлены остатки железоделательного производства в виде разрушенного горна и концентрации шлаков. А в кузнице изготавливались, по всей вероятности, не только кузнечные изделия из железа, но и некоторые украшения.

В результате технологического анализа железных изделий Пастырского городища установлено, что большинство их отковано целиком из железа или стали без дополнительных приемов повышения качества орудий. На ряде инструментов выявлена цементация и термическая обработка рабочих частей. Ножницы для резки металла, обнаруженные в кузнице, термообработаны (закалены и отпущены) и имели наварные стальные лезвия [20]. Металлографическое изучение кузнечной продукции из раскопок пеньковских селищ Кочубеевка, Луг I и II, Семенки, Стецовка, Ханска II и Хуча показало, что кузнецы в совершенстве владели техникойковки железа и сырцовоystали в горячем состоянии, широко употреблялась тепловая обработка, но цементация изделий применялась сравнительно редко. Случаи изготовления орудий с наварными стальными лезвиями единичны. Наследование пеньковским населением производственных достижений предшествующего периода несомненно [21].

Вопрос о происхождении пеньковской культуры был рассмотрен мною в предшествующей монографии [22]. Ее создателями были потомки черняховского населения, сохранившегося в Подольско-Днепровском регионе после гуннского разорения Севернопричерноморских земель, и в меньшей степени наследники

киевской культуры, переселившиеся из Верхнеднепровского региона.

Заметного хронологического разрыва между черняховской и пеньковской культурами не было. Наиболее поздние черняховские памятники относятся к первой половине V в., а наиболее ранние памятники пеньковской культуры достаточно определенно датируются V столетием. Так, на поселениях Куня в Южном Побужье, Звонецком и Осокоровке в Днепровском Надпорожье встречены железные арбалетные фибулы двучленной конструкции. При этом в Куне фибула найдена в одном из полуземляночных жилищ в комплексе с лепной пеньковской посудой. В среднеевропейских материалах аналогичные фибулы датируются IV-V вв. К V столетию опять-таки по западноевропейским аналогиям относится и крупная бронзовая овальная пряжка, обнаруженная вместе с типично пеньковской керамикой на селище Задонецкое на Северском Донце. Этим же временем датируется по западноевропейским материалам и перстень с четырьмя спиральными завитками на концах, происходящий из поселения Сушки под Каневом. Пятым столетием по западноевропейским аналогиям датируется и массивная пряжка из одного из захоронений третьего могильника в Великой Андрусовке. Бронзовое зеркало из пеньковского поселения Ханска II также относится к этому же времени [23].

Среди керамических материалов ранних пеньковских памятников неоднократно встречены фрагменты сероглиняной черняховской посуды, изготовленной на гончарном круге, нередко сосуды с загнутым внутрь верхним краем, напоминающие горшки римского времени, а также сосуды с подлощенной или заглаженной поверхностью. В раннее время в пеньковских жилищах нередко встречаются очаги.

Территория распространения ранних пеньковских памятников ограничивалась бассейном нижнего Днестра на западе и достигала Северского Донца на востоке. На северо-западе она вплотную соприкасалась с пражско-корчакским ареалом, а в Днепровском левобережье, в бассейнах нижней Десны и Сейма - с областью расселения колочинских племен.

Со временем наблюдаются некоторые изменения в облике пеньковской культуры. В жилищах-полуземлянках почти повсеместно очаги вытесняются печами-каменками. Как уже отмечалось, исчезают из обихода полуземлянки с центральным опорным столбом. В керамических коллекциях совершенно отсутствуют горшки с загнутым внутрь краем венчика, подлощенная и гончарная черняховская посуда. Процент биконических сосудов уменьшается за счет более широкого распространения сосудов округлобоких форм. Этот этап пеньковской культуры датируется по многочисленным изделиям из цветных металлов (фибулам, поясным наконечникам и бляшкам, браслетам с утолщенными концами и привескам) VI - VII вв. Верхний рубеж этой культуры определяется второй половиной VII в. Позднее она постепенно трансформируется в культуру типа Сахновки.

Этноним рассматриваемой группы раннесредневекового славянства известен. Это были анты, упоминаемые историками VI-VII вв. Согласно Иордану, завершившему свой труд "Гетика" в 551 г., антам принадлежала территория "от Данастра до Данапра, там, где Понтийское море образует излучину" [24]. Как показал Р.Хахманн, эти сведения были позаимствованы Иорданом у Кассиодора, автора конца V - начала VI в. Отмеченный ареал, очевидно, относится к Подольско-Днепровскому региону черняховской культуры и становлению на его основе пеньковской культуры.

Византийский историк середины VI в. Прокопий Кесарийский сообщает уже о более широком расселении антов [25]. Их западным пределом был северный берег Истра, то есть нижнего Дуная, а на востоке антские поселения располагались к северу от утигур, обитавших на побережье Меотийского озера (Азовского моря).

Основная территория распространения пеньковских древностей и антов письменных источников, таким образом, оказываются тождественными, что не оставляет возможности для каких-либо сомнений в антской атрибуции населения рассматриваемой культуры. Высказывавшиеся ранее, до получения современных данных археологии, иные точки зрения об этнокультурной сути антов ныне представляют исключительно историографический интерес.

Формирование антов происходило еще в черняховской культуре в условиях славяно-иранского симбиоза. Это была большая группа славян, расселившаяся в позднеримское время в междуречье Днестра и Днепра среди местного ираноязычного (скифо-сарматского) населения, которое постепенно включилось в славянский этногенез и в конечном итоге оказалось славизированным [26]. Об этом определенно можно судить и по материалам антропологии. Они свидетельствуют, что значительная часть населения X-XII вв. Южной Руси, характеризующаяся мезокранией при относительной узколицести, в своем антропологическом облике восходит к той группе носителей черняховской культуры, которая сложилась в условиях ассимиляции местных ираноязычных племен [27].

Согласно Прокопию Кесарийскому, анты, как и остальные славяне, пользовались одним языком, у них был одинаковый быт, общие обычаи и верования, а ранее они назывались одним именем. Вместе с тем, из письменных известий очевидно, что анты выделялись какими-то этнографическими особенностями - они называются наравне с такими этническими группами того времени, как гунны,

утигуры, мидяне и др. Византийцы каким-то образом отличали анта от славянина даже среди наемников империи. Очевидно, что анты были отдельным племенным образованием, имевшим собственных вождей, свое войско и проводившим самостоятельную политику.

Попытки ответить на вопрос, какую часть славян составляли анты и какова их роль в этногенезе различных славянских образований, предпринимались неоднократно. По этому поводу были высказаны весьма различные догадки, ныне представляющие лишь историографический интерес. Многие исследователи, в том числе А.Л.Погодин, А.А.Шахматов, Ю.В.Готье, В.Георгиев, склонны были видеть в антах восточных славян или их непосредственных предков. Так, согласно А.А.Шахматову, анты - первый этап в истории русского племени; в результате их дробления и возникли древнерусские племена Повести временных лет [28]. Другая группа исследователей (Л.Нидерле, А.А.Спицын, М.Грушевский и др.) считала, что анты составляли только южную часть восточного славянства [29]. Неоднократно высказывалось и мнение, что славяне и анты соответствуют членению праславянского языка на западную и восточную ветви [30].

В настоящее время археологические материалы дают все основания утверждать, что анты составляли отдельную диалектную группу праславянского периода. Характеристика этого диалекта затруднительна, поскольку анты и их потомки, как показано ниже, уже в начале средневековья из Северопричерноморского региона расселились на широкой территории, смешались с другими славянскими, а нередко и с неславянскими группировками и в той или иной степени приняли участие в формировании и этногенезе нескольких славянских народностей. Однако не подлежит сомнению, что антский диалект должен выделяться среди прочих праславянских большим числом иранизмов.

В истории славяно-иранских культурных и языковых отношений имеется период, характеризующийся весьма значительным воздействием скифо-сарматского населения на одну из групп славян. И вполне очевидно, что это влияние охватывало не весь славянский мир, а только его юго-восточную часть.

В.И.Абаев показал, что изменение

взрывного *g*, свойственного праславянскому языку, в задненебный фрикативный *y(h)* произошло в ряде славянских языков в условиях скифо-сарматского воздействия. Поскольку фонетика, как правило, не заимствуется у соседей, исследователь утверждал, что в формировании южной части восточного славянства (будущие украинские и южнорусские говоры) должен участвовать скифо-сарматский субстрат [31].

Тот же исследователь допускал, что результатом скифо-сарматского воздействия было появление в восточнославянском языке генетива-аккузатива и близость восточнославянского с осетинским в перфектирующей функции превербов [32]. В.Н.Топоров объясняет беспредложный локатив-датель в славянском языке воздействием иранцев [33]. Эти фонетические и грамматические изменения в славянском языке принадлежат к региональным, и ничто не мешает связывать их становление с антским диалектом. География их распространения соответствует антскому расселению и подтверждает это положение.

Среди языческих богов раннего средневековья намечается две группы. Одни из них, такие как Перун и Велес, были распространены во всем славянском мире. Эти теонимы имеют глубокое индоевропейское начало. Другую группу образуют божества, имеющие локальное значение, и оказывается, что имена тех из них, которые известны лишь в восточноевропейском регионе, являются иранизмами. В.И.Абаев довольно убедительно показал, что известные по русским летописям Хорс и Симаргл имеют скифо-сарматское начало и должны рассматриваться как заимствованные от иранского населения Северного Причерноморья [32]. Тот же исследователь обратил внимание на то, что украинский Вий этимологически и семантически восходит к иранскому богу ветра, войны, мести и смерти (скифский *Vauhka-suga*, названный Геродотом) [35]. Обнаруживаются также семантические и этимологические параллели между восточнославянским божеством Родом и осетинским *Naf* - 'Род' [36]. В языческом пантеоне западнославянского ареала

божества иранского происхождения неизвестны. Иранские божества могли быть восприняты юго-восточной частью славян только в условиях славяно-иранского симбиоза, когда формировалась антская диалектно-племенная группировка.

Сам этноним *анты* имеет иранское начало и очевидно был унаследован от скифо-сарматского мира. К этнонимам иранского происхождения принадлежат также *хорваты*, *сербы*. Начало их восходит также к славяно-иранскому симбиозу Северного Причерноморья [37]. Появление этих этнонимов в Подунавье и бассейне Эльбы было, как показано ниже, обусловлено расселением антских племен из причерноморских земель.

Последний раз этноним *анты* встречается у византийского историка Феофилакта Симокатты. Он сообщает, что в 602 г. во время одного из походов византийского войска в Подунавье аварский каган послал против антов, бывших в то время союзниками Византии, военачальника Апсиха с поручением истребить это племя [38]. Источник не информирует, удалось ли аварскому карательному отряду Апсиха выполнить поручение кагана. После этого ни один письменный документ не упоминает имени антов, и это стало для некоторых историков основанием для предположения об истреблении антского племени аварами. Однако материалы археологии самым решительным образом отвергают эту догадку. Поселения пеньковской культуры функционировали в течение всего VII столетия, и каких-либо следов аварского погрома в их культурных напластованиях не наблюдается. Нужно полагать, что сообщение Феофилакта Симокатты относится не к днепровско-днестровским антам, а к какой-то их группе, продвинувшейся в Подунавье и установившей тесные контакты с Византией.

Трудно сказать, называли ли себя

носители пеньковской культуры антами. Скорее всего, их именовали так соседние неславянские племена, а от них данный этноним восприняли и византийцы, подобно тому как германцы называли славян венетами. Исчезновение этнонима *анты* представляется закономерным. Вероятно, после VII в. в связи с широким славянским расселением население пеньковской культуры стало именоваться общим этнонимом *славяне*.

В отличие от пражско-корчакской и суковско-дзедзицкой группировок височные кольца в антской среде не получили распространения. Вместо этого в VI-VII вв. антские племена среди прочих групп раннесредневекового славянства выделялись ношением своеобразных пальчатых фибул.

Они получили название по лучевым или пальцевым отросткам. Некоторые фибулы вместо отростков имеют полукруглую кайму с ажурным узором. Срединная пластина фибул обычно ромбическая или подтреугольная, иногда с круглыми или крючковидными отростками. Головка антских фибул завершается изображением человеческой или звериной маски, часто стилизованной. Поверхности фибул часто украшены S-видными завитками, концентрическими кружками, циркульным или пуансонным орнаментом.

В конце XIX и начале XX в. в научной литературе получило широкое распространение мнение о принадлежности днепровских и севернопричерноморских украшений с пальчатыми фибулами готам. Однако уже в начале 20-х годов А.Ригль, отмечая, что отнесение лучевых (пальчатых) фибул готам довольно соблазнительно, тем не менее писал, что оно противоречит историческим фактам: рассматриваемые фибулы появились в Северном Причерноморье не ранее VI в., когда готы покинули эти места своего расселения [39]. В конце 20-х годов мысль о принадлежности кладов пеньковского ареала, в том числе пальчатых фибул днепровских типов, славянам-антам была высказана А.А.Спицыным [40]. О славянском происхождении пальчатых фибул в Восточной Европе писал и А.М.Тальгрэн, полагавший, что их распространение отражает славянское расселение начала средневековья [41].

Научную разработку тезис о славянской принадлежности пальчатых фибул Днепровского региона получил в работах Б.А.Рыбакова [42]. Позднее в 50-х годах И.Вернер, проанализировав все

комплексы с находками пальчатых фибул в Европе, убедительно показал, что подобные изделия с маскообразной головкой и их дериваты были составной частью славянской женской одежды. Типологически они существенно отличны от германских пальчатых фибул. В отличие от германцев, которым свойственно парное ношение фибул, славянские женщины носили их по одной [43].

Последующие археологические изыскания многократно подтвердили это положение. Картография же пальчатых фибул рассматриваемых типов (рис. 28) показывает, что они были характерны не для всех славянских племенных группировок третьей четверти I тысячелетия н.э., а только для антов [44].

Основная часть этих находок происходит из ареала пеньковской культуры (рис. 29). Здесь они неоднократно встречены в культурных напластованиях целого ряда поселений (Бельск, Волосское, Данчены, Кизлевский, Майорка, Селиште, Сурская Забора, Ханска II и др.), в том числе на селищах Майорка, Сурская Забора, Ханска II и Селиште обнаружены в закрытых комплексах - в полуземляночных постройках [45]. На поселении Бернашевка

84

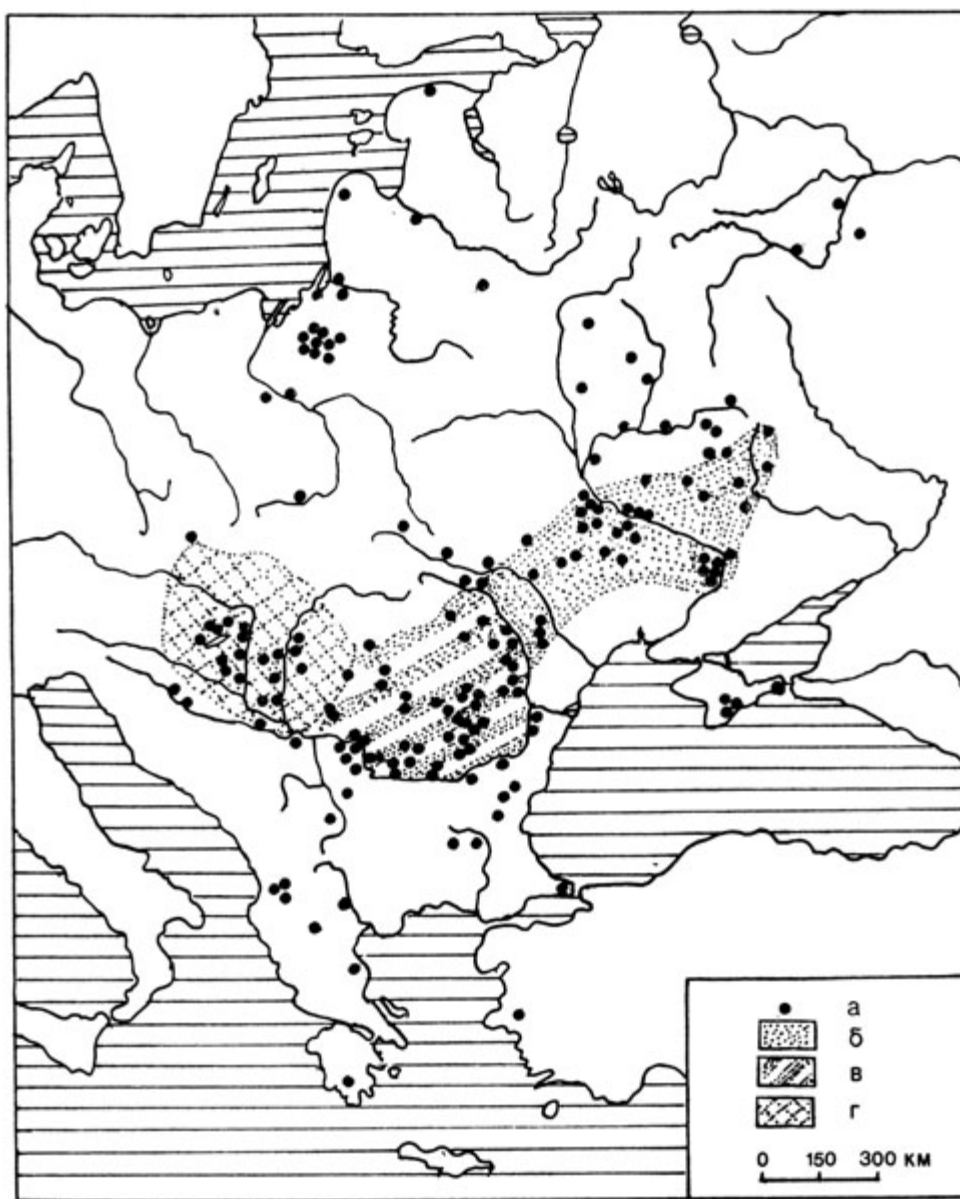

Рис. 28. Общее распространение славянских (антских) пальчатых

фибул:

а - места находок фибул; *б* - коренной ареал антов (пеньковская культура); *в* - область активного антского расселения (ипотешти-кындештская культура); *г* - ареал аварской культуры

85

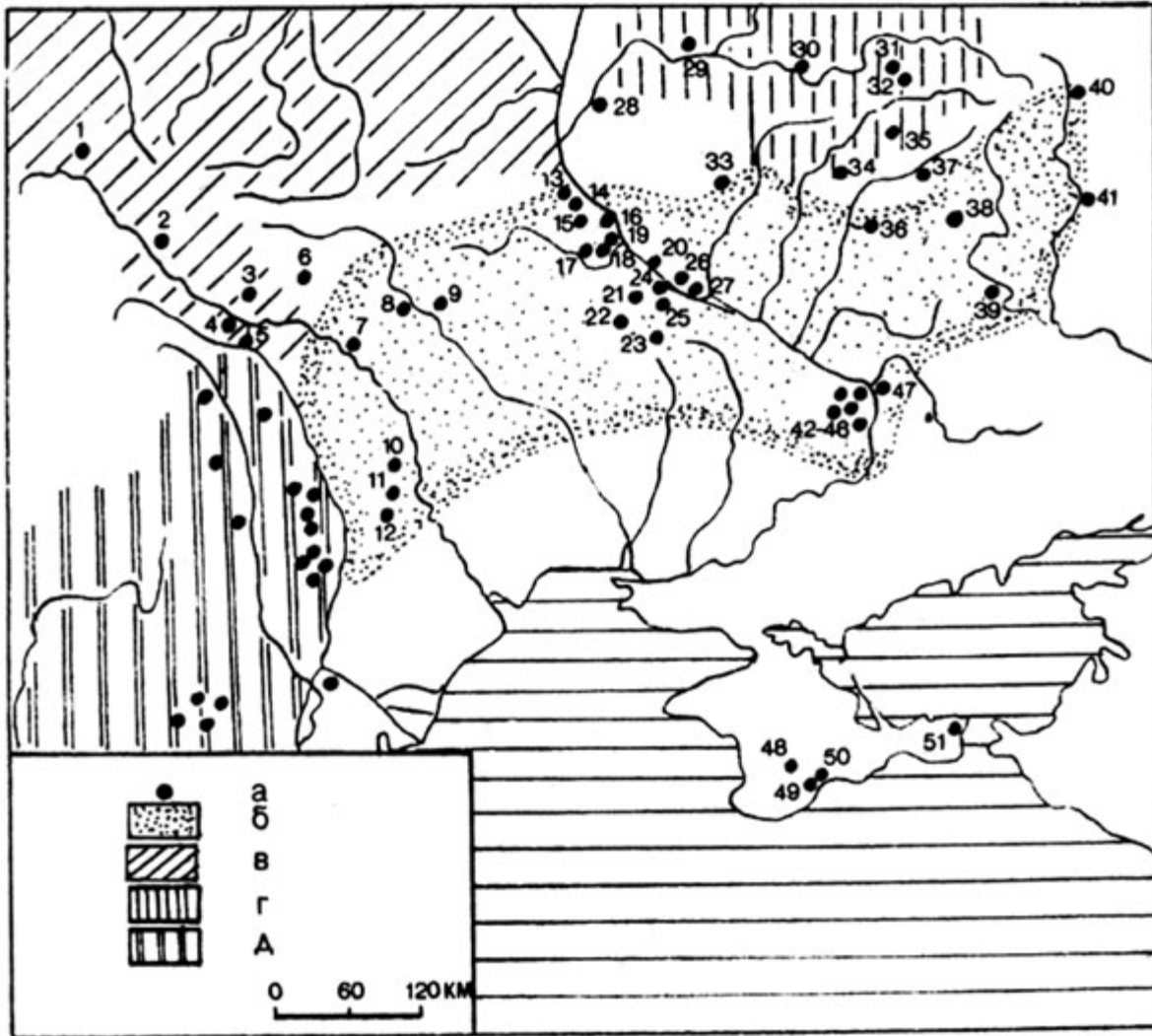

Рис. 29. Распространение антских пальчатых фибул в Северном Причерноморье:

а - памятники с находками фибул. Ареалы культур: *б* - пеньковской; *в* - пражско-корчакской; *г* - колочинской; *д* - ипотешти-кындештской
 1 - Черепин; 2 - Демьянов; 3 - Горошев; 4 - Рашков III; 5 - Черновка; 6 - Великая Слобода;
 7 - Бернашевка; 8 - Семенки; 9 - Чуков; 10 - Селиште; 11 - Ханска; 12 - Данчаны; 13 - Веремья;
 14 - Дудари; 15 - Букрин; 16 - Княжья Гора; 17 - Мартыновка; 18 - Малый Ржавец; 19 - Пекари;
 20 - Лебиховка; 21 - Черкасы; 22 - Балаклея; 23 - Пастырское; 24 - Чигирин; 25 - Хацки; 26 - Градижск; 27 - Пляж; 28 - Новоселье; 29 - Мена; 30 - Харивка; 31 - Казачья Локня; 32 - Суджа; 33 - Поставмуки;
 34 - Бельское городище; 35 - Малая Рыбница; 36 - Козиевка; 37 - Смородинка; 38 - Харьков;
 39 - Черный Бишкин; 40 - Углы; 41 - Колосково; 42 - Волосское; 43 - Березовка; 44 - Майорка;
 45 - Сурская Забора; 46 - Звонецкое; 47 - Игрень-Подкова; 48 - Суук-Су; 49 - Артек; 50 - Лучистое;

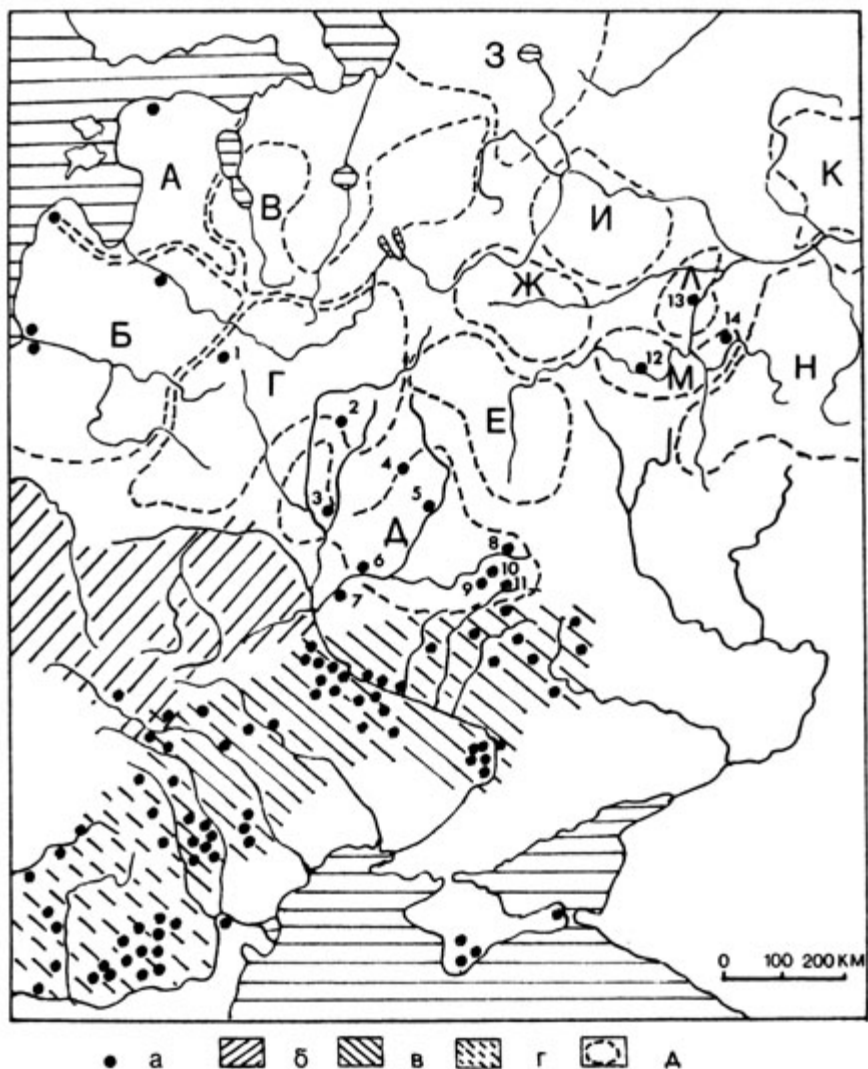

Рис. 30. Распространение антских пальчатых фибул в лесной зоне Восточной Европы:

а - памятники с находками фибул. Ареалы культур: *б* - пражско-корчакской; *в* - пенсковской; *г* - ипотешти-кындештской; *д* - археологические ареалы лесной зоны (*А* - эсто-ливских племен; *Б* - летто-литовских племен; *В* - культуры псковских длинных курганов; *Г* - тушемлинско-банцеровской культуры; *Д* - колочинской культуры; *Е* - мощинской культуры; *Ж* - позднелыбской культуры; *З* - веси; *И* - мери; *К* - марийцев; *Л* - муромы; *М* - рязанско-окских могильников; *Н* - мордвы. Ареалы *З* - очерчены по нескольким более поздним данным)
 1 - Микольцы; 2 - Никодимово; 3 - Гомель; 4 - Мужиново; 5 - Трубчевск; 6 - Мена; 7 - Новоселье; 8 - Курск;
 9 - Гапоново; 10 - Казачья Локня; 11 - Сужда; 12 - Кузьминский могильник; 13 - Подболотня; 14 - Шокшово

в котором найдена литейная форма для изготовления пальчатых фибул [46].

Пальчатые фибулы с маскообразной головкой и их дериваты получили широкое распространение также в Нижнем Подунавье, участие в освоении которого антами несомненно. Из основных регионов антов эти фибулы проникли в Среднее Подунавье и Балканские земли и далее на Пелопоннесский полуостров, а отдельные находки их встречены и в Малой Азии. Все это - явные следы расселения антских племен. Из Подунавья, оторвавшись от своих соплеменников, сравнительно небольшая группа антского населения вместе с германцами и аварами мигрировала далеко на север в области Мазурского Поозерья и в Юго-Восточную Прибалтику, где известно около двух десятков находок пальчатых фибул рассматриваемых типов.

Пальчатые фибулы антского облика разрозненно встречены также в лесной зоне Русской равнины (рис. 30 и 31). Находки этих украшений близ Сейма и на нижней Десне [47], то есть на пограничье пеньковской и колочинской культур, свидетельствуют о тесных контактах антов со своими северными соседями. О взаимодействии колочинского и пеньковского населения говорят и другие археологические материалы. Выше были отмечены свидетельства инфильтрации носителей колочинской культуры в области пеньковской культуры. О проникновении антского населения в южные окраинные земли колочинской культуры свидетельствуют находки лепных сосудов, весьма близких пеньковским, и единичные полуземляночные жилища со славянским интерьером, открытые на поселениях Подесенья [48]. С колочинским ареалом связаны также находки пальчатых фибул в Гомеле в слоях VI-VII вв. и при разработке песчаного карьера у с. Мужиново в Клетнянском р-не Брянской обл. [49].

Более северные находки антских фибул (рис. 31: 2,4,7) происходят из памятников тушемлинско-банцеровской культуры - Никодимово на пограничье Могилевщины и Смоленщины и Микольцы близ оз. Мястра в бассейне верховьев Вилии [50]. Культурные элементы (полуземляночные жилища с печами-каменками типично славянского интерьера, каменные жернова, высокие биконические пряслица, железные шпоры и др.), свидетельствующие о начавшейся инфильтрации славянского населения в земли днепровских балтов, как уже отмечалось в археологической литературе, фиксируются начиная с VI в. [51]. Находки пальчатых фибул указывают на то, что расселение малых групп славян среди днепровских балтов осуществлялось из антского региона. В тушемлинско-банцеровском ареале антские группы встретились с другим миграционным потоком славян.

Единичные находки пальчатых фибул антского облика (рис. 31:6,8) обнаружены также в Кузьминском, Шокшинском и Подболотьевском могильниках Среднего Поочья [52]. Два первых памятника принадлежат к рязанско-окской культуре, последний - муроме. В.А.Городцов, публикуя результаты раскопок Подболотьевского могильника, отметил, что находка пальчатой фибулы определенно свидетельствует о связях Поочья с южнорусскими землями. Найдена пальчатая фибула в погребении 220, выделяющемся среди основной массы трупоположений, прежде всего, ориентировкой. Абсолютное большинство захоронений в Подболотьевском могильнике имело меридиональную ориентацию, весьма характерную для финно-угорского мира. Погребение 220 принадлежит к немногим погребениям, имевшим широтную ориентировку. У висков погребенной находились браслетообразные височные кольца, не характерные для местных финских племен. В Кузьминском могильнике фибула встречена в захоронении по обряду кремации, а эта обрядность в Рязанском Поочье принадлежала пришлому населению, на что обращали внимание многие исследователи.

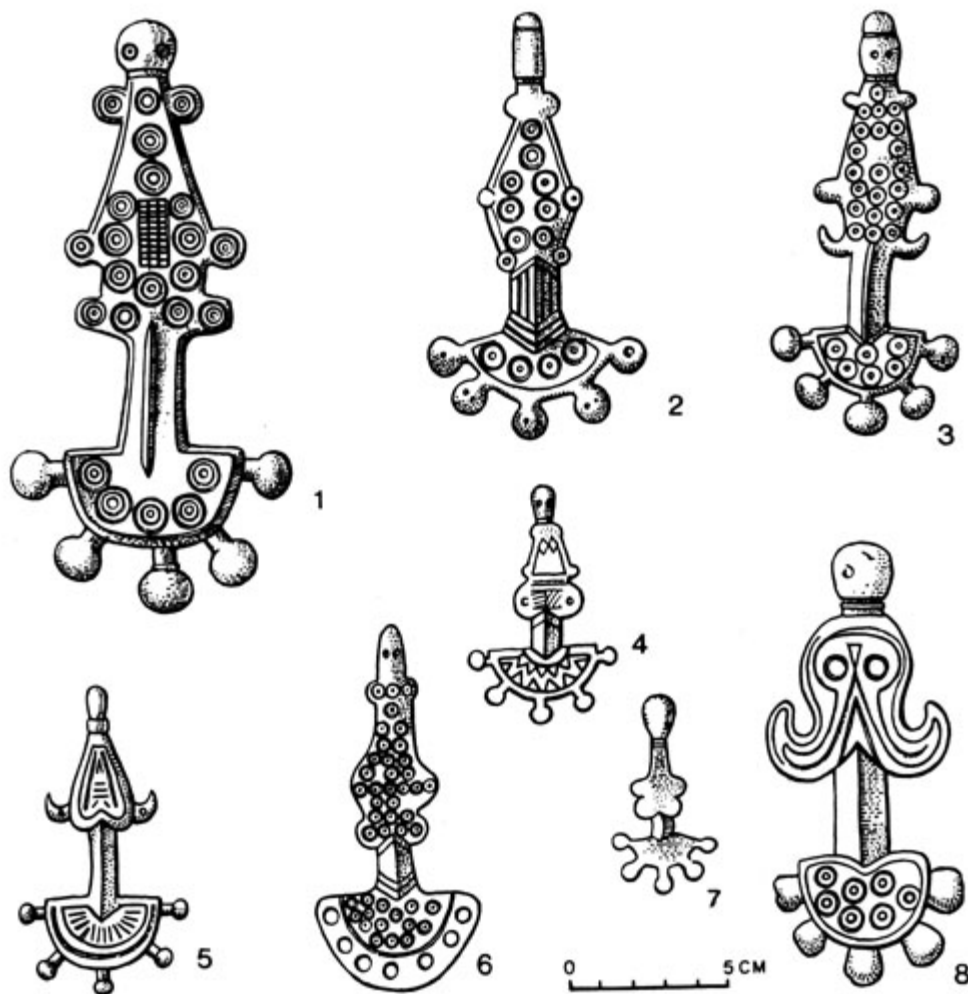

Рис. 31. Антские фибулы из памятников лесной зоны Русской равнины:
 1 - Суджа; 2, 4 и 7 - Никодимово; 3 - Мена; 5 - Казачья Локня;
 6 - Кузьминский могильник; 8 - Шокшово

Анализ вещевых инвентарей захоронении рязанско-окских могильников, совершенных по обряду трупосожжения, и трупоположений с меридиональной ориентировкой не оставляет сомнений в их принадлежности к разным этносам [53]. Всестороннее изучение материалов раннесредневековых могильников Рязанско-Муромского Поочья дает основание говорить о присутствии славянского

этнического компонента в составе населения этого края [54].

Пальчатые фибулы антских типов обнаружены также в Крыму, в ряде могильников (Артек, Лучистое, Суук-Су, Эски-Кермен, Керчь) [55], приписываемых готам. Племена готского разноэтничного союза, известные в исторических источниках под общим названием "готы", проникли в Юго-Западный Крым во второй половине III - начале V столетия. Их памятниками являются могильники с захоронениями по обряду трупосожжения, содержащие различные черняховские элементы. Так, глиняная посуда черняховского облика зафиксирована в Инкерманском, Ай-Тодорском, Озерном III, "Севастопольском" и Чернореченском могильниках, встречена она и в Херсонесе. Фрагментарные находки черняховских костяных гребней обнаружены в Терновском и

Скалистинском могильниках, в Херсонесе и Керчи. Из крымских памятников рассматриваемого периода происходят также пирамидальные костяные подвески с кружковым орнаментом (Скалистинский и Керченский некрополи), типичные для черняховской культуры. В Инкерманском, Ай-Тодорском, Чернореченском, "Севастопольском", Скалистинском, Заморском могильниках и в Пантикапее найдены двучленные прогнутые подвязные фибулы, сопоставимые с черняховскими. В Инкерманском, Заморском и Скалистинском могильниках, а также в Херсонесе и Пантикапее встречены двупластинчатые фибулы черняховской культуры. Из Ай-Тодорского и "Севастопольского" могильников происходят железные ведеркообразные подвески [56]. Изучение пряжек и некоторых других предметов убора из могильников Юго-Западного Крыма также показало их черняховское происхождение [56].

Массовое распространение предметов черняховской культуры в могильниках и на поселениях Крыма никак не может быть объяснено торговыми связями. Это - явный показатель проникновения черняховского населения в Крым в течение второй половины III - первой половины V в. Высказано предположение, что это переселение не было случайным, а отражает стремление Херсонеса организовать свою защиту с помощью варварского населения [58].

Готы, которым приписываются рассматриваемые могильники Юго-Западного Крыма, - общее название разнородного населения. Об этом можно судить хотя бы по разнохарактерности погребальной обрядности. Наличие в составе этого населения германцев обнаруживается по ряду культурных элементов. Труднее выделить иные этнические компоненты. Но поскольку анализ черняховских древностей Северного Причерноморья выявляет среди их носителей помимо гото-гепидов также сарматов и славян, то допустимо предположение о проникновении в позднеримское время в Крым и представителей этих этносов.

Не исключено, что славянский этнический компонент сохранялся в Юго-Западном Крыму с черняховского времени. Б.А.Рыбаков и А.К.Амброз полагали, что фибулы днепровского типа ввозились в Крым из Поднепровья. Согласно А.И.Айбабину, часть таких фибул, как и другие украшения, хорошо известные по днепровским антскимкладам, вероятно, действительно ввозились в Крым из Поднепровья. А.Л.Якобсон считал, что фибулы днепровского типа изготавливались в Крыму. О попытке производства таких фибул на полуострове говорит находка бракованных изделий в одном из захоронений могильника в Лучистом [59].

Анализ керамических материалов нижнего горизонта наслоений Судакской крепости выявляет наличие среди лепной посуды значительного процента форм пеньковского облика. В Судакской коллекции представлены практически все типы пеньковской керамики. Сосуды днепровско-пеньковского круга, правда, в небольшом количестве встречены также в нескольких погребальных памятниках VII в. в Крыму - Айвазовское, Богачевка, Керчь, Крыловка, Наташино, Суук-Су,

Христофоровка [60]. Эти находки, несомненно, указывают на миграцию в Крым групп населения из пеньковского ареала.

Славянское население в Крыму (было ли оно малочисленным или составляло более или менее значительный процент населения, сказать невозможно), очевидно, имело двойное происхождение. Какая-то часть его могла сохраниться в крымских землях с позднеримского времени. Вместе с тем, нельзя исключать и переселение небольших групп антов в VI-VII вв. О том, что днепровские фибулы в Крыму принадлежат славянам-антам, свидетельствует способ их ношения.

Как уже отмечалось, Й.Вернер отчетливо показал, что готы носили по две одинаковые фибулы, тогда как анты Дунайско-Днепровского региона - по одной фибуле.

Вопрос о судьбе антских поселенцев в Крыму пока не может быть решен. Не исключено, что они растворились среди иноэтничной массы крымского населения, но допустимо также предполагать,

если судить по некоторым весьма спорным данным о народе *росы/русы* [61], островное сохранение славянского населения вплоть до начала древнерусской государственности.

1. Березовец Д.Т. Поселения улицей на р. Тясмине // МИД. N 102. 1963. С. 145-208; Петров В.П. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н.э. (по материалам раскопок 1956- 1958 гг. в Потясминье) // Там же. С. 209-233.
2. Информация о результатах полевых исследований разбросана по множеству изданий. Назову наиболее существенные работы, некоторые из которых обобщают изучение пеньковских древностей по отдельным регионам: Приходнюк О.М. Слов'яни на Поділлі (VI-VII ст. н.е.). Київ, 1975; Он же. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI-IX ст. н.е. Київ, 1980; Он же. Основные итоги изучения пеньковской культуры // Acta archaeologica Carpathica. Т. 24. Krakow, 1985. S. 101-133; Рафалович И.А. Славяне VI-IX вв. в Молдавии. Кишинев, 1972; Хавлюк П.И. Раннеславянские поселения в средней части Южного Буга // СА. 1963. N 3. С. 187-201; Он же. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга // МИА. N 108. 1963. С. 320-350; Он же. Раннеславянские поселения в бассейне Южного Буга // Раннесредневековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 181-215; Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л., 1981; Дьяченко А.Г., Приходнюк О.М., Петренко Б.Н. Комплексы I тысячелетия н.э. из селища Занки (по раскопкам 1976 года) // Археология Славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С. 26-33; Берестнев С.И., Любичев М.В. Новые данные о памятниках пеньковской культуры Ссверского Донца и Ворсклы // Там же. С. 33-36.
3. Березовец Д.Т. Поселения улицей... С. 150, 166; Петров В.П. Стецовка, поселение третьей четверти... С. 216; Телегин Д.Я. Из работ Днепродзержинской экспедиции 1960 г. // КСИАН. Вып. 12. 1962. С. 16; Рутковська Л.М. Дослідження поблизу с. Жовнин Черкаської обл. // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Т. IV. Київ, 1972. С. 226; Бодянский А.В. Археологические находки в Днепровском Надпорожье // СА. 1960. N 1. С. 274.
4. Приходнюк О.М. Общественно-хозяйственная структура славянских поселений (по материалам пеньковской культуры) // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4 Киев, 1988. С. 189-199.
5. Рафалович И.А. Раскопки раннеславянского поселения VI-VII вв. у с. Селиште // Археологические исследования в Молдавии 1968-1969 гг. Кишинев, 1972. С. 122-142; Он же. Исследование раннеславянских поселений в Молдавии // Археологические исследования в Молдавии 1970-1971 гг. Кишинев, 1973. С. 134-144; Рафалович И.А., Лапушнян В.Л. Работы Реутской археологической экспедиции // Археологические исследования в Молдавии 1972 г. Кишинев, 1974. С. 110-147; Они же. Могильник и раннеславянское городище у с. Селиште // Археологические исследования в Молдавии 1973 г. Кишинев, 1974. С. Ю4-140.

6. Хвойко В.В. Городища Среднего Поднепровья и их значение, древности и народность // Труды XII Археологического съезда. Т. 1. М., 1905. С. 93-104; Брайчевский М.Ю. Работы на Пастырском городище в 1949 г. // КСИИМК. Вып. XXXVI. 1951. С. 155-164; Он же. Новые находки VII-VIII вв. н.э. на Пастырском городище // КСИАН. Вып. 10. 1960. С. 106-108; Брайчевський М.Ю. Пастырський скарб 1949 р. // Археологія. VII. Київ. 1952. С. 163-173; Он же. Нові розкопки на Пастырському городищі // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. V. 1955. С. 67-76; Брайчевская А.Т. Кузница на Пастырском городище // КСИАН. Вып. 9. 1960. С. 99-103.
7. Артамонов М.И. Этническая принадлежность и историческое значение на пастырската культура // Археология. София, 1969. N 3. С. 8.
8. Брайчевська А.Т. Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р. // Археологія. XIII. Київ, 1961. С. 114-118; Сміленко А.Т. Слав'яни та їх сусіди в стоповому Подніпров'ї (II-XIII ст.).

Київ, 1975. С. 118-160.

9. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 63; Пудовин В.К. Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су // СА. 1961. N 1. С. 184, 185; Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. N 3. С. 114. О. М. Приходнюк полагает, что на Пастырском городище работали мастера-ремесленники, переселившиеся сюда из Нижнего Подунавья и принешие передовые для того времени провинци-альновизантийские технологии. Переселенцы были потомками тех славян, которые в VI-VII вв. колонизовали Балканский полуостров. Импульсом миграции их Нижнедунайского региона в Поднепровье стал приход в 680 г. болгарских орд Аспаруха (Приходнюк О.М. Технолопя виробництва та витоки ювелірного стилю металевих прикрас Пастирського городища // Археологія. Київ, 1994. N 3. С. 61-77). С этим тезисом в полной мере согласиться трудно. Связи Поднепровья с Нижнем Подунавьем осуществлялись значительно раньше появления Аспаруха на нижнем Дунае.
10. Бідзіля В.І. Залізоплавильні горни середини I тисячоліття н.е. на Південному Бугі // Археологія. XIV. Київ, 1963. С. 123-144.
11. Березовець Д.Т. Могильники уличів у долині р. Тясмину//Слов'яно-руські старожитності. Київ, 1969. С. 58-70.
12. Рафалович И.А. Исследования раннеславянских поселений... С. 141-143; Рафалович И.А., Лапушнян В.Л. Работы Реутской археологической экспедиции... С. 136-141.
13. Рафалович И.А. Данчены. Могильник черняховской культуры III-IV вв. н.э. Кишинев, 1986. С. 24-27.
14. Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. II. СПб.. 1894. С. 29, 118, 149; Авенариус Н.П. Поставамукские курганы // Записки Русского археологического общества. Т. VIII. Вып. 1-2. СПб., 1896. С. 184; Данилевич В.Е. Раскопки курганов около с. Буд и хут. Березовки Ахтырского уезда // Труды XII Археологического съезда. Т. 1. М., 1905. С. 428.
15. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. Т. XVII. 1953. С. 76-89.
16. Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. III. Спб., 1901. С. 147, 148; Березовець Д.Т. Харівський скарб // Археологія. Т. VI. Київ, 1952. С. 109-118; Рыбаков Б.А. Древние русы... С. 73- 76.
17. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. N 3. С. 118.
18. Горюнов Е.А., Казанский М.М. О происхождении широкопластинчатых фибул // КСИА. Вып. 155. 1978. С. 25-31.
19. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА. 1971. N 2. С. 96-123.
20. Гопак В.Д. Техника кузнечного дела у восточных славян во второй половине I тыс. н.э. (Днеп-ровско-Днестровское междуречье) // СА. 1976. N 2. С. 46-56.
21. Вознесенская Г.А. Кузнечное производство у восточных славян в третьей четверти I тыс. н.э. // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 61-65.
22. Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 316-318.
23. Информацию о начальной дате пеньковской культуры см.: Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 88, 89; Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 251.
24. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica. М, 1960. С. 72.
25. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 156, 298, 384.

-
26. Седов В.В. Славяне в древности... С. 233-286.
 27. Седов В.В. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) // Советская этнография. 1974. N 1. С. 16-31.
 28. Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 6-14.
 29. Грушевський М. Анти ("Avrai", "Antes") уривок з історії України - Руси // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. XXI. Вип. I. Львів, 1898. С 1-16; Спицын А.А. Русская историческая география. Пг., 1917. С. 18; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 139-141; Третьяков

- П.Н. Анты и Русь // Советская этнография. Т. IV. 1947. С. 71-83.
30. Zeuss K. Die Deutschen und die Nachbarstämme MUnchen, 1837. S. 602-604.
31. Абаев В.И. О происхождении фонемы у(h) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 115-121.
32. Абаев В.И. Превербь и перфективность. Об одной скифо-славянской изоглоссе // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964. С. 90- 99.
33. Топоров В.Н. Об одной ирано-славянской параллели из области синтаксиса // Краткие сообщения Института славяноведения. Вып. 28. М., 1960. С. 3-11.
34. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. На стыке Востока и Запада. М., 1965. С. 115-1 17.
35. Абаев В.И. Дохристианская религия алан // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960. С. 5-7.
36. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы... С. 110, 111.
37. Седов В.В. Славяне в древности... С. 278, 279.
38. Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С. 180.
39. Riegl A. Die spatromische Kunstindustrie nach den Funden in Osterreich. Bd. II. Wien, 1923. S. 23.
40. Спицын А.А. Древности антов // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 103. Вып. 3. СПб., 1928. С. 492-495.
41. Tallgren A.M. Enamelled Ornaments in the Valley of the Desna // Eurasia Septentrionalis Antiqua. T. XI. Helsinki, 1937. P. 154.
42. Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 57-71; Он же. Древние русы... С. 23-104.
43. Werner J. Slawische Bilgelfibein des 7. Jahrhun-derts // Reinicke Festschrift. Mainz, 1950. S. 150- 170; Idem. Neues zur Frage der slawischen BUgelfibeIn aus sUdosteuropaischen Landern // Germania. Bd. 38. Heft 1-2. 1960. S. 114-120.
44. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979. С. 128-131.
45. Рафалович И.А. Славяне VI-IX вв. в Молдавии... С. 196-198; Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г. Очерки истории культуры Молдавии. Кишинев, 1971. С. 65; Рутковская Л.М. О стратиграфии и хронологии древнего поселения около с. Стецовки на р. Тясмине // Раннесредне-вековые восточнославянские древности. Л., 1974. С. 37, 38; Тимощук Б.А., Русанова И.П., Михаилина Л.П. Итоги изучения славянских памятников Северной Буковины V-X вв. // СА. 1981. N 2. С. 91; Баран В.Д. Пражская культура Поднепровья (по материалам поселений у с. Рашков). Киев, 1988. С. 20, 116.
46. Винокур I.C., Мегей В.П. Ювелірна майстерня ранньосередньовічних слов'ян // Археологія. Кит, 1992. N 3. С. 82-95; Винокур I.C. Перша ливарна форма для пальчатих фибул // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 23-27.
47. Рыбаков Б.А. Древние русы... С. 64, 65. Рис. 10,2; Он же. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. Вып. XXVII. 1949. С. 75- 90. Рис. 30; Виноградский Ю.В., Лавыюк Д.И. Находки бронзовых украшений в Менском и Сосницком районах // КСИАУ. Вып. 9. Киев, 1959. С. 98. Рис. 2,1; Липкинг Ю. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966. С. 45; Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981. С. 43. Рис. 14,4.
48. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв М.. 1982. Карты 3 и 4.
49. Макушников О.А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси. Киев, 1990. С. 58, 59. Рис. 2,14.
50. Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. Минск, 1989. С. 50-54. Рис. 25,14; Седин А.А. Результаты исследований городища Никодимово в Восточной Беларуси // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Менск, 1992. С. 97-100.
51. Седов В.В. Начальный этап славянского расселения в области днепровских балтов // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 45- 52.
52. Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. 25. 1901. С. 39. Табл. XIV,8; Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях Муром в 1916 году // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXIV. М., 1914. С. 73, 133. Рис. 17; Шитов В.Н. Работы Шоқшинской экспедиции в 1991- 1992 гг. // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 162-164. Рис 10,1.
53. Седов В.В. Рязанско-Окские могильники // СА. 1966. N 4. С. 86-104.
54. Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н.э. // Российская археология. 1994. N 2. С. 56-69.

- 55. Репников Н.И. Некоторые могильники области Крымских готов // Известия археологической комиссии. Вып. 19. СПб.. 1906. С. 1-80; Айбабин А.И. Хронология пальчатых и зооморфных фибул днепровского типа из Крыма // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 5-9.
- 56. Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990. С. 99-103.
- 57. Кропоткин В.В.. Черняховская культура и Северное Причерноморье // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 157, 158.
- 58. Пиоро И.С. Крымская Готия... С. 105, 106.
- 59. Айбабин А.И. Хронология пальчатых и зооморфных фибул... С. 8.
- 60. Баранов И.А., Майко В.В. Среднеднепровские элементы в культуре населения Раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 96-103.
Исследователи полагают, что носителями пеньковских древностей были неславяне, и находки пеньковской посуды в памятниках Крыма приписывают болгарам-оногурам.
- 61. Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.

Ипотешти-кындештская культура

В междуречье Прута и нижнего Дуная в результате нашествия гуннов развитие провинциально-римской культуры было нарушено, но значительные массы населения не покинули мест своего обитания. Основу его, по-видимому, составляли романизированные потомки гето-дакийских племен. Не исключено, что среди этого населения, называемого румынскими исследователями автохтонным, сохранялись и островки славян, расселение которых в III-IV вв. документировано Певтингеровой картой. Однако материальная культура V в. в землях, расположенных к северу от нижнего течения Дуная, не дает никаких показателей для выяснения этнической структуры населения этого региона. Поселения этого времени характеризуются керамикой, изготовленной на гончарном круге и явно продолжавшей местные провинциально-римские традиции, и немногочисленными бронзовыми украшениями византийско-дунайских типов, среди которых нет этноопределяющих. Несомненно, что проживали в этом регионе в основном потомки местного населения, которое в этническом отношении было неоднородным.

В VI-VII вв. в восточнорумынских областях получает распространение новая культура, получившая название ипотешти-кындештской (по первым раскопанным поселениям - Ипотешти близ г. Слатина в Западной Мунтении и Кындешти близ г. Бузэу на северо-востоке той же области). Ее создателями стали славяне - носители пражско-корчакских древностей, славяне пеньковской культуры и местное (автохтонное) население (рис. 32).

Расселение славян пражско-корчакской группы шло с севера вдоль восточных склонов Карпат и было довольно мощным. Обогнув Карпаты, славяне несколькими потоками хлынули в Придунайскую низменность и смешались с местным населением. Лепная посуда типично пражско-корчакских форм встречена на многих поселениях междуречья Прута и нижнего Дуная, в том числе на таких относительно хорошо изученных, как Кукорэнь, Руши-Мэнэстриоара и Будень в северных областях восточнее Карпат; Ботошань, Сучава-Шипот, Яссы, Давидень, Поян в Молдове и Страулешти-Лунка, Бэняса и Чурелу в Мунтении. Известна пражско-корчакская посуда также в памятниках Трансильвании, Баната и Олтении. В качестве погребальных урн она зафиксирована в могильниках Сэрата-Монтеору и в Лозна-Стрэтень.

Надежными показателями расселения антов на левобережье Нижнего Подунавья являются находки лепных биконических сосудов, весьма близких к характерной пеньковской керамике, и пальчатых

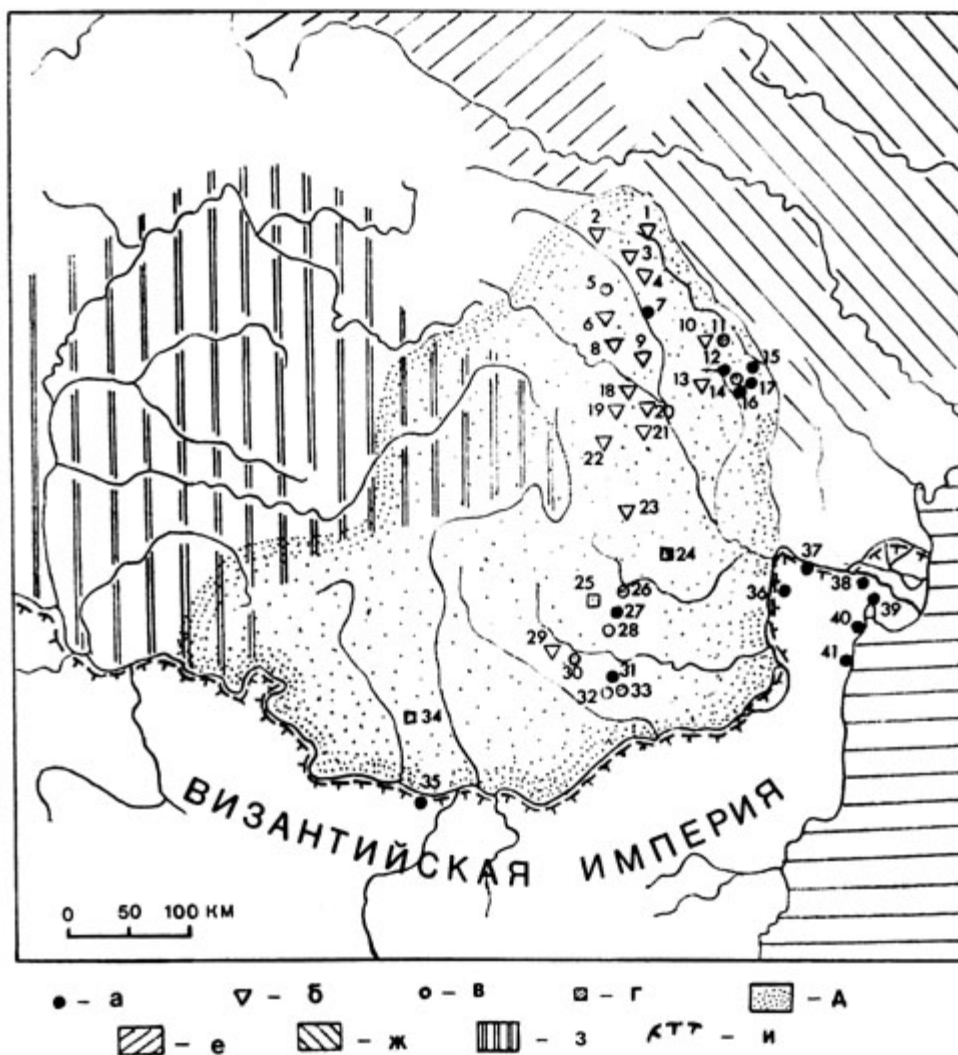

Рис. 32. Ареал ипотешти-кындештской культуры:

а - памятники с материалами пеньковской культуры в ареале ипотешти-кындештской культуры; *б* - памятники с пражско-корчакскими материалами; *в* - памятники с пеньковскими и пражско-корчакскими материалами;

г - биритуальные могильники. Ареалы культур: *д* - ипотешти-кындештской; *е* - пражско-корчакской; *ж* - пеньковской; *з* - регион гепидов; *и* - граница Византийской империи

1 - Босанчъ; 2 - Лозна-Стрэтень; 3 - Кукорень; 4 - Ботошань; 5 - Сучава-Шипот; 6 - Руши-Мынэстриоара;

7 - Долхазка; 8 - Тырпешть; 9 - Давиденъ; 10 - Поян; 11 - Яссы-Круча Луй Ференц; 12 - Тэбэлешть; 13 - Поланка; 14 - Додешть-Васлуй; 15 - Чортешть; 16 - Пожорэнь-Васлуй; 17 - Бэлэбэнешть; 18 - Бакэу-Куртя; 19 - Домнеаскэ; 20 - Коротень; 21 - Ореаву; 22 - Паланка; 23 - Поян; 24 - Прувени; 25 - Криков-Цептура; 26 - Сэрата-Монтеору; 27 - Будуреаска; 28 - Милитарь; 29 - Чурелу; 30 - Тыргшор; 31 - Букурешти; 32 - Страулешть; 33 - Страулешть-Лунка; 34 - Кошовени; 35 - Козлодуй; 36 - Топрайкиой; 37 - Диногечия; 38 - Тулча; 39 - Муригиол; 40 - Пятра-Фрэкецей

фибул с маскообразной головкой. Антская посуда встречена на поселениях Тэбэлэешть и Чортешть к востоку от Карпат, Сучава-Шипот в Молдове, Стрэулешть и Милитарь в предместьях Бухареста. Известна она и в памятниках Северной Добруджи - Диногечии, Муригиол, Пятра Фрэкецей, Тулче и Хистрии. Есть такая керамика и в могильнике Сэрата-Монтеору.

Какая-то часть славянского населения проникла в Нижнедунайский регион, имея уже смешанную культуру, сочетавшую в себе и пражско-корчакские, и пеньковские элементы. Такое культурное смешение наблюдается на ряде памятников междуречья Днестра и Прута, через которое направлялись основные потоки антских переселенцев.

Несмотря на такую пеструю картину славянского освоения Нижнедунайского региона могут быть выделены области, в которых преобладающим было антское население, и земли, заселенные преимущественно выходцами из пражско-корчакского ареала. Так, согласно Д.Г.Теодору, славянские группы с керамикой пражско-корчакского типа расселились на территориях восточнее Карпат и в долине Сирета и его бассейна. Основными памятниками их являются поселения Сучава-Шипот, Руши-Мэнэстиоара и Будень в Сучавском уезде; Кукорэнь в уезде Ботошань; Давиденъ и Тырпешть в уезде Нямц; Бакэу-Куртя, Домнеаскэ, Коротень, Ореаву и Паланка в уезде Вранча.

Памятники, в которых основную часть славянской керамики составляют пеньковские сосуды, сконцентрированы преимущественно вдоль р. Прут и на ее притоках. Это поселения Бэлэбэнешть, Пожорэнь-Васлуй и Чортешть-Яссы в Молдове; Муригиол, Пятра-Фрекэцей, Топ-райкой и Тулча в Добрудже. В южных частях Молдовы и на Мунтенской равнине на поселениях обычно керамика пражско-корчакского типа встречается вместе с посудой пеньковского типа. Таковы, в частности, памятники Милитарь Чурелу и Стрэулешть в окрестностях Бухареста [1].

Направления и пути расселения славян в VI-VII вв. в Нижнем Подунавье попыталась реконструировать М.Комша [2].

Пальчатые фибулы антского типа обнаружены на многих поселениях Нижнедунайского региона, в том числе в закрытых жилищных комплексах, а также в захоронениях некоторых грунтовых могильников (рис. 33).

Исследователь погребальных древностей Нижнего Подунавья У.Фидлер посвятил этим находкам отдельный раздел своей монографии, считая антские пальчатые фибулы важным этническим индикатором славянского расселения. Подчеркивая большое значение работ Й.Вернера по изучению этих находок, У.Фидлер дифференцирует пальчатые фибулы Нижнего Подунавья на две группы - германскую и славянскую. Первым присущи человеческая маска на головке с крючкообразными выступами и дополнения из драгоценных металлов и алмадина. Орнаментировались они в германском зверином стиле или имели плоские геометрические узоры, ленточные или рудиментарно-спиральные. Датируются эти фибулы У.Фидлером второй половиной V - первой половиной VI в. и отражают приход германцев на окраины ранневизантийского мира. Германцы, как известно, составили основу гарнизонов в византийских крепостях на нижнем Дунае.

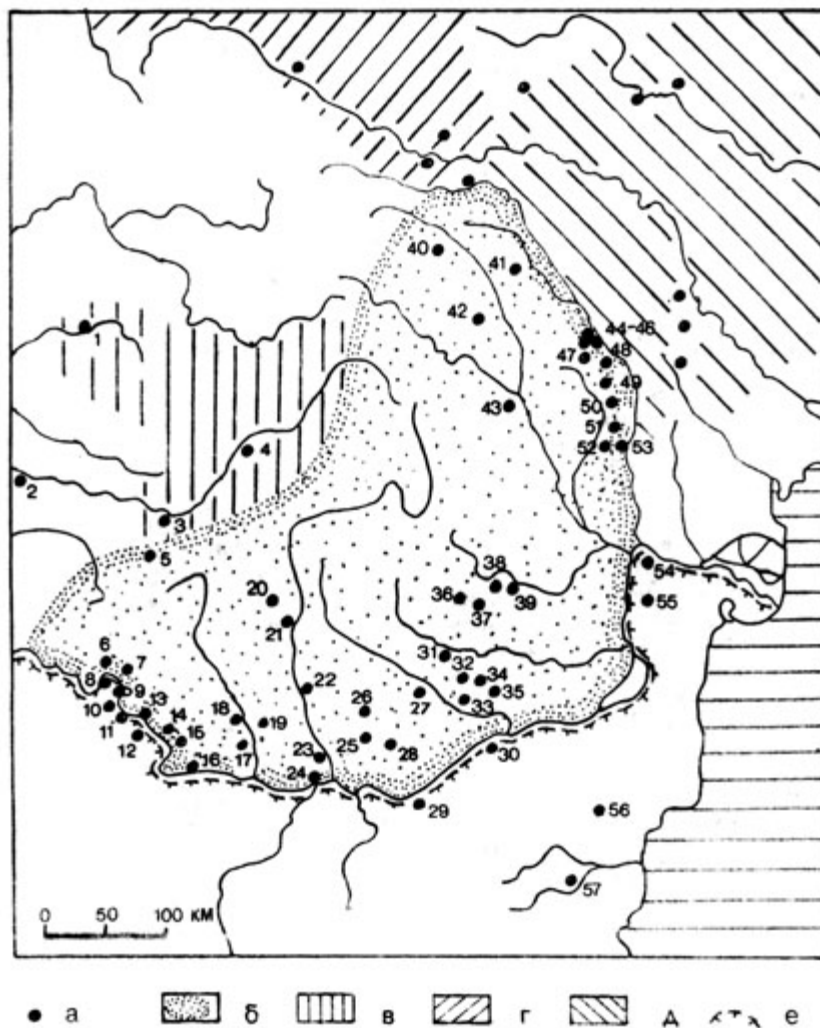

Рис. 33. Распространение пальчатых фибул антских типов в Нижнем Подунавье:

a - памятники с находками антских фибул. Ареалы: *б* - ипотешти-кындештской культуры; *в* - медиаш-группы; *г* - пражско-корчакской культуры; *д* - пеньковской культуры; *е* - северная граница Византийской империи

1 - Сэцуюени; 2 - Фелнак (Фенлак); 3 - Вецел; 4 - Гымбаш; 5 - Сармизеджетуза; 6 - Оршоа; 7 - Дробета-Турну Северин;

8 - Кладово; 9 - Корбово; 10 - Велесница; 11 - Прахово; 12 - Неготин; 13 - Извоареле; 14 - Пленица; 15 - Выртоп; 16 - Деса (Деза); 17 - Дрэниц; 18 - Вела; 19 - Кошовени; 20 - Феригиле; 21 - Михэшти; 22 - Бребени; 23 - Фэркашеле; 24 - Орлеа;

25 - Александия; 26 - Вирлоапе; 27 - Касциоареле; 28 - Адамешти; 29 - Кривина; 30 - Нова Черна; 31 - Бутиману;

32 - Бухарест-Бэнеаска; 33 - Бухарест-Дэмэроала; 34 - Бухарест-Тей; 35 - Прунени; 37 - Будуреаска; 38 - Охиу Боулуй;

39 - Сэрата-Монтеору; 40 - Сучава-Шипот; 41 - Драчени-Ботошань; 42 - Давидень-Неамтц; 43 - Бакэу; 44 - Яссы - Крукеа Лун Ференц; 45 - Пышкань-Яссы; 46 - Мирословешть; 47 - Бэлтснь-Васлуй; 48 - Будсшти-Васлуй; 49 -

Вуткани-Васлуй; 50 - Федешти-Васлуй; 51 - Хорга-Васлуй; 52 - Шүлетеи-Васлуй; 53 - Виндерей-Васлуй; 54 - Гарвэн; 55 - Пятра-Фрекэцей; 56 - Мадара; 57 - Люляково

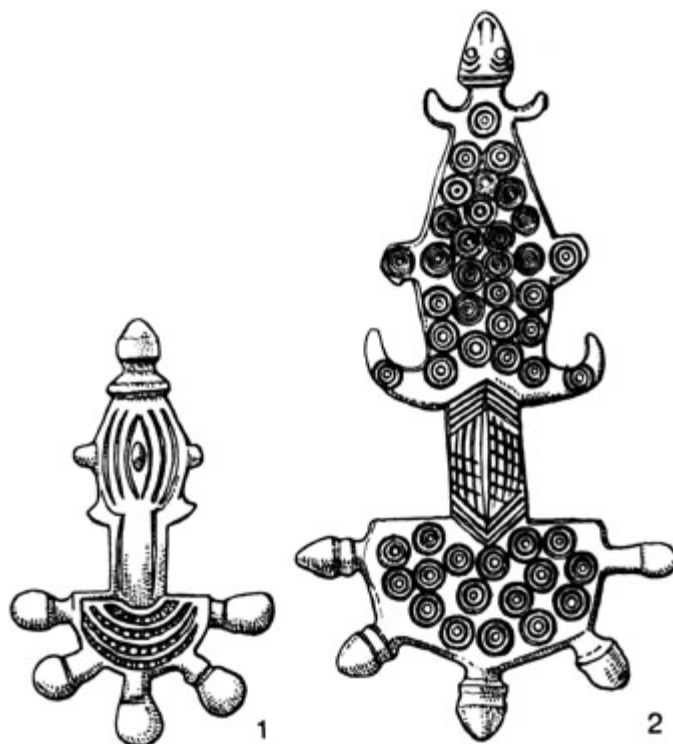

Рис. 34. Пальчатые фибулы Нижнего Подунавья: 1 - Сучава-Шипот; 2 - Драчени-Ботошане

В первую очередь это были готы и гепиды. Фибулы первой группы - важный показатель пребывания германских женщин в нижнедунайских городах и крепостях. Существенно то, что в Арчаре, Девие, Реке, Садовце и Трояне найдены парные фибулы - важная черта именно германского одеяния.

Фибулы второй группы (рис. 25: 4, 34) более однообразны, орнаментация упрощается - простейшие спиральные узоры на первых порах и позднее кружки и "глазки", имитирующие спиральные узоры. Распространение этих находок соответствуют местам массового расселения славян в землях к северу от нижнего Дуная

во второй половине VI в., а на территориях к югу от Дуная начиная со второго десятилетия VII в. Наиболее ранние находки этих фибул на нижнем Дунае, утверждает У.Фидлер, нужно датировать по могильным древностям началом VI в. Исследователь не соглашается с теми румынскими археологами, которые видят в антских пальчатых фибулах всего лишь продукт византийских мастерских. Действительно, основная часть пальчатых фибул второй группы, как и германские фибулы, были изготовлены в византийских мастерских Балканского полуострова. Однако анализ условий находок рассматриваемых предметов позволяет утверждать, что они, являясь ремесленной продукцией, стали одним из важнейших этнических индикаторов [3].

В результате встречи двух основных потоков славян с местным населением и сформировалась ипотешти-кындештская культура (рис. 35). На памятниках этой культуры помимо пражско-корчакских и пеньковских компонентов в той или иной мере присутствуют местные элементы, как продолжавшие провинциально-римские традиции, так и своеобразно воспринявшие пришлые элементы. Провинциально-римское наследие проявляется прежде всего в керамическом материале - глиняной посуде специфических форм, изготовленной на круге.

К числу наиболее ранних принадлежат поселения Босанчь и Долхаска в округе Сучавы, Чеортешть под Яссами, Тэбэлэешть а уезде Васлуй, в которых господствует лепная керамика пражско-корчакского и пеньковского типов. На более поздних памятниках уже нередко преобладает гончарная посуда.

Время начала широкой инфильтрации славян в Нижнедунайский регион не может быть определено достаточно точно. Надежно можно утверждать, что культура Ипотешти-Кындешти уже сформировалась к середине VI в. Следовательно, славяне стали расселяться здесь по крайней мере в первой половине VI в. На основании погребальных древностей У.Фидлер определяет появление славянского населения в северной части Нижнего Подунавья рубежом V и VI вв., с чем, по-видимому, следует согласиться.

Основными памятниками ипотешти-кындештской культуры являются неукрепленные поселения, располагавшиеся на возвышенных террасах речных долин. Более или менее крупными раскопочными изысканиями были затронуты свыше четырех десятков селищ. Результаты этих исследований обобщены по отдельным регионам. Области, расположенные к востоку от Карпат, монографически изучаются Д.Теодором [4]. Памятники Мунтении были объектом рассмотрения С.Долинэску-Фэрхэ [5], Баната - М.Комши [6], Олтении - О.Торопу [7], Трансильвании - З.Шекель [8], Добруджи - Д.Вилцеану и А.Барнеа [9].

Жилищами служили прямоугольные в плане полуземлянки с печами, сложенными из камней или глины, иногда встречаются и подобные постройки с очагами. Нередко печи делались в стенках полуземлянок. Печи, как правило, располагались в одном из углов жилищ. Стены их в одних случаях были срубными, в других постройках имели столбовую конструкцию. По всем своим особенностям и интерьеру жилища ипотешти-кындештской культуры идентичны славянским, характерным для пражско-корчакского и пеньковского ареалов. Ипотешти-кындештский регион входит в единый ареал славянских полуземляночных жилищ (рис. 4); представляется несомненным, что в Нижнее Подунавье этот тип жилых построек был привнесен славянским переселенцами.

На поселении Бэняса около Бухареста раскопками исследовано свыше двух десятков полуземляночных построек, относящихся к трем временным этапам. На ранней стадии часть керамического материала составляла лепная посуда пражско-корчакского типа, но вместе с ней встречены и фрагменты гончарных сосудов. Последние изготовлены из хорошо перемешанного глиняного теста серого цвета.

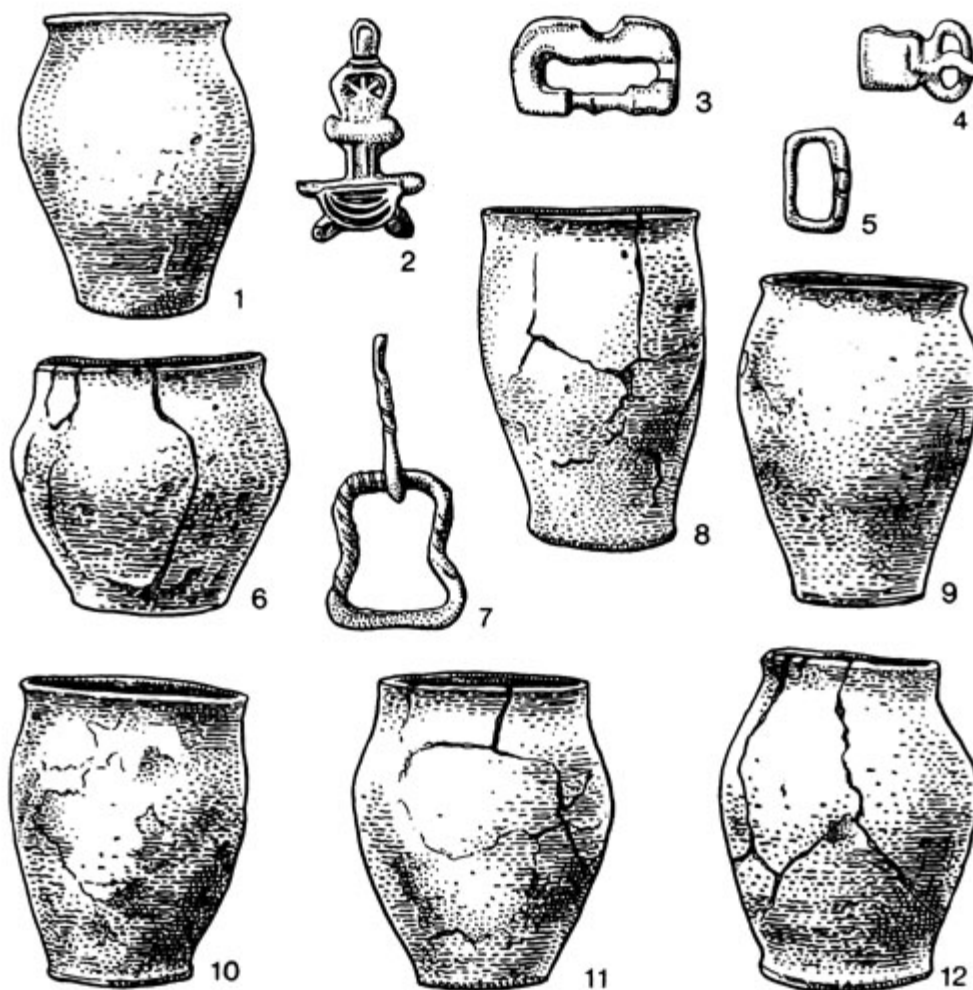

Рис. 35. Находки ипотешти-кындештской культуры:
1, 6, 8-12 - глиняные сосуды; 2 - фибула; 3-5,
7 - пряжки
1, 8, 10-12 - Сучава-Шипот; 2-7, 9 -
Сэрата-Монтеору

Сосуды профилированы, с округлыми плечиками и нередко украшены несколькими прочерченными горизонтальными линиями [10].

Подобная гончарная керамика обычна для всех поселений рассматриваемой культуры. На поселении Поян в юго-восточной части Трансильвании раскопками было открыто свыше 30 жилищ-полуземлянок с печами-каменками. И опять-таки

уже в самых ранних постройках вместе с лепными горшками пражско-корчакского типа была распространена и гончарная описанного выше облика [11].

Более 30 полуземляночных жилищ с печами-каменками в углу раскопано и на поселении Ботошань-Сучава. Некоторые печи сохранились здесь сравнительно хорошо, представляя исследователям возможность для детальных реконструкций. Большая часть построек имела

столбовую конструкцию стен, но выявлены и срубные строения. При изучении некоторых жилищ определено, что они имели двускатное перекрытие. Встречена как лепная, так и гончарная посуда [12].

Жилища на поселениях ипотешти-кындештской культуры довольно бедны находками. В значительном количестве встречается только керамика. Коллекции лепной посуды образуют горшкообразные сосуды пражско-корчакской и пеньковской форм, а также производные от них типы, и сковородки. Изготавливались они из глины с примесью шамота, дресвы и мелкого песка. На относительно поздней керамике иногда присутствует орнамент в виде косых нарезок по краю венчика. Кроме того, среди лепной посуды имеются горшкообразные сосуды вытянутых форм, которые исследователи ипотешти-кындештских древностей связывают с местными гето-дакийскими традициями. Такая керамика известна по всему ареалу рассматриваемой культуры. Помимо того, такие сосуды встречены на ряде поселений западной части территории пеньковской культуры (в междуречье Прута и Южного Буга).

Глиняная посуда, изготовленная на гончарном круге, на поселениях ипотешти-кындештской культуры была распространена в значительном количестве, особенно на памятниках, расположенных ближе к Дунаю. Северная граница Византийской империи в этот период проходила по Дунаю, и на его берегах стояли города и крепости, в которых работали ремесленники, в том числе и гончары, снабжавшие готовой продукцией население рассматриваемой культуры. Гончарное производство было налажено и на некоторых ипотешти-кындештских поселениях: в Дэмэроае раскопками был исследован гончарный горн. Горшки, сформованные на круге, характеризуются высокоразвитой техникой изготовления. Они имеют четкую форму, красную или серую поверхность и орнаментированы поясами из нарезных горизонтальных и волнистых линий. Эта посуда аналогична провинциально-византийской керамике начала средневековья и, безусловно, восходит к римским традициям.

Погребальными памятниками ипотешти-кындештской культуры являются грунтовые могильники. Обрядом захоронения, единодушно связываемым всеми исследователями со славянским населением, является кремация умерших. Наиболее значительным могильником рассматриваемой культуры является Сэрата Монтеору, находящийся в северо-восточной части Мунтении недалеко от г. Бузэу.

Памятник исследовался И.Нестором с 1937 по 1958 год. Раскопками вскрыто 1536 могил с захоронениями по обряду трупосожжения [13]. Количество погребений в могильнике было значительно большим. Раскопки показали, что многие захоронения находились в слоях, затронутых плугом. Какая-то часть их была окончательно разрушена при вспашке.

Большую часть погребений составляли простые ямные могилы, содержавшие лишь кальцинированные кости. Выявлено и несколько десятков урновых захоронений, иногда часть сожженных костей находилась в урне, другая часть ссыпалась на дно могильной ямы рядом с урной. В некоторых могилах остатки кремации ссыпались в могильную яму, а рядом ставился глиняный сосуд.

Могильные ямы располагались отдельными группами - вероятно, их образовывали захоронения членов одной семьи. Исследователями подмечено, что такие семейные группы объединялись в более крупные комплексы, принадлежавшие уже патриархальным семьям. Нужно

полагать, что в период функционирования кладбища отдельные могилы были как-то обозначены.

Среди урн и сопровождающих сосудов доминирует лепная керамика ипотешти-кындештских типов. Только отдельные горшки могут быть сопоставлены с пражско-корчакскими или пеньковскими формами. Горшки, изготовленные на гончарном круге, встречены только в четырех могилах.

Вещевых находок в погребениях очень немного. Основная часть захоронении вообще не содержит

никаких предметов. Скудость могильных находок - характернейшая черта раннесредневекового славянства. Среди предметов, найденных в могилах рассматриваемого памятника, имеются желтые, зеленые, синие и полихромные стеклянные бусы, железные ножи, кресало, наконечники стрел аварского типа, бронзовые и железные поясные пряжки. Самыми интересными находками бесспорно являются пальчатые фибулы. Среди них большинство принадлежит к типично антским. Фибула из могилы 140, по всем своим показателям принадлежащей к славянским захоронениям, близка к германским находкам (типа Братей), изготавливавшимся в первой половине и середине V в. На основе этой фибулы первые захоронения могильника Сэрата Монтеору датируются началом VI в. В пользу этого говорят и находки бронзовых бляшек, распространенных в V - начале VI в. В целом рассматриваемое кладбище датируется У.Фидлером VI - началом VII в.

Аналогичные могильники, исследованные раскопками в меньшей степени, известны в Балта Верде и Корбове (юго-западная часть Олтении), Козлодуге на правом берегу Дуная на территории Болгарии. В могильниках Прунени и Криков-Цептура, расположенных в Мунтении недалеко от Сэрата Монтеору, открыты ипотешти-кындештские захоронения по обряду трупоположения. По-видимому, такое же погребение находилось в Кошовени. При погребенных по обряду ингумации в могильниках Прунени и Кошовени найдены пальчатые фибулы славянского облика - важный показатель того, что анты наряду с обрядом кремации умерших знали и ритуал трупоположения.

Выявлены подобные погребальные памятники и в Молдове. Один из них раскапывался в Кындешти, в непосредственной близости от поселения, давшего название рассматриваемой культуре. Здесь открыто несколько могил с остатками трупосожжений, находящихся или в простых ямах, или в горшках, близких к пражско-корчакским. Могилы с захоронениями по обряду кремации раскопаны также в Ловне в уезде Ботошань. Здесь найдена бронзовая сердцевидная бляшка римско-византийского происхождения, датируемая началом VII в.

Нижнедунайские могильники раннего средневековья, как уже говорилось, были монографически проанализированы У.Фидлером. В итоге исследователем отчетливо выделяются две группы погребальных памятников. Первую составляют все названные некрополи, состоящие преимущественно из захоронений по обряду кремации умерших; трупоположения в них являются исключениями. Среди трупосожжений имеются безурновые и урновые, последние иногда имели покрытия. Вещевые находки встречаются крайне редко. Для захоронений характерна лепная керамика или сосуды, изготовленные на примитивном гончарном круге. Эта группа могильников связывается У.Фидлером со славянским населением Нижнего Подунавья [14].

Во вторую группу нижнедунайских погребальных памятников У.Фидлер включает биритуальные могильники. Среди них часть кладбищ принадлежала праболгарам, что подтверждается и антропологическими материалами. Другие биритуальные могильники оставлены, очевидно, в этническом отношении смешанным населением, но дифференцировать по этническим группам отдельные захоронения не представляется возможным.

До 602 г. нижний Дунай оставался

северной границей Византийской империи. В городах и крепостях, расположенных довольно плотно по берегам этой реки, преимущественно по правому берегу, находились воинские гарнизоны, которые сдерживали натиски племен, расселившихся в более северных землях. В Нижнедунайском регионе это были преимущественно славяне, подразделяемые византийскими авторами того времени на с(к)лавин и антов, что полностью соответствует данным археологии. Анты византийских источников - носители пеньковской культуры. В Нижнем Подунавье они заселяли юго-восточные земли, и далее их территория простиралась в восточном направлении до Северского Донца. С(к)лавини - племена пражско-корчакской культуры, расселившиеся в основном в северо-западных частях Нижнего Подунавья. Анты и с(к)лавини различались между собой некоторыми

этнографическими (археологически проявляются прежде всего в убранстве женской одежды, а также в отдельных элементах погребальной обрядности) и диалектными особенностями.

Взаимоотношения между с(к)лавинами и антами в Нижнем Подунавье (а авторы, писавшие о них, имели в виду прежде всего этот регион) были различными. Нередко они действовали совместно. Прокопий Кесарийский говорит о с(к)лавиных и антах, что "...у тех и других единый язык, совершенно варварский. Да и внешнею они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны, телом... Да и имя встарь у склавинов и антов было одно". Здесь же византийский хронист сообщает, что "...также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и у других, и установлено исстари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов - создатель молнии - именно он есть единый владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных" [15].

Источники фиксируют и случаи вражды между антами и с(к)лавинами: "А спустя время анты и склавины, оказавшись в ссоре друг с другом, вступили в сражение, где и случилось антам потерпеть поражение..." [16].

Освоив северные части Нижнего Подунавья, славяне уже в первой половине VI в. стали проникать в земли Византийской империи. Вопрос о расселении славян в землях южнее Дуная и освоении ими Балканского полуострова рассмотрен ниже в специальном разделе. Взаимоотношения между Византийской империей и славянским населением Нижнедунайского региона на различных этапах были различными - как мирными, так и враждебными. Источники сообщают, что при набегах на византийские владения славяне брали в плен многие десятки тысяч жителей Империи и поселяли их в своих землях к северу от Дуная [17]. Согласно Прокопию, уже в 30-40-х годах VI в. византийские военачальники привлекали для ведения боевых операций воинов в гористых регионах из среды антов, так как "эти варвары искуснее всех умеют сражаться в труднодоступных местностях" [18]. Византийская цивилизация оказала положительное воздействие на развитие экономики, быта и культуры приданайских славян, повышении их благосостояния. К концу VI в. византийские авторы говорят о заданайских землях как о богатом земледельческом крае.

В Нижнедунайском регионе славянское население в VI-VII вв. стало доминирующим этносом. Анализ керамических материалов свидетельствует о постепенном увеличении славянских компонентов на поселениях ипотешти-кындештской культуры. Так, на селище Сучава-Шипот, датированном VI-VII вв., славянская лепная посуда составляет 60% всей керамической коллекции, на поселении Лозна-Дорохой, возникшем в VII в., ее доля повышается до 68-76%.

Однако ипотешти-кындештская культура не получила длительного развития, просуществовав в основном до конца VII столетия. Прорыв славянами византийской границы на нижнем Дунае привел к широкому продвижению их на Балканский

полуостров. В течение VII в. население в регионе ипотешти-кындештской культуры постепенно уменьшалось. Во второй половине этого столетия эти земли были затронуты движением кочевых орд тюрок-болгар во главе с Аспарухом, в какой-то степени опустошившем их. Целый ряд славянских поселений в Молдове и Мунтении в это время прекращает существование, в Олтении сохраняются лишь разрозненные редкие поселения. Прекращают функционировать почти все известные славянские могильники VI-VII вв.

Славяне, оставшиеся в северных землях Нижнего Подунавья, под воздействием романцев постепенно изменяют свои культурные особенности. Процесс этот был весьма сложным и протекал неоднозначно в различных регионах. В ряде мест сохранялись островки славянского населения, не затронутого романизацией. Об этом свидетельствуют раскопки поселений с культурными отложениями VII- VIII вв. - Борниш, Лозна-Стрэтень и Хлинча-Яссы в восточноприкарпатском

регионе, Бэлень, Дулчанка и Ширне в Мунтении, Сэлашурь и Филиашь в юго-восточной Трансильвании и могильника с погребениями VIII в. Налбант в Добрудже [19]. Эти памятники по всем показателям можно рассматривать как славянские, их культура является непосредственным развитием предшествующей.

Да и в целом культурное развитие Нижнедунайского региона продолжало традиции ипотешти-кындештских древностей. Поселениям VIII-IX вв. свойственны полуземляночные жилища с каменными или глиняными печами, расположенными в одном из углов. По всем своим особенностям они идентичны ипотешти-кындештским. Материальная культура также продолжала традиции предшествующего времени. Вначале на этих памятниках еще преобладала лепная керамика, весьма близкая к посуде VI-VII вв. Однако теперь глиняные сосуды часто орнаментировались. Украшались они обычно вдавлениями или насечками по краям венчиков. По-прежнему доминирующими формами сосудов были горшки и сковородки.

Вместе с тем, наблюдается процесс постепенного распространения посуды, изготовленной на гончарном круге. Формы сосудов в основном оставались прежними, но повышается их качественная сторона и распространяется орнаментация врезными горизонтальными и волнистыми линиями, покрывающая большую часть тулова. Появляются и новые типы глиняных изделий - миски и кувшинообразные сосуды, прямоугольные жаровни. Глиняные сковородки по-прежнему изготавливались ручным способом. На ряде поселений встречена и тонкостенная посуда византийского типа.

Не исключено появление в это время в рассматриваемом регионе и новых небольших групп славянского населения. Этими славянскими переселенцами, как полагают румынские археологи, были привнесены лепная посуда с шнуровой орнаментацией на венчиках и плечиках, сопоставимой с роменско-боршевской, и железные ножи с рукоятками [20].

Для VIII-IX вв. славянские этнические элементы, по мнению румынских археологов, фиксируются прежде всего в деталях погребальной обрядности. В могильниках этого времени в немалом числе встречаются трупосожжения в глиняных урнах или прямо в ямах, которые действительно должны быть отнесены к славянскому населению. Более значительная часть могильников этого времени принадлежит к биритуальным, которые включают захоронения как по обряду кремации, так и по обряду трупоположения. Последние и считаются исследователями погребениями автохтонного населения, с чем никак нельзя согласиться. В условиях длительного проживания славянского и дако-романского населения на одной территории такое членение абсолютно неправомерно. Думается, что трупосожжения в нижнедунайских могильниках могли принадлежать и славянам, и

неславянскому населению, а среди погребений по обряду ингумации какая-то часть должна быть оставлена и потомкам антов, тем более что трупоположения в антской среде, как говорилось выше, восходят к позднеримскому времени.

Оба этноса - славянский и дакороманский - находились в это время в теснейшем взаимодействии, и дифференциация их слабо различимых этнокультурных особенностей, фиксируемых на поселениях и в могильниках, в такой ситуации представляется затруднительной. Более того, некоторые трупоположения в нижнедунайских могильниках совершены уже по христианской обрядности и относить таковые исключительно к романскому этносу неправомерно.

До конца I тысячелетия в Нижнедунайском регионе славяне сохраняли некоторые специфические культурные особенности. Но начавшийся в VIII-IX вв. процесс романизации населения приобретал все большую и большую направленность. Развитие материальной культуры в различных местностях рассматриваемой территории имело свои особенности, свидетельствуя о сложности протекания этого процесса.

Проблема этногенеза румын длительное время обсуждается в научной литературе. Одна группа исследователей, в частности большинство румынских авторов, отстаивает автохтонную теорию, согласно которой романское население Нижнего Подунавья - результат романизации местных гето-дакийских племен. Археологические древности VI-XI вв. Карпато-Дунайского региона румынские ученые рассматривают как памятники автохтонного населения, и в этой связи иногда утверждается мысль о сложении уже в это время румынской народности [21]. Целый ряд румынских этнографов, выявляя сходство некоторых этнографических явлений (в области скотоводства и земледелия, рыболовства и добычи руды, типах народной одежды), полагают, что культура румын имеет автохтонное начало и продолжала традиции дако-романского населения Нижнего Подунавья [22].

Другая группа исследователей отрицает местное происхождение румын, считая, что формирование румынского языка и этноса имело место где-то к югу от Дуная и только потом предки румын переселились на северный берег нижнего Дуная, где могли сохраняться островки романизированного населения. Недавно У.Фидлер, рассмотрев основные теории этногенеза румын и проанализировав данные археологии, пришел к заключению, что римско-византийское господство в Нижнем Подунавье, продолжавшееся три с половиной столетия, не привело к романизации местного дако-фракийского населения. Потомки древнероманского населения к началу средневековой поры проживали рассредоточенно по всему Балканскому полуострову, в том числе в Македонии, Фессалии, Албании и Северной Греции. В период упадка византийского господства на Балканском полуострове эти потомки древнероманского населения - влахи/волохи (*valahi, vlasi, volohi, blaci* исторических памятников той эпохи) вместе со славянами, проживавшими к северу от нижнего течения Дуная, и положили начало становлению румынской народности. Этот процесс, как считает исследователь, начался в VIII или в IX столетии [23]. С этим выводом, думается, следует согласиться.

И ранее отдельные исследователи обращали внимание на то, что румынская народность могла сформироваться только после поглощения славянского населения Северодунайского региона, то есть примерно не ранее X в. В письменных источниках волохи - предки румын и ранние румыны - в Карпатско-Дунайских землях отчетливо выступают лишь с XII столетия.

Участие славянского населения в этногенезе румын представляется бесспорным. Помимо достоверных археологических материалов об этом надежно говорят данные языкознания, топонимики и этнологии.

Территория, ныне принадлежащая

восточнороманскому населению, весьма богата славянскими географическими названиями [24]. Вполне понятно, что славяне могли дать названия всем этим рекам, поселениям и урочищам, если они какое-то время заселяли Карпато-Дунайский регион и занимали в нем доминирующее положение. Сохраниться славянская топонимия могла лишь в том случае, если славяне не покидали мест своего обитания в условиях становления румынского этноса.

Характерной особенностью восточно-романского (румынского и молдавского) языка является наличие в его лексике значительного славянского пласта. Древнейшие славянские заимствования распространены по всей территории восточнороманского языка. Фонетические особенности позволяют относить их ко времени ранее X-XI вв. [25]. Существенно то, что к славянским по происхождению принадлежат названия сельскохозяйственных орудий труда и способов обработки полей (*плуг, борона, коса, борозда, грабли, черный пар, сноп, копна* и др.). В молдавских диалектах среди терминов, связанных с земледелием, только 5% их имеют латинское начало, тогда как доля лексем славянского происхождения составляет 30%. Аналогичная картина наблюдается и при анализе молдавской лексики, связанной с прядением и ткачеством.

В антском диалекте, как отмечалось выше, взрывное *g*, свойственное праславянскому языку, в

условиях славяноиранского симбиоза изменилось в задненебный фрикативный $y(h)$. В восточных районах Румынии и в Молдавии выявлен целый ряд топонимов, несомненно славянского происхождения, в которых g представлен как h . Румынский лингвист Э.Петрович подметил, что ареал их совпадает с областями распространения географических названий славянского происхождения с полногласием, и в этой связи полагал, что славянское население этих земель до его ассимиляции румынами говорило на одном из украинских диалектов [26]. Однако об украинских диалектах в рассматриваемое здесь время не может быть речи. Очевидно, топонимы с меной $g > h$ следует связывать с проживанием в Карпатско-Дунайском регионе в начале средневековья антов.

1. Теодор Дан Г. Новые данные о славянах в Карпато-Дунайских областях в VI-VII вв. н.э. // *Interaktioncn der mitteleuropaischen Slawcn und anderen Ethnika im 6.-10. Jahrhundert*. Nitra, 1984. S. 261-265.
2. Comsa M. Directions et etapes de la penetration des Slaves vers la peninsule Balkanique aux VI- VII siecles (avec un regard special sur la territoire de la Roumanie) // *Balkanoslavica*. T. 1. Beograd, 1972. P. 23. Fig. 10.
3. Fiedler U. Studien zu Grabcrfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Teil 1-2. Bonn, 1992 (Universitätsforschungen zur prahistorischen Archaologie. Band 11).
4. Teodor D.Gh. Teritoriul est-carpatic in veacurile V-XI c.n. Contributii arheologice si istorice la problema formarii poporului român, Iasi, 1978; См. еще монографии этого автора, посвященные отдельным памятникам: Teodor D.Gh. Continui-tatca populației autohtone la cst de Carpați in secolele VI-XI e.n. Aschiarile din secolele VI-XI e.n. de la Dodești-Vaslui. Iasi, 1984; Idem. Civilizafia romanica la cst de Carpați in secolele V-VII e.n. (Asezarea de la Botosana-Suceava). Bucuresti, 1984.
5. Dolinescu-Ferche S. La culture Ipotesti-Ciurel-Cindesti (V-VII siecles). La situation en Valachie // *Dacia*. T. 28. Bucuresti, 1984. P. 117-147.

6. Comsa M. Unele date cu privire la Banatul de sud in secolele IV-VII e.n. // *In Memoriam Constantin Daicoviciu*. Cluj, 1974. P. 85-97.
7. Toropu O. Romanitatea tirzie si straromanii in Dacia Traiana sudcarpatica Craiova, 1976. P. 119-144.
8. Szekely Z. Asezari din secolele IV-IX in sud estul Transilvaniei. Aluta, 1974-1975. P. 35-48.
9. Vilceanu D., Barnea Al. Ceramica lucrata cu mina din asezarea romano-bizantina de la Piatra Frecatei (secolul al VI-lea e.n.) // *Studii si cercetari de istorie veche si arheologie*. T. 26. 2. Bucuresti, 1975. P. 209-218.
10. Constantiniu M. Asezarea autohtona prefeudala de la Baneasa // *Cercetari arheologice in Bucuresti*. T. II. Bucuresti, 1965.
11. Szekely Z. Die fruhesten slawischen Siedlungen in Siebenburgen // *Slavia Antiqua*. T. XVII. Poznan, 1970. S. 125-136.
12. Teodor D.Gh. Civilizatia romanica... P. 22-48.
13. Nestor I. Santierul Sarata-Monteoru // *Studii si cercetari de istorie veche*. Bucuresti, 1953 (N 4). P. 69-89; Idem. La necropole slave d'epoque ancienne de Sarata Monteoru // *Dacia*. T. I. Bucuresti, 1957. P. 289-295; Nestor I., Zaharia E. Sapaturile de la Sarata-Monteoru din 1955 (reg. Ploiesti, r. Buzau) // *Materialc si cercetari arheologice*. T. 4. Bucuresti, 1957. P. 187-194; Idem. Sapaturile de la Sarata-Monteoru (r. Buzau, reg. Ploiesti) // *Ebendasselbst*. T. 5. 1959. P. 511-518; Idem. Sapaturile de la Sarata-Monteoru // *Ebendasselbst*. T. 6. 1959. P. 509-514; Idem. Sapaturile de la Sarata-Monteoru // *Ebendasselbst*. T. 7. 1961. P. 513-517.
14. Fiedler U. Studien zu Graberfeldern... S. 74-91.
15. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1991. С. 183, 185.
16. Свод древнейших письменных известий... С. 181.
17. Свод древнейших письменных известий... С. 179, 181.

18. Свод древнейших письменных известий... С. 187.
19. Teodor D.Gh. Teritoriul est-carpatic in veacurile V-XI e.n. Contribu(ii arheologice si istorice la problema formarii popurului roman. Iasi, 1978. P. 67-75; Idem. Cercetari arheologice in asezarea din secolele VII-VIII de la Lozna-StrSteni, jud. Bot-osani // Materiale si cercetari arheologice. T. 14. Bucuresti, 1980. P. 455-461; Musca L., Musca T. Sapaturile arheologice de la Baleni-Romani, jud. Dimbovita // Materiale si cercetari arheoiogice. T. 14 Bucuresti, 1980. P. 427-429; Szekely Z. Asezarea prefeudala de la Salasuri. Marisia, 197 P. 71-81; Idem. Asezari din secolele IV-IX in sud-estui Transilvanie // Aluta. T. 6-8. 1974- 1975. P. 40-48; Simion G. Necropola feudal tim-purle de la Nalbant (jud. Tulcea) // Рейсе. Т. 2. 1971. P. 221-248.
20. Теодор Дан Г. Славянские культурные элементы VI-IX вв. н.э. в Карпато-Дунайской области // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 206.
21. Nestor I. Les donnees archeologiques et le probleme de la formation du peuple rouman // Revue roumaine d'histoire. T. III. 3. Bucuresti, 1964. P. 419.
22. Рикман Э.А. Проблема этногенеза в современной румынской этнографии (О древних источниках румынской народной культуры) // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 232-249.
23. Fiedler U. Studien zu Graberfeldern... S.
24. Петрович Э. Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии // Romanoslavica. Vol. IX. Bucuresti, 1963.
25. Rosetti A. Slavo-romanica. Sur la constitution du systcme vocalique du romain // Romanoslavica. Vol. I. Bucuresti, 1959. P. 27-30; MihSila G. Contributii la studierea geografiei imprumuturilor slave in limba romina // Romanoslavica. I. 1959. P. 23-53.
26. Petrovici E. Toponimice slave de est pe teritoriul Rcpublicii Populare Romane. I. Toponimice prezentind H provent din G // Romanoslavica. Vol. IV. Bucuresti, 1960. P. 41-61; II. Toponimice cu polnoglasie // Romanoslavica. Vol. VI. 1962. P. 5-17.

Аварская культура в Среднем Подунавье

Авары - кочевые племена, принадлежащие к тюрко- или монголоязычной этнической группе. В степях Юго-Восточной Европы они появились в середине VI в. Исследователи истории авар полагают, что они были первоначально частью населения крупного азиатского каганата Жуаньжуаней, разгромленного тюрками. Под натиском тюрков авары переселились в предкавказские степи, где встретились первоначально с савирами, кутригурами и утигурами. В 558 г. авары направили посольство к императору Юстиниану I в Константинополь с просьбой предоставить им места жительства на территории Византийской империи. Население столицы толпами сбегалось смотреть на аварских послов, привлекавших своим внешним видом, в частности, заплетенными в косы волнистыми волосами. В поселениях в пределах Империи аварам было отказано, но был заключен союзный договор. В это время авары еще кочевали в степях Северного Кавказа, к юго-востоку от Азовского моря.

К началу 60-х годов авары подчинили себе кутригуров и утигуров и располагались уже в землях Скифии во главе с ханом Баяном, на значительном протяжении соприкасаясь с антской территорией. Еще в 545 г. анты стали союзниками Византии и обязались препятствовать "гуннам" (в том числе и кутригурам) переправляться на южный берег Дуная. По-видимому, анты не смогли сдержать натиск кутригуров, войны с кутригурами оказались для них неудачными. Известно, что в 559 г. войско "гуннов"-кутригуров во главе с Заберганом вторглось в пределы Империи, дойдя до Константинополя. Византийский историк 80-х годов VI в. Менандр Протектор, рассказывая о событиях 60-х годов, сообщает, что "... правители антов были поставлены в бедственное положение и против своих надежд впали в несчастье, авары сразу же стали опустошать (их) землю и грабить (их) страну." Посольство, направленное антами к аварскому кагану, не имело успеха, возглавлявший его Мезамир был убит. "С того времени более, чем раньше, стали они (авары) разорять землю антов и не переставали поработать жителей, грабя и опустошая (ее)" [1].

В степях Юго-Восточной Европы аварские памятники неизвестны.

Авары настаивали перед Византией на предоставлении им земли для расселения, но византийцы, к которым поступали донесения о том, что авары под видом переселения замышляют напасть на Империю, не доверяли им. Однако авары, подчинив себе кутригуров и антов, представляли уже серьезную силу.

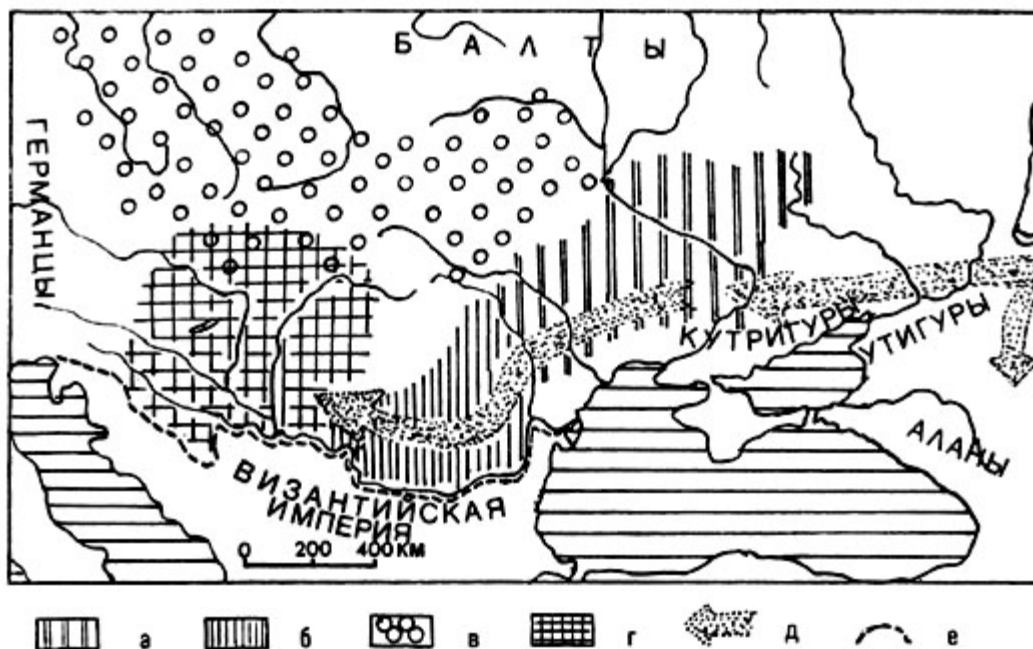

Рис. 36. Миграция аваров на средний Дунай.
 Ареалы культур: а - пеньковской; б - ипотешти-кындештской; в - пражско-корчакской и суковско-дзедзицкой; г - аварская культура в Среднем Подунавье; д - направления аварской миграции; е - северная граница Византийской империи

В 565 г. авары проникли в Тюрингию и воевали с Византией в союзе с франками. В 568 г. совместно с лангобардами они одержали победу над гепидами, господствовавшими в восточной части Среднего Подунавья. В следующем году лангобарды ушли в Италию (Павел Диакон сообщает, что вместе с лангобардами переселились гепиды, сарматы и болгары) и авары стали полновластными хозяевами Паннонии и Среднедунайской низменности [2].

На основе данных письменных источников Т.Надь полагал, что переселение авар в Среднее Подунавье происходило через нижнедунайские области, Олтению и Банат [3]. Картографирование раннеаварских погребений с конем дало основание венгерской исследовательнице И. Ковриг утверждать, что продвижение аваров осуществлялось древними римскими путями, причем переправились они через Дунай в районе Дунасекче [4]. Продвижение аваров на средний Дунай ориентировочно отражено на рис. 36.

Авары создали в Среднем Подунавье мощное государственное образование. В источниках VII и VIII вв. это - Avaria, terra Avarorum или Hunnja, regnum Hunnorum, локализуемая между Венским лесом и тем участком Дуная, где он течет с севера на юг. Отсюда поселения авар распространялись на восток в Потисье и на юг до Далмации. Общий ареал аварских древностей передан на рис. 37.

Начиная с последних десятилетий VI в. на этой территории постепенно складывается новая археологическая культура, основными памятниками которой являются грунтовые могильники, где в

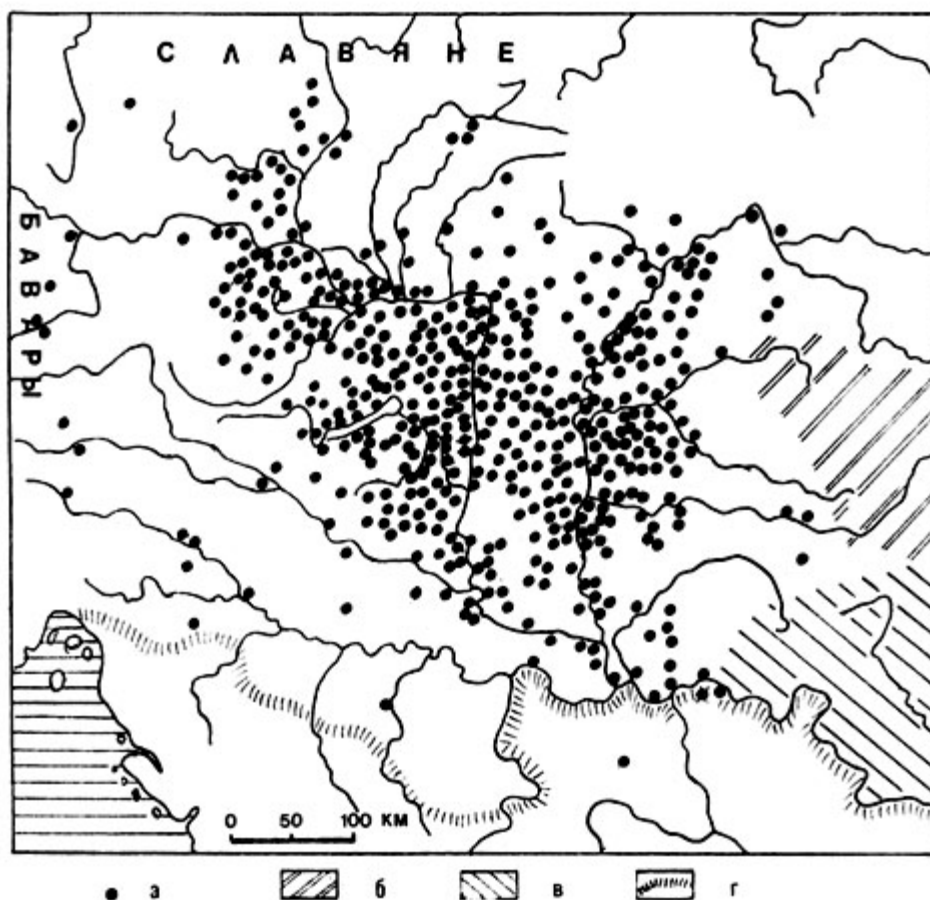

Рис. 37. Распространение памятников аварской культуры:
 а - памятники аварской культуры; б - ареал гепидов и
 медиаш-группы; в - ареал ипотешти- кындештской культуры; г
 - северная граница Византийской империи

простых ямах, в которых нередко фиксируются остатки деревянных столбов по углам или уступы по краям, служившие для устройства перекрытий, погребались покойники с характерным инвентарем. Умершие хоронились по обряду трупоположения, иногда с конями.

На основании вещевых находок из могильников (рис. 38-40) аварская культура подразделяется исследователями на два-три этапа. В результате анализа материалов могильника Алаттьян, раскопками которого было вскрыто 711 погребений, И.Ковриг выделила три группы могил [5]. Для наиболее ранней группы погребений характерны находки так называемого мартыновского типа, в том числе ременные бляшки, кованые с пунктирно-

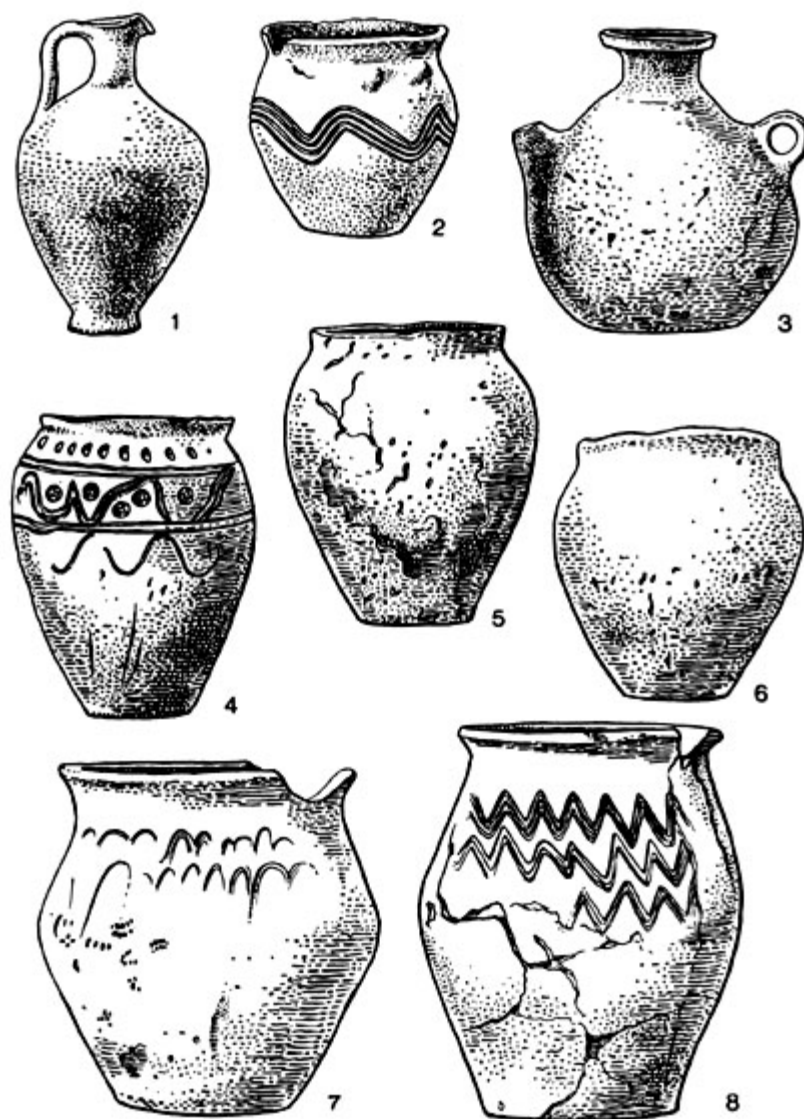

Рис. 38. Керамика аварской культуры:
 1- Дьод; 2, 4-8 - Девинска Нова
 Вєсь; 3 - Ромонья 1

Рис. 39. Керамика аварской культуры:
1, 3, 5, 6 - Девинска Нова Весъ; 2, 4 -
Дьод

штриховым орнаментом, с различными рельефными узорами, розетками и человеческими масками; серьги с подвесками в виде бубенчиков, звездочек и гладких пирамидальных столбиков; кольцообразные серьги со стеклянными бусами; браслеты с колбообразно утолщенными концами. Керамические материалы образуют прежде всего бутылевидные глиняные сосуды и грубая серая посуда потисского типа [6]. Помимо лепных горшков встречаются кувшины, сделанные на гончарном круге. Некоторые горшки, изготовленные на круге, связаны с местной традицией, восходящей к позднеаримскому мастерству, которые в ряде мест

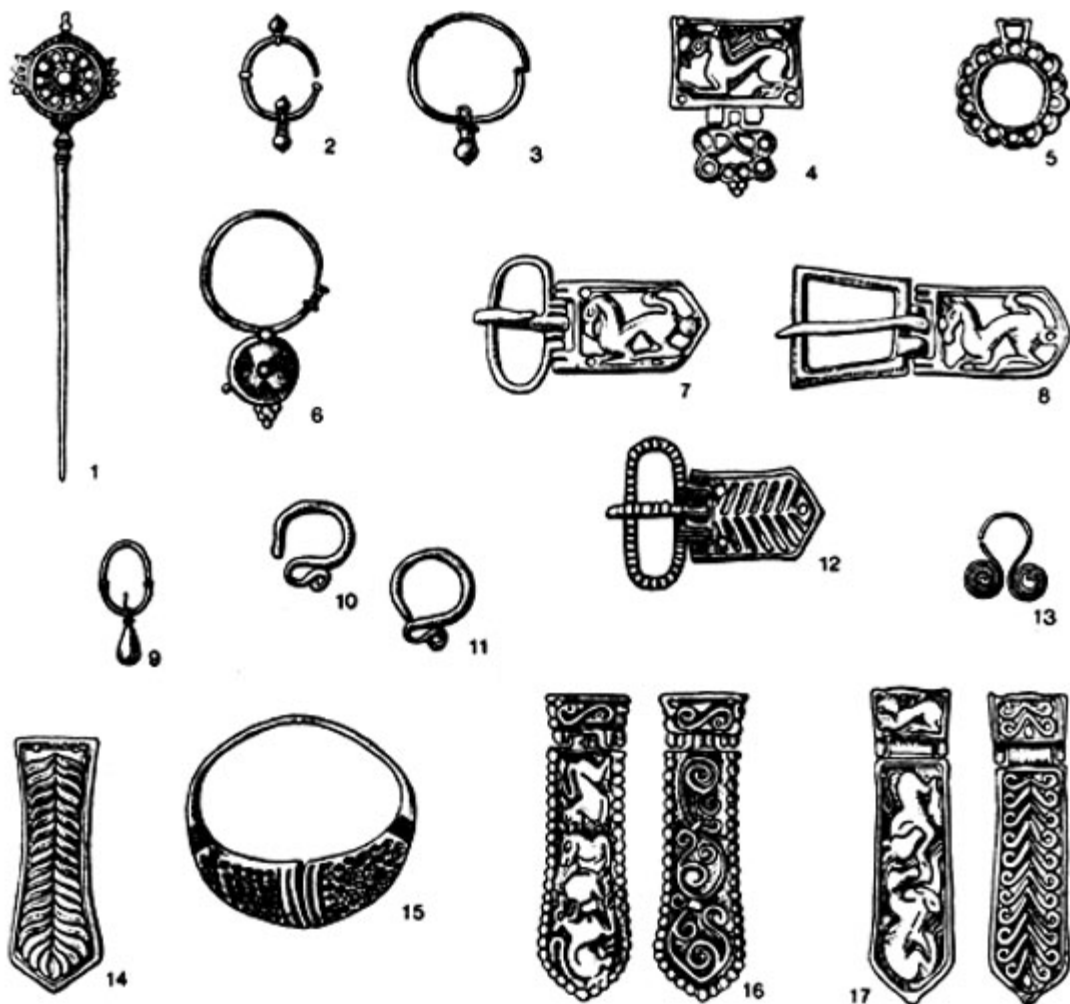

Рис. 40. Вещевые находки из памятников аварской культуры:

1, 7, 9, 12 - Ромонья 1; 2, 3, 5, 8, 14 - Кекешд; 4, 16 - Дьод; 6 - Черкут;
10, 11 - Девинска Нова Весъ; 13 - Печ-Кезтемете;
17 - Ньгопалл;
1-17 - цветной металл

Среднего Подунавья дожили до VII-VIII вв. Серая круговая керамика, по мнению некоторых исследователей, восходит своими корнями к Приаралью.

Для раннего этапа аварской культуры характерны длинные однолезвийные мечи; луки, скрепленные узкими роговыми пластинками; трехлопастные, легкие стрелы; стремяна обычно круглые, для сапог с мягкой подошвой. Нередко погребения людей сопровождались конскими захоронениями. Для раннего периода свойственны положение коня слева от всадника или символические конские захоронения (положение в могилу частей коня без его туловища). В могилах

первого этапа встречаются византийские монеты и золотые вещи. Как правило, ранние аварские могильники содержат небольшое число погребений. На основании монетных и вещевых находок

ранний этап определяется временем от последних десятилетий VI до середины VII в. Это - период Первого Аварского каганата.

Второй этап эволюции аварской культуры датируется VII столетием. Поясную гарнитуру теперь составляют бляшки и наконечники чеканной индустрии. Преобладает резной и ажурный орнаменты, нередко в сочетании с изображениями птиц и волнистыми узорами. Широкое применение в орнаментике получает филигрань, с помощью которой выполнялись разнообразные геометрические узоры. Появляются и новые виды оружия - сабли (с конца VII в.), луки с расширяющимися кверху концами, стрелы с широкими лопастями, часто с дырчатыми прорезями. Для этого этапа характерны полные конские захоронения. Керамические материалы не претерпевают существенных изменений. В меньшей степени встречаются бутылевидные сосуды, господствующей формой были горшкообразные сосуды и кувшины. По-прежнему широко бытовала серая керамика. Как и в могилах первой группы, среди захоронений второго этапа антропологические изыскания выявляют монгольские элементы.

Изменения в аварской культуре на втором этапе ее развития исследователи связывают с притоком на средний Дунай новых этнических групп населения с востока. Согласно Д.Чаллань, это была группа оногур-болгар, пришедших из Прикубанья. Т.Надь полагает, что следует говорить о притоке нового населения, не определяя его этноса, поскольку это была весьма разнородная группа переселенцев. Могильники второго периода известны уже по всему ареалу аварской культуры. В отличие от ранних среди этих некрополей немало крупных, насчитывающих по несколько сотен захоронений.

На позднем этапе эволюции аварской культуры появляются могильники, захоронения на которых производились рядами (до этого могилы устраивались без какого-либо порядка). Наблюдаются изменения и в характере погребального инвентаря. Среди оружия господствуют сабли, топоры и копья; луки с расширяющимися концами; лопастные стрелы с отверстиями; вместо стремян с округлой подошвой и длинной петлей получают распространение более массивные стремяна с прямой подошвой. Обычными находками в могилах являются конская сбруя, крупные фалары, удила и псалии.

Поздняя фаза рассматриваемых могильников датируется временем от конца VII до конца VIII в. Для этого периода характерна позолоченная и посеребренная поясная гарнитура. На изделиях, изготовленных в технике литья, получают распространение звериные и растительные орнаменты (иногда называемые грифоно-лозовыми), выполненные как в стилизованных, так и в натуралистических вариантах. Такие гарнитуры поясных наборов известны только в аварском регионе Среднего Подунавья. О происхождении бронзового литья с грифоно-лозовыми узорами идут горячие споры. Некоторые мифологические мотивы на поясных наконечниках указывают на связи с Византией; на этом основании исследователи полагают, что бронзолитейно-ювелирное ремесло позднеаварской культуры было результатом установления взаимосвязей между Дунайским регионом и Восточно-римской империей.

Наряду с серой керамикой в позднеаварское время получает распространение так называемая желтая керамика. Э.Гарам высказана мысль о происхождении последней из Средней Азии, но более вероятным представляется мнение И.Эрдели от том, что серая и желтая керамика сложилась как подражание металлическим сосудам. Кроме того, в позднеаварское время широко встречаются широкогорлые горшки, изготовленные на гончарном круге и украшенные линейными или линейно-волнистыми орнаментами по

плечикам, получившие название дунайской керамики (рис. 38: 2, 4-8; 39: 1, 2, 5, 6). Продолжала бытовать и лепная посуда.

Поселения аварской культуры исследованы в значительно меньшей степени, чем могильники.

Наиболее изученным раскопками является поселение в окрестностях Дунайвароша, монографически опубликованное И.Боной [7]. Первый период его функционирования датируется 620-630 гг. Жилищами служили подквадратно-прямоугольные полуземлянки с печами-каменками в одном из углов, по всем своим показателям сопоставимые с славянскими домами. Следующий этап жизни поселения характеризуется такими же жилыми постройками, которые располагались полукольцом вокруг незастроенной площади. В это время поселение было окружено тройным валом. По мнению И.Боны, планировка этого селения напоминала кочевнический лагерь, состоящий из юрт. Однако, по-видимому, более правы те исследователи, которые видят и в постройках, и в планировке поселения аналогии в славянском мире. В третьем периоде функционирования поселения строились жилища того же типа, что и в предыдущее время, но планировка его стала бессистемной. Венгерские археологи связывают это поселение с группой оногур-болгар, появившейся в этом регионе около 670 г., на том основании, что в 100 м от него ранее был зафиксирован могильник с богатыми захоронениями этого этноса. Вряд ли это правильно, поскольку в слоях этого времени не встречено ни серой гончарной керамики, ни лепной посуды, характерной для болгар.

На значительной площади раскопано также поселение Хидвегпуста. Его исследователь Б.Секе выделяет два горизонта напластований. К раннему относится только одно полуземляночное жилище размерами около 4 x 3,5 м (глубина котлована 0,5 м) без следов отопительного устройства. Б.Секе датирует этот горизонт VI-VII вв. В заполнении жилища собраны фрагменты лепной посуды, сопоставимой с пражско-корчакской и пеньковской (с расширением в середине высоты) керамикой. Ко второму горизонту отнесены все остальные раскопанные полуземляночные жилища, среди которых выделяется три типа в зависимости от расположения печи (в углу, в специальной прирезке, без отопительного устройства). Все дома квадратные в плане, площадью 12-16 кв.м. Печи глиняные, куполообразные с основаниями, выложенными из мелких камней и черепков. Подобные печи и очаги выявлены и на незастроенных участках поселения, где открыты также зерновые ямы и ямы для откармливания свиней. Для верхнего горизонта характерна гончарная керамика с линейной или линейно-волнистой орнаментацией, датируемая ориентировочно VIII в.

На поселении Татабанья-Алшогалла на площади 6000 кв.м раскопками вскрыто 20 полуземляночных прямоугольных в плане построек с печами в углу. Котлованы их имели глубину 45-55 см. Печи строились или из камня, или из камня с глиной. При раскопках найдены поясные бляшки, бусы и эсоконечные височные кольца [8].

Несколько полуземляночных построек с печами из глины, устроенных в специальных угловых прирезках, исследованы Б.Секе на поселении Нунья-Чардавелдь. Судя по глубоким столбовым ямкам, жилища имели двускатные перекрытия. В некоторых постройках в середине на полу прослежены прокаленные участки. Как полагает исследователь, возможно, здесь разводился огонь для освещения жилища. Особняком стоит одна постройка - наземная, круглая в плане. Прослежена кольцевая канавка, в которую опирались наклонно поставленные колья (или камыш), образуя шалашеобразное перекрытие. Это жилище явно принадлежит собственно аварскому населению.

Другие поселения аварского времени исследовались сравнительно небольшими раскопками. На некоторых из них (Ве-лем-Сентвид, Фекете-Сигет, Ерменькют, Сексард-Бодьислой и другие) были

открыты полуземляночные жилища того же типа, что описаны выше. На поселении Сексард-Бодьислой выявлено и одно юртообразное жилище (округлое в плане, с тонкими столбами по окружности, поставленными с небольшими интервалами). К сожалению, материалы раскопок большинства поселений подробно не опубликованы.

Хозяйство населения Аварского каганата было двояким. Помимо полукочевого скотоводства, привнесенного тюркоязычными племенами из степей Юго-Восточной Европы, значительную роль играло земледелие, удельный вес которого со временем заметно возрастал. При раскопках могил

были зафиксированы зерна проса, а на ряде поселений - зерна пшеницы. В нескольких памятниках встречены железные серпы. Большое значение в хозяйстве племен аварской культуры имело животноводство. Коневодство, очевидно, было привилегией тюркоязычных переселенцев. Osteологические изыскания показывают, что кони разводились разных пород. Свиноводством занималась другая часть населения, никак не связанная с кочевым бытом. Находки костей на поселениях и в могилах свидетельствуют, что кроме разведения свиней в хозяйстве населения широко были распространены бараны, крупный рогатый скот и козы, держали и кур.

Ремесленная деятельность населения еще недостаточно изучена археологическими методами. На основании письменных источников и находок в могильниках импортных изделий (преимущественно украшений византийского и восточного происхождения) можно утверждать, что население Каганата активно занималось и торговлей.

Создателями аварской культуры Среднего Подунавья были не только авары, но и более многочисленные племена, которые им удалось подчинить путем завоевания, а частью включить в конгломерат в качестве союзников. Вещевые инвентари могильников аварского периода, детали погребальной обрядности и устройства могил, а также антропологические материалы свидетельствуют о сильной смешанности населения Аварского каганата. Среди тюркоязычной части этого населения по данным погребальных памятников исследователями выделяется несколько племенных групп - авар, кутригур, болгар, выходцев из Средней Азии и т.п. Вместе с тем, представляется несомненным, что более значительную часть населения, образовавшего аварскую культуру, составляли славяне. Это была та сила, которая способствовала оседанию кочевых племен на землю и приобщению к земледелию и ремесленной деятельности.

О значительности славянского населения в Аварском каганате свидетельствуют письменные источники. Так, в 601 г. византийская армия во время одного из немногих удачных походов перешла Дунай и разгромила аварское войско, пленив значительную его часть. Среди захваченных в плен только пятая часть была аварами, половина их составляли славяне, остальные принадлежали к "другим варварам" [9].

Судя по византийским источникам, под термином *авары* нередко подразумевались славяне. Константин Багрянородный, рассказывая о Далмации и ее северных соседях, проживавших за пределами Империи, писал: "...славянские безоружные племена, которые называются также аварами", "...и славяне по ту сторону реки, называемые также аварами..." или "Засим славяне, они же авары" [10]. отождествление славян с аварами встречается в сочинении Иоанна Эфесского, в Монеувасийской хронике и других раннесредневековых памятниках.

Археологические материалы показывают, что славянское население Аварского каганата имело двойное происхождение. Одну часть его составляли племена - носители пражско-корчакской культуры. Об их расселении в среднедунайском регионе речь шла выше. Важнейшими показателями вхождения славян пражско-корчакской группы в состав населения аварской культуры являются захоронения

по обряду трупосожжения и лепная керамика, характерная для этих племен. Погребения по обряду кремации славянского типа найдены в могильниках в Кестхее, Покасепетке и Залакомаре в окрестностях Балатона и в Сирмабешенье в венгерском округе Боршод.

Наиболее интересные результаты получены раскопками биритуального могильника Залакомар, датируемого VII-IX вв. (материалы не опубликованы). Всего было вскрыто свыше 550 захоронений. Керамические материалы и вещевые инвентари синхронных погребений по обряду трупосожжения и по обряду ингумации абсолютно идентичны. Глиняная посуда из трупосожжений VII в. представлена преимущественно нижними частями горшков или их фрагментами, форму которых восстановить

невозможно. Захоронения по обряду кремации VII в. группируются отдельно в юго-восточной части некрополя. К VII в. принадлежат также погребения по обряду трупоположения с западной ориентировкой, образуя вместе с охарактеризованными сожжениями древнейшую часть могильника. Среди керамического материала из погребений VII в. есть горшок пражско-корчакского типа, еще один лепной сосуд может быть отнесен к пеньковской керамике. Оба встречены в погребениях по обряду ингумации с западной ориентировкой.

Трупоположения с северной ориентировкой, как и синхронные им захоронения по обряду кремации и ингумации с северной ориентировкой Залакомарского могильника, судя по вещевым и керамическим материалам, принадлежат к типичной аварской культуре. Среди трупоположений есть и погребения с конями, и отдельные конские захоронения. В захоронениях по обряду ингумации встречены характерные поясные бляшки и наконечники, предметы вооружения и конского снаряжения, множество бус. В трупосожжениях VIII-IX вв. обнаружены совершенно идентичная керамика и изредка аналогичные бусы. Бесспорно, что население, хоронившее умерших по разным обрядам, принадлежало к одинаковой культуре, но имело различное происхождение.

В могильнике Покасепетк раскопками вскрыто 248 погребений VI-VII вв. по обряду ингумации и кремации при господстве трупоположений с западной ориентировкой. В трупосожжениях встречены немногочисленные бронзовые и стеклянные находки, в захоронениях по обряду ингумации - предметы вооружения и конского снаряжения. В одном из захоронений обнаружена урна - типичный горшок пражско-корчакского типа [11].

Целый ряд захоронений по обряду кремации встречен в могильниках на северных окраинах ареала аварской культуры. Датируются они в основном VIII в., свидетельствуя, по всей вероятности, о дополнительном включении в этногенетический процесс населения Аварского каганата славян, вышедших из пражско-корчакской группы.

Лепные горшки пражско-корчакского облика обнаружены также в захоронениях могильников аварского времени Орослань [12], Черкут и Печ-Кезтемете (не опубликованы). Более часты в могильниках аварской культуры горшки, которые можно рассматривать как производные от пражско-корчакских.

Такие бесспорные свидетельства участия в генезисе культуры Аварского каганата славянских племен, представленных пражско-корчакской культурой, пока немногочисленны (рис. 41). Но они, нужно полагать, не отражают реальной роли участия этих славян в генезисе населения Аварского каганата. Есть все основания полагать, что уже в моменты формирования аварской культуры в среде ее носителей господствовал обряд трупоположения, который был воспринят и славянами, проживавшими в Среднем Подунавье до прихода авар.

Некоторое представление о роли славян, восходящих к пражско-корчакской группировке, в генезисе населения Аварского каганата дают находки в погребениях позднеаварских могильников

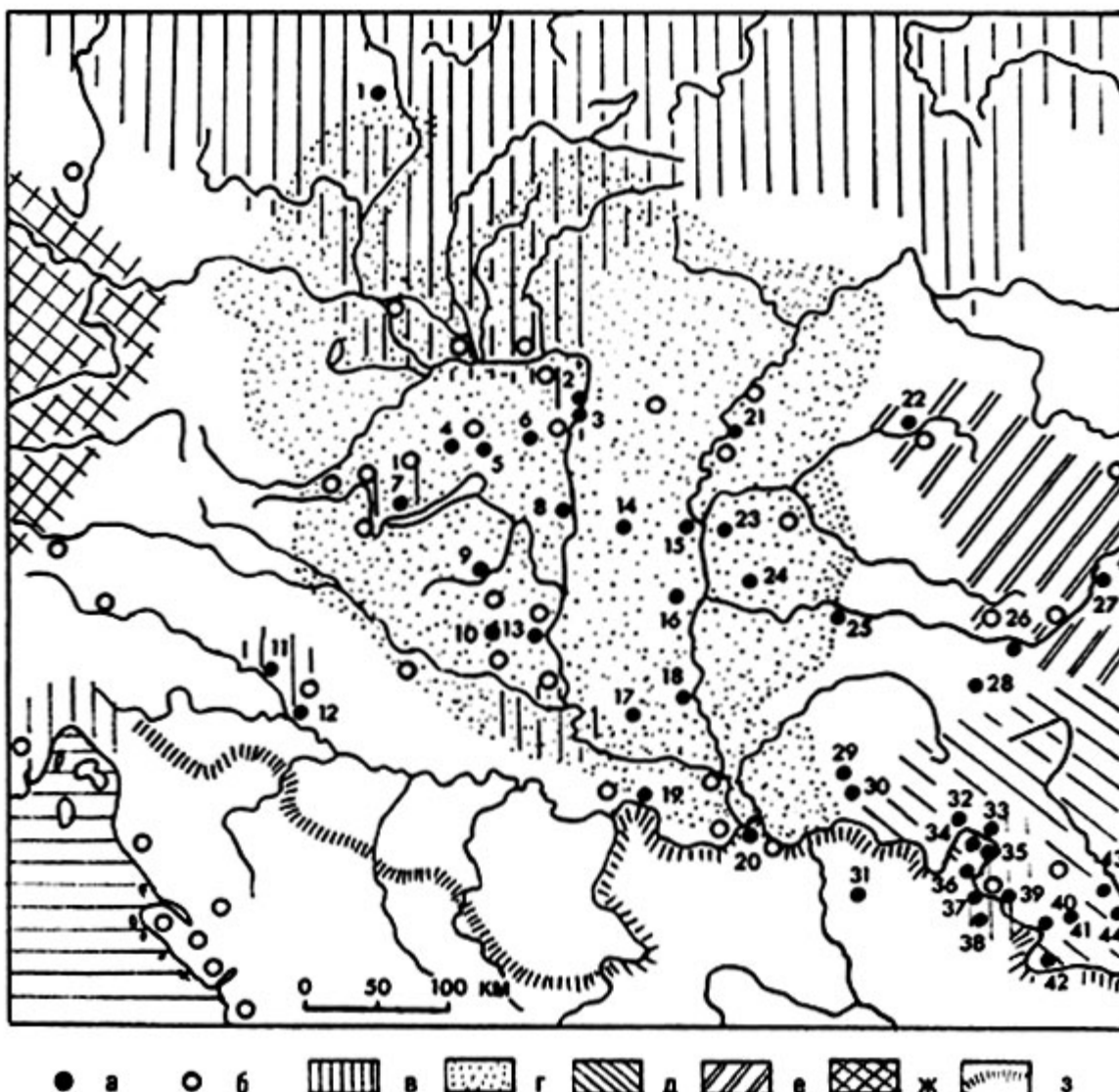

Рис. 41. Славянские элементы в аварской культуре:

а - памятники с находками антских пальчатых фибул; б - места находок звездчатых серег.

Ареалы: в - пражско-корчакской культуры; г - плотного распространения аварских древностей; д - ипотешти-кындештской культуры; е - гепидов и медиаш-группы; ж - территория государства Меровингов; з - граница Византийской империи

1 - Урчице; 2 - Чепель-Остров; 3 - Сигетсентмиклош-Харош; 4 - Папа; 5 - Варпалота; 6 - Чакберень; 7 - Добого у Кестхя; 8 - Элексаллас; 9 - Сакаль (Ерегхечь); 10 - Печ; 11 - Загреб-Стеньовец; 12 - Сисак; 13 - Бой; 14 - Кишкереш; 15 - Гатер; 16 - Фехеро; 17 - Врбас; 18 - Бачко Петрово Село; 19 - Нови Бановицы; 20 - Земун; 21 - Тисабур; 22 - Сэцуиени; 23 - Нагъхегъ; 24 - Офельдеак; 25 - Фенлак (Фелнак); 26 - Вецел; 27 - Гымбаш; 28 - Сармизеджетуза; 29 - Бела Церква; 30 - Дубово; 31 - Каменево (Петровац на Млави); 32 - Оршова; 33 - Дробета-Турну Северин; 34 - Кладово; 35 - Корбово; 36 - Велесница; 37 - Прахово; 38 - Неготин; 39 - Извоареле; 40 - Пленица; 41 - Выртоп; 42 - Деса; 43 - Вела; 44 - Дрэниц

славянские украшения известны в погребениях VIII в., многих погребениях позднеаварских могильников, встречены они и на синхронных им поселениях. Особенности обрядности таких захоронений (простые могильные ямы, западная ориентировка, характерная для раннесредневекового славянского мира безынвентарность или малоинвентарность, особенности керамического материала) не оставляют сомнений в их славянской атрибуции.

Распространение эсоконечных височных украшений в славянском мире приходится на позднеаварский период. По всей вероятности, в это время, когда авары теряли свою былую военную силу и господствующим этносом в среднедунайском регионе становились славяне, начало оформляться их этническое самосознание, одним из показателей чего и стало ношение эсоконечных височных колец. Эти украшения, как уже говорилось, постепенно получили распространение на всей территории племенной группировки раннесредневекового славянства, представленной пражско-корчакской культурой, став одним из ее этнографических маркеров. Ранее в Среднедунайском регионе были распространены височные кольца разных типов, которые, по всей вероятности, носились населением Аварского каганата - аварами, славянами, гепидами и другими - вне зависимости от этноязыковой принадлежности [13].

Выше говорилось, что одним из племен пражско-корчакской группы раннесредневековых славян были дулебы. В результате миграций это племя оказалось раздробленным. Средневековые источники фиксируют дулебов на среднем Дунае между озером Балатон и рекой Мурсой, то есть непосредственно на территории Аварского каганата, а также в ближайшем соседстве с ним - в Южной Чехии. По-видимому, к какой-то из этих групп дулебов относится информация русских летописей о подчинении их аварам и издевательствах, которым они подвергались: "Си же обри воеваху на словенех, и примучиша дулебы, сущая словены, и насилье творяху женамъ дулебскимъ".

Племена пражско-корчакской группы были только частью славянского населения Аварского каганата. Более значительные массы его, как показывают археологические материалы, составляли анты, переселившиеся в земли Среднего Подунавья в составе аварской миграционной волны. Мысль о переселении побежденных антов ранее высказывалась некоторыми историками на основании косвенных показателей письменных источников [14]. Писали об этом и некоторые археологи, основываясь на единичных антских находках в раннеаварских могильниках Паннонии [15]. К настоящему времени археологическими изысканиями накоплено достаточно данных (рис. 42 и 43), которые надежно свидетельствуют о перемещении больших масс антского населения из причерноморского ареала в земли Среднего Подунавья.

Одной из ярких находок, указывающих на антскую миграцию в Среднедунайский регион, являются пальчатые фибулы (рис. 25: 1, 2; 44 и карты на рис. 41 и 42), о славянской (антской) принадлежности которых подробно говорилось выше. Антские фибулы неоднократно встречены в захоронениях среднедунайских могильников, свидетельствуя об участии их носителей совместно с другими этносами в формировании аварской культуры.

Другим существенным показателем широкого антского расселения в Среднедунайском регионе являются предметы, относимые к так называемой мартыновской культуре (рис. 43). Кроме пальчатых фибул к этой культуре относятся серебряные зоо- и антропоморфные фигурки, сопоставимые по стилю и художественной манере с подобными находками из Мартыновского клада Северного Причерноморья [16]. Следы широкого антского расселения являются и находки звездчатых серег, которые были распространены как в Причерноморье в ареалах пеньковской

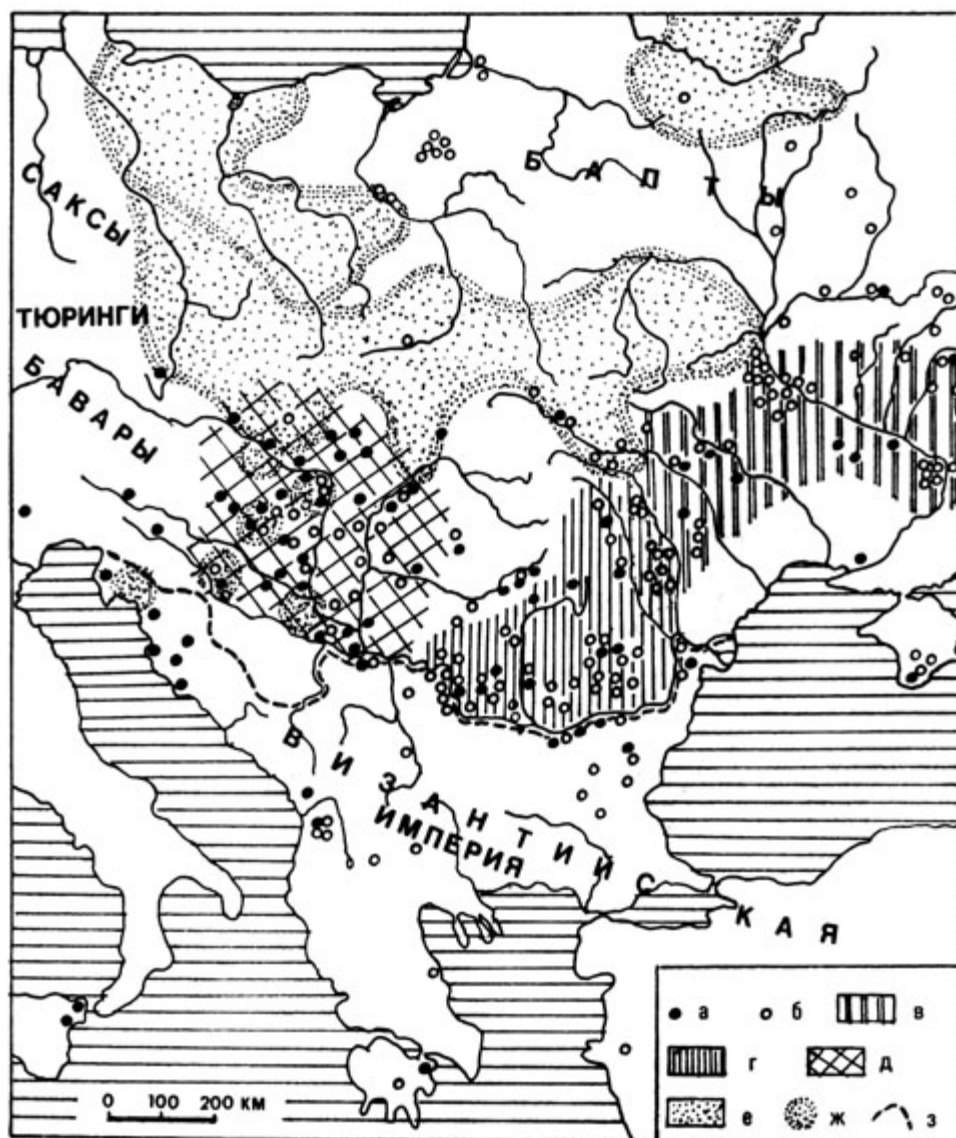

Рис. 42. Связи аварского и антского регионов:
 Места находок: *а* - звездчатых серег; *б* - антских пальчатых фибул.
 Ареалы: *в* - пеньковской культуры; *г* - ипотешти-кындештской культуры; *д* - аварской культуры; *е* - пражско-корчакской и суковско-дзедзицкой культуры; *ж* - островки пражско-корчакской культуры на среднем Дунае;
з - граница Византийской империи

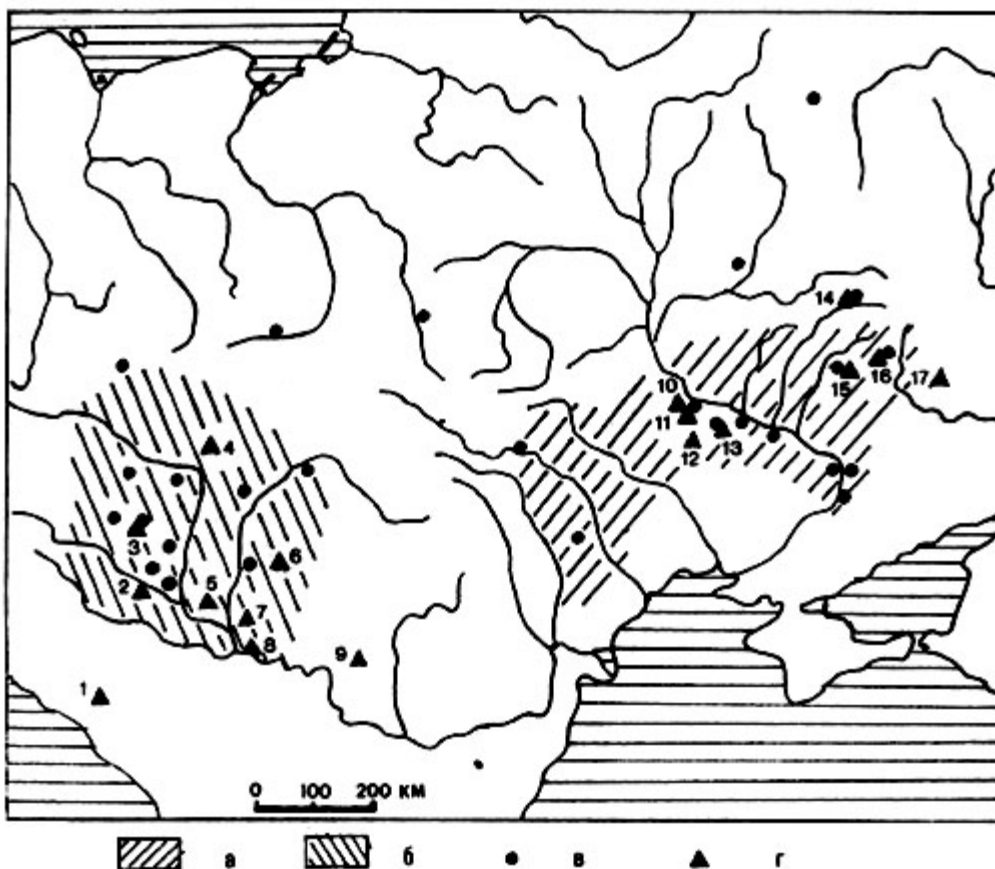

Рис. 43. Распространение мартыновских древностей и трапециевидных подвесок.

Ареалы: *а* - пеньковской культуры; *б* - аварской культуры. Места находок: *в* - трапециевидных подвесок (по М.Комше); *г* - вещей мартыновского стиля

1 - Бискупия под Книном; 2 - Чаджавица; 3 - Кестхей; 4 - Землянки Врбовк; 5 - Врбас около Бачки;

6 - Фенлак (Фелнак); 7 - Эчка; 8 - Милорадовичева циглава у Панчево; 9 - Кошовени; 10 - Малый Ожавец; 11 - Мартыновка; 12 - Вильховчик; 13 - Хацки; 14 - Суджа; 15 - Новая Одесса; 16 - Козиевка; 17 - Колосково

и ипотешти-кындештской культур, так и на территории аварской культуры (рис. 41) [17]. В восточноевропейской литературе эти украшения часто именуются серьгами харивского типа, поскольку во множестве встречены в составе известного клада в Харивке, датируемого VII-VIII вв. [18]. Свидетельствами того, что авары переселили в Паннонию покоренное или союзное антское население, являются и другие находки раннеаварских могильников. К числу таковых относятся и бронзовые трапециевидные привески крупных размеров, места находок которых картографированы М.Комшей [19]. Они встречены в большом количестве как

в антском ареале Северного Причерноморья, так и на среднем Дунае в области распространения раннеаварских древностей (рис. 42).

Привлечение керамического материала для изучения следов антской миграции в Среднедунайский регион малорезультативно. Паннония принадлежит к областям, где в изготовлении глиняной посуды стойко сохранялись традиции позднееримского гончарства. Значительная часть керамики аварской

культуры составляет посуда местного происхождения. Среди привнесенной керамики отчетливо выделяются сосуды кочевнического происхождения. Округлобокие горшкообразные сосуды, характерные для пеньковской керамики, не могут быть выявлены, поскольку аналогичная по форме посуда широко представлена среди позднееримского наследия. Среди глиняной посуды из могильников аварской культуры есть биконические горшки, по форме довольно близкие пеньковским сосудам. Однако среди них есть и горшки, изготовленные на гончарном круге. Поэтому нельзя быть уверенным в том, что эта форма горшков привнесена в Среднедунайский регион переселенцами из коренных антских земель.

Наряду с обрядом кремации умерших в антской среде Северного Причерноморья, как уже отмечалось, практиковался обряд трупоположения, являющийся наследием славяно-иранского симбиоза позднееримского периода. В условиях тесного контакта антских племен с аварами, среди которых, вероятно, и были группы сарматского населения, обряд ингумации, очевидно, получил самое широкое распространение. Расселившись разрозненными группами среди остатков римского и германского населения в Среднем Подунавье, где господствующим погребальным ритуалом были трупоположения, анты, по-видимому, окончательно приняли эту обрядность. В этой связи следует полагать, что уже в раннеаварских могильниках какая-то часть трупоположений оставлена антским населением, участвовавшим наряду с другими этносами Среднего Подунавья в становлении аварской культуры. Можно утверждать, что к числу таковых принадлежит какая-то часть широтных ингумации, преимущественно безынвентарных или малоинвентарных.

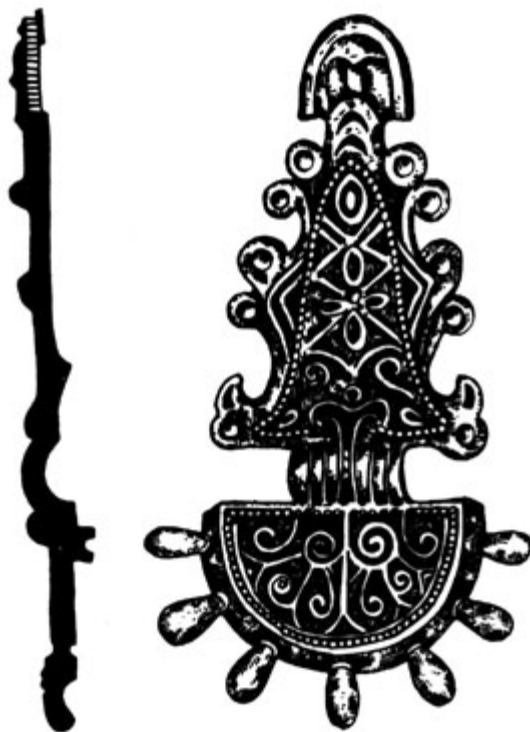

Рис. 44. Пальчатая фибула
из Вецел

Наконец, допустимо предположение, что полуземляночные жилища с печами-каменками, исследованные на поселениях Аварского каганата, привнесены сюда переселенцами из антского ареала. Славянское население пражско-корчакской культуры, проживавшее в Среднедунайском регионе, возводило полуземлянки, отапливаемые преимущественно очагами. Печи-каменки привнесены были на эту территорию, скорее всего, из ареалов пеньковской или ипотешти-кындештской культур.

материалах этнонимии. Славянский этноним *хорваты* (*хървати*) смог появиться в Среднедунайском и соседними с ним регионах (хорваты Адриатики, хорваты в Чехии у Крконошских гор, хорваты в Силезии и на верхней Висле) только в результате перемещения славянского племени из Северопричерноморских земель. О том, что хорваты и сербы были антскими племенами, которые около 600 г. пришли с востока и поселились в Иллирии, в то время как другая часть антов осталась в Северном Причерноморье, писали еще К.Цейс и В.Томашек. Согласно лингвистическим изысканиям, имя хорваты этимологически тождественно сарматам, причем оба эти этнонима восходят к иранскому прилагательному **sar-ma(n)t-/har-va(n)t* - "женский, изобилующий женщинами". Первоначально носителями этнонима **harvat-* были иранцы, которые затем славянизировались, сохранив свое самоназвание [20]. Такая ситуация могла иметь место лишь в том регионе, где славяне вплотную соприкасались с сарматским миром, то есть в Северном Причерноморье. Очевидно, это имело место в условиях славяно-иранского симбиоза, когда и сформировались анты. Древнерусские хорваты являются частью этого племени, оставшейся в южнорусских землях. Другие же группы хорватов - результат дифференциации в процессе миграции на запад прежде единого хорватского племени.

Сербы - также древний славянский этноним, зафиксированный в раннем средневековье в двух регионах - в юго-западной части Среднего Подунавья (ныне Сербия) и в левобережной части бассейна среднего течения Эльбы. В литературе высказано несколько различных догадок о славянской этимологии этого имени [21]. Однако такому объяснению противоречит то, что сербы известны были уже географу II в.н.э. Клавдию Птолемию, на основе данных которого они локализируются где-то севернее Кавказа и западнее Волги [22]. Поэтому более убедительной представляется связь этнонима *сербы* с иранским словом **ser-v-* со значением "охранять, сторожить скот". О.Н.Трубачев считает этноним *сербы/sbrbi* индоарийским компонентом, вошедшим в праславянский ареал со стороны Причерноморского Побужья [23]. В этой связи можно полагать, что сербы, как и хорваты, первоначально были сарматским (или реликтовым индоарийским) племенем, включившимся в римское время в славянский, конкретнее антский, этногенез.

О приходе хорватов и сербов в Далмацию и в Подунавье сообщают и раннесредневековые письменные источники, прежде всего, Константин Багрянородный. Несколько подробнее об этом будет сказано в разделах, посвященных становлению хорватской и сербской народностей. Здесь можно отметить только, что хорваты, согласно Константину Багрянородному, застали в Далмации какое-то славянское население, расселившееся здесь ранее. Это полностью согласуется с археологическими данными: племена пражско-корчакской культуры появились в этих землях еще в VI в., тогда как хорваты - одно из антских племен - стали жителями их в аварский период, то есть в VII столетии.

С антской миграцией в Среднедунайский регион, нужно полагать, связано распространение здесь топонимии, производной от этнонима *русь*. Недавно сложный вопрос о происхождении этого этнонима был обстоятельно проанализирован О.Н.Трубачевым, показавшим давнее (задолго до IX-X вв., когда в Восточной Европе активизировались скандинавы) распространение в Северопричерноморских землях ономастической терминологии, восходящей к той же корневой основе. Исследователь считает, что этноним *русь*, как и обширная однокорневая географическая номенклатура, производны от индоарийской основы *rukṣa/ru(s)sa* - "светлый, белый". Ранее некоторые исследователи возводили этноним *русь* к иранской форме **rauṣa-/ruk-* ("свет, светить, белый"), что отвергается О.Н.Трубачевым [24]. Таким образом, *русь*

(подобно этнонимам *хорваты* и *сербы*) - ославяненный, первоначально неславянский этноним. И этот процесс может быть связан только с антским регионом Северного Причерноморья.

В Раффельштеттенском таможенном уставе, датирующемся 904/906 г. и регламентирующим торговлю Франкского королевства при Каролингах, названы две славянские племенные группы - руги и богемы [25]. Вполне очевидно, что богемы - это чехи, а относительно ругов в научной литературе высказано несколько догадок. Недавно А.В.Назаренко, проанализировав историографию этого вопроса, достаточно авторитетно показал, что имя *руги* (*rugi*) следует идентифицировать с этнонимом *русь* (под термином *Rugi* в западноевропейских письменных памятниках X-XI вв. всегда имеется в виду Русь). Это были, по А.В.Назаренко, купцы из Киевской Руси [26].

Однако более вероятно, что богемы и руги Раффельштеттенского устава были торговыми людьми не из далекого Поднепровья, а из соседних славянских земель. В округе Линца выявлено большое число славянских поселений и могильников VII-XI вв., указывающих на проживание здесь славян (рис. 45). Основная масса археологических памятников баварского населения сконцентрирована западнее региона Гросе-Мюль в бассейне р. Инн [27]. Руги-русь, по всей вероятности, были потомками группы антского населения, оторвавшейся от севернопричерноморских русов и продвинувшейся в потоках аварской миграции далеко на запад.

На это, кажется, указывает и топонимия того региона Австрийского Подунавья, где собирались таможенные сборы с чешских и русских купцов. Так, левый приток Дуная река Гросе-Мюль в средневековье именовалась Русская Мюль (*Ruzische Muchel*). Где-то в том же регионе на Дунае или на р. Русская Мюль находился Росдорф (*Rosdorf* - "русская деревня"), где с купцов собиралась пошлина. На современной карте этот топоним не сохранился. Интересно, что К.Шиффманн сопоставлял его с местечком *Windberg* ("венедская, то есть славянская гора"), расположенном на р. Гросе-Мюль. Интересную работу по выявлению средневековых антропо- и топонимов на территории Германии, содержащих в своей основе этноним русь, провел А.В.Назаренко [28]. Такие географические названия разрозненно фиксируются в Нижней и Верхней Австрии, в Штирии, окрестностях Зальцбурга и Регенсбурга (рис. 45). Маловероятно, что эта топонимия оставлена заезжими купцами из далекой Киевской Руси. Она - несомненный свидетель проживания в этом регионе славянского населения, и сформировалась, очевидно, уже в то время, когда племя *русь-руги* оказалось в значительной степени ассимилированным и его остатки разрозненно проживали среди массы иноязычного населения. Довольно многочисленные антропонимы, производные от этнонима *русь*, как заметил А.В.Назаренко, получают распространение примерно на той же территории начиная с XI в. Это и последующие два-три столетия, как можно полагать по данным археологии, были завершающим этапом ассимиляции славянского населения Баварии и вполне закономерно в этой ситуации появление сравнительно большого числа отэтнонимных антропонимов-прозвищ. Подобная картина наблюдается и в землях полабских славян. В XII-XIV вв. в Ростоке, Мерзебурге, Штральзунде и других местах, когда славяне оказались в преобладающем иноэтничном окружении, получают распространение имена-прозвища, производные от этнонимов *Slavus* и *Wenden*, как индивидуальный показатель происхождения или "племенной" принадлежности. Известны и случаи, когда такие прозвища переходили и в фамилии.

Сложение и эволюция аварской культуры отражает начавшуюся культурную интеграцию разноплеменного населения, проживавшего на общей территории, часто на общих поселениях, пользовавшегося однообразными вещами и хоронившего

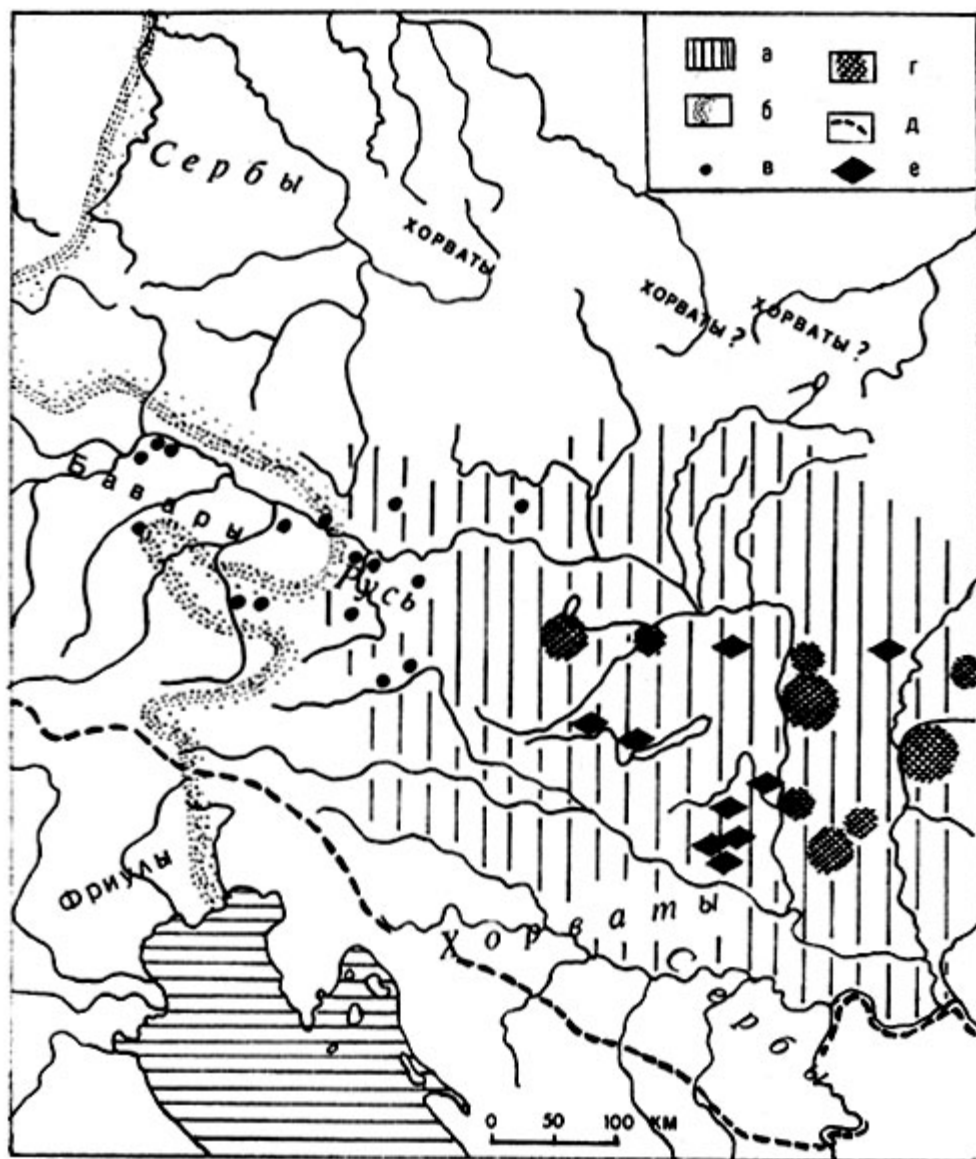

Рис. 45. Расселение антских племен в Среднем Подунавье:
 а - ареал аварской культуры; б - приблизительная западная граница славянского расселения в раннем средневековье; в - географические названия, производные от этнонима *русь* (по средневековым актовым материалам, собранным А.В.Назаренко); г - могильники аварской культуры с заметно проявляемыми монголоидными особенностями в антропологическом строении; д - граница Византийской и Западноримской империи; е - памятники с находками "оросланского" типа (по А.Шош)

умерших на общих кладбищах. На территории Аварского каганата протекал процесс культурной (археологической) ассимиляции разных племен и этносов. В такой ситуации всякие попытки определения этноса индивидуальных погребений не могут быть надежными. Можно говорить лишь о племенной принадлежности той или иной группы захоронений. Так, погребения с конями и захоронения воинов с набором оружия исследователи вполне справедливо относят в основном к аварской или аваро-кутригурской части населения Аварского каганата. Такие могилы сконцентрированы в срединной части территории Каганата, в частности в Алфельде, где находились аварские пастбища скота, но обычны и в могильниках (составляя сравнительно небольшой процент) других его регионов. Венгерский антрополог Т.Тот, специально исследовавший удельный вес монголоидных элементов в антропологическом строении населения Аварского каганата по краниологическим материалам могильников с территории Венгрии, устанавливает крайнюю

неравномерность его распределения в отдельных памятниках (рис. 43). Исследователь подчеркивает, что этнические группы, вышедшие из Азии, фиксируются далеко не во всех районах Среднедунайского бассейна. Монголоидные элементы зафиксированы им в 23 могильниках, удельный вес которых колеблется от 2 до 100%, составляя в среднем 7,7%. Наибольшая концентрация их наблюдается в степном Алфельде [29].

На поселениях Паннонии в раннеаварское время, как свидетельствуют письменные источники, наряду со сравнительно малочисленными группами аваров проживали славяне, сарматы, германцы и остатки автохтонного романизированного населения [30]. Германскому населению принадлежала сравнительно небольшая доля в формировании населения Аварского каганата. Только в отдельных местностях раскопками фиксируются более или менее крупные скопления гепидского населения. Так, в Келкед-Фекетекапу на Дунае исследовано поселение и могильник, которые приписываются германскому этносу [31]. На поселении было вскрыто 99 построек, углубленных на 30- 40 см. Размеры их различны - от 3 x 2 до 6 x 6 м. По сторонам построек прослежено до шести столбовых ям, свидетельствуя о столбовой или каркасно-столбовой конструкции стен, что характерно для германского домостроительства. Внутри жилищ находились очаги, выложенные из камней, взятых из развалин расположенного поблизости римского лагеря. В 200 м южнее поселения раскопано 680 погребений, совершенных по обряду ингумации. Наиболее ранние захоронения датируются последней третью VI в., поздние относятся к VIII в. В древнейшей части могильника при погребенных встречены керамика характерных для гепидов форм, предметы вооружения и другие вещи. В последующее время весь облик культуры погребенных становится типично "аварским" - произошла культурная ассимиляция германского этноса.

Основные массы населения аварской культуры несомненно принадлежали славянам. В Паннонии славянские этнические элементы выделяются исследователями в целом ряде могильников. Так, в могильнике Дунасекче, расположенном в венгерской области Баранья и датируемом VIII-IX вв., исследователями выделяется большая группа погребений с западной ориентировкой, в которых отсутствуют или представлены единичными находками типичные для аварской культуры поясные принадлежности, предметы вооружения и конского снаряжения. В могилах присутствует преимущественно глиняная посуда дунайского типа и головные украшения. Есть все основания

относить все захоронения этой группы славянскому населению [32].

Славянами, очевидно, оставлен и упомянутый выше могильник Орослань, датируемый VII столетием. Большинство погребенных в нем ориентировано головой на запад. В них встречены в основном глиняные горшки, реже деревянные ведра с бронзовыми обручами. В одном из захоронений обнаружено женское головное украшение из бронзовых подвесок трапециевидной формы. Исследователь памятника А.Шош полагает, что погребенные в могильнике этнически связаны со славянами Поднепровья [33].

Интересная работа по изучению славяно-аварских отношений в сравнительно небольшом регионе Аварского каганата проделана А.Кишем. Исследуя могильные памятники округа Баранья и сопоставив археологические результаты с топонимическими материалами, он показал, что в раннеаварское время авары и славяне были частично обособлены. Обнаруживаются два чисто аварских могильника, в то время как по материалам других некрополей выявляется доминирование славян. Исследователь обнаруживает славянские элементы в 60 могилах, относящихся к VII в. (могильники Боль, Дьод, Надьхаршань, Печ-Кезтемете и Черкут; в двух последних имеется лепная керамика, напоминающая пражско-корчакскую). В последующее время разграничение разнотрульных элементов становится невозможным - завершается процесс смещения населения и формирования позднеаварской культуры. Могильники становятся монокультурыными - памятниками смешанного славяно-аварского населения [34].

Славянский этнический компонент несомненно присутствует еще в целом ряде могильников аварской культуры в Паннонии. О наличии здесь значительного славянского населения говорит и

распространенность на поселениях полуземляночных жилищ, по всем показателям сопоставимых с распространенными антскими домами.

Довольно отчетливо славянские культурные элементы выявляются в памятниках окраинных регионов Аварского каганата, где славяне были доминирующим этносом.

Большое число могильников аварской культуры исследовано в Юго-Западной Словакии [35]. Почти во всех этих некрополях встречаются собственно аварские захоронения, сопровождаемые конем. Обычными находками таких захоронений являются предметы вооружения и конского снаряжения, а также металлические наборы поясной гарнитуры. Некоторые словацкие археологи высказывали предположение, что это могли быть погребения славянских воинов. Однако каких-либо специфических отличий погребений с конем на территории Словакии не выявляется, они тождественны другим регионам Аварского каганата и должны быть отнесены к номадскому этносу.

В могильниках аварского периода Юго-Западной Словакии огромное число погребений сопровождается немногочисленными находками (преимущественно глиняными сосудами и единичными украшениями). Принадлежность их славянскому населению не подлежит сомнению. Наиважнейшим признаком ненномадских могил этого региона является керамика дунайского типа. Словацкие археологи прослеживают континуитет в эволюции глиняной посуды от местной пражско-корчакской до дунайской и далее к великоморавской керамике. Во многих могилах аварского времени Словакии зафиксированы ящикообразные саркофаги из дерева или обкладки трупоположений досками. Так, в могильнике Девинска Нова Весь остатки подобных деревянных конструкций отмечены в 118 погребениях. Л.Красковская и другие археологи считают эту обрядность славянской. Наконец, нельзя не отметить, что доминирующей в этом регионе была западная (юго-западная) ориентировка умерших.

Принимая во внимание распространенность названных элементов культуры и обрядности в могильниках, расположенных

в землях севернее Дуная, исследователи утверждают, что здесь преобладающим в аварский период было славянское население. Более того, допускается мысль о том, что население областей к северу от Дуная составляли исключительно славяне, в то время как в Паннонии и бассейне Тисы оно было полиэтническим [36].

Австрийские археологи, уделяющие много внимания памятникам Подунавья аварского периода, утверждают, что население этого региона в своей основе также было славянским. Собственно аварскими можно признать лишь погребения воинов - трупоположения с конями и захоронения с оружием. На территории Австрии, как утверждает Ф.Дайм, их очень немного. В двух крупных могильниках (Медлинг-Гольдене Штег и Вена 11-Чокоргассе) из 1200 раскопанных погребений только четыре сопровождались конями. Могильники средней величины также содержат единичные конские захоронения. В Нижней Австрии известно только два могильника, в которых зафиксирован большой процент таких погребений: в некрополе Вена-Лезинг из 26 исследованных могил 10 оказались захоронениями с конями и при раскопках некрополя Вена-Унтер Санкт-Вит вскрыто 6 таких погребений. Поясная гарнитура, распространенная в могильниках аварской культуры, по Ф.Дайму, не может быть этническим показателем. Более того, исследователь утверждает, что бронзовые поясные бляшки и наконечники изготавливались и славянскими ремесленниками [37].

О славянской атрибуции большей части погребенных в рассматриваемых могильниках свидетельствуют многочисленные находки глиняной посуды дунайского типа и типично славянских горшков, богато украшенных волнистым и линейным орнаментом почти по всей поверхности.

Древности аварской культуры в Нижней Австрии появляются в VII в. и получают наибольшее

распространение в VIII в. Западной границей аварского влияния были Венский лес и река Энс, далее располагались земли Баварии. В этой части Аварского каганата, как полагает большинство австрийских исследователей, среди населения господствовал славянский язык. Славянское население находилось в той или иной зависимости от аваров. Контролировали власть кагана военные всадники.

Как отмечалось выше, первыми славянскими насельниками на территории Сербии и Хорватии были племена пражско-корчакской культуры, осевшие островками среди остатков позднеримского населения. Эти земли вплотную соприкасались с территорией Византийской империи, и славяне почти сразу же испытали влияние византийской культуры, поэтому их древности обнаруживаются с большим трудом или не выделяются вовсе. Так, при раскопках полуземляночного жилища на достоверно славянском поселении Апатин в Сербском Подунавье вместе с лепными кухонными горшками встречена гончарная византийская керамика, датирующая памятник серединой VI в. Подобное селище второй половины VI в. исследовалось в Винча на территории Белграда. Очевидно, очень скоро славянами были восприняты гончарная посуда и другие элементы провинциально-византийской культуры.

На территории Хорватии и Боснии славянские поселения доаварского времени не подвергались заметным раскопным изысканиям. Следы проживания здесь славян пражско-корчакской группы являются в основном случайные находки вещей и керамики. Захоронения по обряду трупосожжения, свойственное славянам этой группы, зафиксированы в Кашичи в Хорватии и Смердели под Скрадиной.

Основные массы славянского населения в сербско-хорватских землях появились в конце VI - начале VII в. вместе с аварами и составили ядро жителей Первого Аварского каганата. Югославские археологи подметили, что в этом регионе нет керамики VIII-IX вв., которую

можно было бы генетически связать с глиняной посудой пражско-корчакского типа. Очевидно, новая, более мощная миграционная волна славян-антов постепенно растворила разрозненные группы ранее проживавших здесь славян. Памятниками населения Первого Аварского каганата являются древности мартыновского типа, славяно-аварские грунтовые могильники и синхронные им поселения, пока слабо изученные.

Сербские и хорватские археологи считают возможным говорить об особой мартыновской культуре, относя к ней находки, сопоставимые с вещами, хорошо известными по днепровскимкладам типа Мартыновского. Как уже говорилось выше, наиболее характерными предметами этой культуры являются антские пальчатые фибулы и фантастические антропо- и зооморфные изображения, выполненные из цветных металлов. Древности мартыновской культуры разбросаны на широкой территории Среднего Подунавья и проникают в Македонию. По мнению И.Корошеца и З.Винского, их находки отражают расселение славянского населения, вышедшего из Приднепровских земель.

В рассматриваемом здесь регионе пальчатые фибулы антов сосредоточены в основном в Сербском Подунавье, но единичные находки их отмечены и в других местах. Самой западной находкой является фибула, обнаруженная в Загребе (Стеньовец). Другие предметы мартыновского стиля найдены в Чадавице в Подравской Хорватии, Бискупийе-Прискове под Книном в Далматийской Хорватии и других. Исследователи полагают, что роскошные вещи мартыновской культуры из Чадавицы, датируемые началом VII в., принадлежат княжескому погребению.

Могильники аварского периода в Сербии и Хорватии во многом идентичны памятникам других областей распространения аварских древностей. Основная часть их концентрируется в Подунавье. Захоронения с конем или с оружием и конской сбруей немногочисленны и в основном относятся к раннеаварскому периоду (Чока-Кременяк, Новы Кнежевац, Бочар, Селенча, Фекетич, Ловценац, Мали Идош, Пригревица, Осиек). Преобладающей ориентировкой была широтная. Очень много

малоинвентарных и безынвентарных трупоположений. В погребениях встречается преимущественно керамика дунайского типа.

Исследователи этих могильных памятников отмечают, что они занимают периферийные земли Аварского каганата и подобно словацким могильникам должны быть отнесены к славянскому населению. Лишь погребения с конями, мечами, саблями и конским снаряжением следует считать памятниками собственно аваров. В позднеаварский период такие трупоположения встречаются крайне редко. В захоронениях VIII в. специфическая для аварской культуры бронзовая поясная гарнитура является редчайшим исключением. Все отчетливее и отчетливее проступают славянские культурные элементы - глиняная посуда, принадлежащая к дунайскому типу, различные височные кольца, преимущественно перстнеобразные проволочные с разнообразными концами. В единичных могильниках Хорватии появляются первые эсоконечные височные кольца. Исследователи считают, что могильники VIII в. в Хорватии можно считать уже памятниками хорватского населения [38].

В связи с рассмотрением могильников аварского времени сербо-хорватского региона следует еще раз обратиться к погребальной обрядности славян начала средневековой поры. Югославские исследователи неоднократно подчеркивали, что первые славяне, расселившиеся в Адриатике, хоронили умерших по обряду трупоположения. При этом подчеркивалось, что многие могильники, возникшие во второй половине VI в. или в VII в., функционировали продолжительное время, иногда до XI-XII вв. включительно. Поэтому славянская атрибуция погребенных в них бесспорна. В этой связи положение о бытовании в антской среде Северного

Причерноморья обряда ингумации, по-видимому, восходящему к славяно-иранскому симбиозу, получает дополнительное подтверждение.

Важную информацию о культуре славянского населения Адриатики аварского периода дают и материалы раскопок поселений. На селище Кула около села Михайловец в Сербском Подунавье открыты полуземляночные жилища (размерами от 2,5 x 2,5 до 3,5 x 3,5 м, глубиной до 0,7 м) с печами-каменками, по планировке совершенно идентичные антским постройкам раннего средневековья. Поселение датируется VII в. В жилищах найдены гончарная керамика, некоторые сосуды близки к биконическим пеньковским. Кроме того, при раскопках обнаружены орудия из кости, железные ножи, глиняные сковородки и пряслица и другое [39].

Интересные результаты получены раскопками поселения Слатина близ Брзе Паланке, жизнь на котором продолжалась около четырех столетий. Его ранняя фаза определяется временем от конца VI в. до 680 г. К этому этапу относится 7 полуземляночных жилищ с печами-каменками в углу. Керамический материал представлен посудой дунайского типа. Кроме того, найдены биконические и конические глиняные пряслица [40].

Поселения с ранними напластованиями, датируемыми VII в., исследовались в Сербском Подунавье также в Велеснице, где была найдена антская пальчатая фибула, Слатинской Реке, Грабовице и других местах. Было установлено, что материалы, полученные в нижних отложениях культурного слоя поселения Ботра близ Белграда, датируемым в целом VII- IX вв., сопоставимы с описанным выше селищем Дунауйварош [41].

В Боснии и Герцеговине славянские поселения VII в. раскапывались в местности Кршце у Мушичима под Вышеградом, Батковици около Бийельина (местность Язбине), Жабляк, Градина в Биоградах около Мостара [42]. На селищах у Мушичима и Батковици исследованы полуземляночные постройки, как полагает И.Чремошник, времени встречи "старых и новых славянских племен".

Славянское население Адриатики довольно скоро стало осваиваться с византийской культурой. Уже в VI в. славяне служили наемниками в византийском войске и жили в византийских крепостях, о

чем свидетельствуют, правда, немногочисленные фрагменты славянской керамики. Приспособление к византийской культуре вело к стиранию этнокультурных особенностей и славянский этнический элемент в археологических материалах становится неуловимым [43].

На рубеже VI и VII вв. славяне достигли Адриатического побережья. Изучая материалы некрополей VII-VIII вв. Истрии, Б.Марушич выделяет две группы древностей. Одна из них безусловно оставлена местным романизированным населением. Многие могильники, составляющие эту группу, возникли еще в предшествующие столетия и функционировали продолжительное время. Первые захоронения некрополей второй группы появляются только в VII в. Эти памятники обычно располагаются на всхолмлениях или при руинах античных поселений. Захоронения по обряду трупоположения носят явно языческий характер. Некоторые из них имеют обкладки из плитняковых камней, которые Б.Марушич связывает с позднеантичным влиянием. Во многих погребениях встречены вещи - глиняные сосуды, железные ножи и пряжки, изредка монеты и бронзовые браслеты. В результате анализа этих древностей исследователь полагает, что они должны быть отнесены к этнически смешанному населению, в составе которого было автохтонное население и славяне [44].

Политическая история Аварского каганата - история непрерывных войн, множества военных стычек с Византией и ограбления побежденных народов. Уже в 570 г. авары начали войну с Византией и вторглись в ее пределы, но их натиск был отбит. В 573 г. авары вынудили Византию

заклучить мир при условиях выплаты Империей ежегодной дани. Эти исторические события теснейшим образом переплетаются с распространением славянского населения на широких просторах Балканского полуострова и Пелопоннеса, поэтому подробнее будут рассмотрены ниже.

Взаимоотношения славян с аварами были довольно сложными. Славяне, составлявшие основное население Аварского каганата, как уже отмечалось, способствовали приобщению аваров-номадов к земледелию и оседлости. Славяне принимали участие во всех военных операциях, организуемых аварами, вместе с последними грабя местное население в ряде регионов Балканского полуострова. Славяне были подвластны аварской знати, но внутри Аварского каганата имелись отдельные регионы, управляемые местными, в том числе и славянскими князьями. Византийский полководец Тиверий при заключении договора с аварами предпочитал брать заложниками не детей самого кагана, а "скифских" князей. Так именовались в письменных источниках того времени региональные правители неаварского, в основном славянского, происхождения внутри Аварского каганата.

Вместе с тем, славянское население Аварского каганата вынуждено было терпеть грабеж, гнет и унижения со стороны своих властителей. В хронике VII в., составленной Фредегаром, это охарактеризовано так: "Авары (источник именует их гуннами) каждый год шли к славянам, чтобы зимовать у них; тогда они брали женщин и детей славян и пользовались ими. В завершении насилия славяне обязаны были платить аварам дань" [45]. Тот же источник сообщает, что когда авары шли ратью против какого-либо народа, они ставили впереди своего лагеря войско славян. Если последние одерживали верх, то "тогда авары подходили, чтобы забрать добычу", если начинали терпеть поражение, то авары шли на подмогу и вынуждали сражаться с новой силой [46].

Угнетаемые аварами славяне в 623/624 г. восстали против своих поработителей. В хронике Фредегара сообщается, что "... не в состоянии терпеть оскорбления и притеснения", славяне взбунтовались, отказались подчиняться аварам и двинули на них свое войско. Как раз в это время "един человек по имени Само, родом франк из округа Сенонаго собрал около себя значительное число торговцев и отправился с ними к славянам, иначе винедам, ради торговых целей". Купец Само вместе со славянами отправился в поход "и там в деле с аварами он так пригодился, что было удивительно, и огромное множество их было истреблено мечом венидов".

В результате Само был избран славянами в короли и возглавлял первое славянское государство в течение 35 лет [47]. Фредегар сообщает, что под руководством Само славяне "много раз сражались с аварами; благодаря его мудрости и находчивости виниды одерживали верх над аварами". Сражались славяне во главе с Само и с франками. Одна из битв имела место около крепости Вогастисбург, где засели главные силы славян. После трехдневного сражения большая часть войска франкского короля Дагоберта была здесь разгромлена и вынуждена была спасаться бегством. Позднее славяне по распоряжению Само с целью грабежей и разбоя несколько раз вторгались в Тюрингию и другие области франкского королевства. Можно полагать, что территория государственного объединения славян в это время постепенно расширялась. Фредегар сообщает, что князь славянского племени сербов Дерван, подчинявшийся франкскому королю, вместе со своими соплеменниками вошел в государство Само. В 658 г. Само умер, и с его смертью распалось созданное им первое государство славян.

Точно определить территорию славянского государства Само не удастся. Хроника Фредегара сообщает только один географический пункт - Вогастисбург, локализация которого на современной карте затруднительна. Из контекста

хроники, однако, вполне очевидно, что государство Само находилось где-то по-соседству с землями Франкского королевства.

Вопрос о местоположении первого государственного образования славян многократно обсуждался в исторической литературе. Весьма распространенным является предположение о локализации этого государства в Карантании [48]. Л.Нидерле, В.Новотный и некоторые другие историки высказывали мнение о нахождении его на территории Чехии [49]. Ряд исследователей склонны были локализовывать государство Само на восточной окраине Франкского королевства, в том числе в Тюрингии [50]. Высказывались и гипотезы об образовании его на средней или верхней Эльбе поблизости от Тюрингии [51]. Имеется группа ученых, которая считала, что это государство занимало обширный регион, включавший на севере бассейны Заале и Эльбы, Чехию и Моравию и далее на юг до Верхних Альп [52]. Но наибольшее распространение получила мысль о местонахождении первого славянского государства в Среднедунайском регионе, в основном к северу от Дуная, там, где позднее образовалась Великоморавская держава. При этом некоторые исследователи полагают, что государство Само, заложив основы нового политического образования, стало непосредственным предшественником Великоморавской державы. Раннесредневековый Вогастисбург, согласно представлениям словацкого историка М.Кучеры, располагался или в Девине, или в Братиславе [53].

Гипотеза о локализации славянского государственного образования под началом Само в Северном Подунавье, там, где позднее сложилось ядро Великой Моравии, безусловно продуктивна. Ныне она представляется весьма авторитетной, но вопрос этот, безусловно, нельзя считать решенным.

Представляют несомненный интерес и новейшие разработки немецких исследований, согласно которым государство Само находилось в Подунавье, но не в Моравии, а значительно западнее, чему как-будто бы более соответствует информация хроники Фредегара. Это государственное образование занимало земли Чехии (Богемии), а на юг простиралось до восточноальпийского региона, поскольку, как свидетельствует Фредегар, в сражении под Вогастисбургом принимали участие и лангобарды [54].

Ядро государства Само, по мнению Х.Кунстманна и Х.Якоба, находилось севернее Дуная, в верхнем течении Майна, там, где в него впадает Регниц. В исторических источниках начала IX в. этот регион именуется "regio Sclavorum" или "terra Slavorum", а его центральное место занимает Knetzgau (от славянского *konedz* "князь"). Поблизости находится Winideheim (то есть "славянский холм"), Knetzburg (слав. "княжеская гора"), здесь же известны и другие славянские топонимы. В Кнетцгау на небольшом всхолмлении в строительной траншее в 60-х годах был найден глиняный

горшок пражско-корчакского облика, датируемый исследователями первой половиной VII в., а в 200 м западнее при раскопках собрано множество фрагментов славянской керамики, относящейся ко времени от VII до XIII-XIV вв. При археологическом обследовании других мест, названия которых имеют славянские этимологии, также обнаружена раннесредневековая славянская керамика. Одно из таких мест исследователями предположительно отождествляется с историческим Вогастисбурком.

В результате постоянных войн могущество Аварского каганата постепенно слабело. Номады-авары смешивались с побежденным ими населением и со временем ассимилировались в его среде. Несмотря на неоднократный приток в Среднее Подунавье новых групп номадских племен из Восточноевропейских степей многократно превосходящее местное земледельческое население постепенно впитывало в себя тюркоязычных кочевников. Упадок аварского военного потенциала

начался еще в 20-40-х гг. VII в., когда часть славян под водительством Само на какое-то время приобрела независимость. В 635-641 гг. успешный поход против авар совершил болгарский князь Кубрат. Предположительно к этому времени относится и освобождение от аварского господства иллирийских славян - сербов и хорватов. Окончательно авары были разбиты в войнах с франками. В 791 г. они были побеждены Карлом Великим, а несколько позже его сын Пипин завершил разгром Аварской державы.

После гибели Каганата основным населением Среднего Подунавья стали славяне. Об этом вполне надежно свидетельствуют археологические материалы Моравии и Словакии, Нижней Австрии и окрестностей Балатона, бассейнов Дравы и Савы, которые будут рассмотрены ниже в связи с становлением в этих землях отдельных славянских народностей и государственности.

Спасаясь от франков, одна группа аваров бежала на восток, за Тису, другая на какое-то время осела в Нижней Паннонии, где растворилась среди славян. Франкские войны затронули и славянское население ядра Аварского государства. В IX в. письменные памятники именуют ядро аварской земли "solitudines Avarorum", то есть "аварской пустыней". Думается, что значительные массы славян в условиях франкского нашествия отдельными группами вынуждены были оставить часть Среднедунайских земель и, продвинувшись далеко на восток, осесть на Русской равнине среди местного славянского населения. В восточнославянских археологических материалах свидетельства этой миграции в настоящее время обнаруживаются.

Особое место занимают древности аварского периода Трансильвании. После разгрома аварами гепидов здесь сохранилась небольшая часть германского населения. Одним из памятников гепидов второй половины VI и начала VII в. является могильник Братей 3. Вместе с тем, по всему Трансильванскому плато известны и аварские находки VII в., свидетельствующие об инфильтрации аваров в среду прежних жителей (потомки романизированных племен и славяне). Вскоре это разнородное население включилось в процесс культурного и этнического слияния. В результате в Трансильвании складывается своеобразная полиэтническая культурная группа (рис. 33), датируемая VII-IX вв. и получившая в археологической литературе название "медиаш-группа" [55].

Могильники этой культурной группы биритуальные. Захороненные по обряду трупоположения ориентированы головами на восток, реже - на запад и сопровождаются различными вещами аварской культуры - железными наконечниками копий и дротиков, боевыми топорами, стрелами, удилами и украшениями конской сбруи. Многочисленны также бляшки, наконечники и пряжки поясных уборов. В женских погребениях обычны бронзовые браслеты с коническими концами, серебряные и бронзовые серьги, кольца и разнообразные пастовые бусы.

Захоронения по обряду кремации исследованы во многих, но далеко не во всех могильниках рассматриваемой культурной группы. Большая часть таких погребений находилась в глиняных урнах - сосудах, как отмечают исследователи этих древностей, славянского облика, лепных или чаще

сделанных на гончарном круге. Лепные горшки весьма напоминают пражско-корчакские или пеньковские, гончарные принадлежат к дунайской керамике или тождественны посуде Нижнего Подунавья, сложившейся под влиянием византийского гончарства. В захоронениях по обряду ингумации, в том числе с находками предметов, принадлежащих к поясным наборам, встречается такая керамика, как и в трупосожжениях. В ряде погребений могильников медиаш-группы встречены пальчатые фибулы антских типов.

Исследователь рассматриваемых древностей К.Хоредт считает, что обряд трупосожжения и керамические материалы дают все основания полагать, что среди захоронений могильников медиаш-группы несомненно есть славянские. Вместе с тем, нельзя быть уверенным в том, что обряд кремации в Трансильвании в VII- IX вв. был исключительно славянским. По этому ритуалу могли хоронить умерших и другие осевшие здесь племена. Впрочем, и среди захоронений по обряду ингумации, вероятно, есть славянские: в условиях полной территориальной смешанности разноэтничного населения это не исключено.

Славянское население Трансильвании, по всей вероятности, постепенно подверглось романизации. В IX-X вв. здесь получает распространение, как и в Олтении, Банате и Валахии, буковская культура, связанная с этногенезом румынской народности.

1. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. М., 1981 С. 317.
2. Византийские историки. СПб., 1860. С. 385- 387; Stein E. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches. Stuttgart, 1919. S. 10; Bona I. Abriss der Siedlungsgeschichte Ungarns im 5.-7 Jh. // *Archaeologische rozhledy*. Praha, 1968. N.5 613; Avenarius A. Die Awaren in Europa. Bratislava, 1974.
3. Nagy T. *Studia avarica* // *Antik Hungarica*. T II Budapest, 1947-1948. P. 140-147.
4. Kovrig I. Contribution aux problèmes de l'occupation de la Hongrie par les avars // *Acta archaeologica Hungaricae*. T. VI. Budapest, 1955. P. 165-192.
5. Kovrig I. Das awarenzeitliche Graberfeld von Alattya. Budapest, 1963.
6. Ранняя аварская керамика описана в статье: Csallagy D. Kora-avar kori edények // *Dolgozatok*, XVI. Szeged, 1940.
7. Bona I. VII. századi avar települések és Árpád-kori magyar falu Dunaujvárosban. Budapest, 1973.
Исследователь предпочитает называть полужемляночные жилища славянского облика восточноевропейскими, полагая, что они были распространены не только среди славянского населения, но и бытовали у других племен Восточной Европы. При этом он ссылается на полужемлянки Именьковского городища Среднего Поволжья, приписывая этот памятник болгарам, и поселений Дунайской Болгарии. Именьковская культура непосредственно связана со славянским этносом, полужемлянки Нижнего Подунавья также оставлены славянами. Полужемляночные жилища Венгрии составляют вариант славянских и, очевидно, были восприняты венграми на среднем Дунае у местных славян.
8. Szatmari Sarolta B. Avar temető és település Tatabánya-Alsógalla mellett // *Szolnok megyei múzeumi évkönyve*. 1982-1983. Szolnok. S. 67- 79.
9. Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С. 178.
10. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 111.
11. Sos A.Cs. Volaufige Mitteilungen über die Ausgrabungen in Pokaszepck // *Folia archaeologica*. XIV. Budapest, 1962. S. 67-82; Idem. Jelentes a Pokaszepck asatásáról // *Archaeologiai értesítő*. Budapest, 1973. N1. S. 66-77. Fig. 9.
12. Sos A.Cs. Das frühawarenzeitliche Graberfeld von Oroszlány // *Folia archaeologica*. X. Budapest, 1958. S. 105-124. Taf. XVII.

13. Повесть временных лет. Т. 1. М.; Л., 1950. С.
14. Hauptmann L. Politische Umwälzungen unter den Slovenen vom Ende des sechsten Jahrhunderts bis zur Mitte des neunten // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. Bd. 36. Wien, 1915. S. 234, 249.
15. Comsa M. Die Slawen im Karpatisch-Donauländischen Raum im 6.-7. Jahrhundert // Zeitschrift für Archäologie. Bd. 7. Berlin, 1974. S. 218.

16. Korosec J. Arheološki sledovi slovansko naselitve na Balkanu // Zgodovinski časopis. VIII. Ljubljana, 1954. S. 7-26; Vinski Z. O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviju s posebnim obzirom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog avarskog kaganata // Opuscula archaeologica. III. Zagreb, 1958. S. 13-67; Idem. Rani srednji vijek u Jugo-slaviji od 400. do 800. godine // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. V. Zagreb, 1971. S. 47-73 или Epoque prehistorique et protohistorique en Yougoslavie. Recherches et resultats. Beograd, 1971. P. 375-397.
17. Balint Cs. Über einige Ostliche Beziehungen der Frühawarenzeit (568 - circa 670/680) // Mitteilungen des Archäologischen Instituts der Ungarischen Akademie der Wissenschaften. 10/11. Budapest, 1982. S. 131-146.
18. Березовець Д.Т. Харівський клад // Археологія. Т. 6. Київ, 1952. С. 109-119.
19. Comsa M. Bemerkungen über die Beziehungen zwischen den Awaren und Slawen im 6.-7. Jahrhundert // Interaktionen der mitteleuropäischen Slawen und anderen Ethnika im 6.-10. Jahrhundert. Nitra, 1984. S. 63-74.
20. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8. М., 1981. С. 151; Трубачев О.И. Ранние славянские этнонимы - свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. №6. С. 48-67; Ditten H. Bedeutung der Einwanderung der Slawen // Byzanz im 7. Jahrhundert. Berlin, 1978 S. 443-447.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 604; Schuster-Sews H. Zur Geschichte und Etymologie des ethnischen Namens Sorb/Serb/Sarb/Srb // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 30. H. 6. Berlin, 1985. S. 851-856.
22. Свод древнейших письменных известий. . С. 53, 54.
23. Трубачев О.Н. Некоторые данные об индоа-рийском языковом субстрате Северного Кавказа в античное время // Вестник древней истории 1978. 4. С. 41, 42; Он же. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 42.
24. Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.
25. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX-XI веков. Тексты, переводы, комментарий). М., 1993. С. 62-67.
26. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники... С. 83-89;
27. Kloiber A. Oberösterreichs Bodenfunde aus Baierscher und frühdeutscher Zeit // Jahrbuch des Oberösterreichischen Musealvereines. Bd. 107. Linz, 1962. S. 125-250.
28. Назаренко А.В. Имя "Русь" и его производные в немецких средневековых актах IX-XIV вв.: Бавария - Австрия. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1982. М., 1984. С. 86-129.
29. Тот Т.А., Фирштейн Б.В. Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Авары и сарматы. Л., 1970. С 5-33.
30. Kiss A. Avar cemeteries in county Baranya. Cemeteries of the Avar period in Hungary. Budapest, 1977.
31. Kiss A. Das Graberfeld und die Siedlung der awarenzeitlichen germanischen Bevölkerung von Kolked // Folia archaeologica. XXX. Budapest, 1979. S. 185-192.
32. Sos A.Cs. A dunaszekcsői avarkori temető // Folia archaeologica. XVIII. Budapest, 1966-1967. S. 120.
33. Sos A.Cs. Frühawarenzeitlichen Graberfeld aus Oroszlány...S. 106-124. Abb. 21.
34. Kiss A. Abriss der Siedlungsgeschichte und der ethnischen Verhältnisse des Komitates Baranya in der Awarenzeit // Acta antiqua et archaeologica. XIV. Szeged, 1971. S. 105-113.
35. Eisner J. Devínska Nova Ves. Slovanske pohrebiste. Bratislava, 1952; Budinsky-Kricka V. Pohrebisko z doby avarskej v Zitavskej Toni na Slovensku // Slovensk archeologia. IV. Bratislava, 1956. S. 5-131; Cilinska Z. Slawisch-awarisches Graberfeld in Move Zámky. Bratislava, 1966; Idem. Frühmittelalterliches Graberfeld in Zeiove. Bratislava, 1971; Kraskovská L. Slovansko-avarske pohrebis-ko

- pri Zahorskej Bystrici. Bratislava, 1972; Todk A. Slawisch-avarisches Graberfeld in Sturovo. Bratislava, 1968; Idem. Slawisch-avarisches Graberfeld in Holiare. Bratislava, 1968.
36. Chropovsky B., Vladoar J., Ruttkay A. Slovenski akademija vied a 25 rokov archeologick6ho badania na Slovensku // Slovensku archeologia. XXVI. Bratislava. 1978 S. 284, 285; Cilinsku Z. The Pre-Great Moravian Period // Archaeological Research in Slovakia. Nitra, 1981. P. 138; Chropovsky B. Die frahslawische und vorgrossmahrisehe Entwick-lung im Gebiet der Tschechoslowakei // Gross-mahren und die Anfange der tschechoslowakischen Staatlichkeit. Praha, 1986. S. 100-113.
 37. Daim F. Awaren in NiederOsterreich. Wien, 1977; Idem. Awarische Altfunde aus Wien und NiederOsterreich // Mitteilungen der Anthropologischen Ge-sellschaft in Wien. Bd. CIX. 1979. S. 55-102; Lippcrt A. Zur militarischen Westgrenze des Awarcnreiches // Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Bd. C. 1970. S. 162- 172.

38. Vinski-Gasparini K., Ercegovic S. Ranosrednjo-vjekovno groblje u Brodskom Drenovcu // Vjesnik Arheoloskog muzeja u Zagrebu. I. Zagreb, 1958. S. 130-161.
39. Jankovic D. Le site d'habitation medieval Kula pres du village Mihajlovac. Fouilles de 1981. // Ђердапске свеске. III. Београд, 1986. . 443- 446.
40. МауonoJBHт) В., Ружи!) М. Brza Palanka - USce Slatinske reke, Dunav - srednjovekovno naselje i nekropola//Arheoloski pregled. 22. Beograd; Ljubljana, 1981. S. 164-166; .1анкови1) Д. Средньове-ковно насеље код Уш1)а Слатинске реке // Ђердапске свеске. II. Београд, 1984. С. 196-198; Idem. L'embouchure de la riviere Slatinska reka // Там же. III. 1986. P. 384-387.
41. Ercegovic-Pavlovic S., Minic D. Site d'habitation medieval a Velesnica. Pouilles de 1981 // Бердапс-ке свеске. III. Београд, 1986. С. 289-293; Стано-јеВKh Н. Насела VIII-IX века у Војводини // Рад ВоJBol)аHCKHX музеја. 30 Нови Сад, 1986-1987. С. 119-146.
42. Cremosnik J. Istrazivanja u Musicima i Zabljaku i prvi nalaz najstarijih slovenskih naselja kod nas // Glasnik zemaijskog museja Bosne i Hercegovine. XXV. Sarajevo, 1970. S. 45-70; Idem. Prve nalazi najstarijih slavenskih nastambi u Bosni i Herce-govini //Arheoloski vestnik. XXI-XXII. Ljubkja-na, 1970-1971. S. 221-224.
43. Avenarius A. Byzantska kultura v slovenskom prostredi v VI.-XIII. storoci. K problemu recepcie a transformicie. Bratislava, 1992.
44. MaruSic B. Nekropole VII. i VIII. stoljeca u Is-tri //Arheoloski vestnik. XVIII. Ljubljana, 1967. S. 333-348; Idem. Nekropole VII. i VIII stoljeca u Istri // Zgodnji srednji vek v Sloveniji. Ljubljana, 1967. S. 25-40.
45. Chronicarum quae dicuntur Fredegarii Scholasti-ci. Libri IV // Monumenta Germaniae Historica: Scriptorum Rerum Merovingicarum. II. Hannoverae, 1888. S. 48.
46. Обзор свидетельств исторических источников о взаимоотношениях славян с аварами сделан Б.Застеровой: Zasterova B. Avari a Slovane // Vsnik a pocatku Slovand. II. Praha, 1958. S. 19-54.
47. В другом средневековом источнике 871 или 873 г. сообщается: "Во времена славного короля франков Дагоберта, некто по имени Само, славянин, живший среди карантанцев, сделался вождем народа" (De conversione Bagoariorum et Carantanotum Libellus. Teil 4).
48. Mikkola J. Samo und sein Reich // Archiv fUr Slavische Philologie. 42. Berlin, 1928. S, 77 if.; Grafenauer B. NovejSa literatura o Samo in njeni problemi // Zgodovinski casopis. Ljubljana, 1950. N4. S. 151-168; Hauptmann L. Die Friihzeit der West- und SUDslawen // Historia mundi. V. 1956. S. 304.
49. Niederle L. Slovanske starozitnosti. II. Praha, 1906. S. 341; Novotny V. Ceske dejiny. 1.1. Praha, 1912. S. 216.
50. Nemecek O. Das Rcich dcs Slawenfursten Samo // XXIII Jahresbericht der deutschen Landes. Ober-realschule in Muhren-Ostrau fur das Schuljahr 1905-1906. S. III-V; Vanecek V. Souvislost Veike Moravy se slovenskym svazem Samovymi? Ke vzniku statu na Morave // Prdvnehistoricke studie. 9. Praha, 1963. S. 211-229.
51. Peisker J. The Expansion of the Slavs // The Cambridge Medieval Histiry. 1926. S. 451-454.
52. Fritze W.H. Slawen und Awaren im angelsachsi-schen Missionsprogramm. III. Bedas Hunni und die Entstehung der angelsachsischen Missionsvulker-liste von 703/04 // Zeitschrift fur Slavische Philologie. 33. Berlin, 1967/1968. S. 361.
53. Б.Горак и Г.Лабуда ограничивают территорию государства Само Моравией, другие

- исследователи считают, что она занимала все славянские земли Подунавья к северу от Дуная, третьи отводят этому образованию более широкие пространства в среднем течении этой реки. См.: Horak B. Samova riSe. Prispěvek k historickému zeměpisu // Časopis pro dějiny venkova. 10. Praha, 1923. S. 129ff; Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. Poznań, 1949; Avenarius A. K otázce polohy a vzniku Samověj rise // Historické studie. 13. Bratislava, 1968. S. 177-200; Idem. Die Avaren in Europa. Bratislava, 1974. S. 250-252; Cilinska Z. Zur Frage des Samo-Reiches // Rapports du IIIe Congrès International d'Archéologie Slave. T. 2. Bratislava, 1980. S. 79-84; Kucera M. Postavy vel'komoravskéj historie. Bratislava, 1986. S. 11-46.
54. Kunstmann H. Wo lag das Zentrum von Samos Reich? // Die Welt des Slawen. Halbjahresschrift für Slavistik. Bd. XXVI. H. 1 (N.F. V.I). München, 1981. S. 67-101; Jakob H. Frühslavische Keramikfunde in Ostfranken // Там же. S. 154-169.
55. Horedt K. Untersuchungen zur Frühgeschichte Siebenbürgens. Bukarest, 1958.
56. Horedt K. Ceramica slava din Transilvania // Studii și cercetări de istorie veche. Bukarest, 1951. V. 2. P. 189-232; Idem. Die Brandgraberfelder der Mediasgruppe aus dem 7.-9. Jh. in Siebenbürgen // Zeitschrift für Archäologie. Berlin, 1976. V. 1. S. 35-57; Idem. Die Brandgraberfelder der Mediasgruppe aus dem 7.-9. Jh. in Siebenbürgen // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. T. 1. Bratislava, 1979. S. 385-393.

Сербо-лужицкая группа

В VII в. в регионе среднего течения Одера и смежных землях бассейна Шпрее-Хавеля расселяется новая племенная группа славян, названная торновской (рис. 19 и 46) по одному из исследованных раскопками памятнику в Торнове в бассейне Шпрее [1]. Эта территория в VI в. была освоена в основном славянами суковско-дзедзицкой группы (на юго-западных окраинах - славянами пражско-корчакской группы), которые в процессе миграции славян инокультурной группы не покинули мест своего обитания.

Вновь прибывшие славяне оставили в рассматриваемом регионе поселения, существенно отличные от памятников прежнего населения. Были основаны многочисленные небольшие городища с довольно мощными оборонительными конструкциями.

Одним из характерных поселений является полностью раскопанное городище в Торнове [2]. При исследованиях выделено два строительных горизонта. Городище А (нижний слой) было округлым в плане. Кольцеобразный вал высотой до 9 м имел внутри деревянные решеткообразные конструкции. Способ крепления их - крюковой. С внешней стороны к валу примыкал ров, с внутренней - хозяйственные постройки, рубленные из бревен толщиной 10-15 см. На внутренней площадке городища открыты остатки постройки размерами 5 x 2,2 м, стены которой выполнены в столбовой технике. Здесь же изучены колодец и зерновая яма. В последней и среди остатков постройки у ворот обнаружено большое количество зерна (рожь, пшеница и ячмень). В культурном слое кроме керамического материала найдены железные сковорода и наконечник стрелы, а также жернова.

Подобную планировку имело и раннее городище в Форберге, находящееся в том же регионе. Вещевые находки и некоторые другие наблюдения позволили Й.Геррманну датировать нижние отложения культурного слоя этого поселения VII- VIII вв. Как и Торновское, оно погибло в результате пожара.

На руинах раннего поселения в Торнове было выстроено новое городище (Б). Его защищали мощный кольцевой вал шириной 10-14 м и ров шириной 5-8 м. При этом были использованы отчасти старые внутривальные конструкции и возведены дополнительные из вертикальных столбов и срубных венцов со стороны рва и на вершине. Для входа, как и на городище А, в валу был прорезан тунелеобразный коридор шириной 1,5- 1,6 м. С внутренней стороны склоны вала были выложены камнем, к которым вплотную примыкала кольцевая постройка, разделенная на 19 секций. Она выстроена из бревен срубной техникой, комбинированной с вертикальными стол-

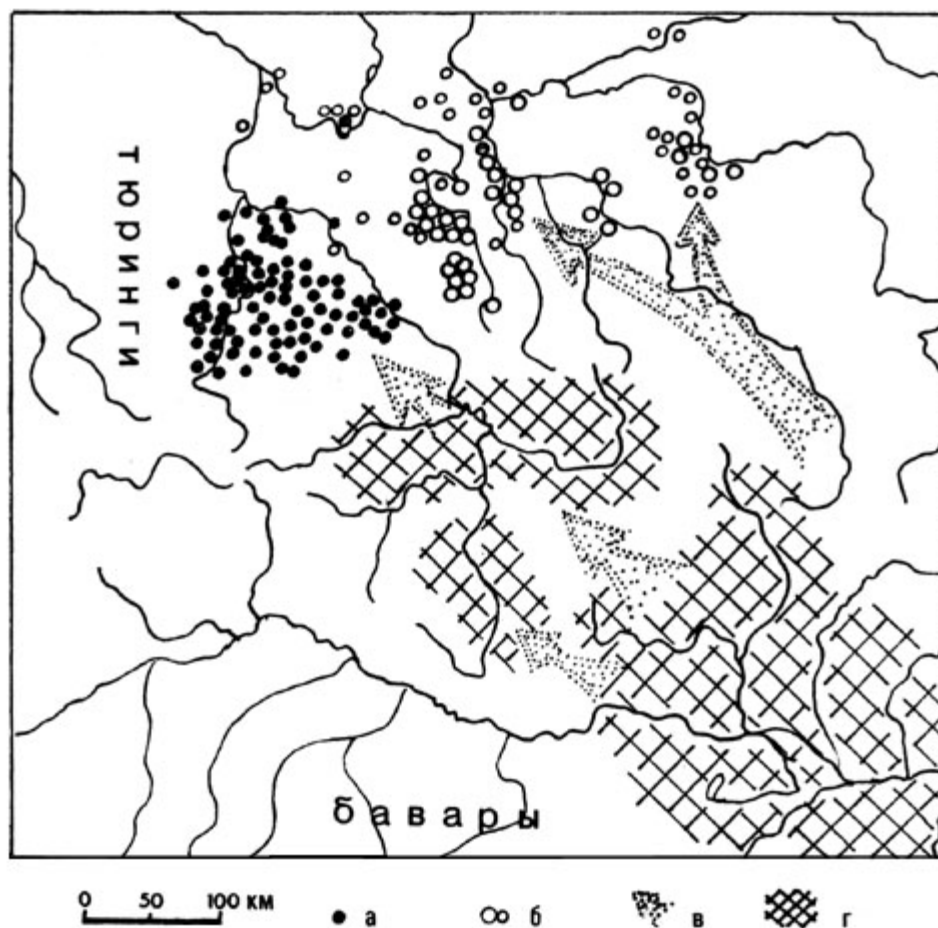

Рис. 46. Расселение славян серболужицкой группы:
а - поселения с рюсенской керамикой; *б* - поселения с торновской керамикой (крупные значки - городища, мелкие - селища); *в* - направления расселения славян рюсенской и торновской групп; *г* - область распространения дунайской керамики

бами. Три секции постройки были жилыми, остальные служили амбарами для хранения продовольственных припасов. В последних находились глиняные ванны и деревянные ящики, заполненные обугленным зерном, сгоревшим вместе с поселением. Размеры их от 0,8 x 0,6 до 1,05 x 0,98 м, высота от 9,5 до 17 см. Кроме того, на городище в слоях IX в. обнаружено свыше 100 жерновов, биконические глиняные пряслица, два железных серпа, два топора и поясные принадлежности.

В срединной части поселения располагалась постройка, состоящая из двух помещений. Первое, размерами 4 x 0,7-1,2 м, было выстроено из горизонтальных брусьев, которые удерживались стояками, пол глинобитный. Вторая камера - сруб размерами около 2 x 1,2 м.

Примерно такое устройство имело и городище Б в Форберге. В отличие от Торновского, сгоревшего в IX в., оно

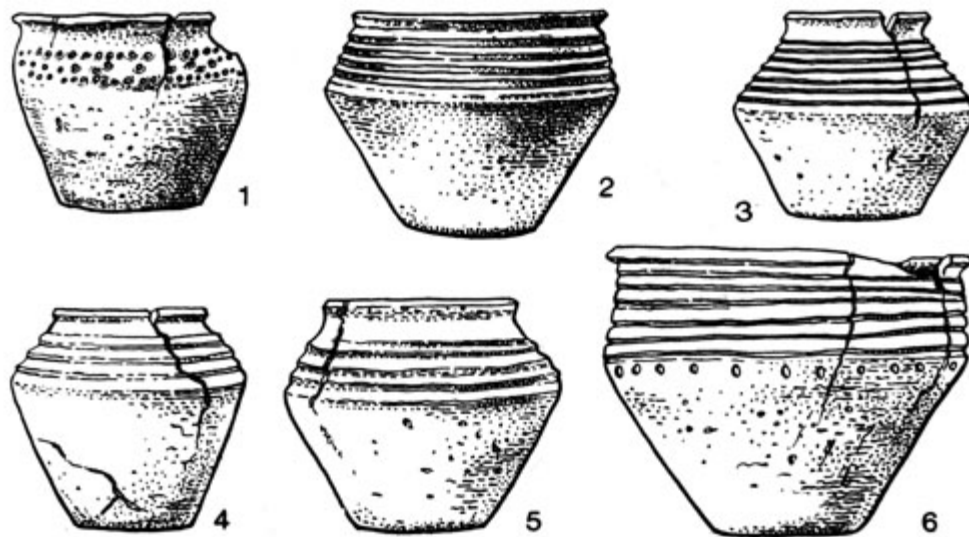

Рис. 47. Керамика из поселения Торнов

функционировало и в X в. За его валами на всхолмлении находилась неукрепленная часть поселения, размерами 100 x 80-90 м. При его раскопках открыты многочисленные ямы от столбовых построек, собрано большое количество фрагментов керамики того же облика, что и на городищах.

Среди материалов раскопок наибольший интерес представляет глиняная посуда (рис. 47). При этом слои А и Б обоих городищ характеризуются однотипной керамикой. Изготавливалась она на гончарном круге и отличается строгими формами. Наиболее распространенными были горшкообразные сосуды хорошо выраженной биконической формы. Наибольшее расширение приходится на середину тулова. Выше перелома располагается орнаментальный пояс из нескольких рельефных полос - пластичных валиков, а также волнистые и линейные узоры или выполненные наколами и штампами. Эта посуда и получила название керамики торновского типа, став одним из важнейших этноопределяющих признаков рассматриваемой культурно-племенной группы раннесредневекового славянства [3]. Кроме того, на торновских поселениях встречаются более высокие сосуды с резким угловатым изгибом плеч и горшки с плавным профилем, но и они, как полагают исследователи, производны от биконических сосудов. Они орнаментировались волнистыми и линейными узорами, пересекающимися линиями, прочерченными крестиками и просто черточками.

Появление торновской керамики в рассматриваемом регионе определяется VII в. К первой половине этого столетия, по-видимому, принадлежат нижние горизонты поселений Борхельт (радиоуглеродная дата - 635 ± 80 г. н.э.) и Лютьенберг в округе Торнова [4]. Этим временем следует датировать и напластования с торновской керамикой на городище Бониково на правобережье среднего Одера [5]. Широкое бытование этой керамики определяется всюду VII-VIII вв., но в

небольшом количестве она использовалась и в IX-X вв.

Торновская посуда первоначально была характерна для жителей городищ. На первых порах население неукрепленных селищ пользовалось лепной посудой, продолжавшей традиции суковско-дзедзицкой или пражско-корчакской. Такая керамика встречена и в нижних горизонтах культурных отложений некоторых городищ (Столле, Визенау, Лоссов, Вильдберг и другие). В результате взаимодействия местного и пришлого населения уже в конце VII в. и особенно в VIII в. происходят существенные изменения в эволюции лепной керамики. Ее формы становятся более

многообразными, получают распространение орнаментальные мотивы, скорее всего, воспринятые от посуды торновского типа. Эту орнаментированную посуду торновского ареала обычно называют псевдоменкендорфской. Параллельно на многих неукрепленных поселениях рассматриваемого региона появляется и собственно торновская керамика. К началу IX в. различия между культурой городищ и селищ торновского ареала окончательно нивелируются - теперь в торновском ареале бытует довольно однотипная гончарная керамика, развившаяся на основе торновской. Лишь в отдельных местах в небольшом количестве продолжала изготавливаться собственно торновская посуда.

К этому времени стандартизируется и домостроительство. Если в ранний период рассматриваемый регион отличался разнотипностью жилых построек (сооружения столбовой конструкции на городищах, углубленные постройки на поселении рядом с городищем Форберг, жилища с углублениями неправильно-овальной формы, характерные для суковско-дзедзицкого ареала), то теперь повсюду доминируют наземные дома столбовой конструкции.

Славяне торновской группы были, прежде всего, земледельцами. Существенные результаты были получены при изучении зернового материала из городища Торнов. Установлено, что ведущая роль принадлежала ржи, хотя культивировали и другие зерновые растения. Удалось выявить 73 разнохарактерных комплекса, как полагают исследователи, принадлежащих к урожаю одного года, но к различным полям или усадьбам. В каждом из комплексов преобладали зерна того или иного определенного вида, но всегда присутствовала примесь и другого зерна. Статистические выкладки показали, что примеси эти имели не случайный характер, а обнаруживают вполне определенные закономерности. Так, в комплексах, состоящих преимущественно из зерен ржи, присутствует пшеница; комплексы же с пшеницей содержали примесь проса, а комплексы проса - рожь. Эти наблюдения совместно с анализами сорняков, содержащихся в зерновых комплексах, дали основания для утверждения о том, что в торновском ареале на пашенных участках имела место определенная сменяемость культур, то есть севооборот.

В VIII-IX вв. в торновском ареале появляются первые ремесленные поселения с мастерскими по выработке различных изделий, которые налаживают торговые связи со своей округой и позднее с более отдаленными землями. К сожалению, такие поселения еще не изучались крупными раскопными работами. На городище Торнов в слоях IX в. было обнаружено свыше 100 жерновов. Несколько таких находок происходят и из городища Форберг. Минералогические анализы показали, что все они изготовлены из порфира и привезены из Рохлитц-Мюгельнского региона, где имеются залежи этого камня.

Погребальные памятники славян торновской группы VII-VIII вв. пока не выявлены.

Племенная атрибуция славян торновской культурной группы надежно установлена немецкими исследователями. Это были лужичане, заселявшие историческую область Лужицу. Они были одним из праславянских племенных образований, сформировавшимся в условиях

территориального смешения и взаимодействия нескольких славянских племен. В становлении лужичан участвовали местные славянские племена, расселившиеся здесь еще в VI в. и представленные в основном суковско-дзедзицкими древностями (мильчане, требяне, жаровяне, слубяне, любушане, дедошане), и пришлые славяне, заложившие основу торновской культуры, и, по-видимому, сыгравшие ведущую роль в языковой эволюции Лужицы. Культурная интеграция, наблюдаемая в керамическом материале и домостроительстве, очевидно, отражает завершение формирования диалектно-племенной группы лужичан.

Вопрос о происхождении славянского населения, принесшего в Лужицкую область торновскую керамику, строительство поселений со сравнительно мощными укреплениями и развитые формы

земледелия, в настоящее время можно считать решенным. В археологической литературе ранее высказывались догадки о возможном заимствовании местными славянами биконической формы торновских сосудов от соседних германских племен - франков и аламанов [6]. Однако этому противоречит то, что торновская керамика получила распространение прежде всего на среднем Одере и Шпрее, то есть не в соседних, а более отдаленных землях от расселения франков.

Крупные раскопочные изыскания последних десятилетий позволили Й.Геррманну связать происхождение торновской посуды с культурами римского времени и периода переселения народов Силезии, в частности, с памятниками добродзеньской группы [7]. Действительно, при сопоставлении торновской биконической посуды и керамики позднеимского времени Силезии выявляется сходство не только в формах сосудов, но и в их орнаментации - пластические валики, штампованные и накольчатые узоры. Среди керамических материалов позднеимского времени имеется немало сосудов, которые могли послужить прототипами торновским биконическим горшкам. Наземные постройки столбовой конструкции также могли быть привнесены в ареал торновской культуры славянскими переселенцами из Силезии, где такой тип домов был характерен для поселений римского времени.

В построениях, выводящих славян, принесших торновскую керамику на средний Одер и смежные земли, из Силезии, далеко не все ясно. Пока необъясним и хронологический разрыв между добродзеньскими и торновскими древностями. Тем не менее, гипотеза Й.Геррманна представляется наиболее продуктивной и, думается, что дальнейшие археологические изыскания дадут дополнительные факты для ее обоснования.

Импульсом передвижения группы славян вниз по Одеру, по-видимому, стала миграция в Среднедунайский регион большой массы племен, ведомой аварами.

Область между средним течением Эльбы и Заале, примыкающая к торновскому ареалу с юго-запада, заселялась первоначально славянами пражско-корчакской группы. Здесь известно большое число селищ с характерными полуземляночными жилищами и грунтовые могильники с захоронениями по обряду кремации. Керамический материал представлен типичной посудой пражско-корчакского облика. По всей вероятности, в самом начале VII в. в Эльбо-Заальском регионе среди этого славянского населения расселяется новая группа славян, по своему культурному облику заметно отличающаяся от пражско-корчакской. Археологически новые поселенцы выделяются, прежде всего, по керамике, получившей название рюсенской (рис. 46 и 48). Это - одна из групп серой керамики дунайского типа, изготавливаемой при помощи гончарного круга. Выше при характеристике древностей аварского времени Среднего Подунавья дунайская посуда неоднократно называлась как весьма распространенная среди славянского населения этих земель.

Рюсенская керамика представлена в основном невысокими горшкообразными

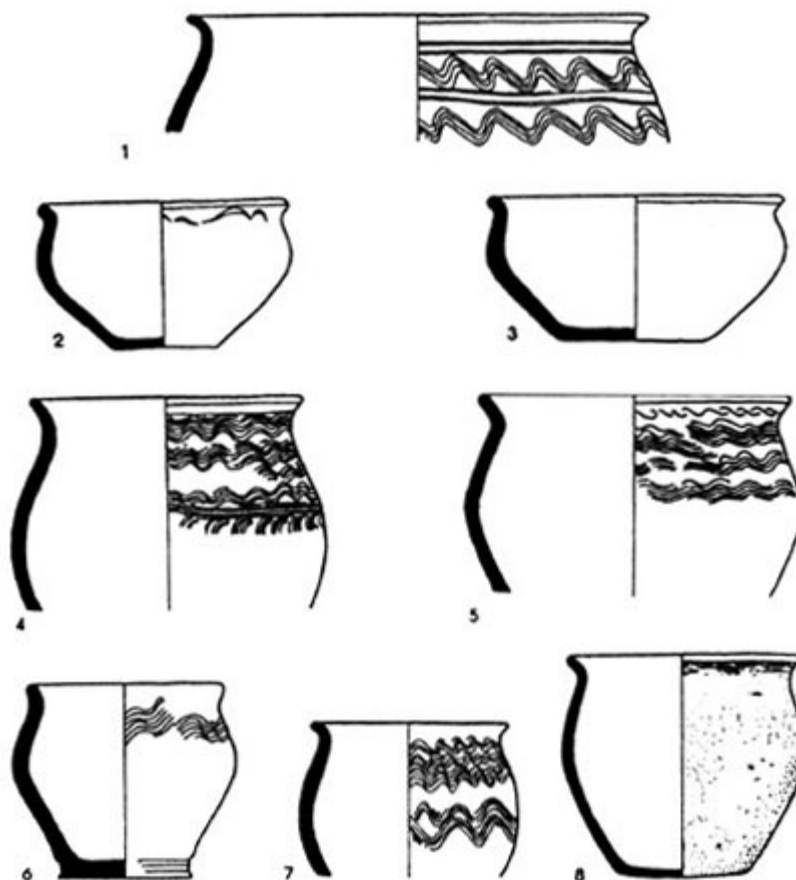

Рис. 48. Керамика
рюсенского типа

сосудами, хорошо профилированными, обычно богато украшенными линейными или волнистыми узорами. Ее обстоятельная характеристика приведена в монографии Г.Брахманна [8]. С этой посудой в Эльбо-Заальском регионе связано появление поселений нового типа с оборонительными конструкциями, которые имеют полные аналогии в Чехии, Моравии и Приальпийской зоне. Это - городища с оборонительными стенами, сложенными насухо из камня и имеющими сверху деревянные сооружения в виде палисадов, решетчатых или ящичных конструкций. В Эльбо-Заальском междуречье зафиксированы и защитные стены, сложенные из кирпича, что, по-видимому, обусловлено отсутствием в ряде местностей природного камня.

Исследователи поселений рюсенской группы полагают, что возведение на поселениях оборонительных стен сухой каменной кладки с деревянным верхом восходит к античной традиции, воспринятой в раннем средневековье славянским населением, освоившим западные земли Среднего Подунавья [9]. Можно заметить кстати, что и дунайская керамика

сформировалась в Среднедунайском регионе в условиях несомненного воздействия местного позднеримского гончарства.

Специфической особенностью городищ рюсенских славян является наличие форбургов, что также сближает Эльбо-Заальский регион с Чехией. К числу наиболее известных памятников этого региона принадлежат поселения Фихтенберг, Кезитц, Кезигесбурх, Гана, Альтенплатхов и другие [Ю].

С расселением новых групп славянского населения в Эльбо-Заальском регионе распространяется обряд трупоположения. Захоронения по обряду кремации умерших бытовали еще в течение всего VII в., но параллельно с ними появляются ингумации, которые постепенно вытеснили прежний похоронный ритуал.

В последующее время в ареале рюсенской керамики наблюдается эволюционное развитие древностей (через стадию типа Rotha она трансформируется в типично "позднеславянскую" керамику, отчетливо выделяющуюся среди соседних германских форм сосудов), свидетельствуя о том, что смены населения или крупных вторжений новых племен здесь не было.

На основании археологических материалов, таким образом, можно утверждать, что группа славян, осевшая в междуречье Эльбы и Заале и оставившая рюсенские древности, была частью дунайского славянства, оторвавшаяся от основной массы. Рюсенская группа славян надежно идентифицируется исследователями с сербами-сорбами [11], впервые упомянутыми в исторических источниках под 631 г. как племенная общность славян (*gens*), предводительствуемая князем (*dux*) [12]. Источники VIII-IX вв. локализуют сербов между Заале и Эльбой, что находит надежное подтверждение и в материалах топонимики [13]. Языковые данные же указывают на переселение сорбов из более южных областей и их южные связи [14]. А этноним свидетельствует об их антском начале.

Согласно показаниям письменных источников, первоначально племя *сербы-сорбы* обитало на Мульде. Но позднее к сербам стали относить все славянские племена между Заале и Эльбой, которые составили племенной союз сорбов. Среди них известны долеминцы, колодичи, сиуслы, житичи, худичи, нелетичи, нуджичи и другие. По мнению В.Шлезингера, некоторые из них были территориальными новообразованиями, получавшими наименования от мест своего обитания [15]. Вместе с тем, не исключено, что некоторые из сербских племен принадлежат и к славянам пражско-корчакской группы. Так, известно, что в X в. долеминцы стали именоваться гломачами. Л.Нидерле в этой связи отмечал, что причины такой перемены этнонимов загадочны. Допустимо предположение, что первое название принадлежит племени пражско-корчакского происхождения, а второй этноним связан с расселившимися здесь позднее славянами рюсенской группы. О широком участии в генезисе сербского населения славян пражско-корчакской группы свидетельствуют находки во многих памятниках Эльбо-Заальского региона эсоконечных височных колец.

В IX в. территория сербского племенного союза расширилась, в него вошла и часть лужицких областей. В результате этническое имя сорбы распространилось на восток вплоть до среднего течения Одера [16]. В источниках этого времени данный этноним обозначал всю совокупность племен, входивших в состав сербского политического объединения. Его территория членилась на несколько племенных регионов, которые в свою очередь состояли из "градских округов", группирующихся вокруг градов. Всего земли этого племенного союза включали 50 округов [17]. В источниках под 806 г. упоминается князь Милидух как главный князь, объединявший под своей властью все сербские племена. Однако это политическое образование не привело к становлению сербского государства.

Начиная с VII в. славянское население из междуречья Эльбы и Заале сравнительно

небольшими группами свободно и мирно расселялось к западу, оседая в землях Тюрингии. Здесь известны, правда, пока немногочисленные, археологические находки пражско-корчакской и рюсенской культур [18]. Проживание славян в Тюрингии сравнительно хорошо документировано археологическими материалами начиная с IX в. [19]. К IX-XIII вв. относятся также свидетельства письменных документов о довольно широком расселении славян в Тюрингии. В отдельных регионах удельный вес славянских жителей в XII в. достигал 37%. Славяне оставили мощный пласт в топонимике этого региона [20].

Вполне очевидно, что славяне оседали в Тюрингии не в результате франкской колонизации, а как свободные переселенцы. Проживали они здесь не обособленно. С самого начала славянского заселения наблюдаются мирные взаимоотношения славян и аборигенов. Славяне селились поблизости от франко-германских поселений или непосредственно в уже существующих деревнях. Начиная с VIII в. они стали подданными франко-германского государства. Информация, содержащаяся в письменных источниках, позволяет утверждать, что социальная структура славян и местного населения в рамках феодальных производственных отношений была равнозначной. Археологические материалы свидетельствуют, что славяне сохраняли собственную материальную культуру вплоть до XII-XIII вв. Только с XIII в. началась их культурная и этноязыковая ассимиляция.

Основой экономической жизни славян сербского региона было земледелие. Область их расселения характеризуется плодородными моренными и лессовыми почвами и развитой водной системой, что благоприятствовало развитию земледелия. Многочисленные грады были резиденциями племенной знати разных уровней, а в моменты опасности служили убежищами для окрестного населения. Исследователи этих памятников выделяют среди них крупные укрепленные поселения - центры небольших племенных образований и более мелкие - административные центры округов.

Естественно, что этот плодородный и относительно плотно населенный край постоянно привлекал франкских феодалов. Судя по информации, содержащейся в Хронике Фредегара, земля сербов уже в 30-х годах VII в. была в даннических отношениях с франками. И, когда сложилось славянское раннегосударственное образование под руководством Само, сорбы во главе с князем Дерванусом вошли в его состав, освободившись на какое-то время из-под господства франков.

Историческое наступление на земли сорбов начал франкский король Карл Великий в 782 г. Эта война кончилась поражением сорбов, в 805-806 гг. погиб их вождь Милидух. Однако Сербский племенной союз продолжал еще какое-то время сдерживать мощные натиски сначала со стороны Франкского, а позднее Восточно-Франкского государства. Источники зафиксировали 14 крупных войн франков против сорбов. Последние не только активно отражали вторжения франкского войска, но и иногда переходили в наступления, вторгаясь и опустошая земли противника. Но все же силы были неравными, и в начале X в. немецкими войсками были окончательно разгромлены долеминцы (гломахи), сербский союз не смог выдержать дальнейший напор со стороны Немецкого государства. В результате сербское политическое объединение сошло с исторической сцены, а его население было окончательно покорено завоевателями.

По мере порабощения сербского населения их земли стали массово заселяться немецкими колонистами. Строились немецкие города, в которых славяне могли селиться лишь на окраинах. Военно-административное и церковное управление целиком находилось в руках колонистов-немцев. Начался процесс германизации славянского населения. Однако часть сербо-лужичан сохранила при этом свои этнографические особенности и свой язык.

Еще в 20-х годах XX в. в Германии проживало около 150 тысяч сербо-лужичан, имевших свои школы на родном языке, свою литературу и публицистику, свои культурно-просветительные учреждения.

Доживший до XX в. серболужицкий язык членится на два довольно резко отличающихся друг от друга диалекта - верхнелужицкий и нижнелужицкий. Их глубокое различие обнаруживается и в фонетике, и в морфологии, и в лексике [21]. Нижнелужицкий диалект локализуется в ареале культуры торновского типа и, следовательно, своим происхождением восходит к говорам лужичан, представленным торновской культурой, поскольку каких-либо перемещений славянского населения в этом регионе в позднем средневековье не наблюдается. Верхнелужицкий диалект территориально связан с ареалом рюсенской культуры, что дает основание считать основой этого диалекта говоры собственно сербских племен раннего средневековья.

Исследователями серболужицкого языка замечено, что ряд явлений верхнелужицкого диалекта указывают на его древние, тесные связи с чешской языковой областью (в говорах нижнелужицкого диалекта эти особенности отсутствуют). Очень вероятно, что это следы общего происхождения чешских и сербских племен из единого региона Среднего Подунавья.

Высказываемая некоторыми лингвистами мысль о первоначальном существовании единого серболужицкого языка, который будто бы впоследствии дифференцировался на два больших диалекта, не находит подтверждения в историко-археологических материалах. Последние свидетельствуют о том, что в раннем средневековье существовали отдельные лужицкая (торновская) и сербская (рюсенская) этнокультурные группы, имевшие различное происхождение, которые и послужили базой становления соответственно нижнелужицкого и верхнелужицкого диалектно-языковых общностей.

Такой вывод не противоречит лингвистическим построениям немецкого лингвиста Х.Шустер-Шевца о начале серболужицких языков (или двух лужицких языков, как считает этот исследователь). Он не принимает теорию некоторых языковедов, согласно которой лужицкие языки составляют переходное звено между лехитскими и нелехитскими диалектами западнславянской языковой общности. Х.Шустер-Шевц полагает, что лужицкие языки восходят к особой диалектной зоне праславянского языка, в которую не входили ни пралехитские, ни пращешские диалекты. Структура современных лужицких диалектов, по мнению исследователя, отражает смешение диалектов ранних северо-западной (пралехитской) и юго-восточной зон [22].

1. Hermann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Elbe und Oder/Neisse. Berlin, 1968. S. 51, 52.
2. Herrmann J. Tornow und Vorberg. Ein Beitrag zur Frühgeschichte der Lausitz. Berlin, 1966.
3. Впервые эта керамика была выделена в отдельный тип, названный бранденбургским, Г.Кнор-пом (Knorr H. Die slawische Keramik zwischen Elbe und Oder. Leipzig, 1937).
4. Herrmann J. Die germanische und slawische Siedlungen und das mittelalterliche Dorf von Tornow, Kr. Calau. Berlin, 1973. S. 13, 64-73, 167, 265.
5. Hilczkowa Z. Dorzecze górnej i środkowej Obyrady VI do początku XI wieku. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1967. S. 76-78.

6. Neustupný J. Přehled k datování hradištní keramiky v Polabí // Slavia Antiqua. I. Poznaň, 1948. S. 410-412.
7. Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse... S. 73.
8. Brachmann H. Slawische Stämme an Elbe und Saale. Berlin, 1978. S. 95-105.
9. Herrmann J. Gemeinsamkeiten und Unterschiede im Burgenbau der slawischen Stämme westlich der Oder // Zeitschrift für Archäologie. I. Berlin, 1967. S. 206-258; Brachmann H. Slawische Stämme... S. 152-155.
10. Wetzel G. Der slawische Burgwall Fichtenberg bei Muhlberg // Ausgrabungen und Funde. 22. 1977. S. 76-86; Schneider J. Die Burg Plöze. Genthin, 1979; Brachmann H. Einige Bemerkungen zum Befestigungsbau der sorbischen Stämme // Slovane 6.-10. století. Brno, 1980. S. 41-48.
11. Brachmann H. Slawische Stämme... S. 91-95, 247; Idem. Historische und kulturelle Beziehungen der Sorben zu Böhmen und Mähren // Rapports du III-e Congrès International d'Archéologie Slave. T. 1. Bratislava, 1979. S. 117-124.
12. Krusch B. Fredegarii et aliorum chronica. Hannover, 1988. P. 99.
13. Muka E. Die Grenzen des serbischen Sprachgebietes in alter Zeit // Archiv für slawische Philologie. XXVI. S. 543; Eichler E. Ergebnisse der Namengeographie im altsorbischen Sprachgebiet // Materialien zum slawischen onomastischen Atlas. Berlin, 1964. S. 13-78; Idem. Die Gliederung des altsorbischen Sprachgebietes im Lichte der Namenforschung. Bautzen, 1967; Strzelczyk J. Der slawische Faktor im

- Licht schriftlicher Quellen der Geschichte Mitteldeutschlands vom 6. bis 8. Jahrhundert // Letopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad B. XXVII-2. Bautzen, 1980. S. 135-148.
14. Eichler E. Zur Herkunft der Slawen im Elbe-Saale-Gebiet. 1. Tschechisch-sorbische Parallelen in der Toponomastik // Arbeitsund Forschungsberichte zur sachsichen Bodendenkmalpflege. B. 13. Berlin, 1964. S. 285-295. Определение конкретного региона проживания сорбов до их расселения в Эльбо-Заальском междуречье весьма дискуссионно.
 15. Schlesinger W. Die Verfassung der Sorben // Siedlung und Verfassung der Slawen zwischen Elbe, Saale und Oder. Giesen, 1960. S. 9.
 16. Herrmann J. Die Lusizi im fruhen Mittelalter. Ergebnisse und Fragen der Forschung zur Herkunft, Okonomie und Gesellschaftsstruktur // Letopis Instituta za serbski ludospyt. Rjad B. XXI-1. Bautzen, 1975. S. 100-113. Возражения Г.Шустер-Шевц не могут быть приняты: Schuster-Sewc H O istoriji i geografiji etnickog imena sorb/serb/sarb/ srb(in) // Зборник матице српске за филологију и лингвистику. Т. XXVII-XXVIII. Нови Сад, 1984-1985. С. 907-913; Шустер-Шевц Г. Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // Вопросы языкознания. 1983. N 2. С. 33-50.
 17. Horak B., Travnicek D. Descriptio civitatum ad septentrionalem plagam Danubii // Rozpravy Ceskoslovenskej Akademie ved. R. 66-2. Praha, 1956. S. 9.
 18. Vogt H.-J. Zur fruhslawischen Besiedlung des Elbe-Saale-Gebiet // Berichte (iber den II. Internationalen Kongress fur slawische Archaologie B. II. Berlin, 1973. S. 395-404; DuSek S. Geschichte und Kultur der Slawen in Thuringen. Weimar, 1983. S. 13-19.
 19. Rempel H. Die sorbische Keramik in Thuringen // Praehistorische Zeitschrift. B. 37. Berlin. 1959. S. 175-186; Timpel W. Neue archaologische Untersuchungen im westsaalischen Thuringen zum Umfang und zur Grenze der slawischen Besiedlung im mittelalterlichen deutschen Feudalstaat // Rapports du III-e Congres International d'Archeologie Slave. T. 1. Bratislava, 1979. S. 833-340; Dusek S. Geschichte und Kultur der Slawen...; Душек З. Германо-славянские контакты в средневековой Тюрингии // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988 С. 58-61.
 20. Walther H. Namenkundliche Beitrage zur Siedlungsgeschichte des Saaleund Mittelelbegebietes bis zum Ende des 9. Jahrhunderts. Berlin, 1971; Eichler E. Ergebnisse der Namenforschung im deutschslawischen Beruhrungsgebiet // Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. B 122 H. 5. Berlin, 1982.
 21. Трофимович К.К. Серболужицкий язык // Славянские языки. М., 1977.
 22. Schuster-Sewc H. Zur Bedeutung der sorbischen Lexik fiir die slawische historisch-etymologische Wortforschung // Zeitschrift fUr Slawistik. Bd. 24. Berlin, 1979. S. 120-131; Idem. Die Ausgliederung der westslawischen Sprachen aus dem Urslawischen mit besonderer Berucksichtigung des Sorbischen // Letopis Instituta za serbski ludospit. A-29/2. Bautzen, 1982. S. 113-140.

Расселение славян на Балканском полуострове и Пелопоннесе

Этнический состав населения Балканского полуострова до его колонизации славянами был довольно пестрым. Местное иллирийское и дако-фракийское население, включенное в состав Римской, а затем и Византийской империи, подверглось частично или в значительной степени романизации и эллинизации. Романизировано было население Далмации, откуда романизация проникла более или менее крупными островками до центральных областей Балканского полуострова. После раздела Римской империи в 395 г. в восточной части латинский язык стал уступать греческому. В раннем средневековье романизированное население сохранялось сплошным массивом в побережной части Далмации и смежных землях Боснии и Герцеговины, а островками - в нескольких районах Македонии и в Пинде, в меньшей степени в Черногории, Сербии, а на востоке между Софией и Пишем. Какие-то части этих романо-влахов в последних веках I тысячелетия, как полагают исследователи, переселились в Нижнедунайские земли и вместе с местным романизированным и славянским населением составили основу румынской народности. Эллинизации подверглись жители прибрежных регионов Черного и Эгейского морей, а также земель южной и восточной Фракии. Греческим было в основном и население многих византийских крепостей, разбросанных по всему Балканскому полуострову и по берегам Дуная.

Аборигенное иллирийское и фракийское население Балкан в значительной степени было ассимилировано. Потомки иллирийских племен в условиях романизации и эллинизации сохранялись лишь в регионах, примыкающих к Адриатическому морю между Черногорией и Эпиром. Сильно поредели в этой ситуации и ряды фракийских племен. Письменные источники сообщают, что в VI в. население, говорившее по-фракийски, имелось лишь в горных местностях. Некоторые географические названия, зафиксированные на территории расселения болгар, дают основание полагать, что славяне в процессе освоения Балканского полуострова встретились и общались с остатками фракийского населения - племенами бессов, сапов, пайонов и других.

Кроме того, очень небольшими анклавами перед славянским расселением на Балканском полуострове проживали герулы

в окрестностях Сингидуна, бастарны, переселенные на Балканы императором Пробом еще в III в., лангобарды, локализуемые где-то в устье Гебра, скиры - в Малой Скифии.

В изучении проблемы расселения славян на Балканском полуострове и разработке деталей этого исторического процесса археологическим материалам пока не принадлежит ведущая роль. Это обусловлено, прежде всего, тем, что славяне, продвигаясь вглубь полуострова и оседая более или менее крупными группами в разных его местностях, активно и довольно охотно воспринимали культурные достижения византийских провинций. Балканский полуостров был мощно затронут еще римской цивилизацией и в ранневизантийский период это была зона относительно высокоразвитой культуры. Славяне, знакомясь с культурой городов Адриатики, с ремеслами и строительным делом Византии, быстро осваивали их и по мере расселения на Балканском полуострове очень быстро стали пользоваться теми же изделиями, в том числе и керамикой, что и прежнее население. Славяне в своей основной массе в землях Византийской империи уже не строили полужемляночные жилища, не изготавливали глиняные сосуды без помощи гончарного круга, не хоронили умерших по обряду кремации. Расселение славянских племен на Балканах, таким образом, вело к частичному или полному стиранию тех этнографических особенностей, на основании которых археологами выделяются славянские древности начала средневековья.

Существенную информацию о расселении раннесредневековых славян на Балканах содержат письменные памятники [1]. Важнейшими источниками о славянской колонизации рассматриваемого региона являются: сочинение Константина Багрянородного "Об управлении империей", "Монемвасийская хроника" и "Чудеса святого Димитрия". Первые достоверные известия о движениях славянского населения к югу от Дуная датируются первой половиной VI в. Допустимы предположения об участии славян во вторжениях на территорию Византийской империи в предшествующее время в составе войск германцев и гуннов. Но каких-либо данных, прямо говорящих об этом, в распоряжении науки нет. Косвенным свидетельством того, что какие-то группы славян осели на территории Империи в конце V в. или на рубеже V и VI столетий, являются названия нескольких византийских крепостей, относимые исследователями к славянским по происхождению (среди сотни названий, содержащихся в перечне крепостей в сочинении Прокопия Кесарийского "О постройках", к таковым причисляется около 9 топонимов). Некоторые лингвистические соображения также дают основания для предположений о появлении первых славянских колонистов около середины V в. [2].

По всей вероятности, первые славяне обосновались в византийской провинции Малая Скифия (нынешняя Добруджа) после восстания Виталиана в 511 г. Под 517 г. Марцеллин Комит сообщает об опустошении Македонии и Фессалии гетами [3], в которых некоторые исследователи видят славян, другие - разноплеменное войско, в составе которого были и славяне. Ко времени правления императора Юстина (518-527 гг.) относится первое известное нашествие антов, о котором Прокопий писал: "... анты, живущие поблизости от склавинов, перейдя реку Истр, огромным войском вторглись в землю ромеев." [4].

В правление императора Юстиниана (527-565 гг.) набеги славян на земли Византийской империи повторяются все чаще и чаще и приобретают все большую мощь. Для защиты своих границ от нашествия варваров с севера возводится грандиозная оборонительная система крепостей вдоль Дуная. Однако у Византии не имелось необходимого количества войск, чтобы содержать во всех крепостях по растянутой оборонительной линии достаточные гарнизоны, способные сдерживать натиск задунайских племен.

Прокопий сообщает, что "Иллирию же и всю Фракию, считая от Ионийского залива до предместий Византии, включая и Элладу и область херсонесцев, гунны, и склавины, и анты [разоряли], совершая набеги почти что каждый год с тех пор, как Юстиниан воспринял власть над ромеями, (и) творили ужасное зло тамошним людям. Ибо думаю, что при каждом вторжении оказывалось более чем по 200 000 погубленных и поработанных там ромеев, [поэтому] скифская пустыня впрямь стала повсюду в этой земле..." [5].

Источники неоднократно упоминают набеги на Византию варваров без указания их племенной принадлежности. Имеются все основания усматривать в этих варварах славян. Около 545 г. Юстиниан предложил антам стать "энспондами" Византии. Очевидно, был заключен договор, согласно которому анты обязались не допускать военных вторжений "гуннов" на территорию Империи через свои нижнедунайские земли.

С тех пор, нужно полагать, усилился поток набегов славян из Среднего Подунавья. В 545 г. Прокопий свидетельствует о проникновении славян во Фракию, в 547-548 гг. они появлялись в Иллирии и Далмации, в 549 г. - вновь во Фракии. Известно, что в 548 г. славянское войско, переправившись через Истр-Дунай, двинулось к реке Гебр-Марице, а затем оно разделилось на два отряда. Византийская армия в сражениях с этими отрядами, несмотря на свое численное превосходство, потерпела поражение и в Иллирии, и во Фракии. Славяне, как пишет Прокопий, "стали безбоязненно разорять все области, как фракийские, так и иллирийские, и оба [отряда] взяли осадой множество крепостей..." [6].

В 550-551 гг. славяне после набега на земли Византийской империи впервые остались зимовать в ее пределах, положив начало мощной колонизации Балканского полуострова. Впрочем, надо полагать, что помимо военных набегов имело место и мирное проникновение славян на земли Империи, что не получило отражения в памятниках письменности. Топонимические изыскания показывают, что наиболее древние географические наименования славянского происхождения локализируются в предгорных местностях западной и центральной частей Балканского полуострова, где не велось активных военных действий. В таких микрорегионах мирные славянские поселенцы, занимаясь сельскохозяйственной деятельностью, могли чувствовать себя в безопасности [7]. По-видимому, такое медленное проникновение славянского населения продолжалось в течение всего VI столетия.

Аварская миграция в Среднедунайские земли, сопровождавшаяся притоком сюда новых масс славянского (антского) населения, и становление Аварского каганата заметно усилили славянскую колонизацию Балканского полуострова, которой сопутствовали аваро-славянские военные походы вглубь Византии. Император Юстиниан с помощью даров и обещаний некоторое время сдерживал боевой натиск аварского кагана. Но после смерти Юстиниана в 565 г. вступивший на престол Юстин II (565-578 гг.) отказался от выплаты аварам дани, и начался период больших войн, продолжавшийся вплоть до 626 г. и сильно потрясший основы Византийской империи.

Военные действия развивались неблагоприятно для Византии, поскольку ее основная армия в это время уже в течение около 20 лет вела боевые действия с персами. Уже в 565 г. в состав Аварской державы вошли области Савы и Дравы. Византийские войска терпят ряд поражений от авар на северо-западе Балканского полуострова. В результате около 574 г. Империя вынуждена была заключить мирный договор с аварским каганом, отдав ему часть Сремской области и выплатив дань.

Однако вскоре походы аваро-славянских боевых отрядов были продолжены. Особенно крупные вторжения вглубь Империи имели место в 577-578 и 581 гг. Сирийский хронист VI в. Иоанн

Эфесский в сочинении "Церковная история" относительно вторжения 581 г. писал: "В третьем году после смерти Юстина царя и правления победительного Тиверия - вышел народ лживый [определение, традиционное в сирийской историографии в описаниях варварских народов] славяне. И прошли они стремительно через всю Элладу, по пределам Фессалоники и Фракии всей. Они захватили много городов и крепостей: они опустошали, и жгли, и захватывали в плен, и стали властвовать на земле и живут на ней, властвуя, как на своей собственной, без страха, в продолжении четырех лет... И они выучились воевать лучше, чем ромеи..." [8].

Во время правления императора Маврикия (582-602 гг.) аваро-славянские набеги на Византийские земли разгорелись с новой силой. Письменными источниками засвидетельствованы крупные вторжения 582, 584, 585 и 586-589 гг. К 584 г. относится первое нападение славян на Фессалонику. Опасной семидневной осаде со стороны аваро-славянского войска этот город подвергся и в 586 г. Осаждающие ускоренным маршем прибыли из-за Дуная и с левобережья Савы. Фессалоника и на этот раз выдержала осаду, и каган после неудачи возвратился в свои земли, а подвластным ему славянам повелел разорить Македонию и Грецию. Значительные массы славян в это время осели на этих землях и достигли Пелопоннеса. В те же годы славяне нападали на области Северной Италии.

В 591 г. закончилась византийско-персидская война, и Маврикий предпринял энергичные действия по защите своих земель на Балканах. Сражения с аварами и славянами велись с переменным успехом. В 593 г. аварские правители нарушили мир с Византией, осадив Сингидунум и вторгшись в Сремскую область. Одновременно множество славян проникло в Мезию и достигло побережья Мраморного моря. В ответ Маврикий направил крупный военный отряд под руководством Приска к северу от Дуная в земли славян и аваров. В 597 г. такая же военная экспедиция была

повторена. Однако славяне независимо от аваров продолжали свой натиск на юг. В 597 г. они осаждали Солунь, в 599 г., разбив византийский отряд при Янтре, напали на земли Фракии. В 601 г. византийская армия добилась победы над аvaraми и славянами где-то на Дунае и на Тисе.

Ситуация резко изменилась в 602 г., когда на византийский престол вступил Фока (602-610 гг.), убивший Маврикия. В Византии начались волнения, затронувшие и гарнизоны придунайских крепостей. В результате Дунай перестал быть северной границей Империи, и славяне получили возможность беспрепятственно заселять Балканский полуостров. Параллельно военные отряды аваров и славян продолжали боевые действия против Византии. Вторжения во Фракию, которые достигали стен Царьграда, засвидетельствованы памятниками письменности под 611, 618, 622 и 626 годами. Осада столицы Византии в 626 г., правда, завершилась безуспешно. Это было последнее большое нападение на Царьград аваро-славянского войска. Империя, отбив удары персов, теперь могла отстаивать свои балканские владения.

Однако расселение славян на Балканском полуострове остановить было уже невозможно. В течение VII в. эта территория, а также земли Пелопоннеса полностью были освоены славянским населением. Если раньше понятие "Славянская земля" распространялось на территории, расположенные на север от Дуная, то в VII в. это были центральные области Балканского полуострова, прежде всего, Македония и ее окрестности. Юго-восточные земли полуострова были еще под властью Византии. Славянские боевые отряды теперь формировались на Балканах - хорошо известны их нападения на Солунь-Фессалонику, подробный рассказ о которых содержится в византийском агиографическом сочинении VII в. "Чудеса святого Димитрия". Впрочем, во второй половине VII в. Византия восстановила

контроль над большинством областей Балканского полуострова. Только занятые славянами земли между Дунаем и Старой Планиной продолжали оказывать серьезное сопротивление и оставались независимыми.

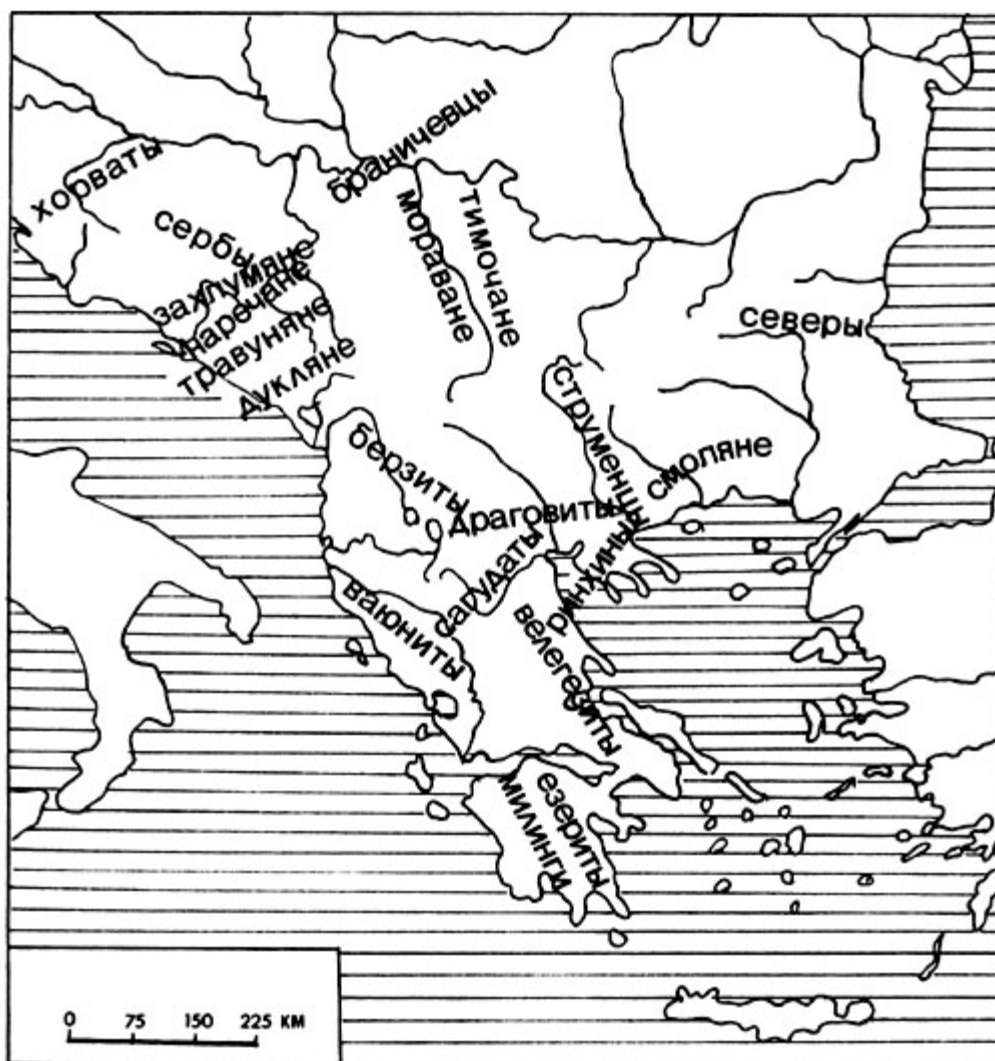
Широкое освоение славянами земель Греции началось в 578-581 гг., когда имели место два мощных военных вторжения аваро-славян. Во время правления императора Ираклия (610-641 гг.), как сообщает Исидор, уже вся Греция была оккупирована славянским населением. Причем расселение это было достаточно плотным. Еще в X в., когда власть Византии над Грецией была восстановлена, эта область называлась "славянской землей". Византийский патриарх Николай III (1084-1111 гг.) в одном из синодальных посланий писал, что 218 лет славяне хозяйничали в Греции, и римляне (то есть византийцы) не смели вообще показываться на Пелопоннесе [9]. Источники позволяют полагать, что славянское население проживало также на островах Эгейского и Средиземного морей - Крите, Эвбее, Фасосе, Корфу, Самосе, Эгине, Теносе, Левкосе и других [10].

Бурное и активное расселение славян в южном направлении затронуло и районы Малой Азии. Письменные источники сообщают о проживании славян в раннем средневековье в двух местностях - у побережья Мраморного моря в Вифинии и в Каппадокии-Сирии. Первое известие о славянах в Вифинии относится к середине VII в. Основными центрами их расселения здесь стали окрестности Никомедии, где поселилось много славян из Солуни в 668 г., регион Никеи, где упоминаются племена сагудаты и гордосерба, и берега реки Артана недалеко от Босфора. В Каппадокии и Сирии славянское население зафиксировано в округе Антиохии, где-то у Алеппо, южнее Тавриза, в окрестностях Апаimei и других местах [11].

Расселение славян на Балканском полуострове и Пелопоннесе было многоактным процессом, приведшим к нарушению их прежней племенной структуры, восходящей к праславянскому периоду. Лишь кое-где, по-видимому, сохранились какие-то небольшие племенные группировки или их части, которые связаны с праславянскими племенными образованиями. Большинство же славянских племен, известных по письменным источникам (рис. 49), являются новообразованиями, получившими

названия по местностям, где они расселились. Таковы, в частности, мораване, заселившие бассейн реки Моравы, южного притока Дуная; тимочане, названные по гидрониму Тимок (правый приток Дуная); струменцы (или стримонцы), локализуемые на равнине по среднему и нижнему течению реки Струмы (впадает в Эгейское море) и ее притока Струмицы; ринхины, проживавшие по р. Ринхин, пока не идентифицированной с современной картографической номенклатурой. Их территория выходила к морю, вероятно, к востоку от Фессалоники. В VIII в. ринхины переселились в южные районы полуострова Халкидика.

Другие славянские этнонимы, фиксируемые на Балканском полуострове и Пелопоннесе, иного образования. Однако нет никаких оснований полагать, что они восходят к древним праславянским племенным образованиям. Где-то по среднему течению Вардара и по его притокам проживали верзиты (или берзиты). В Хронике Феофана (вторая половина VIII - начало IX в.) упоминается их земля Верзития. По мнению ряда исследователей, верзиты занимали также земли в бассейне р. Дрин до Охридского озера на северо-западе [12]. Южнее, в Эпире находилась территория вайюнитов. Западнее Фессалоники на плодородной Солунской равнине по нижнему течению Вардара и вдоль р. Быстрицы размещались драгувиты и сагудаты. Племя драгувитов некоторыми исследователями связывается с дреговичами Припятского Полесья, полагая, что это племя происходит откуда-то из Восточноевропейских земель. Это представляется маловероятным, поскольку, как показывают археологические материалы,

восточнославянские дреговичи были новообразованием последних веков I тысячелетия н.э. [13]. Название этого племени является топографическим этнонимом (этимологически оно выводится из слов со значением "болотистая местность" - белорус. *дрэтва*, украин. *дряговина* и родственные им летто-литовские лексемы), которые могли образовываться в разных регионах независимо друг от друга [14]. Из среды сагудатов, очевидно, вышла группа славян, известная под тем

же этнонимом в Вифинии. Южнее сагудатов на плодородных землях Фессалии и по побережью Эгейского моря обосновались велегезиты.

Восточнее земель струменцев и ринхинов в Западных Родопах на реке Места-Нестос, впадающей в Эгейское море, в том регионе, где находится ныне город Смолян, локализуется племя смолян [15]. В XII в. смоляне упоминаются в составе Болгарского царства. По описанию Баварского географа первой половины IX в., среди племен полабских славян имелись смолинцы (*Smeldingen*), проживавшие в правобережной части нижней Эльбы близ устья Эльды [16]. Еще в прошлом столетии С.П.Писарев высказал мысль о проживании на берегах Днепра гипотетического славянского племени смолян, которое дало имя городу Смоленску [17]. Лингвистические изыскания О.Н.Трубачева показали, что действительно название этого города восходит к этнониму *смоляне*, то есть Смоленск - "город смолян", а имя этого племени связано с занятиями подсечно-огневым земледелием [18]. Не исключено, что смоляне Балканского полуострова, смолинцы Полабья и смоляне Верхнего Поднепровья некогда составляли единое праславянское племя, впоследствии в результате великой славянской миграции начала средневековой поры расчлененное и разбросанное по разным регионам. Коренной регион праславянских смолян определить не удастся, но несомненно, что части этого племени проделали большой путь от своего исходного центра. Известная надпись на корчаге, найденной в Гнездове под Смоленском, согласно изысканиям О.Н.Трубачева, является ранним свидетельством проникновения в Русские земли глаголицы и отражает импульс из Среднего Подунавья [19].

Славянское население, осевшее в Северной Фракии и Македонии, объединялось в несколько Славиний, неизвестных по наименованиям. К сожалению, источники не дают возможности определить их суть, выявить какие-либо племенные или этносоциальные особенности, отличающие Славиний друг от друга. По-видимому, это были территориальные новообразования, в которые входили славяне различного племенного происхождения.

На юго-востоке территории Болгарии, у восточных балканских перевалов локализуются северы. Сюда они были переселены, как полагают исследователи, болгарским ханом Аспарухом. Л.Нидерле считал, что прежде это племя проживало где-то на нижнем Дунае. Этноним *северы* тождественен с названием восточнославянского племени *север* (*северяне*). Допустимо предположение, что балканские северы - отколовшаяся часть большого праславянского племени, сложившегося в условиях славяно-иранского симбиоза в антском ареале. Подробнее об истории этого племенного образования сказано ниже.

Несколько славянских племен проживало на Пелопоннесе. Их названия остаются во многом неизвестными. Константин Багрянородный, рассказывая о военных походах, организованных императором Михаилом III (842-867 г.) с целью покорения славян Пелопоннеса, сообщает, что последними были подчинены милинги и эзериты. Они проживали в южных регионах полуострова на склонах горных хребтов Тайгета, милинги в западной части, эзериты - в восточной, именуемой Элос.

Исторические источники свидетельствуют, что основные массы славянских переселенцев происходят из Среднедунайского региона. Все военные аваро-славянские отряды формировались именно в этих землях. Основным методом славянской колонизации Балканского полуострова были волны массового переселения, которым предшествовали крупные нападения аваро-славянских или собственно славянских боевых отрядов. Военные вторжения подготавливали условия для расселения крупных масс земледельческого населения. В результате таких вторжений уничтожались византийские крепости и, таким образом, крупные участки

очищались от военных сил и администрации Империи, страдало и нередко заметно редело при этом и мирное местное население. Освобожденные и отчасти опустошенные участки заселялись славянскими колонистами, продвигавшимися более или менее крупными группами. Конкретные формы таких переселений нам пока неизвестны. Думается, что они происходили преимущественно в осеннее время, когда местные жители обладали запасами продовольствия и фуража, и были возможности обеспечения собственных семей за счет разорения автохтонного населения.

Наряду с такими массовыми расселениями несомненно имело место и проникновение в различные регионы Балканского полуострова мелких групп славянского населения. Подобное "просачивание" фиксируется, в частности, в южных землях Нижнего Подунавья.

Весьма ценным источником в изучении славянского освоения Балканского региона является топонимика. Результаты исследований географических названий не только во многом дополняют и уточняют данные исторических источников, но представляют возможности для конкретных исторических заключений. Так, на основе топонимических материалов выясняются более или менее детальные пути продвижения славян на Балканах. В исторических трудах длительное время обсуждается вопрос о местах переправы славянами Дуная. Предполагается, что было два основных потока славянской миграции на Балканы: один пересекал Дунай в его нижнем течении, другой - в среднем, где-то в районе Железных ворот.

Большой научный интерес в этом отношении представляет работа болгарского ученого Й.Заимова [20]. Исследование топонимических материалов Балканского полуострова и их географического распределения позволило ему воссоздать пути проникновения и оседания славян в этом регионе в VI-VII вв. и выделить миграции отдельных групп (рис. 50). Й.Заимов обратил внимание, прежде всего, на наиболее древнюю и весьма распространенную группу славянских топонимов, оформленных суффиксами *-ане/-яне* (*доляне, горяне, ополяне* и т.п.), среди которых имеется немало названий, содержащих в своей основе редкие и исчезнувшие ныне праславянские лексемы. География этой группы топонимов, как утверждает исследователь, должна надежно отражать главные пути расселения славян на первых этапах освоения ими Балканского полуострова.

На основе картографирования обширного топонимического материала И.Заимов пришел к заключению, что в VI-VII вв. главная переправа славян через Дунай находилась в его среднем течении около Видина. Меньшие группы участников миграционных потоков, преодолев Дунай, поворачивали далее на восток и продвигались вдоль правого берега этой реки. Основные же массы славян по правым притокам Дуная Тимоку и Мораве направлялись на юг, разделяясь затем на два рукава. Один поток переселенцев осваивал земли Македонии, Фессалии, Албании, Греции, Пелопоннеса и Крита, другой - по рекам Струме достигал северного побережья Эгейского моря и направлялся к Мраморному морю.

Топонимические материалы свидетельствуют, что в северной части Балканского полуострова передвижения славян проходили по рекам и долинам, а в южной, где противодействия византийских гарнизонов и местного греческого населения было более сильным, славяне перемещались по гористой местности. Исследователи неоднократно обращали внимание на обилие славянской географической номенклатуры в горных областях юга Балканского полуострова и Греции [21].

Географическое распределение ранних славянских топонимов показывает, что первоначально славянами наиболее плотно была освоена Македония со смежными землями, в том числе с округой Фессалоники. Здесь славянские географические названия обильны и в равнинных, и

155

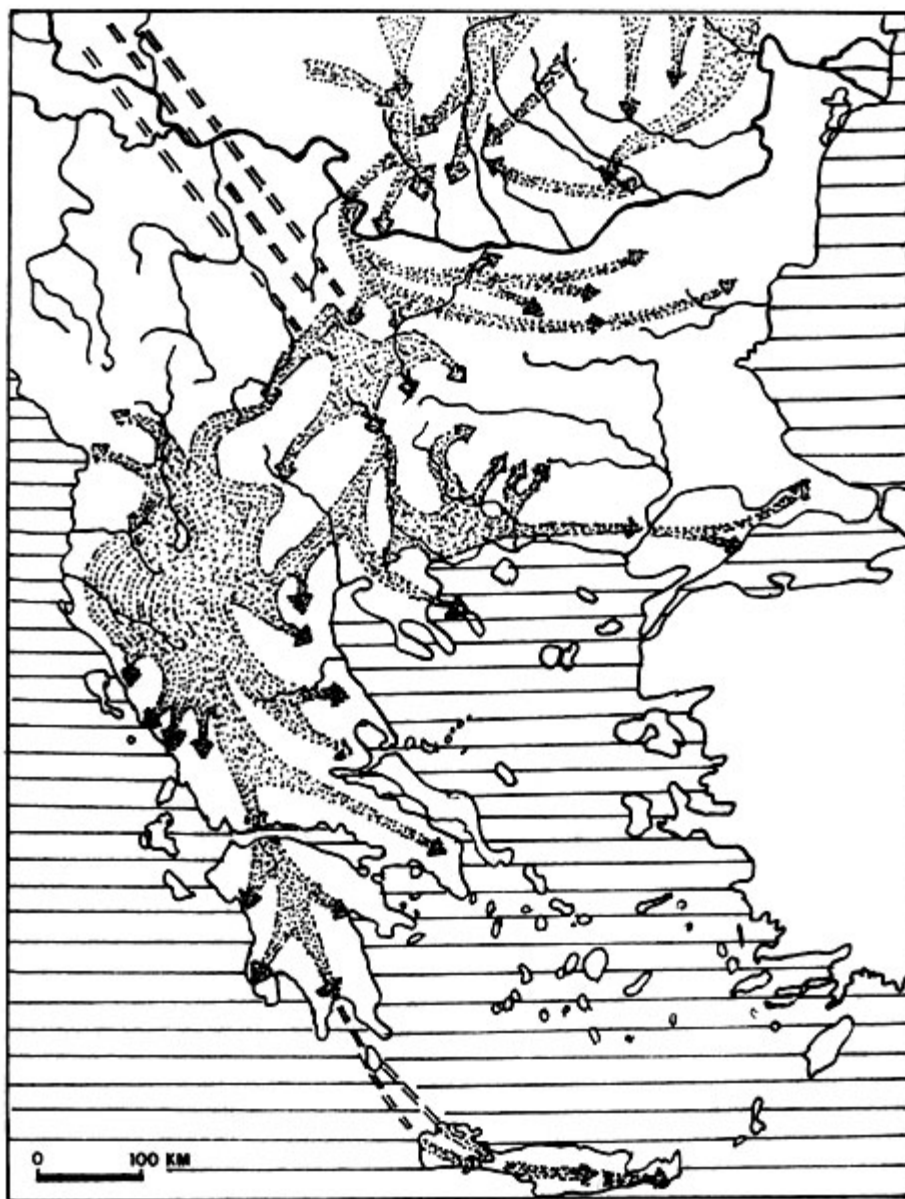

Рис. 50. Пути проникновения и заселения славянами Балканского полуострова по топонимическим данным (по Й.Заимову)

156

в гористых местностях. Довольно густо славянские поселения располагались и в Греции.

Картину славянского расселения на Балканах и в Греции дополняют топонимы, образованные от славянских этнонимов. Так, от племенного названия сербов происходит, по-видимому, средневековый город Серблия или Сербия у реки Быстрицы в Фессалии. Об участии выходцев из среды сербов в колонизации Греции и Эпира говорит ряд топонимов, образованных от племенного имени и разбросанных по этим землям. К сербскому племени, очевидно, принадлежит и группа славянского населения, зафиксированная источниками под именем *гордосерба* в Вифинии. В Македонии, Греции и на Крите известны топонимы Хорваты, определенно указывающие на участие этого племени в заселении этих земель.

Переходя к характеристике археологических материалов, следует сразу подчеркнуть, что на Балканах не следует искать славянскую культуру, полностью идентичную той, которая была свойственна славянскому населению регионов к северу от Дуная. Влияние развитой материальной культуры Византии и местных племен вело, как уже отмечалось, к сглаживанию специфики бытового материала, в особенности это касается орудий труда и керамического материала.

Археологические данные, прежде всего, свидетельствуют о том, что основной поток славянских колонистов действительно направлялся на Балканы из Среднедунайского региона. Можно вполне уверенно утверждать, что славяне, селившиеся на просторах Балкан и в Греции, хоронили умерших по обряду трупоположения в грунтовых могильниках.

Захоронения по обряду кремации, относящиеся к столетиям активного продвижения славян на Балканы, известны преимущественно в северных придунайских землях полуострова. При этом в северо-западной части его, южнее Савы, зафиксирован лишь один могильник с трупосожжением в глиняной урне, напоминающей пражско-корчакскую керамику - в Кашиче около Задара [22]. Более многочисленны могильники с захоронениями по обряду кремации на территории Болгарии. Среди них наиболее древними являются некрополи, содержащие исключительно трупосожжения. Находятся они в основном в землях, примыкающих с юга к поречью нижнего Дуная. Это известные могильники Гарван 1, Попина 2, Бабово и Юпер [23]. Среди погребальных урн из этих кладбищ имеются единичные лепные горшкообразные сосуды, напоминающие пражско-корчакскую или пеньковскую керамику, но основная масса урн - гончарная посуда, нередко украшенная орнаментом в виде волнистых линий, того же облика, что характерна для синхронных древностей Дунайско-Прутского междуречья. Урны зарывались на глубину 20-80 см от поверхности. Среди кальцинированных костей обнаружены железные ножи, пряжки, остатки бронзовых украшений. Датируются захоронения по обряду трупосожжения от конца VI до VIII в. Раскапывались в этом регионе и синхронные поселения с полуземляночными жилищами с печами-каменками в одном из углов.

По всем своим показателям культура населения, оставившего рассмотренные памятники (называемая нередко культурой типа Попина), сопоставима с древностями Дунайско-Днестровского междуречья VI-VII вв., сформировавшимися, как говорилось выше, в условиях взаимодействия славянского населения пражско-корчакской и пеньковской групп с автохтонными жителями этих земель. Появление поселений и могильников славян на южном берегу Дуная вне всякого сомнения было результатом инфильтрации сравнительно небольших групп населения из северных регионов Нижнего Подунавья.

Могильники с захоронениями по обряду трупосожжения известны и в других регионах Болгарии. Среди них есть немногочисленные памятники, содержащие исключительно захоронения по обряду

кремации, но большинство некрополей биритуальные.

Как уже говорилось, У.Фидлер подразделил погребальные древности Нижнего Подунавья VI-VII вв. на две группы - славянские и ранневизантийские [24]. Некрополи Болгарии, как биритуальные, так и содержащие исключительно трупосожжения (за исключением описанных выше, относимых к

культуре Попина) или только трупоположения, относятся исследователем к группе ранневизантийских. Возникновение многих из этих могильников относится к IV в. Обрядность характеризуется большим многообразием. В IV-V вв. широко были распространены погребения, обложенные камнями. В Томисе и Одессосе открыты расписные могилы этого времени. В VI в. широкое распространение получают склепы, выложенные из кирпича или камня, но чаще встречаются простые могилы. Зафиксированы случаи использования заброшенных гончарных печей в качестве погребальных камер. Около Истрии открыты впускные захоронения этого времени в древних курганах.

Около половины общего количества раскопанных захоронений ранневизантийских могильников безынвентарна, другие содержат немногочисленные вещи. Основными находками являются металлические поясные принадлежности и предметы, привешивавшиеся к поясам (железные ножи, кресала, кремни), а также костяные гребни. Не исключено, что какая-то часть захоронений в ранневизантийских могильниках Болгарии оставлена первыми славянскими переселенцами, подселившимися к аборигенному населению. Однако выделить такие погребения не представляется возможным.

Более определенно можно говорить о славянской атрибуции части погребенных в могильниках, возникших в VII в. Но это уже памятники периода расселения в Нижнем Подунавье болгар-тюрков, которому посвящен ниже отдельный раздел.

Раскопками 1959-1960 гг. в Олимпии были открыты захоронения по обряду кремации. В четырех глиняных урнах, изготовленных без гончарного круга, находились остатки трупосожжений и немногочисленные вещевые находки (железные нож и кольцо, небольшой стеклянный сосуд и какое-то изделие из голубого стекла), датирующие захоронения VII в. В 1974 г. было открыто еще одно трупосожжение. Глиняные сосуды, как полагают исследователи памятника, принадлежат к "пражской керамике" в широком понимании этого термина как обозначающего славянскую лепную посуду раннего средневековья. Славянская принадлежность этих трупосожжений представляется несомненной [25].

В западной части Балканского полуострова славянские погребения по обряду трупосожжения почти неизвестны. Вполне очевидно, что расселявшиеся здесь массы славянского населения уже хоронили умерших по ритуалу ингумации. Это - один из существенных показателей того, что освоение данных земель славянами осуществлялось преимущественно из Среднедунайского региона, где обряд ингумации господствовал уже на рубеже VI и VII столетий. Славянские могильники с трупоположениями, основанные в VII в., исследовались во многих местах на территории Сербии, Хорватии, Македонии и Греции [26].

Трупоположения в этих грунтовых могильниках, как правило, имеют широтную ориентацию. В отличие от позднейших христианских кладбищ расположение могил на них носит несколько хаотический порядок. Среди захоронений немало безынвентарных, но довольно часто встречаются немногочисленные вещевые находки - перстни, браслеты, головные украшения, пряжки, ножи и другое. В некоторых могильниках зафиксированы обкладки могил каменными плитами. В ряде случаев в Далмации и Истрии погребения отмечались в головах и ногах камнями, появляются и первые подплитовые захоронения. В Керкыре на территории Греции в 1930 г. было раскопано около 50 трупоположений в ящикоподобных

сооружениях из плитняка, что связано, как полагает исследователь памятника, с воздействием христианства. В женских погребениях находились серьги, височные кольца, перстни, бусы, а также железные ножи, глиняные и стеклянные сосуды, в мужских - изредка предметы вооружения. Датируется этот могильник VII в. Автор раскопок Х.Булле полагал, что памятник принадлежит аварам [27]. Ему возразил М.В.Вайтманн, указавший на полное отсутствие в захоронениях аварских находок.

Он полагает, что, учитывая материалы рядом расположенного поселения, можно с большой долей вероятности связывать и селище, и некрополь со славянским населением этого края [28]. В Коринфе в одном из скелетных захоронений, относящемся к концу VI или к началу VII в., встречена керамика "пражского" типа.

Вместе с тем, исследователи западно-балканских некрополей с захоронениями по обряду ингумации отмечают, что немалая часть их была основана автохтонным населением, вступившим в контакты с поселившимися рядом славянами.

Одним из ярких показателей участия антского населения в колонизации Балкан и Пелопоннеса являются находки пальчатых фибул славянских типов. Их картография (рис. 51), кажется, свидетельствует о заселении западной части Балканского полуострова из Среднедунайского региона. Здесь, южнее Дуная и Савы, находки этих украшений локализуются преимущественно в бассейне Марицы и далее в Македонии и Албании [29], а самые южные - на Пелопоннесе. Из Греческого региона происходят две пальчатые фибулы. Одна встречена в могильнике с трупоположениями в Неа Анхиалосе - византийском городе, жизнь в котором прекратилась, судя по монетным находкам, при императоре Константине III (642-668 гг.). Другая славянская пальчатая фибула найдена в Спарте. Есть такие находки и в Малой Азии. Все они были известны И.Вернеру и вошли в его каталог [30].

Пальчатые фибулы славянских типов встречены также в ряде мест восточных районов Балканского полуострова. Нижнедунайские находки, по-видимому, являются результатом инфильтрации славян из ареала ипотешти-кындештской культуры. Пальчатые фибулы из бассейна Марицы связаны, скорее всего, с ответвлением потока славянской миграции, исходящего из Среднего Подунавья.

На Балканском полуострове, вплоть до Фессалии, получили распространение и предметы так называемой мартыновской культуры (рис. 51). В Велестино найдено 15 металлических фигурок, в гротесковой форме изображающих птиц, копытных животных (рис. 52). Еще 5 фигурок - женские изображения, в том числе есть фронтальные изображения с поднятыми руками, другие держат на руках младенцев. Мужские фигурки - всадник в шлеме с мечом и круглым щитом, фронтальное изображение бородатого воина с боевым топором, фронтальные изображения бородатых людей с диадемами или в орнаментированной одежде. Специально изучавший велестинскую коллекцию И.Вернер датировал ее VII в. и отнес к единому культурному стилю, который объединяет эти находки с антскими пальчатыми фибулами и известными мартыновскими изображениями. Исследователь полагал, что фигурки имели культовое назначение, что впоследствии попытался обосновать Н.Чаусидис [31].

Поселения славян, расселившихся в VI-VII вв. на Балканском полуострове и Пелопоннесе, изучались во многих местах. Селища с подквадратными полуземляночными жилищами, весьма характерными для коренных территорий пражско-корчакской и пеньковской культур, известны исключительно в восточной части Балканского полуострова, причем основная часть их тяготеет к поречью Дуная. Единичные поселения с жилищами-полуземлянками изучались также в бассейне р. Марицы, но на побережье Эгейского моря они неизвестны [32].

В северных регионах Болгарии славянские

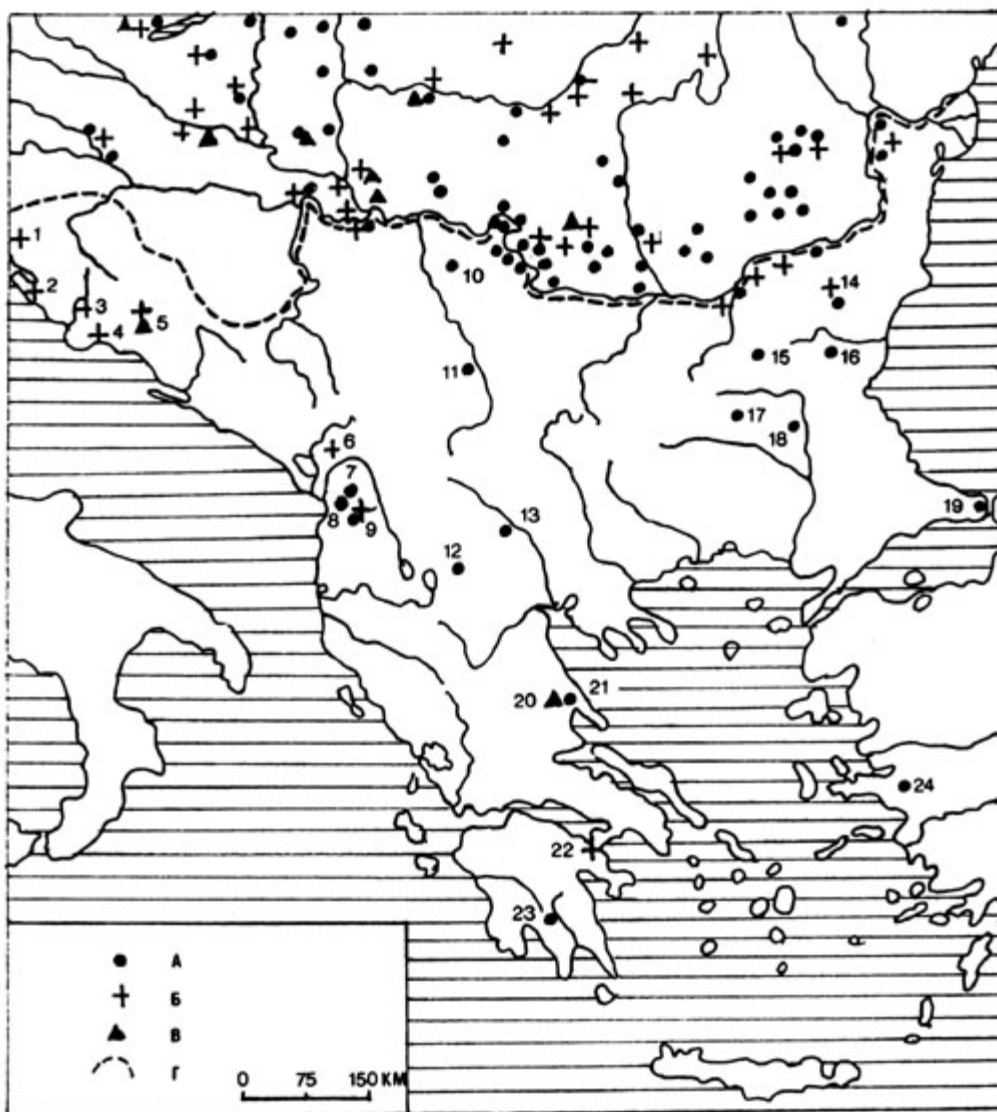

Рис. 51. Распространение находок антских типов на Балканском полуострове:
а - места находок пальчатых (антских) фибул; *б* - находок звездчатых серег; *в* - вещей мартыновского стиля; *г* - северная граница Византийской империи
 1 - Прозор; 2 - Голубинцы; 3 - Золун; 4 - Оток; 5 - Бискупия; 6 - Скадра; 7 - Лезха; 8 - Лачи; 9 - Круя; 10 - Каменево (Пстровац на Млави); 11 - Царичин град; 12 - Битола; 13 - Бресто под Виничанами; 14 - Мадара; 15 - Велико Тырново; 16 - Люляково; 17 - Стара Загора; 18 - Ямбол; 19 - Стамбул; 20 - Велестино; 21 - Неа Анхиалос; 22 - Коринф; 23 - Спарта; 24 - Пергамон

Рис. 52. Находки из Велестино

селища VI-VII вв. раскапывались около Гарван, Попина, Дунавец, Среберна, Старо Село, Нова Черна, Велчедрем, Врев и других. В центральной части наиболее известны раскопки селища около Севлиево, в южной - около Любеново, Минерални Бани и Марицы [33]. По своим топографическим особенностям многие из них идентичны северодунайским; не отличались от них в этом отношении и селения, основанные на местах проживания аборигенного (фракийского и греческого) населения. Таковы, в частности, селения VI-VII вв. в Любеново, Хасково, Благоевграде, Стара-Загоре и других.

И письменные, и археологические материалы свидетельствуют, что славяне нередко основывали свои поселения также на месте античных крепостей, разрушенных во время предшествующих военных нападений. Таковыми среди исследованных раскопок являются, например, селения в Долно Церово и Пернике на Струме [34].

Славянская деревня в рассматриваемый период состояла из индивидуальных дворов, представлявших собой небольшие хозяйственные комплексы. Около жилищ и внутри них находились ямы-хранилища продуктов сельскохозяйственного производства. На некоторых поселениях в грунте были устроены "цистерны" с запасами воды. Почти в каждом жилище встречены такие распространенные бытовые предметы, как железные ножи, ножницы, ручки и обручи от деревянных ведер, скобы, гвозди и т.п. Каждая семья, по-видимому, вела индивидуальное хозяйство. Можно полагать, что земельные участки в пределах общинных владений находились в индивидуальном пользовании.

В Адриатике, западных районах Балканского полуострова и на Пелопоннесе жилые постройки славян имели наземный характер, а иногда славянские переселенцы использовали жилища автохтонного населения. К сожалению, нужно отметить, что археологическими раскопками в этих землях до сих пор исследовано очень немного славянских поселений VI-VII вв., поэтому целостной картины домостроительства этого времени воссоздать не удастся. В Сербии, в том числе в бассейне Моравы, и Македонии культурные напластования VII-VIII вв. известны лишь по отдельным вещевым или керамическим находкам; остатки жилищ открыты только в слоях, датируемых начиная с IX в. Это были наземные дома срубной конструкции. В Боснийской земле раскопками поселения Мушичи под Вышеградом исследовались следы жилых построек (выявлены лишь овальные ямы - подполья наземных домов) в слоях VII-VIII вв. с лепной и раннегончарной керамикой [35].

Славяне, расселившиеся в Греции, быстро приспособились к местному домостроительству. Раскопками поселения в Керкыре на северо-западе Пелопоннеса поверх напластований античного времени были выявлены слои VII в. Поселение находилось на возвышенном плато и занимало значительную площадь. Оно состояло из множества двухкамерных домов размерами около 4 x 5 м. Цоколи этих построек выкладывались из каменных плит, стены сооружались из кирпича, а крыши из черепицы [36]. Материалы расположенного поблизости могильника (речь о нем шла выше) и славянская топонимика этого региона дают все основания полагать, что на поселении проживали исключительно или в основном славяне.

Письменные источники, материалы археологии и свидетельства топонимики позволяют охарактеризовать многие стороны материальной культуры, быта и жизни славянского населения, расселившегося на Балканском полуострове и Пелопоннесе. Не подлежит сомнению, что основная часть славян была занята земледельческим трудом. Об этом говорят византийские авторы - Прокопий Кесарийский, Псевдо-Маврикий и Менандр, - характеризуя славян VI в., проживавших к северу от нижнего Дуная. Называются просо и пшеница как основные

сельскохозяйственные культуры.

Земледелие оставалось доминирующей отраслью экономики и на новых местах расселения славян. Согласно данным, содержащимся в труде "Чудеса святого Димитрия" и относящемся к 70-м годам VII в., велегезиты, драгувиты, сагудаты и другие славянские племена Фессалии и окрестностей Фессалоники выращивали хлебные культуры и излишки урожая продавали в города.

Славяне, осваивавшие Балканские области, использовали хорошо обработанные земли со сложившимися сельскохозяйственными устоями. Они рано вошли в контакты с местным населением и активно освоили его многолетний уклад и производственный опыт. В письменных источниках имеется свидетельство конца VI или начала VII в. о том, что первые славяне в окрестностях Фессалоники отнимали у местного населения "орудия, необходимые им для жатвы хлебов". При раскопках славянских поселений VII-X вв. встречены железные серпы, косы, наральники, а также каменные жернова [37]. На поселениях в бассейнах Струмы и Месты раскопками открыты остатки зернохранилищ, в которых находилось большое количество пшеницы и проса [38]. Всегда многочисленны на поселениях пряслица от веретен, указывающие, очевидно, на широкое

культивирование льна.

Славяне, расселившиеся в Македонии, Фессалии и Греции, занимались также огородничеством, садоводством и виноградарством. Об этом имеются сведения в упомянутом выше труде "Чудеса святого Димитрия". В сочинении Иоанна Камениата "На взятие Фессалоники" сообщается, что в окрестностях этого города, где проживали драгувиты и сагудаты, было множество садов и виноградников. На славянских поселениях в Македонии, относящихся к несколько более позднему времени, при раскопках найдены были кривые садовые ножи и ножи для подрезывания винограда.

Важной отраслью хозяйственной деятельности славянского населения оставалось и скотоводство. Судя по археологическим материалам, полученным при раскопках поселений на территории Болгарии, около 95% костных остатков принадлежат домашним животным. При этом на долю крупного рогатого скота приходится 46% остеологического материала, 21% составляют кости свиньи, 18,5% - костный материал мелкого рогатого скота и около 5% - кости коня. Охотились преимущественно на кабана, серну, оленя и тура. После VIII в. процент диких животных в остеологическом материале понижается до 2%. Изучение остеологических материалов показало, что постепенно возрастало употребление населением в пищу мяса крупного рогатого скота [39]. О развитии скотоводства среди славянского населения можно судить и на основе некоторой информации письменных источников. Так, Псевдо-Маврикий отмечал у славян "множество всяких животных", называя конкретно волов и коз. Имеются свидетельства о развитии коневодства в славянской среде Балканского полуострова. Лошадь использовалась и как тягловое животное в сельском хозяйстве, и при транспортировке, и в военном деле. По свидетельству Прокопия Кесарийского и Феофилакта Симокатты, отряды конницы имелись в славянском войске уже в VI в., и византийцы использовали их в войнах в Италии.

Славяне, расселившиеся в предгорных местностях, где было много лугов и пастбищ, в большей степени занимались пастушеством. Рыбная ловля в хозяйственной деятельности славянского населения на Балканах имела вспомогательное значение. При раскопках некоторых поселений найдены кости сома и осетра, более часто встречаются рыболовные крючки, а также каменные и глиняные грузила от сетей.

Интереснейшие результаты по изучению экономики славян VI-VII вв. получены Ф. Малингудисом на основании изучения топонимических материалов Греции [40]. Этот источник со всей

определенностью показывает, что основой хозяйственной деятельности славянского населения, расселившегося южнее Дуная, было земледелие, причем появились славяне на Пелопоннесе в качестве сложившихся земледельцев. Военные нападения славян и аваров на города и крепости Византийской империи, с одной стороны, и массовая славянская колонизация земель, наиболее удобных для хлебопашества, с другой стороны, были неоднозначными процессами.

Анализ топонимии и лексики современного греческого языка демонстрирует развитость славянского земледелия; это касается и Пелопоннеса, и Эпира, и Западной Греции. В топонимии этих областей зафиксирован весь спектр славянской земледельческой лексики начиная от обработки пашенных участков (*корчевать, выжигать, поле, борона, ярмо, мотыга* и др.) и кончая уборкой урожая и молотью зерна (*серп, коса, ток, гумно, молотья* и др.). К этому добавляются такие лексемы, как *жито, пшено, ветряная и водяная мельницы, сад, слива* и т.п.

Материалы свидетельствуют, что славяне, осевшие в VI-VII вв. на юге Балканского полуострова и Пелопоннесе, были хорошо знакомы с провинциальноримскими достижениями в области сельскохозяйственной деятельности. Во вновь освоенные земли ими были принесены новшества, неизвестные в этих краях. К таковым, в частности, принадлежат водяные мельницы, известные по памятникам провинциальноримского ареала, бороны, приспособленные для обработки пахотных

участков в равнинных местностях (до этого греки знали иной тип бороны, более пригодный для предгорных и гористых земель), косы, серпы и мотыги, своим происхождением связанные с провинциально-римским культурным ареалом.

Имеются также основания утверждать, что среди расселявшегося на просторах Балканского полуострова и Пелопоннеса славянского населения были развиты такие отрасли ремесленного производства, как деревообработка, металлообработка и гончарство.

Плотницкое мастерство славян получило известность в византийском мире еще тогда, когда они жили на левом берегу Дуная. Феофилакт Симокатта сообщает, что аварский каган нередко привлекал славян как умелых мастеров к строительству судов и плотов для переправы через Дунай. Сведения, содержащиеся в "Чудесах святого Димитрия", говорят о наличии у славян большого числа судов и лодок. Известно, что в 626 г. во время осады Константинополя славяне по распоряжению аварского кагана должны были переправить из Малой Азии на своих одnodеревках целую армию персов. Из Пелопоннеса в VII в. славяне переправлялись более или менее крупными группами на своих судах на острова Эгейского и Средиземного морей и заселили многие из них. По описанию Константина Багрянородного, славянские суда имели мачты и паруса. Одnodеревки, выдолбленные из одного крупного бревна и скрепленные при помощи скоб и болтов в сложные конструкции, вмещали до 40 человек. Мореплавание стало основным занятием какой-то части славянского населения прибрежных регионов.

При раскопках славянских памятников найдены и орудия труда плотников - долота, скобели, топоры, пилы, молотки. Топонимические материалы свидетельствуют, что в славянском мире были развиты деревообработка и строительное дело. Диалектные материалы Пелопоннеса, отмечает Ф.Малингудис, недвусмысленно показывают, что местное греческое население заимствовало у славян ряд строительных терминов. Имеются также топонимы, свидетельствующие о занятиях и обработке металлов. Однако, как можно судить по данным археологии, металлообрабатывающие ремесла в славянском мире рассматриваемого региона получили широкое развитие лишь в VIII-IX вв., когда жизнь на Балканах стабилизировалась и славянские ремесленники в полной мере освоили достижения

византийского бронзолитейного дела и ювелирного искусства. В периоды колонизации этих земель славяне еще не знали городской жизни.

Славянское население, осевшее в Фессалии и окрестностях Фессалоники, скоро наладило торговые связи с византийскими городами, продавая их жителям хлеб, овощи и фрукты и приобретая, вероятно, изделия ремесленного труда, украшения и другие товары.

Социальная структура славянского общества и его политическая организация времени колонизации Балканского региона реконструируются лишь гипотетически. Скупые свидетельства византийских авторов по этому поводу носят к тому же субъективный характер и дают несколько приниженную картину жизни и быта славянства. Описания Прокопия Кесарийского и некоторых других авторов относятся в большей степени к славянам Северного Подунавья, до их широкого расселения на Балканском полуострове. Миграция в земли Византийской империи во многом изменила славянское общество. Участие в военных действиях вело к обогащению племенной верхушки, к углублению имущественной дифференциации и к социальному расслоению общества.

Согласно Прокопию, "...склавины и анты, не управляются одним человеком, но издреле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща." [41]. По-видимому, здесь имеется в виду, что племенные объединения славян управлялись общим собранием воинов или племенными сходками. Роль вождя племени или племенного объединения покоилась на его авторитете как военного руководителя. Может быть, вожди и старейшины были

выборными.

Большую часть славянского общества составляли свободные общинники, занимавшиеся индивидуально (семьями) сельскохозяйственной деятельностью. Участие в военных набегах было преимущественно добровольным, поскольку рядовые дружинники были заинтересованы в захвате добычи. Впрочем, славянское население, входившее в Аварский каганат, вынуждено было иногда составлять ополчения и не на добровольной основе [42].

К середине VII в. вся территория Балканского полуострова и Греция оказались освоенными славянским населением. Их дальнейшее культурное и этническое развитие происходило в различных частях этого обширного региона неодинаково, что обусловлено множеством исторических обстоятельств. Эти процессы будут рассмотрены в соответствующих разделах, посвященных становлению болгарской, сербской, хорватской и македонской народностей. Здесь же необходимо сказать о тех землях, где в силу ряда причин славянский этнос, смешавшись с аборигенным населением, оказался ассимилированным последним.

Одним из таких регионов является Греция. На основе исторических данных устанавливается, что она была заселена славянами в два этапа. Первый датируется последними десятилетиями VI в., когда был взят Коринф и славяне начали проникать на Пелопоннес. Второй этап славянского освоения относится к первым десятилетиям VII в., когда мощные миграционные волны охватили всю территорию Греции; славяне достигли островов, в том числе поселились на Крите, а отдельные группы - и в Малой Азии. Топонимика неоспоримо свидетельствует, что славянское расселение было весьма широким и массовым: на Пелопоннесском полуострове обнаруживается около 400 географических названий славянского происхождения, в районе Фессалоники и Халкиды - около 150, в Фессалии - свыше 100. Лингвистический анализ новогреческого языка выявляет заметное воздействие славянской речи. Славянская лексика отражает, прежде всего, сельскохозяйственную деятельность, а также заметно касается флоры и фауны. Совершенно очевидно, что греческое население контактировало исключительно со славянами-земледельцами.

Вместе с тем, не подлежит сомнению, что расселение славянских масс на территории Греции было подготовлено и стало возможным лишь в результате военных вторжений. При изучении культурных напластований Коринфа выявлены следы пожаров и разрушений, а также гибели части населения этого города, датируемые концом VI в. Слои VII-VIII вв. в Коринфе выявляют "варваризацию" материальной культуры и быта населения. Следы разрушений, относящихся к концу VI или началу VII в., отчетливо фиксируются в Афинах, Фессалии, Эвбее и Локрисе. Археологически выявляется и запустение в это время целого ряда поселений с культурными отложениями, характеризующимися позднеримской и ранневизантийской керамикой. В особенности это касается восточной и южной прибрежной полос Греческого полуострова, а также некоторых островов. В западной части Пелопоннеса запустения или гибели поселений не фиксируется, здесь жизнь греческого населения протекала относительно спокойно.

О вторжении больших масс нового населения на территорию Греции говорят и клады монет, зарытые в конце VI - начале VII в. Нумизматика устанавливает, что с этого времени наступает перерыв в денежном обращении. В культурных напластованиях VII-VIII вв. поселений Греции не обнаруживается каких-либо следов византийского военного и церковного строительства.

Господство славянского населения в Греции продолжалась свыше 200 лет. В конце VIII века наступил перелом. В 783 г. Византия провела победоносный поход Ставракия в Элладу и окрестности Фессалоники. В первой половине следующего столетия была завоевана почти вся Морея, а в 940 г. окончательно покорены милинги и эзериты. Восстановление власти Византийской империи привело к активизации греческого этнического элемента. И если в VII-VIII вв., как считают М.Вайтманн и некоторые другие исследователи, в отдельных регионах имела место славянизация какой-то части местных греков, то теперь началась языковая ассимиляция славянского населения. Очевидно, в

условиях славянской колонизации территории Греции сохранилось достаточное количество древнего греческого населения, которое в состоянии было ассимилировать славян.

Албанские археологи считают, что славянское население начало расселяться на их землях с 584 г., то есть с начала аваро-византийских войн. Миграция шла из Среднедунайского региона, в основном вдоль р. Моравы в направлении Фессалоник, и растекалась довольно широко. Территорию Албании до этого времени заселяли иллирийские племена, которые после крушения Римской империи вошли в состав Византии. В конце IV в. в эти земли проникли визиготы, принешие своеобразные фибулы. После инвазии славян, основными следами которой является топонимия, культурное развитие на территории Албании протекало по двум направлениям. В южных районах оно было идентично македонскому ареалу. С 851 по 1018 г. Южная Албания входила в состав Болгарского государства. В северной части с начала VII в. формируется своеобразная археологическая культура, получившая название команской.

Древности команской культуры известны преимущественно по раскопкам грунтовых могильников и, прежде всего, по наиболее изученному в местности Круя [43]. Захоронения по обряду ингумации помещались в ямах глубиной до 1,4 м с каменными ящикообразными конструкциями, сложенными на известковом растворе. Большинство умерших ориентированы в направлении север - юг, клали их в могилы на спине с вытянутыми вдоль туловища или сложенными на груди руками.

Вещевой инвентарь захоронений состоит из разнообразных украшений (бронзовые, серебряные и стеклянные бусы, проволоочные и лунничные височные кольца, в том числе с филигранной орнаментацией, шайбообразные,

дисковидные и зооморфные фибулы, браслеты, перстни, привески), предметы вооружения (наконечники копий и стрел, мечи), поясные принадлежности и железные ножи. Керамика гончарная, красной и серой поверхности, нередко орнаментированная различными прочерченными узорами.

Анализ вещевых материалов показывает, что команская культура была сложным формированием, включившем местное позднеримское наследие, византийское влияние и славянские элементы. Славянский этнический компонент проявляется в находках пальчатых фибул типа Марош-Гымбаш-Пергамон (могильники Круя и Лезе), в довольно широком распространении лунничных и проволоочных височных колец, тождественных тем, что известны в достоверно славянских древностях Адриатического побережья и Приальпийских земель.

Команская культура функционировала до начала IX в. Ее исследователи утверждают, что эта культура отражает становление албанцев, формирование которых протекало на основе древнего иллирийского этноса при ассимиляции осевших в этом регионе славян [44].

1. Литература по вопросу расселения славян на Балканском полуострове огромна. Назову лишь важнейшие труды: Дринов М. Заселение Балканского полуострова славянами // Избранные сочинения. Т. I. София. 1971. С. 186-362; Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901; СТаНојевић Ст. Византија и Срби. Т. 1-2. Нови Сад, 1903-1906; Hauptmann L. Les rapports des Byzantins avec les Slaves et les Avars pendant la seconde moitié du VIe siècle // Byzantion. Т. 4. Bruxelles. 1928. Р. 137-170; Дуйчев Ив. Балканският Югоизток през първата половина на VI век. Начални славянски нападения // Беломорски преглед. Т. 1. София, 1942. С.

- 229- 270; Lemerle P. Invasions et migrations dans les Balkans depuis la fin de l'epoque romainejusqueau VIIIe siecle // Revue historique. Paris, 1954. N4- 6; Търкова В. Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966; Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971. С. 103- 116.
2. Дуриданов И. Заселването на славяните в Горна Мизия по данните на топонимията // Славян-ска филология. Т. 17. София, 1983. С. 223, 224; Гиндин Л.А. К хронологии и характеру славянизации карпато-балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 52-96; Он же. Значение лингво-филологических данных для изучения ранних этапов славянизации карпато-балканского пространства // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 23. 24.
 3. Marcellini Comitatus Chronicon // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. Vol. 11. Berlin, 1894. P. 100.
 4. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1991. С. 197, 241.
 5. Свод древнейших письменных известий... С. 203.
 6. Свод древнейших письменных известий... С. 193
 7. Търкова-Заимова В. Славянските заселвания на Балканския полуостров в рамките на "варварските" нашествия през VI и VII вв. // Известия на Българското историческо дружество. Т. 29. София, 1974. С. 199-201.
 8. Свод древнейших письменных известий... С. 279.
 9. Известия исторических источников об освоении территории Греции славянским населением собраны и проанализированы в книге: Weithmann M.W. Die slawische Bevolkerung auf der Griechischen Halbinsel. Munchen, 1978. S. 54-197.
 10. Шишманов Ив. Славянската селища в Крите и на другите острови. София, 1897
 11. О расселении славян в Малой Азии см.: Ламанский В. О славянах в Малой Азии // Записки II Отделения Императорской Академии наук. Т. V. СПб. 1859; Niedcrle L. K slovanske kolonisaci Male Asie a Syrie v VIII-X st. // Сборник по славяноведению. Пг., 1907.

-
12. Панов Б. Охрид и Охридската област во први-те векови по словенската колонизация (VI-VIII век) // Годишен сборник. Филозофски факултет на универзитетот Скопје. Кн. 4 (30). Скопје, 1978. С. 119-136.
 13. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. (Археология СССР). М., 1982. С. 93, 113-119.
 14. Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах. Основные проблемы и перспективы // Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 40, 41.
 15. Дечев Д. Где са живели смолените? // Сборник в чест на В.Н.Златарски по случаи на 30-годишната му научна и професорски дейност. София, 1945. С. 45-54.
 16. Херрманн И. Ruzzi, Folsdern, Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах "Баварского Географа" (первая половина IX в.) // Древности славян и Руси. М. 1968. С. 162, 163.
 17. Писарев С.П. Памятная книга города Смоленска. Историко-современный очерк. Указатель и путеводитель. Смоленск, 1898. С. 3, 6.
 18. Трубочев О.Н. В поисках единства. М., 1992. С. 137-142. Трубочев О.Н. В поисках единства... С. 137- 142.
 19. Трубочев О.Н. В поисках единства. М., 1992. С. 137-142. Трубочев О.Н. В поисках единства... С. 168-177.
 20. Займов И. Заселване на българските славяни на Балканския полуостров. Проучване на жителските имена в българската топонимия. София, 1967.
 21. Georgacas D. Place and other names in Greece of various Balkan origins // Zeitschrift fur Balkanologie. Bd. 111. Sofia, 1965. P. 77.
 22. Belosevic J. Die ersten slawischen Urnengraber auf den Gebiete Jugoslawiens aus dem Dorfe Ka-5iiS bei Zadar // Balcanoslavica. I. Beograd; Prilep, 1972. S. 73-86.
 23. Въжарова Ж.Н. Славянски и славянобългарски селища в Българските земи от края на VI-XI век.

- София, 1965. С. 108-110; Она же. Славяни и прабългари по данни на некрополите от VI- XI в. на територията на България. София, 1976. С. 9-76.
24. Fiedler U. Studien zu Grabcrfelder des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. Bonn, 1992.
 25. Davidson-Weinberg G. A Wandering Soldier's Grave in Corinth // *Hesperia. Journal of the American school of Classical studies at Athens*. Vol. XLII. N 4. Princcton, 1974. P. 512-521.
 26. Археолошки споменици и налазишта у Срби-ЈН.ІІ. Београд, 1956; ЈаНКОБнх М. и Б. Словени у Југословенском Подунављу. Београд, 1990; Evans H.M.A. The Early Mediaeval Archaeology of Croatia. Oxford, 1989; Marušić B. Nekropole VII. i VIII. stoljeca u Istri // *Zgodnji srednji vek v Sloveniji*. Ljubljana, 1967. S. 25-40; Aleksova B. Demir kapija. Slovenska nekropola i slovenske nekropole u Makedoniji. I. Skopje; Beograd, 1966.
 27. Bulle H. Ausgrabungen bei Aphiona auf Korfu // *Mitteilungen des Deutsche Archaologische Institut in Athen*. Bd.59. 1934. S. 147-145.
 28. Weithmann M.W. Die slawische Bevolkerung... S. 244-246.
 29. Babic B. Die Erforschung der altslawischen Kul-tur in der SR Mazedonien // *Zeitschrift filr Archao-logie*. Berlin, 1976. N1. S. 63; Ibler U.G. Studien zum Kontinuitatsproblem am Ubergang von der Antike zum Mittelalter in Nord- und Westjugosiawien. Bonn, 1990. S. 134.
 30. Werner J. Slawische Bugelfibein des 7. Jahrhunderts // *Reinecke Festschrift*. Mainz, 1950. S. 150-172; Idem. Neues zur Frage der slawischen Bugelfibein aus stidosteuropaischen Landern // *Germania. Anzeiger des Romisch-Germanischen Kommission*. Bd. 38. 1960. S. 114-120; Chausi-dis N. The Magic and Aesthetic Functions of Mythical Images in the South Slav Traditional Culture // *The Magical and Aesthetic in the Folklore of Balkan Slavs*. Belgrade, 1994. P. 5-20.
 31. Werner J. Slawische Bronzefiguren aus Nord-griechenland // *Abhandlungen des Deutschen Akad-emie der Wissenschaft zu Berlin. Klasse fur Gesell-schaftswisseschaft*. Bd. 2. Berlin, 1953.
 32. Donat P. Bemerkungen zur Entwicklung des slawischen Hausbaues im mittleren und sudostlichen Europa // *Balkanoslavica*. 4. Београд, 1975. S. 113-126; Димитров Д. Принос към изучавнето на старобългарското жилище в Североисточна България // *Известия на Народния музей*. Т. 9. Варна, 1973. С. 101-109.
 33. Въжарова Ж.Н. Славянски и славянобългарс-ки селища...; Она же. Паметници Болгарии конца VI-XI в. и их этническая принадлежность // *СА*. 1968. N 3. С. 148-159; Милчев Ат., Ангелова Ст. Археологически разкопки и проучвания в м. Калето при с. Нова Черна, Силистренско, през 1967-69 г. // *Годишник на Софийския университет. Исторически факултет*. Т. 63-3. София, 1971. С. 22-50; Аладжов Д., Балабанян Д. Разкопки в с. Любеново през 1968 г. // *Родопски сборник*. Т. 3. София, 1972. С. 131; Аладжов Д. Материална култура на Югоизточна България през IX-X век // *Славяните и средиземноморският свят*. VI-XI в. София, 1973. С. 135-159.

34. Чангова И. Проучвания в крепостта Перник // *Археология*. София, 1963. N 3. С. 65-72.
35. Ceremošnik I. Die altesten Ansiedlungen und Kultur der Slawen in Bosnien und der Herzegowi-na im Lichte der Untersuchungen in Musici und Batkovici // *Balkanoslavica*. I. Prilep; Beograd, 1972. S. 59-62.
36. Bulle H. Ausgrabungen bei Aphiona... S. 147- 240.
37. Въжарова Ж.Н. Славянски и славянобългарски селища... С. 170 и др.
38. Стоянова-Серафимова Д. Разкопки крепости в с. Делно Церово // *Археология*. София, 1963. N 4. С. 22.
39. Иванов Ст. Животински костни остатъци от селището в местността Джеджови лозя при с. Попина // Въжарова Ж.Н. Славянски и славянобългарски селища... С. 207-223.
40. Malingoudis Ph. Studien zu den slawischen Orts-namen Griechenlands. Bd. 1 (Akademie des Wissen-schaft zu Mainz. Abhandlungen des Geistes-Sozial-wissenschaften Klasse. Jg. 1981. N 3). Mainz; Wiesbaden. 1981. S. 174-181; Idem. Toponymy and Hystory. Observation concerning the Slavonic Toponymy of the Peloponnese // *Cyrrillomethodian*. VII. 1983. P. 99-111; Малингудис Ф. За матери-алната култура на раннославянските племена в Гърция // *Исторически преглед*. XLI. Кн. 9-10. София, 1985. С. 64-71; Malingoudis Ph. Fruhe slawische Elemente im Namensgut Griechenland // *Die Volker Sildosteuropas im 6. bis 8. Jahrhundert*. Milnchen. 1987 S 53-65
41. Свод древнейших письменных известий... С. 183; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М.,

1950. С. 125, 126.

42. Вопрос об устройстве славянского общества в рассматриваемое время рассмотрен в статье: Иванова О В., Литаврин Г Г Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. VI-XII вв М, 1985. С. 34-68.
43. Anamali S., Spahiu H. b'ne necropole du haul moyen age a Kruje // Buletin i Univershtet, te Tiranes. XVII-2. Tirane, 1963. P. 3-85.
44. Anamali S. Problemi i kultures se hershme mes-jetere shqiptare ne driten e zbulimeve te reja arkeologjike // Studime historike. Tirane, 1967. P. 29-40; Idem. Des Illyriens aux Albanais // Iliria. V. Tirana, 1976. P. 23-40.

Славяне в Юго-Восточной Прибалтике

В V-VI вв. земли Юго-Восточной Прибалтики были заселены различными балтскими племенами. Регион Мазурских озер, бассейны рек Преголя, Минии и нижнего Немана принадлежали западным балтам, древности которых восходят к единой культуре западнобалтских курганов раннего железного века [1]. Она характеризуется господством обряда кремации умерших на стороне с последующим захоронением остатков трупосожжения в грунтовых могильниках под каменными кладками. В начале эпохи средневековья на основе западнобалтской культуры складывается несколько культурных групп [2], отражающих, нужно полагать, процесс становления племен, хорошо известных по письменным источникам.

На побережье Балтийского моря от Ногаты на западе и несколько не достигая устья Немана на востоке уже в первой половине I тыс. н.э. выделяется и в раннем средневековье самостоятельно развивается культура пруссов (самбийско-натангская группа) [3]. Между Мазурскими озерами и средним течением Немана с V в. получает распространение судавская культура, восходящая также к культуре западнобалтских курганов. Это - культура ятвягов (судинов), известная преимущественно по курганам, сложенным из камней и содержащих трупоположения [4]. В западной части Мазурского Поозерья до V в. включительно существовала богачевская культура [5]. Ее носители - часть западных балтов - галинды, упоминаемые Птолемеем. По материальной культуре они близки пруссам, но испытали заметное влияние со стороны вельбарской культуры.

В западной части современной территории Литвы выделяются две культурные группы, в основе которых находится культура западнобалтских курганов. По побережью Балтийского моря от нижнего течения Немана на юге до реки Венты на севере получили распространение могильники с каменными венцами, сложенными на поверхности. В первых веках нашей эры погребения по обряду трупоположения окружались круглыми каменными венцами диаметрами до 4-6 м. В захоронениях середины I тысячелетия н.э. некоторые венцы имели овальную или подчетырехугольную форму. В археологической литературе эти могильники рассматриваются как памятники куршей. Небольшой регион нижнего течения Немана с низовьями реки Юра характеризуется грунтовыми могильниками без каменных обкладок, но погребальный инвентарь захоронений в них близок материалам захоронений куршей. Эти памятники относятся к племени скальвов [6].

Более восточные области ареала балтов - Среднее и Верхнее Понеманье, Западно-Двинский бассейн. Верхнее Поволжье и регион верхней Оки заселяли различные племена летто-литовской и днепровской групп балтской этноязыковой общности. Западными соседями балтов в самом начале средневековья, по-видимому, были небольшие группы германского населения, сохранившегося на нижней Висле с римского времени. С юго-запада к западнобалтскому ареалу вплотную подступали славяне суковско-дзедзицкой группы.

Около середины VI в. в западной части Мазурского Поозерья возникает новая археологическая культура - западномазурская (или мазуро-германская, по терминологии немецких исследователей), которой свойственны многие особенности, не имеющие корней в местных западнобалтских древностях (рис. 53). Исследователи этой культуры достаточно авторитетно утверждают, что становление ее не было результатом простой эволюции местных древностей, оно стало возможным лишь в условиях иноплеменной инвазии, имевшей место в этом регионе. В этой связи было высказано предположение, что западномазурская культурная группа принадлежит восточным германцам, будто бы возвратившимся в свои прибалтийские земли из Причерноморья, где они проживали в римское время [7]. Позднее анализ западномазурских древностей, выполненный Э.Штурмсом, показал, что население, оставившее их, было неоднородным в этническом отношении; основу же его составили местные балты и пришлые германцы [8]. С этим положением согласились

многие исследователи.

Новейшие изыскания в области западномазурских древностей позволили детализировать вопрос о племенной структуре их носителей [9]. Установлено, что первая миграционная волна, исходившая из Дунайских земель, достигла западных районов Мазурского Поозерья в 550-600 гг. Импульсом миграции, по всей вероятности, стало аварское нашествие в Среднедунайский регион. Основу переселенцев составили отдельные группы гепидов и лангобардов. Это были преимущественно воины, торговцы и ремесленники. Расселились они в Мазурском Поозерье среди аборигенного западнобалтского населения, которое в основной массе не покинуло мест своего обитания.

575-675 годами определяется следующий этап западномазурской культуры, развитие которого связано с новой, более значительной волной миграции населения из Дунайских земель. В погребальной обрядности теперь довольно отчетливо проступают среднедунайские особенности. При погребенных находят пояса, определенно принадлежащие аварской культуре; довольно частой находкой становятся фибулы различных типов. Ряд культурных элементов указывает на реальное присутствие среди переселенцев в Мазурский регион аваров и славян. Появление небольших групп аварского населения в это же время обнаруживается и в синхронных древностях территории Литвы.

Присутствие славянского этнического компонента в Мазурском Поозерье устанавливается по некоторым находкам, сопоставимым с материалами антской (пеньковской) культуры, и особенно по пальчатым фибулам славянских типов.

Славянские пальчатые фибулы Мазурского Поозерья были описаны в работах Й.Вернера [10]. Г.Кюн в большой статье, специально посвященной пальчатым фибулам Пруско-Мазурского региона, не соглашаясь Й.Вернером, относит все выделенные им типы к группе мазурогерманских [11]. Однако типологический анализ мазурских пальчатых фибул, выполненный этим исследователем, дает возможность распределить семь типов фибул на две группы.

Первую группу образуют фибулы типов I (назван Г.Кюном банатским), II (киевский), III (румынский) и VII (пастырский). Все эти находки обнаруживают многочисленные аналогии в землях, принадлежащих антам (ареал пеньковской

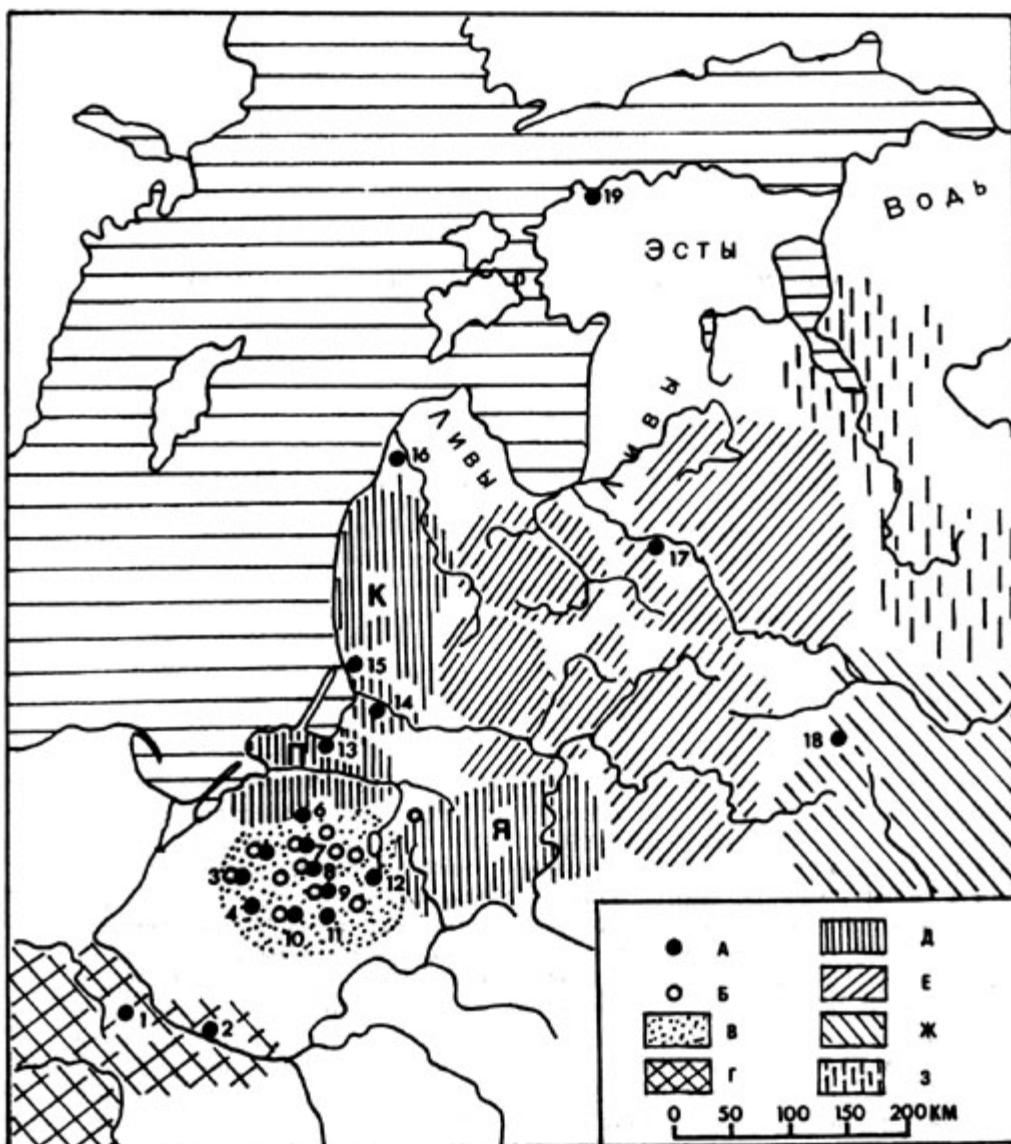

Рис. 53. Юго-Восточная Прибалтика в VI-VII вв.:

а - места находок пальчатых фибул антских типов; б - находок фибул германских типов; в - ареал западнобалтской культурной группы; г - суковско-дзедзицкой культуры; д - ареалы западнобалтских племен (П - пруссов, К - куршей со скальвами, Я - ятвягов); е - летто-литовских племен; ж - днепровских балтов; з - культуры псковских длинных курганов
 1 - Добре; 2 - Шелиги; 3 - Тумяны; 4 - Бартельсдорф; 5 - Келары; 6 - Ландскрон; 7 - Косево; 8 - Шефельсдорф;
 9 - Мингфен; 10 - Лехлескен; 11 - Ваплиц; 12 - Выска; 13 - Леберсхоф; 14 - Линкунай; 15 - Штрейтлаукен;
 16 - Варвес Стрики; 17 - Боки; 18 - Микольцы; 19 - Ягала

культуры) или в освоении которых активное участие приняло антское население (области ипотешти-кындештской культуры и аваро-славянский регион Среднего Подунавья), и отсутствуют в собственно германских памятниках.

Вторую группу составляют пальчатые фибулы существенно иных типов - IV (андерлехтского, по терминологии Г.Кюна), V (даттенбергского) и VI (нейвиедского). Эти находки имеют аналогии

исключительно в германских землях бассейна Рейна. На заметное различие пальчатых фибул в составе мазуро-германских древностей обращал внимание еще Э.Штурме, выделяя среди них две группы - западноевропейскую, фибулы которой имеют аналогии в Рейнском регионе, и восточноевропейскую, обнаруживающую параллели в севернопричерноморских и дунайских землях.

В этой связи заслуживает внимания то, что среди могильников западномазурской культуры, наряду с памятниками, в которых встречены захоронения с фибулами как первой, так и второй группы, есть немало некрополей, которые содержат только славянские пальчатые фибулы (Ваплитц, Гросс Бартельсдорф, Выска, Ландскрон, Леберсхоф). Имеются и могильники с находками фибул исключительно германских типов (Клайн-Пуппен, Детлевсрух, Клайн-Бодшвингкен, Бабиетен, Прейссенорт, Сдоррен). Это обстоятельство является очевидным свидетельством принадлежности двух групп пальчатых фибул Мазурского Поозерья к различным этносам.

Пути миграции разноплеменного населения в Мазурское поозерье установить затруднительно. Можно предполагать, что передвижение проходило вдоль верхнего и среднего течения Вислы. В пользу этого, кажется, говорят и находки пальчатых фибул на верхней Висле около Кракова (Новая Гута) и в ее среднем течении - в Шелигах под Плоцком и Добре в Влоцлавском округе [12].

В Мазурском регионе славянский этнический элемент появился и проживал в иноплеменной среде и, по-видимому, вскоре был ассимилирован местным западнобалтским населением, оставив следы лишь в топонимике региона.

По всей вероятности, от миграционной волны разноплеменного дунайского населения, направлявшейся в северном направлении в Мазурский регион, оторвалась какая-то группа, состоявшая преимущественно из славян, которая продвинулась далее, достигнув латвийско-литовского побережья Балтийского моря, заселенного куршами.

На пути в земли куршей пальчатая фибула славянского облика обнаружена в Лебертсхофе близ берега Балтийского моря, на северо-восточной окраине региона пруссов. Г.Кюн, публикуя эту находку, отнес ее к киевскому типу [13]. Подобные фибулы встречены довольно широко, в том числе в Среднем Поднепровье, на территории Венгрии и Румынии, одна происходит из Пергамона. В Мазурском поозерье подобные находки обнаружены в семи могильниках.

Две пальчатые фибулы найдены в регионе нижнего Немана. Одна из них обнаружена в погребении 201А могильника Линкунай (Линкунен) западнее Тильзита-Советска. Й.Вернер отнес ее к типу "В" [14], основным ареалом которого является Среднее Подунавье. Кроме того, фибулы этого типа встречены на Пелопоннесе и в Малой Азии. Несколько подобных находок сделано и в западномазурских могильниках. Группу фибул этого типа специально исследовала Е.Н.Симонова [15]. Однотипная пальчатая фибула найдена еще несколько севернее устья Немана в Штрейтлаукене [16].

Далее на север пальчатая фибула обнаружена в нижнем течении реки Венты в Варвес Стрики [17]. Она происходит из могильника, который раскапывался в XIX в. любителями старины и кладоискателями. Его научные раскопки были произведены в 1932 г. Х.Риекстином. Они выявили погребения I тыс. до н.э. и вещевые находки середины I тыс. н.э. [18]. Пальчатая фибула принадлежит к случайным

находкам этого памятника. Середина ее ромбическая, орнаментированная мотивом из звериных и птичьих голов. Завершается фибула в виде грубой человеческой маски, а внизу имеет полукруглый щиток, украшенный спирально-крючковатым орнаментом, с семью пальцевыми отростками. Й.Вернер отнес эту находку к типу "Е" и отметил, что она является репликой фибулы из могильника Ваплитц западномазурской культуры. По Г.Кюну, это фибулы киевского типа [19].

Из западнолатвийского региона (точное место находки не установлено) происходит еще одна фибула с пятью пальцами и геометрическим орнаментом на щитке и ромбической основе [20]. По классификации Г.Кюна, такие фибулы относятся к пастырскому типу. Они распространены в южнорусских землях и на Дунае. Обнаружены такие фибулы и в двух могильниках западномазурской культуры [21].

На территории Латвии встречена еще одна славянская пальчатая фибула при раскопках могильника Боки, находящегося вблизи Даугавы в Екабпилсском р-не. Основу могильника составляли курганы с каменными венцами, которые относятся к III-V вв. н.э. В кургане III было открыто впускное погребение 23, при котором в комплексе с кинжалом с окованной бронзой рукояткой и найдена пальчатая фибула [22]. Подобная фибула обнаружена также в Эстонии в Ягала недалеко от Таллина [23]. Обе эти находки принадлежат к типу, весьма распространенному в Среднем Поднепровье [24]. Это - относительно поздний тип пальчатых фибул, щиток и ножка которых сплошь покрыты прочерченным циркульным орнаментом. Вместо пальцев щитки их завершаются ажурным узором. Вне Днепровского региона несколько таких фибул встречено в Крыму (Лучистое и Суук-Су), в Кузьминском могильнике на средней Оке и в Косево - могильнике западномазурской культуры [25].

Перечисленные находки славянских пальчатых фибул на территории Литвы и Латвии - явное свидетельство проникновения славян в этот регион в VI-VII вв. Картография этих находок показывает, что славяне осели, прежде всего, среди куршского населения и пришли в соприкосновение с ливами. Показателем этой миграции являются также серьезные деструктивные изменения, которые именно в это время наблюдаются в культуре куршей и которые никак не могут быть объяснены внутренним эволюционным развитием.

Во второй половине VI или на рубеже VI и VII столетий (точная дата пока не установлена) могильники с каменными венцами, характерные для куршского региона, прекращают функционировать и обычай обозначать могилы венцами из камней полностью исчезает. Могильники последующего времени возникают на новых местах. Генетическая связь их с могильниками I-VI вв. вызывала до недавнего времени серьезные сомнения. Однако, судя по последним изысканиям И.Вирсе (Озере), ряд особенностей погребального ритуала, свойственных могильникам первой половины I тыс. н.э., прослеживается и в некрополях VII- IX вв. [26], свидетельствуя о том, что куршское население в основной своей массе не покинуло свои земли. Оно только испытало какие-то сильные потрясения, заставившие оставить старые могильники (и, по всей вероятности, синхронные им поселения, которые остаются пока неизученными). Хронологически это событие совпадает с появлением в куршском регионе славянских пальчатых фибул. Нужно полагать, что миграция славян в земли Юго-Восточной Прибалтики и культурная трансформация в куршском регионе - взаимосвязанные явления.

Вскоре традиционный для куршей обряд трупосожжения начинает вытесняться новым ритуалом - кремацией умерших. Эта обрядность сначала появляется в северных районах обитания куршей (в бассейне Венты и смежных землях).

Заслуживает внимания и то, что наиболее ранние захоронения по обряду трупосожжения в куршских могильниках совершались в больших прямоугольных могильных ямах, идентичных тем, что выкапывались для трупоположений. Это свидетельство чужеродности новой обрядности для куршей. Только несколько позже, в VIII-IX вв., курши стали устраивать для погребений остатков кремации небольшие округлые или округло-овальные ямки, тождественные славянской обрядности. Правда, собственно славянские захоронения рассматриваемого времени в этом регионе пока не обнаружены и найти их очень и очень затруднительно, поскольку славянский ритуал, как уже отмечалось, характеризуется безынвентарностью. И все же можно полагать, что импульсом в распространении обряда трупосожжения среди куршского населения была обрядность славян, осевших в этих землях. Иного объяснения пока нет.

О расселении и проживании славян в западных районах Латвии и Литвы свидетельствуют и топонимические материалы. Уже К.Буга рассматривал гидроним *Вента* (в бассейне этой реки, как показано ниже, зафиксированы славяне-венды) как славянский по происхождению (произведен от лексемы "вяча-вящий", отсюда Вячеслав). Все попытки объяснить происхождение этого водного названия на балтском языковом материале оказались безуспешными. Недавно к выводу о славянском начале гидронима *Вента* независимо пришел немецкий лингвист В.П.Шмид [27]. Это заключение было поддержано О.Н.Трубачевым [28]. Этот гидроним не одинок в Юго-Восточной Прибалтике (*Вента* - мыс под Клайпедой, *Вентас Рагас* - в низовьях Немана, *Вентос* и *Вентина* - северо-западнее Клайпеды, *Вентин* - лес под Елгавой, *Вентос Перкасса* - в Шауляйской р-не, *Вентис* - в Мазурии). Интересно, что все эти географические названия сконцентрированы в том регионе, где, судя по археологическим данным, в VI-VII вв. и расселилось славянское население.

К.Буга считал, что не только гидроним *Вента*, но и целый ряд других гидронимов свидетельствуют о вторжении в летто-литовские земли в V-VI вв. славянского населения (еще в условиях праславянского языкового состояния) [29].

Значительная масса географических названий Латвии, связанных со славянским языковым материалом, сосредоточена в ее восточных районах, что вполне объяснимо. Начиная с эпохи Древней Руси в Латгалии наблюдается культурное влияние со стороны восточных славян и инфильтрация последних в эти земли, что нашло отражение в материалах археологии и этнографии, а в недавнее время (XIX в.) зафиксировано переписями населения. Вместе с тем, немалое число славянских топонимов известно и в Курземе [30]. Славянское проникновение в регион в историческое время со стороны Руси-России этого региона не достигало, что заставляет относить куршские топонимы славянского происхождения к более ранним периодам истории Юго-Восточной Прибалтики.

Подобная картина наблюдается и в Литве. Географическая номенклатура славянского происхождения многочисленна в ее юго-восточной части, где контакты со славянами были интенсивными и фиксируются по другим историческим данным. Но, вместе с тем, гидронимы, этимологизируемые из славянских языков, встречены и в древнем куршском регионе [31], не затронутым славянским влиянием в историческое время. Опять-таки объяснить это возможно лишь при допущении каких-то ранних встреч славян с местным балтским населением.

Письменные памятники начала II тысячелетия н.э. указывают на проживание в западных регионах Латвии какой-то небольшой этнической группы, кажется, не принадлежащей ни к прибалтийско-финской, ни к балтской общностям.

Анализ текста "Хроники Ливонии" Генриха Латвийского вполне определенно свидетельствует, что упоминаемые в ней венды были одним из этносов

средневековой Прибалтики, подобно ливам, куршам, латгалам, эстам, литовцам, тевтонам и другим [32].

Вполне очевидно также, что этот исторический источник характеризует последние страницы истории вендов. В скором времени они, очевидно, растворились в латгальской среде, и уже не упоминаются в письменных документах развитого средневековья. Первоначально, как сообщает "Хроника Ливонии", венды жили в Куронии (Курляндии) в бассейне реки Венды (в средневековых памятниках письменности - *Wenda*, *Winda*, *Venda*, *Vende*; современная *Вента*), откуда были изгнаны куршами. Какое-то время (еще до основания Риги) венды проживали на Древней Горе (*Mons Antiquus*), но и оттуда были вытеснены теми же куршами. Многие из них при этом были убиты, остальные бежали к латгалам и расселились среди них.

В 1206 г. орденский священник Даниил из области Торейда (современная Турайда), где находился

замок одного из старейшин ливов Дабрелы, направился с миссионерской целью к вендам. Он был принят ими доброжелательно и окрестил их [33]. "Хроника Ливонии" не сообщает каких-либо координат расселения вендов в это время. Э.Пабст высказал предположение, что они жили в регионе средневекового Арраша (ныне Арайши) недалеко от Вендена, современного Цесиса [34].

Под 1209 и 1210 годами Генрих Латвийский упоминает Венден - старый замок вендов, где вместе с ними проживали братья-рыцари. В 1209 г. магистр рыцарей Бертольд совершил военный поход в Унгавнию (историческая область эстов вокруг городов Оденпэ - ныне Отепя и Дорпата - Тарту), в котором также участвовали латгалы и венды [35]. В 1210 г. войско эстов осаждало замок вендов (Castorum Wendorum), который вместе с вендами защищали и немецкие рыцари [36]. В 1218 г. в Ливонию вторглось войско новгородцев и псковичей, которое осаждало замок вендов. "Хроника" сообщает, что венды, защищая крепость, бились целый день, а затем их поддерживали рыцари, и замок не был взят [37]. В 1221 г. новгородцы повторили поход в Ливонию и снова подступили к Вендену, который защищали братья-рыцари со своими вендами, но не смогли его взять [38].

В 1224 г. где-то вблизи от старого замка вендов крестоносцами был основан и укреплен новый город Венден. В следующем году Ливонию посетил римский легат Вильгельм, приглашенный рижским епископом Альбертом. Он побывал в Вендене и его окрестностях, где, как пишет Генрих Латвийский, было "множество вендов и латгалов, которые уже прочно освоили христианскую веру" [39].

Вполне очевидно, что название города Венден производно от этнонима *венды*. Эсты называли его Веннолинн, что в переводе означает "город вендов". Местоположение старого замка вендов нам неизвестно, некоторые исследователи отождествляют его с городищем Риекстукалнс в Цесисе [40]. В "Хронике Ливонии" называется еще Wendeculla [41], в документе 1388 г. - Wenedeculle, то есть в буквальном переводе "деревня (или селение) вендов". Исследователи обычно локализуют это поселение в окрестностях Турайды, где в более поздних источниках упоминаются еще топонимы Ventas и Wending [42].

Таким образом, определенно устанавливается, что в начале XIII в. остатки вендов проживали в бассейне Гауи в окрестностях Вендена-Цесиса и Турайды. Их первоначальной областью расселения был регион реки Венты. В источниках под 1253 г. называется "земля Винда" [43], которая надежно локализована была еще А.Биленштейном в низовьях Венты [44]. Не исключено, что какая-то часть вендов, проживавших в бассейне этой реки, в то время, когда основные массы их вынуждены были переселиться на берега Даугавы, а потом и Гауи, не была затронута куршами и в XIII в. составляла население небольшой исторической области - "земли Винда". Еще в XIX в.

этнографическая группа латышей, проживавшая в Северной Курземе, именовалась "вентинами". Весьма вероятно, что это была группа латышей, сформировавшаяся в условиях ассимиляции средневековых вендов. Сохранились и предания о некогда проживавших здесь вендах-виндах [45].

Большинство исследователей прошлого столетия, основываясь на сходстве этнонима *венды* с названием *венеды*, известным по письменным источникам I тыс. н.э., склонны были видеть в вендах Генриха Латвийского славян. Венедрами германцы и прибалтийские финны называли и отчасти именуют и поныне своих соседей - славян. Однако ответить на вопрос, когда и каким образом группа венедов-славян оказалась в Курляндии, историки не могли. Высказывались предположения о том, что это была часть балтийских славян, которые в древности будто бы заселяли более широкие пространства побережья Балтийского моря. Н.Н.Харузин считал, что о проживании славян в Курляндии говорят и некоторые географические названия [46].

В 50-х годах XX в. Д.К.Зеленин [47], рассмотрев исторические, лингвистические и топонимические данные, утверждал, что венды "Хроники Ливонии" были ветвью западных славян, заселявшей бассейн реки Венты. Последняя, по его мнению, получила название от этого этнонима. Топонимы,

производные от основы "вене", фиксируемые на территории Латвии, говорят о более широком расселении славян в отдаленной древности. Исследователь допускал, что в латышском языке имеются следы воздействия западных славян. Впрочем, лингвистические изыскания Д.К.Зеленина не встретили поддержки со стороны языковедов.

В те же годы М. В. Битовым в антропологическом строении современного населения западных районов Латвии, в том числе среди проживавшего в бассейне Венты в окрестностях Вентспилса, выявлен был комплекс признаков, указывающий на участие в генезисе этих жителей компонента со средиземноморской примесью. Сопоставление средиземноморских элементов, присутствующих в антропологическом строении населения Курземе, с такими же особенностями славянского населения X-XII вв. Мекленбурга и Польского Поморья выявляет их значительное сходство. Это стало существенным аргументом в пользу древнего проживания славян в бассейне Венты и славянской атрибуции исторических вендов [48]. Это наблюдение антрополога было использовано рядом исследователей для утверждения славянской атрибуции вендов Ливонии [49].

Однако параллельно с мнением о славянской принадлежности вендов развивалась мысль об их иной этнической атрибуции. Так, А.Биленштейн еще в конце XIX в. полагал, что вендами звалась группа латышского населения, проживавшая в регионе реки Венты. На почве племенной вражды с куршами, которые в то время еще рассматривались как западно-финское племя, венды и вынуждены были переселиться в низовья Даугавы и далее на Гаю [50]. Согласно Я.Эндзелину, венды "Хроники Ливонии" были куршами [51].

Довольно распространенной является гипотеза о прибалтийско-финском начале ливонских вендов. Еще в середине XIX в. А.Шегрен причислял их к ливам [52]. Латышские археологи Э.Штурме и Э.Шноре в 30-х годах XX в. обратили внимание на наличие в нижнем течении Венты погребальных памятников XI-XII вв., близких ливским, что стало одним из аргументов в пользу этой гипотезы [53]. Высказывалась и догадка, что венды - это водь, будто бы переселившаяся из Новгородской земли [54].

Гипотеза о ливской атрибуции вендов Северной Курземе, вытесненных из бассейна Венты куршами, была развита Э.С.Мугуревичем [55]. Рассмотрев археологические материалы трех регионов проживания вендов - Северной Курземе, окрестностей Риги в низовьях Даугавы и округа Вендена-Цесиса, - исследователь

обратил внимание на наличие в них элементов, присущих средневековой культуре ливов. Это и позволило ему говорить о том, что венды сначала были частью курземских ливов, проживавших в бассейне Венты и получивших имя от этого гидронима. Под давлением куршей венды-ливы вынуждены были мигрировать к родственным ливам в низовья Даугавы, а затем и в регион Вендена. Раскопки городища Риекстукалнс, как было сказано, предположительно отождествляемого с "замком вендов", дали находки XII- XIII вв. ливского облика [56], что как будто бы подкрепляет построения Э.С.Мугуревича.

Однако проблема вендов Юго-Восточной Прибалтики не может быть ограничена анализом древностей первых веков II тыс. н.э. Материалы, собранные Э.С.Мугуревичем, если они действительно относятся к вендам, характеризуют лишь конечную стадию истории этого этноса. В это время и в низовьях Даугавы, и на Гае венды уже не имели собственного ареала, они проживали разрозненно среди более многочисленного ливского и латгальского населения и не могли не подвергнуться серьезной аккультурации. Ливская (или латгальская) окраска их древностей вполне закономерна и не должна говорить в пользу прибалтийско-финской (или балтской) принадлежности рассматриваемого этноса.

Проблема вендов, прежде всего, должна найти разрешение на материалах археологии региона

Венты и, может быть, смежных областей, где, как свидетельствует Генрих Латвийский, находилась их древняя территория, а в XIII-XIV вв. - "земля Винда".

Рассмотренная выше ситуация в куршском ареале в VI-VII вв. допускает мысль о расселении здесь славянского населения. В VIII-IX вв., как вполне определенно свидетельствуют археологические материалы, начинается расширение территории куршей в северном направлении. Перемещение куршей на север продолжалось и в следующих столетиях. Они постепенно заселили весь бассейн Венты и пришли в непосредственное соприкосновение с ливами. По всей вероятности, именно с этой миграцией куршей и было связано вынужденное переселение вендов из региона Венты к низовьям Даугавы, что и зафиксировал Генрих Латвийский.

После изгнания из Курземе венды какое-то время, как прямо говорит "Хроника Ливонии", жили около Древней Горы. Вопрос о местонахождении последней дискуссионен. В научной литературе высказана догадка об отождествлении Древней Горы с так называемым холмом Куббе (полностью скрыт еще в XVII-XVIII вв.), находившемся на правом берегу реки Риги, примерно в 0,5 км от Домской церкви [57]. Однако, из свидетельств Ливонской Хроники следует, что Древняя Гора располагалась на более значительном расстоянии от города Риги, чем холм Куббе. Древняя Гора находилась где-то восточнее Риги, и ее неоднократное упоминание в Ливонской Хронике указывает на то, что это место было весьма заметным ориентиром. В конце XII - начале XIII в. Древняя Гора, судя по информации Хроники, уже не была заселена. Следовательно, венды жили на ней в более раннее время - в XI - начале XII в.

Древнюю Гору Ливонской Хроники, по всей вероятности, следует отождествлять с известным городищем Даугмале, расположенном менее чем в 20 км восточнее Риги, на левом берегу Даугавы. Оно устроено на мысу при впадении небольшой речки в Даугаву и с трех сторон ограничено долиной этой речки, а с четвертой был сооружен вал высотой до 7 м и длиной около 80 м, перед которым был вырыт ров. Площадь укрепленной части поселения составляла около 4000 кв.м. К городищу примыкала неукрепленная часть поселения площадью около 2 га.

При раскопках Даугмале [58] обнаружены многочисленные вещевые находки, в том числе арабские дирхемы, византийские и западноевропейские монеты, скандинавские фибулы, дамаскированное

оружие и особенно много предметов, привезенных из земель Руси, - стеклянные бусы, бронзовые крестики, шиферные пряслии и другое. В XI-XII вв. это был заметный ремесленно-торговый центр догородского облика.

Во второй половине XII в., как показывают материалы раскопок, Даугмале было разорено и жизнь на нем после этого не была восстановлена. Кем было разгромлено это поселение, на основании данных археологии сказать нельзя. Но, если отождествление его с Древней Горой Ливонской Хроники верно, то это событие нужно связывать с разгромом и изгнанием вендов из региона нижней Даугавы и переселением их на Гаюю в окрестности Вендена и Турайды, где они проживали в первые десятилетия XIII в. Нападения куршских военных отрядов на земли нижней Даугавы зафиксированы письменными источниками.

В связи с отождествлением Даугмале с Древней Горой, заселенной в XI-XII вв. вендами, нельзя не обратить внимание на очаги концентрации изделий древнерусского происхождения, выявляемые на территории Латвии. Их два: одним является Даугмале и его ближайшие окрестности, другой - в бассейне Гауи, в той его части, где стояли Венден и Турайда [59]. Так, все без исключения находки привесок, относимые исследователями к родовым знакам Ярослава Мудрого, происходят из этих двух регионов, в которых, согласно "Хронике Ливонии", проживали венды. Создается впечатление, что предметы древнерусского происхождения находили спрос, прежде всего, среди вендского населения.

Венды первых столетий II тыс. н.э., проживавшие оторванно от основного массива раннесредневекового славянства, не могли сохранить собственно славянской материальной культуры. Пребывание вендов в течение столетий в окружении иноэтничных племен - куршей, ливов, а на последней стадии и латгалов, - не могло не привести к восприятию многих элементов культуры аборигенного населения. Поэтому выявляемые в областях расселения вендов XI-XIII вв. древности курземских ливов могли быть оставлены и вендскими переселенцами из Курземе.

В поисках археологических следов проживания славян-вендов нельзя не обратить внимание на распространение во всех трех регионах их локализации - в Северной Курземе, на нижней Даугаве в окрестностях Даугмале и на Гауе в районе Вендена и Турайды - чуждой местному населению курганной обрядности (рис. 54 и 55). Основными погребальными памятниками придаугавских и гауяских ливов, так же как и латгалов, являются грунтовые могильники [60]. Появление среди них курганных захоронений до сих пор не находило какого-либо объяснения.

Эти курганы представляют собой полусферические песчаные насыпи высотой 0,5-1,5 м и диаметрами основания от 5 до 12 м. Вокруг насыпей обычно прослеживаются ровики с перемычками. Курганы образуют могильники, насчитывающие от нескольких десятков до 270 насыпей. Расположены курганы скученно, нередко примыкая друг к другу. В общем эти курганы, как и могильники в целом, абсолютно идентичны славянским курганным памятникам, распространенным как на Русской равнине, так и в западнославянском ареале.

Около пятой части исследованных гауяских курганов содержат захоронения по обряду трупосожжения, совершенного на стороне. Они во всех деталях обрядности сопоставимы со славянскими. В других курганах бассейнов Гауи и нижней Даугавы содержались трупоположения на уровне древней почвы или в прямоугольных грунтовых ямах глубиной до 0,5 м. Как правило, в каждом кургане имелось одно захоронение, изредка встречались и парные трупоположения. Под курганными насыпями фиксировались подошвенные прослойки серого песка с включениями угольков. Совершенно очевидно, что по своему строению и обрядности эти курганы тождественны славянским. Правда,

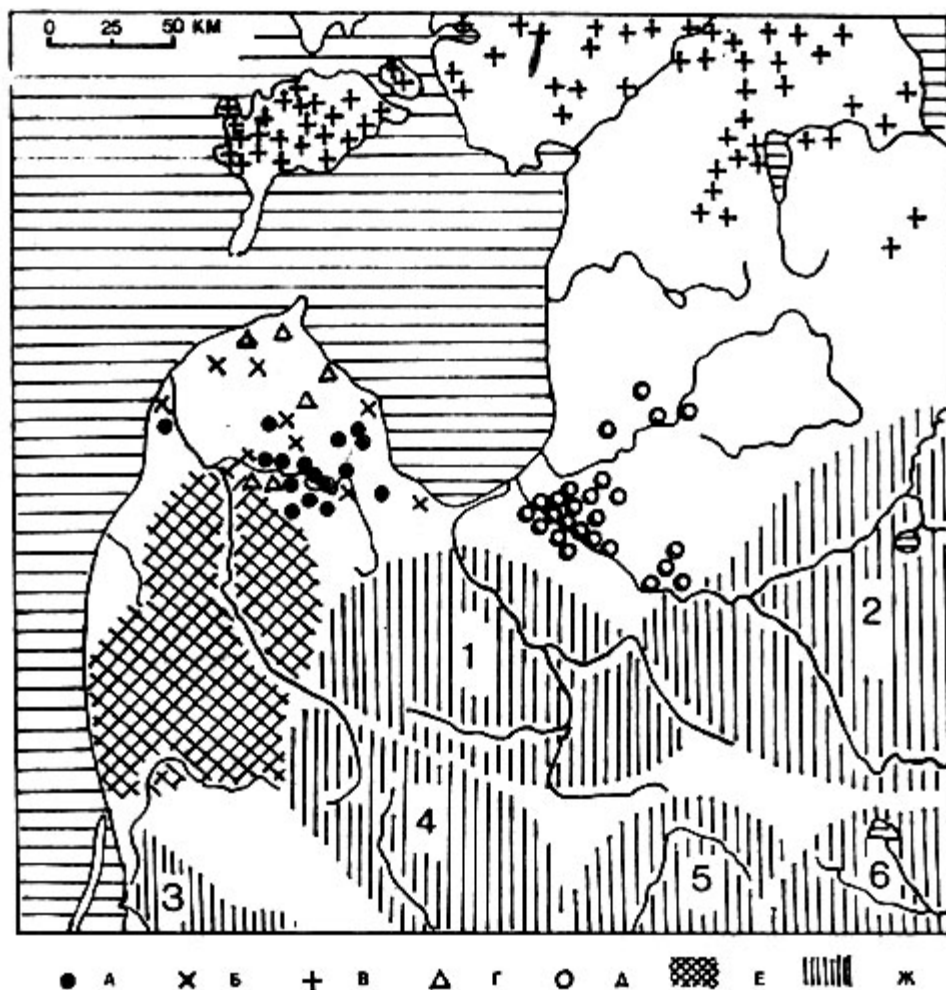

Рис. 54. Этнокультурная ситуация в Юго-Восточной Прибалтике в последних столетиях I тысячелетия н.э.:

а - могильники с песчаными курганами (венды); *б* - каменные могильники с оградками курземских ливов; *в* - каменные могильники эстов; *г* - каменные курганы ливов; *д* - грунтовые могильники гауяских и даугавских ливов; *е* - ареал куршей; *ж* - регионы других балтских племен (*1* - земгалов; *2* - латгалов и селов; *3* - скальвов; *4* - жемайтов; *5* - аукштайтов; *6* - литвы)

умерших хоронили с неславянской ориентировкой - головами на север (с отклонениями), а вещевой инвентарь носит отчетливо ливский характер. Последнее и дало основание исследователям для отнесения гауяских и нижнедаугавских курганов к погребальным памятникам ливов [61].

Рис. 55. Этнокультурная ситуация в Юго-Восточной Прибалтике в XI-XIII вв.:
а - могильники с песчаными курганами (венды), б - грунтовые могильники ливов; в - грунтовые могильники куршей; г - каменные могильники эстов; д - регионы балтских племен (1 - земгалов; 2 - латгалов и селов; 3 - скальвов; 4 - жемайтов; 5 - аукштайтов; 6 - литвы)

Между тем, в областях расселения даугавских и гауяских ливов хорошо известны бесспорные памятники этого этноса - грунтовые могильники [62]. Они датируются от X по XIII в. включительно, когда на смену языческим кладбищам приходят уже христианские. Курганы же в ареале ливов неожиданно появляются во второй четверти или в середине XI в., и эта обрядность бытовала параллельно до начала XIII в. Представляется несомненным, что эти древности должны

принадлежать какому-то неливскому этносу и, скорее всего, таким этносом были венды, изгнанные как раз в это время из региона Венты.

Погребальными памятниками ливов, проживавших на севере Курземе, до X - XI вв. являются

каменные могильники с оградками, сопоставимые с древностями эстов, а также каменные курганы. Хорошо известны и погребальные памятники куршей - грунтовые могильники, упоминавшиеся выше. Вместе с тем, в Северной Курземе известен и третий тип могильных древностей - песчаные курганы с захоронениями по обряду трупосожжения (рис. 54), идентичные тем, что описаны выше для регионов Гауи и нижней Даугавы. Эти памятники здесь абсолютно чужды обрядности и куршей, и ливов [63].

Э. Штурме, обобщая материалы по песчаным курганам Северной Курземе, насчитывал здесь 16 могильников и отмечал, что они датируются более ранним временем, чем аналогичные курганы на Гауе [64]. Действительно, раскопки в окрестностях Сабиле показали, что курземские курганы относятся к последним векам I тыс. н.э.; с начала XI в. песчаные курганы в Северной Курземе уже не сооружались [65]. И именно в это время (скорее всего, во второй четверти XI в.) такие курганы стали сооружаться в регионе нижней Даугавы и на Гауе (рис. 55). В этой связи Э.Штурме связывал и гауяские, и курземские песчаные насыпи с ливами. Появление же курганной обрядности на Гауе он объяснял гипотетическим переселением сюда курземских ливов.

Каких-либо серьезных оснований для отнесения песчаных курганов Северной Курземе к памятникам куршей или ливов в распоряжении исследователей просто нет. Нужно полагать, что они оставлены каким-то третьим этносом, проживавшим в этой местности до начала XI в. Таковым, как свидетельствует "Хроника Ливонии", были венды. Интересно, что местное население еще в XIX в. называло эти курганные могильники "krievu kapi", то есть "русскими могилами". Становится понятным и исчезновение в начале XI в. в Северной Курземе курганной обрядности, и синхронное появление курганов в нижнем течении Даугавы и на Гауе. Венды были изгнаны куршами из прежних мест своего обитания (расселение здесь в XI-XII вв. куршей документируется археологией) и, поселившись на Даугаве и Гауе, перенесли сюда обычай сооружения курганных насыпей.

Регион Курземе, где известны песчаные курганы, вплотную соприкасается с землями курземских ливов, поэтому влияние культуры последних на вендов представляется закономерным. Переселились венды опять-таки в области, заселенные ливами. Поэтому встречаемость в курганах нижней Даугавы и Гауи ливского вещевого материала представляется вполне оправданной.

Если рассматриваемые песчаные курганы всех трех регионов локализации исторических вендов принадлежат этому этносу, то возникает вопрос, каким образом венды, в течение веков жившие изолированно от основного славянского мира, смогли воспринять курганный обряд погребения. Ответить на этот вопрос затруднительно. Можно лишь высказать предположение, что венды Курземе имели контакты с балтийскими славянами. Указания на это имеются: в керамических материалах и некоторых элементах домостроительства отдельных памятников куршского ареала археологами отмечены славянские особенности, датируемые последними столетиями I тыс. н.э. [66].

1. OKulicz L. Kultura Kurganow zachodniobaltyjskich we wczesnej epoce zaizaza. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1970; Jaskanis J., OKulicz J; Kultura zachodniobaltyjska // Prahistoria ziem Polskich. T. V. Wroclaw, 1981.
2. Engcl C., La Baume W. Kulturen und Volker der FrUhzeit im Preussenlande. Konigsberg, 1937. S. 174-183; OKulicz J. Pradzieje ziem Pruskich od poznego paleolitu do VII w. n.e. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1973. S. 471-495; Jaskanis J. Obrzadek pogrzebowy zachodnich baltow u schylku starozytnosci (I-V w. n.c.). Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1974.
3. Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987. С. 398-404; Кулаков В И. Древности пруссов VI-XIII вв. САИ. Вып. Г1-9 М., 1990; Он же. Пруссы (V-XIII вв.). М., 1994.
4. Финно-угры и балты... С. 411-419; Jaskanis J. Jacwiesz w badaniach archeologicznych. Stan i perspektywy badawce // Rocznik biatostocki. T. XIV. Biatystok. 1981. S. 49-67.
5. Nowakowski W. Osiedla Kultury bogaczewskiej - proba podsumowania stanu badart // WA. LI-1. 1986-1990.

6. Таутавичюс А.З. Балтские племена на территории Литвы в I тысячелетии н.э. // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 81, 82; Финно-угры и балты... С. 404-411;
7. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg, 1925. S. 308; Engcl C., La Baume W. Kulturen und Völker... S. 175-179.
8. Sturms E. Die ethnische Deutung der "masuriger-manischen" Kultur // Contributions of Baltic University. N 31. Pinnenberg, 1947. S. 1-12; Idem. Zur ethnischen Deutung der masurigermanischen Kultur // Archaeologia Geographica. N 1. Hamburg, 1950. S. 20-22.
9. Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского поозерья конца V - начала VIII в. // Barbaricum. Warszawa, 1989. С. 148-276.
10. Werner J. Slawische Bügelfibeln des 7. Jahrhunderts // Reinecke Festschrift. Mainz, 1950. S. 150-172.
11. Kuhn H. Das Problem der masurigermanischen Fibeln in Ostpreussen // Documenta Archaeologica. Hamburg, 1956. S. 79-108. Tafel XX-XXVII.
12. Zak J. Kulturelemente aus dem Mitteldonauegebiet in der materiellen Kultur der Oder- und Weichselrassen in der Zeit vom VI. Jahrhundert bis zum Jahrhundertwende X/XI // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4 Киев, 1988. S. 68, 69. Abb. 2. И.О.Гавритухин отмечает, - что мазурские находки рассматриваемых пальчатых фибул имеют значительные параллели в Среднем Поднестровье, и в этой связи предполагает распространение их в Мазурское поозерье из Восточного Прикарпатья (Гавритухин И.О. Пальчатые фибулы пражских памятников Поднестровья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья М., 1991. С. 127-142).
13. Kuhn H. Das Problem der masurigermanischen Fibeln... S. 93.
14. Werner J. Slawische Bügelfibeln... S. 151, 152 Taf. 27,8.
15. Симонова Е.Н. Пальчатая фибула Венгерского Национального музея // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 75-79.
16. Werner J. Slawische Bügelfibeln... S. 152. Taf. 28, 9.
17. Ginters W. Über einige lettische Verzierungen der mittleren Eisenzeit // Senatne un maksla. N 2. Riga, 1937. S. 50. Abb. 8,4; Gloger K. Germanen in Osteuropa // Mannus Bibliothek. Bd. 71. Berlin, 1943. S. 199. Abb. 62,4; Werner J. Slawische Bügelfibeln... S. 154. Taf. 30,31; Urtans V. Latvijas ledzīvotāju sakari ar slaveni I g.t. otrajā pusē // Arheologija un etnografija. T. VIII. Riga, 1968. 74 lpp. 14,2 Att.
18. Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500 n. Chr. Bd. II. Tartu. 1938. S. 716, 717.
19. Kuhn H. Das Problem der masurigermanischen Fibeln ... S. 89-94.
20. Urtans V. Latvijas ledzīvotāju sakari... 74 lpp. 14,1 Att.
21. Kuhn H. Das Problem der masurigermanischen Fibeln... S. 101.
22. Vankina L. arheoloģiskie izrakumi Boki kapulaukā 1961. gadā // Referātu tezes zinātniskai atskaites sesijai par 1961. gada arheoloģiskām un etnogrāfiskām ekspedīcijām. Riga, 1962. 13-15 lpp.
23. Jaanits L., Laul S., Lūgus V., Tohisson E. Ees-ti esiajalugu. Tallinn, 1982. Joon 158,1.

24. Рыбаков Б.А. Древние русы // СА. Т. XVII. 1953. С. 57. Рис. 3:5-7.
25. Gaerte W. Urgeschichte Ostpreussens... Abb. 221, c; Werner J. Slawische Bügelfibeln... S. 161.
26. Озере И.А. Этническая история куршей V-IX веков. Автореферат кандидат, дисс. М., 1987. С. 9 и 19.
27. Schmid W.P. Indogermanische Modelle und osteuropäische Frühgeschichte // Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz; Wiesbaden, 1978. N1.8. 16.
28. Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М., 1991. С. 32.
29. Buga K. Rinkiniai raštai. T. I. Vilnius, 1958. Psi. 526; T. III. 1961. Psi. 881.
30. Дамбе В.М. Славянские следы в латвийской гидронимии и микропонимии // Балто-славянские исследования. 1980. М., 1981. С. 157-162.
31. Ванагас А.П. Литовские гидронимы славянского происхождения // Там же. С. 151-157.
32. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. Введение, перевод и комментарии С.А.Аннинского. М.;

- Л., 1938.
33. Там же. X,14.
 34. Heinrichs von Lettland. Livlandische Chronik, ein getreuer Bericht wie das Christenthum und die deutsche Herrschaft sich im Lande der Liven, Letten und Ehsten Bahn gebrochen. Nach Handschriften mit vielfacher Berichtigung der ubiiche Textes aus der Lateinischen ubersetzt und eriautert Eduard Pabst. Reval, 1867. S. 76.
 35. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии... XIII,5.
 36. Там же. XIV,8.
 37. Там же. XXII,4-5.
 38. Там же. XXV,3.
 39. Там же. XXIX,3.
В новгородской летописи это событие содержится по 1222 годом: "... идоша новгородци съ Святославом къ Кеси, тако же и Литва приидоша в помощь; и много воеваша, нъ города не взяша." (Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 263). Кесь - древнерусское название Вендена, образованное от латышского имени этого города (Цесис).
 40. Wierkuff G. Wo lag die Burg Alt-Wenden? Riga, 1884. S. 11; Apals J. IzraKumi Cesu Riekstu kalna // Zinatniskas atskaites sesijas material! par arheo-logu un etnografu 1980/81. gada petijumu rezultatiem. Riga, 1982. 12-21 Lpp.
 41. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии... XV,3.
 42. Laakman H. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland und seiner Zeit // Beitrage zur Kunde Estlands. Bd. XVIII. H. 2. Reval, 1933. S. 98.
 43. Liv-, Est- und Kurlandisches UrKundenbuch. Bd. I. Reval, 1853. Nr. 248.
 44. Bilenstein A. Die Grenzen des lettischen Volks-stammes und der lettischen Sprache in der Gegen-wart und im XIII Jahrhundert. St.-Petersburg, 1892. S. 343-345.
 45. Sitzungsberichte der Kurlandischen Gesellschaft fur Literatur und Kunst. Mitau, 1868. S. 38, 39; Baltische Monatsschrift. Bd. XXXVI. Reval, 1884. S. 11.
 46. Харузин Н.Н. Обзор доисторической археологии в Эстляндской, а также Лифляндской и Кур-ляндской губерниях по трудам местных исследователей // Труды Эстляндского губернского статистического комитета. Т. IX. Ревель, 1894. С. 229-231.
 47. Зеленин Д.К. О происхождении северновелико-русов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1954. N 6. С. 79-94.
 48. Витов М.В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952-1954 гг.) // Вопросы этнической истории народов Прибалтики. М., 1959. С. 575, 576.
 49. AncTtis K., Jansons A. Vidzemes etniskas vestures jautajumi //Arheologija un etnografija. T. V. Riga, 1963. 59 Lpp.
 50. Bilenstein A. Die Grenzen des lettischen Volkss-tammes... S. 334-348.
 51. Endzelins J. Uber die Nationalitat und Sprache der Kuren // Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. 12 Helsingfors; Leipzig, 1912. S. 65-69.
 52. Sjogren A.J. Reise nach Livland und Kurland. St.-Petersburg, 1847. S. 125-129.
 53. Sturms E. Zur Vorgeschichte der Liven // Eurasia septentrionalis antique. T. X. Helsinki, 1936. S. 50; Snore E. KurSu senlietu atradumi Riga // Senatne un maksia, Riga, 1936. N 3. 72-75 Lpp.
 54. Laakman H. Zur Geschichte Heinrichs von Lettland... S. 98.
 55. Мугуревич Э.С. Проблема вендов в период раннего феодализма в Латвии // Berichte uber den II Internationalen Kongress fur slawische Archaologie. Bd. II. Berlin, 1973. S. 291-299.
 56. Apals J. IzraKumi Cesu Riekstu kalna... 12-21 Lpp.
 57. Цауне А.В. Рига под Ригой. Рассказ археолога об исчезнувших постройках древней Риги. Рига, 1989. С. 35, 36; Он же. Возникновение Риги // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. М., 1992. С. 25.

-
58. Urtans V. Sena pilsota un ciems Latvijas teritorija agreja feodalisma // Zinatniskas askaites sesijas material! par arheologu un etnografu 1972. gada petijumu rezultatiem. Riga, 1973. 63-66 Lpp.

59. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. Рига, 1965.
60. Latvijas PSR arheologija. Riga, 1974. 194-201 Lpp.
61. Tonisson E. Die Gauja-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. - Anfang 13. Jhs.). Ein Beitrag zur ostbaltischen in der Eisenzeit. Tallinn, 1974. S. 38-96.
62. Latvijas PSR arheologija... 194-201 Lpp.; Финно-угры и балты... С. 27-29; Мугуревич Э., Зариня А., Тыниссон Э. Ливы // Финны в Европе VI-XV веков. Вып. 1. М.. 1990. С. 135-137.
63. Латвийские археологи допускают куршскую принадлежность этих курганов исключительно на том основании, что они расположены в историческом ареале куршей (Sitzungsberichte der Kurlandischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. 1864-1871. S. 306; Balodis F. Latviešu aizvesture // Latviešu. Rakstu krajums. Riga, 1930. 101 Lpp.; Snore E. Izrakumi Sabiles "Krievu kapos" // Vestures atzinās un telojumi. Riga, 1937. 372 Lpp.
64. Sturms E. Zur Vorgeschichte der Liven... S. 34- 39.
65. Мугуревич Э. Некоторые вопросы этнической истории Курземе в X-XIV вв. // Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Рига, 1970. С. 37-39.
66. Zukus V., Klimka L. Lietuvos pajuria zemes vi-duramziais. Vilnius, 1989. P. 44-56; Zukus V. Palanga als Kurischer Handelplatz an der ostseektlste in 9.-12. Jahrhundert // Vakaru, baitu, istorija ir Kultura. N I. Klaipeda, 1992. S. 46-65; Жулкус В.В. Особенности домостроительства Литовского Поморья в XI-XVII вв. // КСИА. Вып. 190. 1987. С. 31-38.

Волынцевская культура. Славяне на юго-востоке Русской равнины

В Днепровском левобережье до рубежа VII и VIII вв. существовали две основные культурные группы. Лесостепные земли принадлежали населению пеньковской культуры (сахновская стадия), более северные области (поречье Сейма и Подесенье) заселяли племена колочинской культуры (рис. 56). Около рубежа названных столетий эволюционное развитие этих культур было прервано, что обусловлено вторжением сравнительно большой массы нового населения. Миграция последнего затронула и небольшую часть пражско-корчакского ареала (в VIII в. здесь получила распространение культура типа Луки-Райковецкой) в правобережной части Киевского Поднепровья. По-видимому, пришлые племена ассимилировали местное население, которое восприняло культуру пришельцев, дополнив ее своими культурно-бытовыми элементами.

В результате в Днепровском лесостепном левобережье складывается новая археологическая культура, названная волынцевской (рис. 57) по комплексу памятников, исследованных около с. Волынцево Путивльского р-на Сумской обл. [1].

В своей массе волынцевские памятники представлены неукрепленными поселениями. По топографическим особенностям и общему облику они сходны со славянскими селищами предшествующего времени. Они устраивались на невысоких участках надпойменных террас и на всхолмлениях среди речных долин. На позднем этапе некоторые поселения располагались на относительно высоких точках местности. Преобладают селища сравнительно небольших размеров, но известны и крупные, площадью 6-7,5 га.

Для суждений о планировке и характере застройки данных немного. В качестве примера исследователи обычно приводят Волынцевское поселение, где раскопками на площади 4800 кв.м были изучены остатки 51 постройки жилого и хозяйственного назначения. Безусловно, что относятся они к нескольким строительным периодам. Тем не менее, можно говорить о расположении строений четырьмя компактными группами, внутри которых жилища размещались бессистемно (так называемая кучевая застройка).

Укрепления на волынцевских поселениях, по-видимому, не строились. Правда, отложения этой культуры имеются на Битицком и Опошнянском городищах, но

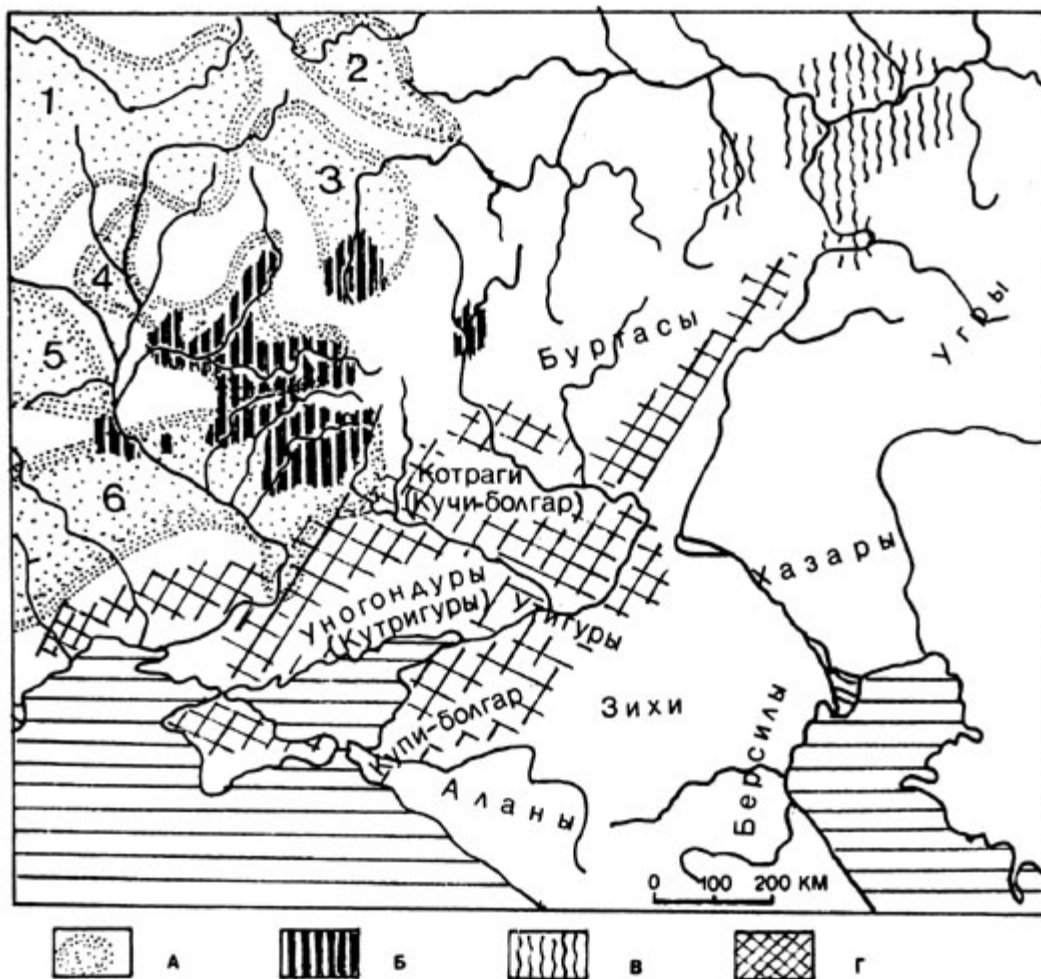

Рис. 56. Юго-Восточная Европа накануне становления волынцевской культуры:

а - ареалы археологических культур в Поднепровье накануне и в период становления волынцевской культуры (1 - тушемлинско-банцеровской; 2 - позднедьяковской; 3 - мощинской; 4 - колочинской; 5 - пражско-корчакской; 6 - пеньковской); *б* - распространение волынцевских древностей; *в* - ареал имениковской культуры; *г* - ареал болгарских племен и направление их миграции на среднюю Волгу

валы и рвы первого памятника, по всей вероятности, относятся к скифскому времени, а укрепления в Опошне связаны с роменским периодом.

Основным типом жилища волынцевской культуры были подквадратные или прямоугольные в плане полуземляночные постройки площадью от 12 до 25 кв.м. Подавляющее большинство их было опущено в грунт на глубину от 0,4 до 1,2 м. Изредка встречаются и более глубокие котлованы - 1,2-1,6 м. Возможно, это были уже землянки, завершающиеся непосредственно двускатными перекрытиями.

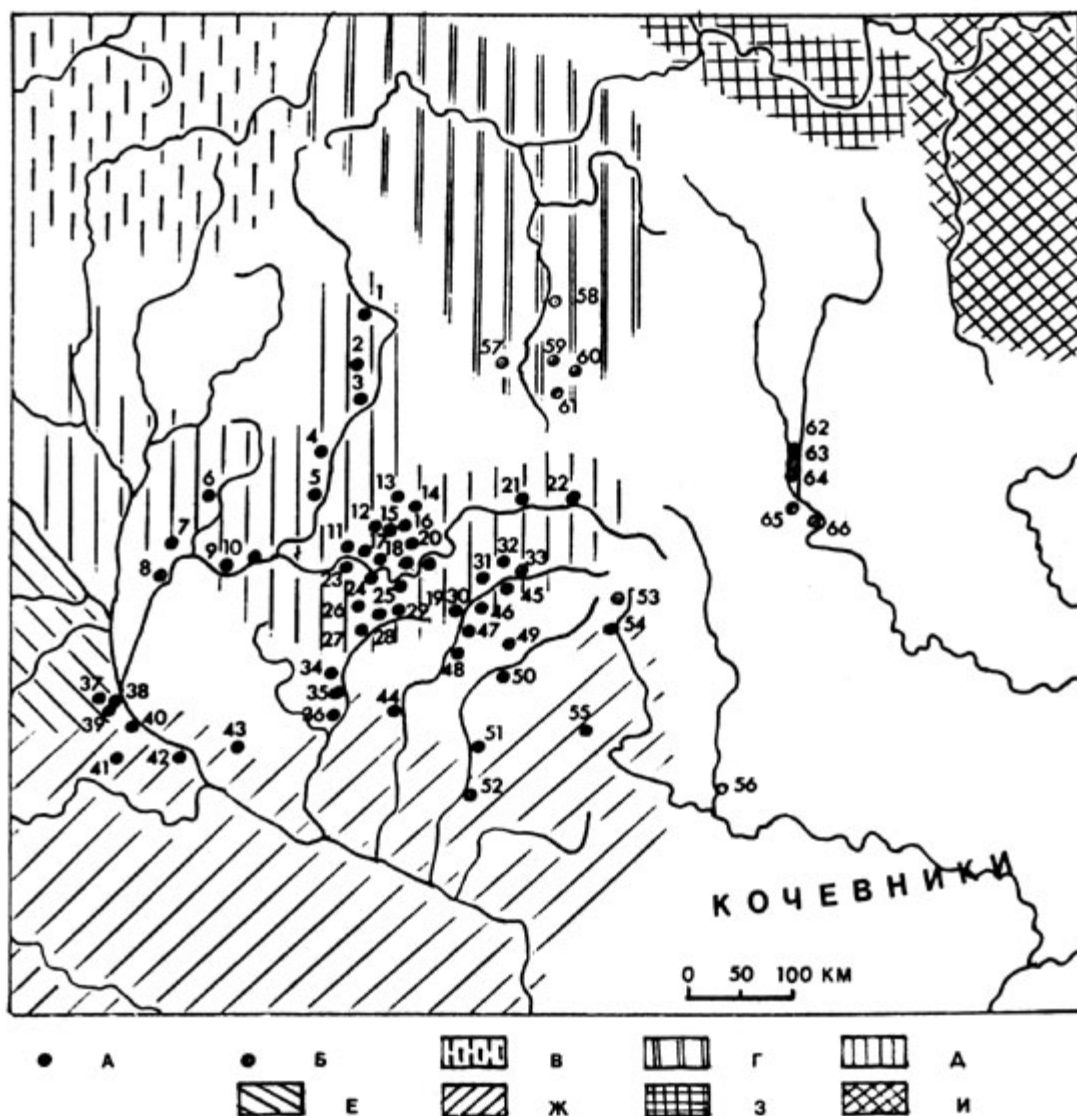

Рис. 57. Распространение памятников волынцевской культуры:

а - памятники волынцевской культуры; б - окские и донские памятники с волынцевскими материалами.

Ареалы культур: в - смоленско-полоцких длинных курганов; г - мощинской; д - колочинской; е - пражско-корчакской;

ж - пеньковской; з - рязанско-окских могильников; и - мордвы

1 - Голяжье; 2 - Посудичи; 3 - Макча; 4 - Целиков Бугор; 5 - Стрелица; 6 - Чулатово; 7 - Роище; 8 - Шестовицы (уроч. Коровень);

9 - Мена; 10 - Сосница; 11 - Ленинское (Спасское); 12 - Воргол; 13 - Глухов; 14 - Веселое; 15 - Кочерги; 16 - Руднево; 17 - Литвиновичи;

18 - Латышевка; 19 - Харивка; 20 - Волынцево (уроч. Стан); 21 - Авдеево; 22 - Лебяжье III; 23 - Нечаевка; 24 - Пески; 25 - Нижние Вирки; 26 - Беседовка; 27 - Раковая Сечь; 28 - Малые Будки; 29 - Дергачевка; 30 - Бровковое; 31 - Песчаное; 32 - Битица; 33 - Записилье;

34 - Пески (на Суле); 35 - Васильки; 36 - Хитцы; 37 - Киев-Детинка; 38 - Киев-Киселевка; 39 - Киев-Китаевка; 40 - Ходосовка; 41 - Обухов II; 42 - Монастырек; 43 - Стовпяги; 44 - Терновый;

45 - Великая Чернещина; 46 - Токари; 47 - Бишкань; 48 - Кудановка; 49 - Солдатское; 50 - Иванов; 51 - Вовки; 52 - Опошня; 53 - Дмитровское; 54 - Белгород; 55 - Занки; 56 - Жовтнево;

57 - Лебедка; 58 - Федяшево;

59 - Зайцево; 60 - Синюково; 61 - Воротынцево; 62 - Первый Белогорский могильник; 63 -

Второй Белогорский могильник; 64 - Лысая Гора; 65 - Боршево; 66 - Титчиха; 67 -

Попово-Лежачи

Большинство жилых построек имело стены каркасно-столбовой конструкции (с горизонтальной бревенчатой или плетневой облицовкой). Раскопками открыты и срубные постройки, но они в волынцевском домостроительстве составляют сравнительно небольшой процент и имелись далеко не на всех поселениях. Перекрытия жилищ были двускатными и поднимались над стенами на высоту около 1,2 м. На деревянную кровлю насыпали нетолстый слой земли, перемешанной с глиной. Для входа в жилище обычно в котловане делался коридорообразный ступенчатый вырез, в других случаях, очевидно, устраивались деревянные лестницы. Нередко в постройках имелись ямы-хранилища, вырезанные в полу и частично уходящие подбodem в стену. Кроме того, вне жилищ на поселениях исследованы хозяйственные строения, наземные или ямные [2].

Жилища отапливались преимущественно глиняными печами. Обычно они вырезались при сооружении построек в материковых останцах, а если грунт оказывался непригодным для этого, строились из специально принесенной и сбитой спондиловой глины. Кроме того, известны печи-подбоды, а на Битицком и Опошнянском поселениях выявлены и открытые очаги. Печи, как правило, находились в одном из углов жилища. Вместе с тем, встречены и единичные постройки со средним положением отопительных устройств.

Могильники волынцевской культуры не имеют каких-либо внешних признаков и содержат преимущественно урновые захоронения по обряду трупосожжения на стороне. Они совершались в поверхностных ямках и прикапывались дерновым слоем. Наиболее изученным в настоящее время является могильник у с. Волынцево, в котором исследовано 17 погребений. Кальцинированные кости, собранные с погребального костра и очищенные от золы и угля, с предметами личного убора умершего помещались в глиняные горшки-урны. Последние нередко сопровождались сосудами-сравницами. В захоронениях встречены стеклянные и пастовые бусы, бронзовые браслеты с утолщенными концами.

Одним из важнейших маркеров волынцевской культуры является специфическая керамика (рис. 58). Она представлена разнообразными, по форме горшками (60%), мисками (около 20%), сковородками (18%) и кружками. Около 80-90% керамического материала составляют сосуды, изготовленные без гончарного круга. Гончарная посуда выделяется высоким качеством и богатой орнаментацией [3].

Для волынцевских древностей весьма характерны гончарные лощеные сосуды с высоким прямым венчиком, выпуклыми плечиками и усеченноконическим низом, которые стали называться "горшками волынцевского типа". Их черная или темно-коричневая поверхность часто орнаментирована пролощенными и прочерченными вертикальными и перекрещивающимися линиями. Гончарная керамика не имеет прототипов среди местных материалов предшествующего времени и, видимо, связана с деятельностью пришедших групп населения. Центр производства

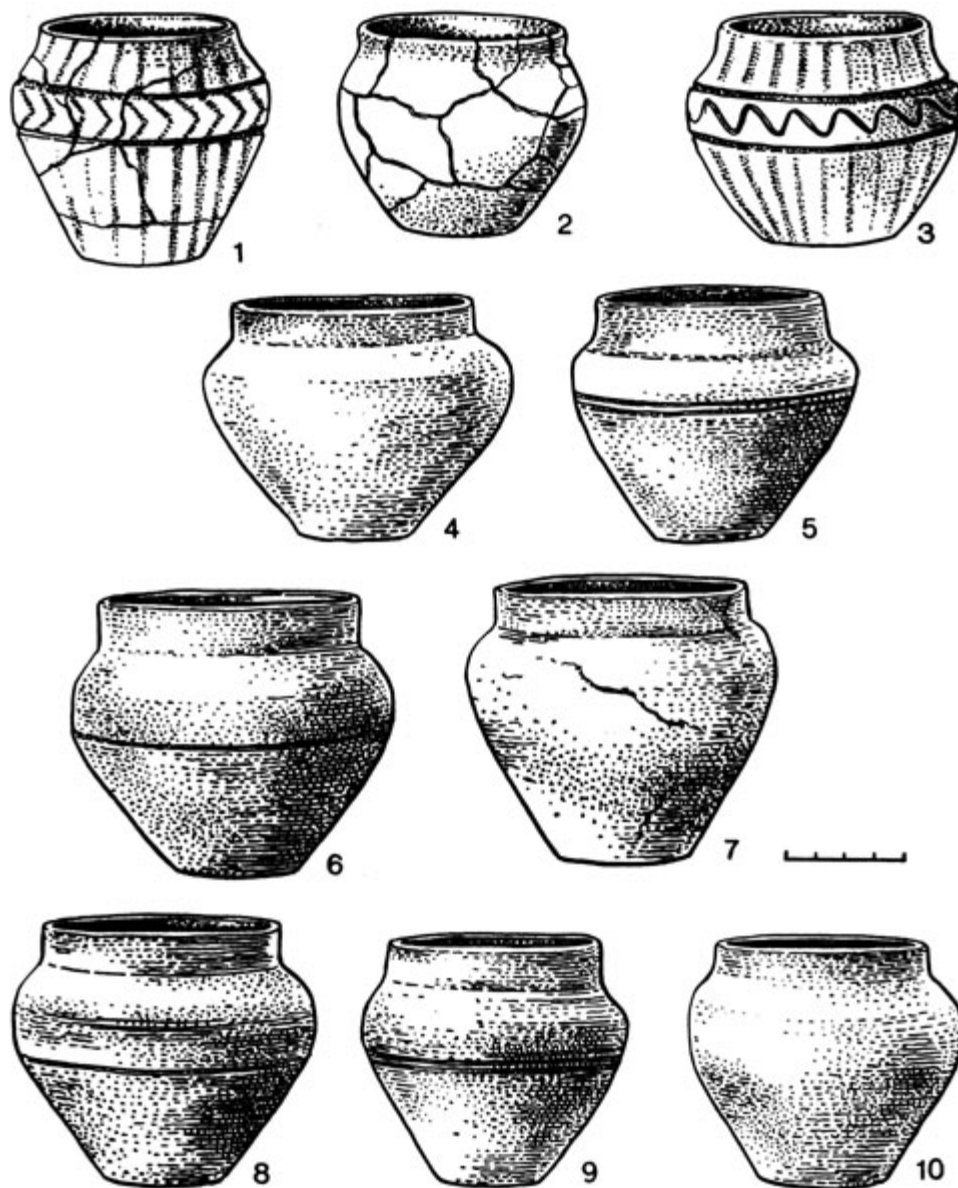

Рис. 58. Керамика волынцевской культуры:
1 - 3 - Битица; 4-10 - Волынцево

гончарной керамики, очевидно, находился где-то в ареале волынцевской культуры. Высказано предположение, что его следует локализовать в районе Полтавы, где еще Н.Е.Макаренко было зафиксировано гончарное производство этого времени в балке Таранов Яр близ с. Мачуха.

Вторую группу керамики образуют лепные сосуды тех же форм. Они делались из хорошо отмученной глины с примесью мелкого песка и имели заглаженную или подлощенную поверхность. К третьей группе волынцевской керамики принадлежат лепные сосуды грубой выделки, по облику и способам изготовления весьма близкие глиняной посуде роменской культуры. Они изготавливались из глины с примесью крупного шамота и имели шероховатую поверхность. Из подобной глины обычно делались и сковородки с высоким бортиком.

Наряду с горшкообразными сосудами нередкими находками на волынцевских поселениях являются открытые круглодонные миски-сырницы, среди которых есть и гончарные, и лепные.

Распространенной орнаментацией лепных сосудов волынцевской культуры являются пальцево-ногтевые вдавления по верхнему краю.

Особую группу керамики составляют амфоры - двуручные круглодонные сосуды так называемого салтовского типа, с характерным бороздчатым туловом, красно-оранжевой поверхностью, иногда со светлым ангобом. Такая посуда в VIII- IX вв. была широко распространена в Донском регионе и Крыму и поступала в волынцевский ареал, нужно полагать, как в результате торговых операций, так и этнокультурных контактов. Процент салтовской керамики в разных местах волынцевской территории весьма различен, в южных, пограничных с салтовским, регионах он довольно велик (на поселении Вовки - 21% от общего числа керамики).

Металлические предметы на волынцевских памятниках представлены орудиями труда (узко- и широколопастные наральники, серпы, косы, топоры), оружием и доспехом (наконечники копий и стрел, оковка щита, обрывки кольчуги), бытовыми предметами (ножи, бритва, пинцеты) и пряжками. Коллекция изделий из цветных металлов состоит преимущественно из украшений. Среди них имеются проволоочные височные кольца, браслеты с расплюснутыми концами, перстни, серебряные антропоморфные и иные бляшки, бубенчики. Наиболее яркий комплекс украшений представлен в упомянутом выше Харивском кладе, который находился в волынцевском сосуде и включал золотые и серебряные серьги, шейные гривны, антропоморфные фибулы, плоские подвески, серебряную цепь и детали поясного набора [4].

Костяные изделия представлены проколками, кочедыками и амулетами. Встречены также стеклянные бусы и многочисленные глиняные пряслица.

Топография поселений и весь облик материальной культуры отчетливо свидетельствуют о преимущественно земледельческом характере волынцевского населения. Среди находок на волынцевских памятниках имеются орудия обработки почвы и уборки урожая. Исследовались на многих поселениях зерновые ямы-хранилища. По материалам раскопок восстанавливается ассортимент растений, культивировавшихся населением волынцевской культуры, - просо, яровая и озимая пшеница, рожь, горох, полба, конопля. Костные материалы, собранные при исследовании поселений, говорят о том, что животноводство было второй важной отраслью хозяйства. На долю домашних животных приходится около 80% остеологической коллекции. Разводили преимущественно крупный рогатый скот. Дополнительными отраслями хозяйственной деятельности были охота, рыбная ловля и бортничество.

Имеется ряд свидетельств развития ремесленного производства среди волынцевского населения. Так, на Волынцевском поселении исследованы остатки

сыродутных горнов. Металлографическое изучение железных изделий из этого памятника выявило довольно высокий уровень кузнечного дела. В качестве сырья использовались кричное железо, широко применялись технологии цементации и вваривания стальных полос. Находки льячек и тиглей, а также инструментов для обработки цветных металлов указывают на наличие ювелирного ремесла.

Можно говорить и о развитии внешнеторговых связей волынцевского населения. Материальным свидетельством этого являются находки фрагментов амфорной тары, салтовских кувшинов с узким горлом и приземистым, расширяющимся ко дну корпусом, раковин каури и отдельных украшений из цветных металлов. Однако о деталях этого процесса судить пока невозможно.

В научной литературе первоначально обсуждались два основных мнения о сущности и датировке волынцевских древностей. Согласно Д.Т.Березовцу, они составляют особую, предшествовавшую роменской, славянскую культуру, датируемую VII-VIII вв. [4]. И.И.Ляпушкин полагал, что волынцевские древности синхронны роменским и, таким образом, относятся к VIII-X вв. [6].

В настоящее время существование волынцевской культуры (отдельной от роменской) уже не вызывает каких-либо возражений. По времени она предшествует роменской. О.В.Сухобоков обратил внимание на то, что в составе Харивского клада имеются пастовые бусы с очковым орнаментом, датируемые V-VII вв., и бронзовые трапецевидные привески того же времени. Исходя из этого, исследователь считал возможным датировать памятники волынцевского типа VII-VIII вв. [7].

В последние десятилетия ранние горизонты волынцевской культуры были объектами специального анализа С.П.Юренко и О.А.Щегловой. Согласно изысканиям С.П.Юренко [8], наиболее раннему периоду развития рассматриваемых древностей свойственно сочетание округлобоких сосудов с горшками ребристых форм. Время вещевых находок, сопровождающих эту керамику, определяется VII в. В этой связи исследовательница склонна датировать ранний горизонт волынцевской культуры концом VI - началом VII в. Своеобразный набор глиняной посуды выделяет средний этап волынцевской культуры. Многочисленные украшения, сопровождающие эту керамику, позволили С.П.Юренко определить время этого периода VII в. и рубежом VII и VIII столетий. Поздний горизонт волынцевской культуры характеризуется также специфическим комплексом керамики, украшениями и другими находками, которые датируют его VIII в.

О.А.Щеглова, обстоятельно проанализировав материалы раскопок поселений Волынцево, Ходосовка и Вовки, показала, что наиболее ранние культурные напластования рассматриваемой культуры характеризуются сочетанием лепной посуды волынцевского облика с керамикой, которая была распространена в третьей четверти I тыс. н.э. в том же регионе. При этом на поселениях Вовки и Ходосовка местными формами оказываются округлобокие и биконические горшки, прямые аналогии которым находятся в материалах позднего этапа пеньковской культуры, а в Волынцеве - цилиндрико-конические и тюльпановидные сосуды, сопоставимые с колочинскими древностями [9].

Близость отдельных форм лепной керамики наиболее ранних волынцевских комплексов характерным формам посуды пеньковской культуры отмечалась ранее Е.А.Горюновым. В.А.Петрашенко устанавливает несомненное участие пеньковских древностей (на сахновской стадии) в генезисе волынцевской культуры на материалах правобережной части Среднего Поднепровья. Исследовательница полагает, что "сахновские и волынцевские древности Правобережья можно рассматривать как один культурно-хронологический тип", не исключая при этом миграцию в этот регион носителей волынцевской

культуры [10]. О наличии в керамической коллекции поселения у с. Волынцево сосудов колочинских типов писал еще Д.Т.Березовец [11].

В итоге материалы ранних горизонтов напластований поселений волынцевской культуры дают все основания утверждать, что в ее становлении самое активное участие приняло местное население Днепровского левобережного региона, представленное пеньковскими древностями (на сахновском этапе) в южной части и колочинскими в северной. Впрочем, вероятно, накануне становления волынцевской культуры имело место некоторое перемещение носителей пеньковского населения в северном направлении. Этот процесс отражает появление памятников с пеньковской керамикой в Подесенье, на Сейме и верхнем Пеле. В этой связи можно полагать, что основу субстратного населения носителей волынцевских древностей составили потомки антов - племена пеньковской культуры. На селищах Вовки, Беседовка, Хитцы, Роище, Ходосовка, Обухов 2 в керамических комплексах волынцевской культуры выявляются достоверно пеньковские формы. В свою очередь, на некоторых пеньковских поселениях (Крещатик) представлены типичные для волынцевских древностей горшки с вертикальными венчиками. Все это, безусловно, свидетельствует не только о контактах пришлого населения с пеньковским, но и о метисации переселенцев с аборигенами. Постепенно пеньковские традиции стираются, волынцевская керамика становится доминирующей. Исключительно мирные взаимоотношения между пришлым и пеньковским населением и скорая аккультурация аборигенов допускают мысль о возможной принадлежности этих групп племен к

единой этноязыковой общности.

Вопрос о пришлом этническом компоненте, нарушившем спокойную эволюцию пеньковских и колочинских древностей в Днепровском левобережье, в настоящее время, кажется, близок к разрешению.

В научной литературе высказаны различные мнения об этом и об этнической принадлежности населения волынцевской культуры. Д.Т.Березовец определял его как безусловно славянское [12]. И.И.Ляпушкин первоначально полагал, что это было особое славянское племя, вошедшее в состав северян, а в более поздних работах, отмечая этническую неоднородность его, воздерживался от конкретных решений [13].

Некоторые формы волынцевской керамики обнаруживают сходство со столовой посудой салтовской культуры, имеющей также преимущественно черную или темно-коричневую поверхность и лощение в виде вертикальных или перекрещивающихся полос. В этой связи М.И.Артамонов относил волынцевские древности к болгарскому племени кутригуров, будто бы ассимилированному славянами [14]. Однако в целом волынцевская керамика существенно отличается от салтовской, поэтому с гипотезой М.И.Артамонова согласиться невозможно. Высказывалась также мысль о принадлежности волынцевских древностей славянизированному местному населению, ираноязычному или родственному алано-болгарам салтовской культуры [15]. Ныне все эти положения и догадки имеют чисто историографический интерес.

Собранные к настоящему времени материалы по именинской культуре Среднего Поволжья дают все основания утверждать, что ее формирование происходило в результате миграций населения сначала из пшеворской среды Волыни и Поднепровья, а затем в условиях гуннского нашествия из черняховского ареала. В результате на рубеже IV и V вв. в землях Среднего Поволжья образовался крупный массив славянского населения [16].

Исследователи давно обратили внимание на близость керамики и могильников именинской и волынцевской культур. Сопоставление обрядности и глиняной посуды Рождественского могильника, принадлежащего к именинской культуре, с материалами Волынцевских

могильника и поселения, произведенное А.П.Смирновым, стало основанием для предположения о родственности населения Волго-Камья и Среднего Поднепровья [17]. О.А.Щеглова, анализируя волынцевские древности, отмечала, что поиски прототипа характерного для них горшка с вертикальным высоким венчиком "уводят в именинскую культуру VII в." [18].

Специальное сравнительное сопоставление волынцевских и именинских древностей выявляет идентичность почти во всех деталях. Волынцевская глиняная посуда, не продолжавшая местные традиции, по своим формам и фактуре теста вполне может быть выведена из именинской.

Основная масса глиняной посуды именинской культуры изготавливалась ручным способом без помощи гончарного круга, но есть немало и круговой керамики. Выделяются две основные группы. Первую составляют сосуды с неровной, бугристой поверхностью, иногда со следами сглаживания. В глиняном тесте присутствует крупный шамот с песком. Вторую группу образуют сосуды с аккуратно обработанной поверхностью, нередко лощеной. Тесто содержит мелкие кусочки шамота с песком. Как видно, характеристика волынцевской керамики во многом близка именинской.

Распространенные в волынцевском ареале горшки с цилиндрическим венчиком и высокими плечиками являются характернейшей формой именинской керамики. Миски волынцевских памятников также сопоставимы с именинскими. Для тех и других древностей свойственны однотипные сковородки. Единственным орнаментом волынцевской лепной посуды, как и

волынцевской, были пальцевые вдавления по венчику.

По своим характеристикам именьковские и волынцевские поселения во многом одинаковы. Жилища именьковского населения - преимущественно опущенные в грунт прямоугольные в плане строения столбовой или каркасно-столбовой конструкции. Открыты и постройки со срубными стенами, но они, так же как на волынцевских поселениях, сравнительно малочисленны. Отапливались именьковские жилища глиняными печами и очагами. Правда, если в волынцевской культуре преобладали печи, то на именьковских поселениях господствовали очаги. Для поселений обеих культур характерны ямы-кладовки, причем и на средней Волге, и в Днепровском левобережье многие из них имели однотипное строение. Они имели колоколовидную или цилиндрическую форму, обмазывались глиной и иногда обжигались [19].

Однотипными являются и погребальные памятники именьковской и волынцевской культур. Грунтовые могильники в обоих ареалах включают захоронения по обряду трупосожжения на стороне. Очищенные от золы и углей погребального костра кальцинированные кости помещались в неглубокие ямы и сопровождалась несколькими глиняными сосудами-стравницами. Единственным отличием является то, что именьковские захоронения преимущественно безурновые, а в волынцевских некрополях господствуют урновые трупосожжения. Безурновые погребения, идентичные именьковским, пока открыты только в одном (Сосницком) из трех ныне известных волынцевских могильников.

Наконец, нельзя не указать на полную однородность экономики именьковского и волынцевского населения. Именьковская культура характеризуется тем же земледельческим укладом, что и волынцевская, те же орудия сельскохозяйственного труда, такие же ямы-хранилища, одинаковы культивируемые растения, тождественны доли животноводства и охоты, однороден видовой состав домашних животных.

Таким образом, совокупность данных дает все основания предполагать близкое родство населения волынцевской и именьковской культур, говорить о взаимосвязи между ними. Как известно, около рубежа VII и VIII столетий основная

масса именьковских поселений и могильников прекращает свое существование. Поселения, как показывают раскопки, не были разгромлены или сожжены. Их материалы свидетельствуют, что большая часть именьковского населения в силу каких-то причин покинула земли Среднего Поволжья и переселилась на другую территорию.

Именно в это время в левобережных районах Среднего Поднепровья расселяется крупный массив нового населения со своей вполне сложившейся, весьма близкой к именьковской, культурой - волынцевской. Эти события не могут быть не взаимосвязанными. Пришлым населением Днепровского левобережья, очевидно, было именьковское, которое в силу каких-то обстоятельств вынуждено было оставить свои прежние места проживания.

Общий ареал именьковской культуры охватывал средневожские земли от нижней Камы на севере до Самарской луки на юге и от среднего течения Суры на западе до реки Ик на востоке. К настоящему времени здесь выявлено свыше 600 именьковских поселений и могильников. И большинство их прекращает функционирование около рубежа VII и VIII вв. На вопрос, что же заставило именьковское население оставить эти довольно плодородные земли, ответить нетрудно - нашествие кочевых орд.

В середине VII в. в степях Приазовья образовалась сильная конфедерация - Великая Болгария, в состав которой вошли несколько больших племенных болгаро-тюркских групп. После смерти ее правителя Кубрата племенное объединение распалось, и отдельные группы племен стали расселяться в разных направлениях. По-видимому, в конце VII в. первые кочевые орды болгар появились в Среднем Поволжье. П.И.Шафарик полагал, что на среднюю Волгу пришли болгары Батбая, остатки

которых под именем черных (или внутренних) болгар упоминаются в трудах византийских историков на Кубани [20]. В.Ф.Генинг и А.Х.Халиков считали, что предки волжских болгар кочевали где-то в северо-восточной части Великой Болгарии, и их миграция в Среднее Поволжье после распада этого племенного объединения осталась незамеченной византийскими авторами [21]. Видимо, с появлением этих воинственных орд тюркоязычных кочевников и связано запустение именьковских поселений.

Правда, миграция болгарских племен в Средневолжский регион на рубеже VII и VIII столетий пока не находит отражения в археологических материалах. Однако это не может быть основанием для ее отрицания. Можно привести множество примеров, когда древности достоверно известных по историческим источникам кочевых племен в силу различных причин не обнаруживаются археологами. Пока появление в это время какой-то группы кочевых племен археологически устанавливается только для Самарского Поволжья (памятники типа Новинки).

Первые погребальные памятники болгар в Среднем Поволжье датируются серединой или концом VIII в. и, видимо, связаны с новой волной переселения, когда в результате арабо-хазарских войн группа болгар вынуждена была выйти из состава Хазарского каганата. Древности этих болгар, известные по материалам Кайбельского, Первого Большетарханского и других могильников, имеют уже салтовский культурный облик [22].

Есть некоторые основания полагать, что далеко не все именьковское население покинуло средневолжские земли при расселении кочевых орд болгар-тюрков. Исследователь именьковских древностей П.Н.Старостин полагает, что значительные группы этого населения остались в Волго-Камском регионе, были постепенно ассимилированы болгарами и влились в состав жителей Волжской Болгарии [23]. Исследователь обращает внимание на то, что керамика болгарского времени на поселениях бассейна Малого Черемшана по формам, примесям и фактуре теста близка именьковской. По всей

вероятности, в условиях нашествия воинственных кочевых орд отдельные группы именьковского населения ушли в глухие местности Среднего Поволжья, в частности, в регион Черемшана, а когда жизнь в этих землях стабилизировалась, возвратились на места своего прежнего проживания. П.Н.Старостин отмечает, что на многих именьковских поселениях имеются отложения волжскоболгарской культуры, не отделенные от именьковских стерильными прослойками. Существенно и то, что территория Волжской Болгарии почти полностью совпадает с ареалом именьковской культуры.

О наличии славянского этнического компонента в составе населения Среднего Поволжья в послеименьковское время писал А.П.Смирнов. Исследователь отмечал, что славянская лепная и гончарная керамика встречена на ряде поселений этого региона (Белымерское, Хулаш, Кайбельское, Малопальцевское и др.), а на селище Криуши в слоях IX-XI вв. открыты полуземляночные жилища славянского облика [24]. На этом поселении нередки и горшки с высокой цилиндрической горловиной, столь характерные для именьковской культуры. А.П.Смирнов и Н.В.Тухтина сопоставляли их с волынцевскими сосудами [25].

Исследователь глиняной посуды памятников Волжской Болгарии Т.А.Хлебникова выделяет группу керамики с примесями шамота в тесте и полагает, что в ней могут выявиться традиции керамического производства именьковского населения. Однако связь горшкообразных сосудов с более или менее высоким цилиндрическим горлом и с полосным лощением, найденных на Криушкинском селище, Суварском, Танкеевском и Муромском городищах, а также в Болгарах и ряде памятников Нижнего Прикамья, с именьковской культурой ею отрицается [26].

Как известно из письменных источников, правитель Волжской Болгарии хан Алмуш (Алмас), пытаясь освободиться из-под власти и зависимости Хазарского каганата, в 921 г. обратился к багдадскому халифу с просьбой прислать миссию для официального принятия ислама. Арабский

писатель Ибн-Фадлан, посетивший в следующем году в составе посольства Муктадира Волжскую Болгарию, отметил многоплеменной состав населения этого раннегосударственного образования. Наряду с ханом Алмушем, происходящим из племени болгар, но называемым царем "сакалиба", упоминаются еще царь племени эскель, народ сиван во главе с князем Виригом и баранджары. Примечательно, что все они объединяются под общим названием не болгар, а "сакалиба". Волжская Болгария именуется Ибн-Фадланом страной Сакалиба [27].

Термин *сакалиба* (ас-сакалиба) в арабских исторических сочинениях означает "славяне". Этим этнонимом называют славян все арабские историки и географы раннего средневековья [28]. Его происхождение в средневековом арабopersидском мире связывается исследователями с греко-латинским названием славян - *sclavi* [29].

До установления этноса носителей имениковской культуры трудно было предполагать проживание славянского населения на средней Волге в середине и второй половине I тыс. н.э. Теперь исторические свидетельства о наличии в составе населения Волжской Болгарии X в. славян подкрепляются археологическими материалами.

В восточных источниках IX-X вв. неоднократно называется гидроним Славянская река. Одни исследователи отождествляют ее с Доном (И.Маркварт, В.Ф.Минорский и другие), другие - с Волгой (Т.Левицкий, А.З.Валиди Тоган, Б.А.Рыбаков, и другие). А.П.Новосельцев писал, что в решении этого вопроса существенны данные археологии: славян на Волге в VIII в. не было, а на верхнем Дону (или на Донце) они были [30]. Теперь, после открытия поселений раннесредневековых славян на Волге, можно считать, что Славянской рекой именовалась Волга не только в XI в., когда об этом достаточно

определенно свидетельствует ал-Бируни, но и в источниках последних веков I тысячелетия н.э.

В связи с вопросом о миграции славян - носителей имениковской культуры в Днепровское лесостепное левобережье нельзя не коснуться вопроса о восточнославянском этнониме и топониме *Север* или *Севера*.

В Повести временных лет обычно употребляется термин "северь", "севере". Лишь дважды - под 884 и 885 гг. - встречается написание "северяне, северены" и под 1024 г. - "северянинь" [31]. А.А.Шахматов в реконструкции Повести временных лет счел необходимым под 884 и 885 гг. исправить названные термины на основное - "северь" [32].

В русском летописании XVI-XVII вв. и украинских источниках XVII в. для обозначения обширной территории, прилегающей к Десне и Сейму, применяется термин "Севера" или "Северь" (равнозначно Северской земле). На картах России XVI-XVII вв. эта область обозначаются как "Severia" [33].

Объяснение этнонима *север* по созвучию со стороной света, хотя и распространено в литературе, неубедительно. Наиболее авторитетным представляется иранский источник этого термина (**seu*, **sew* - "черный"). В.В.Иванов и В.Н.Топоров полагают, что рассматриваемый этноним мог быть связан с индо-иранским *savya-*, имеющим различные пространственные значения [34].

Географически историческая земля Севера соответствует основному ареалу волынцевской культуры; носители последней, очевидно, и назывались этим этнонимом. Последний, по всей вероятности, восходит еще к позднему римскому времени, когда в Севернопричерноморских землях имел место славяно-иранский симбиоз, и название одного из иранских племен перешло в славянскую этнонимику. Перемещался ли этот этноним вместе с миграцией группы населения из ареала провинциально-римской культуры на среднюю Волгу и обратно в Днепровское лесостепное левобережье, или же он сохранялся в антской среде, сказать невозможно. Более вероятным представляется мысль о том, что этноним *север* был принесен в Поднепровье из региона

именьковской культуры, среди носителей которой, по всей вероятности, еще сохранялись островки иранского населения. В пользу этого, может быть, говорит значительное число иранских гидронимов в ареале волынцевской культуры.

Основной территорией волынцевской культуры является Подесенье с бассейном Сейма и верхние течения Сулы, Псела и Ворсклы, где выявлено наибольшее количество этих древностей. Крайние западные волынцевские поселения известны и на правом берегу Днепра в округе Киева [35]. На юго-востоке ареал этой культуры охватывает часть бассейна Северского Донца [36]. Здесь вплотную соприкасались территории волынцевской и салтовской культур. Между племенами-носителями этих древностей устанавливаются довольно активные контакты. Большое количество салтовских вещей распространяется по волынцевскому ареалу [37]. В то же время на ряде памятников салтовской культуры (Дмитровское, Жовтнево, Саркел) встречена волынцевская керамика. Последняя, по всей вероятности, отражает наличие сравнительно небольших групп волынцевского населения в салтовском ареале.

Из Подесенья волынцевское население проникло в Верхнеокский регион. Памятников исключительно с отложениями волынцевской культуры здесь, правда, нет, но характерная глиняная посуда встречена на ряде поселений этого региона. Т.Н.Никольская при систематизации верхнеокской лепной посуды VIII-X вв. выделила группу лепных горшков (с прямым, вертикальным горлом и выпуклыми плечиками), которые не имеют местных корней и по своей форме тождественны характерным сосудам волынцевской культуры. Такая керамика зафиксирована на поселениях Воротынцево на Зуше, Синюково,

Зайцеве и Федяшево. Горшки вольжцевского облика с заглаженной поверхностью встречены также в курганах с трупосожжениями в Лебедке. Еще один волынцевский сосуд происходит из кургана в Воротынцеве. Отмечается также, что форма некоторых горшков из Западного могильника очень напоминает волынцевские сосуды [38].

Эти материалы, очевидно, отражают инфильтрацию волынцевского населения в среду верхнеокского. Переселенцы не создавали новых поселений, а селились на уже существующих среди местного населения частично славянского, осевшего здесь ранее, частично мощинского, испытавшего воздействие очень близких к славянам зарубинецких (западнобалтских) переселенцев.

Имеются вполне определенные данные и о проникновении волынцевского населения в область воронежского течения Дона. Согласно изысканиям А.З.Винникова, горшки волынцевского типа составляют часть керамического материала трех могильников этого региона - Первого и Второго Белогорских на р. Воронеж и Лысогорского близ г. Воронежа. С волынцевскими переселенцами на средний Дон связываются две группы керамики. Первую составляют характерные волынцевские гончарные горшки с пролощенным орнаментом, вторую - горшки, по форме весьма близкие к типично волынцевским, но имеющие некачественное лощение. По мнению А.З.Винникова, последняя посуда изготавливалась на месте как подражание волынцевской керамике. На поселении Титчиха, расположенном ниже Воронежа на правом берегу Дона, собственно волынцевской керамики нет, но имеется немало горшков, очень близких по форме к распространенным в волынцевских древностях [39].

И.В.Зиньковская, проанализировав материалы Второго Белогорского могильника, отметила, что среди керамики этого памятника отчетливо выделяются горшки с высоким, почти вертикальным горлом, полностью сопоставимые с характерными волынцевскими. Это - несомненное свидетельство переселения в VIII в. на р. Воронеж какой-то группы носителей волынцевских древностей. Представляет интерес и керамическая серия этого памятника, представленная лепными округлобокими горшками с примесью шамота в тесте. Она сопоставляется исследовательницей с позднepenьковской глиняной посудой Сухогомольшанского могильника VIII-X вв. Отсюда делается

предположительный вывод об некотором участии пеньковского населения в генезисе славян Среднего Подонья [40]. Очевидно, миграция эта исходила из волынцевского региона в VIII в., когда местное пеньковское население еще не полностью растворилось в волынцевской среде.

Носители волынцевских древностей, по всей вероятности, стали этнической основой той диалектной группы восточного славянства, которая ныне представлена южнорусской диалектной общностью.

В левобережной части Днепровского лесостепного левобережья на основе волынцевских древностей получает развитие роменская культура (рис. 59) [41]. Лепная керамика волынцевских памятников всесторонне сопоставлялась с глиняной посудой роменской культуры С.П.Юренко и А.А.Узяновым. В результате была установлена преемственность традиций изготовления посуды населения, оставившего волынцевские памятники, и достоверно славянского [42]. О.А.Щеглова, характеризуя волынцевские древности, выделяет поздний этап их эволюции, в котором волынцевская гончарная посуда замещается лепными подражаниями ей и получают распространение сосуды с типично роменским орнаментом. Жилища с таким составом керамики принадлежат к заключительному этапу развития волынцевской культуры, вплотную смыкающемуся с раннероменским периодом [43]. Форма характерного волынцевского горшка (с цилиндрическим горлом и высокими плечиками) приживается в Днепровском левобережье, становится весьма распространенной

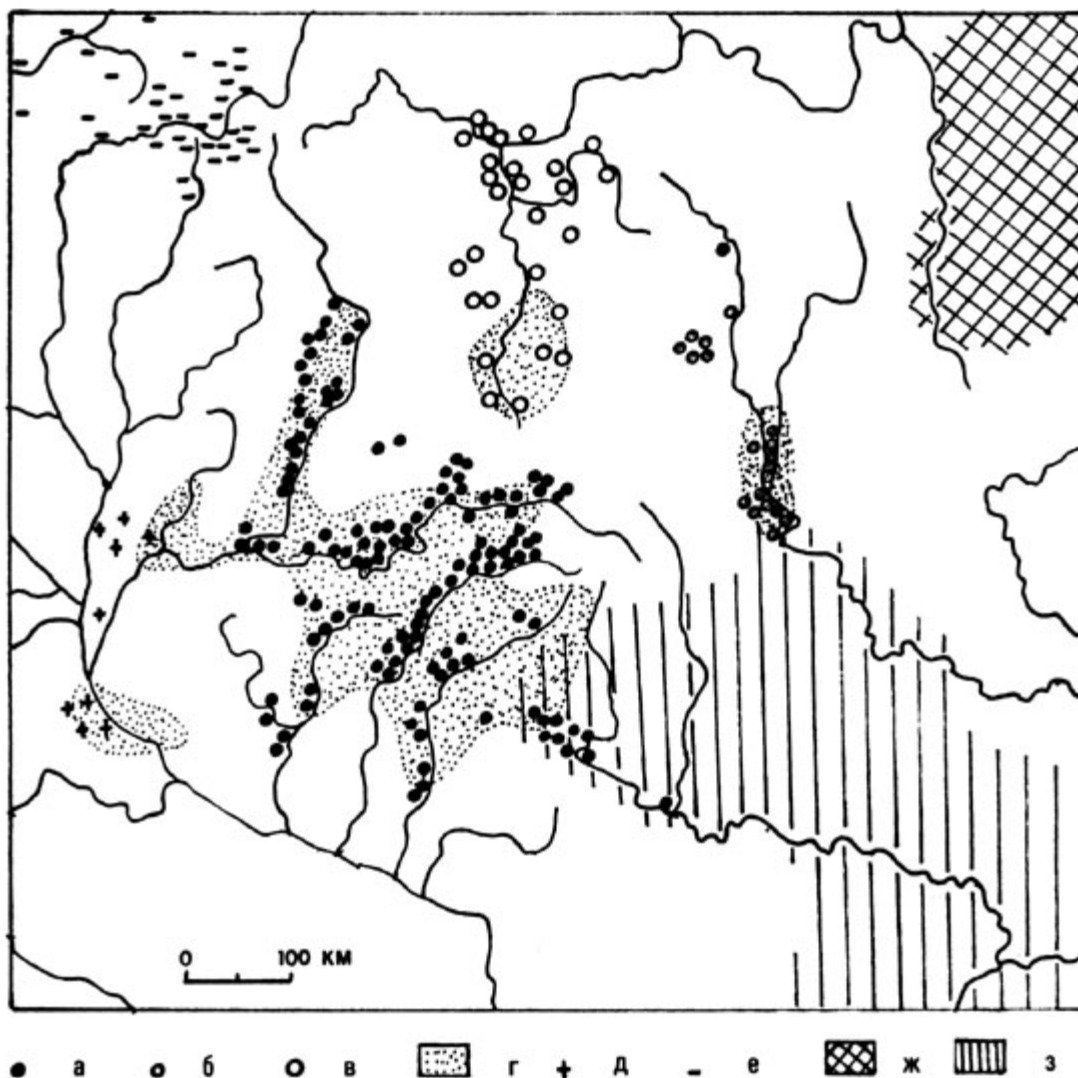

Рис. 59. Распространение памятников роменской и боршевской культур и однородных древностей на верхней Оке:

а - памятники роменской культуры; *б* - боршевской культуры; *в* - Верхнего Поочья; *д* - ареалы волынцевских древностей; *е* - могильники с длинными курганами смоленско-полоцкого типа; *ж* - ареал мордвы; *з* - ареал салтовской культуры

на памятниках роменской культуры и существует вплоть до XI в., когда лепную посуду окончательно вытеснила гончарная керамика.

Сравнительное сопоставление волынцевских и роменских древностей приводит к мысли об их культурной и генетической близости во всех основных элементах, и это отчетливо проявляется в дальнейшем развитии роменской культуры.

В этой связи О.В.Сухобоков считает возможным рассматривать волынцевскую и роменскую культуры как единую - волынцевско-роменскую, предлагая именовать ее северянской. Эта культура представляла собой археологическое выражение материальной культуры славянского населения Днепровского левобережья [44]. Переход от одной культуры в другую был постепенным и, по-видимому, протекал в разных регионах неравномерно. Наиболее поздние волынцевские древности датируются началом IX в., а наиболее ранние роменские - концом VIII в.

В археологической литературе распространено мнение, согласно которому при формировании

роменской культуры в земли Днепровского лесостепного левобережья имел место значительный приток славянского населения с территории луки-райковецкой культуры. И.И.Ляпушкин в результате сопоставления роменских и луки-райковецких древностей пришел к заключению, что "славяне проникли в область Левобережья около VIII в. из западных (правобережных) районов. Откуда конкретно и какими путями шло это проникновение, сказать сейчас трудно" [45]. Несмотря на то, что многое из построек И.И.Ляпушкина по истории славянского населения Днепровского левобережья не нашло подтверждения в дальнейших раскопках, все же следует допустить, что инфильтрация славянского населения с запада действительно имела место. Иначе невозможно объяснить распространение в роменском ареале новой погребальной обрядности. На смену захоронениям в грунтовых могильниках в IX-X вв. постепенно распространяется курганный обряд.

Однако приток новых групп славянского населения в Днепровское лесостепное левобережье не имел большого значения в формировании роменской культуры. Местное славянское население, представленное волынцевскими древностями, было более значительным и более активным в становлении новой культуры.

Среди роменских поселений, наряду с селищами, идентичными волынцевским, довольно много городищ. Устраивались они или на мысах коренных берегов рек, или в болотистых долинах рек и, таким образом, получали хорошую естественную защиту. Часть таких поселений имела еще и искусственные оборонительные сооружения - валы и рвы. К городищам с напольной стороны обычно примыкали неукрепленные селения, по площади значительно более крупные (1-1,5 га). В деснинской части территории роменской культуры неукрепленные селения часто располагались независимо от городищ и характеризуются несколько большими размерами. Здесь городищ вообще гораздо меньше. Такое различие между регионами роменского ареала обусловлено ситуацией того времени. На юге и юго-востоке носители роменской культуры соседствовали с племенами, враждовавшими со славянами. Здесь начиналась экспансия Хазарского государства на славянские земли. Постоянная опасность нападения потребовала сооружения множества укрепленных поселений.

Жилища роменской культуры - полуземлянки того же типа, что и волынцевские. Размеры их невелики - 2,5-4 x 3-5 м, углублены они в грунт на 0,5-1,2 м. Глиняные печи, вырезанные из материка или вылепленные из приносного материала, занимали один их углов (обычно - задний от входа). На поселениях, расположенных на песчаных почвах, иногда встречаются печи, сложенные из кусков болотной железной руды. Конструкция стен преимущественно столбовая. Почти на всех исследованных поселениях выявлены остатки хозяйственных ям.

На основе материалов раскопок Новотроицкого городища его исследователь И.И.Ляпушкин реконструировал внешний облик одного из поселений [46]. Жилые и хозяйственные постройки размещались без какой-либо системы. На площади около 140 x 20-60 м одновременно стояло около четырех десятков домов. Жилища располагались кучно, промежутки

между ними занимали хозяйственные постройки - погреба, кладовки и т.п. Никаких дворов или усадеб вокруг жилищ не было.

Большая часть керамики роменских поселений изготовлена без гончарного круга. Формы сосудов - горшки, миски, сковородки. Среди горшков распространенными были высокие с усеченноконическим низом, выпуклыми плечиками и отогнутым наружу венчиком и более низкие, также с выпуклыми плечиками, но с вертикальным цилиндрическим верхом. Специфической особенностью роменской лепной керамики является орнаментация - зигзагообразные и иные узоры, нанесенные по плечикам сосудов штампом из перевитой веревочки.

Основой хозяйства населения роменской культуры оставалось пашенное земледелие. На поселениях найдены железные наральники двух типов - широколопастные и иного типа, которые обычно использовались на старопахотных землях. Мотыгами и мотыжками возделывались приусадебные участки на селищах. Железные серпы имели совершенную форму, приближаясь к

орудиям уборки урожая времени расцвета Древней Руси.

Анализ костных остатков, полученных при раскопках поселений, показывает, что повсюду преобладали кости домашних животных, среди которых первое место принадлежит крупному рогатому скоту, затем свинье и мелкому рогатому скоту. Животноводство существенно дополняло земледелие, составляя вместе основу экономики.

Повсеместное распространение железных орудий труда, предметов вооружения и быта, находки шлаков, остатков горнов и сопел определенно свидетельствуют об активном развитии железоделательного и железообрабатывающего ремесел. Технологическое изучение продукции кузнецов роменской культуры указывает на поступательное развитие железообработки. Около половины исследованных изделий было отковано из кричного железа и мягкой сырцово-стали. Другая половина выполнена с применением средне- и высокоуглеродистой стали (цельносталевые изделия или сваренные из железа и стали и термообработанные, изредка - инструменты с наварными стальными лезвиями).

Следы обработки цветных металлов изучались при раскопках Новотроицкого городища, а орудия этого ремесла (ляжки, тигли и литейные формочки) засвидетельствованы на целом ряде поселений. При раскопках роменских памятников собрана значительная коллекция бронзовых и серебряных изделий. В ее составе имеются пяти- и семилучевые височные кольца, в том числе украшенные зернью, проволочные перстнеобразные колечки, шейные гривны, пластинчатые браслеты, перстни, привески и т.п.

Исследованиями установлено также развитие деревообрабатывающего ремесла, а многочисленные находки из кости и рога указывают и на значительную роль косторезного производства.

В IX-X вв. на территории роменской культуры господствовал обряд трупосожжения. Кремация умерших совершалась почти всегда на стороне, а кальцинированные кости, собранные с погребального костра, в глиняной урне или без нее помещались, как правило, в верхней части курганный насыпи. Изредка встречаются и курганы с захоронениями на горизонте. В качестве урн использовались лепные горшки роменских типов, а на поздней стадии и гончарные сосуды. По-видимому, украшения и вещи, сопровождавшие умерших, сгорали на погребальных кострах. Поэтому абсолютное большинство курганных захоронений лишено вещевых находок. Лишь изредка с сожженными костями обнаруживаются бронзовые и стеклянные сплавленные предметы (перстнеобразные височные кольца, проволочные перстни, поясные пряжки, бусы из синего, зеленого и желтого стекла).

К последней четверти X в. принадлежат первые трупоположения, совершенные в таких же курганах, как и трупосожжения.

В следующих столетиях обряд ингумации становится доминирующим и окончательно вытесняет прежний ритуал. Для роменской территории характерны курганные трупоположения на горизонте. Курганы с захоронениями в могильных ямах встречены в основном в западных районах, пограничных с территорией полян. Курганы с трупоположениями относятся уже к послероменскому времени.

Роменская культура постепенно трансформировалась в древнерусскую. Ее ареал охватывает верхнее и среднее течение Ворсклы, Псела и Сулы, целиком бассейн Сейма, а также поречье Десны от устья Сейма до Снопоти. Отдельные роменские поселения известны и на р. Ипуть. На юго-востоке ее территория, по-видимому, захватывает окраины бассейна Северского Донца. Северо-восточная и восточная граница роменской культуры проходит по водоразделам Днестра с Окой и Доном. Сопоставление этого ареала с распространением северянских курганов XI-XII вв., выделенных по

важнейшему этнографическому признаку - спиральным височным кольцам, - обнаруживает значительные совпадения. В этой связи, можно утверждать, что роменские памятники, как и более ранние волынцевские, являются древностями известного по летописям племенного образования *север/северяне*.

Основным типом славянских поселений VIII-X вв. в Верхнеокском регионе были селища. Городища, столь характерные для роменской культуры, здесь немногочисленны - не было необходимости постоянной защиты от набегов кочевников. Некоторые из них почти не имеют культурных напластований. В ряде случаев славяне заселили более древние городища. Рядом с городищами, как правило, расположены селища с отложениями рассматриваемого времени. Но основная масса неукрепленных поселений была разбросана на широкой территории Верхнего Поочья вне зависимости от городищ.

Селища VIII-X вв. характеризуются значительными размерами. Площадь их от 2,5 до 6 га. Одним из наиболее изученным памятником этого времени является селище Лебедка, расположенное на невысоком дюнном всхолмлении на берегу р. Цон. Его протяженность вдоль реки 280 м, ширина от 30 до 60 м. Раскопками Т.Н.Никольской изучено 840 кв. м площади поселения [47]. К VIII-X вв. относятся полуземляночные жилища того же типа, что и на роменских поселениях. Такие же постройки с глинобитными печами раскопаны на селище в пос. Кромы и на городище Лужки. Застройка, судя по данным раскопок поселения Лебедка, была кучевой.

Верхнеокская керамика VIII-X вв. по всем своим показателям очень близка к роменской. Это - лепная посуда (гончарная керамика появляется здесь не ранее конца X в.), представленная горшками, мисками и сковородками. Большая часть ее не орнаментирована, меньшая украшена узорами, тождественными роменской орнаментации.

Славянское население рассматриваемого времени занимало преимущественно бассейн верхнего течения Оки (до устья Угры), то есть земли, принадлежавшие племенам мощинской культуры. Ниже по Оке и в бассейн Москвы-реки славяне стали проникать из Верхнеокского региона в IX-X вв., на что указывает несколько селищ с лепной керамикой этого времени, открытых в Серпуховском, Каширском и Одинцовском районах Московской обл.

В отличие от роменского ареала, в Верхнем Поочье уже в VIII в. появляются первые курганные захоронения. Славянское население, пришедшее сюда, очевидно, из Подесенья и Днепровского лесостепного левобережья, не могло принести курганный обряд. Поэтому нужно полагать, что обычай сооружать курганы мог быть воспринят славянами только у местного населения, представленного, как уже говорилось, мощинской культурой [48]. Погребальными памятниками последнего являются курганы полусферической или усеченноконической формы, высотой от 2 до 4 м, диаметры оснований - 10-15 м.

В отличие от восточнославянских, мощинские курганы не образовывали больших групп, а располагались по одной, две или три насыпи.

Характерной особенностью мощинских курганов является кольцевая ограда в виде частокола, устраивавшаяся, очевидно, в ритуальных целях в момент захоронения. Как подметил П.Н.Третьяков, эти оградки напоминают кольцевые сооружения языческих святилищ тушемлинской культуры на Смоленщине. Обряд погребения мощинских племен - трупосожжения в основаниях насыпей. Судя по дневникам Н.И.Булычева, слои обожженной земли с углями и кальцинированными костями в курганах Шаньково и Почепок находились в центре насыпи. Несколько в стороне от погребальных остатков стояли глиняные сосуды, иногда дном кверху. Захоронения во всех случаях безурновые, сосуды же помещались с ритуальными целями.

Курганы верхнеокских славян VIII-X вв. подразделяются на два типа [49]. Насыпи первого типа в общих чертах идентичны курганам других восточнославянских земель. Все они содержали захоронения по обряду трупосожжения на стороне. Собранные с погребальных костров остатки кремации помещались кучкой или в глиняной урне прямо в курганной насыпи, в ее основании или верхней части. Изредка остатки трупосожжений рассыпались в основаниях курганов на площади до 80-70 x 210-75 см. Курганы второго типа содержали погребальные домовины, сложенные из дерева. Так, в курганах близ д. Западная погребальные камеры были срубными, размерами от 2,1 x 1,1 до 1,75 x 0,5 м, высотой 0,35-0,45 м. Сверху они перекрывались плахами, а внизу имели досчатый пол. Срубные камеры открыты и в других могильниках, а в курганах в Воронце исследовались камеры, сложенные из досок под западными полами насыпей. Каждая погребальная камера являлась своеобразной усыпальницей, где хранились остатки нескольких трупосожжений, совершенных на стороне в разное время. В камерах устраивались входы, которые обычно закладывались камнями. Кроме рассыпанных кальцинированных костей в камерах зафиксированы урны с прахом и пустые горшки. Курганы с погребальными домовинами не составляют этнографической особенности Верхнеокского региона. Подобные насыпи выявлены и в ряде других областях восточнославянского расселения.

Во многих курганах Верхнего Поочья выявлены кольцевые столбовые оградки, подобные тем, что характерны для мощинских погребальных насыпей. В рассматриваемом регионе их связь с предшествующими погребальными сооружениями представляется несомненной. Такие же столбовые оградки в более позднее время (X-XП вв.) зафиксированы в восточнославянских курганах, заключавших как трупосожжения, так и трупоположения на территории от Припятского Полесья на юго-западе до Суздальской земли на северо-востоке. Имеет ли эта обрядность единое происхождение (из Верхнеокского региона), или же возникла в разных регионах независимо, сказать трудно.

Имеются все основания полагать, что верхнеокская группировка славян VIII- X вв. стала основой летописных вятичей. Об этом отчетливо свидетельствует вся последующая история. Археологические данные позволяют считать, что славянское племенное образование *вятичи* сформировалось на верхней Оке (на территории, прежде занятой мощинской культурой) в результате расселения славян из Днепровского левобережья. Контекст Повести временных лет "...радимичи бо и вятичи от ляхов" носит, очевидно, легендарный характер.

Этноним *вятичи* многие исследователи вслед за Повестью временных лет возводят к антропониму *Вятко* - уменьшительная форма от праславянского антропонима *Вячеслав* [50]. С.Роспонт, не соглашаясь с этим, предложил иную гипотезу - от индоевропейского **ven-t* "мокрый, влажный" (праслав. *vet*) [51].

Развитие волынцевских древностей на Дону протекало в условиях прилива новых групп славянского населения, что привело к становлению боршевской культуры, названной по одному из исследованных городищ в с. Боршево Воронежской обл. [52]. Археология пока не может ответить на вопрос, откуда происходят дополнительные миграционные потоки славян в донские земли. Можно предполагать, что было два основных направления - с юго-запада, из роменского, а может быть, и более западных регионов и из Верхнеокского бассейна, о чем говорят курганные древности. Переселение новых групп славянского населения в рассматриваемые области, по всей вероятности, было многоактным процессом, когда на протяжении десятилетий сравнительно небольшие массы славян в силу различных обстоятельств вынуждены были перемещаться на новые земли, подсяляясь к обжившимся здесь обитателям.

Поселения боршевской культуры представлены городищами и расположенными рядом селищами. Историческая ситуация Подонья - соседство с Хазарией - требовала широкого строительства укрепленных поселений. Поэтому некоторые поселения были основаны на старых, скифских городищах. Вновь основанные городища, как правило, занимали мыс, с напольной стороны

защищенный системой валов и рвов. Немало поселений занимало и островное положение. Некоторые из городищ были укреплены одним или двумя земляными валами с деревянными конструкциями, другие - только рвами.

Жилищами, как на городищах, так и на открытых селениях, были прямоугольные в плане полуземлянки с деревянной облицовкой стен, отапливаемые в основном печами-каменками. По своему облику и интерьеру боршевское домостроительство продолжало традиции славян пражско-корчакской и пеньковской групп.

Одним из наиболее изученных памятников является городище с прилегающим к нему открытым поселением у хутора Титчиха на правом берегу Дона [53]. Оно устроено на мысе (площадь - около 120 x 100 м), ограниченном широкими оврагами. С напольной стороны поселение защищали дугообразный ров и вал. Прорезка вала выявила внутренние срубные конструкции. Сразу за валом на площади около 350 x 170 м располагалась неукрепленная часть селения.

В раскопе площадью около 7000 кв. м открыто 46 жилых построек, из которых 19 находились в мысовой части поселения, а 27 - на плато. Жилища небольшие, площадью 10-28 кв. м. Их котлованы в плане близки к квадратным, глубина - 0,2-1,2 м. Стены одних домов были срубными, других - имели столбовые конструкции. Печи находились в одном из углов жилища и возводились или из камней, или из глины и камня, или из глины.

Для боршевской культуры характерна в основном лепная керамика [54]. По форме и орнаментации она во многом тождественна роменской. Различия носят частный характер. Так, боршевские горшки в целом более приземисты, чем роменские; в тесте боршевской посуды нет дресвы; боршевские сосуды в меньшей степени орнаментированы, чем роменские. Наборы боршевской и роменской керамики - горшки, миски и сковородки - идентичны.

Основу экономики боршевского населения составляло пашенное земледелие. На поселениях найдены железные наральники того же типа, что и на роменских памятниках, серпы вполне совершенной формы, обгорелые зерна пшеницы, ржи, ячменя, проса, гороха и бобов. Для хранения зерновых припасов сооружались ямы. Племена боршевской культуры занимались также скотоводством, охотой, рыбной ловлей и бортничеством.

Раскопками боршевских поселений зафиксированы занятия металлообработкой. Обнаружено несколько сотен различных железных изделий - орудий сельскохозяйственного труда, предметов вооружения,

бытовых находок и поясных принадлежностей. О бронзолитейном ремесле говорят находки глиняных и каменных тиглей, литейных формочек, пинцетов. Довольно широко было развито и косторезное ремесло. Из кости и рога делались наконечники стрел, иглы для плетения сетей, различные острия, кочедыки, рукоятки, псалии, подвески.

Боршевская культура датируется в целом VIII-IX вв. В первое время ее население, по-видимому, хоронило умерших на грунтовых могильниках по обряду трупосожжения. Правда, такие памятники на среднем Дону пока изучены весьма слабо. К IX-X вв. принадлежат курганы, получившие распространение на части боршевского ареала. Это - полусферические насыпи, по внешнему виду не отличающиеся от синхронных курганов других восточнославянских земель. В курганах около Большого Боршевского городища раскопками открыты деревянные камеры с остатками нескольких трупосожжений, совершенных на стороне. Размеры камер 1,5-2,4 x 0,5-1,4 м, высота - 0,3-0,6 м. Остатки кремации помещались в глиняные горшки-урны, кроме того, рядом ставились сосуды с приношениями умершим. Вокруг домовин устраивались кольцевые оградки, состоящие из вертикально поставленных деревянных плах.

Подобные курганы с обугленными погребальными камерами раскапывались и в других могильниках. Однако большинство боршевских курганов содержало остатки трупосожжений без деревянных камер. В них захоронения кальцинированных костей в урне или без нее обычно помещались на уровне погребенной почвы.

Раскопки Лысогорского могильника показали, что курганы в нем были насыпаны на месте предшествующего грунтового некрополя боршевской культуры. Вполне очевидно, что курганы в боршевском ареале появились по крайней мере на столетие позже, чем сама культура. Анализ боршевских курганов дает все основания утверждать, что курганы с погребальными камерами-домовинами были привнесены на Дон переселенцами с верхней Оки в IX в.

О племенной принадлежности славянского населения Донского региона было высказано несколько предположений. Его считали и вятичским, и северянским, но каких-либо серьезных оснований для этого нет. Современные изыскания свидетельствуют, что носителями боршевской культуры были славяне, вышедшие из разных праславянских племенных образований. Племена боршевской культуры - новообразование раннего средневековья, название которого не дошло до нас.

В конце X в. активизировались печенеги, и земли донских славян оказались в зоне набегов и передвижений печенежских орд. Большие массы славянского населения были вынуждены покинуть Донской регион и переселиться в Рязанское Поочье. В то время, когда составлялась Повесть временных лет, крупной славянской группировки на верхнем и среднем Дону уже не было, поэтому ее имя не попало на страницы русских летописей. Последние полевые изыскания, впрочем, свидетельствуют о том, что полного запустения лесостепных земель Подонья не было. Древнерусское население проживало здесь в ряде мест и в XI-XIII вв. [55].

1. Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського р-ну Сумської обл. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. Київ. 1952. С. 242-250;
Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волын-цевского типа // СА. Т. XXIX-XXX. 1959. С. 58-83;
Горюнов Е.А. О памятниках волынцев-ского типа // КСИА. Вып. 144. 1975. С. 3-10;
Сухобоков О.В. Славяне Днепровского левобережья (роменская культура и ее предшественники). Киев, 1975. С. 49-57; Он же. До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. Т. 21. Київ, 1977. С. 50-65; Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. Киев, 1985. С. 116-125; Юренко С.П. Население Днепровского Левобережья в VII-VIII вв. н.э. (волынцевская культура) // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т. 4. Киев, 1988. С. 244-251; Приймак В.В. Територіальна структура мижиріччя середньої Десни і середньої Ворскли VIII - поч. IX ст. Суми, 1994.
2. Домостроительство волынцевской культуры рассмотрено в статье: Юренко С.П. Домобудівництво населення Дніпровського Лівобережжя в VIII-X ст. // Археологія. Вип. 45. Київ, 1984. С. 34-46.
3. Классификация волынцевской керамики выполнена С.П.Юренко (Юренко С.П. Население Днепровского Левобережья... С. 247-250.
4. Березовець Д.Т. Харівський скарб // Археологія. Т. 6. Київ, 1952. С. 109-119.
5. Березовець Д.Т. Дослідження на території Путивльського р-ну... С. 242-250.
6. Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках... С. 58-83.
7. Сухобоков О.В. Славяне Днепровского левобережья... С. 55-57.
8. Юренко С.П. Население Днепровского Левобережья... С. 247, 248.
9. Щеглова О.А. Ранние элементы в керамическом комплексе памятников волынцевского типа // КСИА. Вып. 187. 1986. С. 15-23; Она же. Волынцевский горизонт поселения Вовки // КСИА. Вып. 190. 1987. С. 43-48.
10. Горюнов Е.А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981. С. 54, 90;
Петрашенко В.А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье // Проблемы археологии Южной Руси. Материалы историко-археологического семинара "Чернигов и его

- округа в IX-XIII вв." Киев, 1990. С. 47-50.
11. Березовец Д.Т. Новые раскопки в с. Волынцево // Археологические исследования на Украине. Вып. 1. Киев, 1967. С. 169.
 12. Березовец Д.Т. Археологические памятники летописных северян // КСИАУ. Вип. 2. 1952. С. 25, 26.
 13. Ляпушкин И.И. К вопросу о памятниках волынцевского типа... С. 58-83; Он же. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА. 104. 1961. С. 215-217, 356, 357; Он же. Славянские памятники Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА. 162. 1968. С. 62.
 14. Артамонов М.И. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья // Доклады Географического общества СССР. Т. 15. Л., 1970. С. 29-31.
 15. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 128-131; Он же. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 137, 138; Горюнов Е.А. О памятниках волынцевского типа... С. 8, 9.
 16. Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994. С. 49-66; Он же. Славяне в древности. М., 1994. С. 309-315.
 17. Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 160-168.
 18. Щеглова О.А. Проблемы формирования славянской культуры VIII-X вв. в Среднем Поднепровье (памятники конца VII - первой половины VIII вв.). Автореферат канд. дисс. Л., 1987. С. 10.
 19. Домостроительство именковской культуры более разнообразно по сравнению с волынцевском. Здесь есть и наземные постройки, и "большие" дома германского типа, что обусловлено тем, что группы населения, мигрировавшие из Черняховского ареала в Среднее Поволжье, были весьма неоднородны в этническом отношении. Однако, со временем по мере стабилизации жизни именковского населения его культура становилась более однородной, протекал процесс славянизации ее носителей.
 20. Шафарик П.И. Славянские древности. Т. II. Кн. 1. М., 1847. С. 268.

206

-
21. Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964. С. 66.
 22. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). М., 1992.
 23. Старостин П.Н. Памятники именковской культуры. САИ. Вып. Д1-32. М., 1967. С. 31, 32.
 24. Смирнов А.П. Некоторые спорные вопросы... С. 167, 168.
 25. Тухтина Н.В. Раскопки 1957 г. близ с. Криуши Ульяновской обл. // МИА. 80. 1960. С. 150; Смирнов А.П. Древняя Русь и Волжская Болгария // Славяне и Русь. М., 1968. С. 168.
 26. Хлебникова Т.А. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С. 57, 116, 129, 143-145.
 27. Ковалевский А.П. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939; Он же. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1965. С. 121-148.
 28. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 359-408.
 29. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 870; Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 62; Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана... С. 159; Lewicki T. Zrodla arabskie do dziejow stowianszczyzny. T. 1. Wroclaw; Krakow, 1956. S. 7, 86; Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963. С. 147, 148.
- Некоторые исследователи этноним *сакалиба* выводят их арабского слова *саклаб* ("светлокожие" или "беловолосые") и полагают, что под рассматриваемым этнонимом скрываются светлокожие тюрки, тюрко-финны или кипчаки (Validi Togan A.Z. Ibn Fadlan's Reisebericht // Abhan-diungen ftir die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXIV. Leipzig, 1939. S. 305; Закиев М.З. Татары. Проблемы истории и языка (Сборник статей по проблемам лингвоэтноистории, возрождения и развития татарской нации). Казань, 1995). Однако, как отметил А.П.Новосельцев, смешение славян с тюрками наблюдается лишь в работах компиляторов XII-XVII вв., а информация авторов VI-X вв. свидетельствует о том, что при упоминаниях "сакалиба" речь идет о славянах (Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 369). Интересно, что среднеазиатский ученый IX в. ал-Хорезми в

- совмещении информации Клавдия Птолемея - автора II в. н.э. с географическими данными своего времени пишет о *сакалиба* как жителях Германии. У Птолемея славяне именуются венетами - соседями германцев. Ал-Хорезми заменяет этот этноним на *сакалиба* и локализует их в Германии (по античным авторам - это пространство между Рейном и Вислой), поскольку в раннем средневековье основную часть этих земель действительно заселяли славяне.
30. Новосельцев А.П. Восточные источники... С. 369.
 31. ПСРЛ. Т. 1. Л., 1926. Стб. 6, 10, 11, 13, 19, 30, 148, 149; Т. 2. СПб., 1908. Стб. 5, 8-10, 21, 135, 136.
 32. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Т 1 Пг., 1916. С. 24.
 33. Рыбаков Б.А. Поляне и северяне // Советская этнография. Т. VI-VII. М., 1947. С. 87. Карта 2; Он же, Русские карты Московии XV- начала XVI века. М. 1974. Карты 12, 13, 196; с. 82, 83.
 34. Иванов В.В., Топоров В.Н. О древних славянских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) // Славянские древности. Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 29-32.
 35. Петрашенко В.А. Волынцевская культура на Правобережном Поднепровье... С. 45-50.
 36. Дьяченко А.Г. О культуре населения Днепро-Донской лесостепи в I тыс. н.э. (по материалам селища Занки) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж, 1993. С. 21-24.
 37. Щеглова О.А. Салтовские вещи на памятниках волынцевского типа // Археологические памятники эпохи железа Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 77-85.
 38. Никольская Т.Н. Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н.э. МИА. 72. 1959. С. 65-67, 78, 87-89; Она же. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М., 1981. С. 22, 28, 30.
 39. Винников А.З. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж, 1984. С. 141-145.
 40. Зиньковская И.В. К вопросу о формировании славянской культуры VIII-X вв. на р. Воронеж (по материалам II Белогорского могильника) // Археология и история Юго-Востока Древней Руси (материалы научной конференции). Воронеж. 1993. С. 50-52.
 41. Итоги изучения роменской культуры в 60-х годах были подведены И.И.Ляпушкиным (Ля-пушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. МИА. 104. 1961. С. 216- 316; Он же. Славянские памятники Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА. 152. 1968. С. 56-88). Последующие обобщающие работы: Сухобоков О.В. Славяне Днепровского левобережья...; Седов В.В. Восточные славяне... С. 133-140; Этнокультурная карта... С. 125-135.

207

42. Узянов А.А. Роменская керамика как источник хронологического членения культуры // Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев, 1981. С. 103, 104; Юрен-ко С.П. Днепровское лесостепное левобережье... С. 9, 10, 15, 16.
43. Щеглова О.А. Ранние элементы... С. 21. 22.
44. Сухобоков О.В. Украинское Днепровское Левобережье в VII-XIII вв. // Труды V Международного Конгресса археологов-славистов. Т.2. Киев, 1988. С. 307-313.
45. Ляпушкин И.И. Днепровское лесостепное Левобережье... С. 356-366.
46. Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. МИА. 74. 1958.
47. Никольская Т.Н. Древнерусское селище Лебедка // СА. 1957. 3. С. 176-197. О культуре VIII- X вв. Верхнеокского региона см.: Никольская Т.Н. Культура населения бассейна верхней Оки в I тысячелетии н.э. МИА. 72. 1959; Она же. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. М., 1981. С. 12-41.
48. Седов В.В. Восточные славяне... С. 4-45.
49. Седов В.В. Ранние курганы вятичей // КСИА. Вып. 135. 1973. С. 10-16; Он же. Восточные славяне... С. 144-147.
50. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 376.
51. Роспонт С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 40.
52. Ефименко П.П., Третьяков П.Н. Древнерусские поселения на Дону. МИА. 8. 1948; Москаленко А.Н. Изучение славянских археологических памятников в бассейне Верхнего и Среднего Дона

- //Славянский сборник. Вып. 1. Воронеж, 1958. С. 137-145; Она же. Славяне на Дону (Боршевская культура). Воронеж, 1981; Винников А.З. Славянские курганы...; Седов В.В. Восточные славяне... С. 140-143.
53. Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965.
54. Обзор керамики боршевской культуры см.: Винников А.З. Керамика донских славян конца I тысячелетия н.э. //СА. 1982. 3. С. 165-179.
55. Цыбин М.В. Древнерусское Шиловское поселение на р. Воронеж // Археологические памятники эпохи железа восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1987. С. 5-36; Он же. Древнерусские памятники второй половины XIII-XIV вв. в Среднем Подонье // Там же. С. 36-51; Он же. Юго-Восточная окраина Руси в XII-XIV вв. (по данным археологии). Автореферат канд. дисс. Киев, 1987.

Славяне северной зоны Русской равнины

Первые четыре века нашей эры в Средней Европе были весьма благоприятны в климатическом отношении, что безусловно способствовало развитию сельскохозяйственной деятельности, которая была основой экономики как славянских, так и германских племен, составлявших большинство населения этих земель. Археологические материалы этого периода вполне отчетливо свидетельствуют о стабилизации жизни населения бассейнов Вислы, Одера и Эльбы. Расцвет ремесленной деятельности в областях распространения провинциально-римских культур во многом также способствовал заметному прогрессу земледелия. Так, в ареале пшеворской культуры, где была сосредоточена значительная часть славянского населения, наблюдаются усовершенствования орудий сельскохозяйственного труда, распространяются железные наральники, сошники, чересла, на смену зернотеркам приходят жернова и т.д. Подъем ремесла и успехи в сельском хозяйстве сочетались с развитием оживленных связей пшеворского населения с коренными Римскими землями и городами Причерноморья.

Активное развитие экономической жизни и благоприятные климатические условия вели к существенным демографическим сдвигам. Археологические материалы свидетельствуют о значительном росте числа поселений и постоянном увеличении численности населения. Так, например, только в части Среднего Повисленья зафиксировано около 500 памятников с материалами римского времени. Такая же картина наблюдается и в других местностях бассейнов Вислы, Одера и Эльбы. В III-IV вв. в ряде регионов Средней Европы, очевидно, имела место некоторая, а иногда и значительная, перенаселенность.

Наступившее в конце IV и продолжавшееся до последней четверти VI в. резкое похолодание (самые низкие температуры за последние 2000 лет), сопровождавшееся увеличением выпадения осадков и трансгрессией Балтийского моря, вызвали заметное повышение уровней рек и озер, подъем грунтовых вод и разрастание болот. Поймы многих рек или затапливаются, или покрываются аллювиальными отложениями и, таким образом, исключаются из сельскохозяйственного использования.

Период от конца IV до середины или конца VI в. в лесной зоне Европы был крайне неблагоприятным во всех отношениях и особенно для земледельческого населения. Очень многие поселения римского времени в результате повышения уровня рек, озер и грунтовых вод оказались

затопленными, а значительная часть прежних пахотных угодий стала непригодной для земледелия.

Огромные массы населения многих крупных регионов Балтийского ареала вынуждены были на рубеже IV и V столетий покинуть большую часть поселений, функционировавших в римское время. Так, необычайно сильные наводнения в Ютландии и смежных землях Северной Германии заставили тевтонов мигрировать в другие регионы. Этот процесс отмечен письменными памятниками и ныне достаточно отчетливо фиксируется также данными археологии.

Среднее Повисленье, заселенное в римское время преимущественно славянами, характеризуется низменным рельефом, и эти земли, очевидно, наиболее пострадали от наводнений и переувлажненности. Все поселения римского времени в конце IV или в начале V в. были оставлены населением. Резкие климатические изменения и обусловленные ими неблагоприятные условия для жизни и хозяйственной деятельности стали причиной переселения крупных масс средневропейского населения.

Ряд археологических наблюдений, в частности появление в это время нового населения в лесной зоне Русской равнины, позволяют полагать, что основные массы переселенцев из Средневисленского региона направились на северо-восток. Картография находок В-образных рифленых пряжек показывает, что миграция шла по возвышенным местам ледниково-озерной гряды вплоть до Валдайской возвышенности [1].

Начавшиеся крупные перемещения германских племен, нашествие гуннов и крушение Римской империи самым существенным образом изменили материальную культуру земледельческого населения, вышедшего из ареала пшеворской культуры. Мощные ремесленные центры, в частности железоделательные и гончарные, прежде обеспечивавшие потребности населения провинциально-римских культур, прекратили свою деятельность. Земледельческое население оказалось в критической ситуации. Окультуренные пахотные угодья были оставлены вынужденными переселенцами, а северные области Русской равнины были сильно залесены. Отсутствие в среде переселенцев собственных кузнецов, гончаров и ювелиров отрицательно сказалось на экономике, быте и культуре населения, осевшего в лесной зоне Восточной Европы. Наступил резкий регресс культурного развития.

Население провинциально-римских культур почти всюду было полиэтничным. Расселившиеся из Среднего Повисленья в северо-восточном направлении племена также не были этнически монолитными. В составе переселенцев были и славяне, и западные балты, а, может быть, и небольшая часть германцев. Эти разнородные массы переселенцев встретились на новых местах своего обитания с аборигенами - восточными и днепровскими балтами, а также прибалтийскими и поволжскими финнами.

Переселенцы-земледельцы в новых местах проживания постепенно приспосабливались к местным условиям. Жизнь и быт их со временем стабилизировались, началось формирование новых культур. Процессы становления последних в разных регионах лесной зоны Восточной Европы были неодинаковыми.

Часть переселенцев, прежде всего, осела на возвышенных участках Средненеманской гряды, преимущественно в бассейне Нериса-Вилии. Эта территория прежде была заселена крупным раннебалтским образованием, характеризующимся культурой штрихованной керамики [2]. Расселение новых групп населения в Среднем Понеманье соответствует концу этой культуры (конец IV - начало V в.). Часть поселений культуры штрихованной керамики в это время прекращает существование, на других фиксируются инокультурные напластования со специфической шероховатой керамикой. Одновременно здесь получает распространение совершенно новый тип погребальных древностей - курганный

обряд. Часть курганов имеет в основании венец, сложенный из камней, другие насыпи почти целиком были сложены из камней. Высота насыпей 0,5-1,2 м. Умерших хоронили по обряду ингумации в грунтовых ямах.

Ранние каменные курганы с захоронениями по обряду трупоположения определенно свидетельствуют, что новая обрядность была привнесена с юго-запада, из коренных ятвяжских земель, из Сувалкии, где подобные насыпи широко известны в римское время [3]. О том же говорит и погребальный инвентарь. Такие находки, как украшения с выемчатой эмалью, манжетовидные браслеты, крестовидные подвески, некоторые типы фибул, шпоры, умбоны с вершиной в виде сплющенного полушария и другие, обнаруживают прямые аналогии в западнобалтском регионе. Переселение сопровождалось полным исчезновением господствовавшей здесь ранее штрихованной керамики и появлением качественно новой - шероховатой (или ошершавленной, как ее называют некоторые исследователи) [4]. Изменяется и структура поселений. Именно с этим потоком переселенцев связано распространение здесь В-образных рифленых пряжек. Они безусловно имеют

среднеевропейское происхождение, но могли быть привнесены в Среднее Понеманье только через земли Северо-Восточной Польши.

Население, оставившее каменно-земляные курганы конца IV - V вв., было неоднородно в антропологическом отношении. Мужчины и женщины принадлежали к различным антропологическим типам: мужчины - к узколицему грацильному, параллели которому обнаруживаются среди раннесредневековых ятвягов Сувалкии, женщины - к умеренному массивному широколицему типу [5].

Такую ситуацию можно объяснить только тем, что пришлое население, принесшее в Среднее Понеманье курганный обрядность и шероховатую керамику, в основном было мужским и оно вступало в брачные связи с женщинами иного племени. К сожалению, из-за господства обряда трупосожжения, как в предшествующее время, так и в начале средневековья определить конкретное происхождение женской части этого населения по данным антропологии не представляется возможным.

В VI в. в средненеманских землях в условиях взаимодействия пришлого населения с местным формируется культура восточнолитовских курганов, носители которой вполне определенно связываются с литвой русских летописей. Население, оставившее каменные курганы IV- V вв., очевидно, растворилось среди летто-литовских племен - потомков носителей культуры штрихованной керамики [6].

Культура псковских длинных курганов

В середине I тыс. н.э. крупные массы населения оседают также в бассейнах озер Псковского и Ильменя. До того эти земли входили в ареал культуры текстильной керамики и принадлежали прибалтийско-финскому населению, значительную роль в экономике которого играли присваивающие формы хозяйственной деятельности.

Вновь расселившиеся племена выделяются, прежде всего, погребальными памятниками - длинными курганами псковского типа [7]. Это - невысокие валообразные земляные насыпи от 10-12 до 100 метров и более длиной, расположенные обычно в могильниках вместе с круглыми (полусферическими) курганами. Среди последних есть и синхронные длинным, и более поздние, относящиеся уже к древнерусскому времени. Каждый длинный курган (или синхронный круглый; последние в равной степени относятся к рассматриваемой здесь культуре)

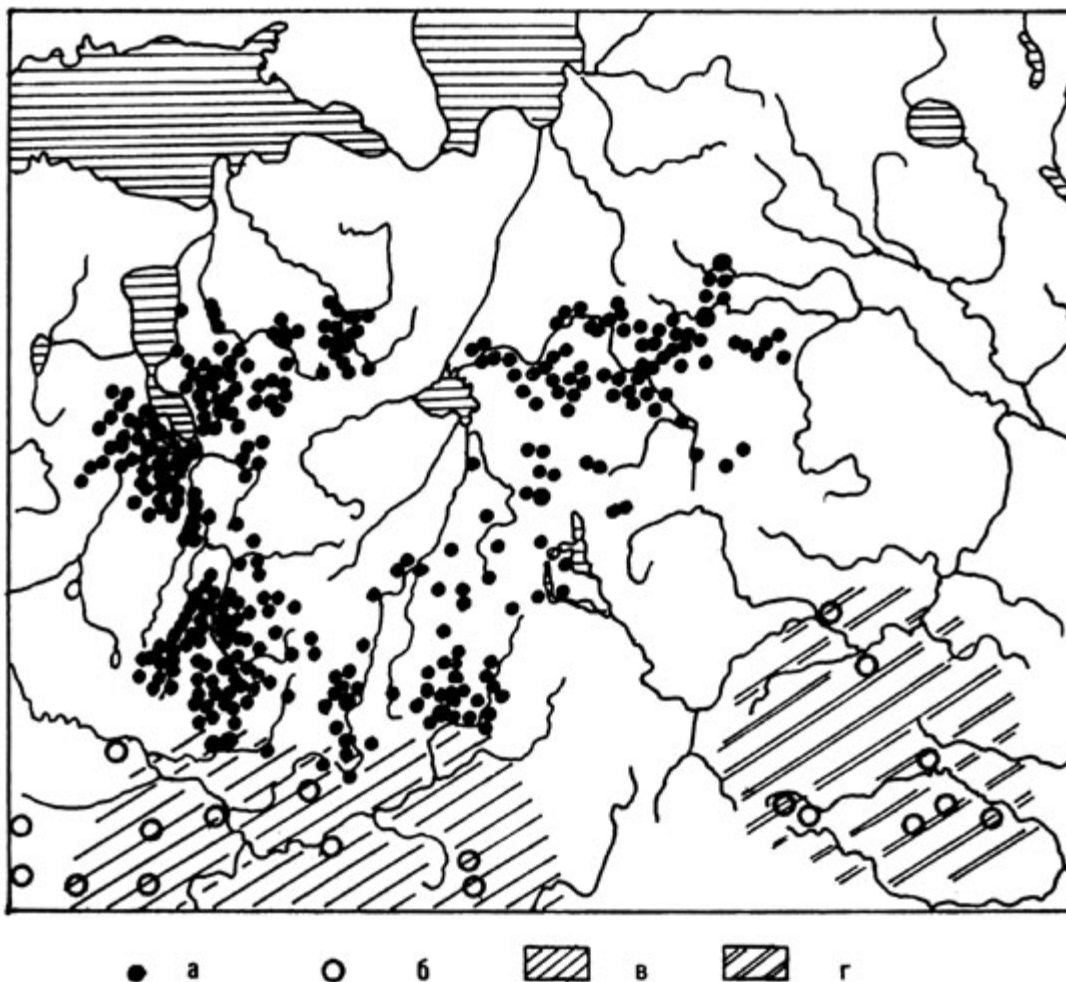

Рис. 60. Ареал псковских длинных курганов:
а - могильники с длинными курганами псковского типа; *б* - места находок браслетообразных височных колец середины I тысячелетия н.э.;
в - ареал тушемлинско-банцеровской культуры; *г* - ареал позднедьяковской культуры

заключает несколько, иногда десятки захоронений по обряду трупосожжения. Кремация умерших совершалась на стороне, и остатки сожжений, собранные с погребального костра, помещались в разных местах курганных насыпей. Какая-то часть захоронений находится в ямках, вырытых в основаниях курганов, очевидно, перед сооружением насыпей. Основная же масса погребений совершалась уже в готовых насыпях, или в ямках, или прямо на поверхности. В некоторых курганах зафиксированы небольшие площадки для захоронений, которые устраивались в процессе сооружения насыпей. Область распространения длинных

курганов псковского типа - бассейны реки Великой, Псковского озера, рек Ловати, Меты, Мологи и частично Чагодоши (рис. 60).

Обычай сооружения длинных курганов не был привнесен переселенцами, а зародился уже тогда, когда они осели в Новгородско-Псковской земле. Раскопками последних десятилетий установлено, что длинным курганам предшествовали грунтовые захоронения. Еще в 60-е годы Г.П.Гроздилов в могильнике Лезги недалеко от Изборска около одного из удлиненных курганов обнаружил грунтовое

захоронение по обряду трупосожжения. Оно находилось в небольшой ямке и сопровождалось немногочисленным инвентарем, типичным для культуры псковских длинных курганов [8]. Тогда же С.Н.Орлов исследовал грунтовой могильник в уроч. Кобылья Голова между деревнями Полосы и Самокража в нижнем течении р. Меты. Остатки трупосожжений здесь также помещались в неглубоких круглых ямках [9]. Все погребения были безынвентарными, но расположение могильника рядом с курганной группой, включавшей длинные курганы, дает основание относить памятник к началу средневековья. В 70-х годах при раскопочных исследованиях на оз. Съезжем в Хвойнинском р-не Новгородской обл. Е.Н.Носовым был открыт грунтовой могильник, находящийся рядом с длинными курганами. Раскопано было семь захоронений в небольших ямках, из которых два находились в глиняных лепных урнах-горшках, а три сопровождалось вещевым инвентарем (спекшиеся синие стеклянные бусы, фрагменты бронзовых пластинок и браслета, оплавленные кусочки бронзы и железный нож). Исследователь вполне оправданно считает, что эти грунтовые погребения предшествовали длинным курганам [10].

По-видимому, первый этап становления курганной обрядности отражают специально устроенные погребальные площадки, оконтуренные ровиком, выявленные и изученные М.Э.Аун при раскопках

длинных курганов на западном побережье Псковского озера [11]. Погребальная площадка на природном возвышении, оконтуренная ровиком, исследовалась также А.Н.Башенькиным на восточной окраине ареала псковских длинных курганов - у "Варшавского шлюза" в бассейне р. Чагодыщи.

Основой становления длинных курганов, по всей вероятности, были погребения остатков трупосожжения в невысоких природных всхолмлениях, может быть, удлинённых очертаний, подобных тем, что зафиксированы еще А.А.Спицыным у Городища и Замошья [12].

Абсолютное большинство захоронений в длинных курганах псковского типа является безурновыми и безынвентарными. Вещевые находки весьма немногочисленны. Это - небольшие круглые выпуклые бронзовые бляшки, называемые обычно "бляшками-скорлупками", колпачкообразные бляшки с широкими краями, пряжки (рис. 61: 7-2), ножи, глиняные пряслица (рис. 61: 5), сплавы стеклянных бус, блоковидные кресала.

Лепная глиняная посуда культуры псковских длинных курганов (рис. 61: 3-4, 6-8) довольно неоднородна. Сравнительно небольшая часть сосудов имеет баночную форму и, по-видимому, восходит к керамике местного прибалтийско-финского населения. Основная же масса керамического материала находит аналогии как в синхронных древностях Повисленья (поселение Шелиги под Плоцком, раскопанное В.Шиманьским [13] и аналогичные памятники суковско-дзедзицкой культуры), так и среди глиняной посуды тушемлинско-банцеровской культуры, распространенной в третьей четверти I тыс. н.э. в Верхнеднепровско-Двинском регионе.

Для определения хронологии культуры псковских длинных курганов обычно привлекаются бляшки-скорлупки, блоковидные кресала и В-образные пряжки. Бляшки-скорлупки имеют аналогии в эсто-ливских древностях, где они датируются II-VI вв., среди материалов моложе

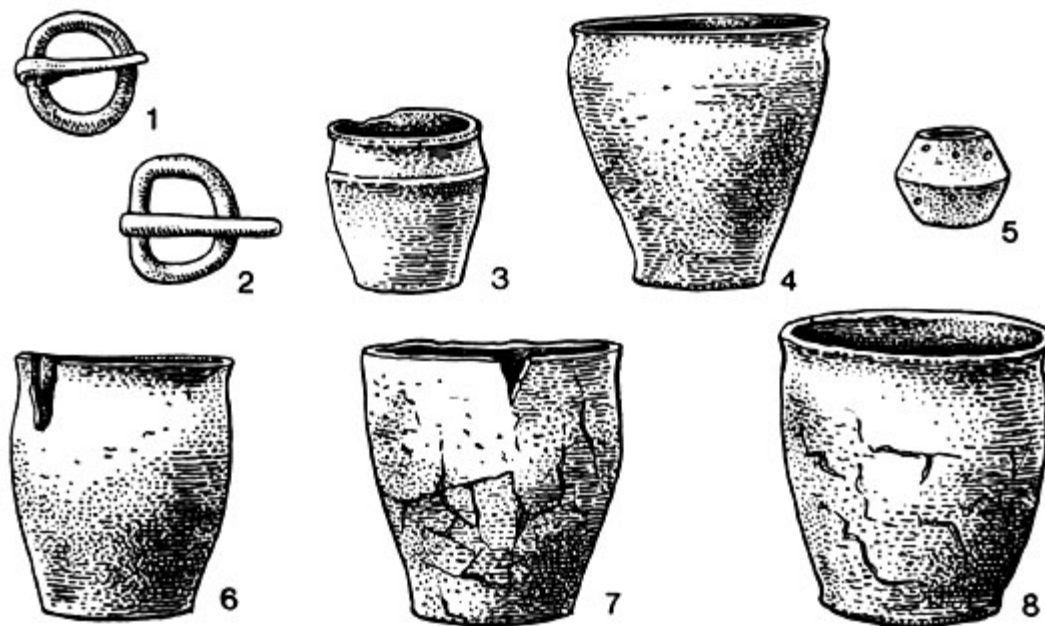

Рис. 61. Вещевые и керамические находки культуры псковских длинных курганов:
1-3, 5, 7 - Дорохи; 4 - Михайловское; 6, 8 - Янковичи
1, 2 - железные пряжки; 3, 4, 6-8 - глиняные сосуды; 5 - глиняное пряслице

VI в. такие находки уже отсутствуют [14]. Блоковидные кварцитовые кресала в памятниках Юго-Восточной Прибалтики были в употреблении преимущественно в VI-VII вв. [15].

Более конкретную дату ранних захоронений в псковских длинных курганах дают В-образные рифленные пряжки. Познакомившись с одной из таких находок, происходящей из погребения в длинном кургане в Полибино на верхней Ловати, И.Вернер отметил, что ближайшие аналогии ей находятся в среднеевропейских материалах. В частности, подобные пряжки имеются среди инвентарей могильника Притцир (Мекленбург), наиболее поздние захоронения которого относятся к первой половине V в. Учитывая отдаленность полибинской находки от Среднеевропейского ареала, И.Вернер датировал ее второй половиной V в. [16].

Такого же типа В-образные пряжки происходят из курганных могильников Линдора и Рысна-Сааре II на западном побережье Псковского озера [17], а также из районов Меты и Мологи [18]. Самая восточная находка В-образной пряжки в Новгородской земле встречена в кургане 6 могильника Усть-Белая IV на р. Кабоже. А.Н.Башенькин датирует этот курган второй половиной V в. (его радиоуглеродная дата 490 ± 30) [19]. И.А.Бажан и С.Ю.Каргапольцев, специально занимавшиеся хронологией В-образных пряжек с рифлением, склонны ограничить время их бытования в культуре псковских длинных курганов первой-третьей четвертями V в. [20]. Таким образом, первые длинные курганы в бассейнах озер Псковского и Ильменя должны быть от-

несены к V в., возможно, к его первой половине. Следовательно, сама миграция населения в эти земли, учитывая, что первоначально переселенцы хоронили умерших по старому обычаю - в грунтовых некрополях, должна быть датирована или первой половиной V в. или рубежом IV и V столетий.

Заслуживают внимания условия расселения среднеевропейского населения на новых местах. Все находки В-образных рифленных пряжек - важнейших индикаторов миграционных потоков - в лесной

зоне Восточной Европы обнаружены в возвышенных местностях, преимущественно в землях, расположенных не менее, чем на 150 м над уровнем моря. Все могильники с наиболее ранними длинными курганами локализуются исключительно в таких же возвышенных местах [21]. Вполне очевидно, что переселенцы из средневропейских земель избирали для мест своего проживания возвышенные участки, наиболее сухие, недоступные для наводнений.

Археологи неоднократно обращали внимание на топографические особенности могильников с псковскими длинными курганами. Основная часть их расположена в стороне от крупных водных артерий, всегда в некоторой отдаленности от нынешних водоемов. Для устройства могильников выбирались песчаные возвышенности в сухих борových лесах, при сухопутных дорогах. Замечено, что длинные курганы Псковщины обычно вытянуты вдоль таких дорог. По-видимому, они и были основными путями миграций и сообщений в то время. Соответствующие могильникам поселения располагались рядом или неподалеку.

Изучение поселений культуры псковских длинных курганов находится в начальной стадии. Это были селища. Однако известны они пока лишь по поверхностным обследованиям и в очень небольшом количестве. Говорить о застройке и размерах поселений преждевременно. Раскопками на селище, расположенном на оз. Съезжее рядом с упомянутыми выше грунтовым и курганным могильниками, были открыты остатки жилой постройки столбовой конструкции. Ее размеры 5,3 x 6,9 м, пол был опущен в грунт на 5-18 см. Отапливалось жилище очагом-каменкой без свода [22]. Небольшими раскопками исследовалось и поселение Варшавский шлюз III при впадении р. Горюнь в Чагоду, имевшее размеры 140 x 60 м. Рядом находились два синхронных ему курганных могильника. На селище в раскопе площадью 344 кв. м открыты остатки трех жилищ, стоявших вдоль берега реки. Они реконструируются как наземные срубные постройки размерами от 4,1 x 5,3 до 5,1 x 8,4 м с печами-каменками. Собраны немногочисленные находки - железные нож, шило, рыболовные крючки, бронзовая пронизка, стеклянные и хрустальные бусы [23].

Расселившееся в сильно залесенной местности Псковско-Ильменского региона земледельческое население прежде всего должно было освобождать участки для сельскохозяйственной деятельности. Не имея качественных орудий для вырубki леса и обработки пахотных угодий, а также необходимой тягловой силы животных, переселенцы вынуждены были заняться подсечно-огневым земледелием, которое на какое-то время стало главным агротехническим приемом для подготовки почвы к посевам. Подсечное земледелие, основанное на использовании огня и ручных орудий обработки земли, в сочетании с охотой, рыболовством и лесными промыслами на первых порах и стали основой экономики населения, оставившего ранние длинные курганы.

Памятники культуры псковских длинных курганов на ранней стадии располагаются в местах, мало пригодных для пашенного земледелия, преимущественно на участках, где почвенный покров состоит из легких супесей или песка, занятых в основном сосновыми лесами. Подготовка участков к посеву была несложной, поскольку сосна является хорошим горючим материалом, подлесок развит слабо и

корневая система не препятствовала посевам.

Миграционный поток населения, достигший бассейнов озер Псковского и Ильменя, первоначально, как уже отмечалось, не был этнически однородным. Среди переселенцев были не только славяне, но и, по всей вероятности, более или менее многочисленные группы западнобалтского населения, о чем свидетельствует топонимика южных районов Новгородско-Псковского края. Исследователи неоднократно обращали внимание на присутствие в ареале псковских длинных курганов немалого числа водных названий балтского происхождения [24]. Какая-то часть их, может быть, восходит к периоду раннего железа, когда в регионе прибалтийских памятников культуры текстильной керамики получила распространение штрихованная глиняная посуда, свидетельствуя об инфильтрации балтского этнического компонента в среду прибалтийско-финского населения [25]. Вместе с тем среди водных названий Русского Северо-Запада многие должны быть отнесены к более позднему времени, поскольку отражают явно западнобалтские

особенности [26]. Их появление в этих землях может быть объяснено только миграцией более или менее крупных групп населения из западнобалтского ареала. И это вполне объяснимо: миграционные волны, исходившие из Повисленья, должны были пересечь земли судаавско-ятвяжских племен и, по-видимому, втянули в себя группы этого населения.

Об этнической принадлежности населения культуры псковских длинных курганов в научной литературе было высказано несколько предположений, ныне представляющих чисто историографический интерес. Доводы исследователей о неславянской принадлежности псковских длинных курганов были рассмотрены и отвергнуты мною в монографии, посвященной этим древностям, а затем и в статье, специально написанной по этому поводу [27]. В настоящее время мысль о неславянской атрибуции рассматриваемых памятников все же встречается в региональных работах.

Для этнического определения носителей культуры псковских длинных курганов существенно то, что эта культура никак не может быть выведена из предшествующих ей прибалтийско-финских древностей. По всем показателям эти древности существенно отличны между собой. Это может быть объяснено только тем, что создателями их были различные этносы, а культура псковских длинных курганов принадлежит не местному населению, а пришлым племенам. В определении места этой культуры наиболее существенным является достаточно определенная генетическая преемственность ее с достоверно славянскими древностями, пришедшими на смену псковским длинным курганам. Детальное сопоставление всех особенностей строения и погребальной обрядности длинных и полусферических (круглых) курганов IX-X вв. выявляет полное единообразие. Большинство длинных курганов Псковской земли расположено в одних могильниках с достоверно славянскими (древнерусскими) насыпями. Погребальный обряд культуры псковских длинных курганов по всем своим параметрам сопоставим с достоверно славянским ритуалом других территорий раннесредневекового славянского мира и существенно отличается от прибалтийско-финского и летто-литовского.

Относя культуру псковских длинных курганов к славянскому этносу, необходимо иметь в виду, что в составе населения, оставившего эти памятники, были не только славяне, но и балты, пришедшие вместе с ними, а также местные прибалтийские финны [28]. На первых порах население культуры псковских длинных курганов было пестрым в этническом отношении, но славянский этнический компонент оказался более активным и в конечном итоге неславянские элементы были славянизированы и вошли в состав древнерусской народности.

Вклад местного прибалтийско-финского

населения в формирование культуры псковских длинных курганов несомненен. При сооружении этих курганов площадка, избранная для погребальной насыпи, нередко предварительно выжигалась с культовыми целями - "очищалась огнем". Этот ритуал не свойствен другим регионам славянского мира начала средневековья и находит параллели в погребальных памятниках ряда прибалтийско-финских племен и, очевидно, был воспринят населением, расселившимся в Новгородско-Псковском крае в условиях взаимодействия с аборигенами. Прибалтийско-финский этнический элемент в составе носителей культуры псковских длинных курганов проявляется и в керамическом материале, об этом уже было сказано выше.

Наиболее яркой особенностью ятвяжской обрядности было широкое использование в погребальной обрядности камня. И эта черта ритуала зафиксирована в культуре длинных курганов. Так, в могильниках Северик, Лосицы, Лоози и Верепково встречена обкладка камнями оснований курганов. Один из курганов в Северике имел, кроме того, сверху покров, сложенный из валунных и плитняковых камней, что обычно для ятвяжских памятников. В отдельных курганах, раскопанных в Кудове, Тайлове и Северике, камнями были обставлены погребения, а в курганах в Верепкове,

Северике, Лосице и Михайловском они прикрывали остатки захоронений. Курган, целиком сложенный из камней, полностью сопоставимый с ятвяжскими погребальными насыпями, был раскопан в Выбутах на левом берегу р. Великой в 13 км выше Пскова. Среди камней насыпи найдены кальцинированные кости и фрагменты двух сосудов тюльпановидной формы [29]. Возможно, наличие балтского этнического элемента отражают и находки в культуре псковских длинных курганов глиняных сосудов, сопоставимых с тушемлинско-банцеровской керамикой.

О раннем расселении славян в Новгородско-Псковской земле независимо от археологии говорят данные лингвистики и топонимики. Древненовгородский диалект, восстанавливаемый на основе анализа текстов берестяных грамот из раскопок в Новгороде и некоторых характерных черт современных говоров, в частности псковских, был ответвлением праславянского языка [30]. Отсутствие в этом диалекте элементов второй палатализации дает основание утверждать, что группировка славянского населения, осевшая в бассейнах озер Псковского и Ильменя, оторвалась от основного славянского ареала не позднее I тыс. н.э. и какое-то время проживала изолированно от него.

Согласно изысканиям Р.А.Агеевой, в гидронимии Новгородско-Псковского ареала имеется целый ряд прямых и косвенных указаний на очень раннее расселение здесь славян [31]. Освоение славянами этого края протекало еще в то время, когда были продуктивны праславянские модели водных названий. Среди гидронимов этой территории исследовательница выявляет множество "первичных" славянских гидронимов, характерных, согласно С.Роспону, для прародины славян, то есть зоны "А" (Повисленье). В Ильменско-Псковском крае на основании гидронимии Р.А.Агеевой выделяются регионы наиболее раннего славянского расселения. Это - бассейн р. Великой, земли к югу от Ильменя, а также области между побережьем Псковского и Чудского озер и средним течением р. Луги, то есть участки, где наблюдаются скопления ранних длинных курганов.

**Славянская
группировка,
представленная
браслетообразными
сомкнутыми
височными кольцами**

Очевидно, одновременно с появлением новых групп населения в бассейнах озер Псковского и Ильменя крупные массы переселенцев из Повисленья расселились также в Полоцком Подвинье, Смоленском Поднепровье и далее на восток в междуречье Волги и Клязьмы. В землях Западновинского и Днепровского бассейнов они осели среди местного балтского населения, представленного тушемлинско-банцеровской культурой [32]. В отличие от ареала псковских длинных курганов здесь пришлое население в основном не создавало новых поселений, а подселялось на уже существующие. Топографическое расположение последних позволяло продолжать прежнюю сельскохозяйственную деятельность, и пришлое население быстро освоило местный хозяйственный уклад. Взаимоотношения переселенцев с аборигенным населением, по-видимому, было в основном мирными.

Тушемлинско-банцеровская культура сформировалась в результате эволюции днепро-двинской культуры раннего железного века, принадлежащей к одной из племенных группировок днепровских балтов. В первой четверти I тыс. н.э. днепро-двинские племена испытали некоторое влияние со стороны зарубинецкой культуры, но этноязыковая сущность их осталась неизменной. Переходный период, когда днепро-двинская культура трансформировалась в тушемлинско-банцеровскую, по-видимому, продолжался не одно столетие, поэтому начальную дату тушемлинско-банцеровской

культуры определить затруднительно. Согласно изысканиям Е.А.Шмидта, эта культура датируется временным промежутком от перехода местного населения днепро-двинской культуры с городищ на неукрепленные поселения до появления в этом регионе нового типа погребальных памятников - длинных курганов смоленско-полоцкого типа. Переход днепро-двинских племен на селища завершился к IV в., поэтому тушемлинско-банцеровскую культуру исследователь датирует IV-VII вв., что подтверждается и вещевыми находками [33].

Однако, в ранних напластованиях селищ Шугайлово, Заозерье, Куприне и других обнаруживаются также профилированные сосуды восточнобалтских типов и грузики дьякова типа, бытовавшие еще на днепро-двинских городищах. Чужеродным элементом на ранних селищах тушемлинско-банцеровского ареала является сравнительно небольшое число фрагментов горшков с несколько сужающейся верхней частью и слегка отогнутым венчиком, некоторые из которых украшены расчесами, которых нет на днепро-двинских городищах. Такая посуда имеет южные параллели. Ее распространение некоторые исследователи связывают с расселением в бассейне верхнего Днепра и в Полоцком Подвинье населения из региона киевской культуры. Н.В.Лопатин и А.Г.Фурасев высказали предположение о формировании на основе древностей типа Заозерья, которым свойственна керамика с расчесами, параллельно и культуры псковских длинных курганов, и тушемлинско-банцеровской [34]. С этим трудно согласиться, поскольку глиняная посуда с расчесами не имеет прямого продолжения в керамике названных культур. Находка же глиняной урны с расчесами в кургане 3 могильника у д. Повалишино, по-видимому, обусловлена участием местного населения в генезисе культуры псковских длинных курганов, что устанавливается и по другим материалам.

Весьма вероятно, что переход

днепродвинского населения на селища был обусловлен инфильтрацией нового населения, принесшего керамику, украшенную расчесами, из более южных земель Поднепровья. Однако этот процесс не отражает становление тушемлинско-банцеровской культуры. Керамика с расчесами бытовала в очень небольшом количестве на территории Белоруссии и Смоленского Поднепровья вне зависимости от ареала тушемлинско-банцеровской культуры и очень непродолжительное время - по данным, собранным Л.Д.Поболем, - в III-IV вв. [35]. Позднее она исчезает, не оставив каких-либо следов, что дает основание полагать, что племена, принесшие эту посуду, расселились рассеянно среди местного балтского населения и постепенно растворились в его массе.

Формирование же тушемлинско-банцеровской культуры с характерной для нее керамикой следует отнести к V столетию, как это показал В.Б.Перхавко на основании вещевых находок [36]. Думается, что становление ее действительно отражает вторжение в днепро-двинскую среду каких-то масс нового населения, но конкретные формы этой инфильтрации пока не поддаются изучению.

Одним из существенных показателей наличия в тушемлинско-банцеровском ареале нового, небалтского населения являются находки браслетообразных височных колец (рис. 62 и 63) .

Височные кольца, как уже отмечалось, были наиболее распространенным и весьма характерным украшением раннесредневековых славян. Это - весьма надежный этнографический индикатор для вычленения славянских древностей из синхронных материалов соседних этносов. Это обстоятельство, как отмечалось выше, было подмечено еще во второй половине прошлого столетия и впоследствии подтверждено многими фактами. Л.Нидерле рассматривал височные кольца как один из важнейших культурных признаков славян раннего средневековья, а А.А.Спицын показал, что разные типы этих украшений являются существеннейшим элементом в изучении истории и расселения восточнославянских племен, известных по информации русских летописей [37]. Эти наблюдения стали основой исследований по восточнославянской археологии.

Средневековые древности финно-угорских и летто-литовских племен, составлявших наряду со

славянами основу раннесредневекового населения лесной зоны Восточной Европы, ныне довольно обстоятельно изучены [38]. И они со всей определенностью свидетельствуют, что ни одному из племенных образований балтов или финно-угров, не затронутых славянским влиянием, не было свойственно ношение височных колец. Женское головное убранство эстов и корелы, ливов и суоми, коми и югры, удмуртов, эрзи и мокши, как и всех летто-литовских племен, не включало височные кольца. Единичные височные украшения славянского облика или производные от них, иногда обнаруживаемые в финно-угорских или балтских землях Прибалтики, Волго-Камья или Приуралья, явно принадлежат к инородным элементам, отражающим какие-то контакты со славянским миром.

Браслетообразные с сомкнутыми или заходящими концами (далее для краткости называемые "браслетообразными сомкнутыми") хорошо известны по памятникам X-XIII вв. лесной зоны Восточной Европы. В большом количестве они встречены в погребениях и на поселениях древнерусского населения в северо-восточных регионах Руси - в Ростово-Суздальской земле, Тверском и Ярославском Поволжье, на северной и восточной окраинах Новгородчины (рис. 64). Здесь они, наряду с перстнеобразными кольцами, распространены по всему восточнославянскому ареалу, являются характерными украшениями славянского населения. Они не могут быть отнесены ни к ильменским словенам, поскольку для последних характерен другой тип височных украшений (ромбоштитковые кольца) и в их коренных землях - в ареале

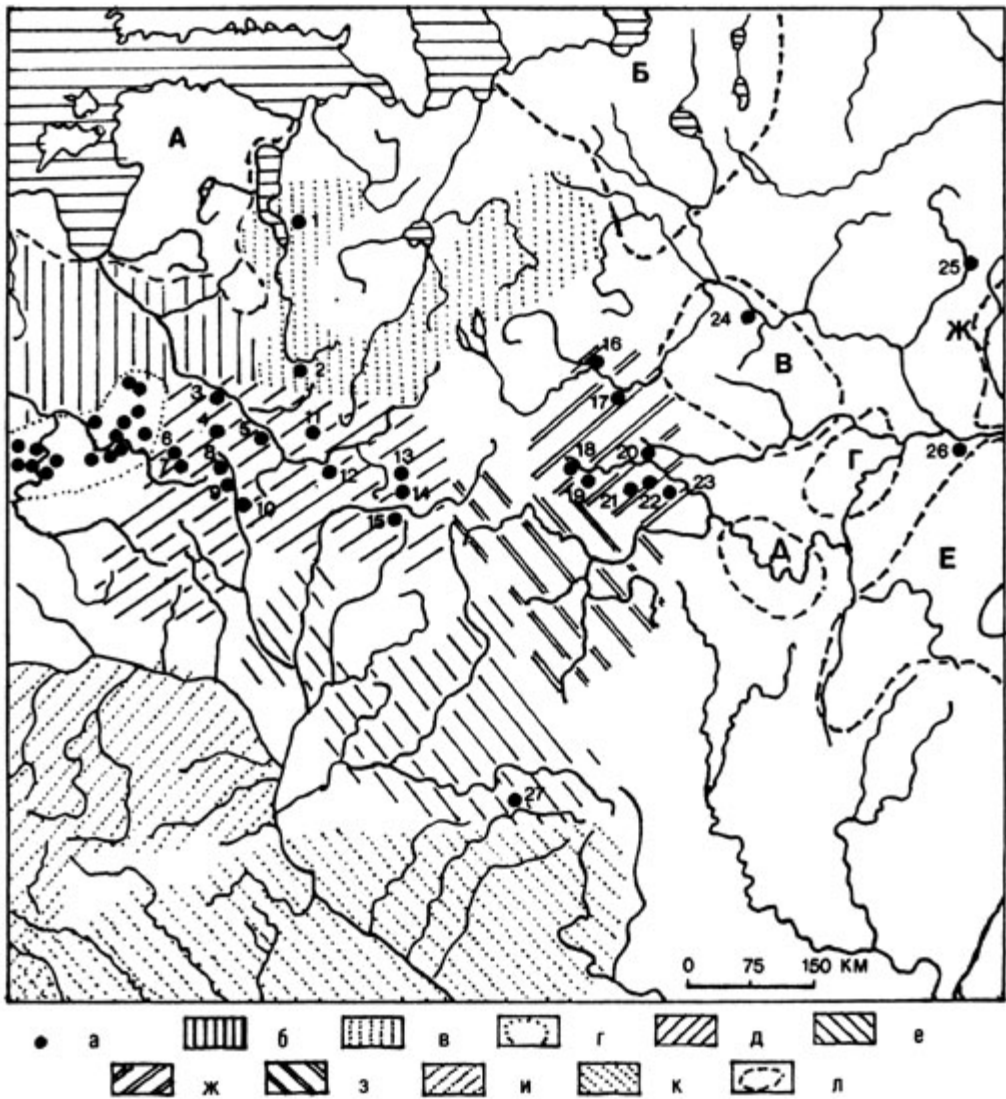

Рис. 62. Распространение браслетообразных сомкнутых височных колец около середины I тысячелетия н.э.:

а - памятники с находками браслетообразных колец. Ареалы: *б* - летто-литовских племен; *в* - культуры псковских длинных курганов; *г* - каменно-земляных курганов IV-V вв.; *д* - тушемлинско-банцеровской культуры; *е* - колочинской культуры; *ж* - позднелазовской культуры; *з* - мощинской культуры; *и* - пражско-корчакской культуры; *к* - пенсковской культуры; *л* - регионы финноязычных племен (*А* - эсто-ливских; *Б* - веси; *В* - мери; *Г* - муромы; *Д* - рязанско-окских могильников; *Е* - мордвы; *Ж* - марийцев. Некоторые регионы очерчены по более поздним данным) 1 - Городня; 2 - Казиха; 3 - Прудники; 4 - Свила; 5 - Бельчицы; 6 - Микольцы; 7 - Мядельское городище; 8 - Васильковка; 9 - Дедиловичи; 10 - Аздятичи; 11 - Рудня; 12 - Вороники; 13 - Акатово; 14 - Близнаки; 15 - Демидовка; 16 - Отмичи; 17 - Топорок; 18 - Бородинское; 19 - Троицкое; 20 - Дьяково; 21 - Луковня; 22 - Щербинка; 23 - Боршева; 24 - Попадьянское; 25 - Попово; 26 - Безводнинский могильник; 27 - Сужда

220

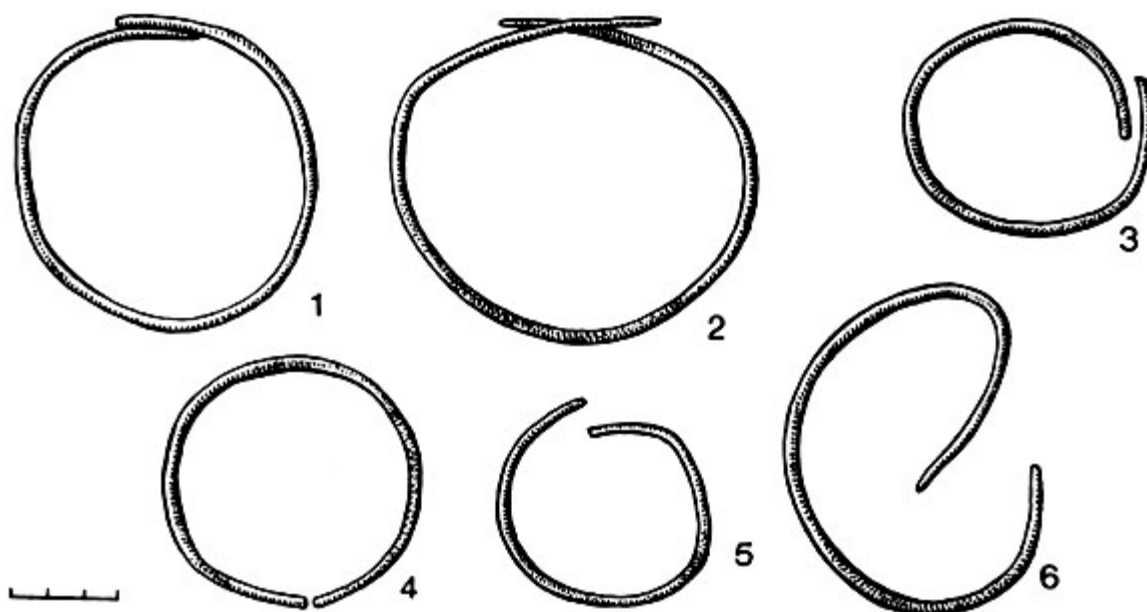

Рис. 63. Браслетообразные височные кольца середины I тысячелетия н.э.:

1 - Эйкотишкес; 2 - Демидовка; 3 - Попово; 4 - Попадьянское; 5 - Отмичи; 6 - Микольцы

концентрации сопок такие кольца почти полностью отсутствуют, ни к смоленско-полоцким кривичам, которым свойственны были браслетообразные завязанные кольца, Правда, вместе с ними в Смоленском Поднепровье и Полоцком Подвинье встречено и сравнительно небольшое число браслетообразных сомкнутых колец, но это вполне объяснимо, поскольку носители последних в какой-то части вошли в состав и смоленско-полоцких кривичей и словен ильменских.

Браслетообразные сомкнутые височные кольца обнаружены в целом ряде курганов с трупосожжениями и на поселениях VIII-X вв. [39], а восходят к еще более раннему времени. Серия таких височных украшений встречена при раскопках городища Демидовка на Смоленщине в

напластованиях V-VII вв., относящихся к тушемлинско-банцеровской культуре [40]. Среди них есть бронзовые, серебряные и железные, диаметры колец колеблются от 4 до 8 см. Концы их сходящиеся - тупые или имеют слабое коническое утолщение. Подобные височные украшения различного диаметра, в том числе и довольно крупные, с сомкнутыми или заходящими концами найдены и на других памятниках тушемлинско-банцеровской культуры. Таковы городища Аздзятичи в Борисовском р-не [41] и Близнаки на Смоленщине [42], городище-убежище Бароники в Витебском р-не

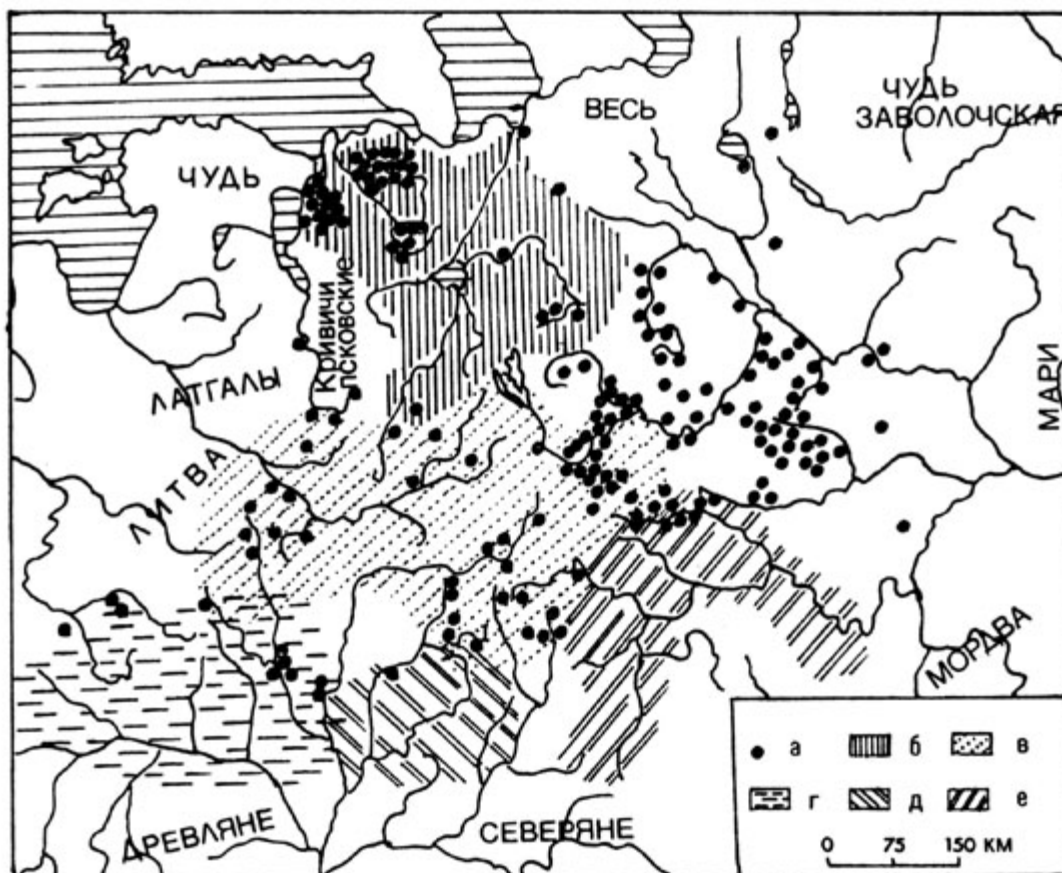

Рис. 64. Распространение браслетообразных сомкнутых височных колец в XI-XIII вв.:

а - памятники с находками этих украшений. Ареалы: б - ильменских словен; в - смоленско-полоцких кривичей; г - дреговичей; д - радимичей; е - вятичей

[43], селища Микольцы близ оз. Мясра [44], Бельчицы под Полоцком [45], Прудники на р.Вята в Миорском р-не [46], Дедиловичи в Борисовском р-не и близ д. Городище в Мядельском р-не [47]. Фрагменты браслетообразных височных колец встречены также при раскопках городища Васильковка в Логойском районе [48]. По всей вероятности, к браслетообразным кольцам с несколько утолщенными концами принадлежат и некоторые фрагменты, обнаруженные в погребениях грунтового могильника у д. Акатово на Смоленщине [49]. На городище Свила в Полоцком Подвинье два браслетообразных височных кольца встречены вместе с кальцинированными костями [50].

Эти находки браслетообразных сомкнутых височных колец еще не могут быть основанием для славянской атрибуции тушемлинско-банцеровской культуры, но, очевидно, определяют присутствие в V-VII вв. в среде днепровских балтов славянского этнического компонента.

Об этом свидетельствуют и материалы домостроительства. На поселениях

тушемлинско-банцеровской культуры обнаруживается несколько типов жилых построек. Выше уже говорилось, что на ряде поселений этой культуры раскопаны полуземляночные жилища с печами-каменками, отражающие инфильтрацию антского населения. Со славянами северного ареала связаны некоторые элементы наземного домостроительства. Среди наземных жилищ тушемлинско-банцеровской культуры выявляется три основных типа. На поселениях Кислое 2, Жабино, Городище и Некасецк открыты наземные столбовые жилища, а на городище Демидовка и селище Устье - длинные многокамерные строения столбовой конструкции. Отопительными сооружениями в этих постройках были простые ямные очаги, иногда обложенные по периметру камнями. В Банцеровщине, Демидовке, Тушемле, Устье и других памятниках открыты также каменные очаги, а на поселении Городище исследован глиняный очаг с вмазанными камнями. Располагались очаги обычно посередине жилища или около одной из стен. Эти постройки безусловно принадлежат к местному домостроительству. К славянским жилищам относятся постройки третьего типа - срубные с типично славянским интерьером. Отопительные сооружения (печи или глиняные очаги) занимали один из углов жилищ. Остатки таких домов исследовались на поселениях Дедиловичи, Городище, Ревячка и Узмень.

Браслетообразные височные украшения рассматриваемого здесь типа в то же время появляются и за пределами ареала тушемлинско-банцеровской культуры в более восточных землях (рис. 62). Они найдены на позднедьяковских (москорецких и верхневолжских) городищах - Боршевском, Топорок и Отмици, на Попадьинском селище. Из слоев городища Луковня происходит браслетообразное кольцо с утолщенными концами [51]. Их датировка устанавливается материалами Троицкого городища, верхняя дата жизни на котором ограничивается V - началом VI в. [52].

Население Верхневолжья и Москворечья, по всей вероятности, в некоторой степени было родственно племенам тушемлинско-банцеровской культуры. Об этом наряду с особенностями домостроительства и вещевым инвентарем говорит керамический материал. Анализ глиняной посуды Щербинского, Троицкого и Неждинского городищ выявляет весьма интенсивные связи с Верхним Поднепровьем. Близость керамических форм дает основание полагать наличие в позднедьяковской и тушемлинско-банцеровской культурах родственных этнических компонентов, что обусловлено прослеживаемым археологически движением групп верхнеднепровского населения в западные районы дьяковской культуры, имевшим место в первой половине I тыс. н.э. [53].

Имеются все основания полагать, что население, в состав женских украшений которого входили браслетообразные височные кольца, было славянским. В середине и третьей четверти I тыс. н.э. оно расселилось в Полоцком Подвинье, Смоленском Поднепровье и части районов Волго-Окского междуречья среди аборигенного балтского и, вероятно, мерянского населения. Каких-либо местных корней этим украшениям выявить не удастся. С этого времени эти височные кольца стали характерным украшением одной из славянских племенных группировок и были в употреблении вплоть до XIII в. включительно.

Массив населения середины и третьей четверти I тыс. н.э. с находками браслетообразных височных колец был весьма многочисленным и довольно активным. От него исходили мощные импульсы, оказавшие заметное воздействие на жизнь и культуру соседних племен. То обстоятельство, что памятников этого времени с находками таких украшений немного по сравнению с древностями XI-XIII вв., не может быть использовано для утверждения о малочисленности пришлого населения или слабой распространенности браслетообразных колец. Их находки

середины и третьей четверти I тыс. н.э. происходят исключительно с поселений, а число поселений XI-XIII вв. на той же территории, в которых обнаружены подобные украшения, даже меньше количества пунктов с такими находками предшествующего времени.

Восточная часть Волго-Окского междуречья и Среднее Поволжье в это время были заселены несколькими волжско-финскими племенами. Ближайшим соседом носителей браслетообразных височных колец была меря, упомянутая историком готов Иорданом (VI в.) и зафиксированная русской летописью [54].

Названное выше Попадьинское селище, где найдены наиболее ранние украшения рассматриваемого облика, является поселением мери [55], и можно полагать, что инфильтрация славян в ареал этого финноязычного племени восходит к VI столетию. Уже в VII в. в области расселения мери браслетообразные височные кольца с сомкнутыми или заходящими концами распространяются более широко. Они встречены на городищах Сарском, Мало-Давыдовском и Выжегша, на селищах Пеньково, Шурская III и Новотроицкое, а также в ранних погребениях Сарского могильника [56].

Именно в это время, начиная с VII в., согласно наблюдениям А.Е.Леонтьева, в Волго-Клязьменском междуречье происходят принципиальные изменения в системе расселения. Исчезают небольшие городцы, им на смену приходят неукрепленные поселения более крупных размеров, приуроченность которых к пойменным лугам уже не прослеживается. Возрастает численность и плотность населения. Ведущую роль в экономике теперь стало играть земледелие: основная часть поселений тяготеет к участкам с наиболее плодородными почвами. Новая система расселения остается неизменной и в древнерусский период. Ее никак нельзя связывать с мерей, поскольку сохранившиеся островками в Северо-Восточной Руси поселения мери ("мерские станы") первых веков II тысячелетия характеризуются иными топографическими особенностями. Отмеченное выше может быть объяснено только притоком в области мери новых масс населения. О проникновении славян в Волго-Клязьменское междуречье в это время говорят и отдельные формы глиняной посуды. Так, из городища Выжегша происходит горшок, не находящий аналогий среди керамики мери и сопоставимый со славянской посудой. К ранней славянской керамике безусловно принадлежит и лепной горшок, найденный при раскопках Суздальского некрополя, но относящийся к ранее существовавшему здесь поселению [57]. Аналогичная посуда, как отмечают исследователи памятника, имеется в материалах Шихино и Млевского Бора, а также на поселениях Удомельского региона. К сожалению, поселения рассматриваемого времени в ареале мери пока слабо изучены и не представляют возможности для детальных этнокультурных построений, подобно тому, как это недавно выполнено И.В.Ислановой в отношении Удомельского региона [58].

Очевидно, под влиянием славян, расселившихся в земле мери, какая-то часть местного населения стала тоже носить браслетообразные височные кольца, но они несколько отличались от славянских - завершались втулкой на одном из концов и заострением на другом [59]. Другого объяснения появления браслетообразных колец среди мери найти не удается.

Обычай ношения браслетообразных височных колец распространился и на регион Средней Оки. В середине I тыс. н.э. Рязанское Поочье принадлежало какому-то племенному образованию, хорошо известному по культуре рязанско-окских могильников [59]. Анализ материалов этих памятников выявляет в составе населения этого региона две этнокультурные группы. Одна из них принадлежит аборигенному поволжско-финскому населению, вторая - переселенцам из верхнеокского бассейна [61].

Население культуры рязанско-окских

могильников какое-то время не знало браслетообразных височных колец. Согласно данным последних раскопок Шатрищенского могильника, бронзовые и серебряные височные кольца с сомкнутыми концами (диаметрами 4,8-5,5 см) появляются в Среднем Поочье в VII - начале VIII в.

[62]. Они встречены в девяти погребениях этого могильника, относящихся к последней стадии его функционирования, шесть из которых имели несвойственную финно-угорскому миру широтную ориентацию. Появление новых украшений на средней Оке, нужно полагать, отражает проникновение небольших групп носителей браслетообразных височных колец в местную среду.

Распространились эти украшения в Рязанском Поочье не широко. В ряде могильников они не встречены вовсе, в других - единичны. Так, в Борковском могильнике браслетообразные кольца обнаружены только в одном захоронении, ориентированном головой к юго-западу [63]. Согласно датировкам А.К.Амброза, это захоронение относится к четвертому этапу эволюции окских древностей, то есть к VII в. [64].

Два браслетообразных височных кольца диаметром 4,7 см, с сомкнутыми концами обнаружены в погребении 36 Старокадомского могильника, принадлежащего к культуре рязанско-окских. При погребенной в могиле 51 этого могильника найдены проволочные браслеты, использованные в качестве височных колец. Некрополь датируется VI-VII вв., а захоронения с височными украшениями относятся к VII в. [65].

Более широко браслетообразные кольца распространились в области расселения муромы. Время их появления надежно определяется VII в. Так, в Малышевском могильнике браслетообразные височные кольца с сомкнутыми или заходящими концами характерны для стадии А. Они носились по одному или по два с каждой стороны головы [66]. В Кочкинском могильнике, расположенном на берегу р. Лух, левом притоке Клязьмы, и датируемом второй половиной VII - первой половиной VIII в., такие височные украшения обнаружены в 10 погребениях - двух по обряду трупосожжения, остальных по обряду ингумации, преимущественно с нехарактерной для муромы западной ориентировкой [67]. Браслетообразные сомкнутые височные кольца найдены также в могильниках муромы - Подболотьевском [68], Максимовском [69] и Чулковском [70]. Известны такие височные украшения и среди находок на поселениях муромы [71].

Представляется бесспорным, что обычай ношения браслетообразных височных колец был привнесен в земли окско-финских племен славянами из ареала, где они были весьма распространены. Первоначально их носили славянские переселенцы, но вскоре и среди муромских женщин зарождается традиция ношения височных колец. Однако собственно муромские кольца имеют своеобразие: один конец их оформляется в виде крючка, другой - в виде щитка с отверстием. Такие украшения становятся весьма характерными для муромы и рассматриваются исследователями как этнографический показатель этого племени [72]. Они сосуществуют в одних и тех же могильниках вместе с браслетообразными сомкнутыми кольцами, свидетельствуя о совместном проживании пришлого и местного населения.

Судя по материалам Малышевского могильника, немногочисленные браслетообразные щитковоконечные кольца появляются на стадии А, но наибольшее распространение их приходится на период IX-XI вв. Муромские женщины, как свидетельствуют раскопки этого памятника, носили по четыре-пять таких колец с каждой стороны головы [73]. Такая же картина наблюдается и при анализе материалов других могильников муромы. По подсчетам А.Ф.Дубынина, в Малышевском могильнике щитковоконечные кольца составляют 74% всех браслетообразных височных украшений, в Подболотьевском - около 80%. Могильники муромы

VII-X вв. следует относить уже к смешанному муромо-славянскому населению.

Основная масса браслетообразных височных колец с щитком и крючком датируется VII-X вв. [74]. Выявляются их изменения во времени. Для VIII-IX вв. характерны кольца с крупным щитком округлой или овальной формы. Нередко они дополнялись шумящими привесками или спиральными перстнями, нанизанными на их стержни. Во второй половине IX - X в. щиток уменьшается и

утрачивает правильную форму. Позднее щитковоконечные височные кольца выходят из употребления. Муром к этому времени, очевидно, в своей основной массе растворился в славянской среде. В исторических событиях, отраженных русскими летописями, это племя уже не называется. Оно упомянуто лишь во вводной части "Повести временных лет" и под 862 годом, где сообщается только, что древним населением Мурома была мурома [75].

Славянское расселение раннего средневековья, по-видимому, протекало порой скачкообразно. Сравнительно небольшие группы славянского населения, оторвавшись от основного массива соплеменников, иногда заходили довольно далеко. В Среднем Поволжье памятниками, свидетельствующими об этом, являются Безводнинский могильник и поселения с могильником у с. Попово на Унже.

Расположенный в Нижегородской обл. на берегу р. Кудьмы, близ ее впадения в Волгу, Безводнинский могильник был раскопан и опубликован Ю.А.Красновым [76]. Исследователь считал браслетообразные височные кольца с сомкнутыми и заходящими концами характерными для моноплеменного населения, оставившего этот памятник. Однако дополнительный анализ его материалов, по-видимому, свидетельствует о несколько иной ситуации. Выясняется, что эти височные украшения бытовали только у части населения, преимущественно на ранних стадиях, и постепенно вышли из употребления. Они обнаружены в значительном количестве в погребениях первой стадии (V - начало VI в.). Захоронения с браслетообразными кольцами составляют 46,2% общего числа погребений этого времени. Нельзя не отметить, что среди женских труположений первой стадии доминируют захоронения с северо-западной ориентировкой, в то время как синхронные мужские погребения были обращены в основном головами на север. На второй стадии (VI-VII вв.) доля захоронений с браслетообразными височными кольцами уменьшается до 35%. По-прежнему большинство женщин погребалось головами на северо-северо-запад или на северо-запад, но теперь появляется и меридиональная ориентировка. Все мужские захоронения имеют, как и раньше, северную ориентацию. В погребениях третьей стадии браслетообразных колец не обнаружено, но они есть на четвертой стадии (VII - первая половина VIII в.), составляя всего 9%. В этой связи есть все основания полагать, что носители браслетообразных височных колец не были аборигенами. Они появились в этом регионе около VI в., влившись в местную среду, и стали хоронить умерших в общем некрополе. Постепенно пришлые племена растворились в массах финноязычного населения.

Комплекс памятников у д. Попово на р. Унже отнесен его исследователями к позднедьяковской культуре. Браслетообразные височные кольца обнаружены здесь на городище в яме 19, датируемой VI-VII вв. [77], и в погребениях 7 и 10 расположенного поблизости грунтового могильника, относимого к тому же времени [78].

По всей вероятности, около VII в. небольшая группа населения, в составе украшений которого были браслетообразные сомкнутые височные кольца, достигла юго-западных окраин области расселения марийцев. Свидетельством этому являются находка таких колец в Младшем Ахмыловском могильнике, датируемом в целом V-VII вв. [79].

Следующий этап инфильтрации

племен - носителей браслетообразных сомкнутых височных колец в регион марийцев датируется IX-XI вв., когда эти украшения уже широко бытовали у древнерусского населения Северо-Восточной Руси. Миграцией была охвачена опять-таки сравнительно небольшая окраинная часть марийской территории близ впадения Ветлуги в Волгу. Браслетообразные сомкнутые кольца обнаружены здесь в единичных погребениях двух могильников - Дубовского [80] и "Нижняя Стрелка" близ с. Починки на берегу Волги [81], а также на Чертовом городище. В захоронениях могильника "Нижняя Стрелка" встречены также щитковоконечные и втульчатые височные кольца, свидетельствуя о неоднородности пришлого населения. Очевидно, влиянием славянского населения обусловлено было зарождение в

среде марийцев своеобразных браслетообразных височных колец, по облику напоминающих местные шейные гривны. Концы их были или отогнуты под прямым углом, и отогнуты и завершались утолщением или многогранником. Такие височные кольца зафиксированы в пяти марийских могильниках - Веселовском, Дубовском, Лопъяльском, "Черемисском кладбище" и Юмском [82]. К XII в. они, по-видимому, выходят из употребления. Правда, в двух погребениях Выжумского и двух захоронениях Руткинского могильника, датируемых XII-XIII вв., встречены браслетообразные сомкнутые височные кольца [83], но это уже результат продолжающихся контактов марийцев с населением Северо-Восточной Руси в XII-XIII вв.

Следы малозаметной инфильтрации носителей браслетообразных височных колец выявляются и в ареале псковских длинных курганов. Два таких кольца диаметрами 5 и 6 см найдены при раскопках одного из длинных курганов при д. Казиха в Себежском Поозерье [84] и одно происходит из длинного кургана в Городне на восточном побережье Псковского озера [85].

Восемь браслетообразных сомкнутых височных колец обнаружены в составе клада VI в., найденного в 1947 г. в окрестностях г. Суджа в Курской обл. Они сделаны из толстой проволоки, концы их имеют утолщения [86]. Скорее всего, эти украшения происходят из рассмотренного выше ареала браслетообразных колец.

Определить, какие этноязыковые процессы имели место в ареале тушемлинско-банцеровской культуры, не представляется возможным. Местные племена днепровских балтов, по-видимому, численно превосходили население, представленное браслетообразными височными кольцами, поэтому об активной славизации аборигенов говорить преждевременно. В VIII в. на территории Полоцкого Подвинья и Смоленского Поднепровья вторглись новые группы славянского населения. В результате началось формирование смоленско-полоцкой группы кривичей, в состав которых в условиях ассимиляционных процессов включились местные днепровские балты.

Славянское население, осевшее в начале средневековья в Верхневолжском регионе и в части Волго-Окского междуречья, постепенно славянизировало местные финноязычные племена и стало ядром-основой древнерусского населения Северо-Восточной Руси. В IX-X вв. славяне - носители браслетообразных височных колец расселяются к северу, вплоть до южных берегов Белого озера.

Рассматриваемая группировка славян, следами расселения которой являются браслетообразные сомкнутые височные кольца, первоначально не знала курганной обрядности, поэтому обнаружение ее погребальных древностей затруднительно. Прослеживаемые по курганам X-XIII вв. миграции в Волго-Окское междуречье словен новгородских с северо-запада и кривичей из Верхнего Поднепровья были вторичными волнами славянских перемещений, принесшими сюда курганный обряд погребения. Они в той или иной степени только пополнили население Ростово-Суздальской земли. Грунтовые могильники X-XIII вв., функционировавшие в

ареале браслетообразных сомкнутых височных колец параллельно с курганными, нужно полагать, являются реликтовыми некрополями славян первой волны расселения в землях Северо-Восточной Руси. Таковы Федовский бескурганный могильник с большим числом находок браслетообразных сомкнутых колец [87], могильники в с. Великое в Ярославском районе [88], Купанский на берегу Плещеева озера [89], у д. Кресты на Мологе [90] и ряд менее известных. Какая-то часть их была картирована Е.И.Горюновой [91]. Бескурганные могильники X-XIII вв. изучались также в регионе Белого моря и Прионежья. В этой связи Н.А.Макаров отметил, что на Русском Севере имеются регионы, заселенные древнерусскими жителями, где обычай насыпать курганы не был известен, и что курганный обряд не был единственной формой погребального ритуала Северной Руси [92]. Однако в XI-XIII вв. древнерусское население Северо-Восточной Руси было уже в значительной степени метисным, поэтому простое отнесение грунтовых могильников к славянам ранней миграционной волны, а курганных кладбищ к более поздним этапам славянской колонизации

представляется абсолютно неправомерным. В это время славяне - носители браслетообразных сомкнутых височных колец хоронили умерших как по бескурганному обряду, так и в курганах.

В научной литературе было обращено внимание на отсутствие преемственности между антропологическим строением средневекового населения, известного по курганам Северо-Восточной Руси, и современным русским населением той же территории. Различия касаются весьма существенных особенностей как черепной коробки, так и лицевого скелета [93]. Высказанная антропологами в этой связи догадка о возможности мощных притоков славянского населения в эти края в послемонгольский период не находит каких-либо подтверждений. Все становится ясным, если признать, что ядром великорусов было славянское докурганное население, освоившее земли Волго-Окского междуречья еще в третьей четверти I тыс. н.э.

Восточновеликорусские говоры междуречья Волги и Оки, согласно последним акцентологическим изысканиям лингвистов, принадлежат к четвертой группе. "Диалекты этой группы ввиду сугубой архаичности их акцентной системы не могут быть объяснены как результат вторичного развития какой-либо из известных акцентологических систем, а должны рассматриваться как наиболее раннее ответвление от праславянского; этнос носителей этого диалекта представляет, по-видимому, наиболее ранний восточный колонизационный поток славян" [94]. Достаточно ранняя изоляция этого диалекта, как полагают исследователи, препятствовала распространению "долготной" и "краткостной" оттяжек, свойственных другим первоначальным диалектными группам праславянского языка. Изложенное выше полностью коррелируется с этим выводом лингвистов. Нельзя не обратить внимания и на то, что распространение браслетообразных сомкнутых височных колец XI-XIII вв. в значительной степени соответствует регионам говоров четвертой акцентологической группы [95].

Этноним славянской группировки, расселившейся в междуречье Волги и Оки около середины I тыс. н.э., нам неизвестен. Весьма вероятно, что в период становления Древнерусского государства это племенное образование называлось мерей. Этноним проживавшего на этой территории поволжско-финского племени, был, как это нередко наблюдается в древней истории, перенесен и на пришлое население. Во всяком случае, когда летописец писал, что "перьвии насельници в Новгороде словене в Полотьски кривичи, а в Ростове меря..." [96], он имел в виду, по всей вероятности, славян, занявших земли мери, а не финноязычное население этого края.

Археологические исследования Ростова показали, что в основе города лежит

открытое поселение, характер керамики и вещевого материала которого носят славянский облик [97]. Можно полагать, что меря, названная среди славянских племен, участвовавших в походе 907 г. киевского князя Олега на Царьград, не принадлежала к финноязычному населению, которое сохранялось в междуречье Волги и Клязьмы в это время лишь небольшими островками. Сравнительно быстрой славизации финской мери Ростово-Суздальской земли в какой-то степени способствовало то, что в основе мерянского языка лежали древние волжско-финские диалекты, сформировавшиеся в условиях поглощения индоевропейского языка фатьяновцев [98].

Итак, население, расселившееся около середины I тыс. н.э. на широких пространствах лесной зоны Восточноевропейской равнины, широко использовало в качестве украшений браслетообразные височные кольца. Возникает вопрос: где проживали предки этого населения, где находился регион более раннего распространения таких колец? Однако такого региона пока выявить не удастся. Видимо, нужно полагать, что обычай ношения браслетообразных височных колец получил относительно широкое распространение среди характеризуемой праславянской группировки уже в новых местах проживания. Фрагментарные находки бронзовых проволоочных колец большого диаметра, которые могли бы послужить основой для браслетообразных височных украшений рассматриваемого здесь типа, обнаружены в отдельных памятниках III-IV вв. бассейна Вислы [99].

В VIII-IX вв. преимущественно в северной части территории тушемлинско-банцеровской культуры получают распространение длинные и удлиненные курганы, получившие в литературе название смоленско-полоцких (рис. 65). Они заметно отличаются от псковских длинных курганов и составляют особую группу погребальных памятников, и даже отдельную археологическую культуру [100]. Вместе с тем, смоленско-полоцкая группа длинных курганов образует общий ареал с псковскими длинными курганами, указывая на какую-то взаимосвязь этих погребальных памятников.

Смоленско-полоцкие курганы не имеют в основаниях зольно-угольных прослоек, образуемых от предварительного очищения огнем площадки, избранной для сооружения погребальной насыпи, что характерно для псковских валообразных насыпей. Это вполне объяснимо, поскольку, как отмечалось выше, эта особенность обрядности была унаследована от местного прибалтийско-финского населения, а на территории смоленско-полоцких курганов дославянским населением были племена днепровских балтов. Отличаются смоленско-полоцкие курганы от псковских и по своим размерам: длина их не превышает 30 м, а большинство имеют в длину 10-20 м. Но самым существенным различием является наличие в захоронениях рассматриваемых памятников своеобразного инвентаря, включающего предметы женского головного убора типа летто-литовских вайнаг, полусферические бляхи, проволочные биэсовидные украшения, трапециевидные и грибовидные привески, костяные привески в виде птичек.

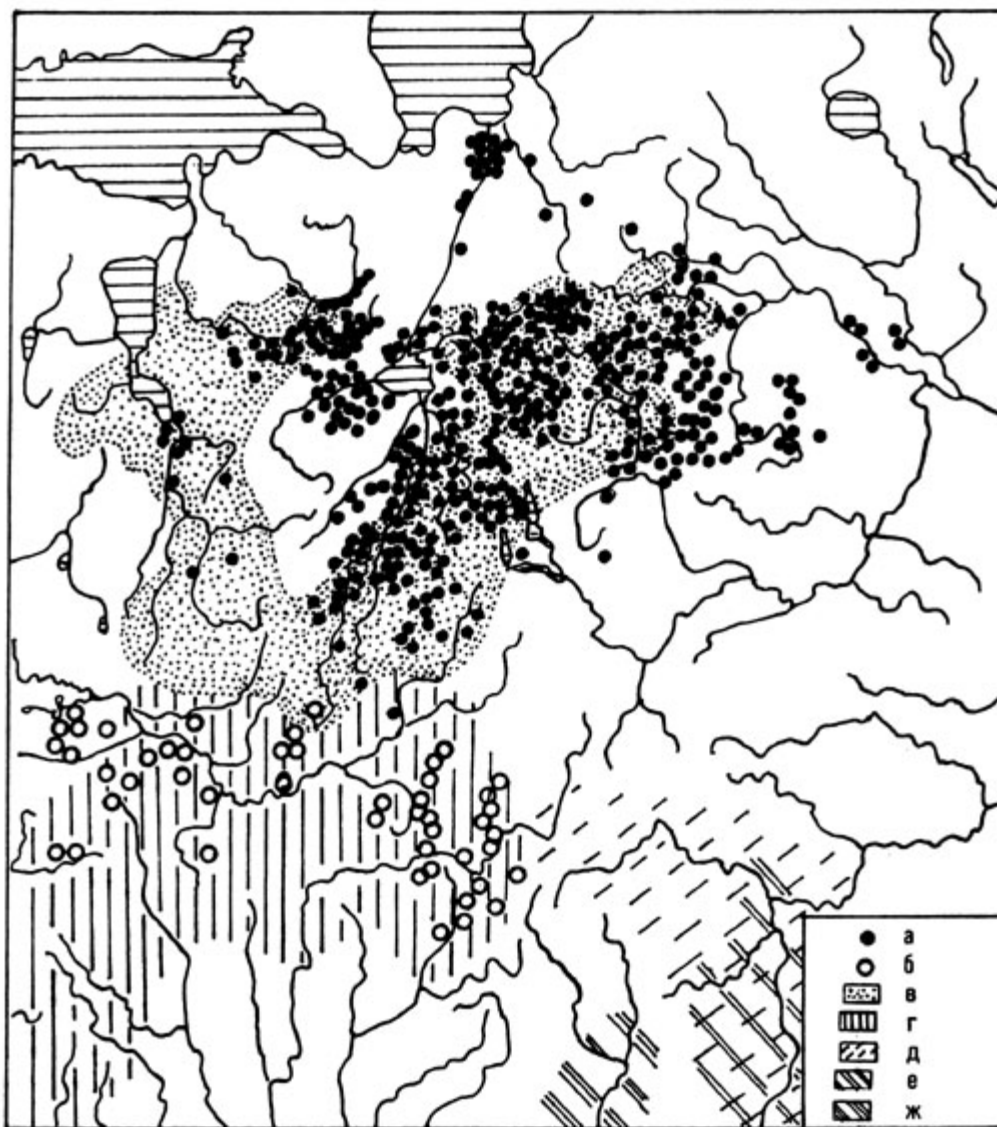

Рис. 65. Распространение новгородских сопок и длинных курганов смоленско-полоцкого типа:
а - могильники с сопками; *б* - могильники со смоленско-полоцкими длинными курганами.
 Ареалы: *в* - псковских длинных курганов; *г* - тушемлинско-банцеровской культуры; *д* - мощинской культуры; *е* - вятичей (VIII в.); *ж* - роменской культуры

Все эти украшения имеют многочисленные аналогии в балтских древностях более западных территории и идентичны находкам из грунтовых могильников тушемлинско-банцеровской культуры типа Акатова-Узмень. Появление их в захоронениях длинных курганов Смоленской и Полоцкой земель может быть объяснено только тем, что местные балты приняли непосредственное участие в генезисе населения, оставившего эти памятники. Следует иметь ввиду, что балтские вещи встречены в сравнительно небольшом числе захоронений, в то время как большинство их является безынвентарными.

Вещевые материалы смоленско-полоцких длинных курганов дают надежное основание для датировки захоронений VIII-IX вв. Лишь на окраинах ареала этих памятников встречаются отдельные

захоронения, которые могут быть отнесены к X в. В целом же переход от погребений в длинных курганах к трупосожжениям в круглых (полусферических) насыпях в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье, как и в Псковской земле, приходится на IX столетие. В Смоленско-Полоцком регионе в круглых курганах с захоронениями по обряду кремации, пришедших на смену длинным, также встречаются вещи балтских типов, но количество погребений с таким находками заметно уменьшается, отражая процесс постепенной славизации днепровских балтов.

Существенных различий в погребальной обрядности смоленско-полоцких и псковских длинных курганов не выявляется. Некоторые отличия безусловно есть, но они не носят принципиального характера. К тому же они вполне объяснимы, учитывая различные этносы, принявшие участие в генезисе населения ареалов псковской и смоленско-полоцкой групп длинных курганов.

По всей вероятности, становление курганного обряда захоронений в Полоцкой и Смоленской землях было обусловлено какими-то перемещениями населения из ареала псковских длинных курганов. По хронологическим мотивам допустимо предположение, что эта миграция связана с расселением и активизацией именно в начале VIII в. словен ильменских, представленных культурой сопок и занявших значительную часть ареала псковских длинных курганов. В этих условиях часть племен из этого ареала вынуждена была продвинуться в северные районы Полоцкого Подвинья и Смоленского Поднепровья, в области тушемлинско-банцеровской культуры. В результате здесь появился курганный обряд захоронения, причем он, по-видимому, вскоре был воспринят местным населением, о чем говорит, прежде всего, специфический вещевой инвентарь захоронений смоленско-полоцких длинных курганов.

В.В.Енуков, концентрируя внимание на различиях, наблюдаемых между смоленско-полоцкими и псковскими длинными курганами, высказал догадку о происхождении смоленско-полоцких погребальных насыпей из Гомельско-Могилевского Поднепровья [101], что представляется абсолютно неприемлемым. Этому противоречат и географическое распространение смоленско-полоцких длинных курганов (они известны, как уже отмечалось, в северной части тушемлинско-банцеровского ареала, непосредственно примыкающей к территории псковских валообразных насыпей, в то время как в южной части, соседящей с Гомельско-Могилевским Поднепровьем, курганная обрядность ранее IX-X вв. неизвестна), и хронологические мотивы (в Гомельско-Могилевском Поднепровье курганы появляются на столетие-полтора позднее, чем смоленско-полоцкие длинные курганы).

Ареал длинных курганов в целом охватывает три древнерусские земли - Псковскую, Смоленскую и Полоцкую. Все они, согласно сведениям летописей, были заселены кривичами - самой крупной этнографической единицей восточного славянства.

В этнографическом введении Повести временных лет указывается, что кривичи обитали "...на верхъ Волги, и на верхъ

Двины и на верхъ Днепра, их же градъ есть Смоленскъ" [102]. Тот же источник под 862 годом отмечает, что "первѣи насельници...в Полотьски кривичи" [103], а полочане происходят от кривичей [104]. В Ипатьевской и Воскресенской летописях полоцкие князья именуются кривичскими [105]. Из летописной легенды о призвании на княжение варягов очевидно, что Изборск стоял в кривичской земле, а в Архангелогородском летописце сохранилось прямое известие об Изборске как кривичском городе [106]. Поэтому в научной литературе укоренилось мнение, что Псковская земля была частью кривичского ареала. В пользу этого говорит и то, что латыши до сих пор называют всех русских термином, производным от этнонима кривичи (krievs). Латышские племена непосредственно соседнили только со славянами-кривичами, и этот этноним позднее был распространен ими на все русское население. Основная же часть пограничья латышских племен со славянами приходится на ареал псковских длинных курганов.

Псковскую землю со Смоленской и Полоцкой объединяют также языковые материалы. Ныне псковские говоры относятся к переходным, сложившимся в условиях тесного взаимодействия наречия, ставшего севернобелорусским, с северновеликорусским [107]. При этом языковые особенности, связывающие псковские говоры с говорами других кривичских земель, получили в Псковской земле самое последовательное распространение. Можно полагать, что в конце I и в начале II тысячелетия отчетливого рубежа между псковскими и смоленско-полоцкими территориями еще не было. Формирование южной границы псковских говоров, то есть пучка изоглосс, отделяющего их от севернобелорусского диалекта, специалистами датируется временем Великого Литовского княжества [108]. В последнее время кривичские говоры, включающие "псковский диалект" и "смоленский диалект", были объектом обстоятельного изучения С.Л.Николаева [109].

Итак, имеются все основания рассматривать ареал длинных курганов как территорию кривичей, разделившихся уже на ранней стадии на две группы - псковскую и смоленско-полоцкую. Распространение псковских длинных курганов в восточном направлении до бассейнов Мологи и Чагоды не препятствует считать эти памятники кривичскими. Как показано ниже, Ильменский регион в VIII-IX вв. был освоен племенами культуры сопок, включившими в себя и более ранних славян - носителей культуры псковских длинных курганов. Таким образом, эти земли оказались исключенными из кривичского ареала.

История кривичского населения Смоленско-Полоцкого региона была более сложной, чем казалось до недавнего времени. В VIII-IX вв. в этих землях наблюдается инфильтрация новых групп славянского населения, вышедших, по всей вероятности, из далеких Дунайских земель.

В состав женского головного убранства населения, оставившего смоленско-полоцкие длинные курганы, входили оригинальные височные кольца. Они проволочные, диаметрами от 5 до 10 см, с пластинчатыми расширениями на заходящих друг на друга несомкнутых концах, обычно завершающихся крючкообразно. Плоские части их орнаментированы нарезными зигзагообразными линиями (рис. 66: 7-2, 6-8). В единичных случаях на пластинчатых частях делались небольшие отверстия, через которые продевались тонкие проволочные колечки с трапециевидными пластинчатыми привесками.

Такие височные украшения многократно встречены в захоронениях длинных курганов Смоленщины (могильники Акатово, Василевщина, Дроково, Заозерье, Колодня, Слобода, Слобода-Глушица, Хотынь, Цурковка, Шугайлово) и Полоцкого Подвинья (Бальмонт, Вусце, Глинище, Дорохи, Рудня). Кроме того, височные кольца этого же типа целиком или во фрагментах обнаружены разбросанно в

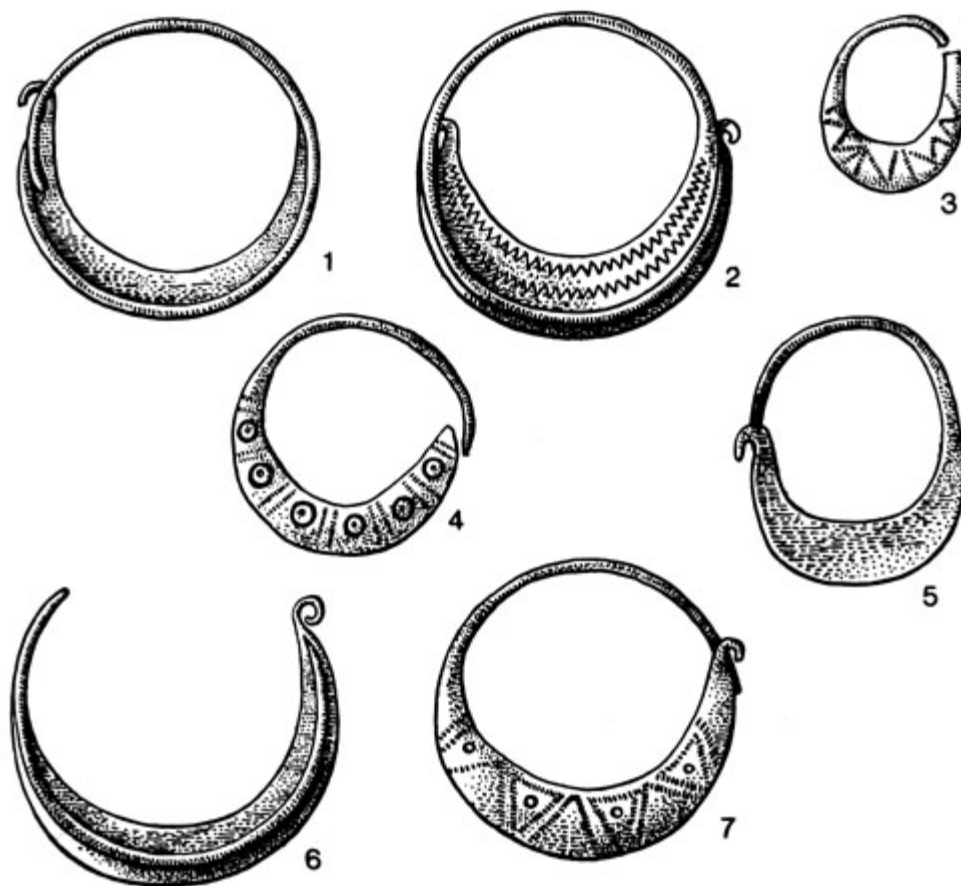

Рис. 66. Проволочно-пластинчатые и лунничные височные кольца: 1 - Заозерье; 2 - Дроково; 3 - Юдовская Вас; 4 - Жминья; 5 - Флашберг; 6 - Шугаилово; 7 - Арефино (1, 2, 6, 7 - Смоленская земля; 3-5 - Среднее Подунавье) единичных памятниках более северных территорий (рис. 67).

Одно височное кольцо рассматриваемого типа происходит с городища Камно под Псковом, где оно найдено в слое, датируемом VIII-IX вв. [110]. Фрагмент такого же украшения с зигзагообразной штихельной орнаментацией обнаружен и в отложениях второй половины I тыс. н.э. Псковского городища. Обломок аналогичного кольца с характерным ребром посредине пластинчатой части и завитком на конце происходит из слоя X - начала XI в. Городища под Великими Луками [111]. Еще две находки рассматриваемых украшений встречены в Старой Ладоге и

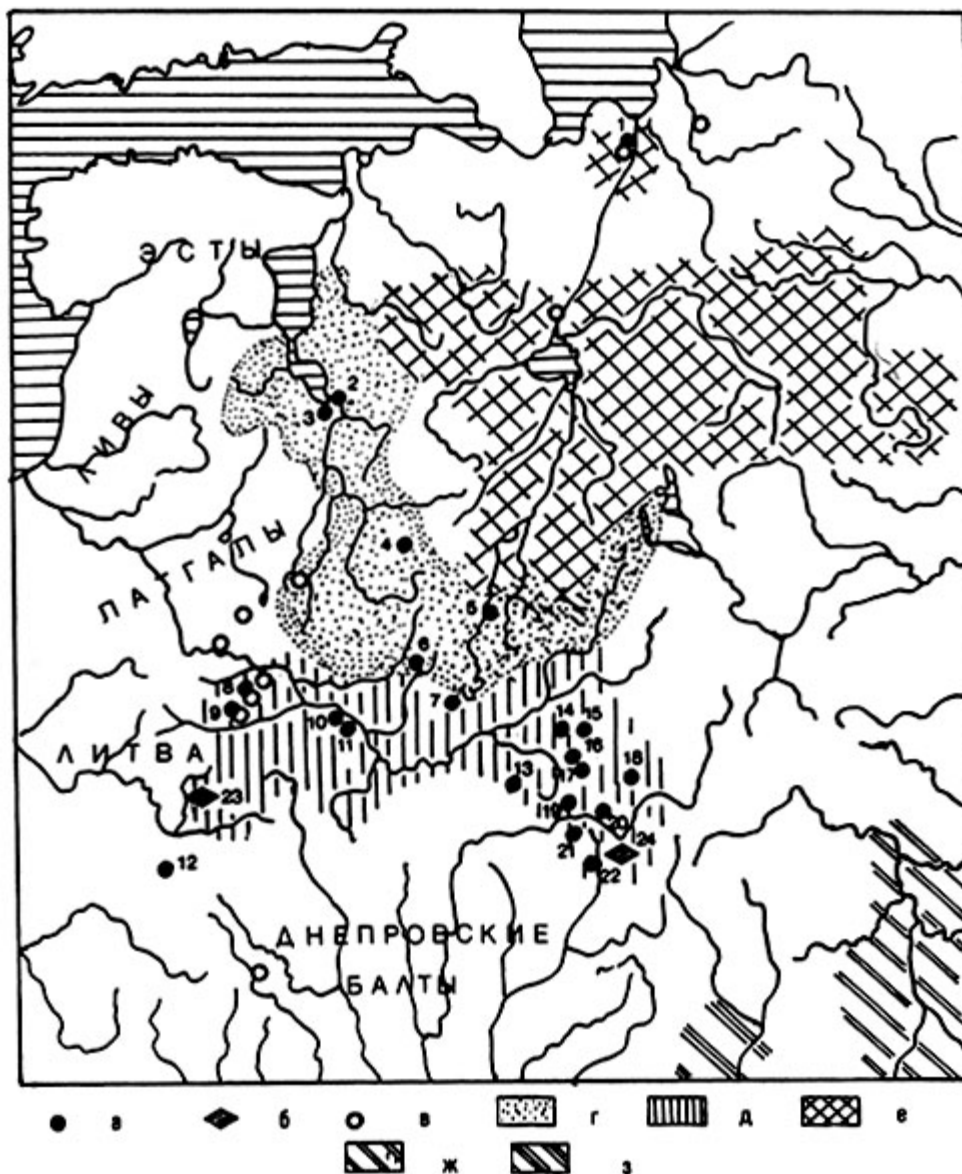

Рис. 67. Распространение проволочно-пластинчатых и лунничных височных колец
Памятники: а - с находками проволочно-пластинчатых колец; б - с находками лунничных колец дунайского происхождения; в - с находками лунничных колец, производных от дунайских. Ареалы культур: г - псковских длинных курганов; д - смоленско-полоцких длинных курганов; е - новгородских сопок; ж - вятичей (VIII в.); з - роменской 1 - Старая Ладога; 2 - Псков; 3 - Камно; 4 - Ржева Пустая; 5 - Городок на Ловати; 6 - Ермошино; 7 - Дорохи; 8 - Бальмонт; 9 - Вусце; 10 - Рудня; 11 - Глинище; 12 - Пирчупяй; 13 - Заозерье; 14 - Шугайлово; 15 - Слобода; 16 - Дроково; 17 - Акатово; 18 - Хотым; 19 - Василевшина; 20 - Колодня; 21 - Цурковка; 22 - Слобода-Глушица; 23 - Городище; 24 - Арефино

на городище Ржева Пустая, где имеется довольно мощный слой с лепной керамикой конца I тыс. н.э.

В отличие от ареала смоленско-полоцких длинных курганов, где рассматриваемые проволочно-пластинчатые височные кольца характерны для погребальных комплексов, вне этой территории все находки происходят с поселений. На всех этих памятниках выявлены отложения со

славянской керамикой последней четверти I тыс. н.э. Часть этих поселений расположена на водных путях, связывавших южные земли с северными. Интересно и то, что на всех названных памятниках обнаружены предметы скандинавского происхождения. О северноевропейских находках в Старой Ладогe писалось неоднократно [112]. Опубликованы и скандинавские предметы, найденные при раскопках в Пскове [113]. Половинка равноплечей фибулы и литейная формочка для зооморфной головки скандинавского облика встречены на Городище под Великими Луками [114]. С городища Камно происходит костяная лопаточка со знаком, распространенным на скандинавских рунических стелах [115]. Игла с зооморфным навершием от скандинавской кольцевой фибулы встречена на городище Ржева Пустая. В этой связи можно полагать, что население культуры смоленско-полоцких длинных курганов приняло какое-то участие в освоении водных путей Северо-Запада, заселенного родственными кривичскими племенами, в период начавшегося восточнославянского-скандинавского взаимодействия.

Височные кольца культуры смоленско-полоцких длинных курганов не находят прямых аналогий среди головных украшений Восточноевропейского региона. До сих пор типологически они сопоставлялись исследователями с летто-литовскими дровово-пластинчатыми шейными гривнами с заходящими концами. Предполагалось, что височные кольца генетически восходят к этим шейным гривнам, и в этой связи они рассматривались как балтские украшения, свидетельствующие или об участии местного балтоязычного населения в этногенезе смоленско-полоцкой ветви кривичей [116], или, как полагал Е.А.Шмидт, о балтской атрибуции культуры смоленско-полоцких длинных курганов [117].

В настоящее время следует решительно отказаться от этого. Названные летто-литовские шейные гривны никак не могли быть прототипами височных украшений. Они получили широкое распространение только в X-XI вв., а наиболее ранние из них датируются временем не ранее конца VIII в. [118], когда височные кольца в Смоленско-Полоцком регионе были уже достаточно распространены. К тому же рассматриваемые височные украшения во всех деталях существенно отличаются от летто-литовских шейных гривен. Последние не имеют проволоочной основы, характерной для височных колец, во первых. Шейные гривны не имеют крючкообразных окончаний, свойственных височным кольцам, во-вторых. Различна и орнаментация сопоставляемых находок.

Основу рассматриваемых височных украшений культуры смоленско-полоцких длинных курганов, безусловно, составляют проволоочные (браслетообразные) височные кольца. В пластинчатых частях смоленско-полоцких колец всегда

наличествует круглое в разрезе утолщение, явно свидетельствующее об этом же. Таким образом, эти височные украшения имеют, прежде всего, местную основу, поскольку браслетообразные головные кольца, как было показано выше, были распространены в тушемлинско-банцеровском ареале.

Другим слагаемым элементом в оформлении височных колец населения культуры смоленско-полоцких длинных курганов, по всей вероятности, были лунничные украшения. Серповидные пластинчатые расширения смоленско-полоцких височных колец - не что иное, как подражание лунничным височным кольцам, бытовавшим в Дунайских землях [119]. С последними височные кольца из смоленско-полоцких длинных курганов роднит и зигзагообразная штихельная орнаментация, и крючкообразные завершения.

Имеется целый ряд фактов, свидетельствующих о переселении более или менее крупных групп дунайского населения в лесную зону Восточной Европы. На курганном могильнике Арефино на Смоленщине было найдено лунничное височное кольцо, очевидно, привнесенное переселенцами из Среднего Подунавья. Почти полной аналогией этой находке, включая орнаментацию, является лунничное кольцо из Жминья в Хорватии [120]. Впрочем, подобные височные украшения известны и из других мест Среднего Подунавья.

По всей вероятности, фрагментом лунничного височного кольца является находка на селище

Городище в Мядельском р-не Белоруссии, обнаруженная при раскопках жилища 38 в отложениях тушемлинско-банцеровской культуры [121]. Лунничное височное кольцо (рис. 68: 6), очень близкое арефинскому, найдено в Старой Ладоге в слое горизонта E2, датируемом второй четвертью IX в. [122]. В свою очередь, к старолadoжской находке генетически восходит еще целый ряд лунничных височных колец, встреченных на окраинах ареала культуры смоленско-полоцких длинных курганов (рис. 67). Так, подобное кольцо с точечным орнаментом по краям найдено на упомянутом выше городище Ржева Пустая. Со старолadoжским сопоставлял находку лунничного височного кольца в Зилупе на восточной окраине Латвии Э.С.Мугуревич [123]. Близким к этой находке является и лунничное височное кольцо с Мадаланского городища Латвии [124]. Еще одна находка лунничного кольца в Латвии происходит из Краславас Саулекскалнс. Эти украшения, очевидно, являются уже местными изделиями, восходящими к занесенным дунайским образцам. Эволюция лунничных височных колец шла по пути увеличения их пластинчатых частей, изменялась и их орнаментация.

Подобные "развитые" лунничные височные кольца известны из ряда пунктов Белоруссии, преимущественно из окраинных мест ареала культуры смоленско-полоцких длинных курганов - Прудники на р. Вяте в Миорском р-не, Масковичи в Браславском Поозерье, Лесная в том же регионе [125]. Еще два серебряных лунничных кольца были обнаружены при раскопках курганов у с. Гребень в верховьях р. Птичь еще в 60-х годах прошлого столетия [126].

Три лунничных височных кольца рассматриваемого облика найдены при раскопках в Новгороде. Они изготовлены из оловянисто-свинцового сплава, длинные стороны их орнаментированы выпуклыми полушариями, перемежающимися линиями ложной зерни. Исследовательница новгородских ювелирных изделий М.В.Седова справедливо сопоставляет эти находки с лунничными кольцами последних столетий I тыс. н.э. Однако в Новгороде описываемые височные кольца обнаружены в культурных отложениях XIV в. [127]. Действительно ли они бытовали в Новгороде в XIV в., или они попали в столь поздние слои в результате потревоженности более ранних напластований, сказать затруднительно.

О миграции отдельных групп дунайского населения в Смоленское Поднепровье и Полоцкое Подвинье говорят не

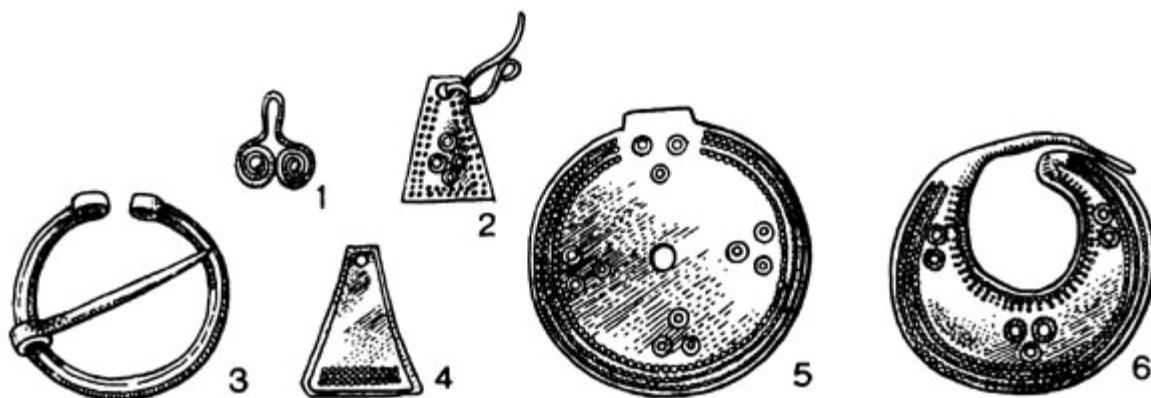

Рис. 68. Вещевые находки из Старолadoжского городища:
1, 2, 4 - привески; 3 - застёжка; 5 - бляха; 6 - височное кольцо
1-6 - цветной металл

только лунничные височные украшения. В одном из длинных курганов у д. Цурковка на Смоленщине была обнаружена часть поясного набора достоверно дунайского происхождения [128]. Т.А.Пушкина в публикации, посвященной височным украшениям IX-X вв. из Гнездовского археологического

комплекса, выделяет группу находок, сопоставимую с кругом дунайских древностей. Со среднедунайским регионом, отмечает эта исследовательница, связаны также чекан блучинского типа и золоченая шпора из той же коллекции. Формы ранней круговой керамики, появляющейся в Гнездове в 20- 30-х годах X в., также имеют дунайское происхождение. Причем это не результат торговых операций, а следствие миграции групп населения из Дунайских земель в Верхнее Поднепровье [129]. Передвижение славянского населения в кривичские земли, по-видимому, было не одноактным процессом, который начался на рубеже VII и VIII столетий и продолжался в последующее время.

С ранним потоком переселенцев, очевидно, связываются описываемые В.Б.Перхавко находки, происходящие из верхних слоев поселений тушемлинско-банцеровской культуры и из смоленско-полоцких длинных курганов и называемые им западнославянскими [130]. В их числе - железные ножи с волютообразно завершенными рукоятками (Городище, Лукомль, Ревячка, Ярцево). На селище Городище такая находка происходит из полуземляночного жилища 27, надежно датированного первой половиной VIII в. Ножам с волютообразными рукоятками, которые рассматриваются как предметы, связанные со славянским языческим культом, посвящена большая литература [131]. Интересно, что нож, найденный в Ярцеве на Смоленщине, принадлежит к типу, распространенному исключительно в славяно-аварских могильниках VIII в. Среднего Подунавья. В этих памятниках находят аналогии и железные втульчатые двухшипные и одношипные наконечники стрел, найденные в Гнездове, Лукомле и других местах.

С переселенцами с Дуная, по всей вероятности, связано появление на верхнем Днепре племени смолян, от имени которого образован топоним Смоленск, о чем говорилось выше.

Проблема миграции более или менее крупных групп славянского населения из Дунайского бассейна в лесные области Восточной Европы нуждается в специальном монографическом изучении. Эти перемещения славян затронули не только Верхнее Поднепровье и Полоцкое Подвинье, но и ряд иных регионов. В частности,

судя по находкам лунничных височных колец, аналогичных дунайским, в Муромском Поочье и разбросанно в отдельных пунктах Среднего Поволжья, допустимо предположение о проникновении группы дунайского населения и в эти земли [132].

Многие исследователи неоднократно обращали внимание на популярность Дуная в славянском фольклоре. Предания о Дунае-батюшке были широко распространены до недавнего времени во многих восточнославянских землях [133]. Одни авторы в этой связи полагали, что это было обусловлено происхождением славян из Дунайского региона, о чем рассказывают и русские летописи. Другие ученые относили зарождение популярности Дуная в славянской среде ко времени балканских войн.

Археологические материалы ныне свидетельствуют, что освоение славянами лесной полосы Восточной Европы было сложным, многоактным процессом. Оно осуществлялось несколькими волнами, исходившими из разных регионов славянского мира. При этом иногда одна волна миграции захлестывалась последующей. Одной из крупных волн дополнительной славянской миграции, затронувшей несколько разбросанных регионов Русской равнины, и было расселение отдельных крупных и мелких групп населения из Дунайских земель. Скорее всего, последнее и стало основой сравнительно широкого распространения в восточнославянском фольклоре сказаний о Дунае.

Завершая характеристику ранних древностей смоленско-полоцких кривичей, нужно отметить, что проволоочно-пластинчатые височные кольца, характерные для них, после X в. выходят из употребления. Население, принесшее из дунайских земель лунничные височные кольца, очевидно, полностью растворилось в кривичской среде и начиная с X в. в землях смоленско-полоцких кривичей

получают широкое распространение браслетообразные височные кольца с завязанными концами. Восходят они несомненно к аналогичным, но не завязанным кольцам, привнесенным в тушемлинско-банцеровский ареал славянами еще в середине I тыс. н.э. Такие украшения наряду с проволоочно-пластинчатыми были в употреблении среди населения, оставившего смоленско-полоцкие длинные курганы. Они встречены, обычно в обломках, в захоронениях таких курганов Слободы-Глушицы, Пнево, Слободы, Ярцева и других [134]. Нужно полагать, что браслетообразные кольца постепенно вытеснили проволоочно-пластинчатые, восприняв обычай завязывания на концах (проволоочно-пластинчатые кольца завершались крючкообразными завитками, которые, вероятно, еще чем-то завязывались). Браслетообразные завязанные височные кольца стали этнографическим маркером смоленско-полоцких кривичей X-XIII вв. Их распространение свидетельствует об их расселении в это время в восточном направлении (рис. 69). Только на окраинах кривичского ареала лунничные височные кольца спорадически бытовали до начала II тыс. н.э.

Культура новгородских сопок

Сопки - высокие крутобокие насыпи с несколько уплощенной вершиной, ооконтуренные в основании кольцом из валунов. Эта внешняя характеристика позволяет выделять их из прочих погребальных насыпей. Впрочем, следует отметить, что среди сопок есть и насыпи с полусферическими и коническими вершинами, и насыпи без видимой каменной обкладки. По своим размерам сопки разнообразны - от небольших, высотой 2-2,5 м и диаметром 12-14 м, до грандиозных, достигающих 10 м в высоту при диаметре около 40 м. Преобладают насыпи до 5 м высотой. Расположены сопки

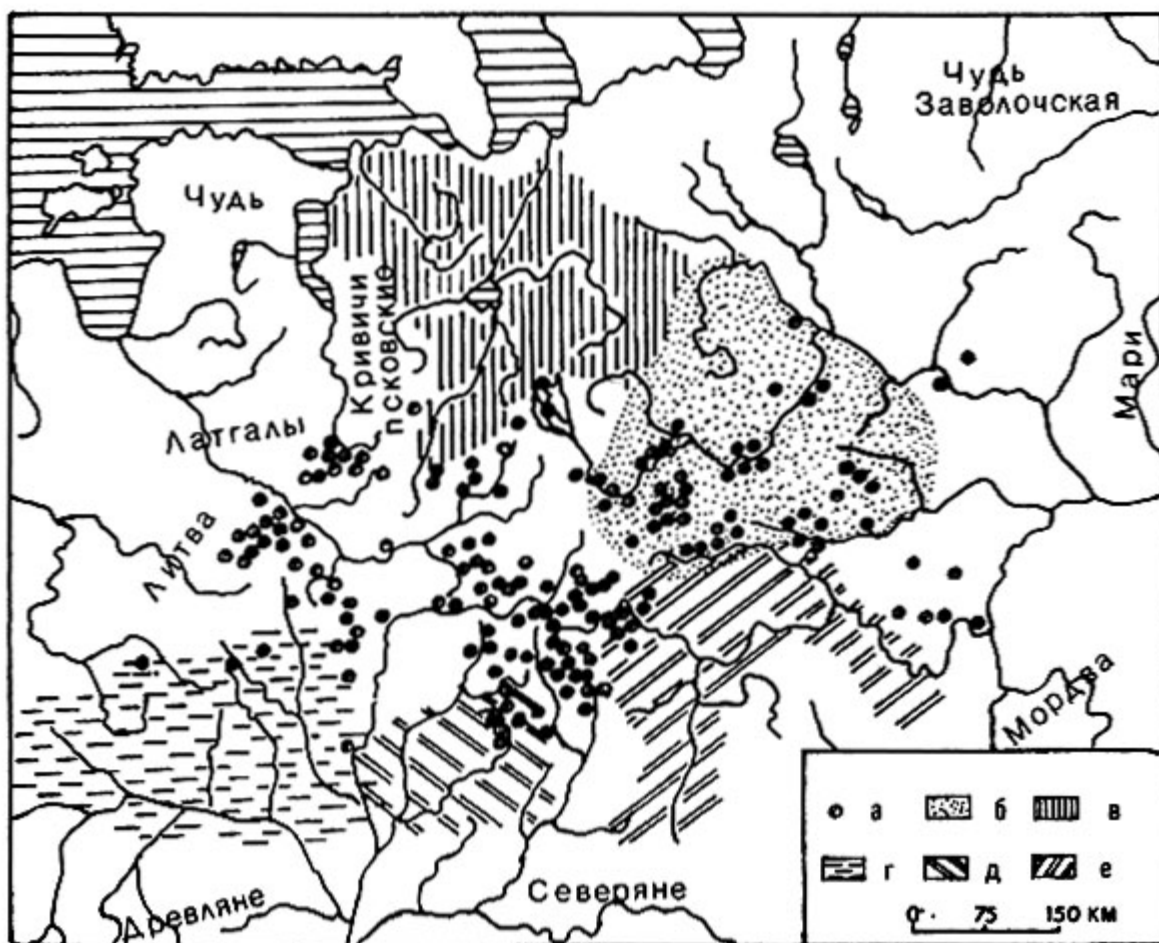

Рис. 69. Распространение браслетообразных завязанных височных колец (расселение смоленско-полоцких кривичей в XI-XIII вв.):
а - памятники с находками браслетообразных завязанных височных колец; б - основной ареал браслетообразных сомкнутых височных колец. Ареалы: в - словен ильменских; г - дреговичей; д - радимичей; е - вятичей

в одиночку или группируются в небольшие могильники от 2-3 до 12 насыпей. Около четверти известных могильников кроме сопок включают курганы и жальничные могилы [135].

Основным районом распространения сопок является бассейн Ильменя, где сконцентрировано более 70% могильников, в которых имеются эти памятники. Остальная часть сопок расположена в верховьях рек Луги и Плюссы, а также в бассейне Мологи, то есть в землях, непосредственно примыкающих к Ильменскому региону. Вне этой территории немногочисленные сопки известны в отдельных пунктах бассейнов рек Западной Двины и Великой (рис. 65).

Одним из существенных элементов сопок является кольцо, сложенное в основании насыпей и имевшее какой-то ритуальный смысл. Сооружалось оно из более или менее крупных валунов,

сложенных в один-два-три яруса. В окрестностях Старой Ладogi раскопаны сопки со сложными каменными обкладками. Установлено, что многие сопки сооружались в несколько приемов. Система возведения их была различной и схематически сводится к следующему. Сначала выкладывалось кольцо из валунов, примерно равное по диаметру будущей насыпи. В основаниях ряда сопок прослежен темный зольный слой - след от костров, которые, по-видимому, жгли с целью освящения места, избранного для погребальной насыпи. Сразу же после этого насыпали нижнюю часть сопки и в течение какого-то времени в этой насыпи совершали захоронения, а затем ее подсыпали в высоту еще на 1,5 - 3 м. В верхней части насыпи опять какое-то время совершали погребения, а затем сопку подсыпали в третий раз. Естественно, что наряду с насыпями, сооруженными в два-четыре приема, имеются сопки, насыпанные одновременно. В строениях ряда сопок наблюдаются иногда некоторые индивидуальные особенности.

В основаниях некоторых сопок и в их насыпях на разной высоте встречаются разнообразные сооружения из камней. В ряде случаев устанавливается связь их с захоронениями. Наибольшее распространение получили кладки-помосты, сложенные из валунов в один, реже в два-три яруса. Форма их в плане различна - с рваными негеометрическими очертаниями, четырехугольные, треугольные. Иногда в сопках встречаются небольшие каменные кучи. Все эти сооружения из камней находят аналогии среди погребальных древностей прибалтийско-финского населения, и имеются все основания связывать их появление в сопках с местной западнофинской традицией. Очевидно, какая-то часть местных финноязычных обитателей Ильменского региона включилась в состав населения культуры сопок, привнеся элементы своей обрядности.

Только в отдельных сопках низовьев Волхова зафиксированы сложенные из валунов стенки и каменные выкладки треугольной формы. Такие сооружения из камней характерны для курганов эпохи викингов в Скандинавии. Следует полагать, что подобные кладки в волховских сопках - результат норманского проникновения в области Приладожья.

Умерших в сопках хоронили исключительно по обряду трупосожжения. Кремация умерших совершалась, как правило, на стороне, в сопку помещали остатки сожжения, собранные с погребального костра. Захоронения помещались или в неглубокие ямки, или непосредственно на поверхности кучкой или разбросанно. Часть кальцинированных костей бросалась прямо в насыпь, видимо, при ее сооружении. Абсолютное большинство погребений было безурновыми и безынвентарными, и какая-то часть их, кажется, довольно значительная, не сохранилась до нашего

времени.

Во многих сопках при раскопках встречены кости различных животных - кальцинированные и несожженные. В одних случаях они обнаружены в насыпях, в других - при захоронениях. Чаще других попадаются конские кости, но нередки также кости коровы, собаки, барана, зайца и птиц. Обычай помещать кости животных при захоронениях довольно широко был распространен среди финно-угорского населения лесной полосы Восточной Европы и зафиксирован в древнерусских курганах тех регионов, где имело место славяно-финское взаимодействие. Это позволяет считать, что распространение ритуала помещения костей животных в новгородских сопках обусловлено опять-таки участием местных финских племен в этногенезе носителей культуры сопок.

В очень немногих захоронениях встречены единичные, порой маловыразительные вещи, не дающие достаточного представления о культуре населения, оставившего рассматриваемые памятники. Наиболее часты среди находок в захоронениях стеклянные, пастовые и сердоликовые бусы. Среди изделий из бронзы есть

спиральки, трапециевидные привески, бубенчики, проволочные колечки от цепочек, перстни, а также остатки конского убранства - разнообразные бляхи и бляшки. Коллекцию предметов из железа составляют ножи, пряжки, наконечники стрел, удила, фрагменты цепочек, гвозди и др. В единичных случаях встречены изделия из кости - трубочки с узором, рукоятки ножей, гребень. Найдены также каменные оселки (рис. 70).

Керамика культуры сопок лепная и представлена двумя основными типами посуды. Более распространенными были слабопрофилированные приземистые (низкие, но широкие) горшки с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком. Они могут быть сопоставлены с лепной посудой из славянских курганов IX-X вв., а прямые аналогии обнаруживаются в материалах нижних горизонтов культурного слоя Старой Ладogi. Второй тип керамики сопок включает широкогорлые биконические сосуды с резким переломом в плечиках и чуть отогнутым венчиком. Такие сосуды широко представлены в материалах нижнего горизонта напластований Старой Ладogi.

Анализ вещевых находок из сопок позволяет датировать эти памятники VIII-IX вв., но отдельные захоронения могут относиться и к X столетию.

Поселения культуры сопок исследованы еще весьма слабо. На первом этапе это были селища. Ряд таких памятников открыт Е.Н.Носовым около сопок. Селище у д. Золотое Колено на Мете, на котором велись раскопки, датируется сравнительно поздним временем (IX-X вв.). Изучены остатки наземных срубных домов площадью 18-24 кв. м, с печами-каменками в одном из углов. Керамика представлена ребристыми горшками, идентичными посуде из сопок [136]. Поселение IX в с аналогичной керамикой раскапывалось на р. Прость недалеко от Новгорода [137]. Следы наземных жилищ с печами-каменками выявлены в верхних напластованиях, датируемых второй половиной I тыс. н.э., на городище раннего железного века в Сельцо в Южном Приильменье [138]. Исследовалось также поселение Нижние Дубовики в нижнем течении Волхова, состоящее из укрепленной мысовой части и прилегающего селища. Это было довольно крупное поселение, имевшее в длину не менее 300 м при ширине 200 м. Размеры других селищ невелики - от 120 x 30 до 150 x 60 м. К культуре сопок принадлежат и нижние горизонты Староладожского поселения (рис. 68 и 70).

Историческое осмысление культуры сопок взаимосвязано с природно-климатической ситуацией, сложившейся в то время на севере Русской равнины. Как известно, с конца VI - начала VII в. в Европе, в том числе Ильменском регионе, наступает потепление. Повышение среднегодовых температур привело к значительному уменьшению увлажненности. Количество осадков на севере Русской равнины в VII в. было уже на уровне современности, а на рубеже VII и VIII вв. даже на 50 см меньше. Наблюдается понижение уровней озер и рек и стока их. Понижение зеркала Балтийского моря обусловило падение уровня грунтовых вод, усыхание и сокращение болот.

Последующие столетия I тыс. н.э. характеризуются теплым, умеренно влажным и мало изменчивым климатом. Случались в это время и засухи, и похолодания, но они были локальными и непродолжительными, их последствия были малосущественными для жизни и хозяйственной деятельности населения. В этот период протекал процесс интенсивного почвообразования, особенно в поймах рек. Складываются условия для освоения земледельцами пойменных участков.

Эти климатические изменения и взаимосвязанные с ними явления создали весьма благоприятные условия для развития земледелия и животноводства. А это безусловно способствовало и положительным демографическим изменениям.

География и топография памятников культуры сопок показывают, что население выбирало для мест своего обитания

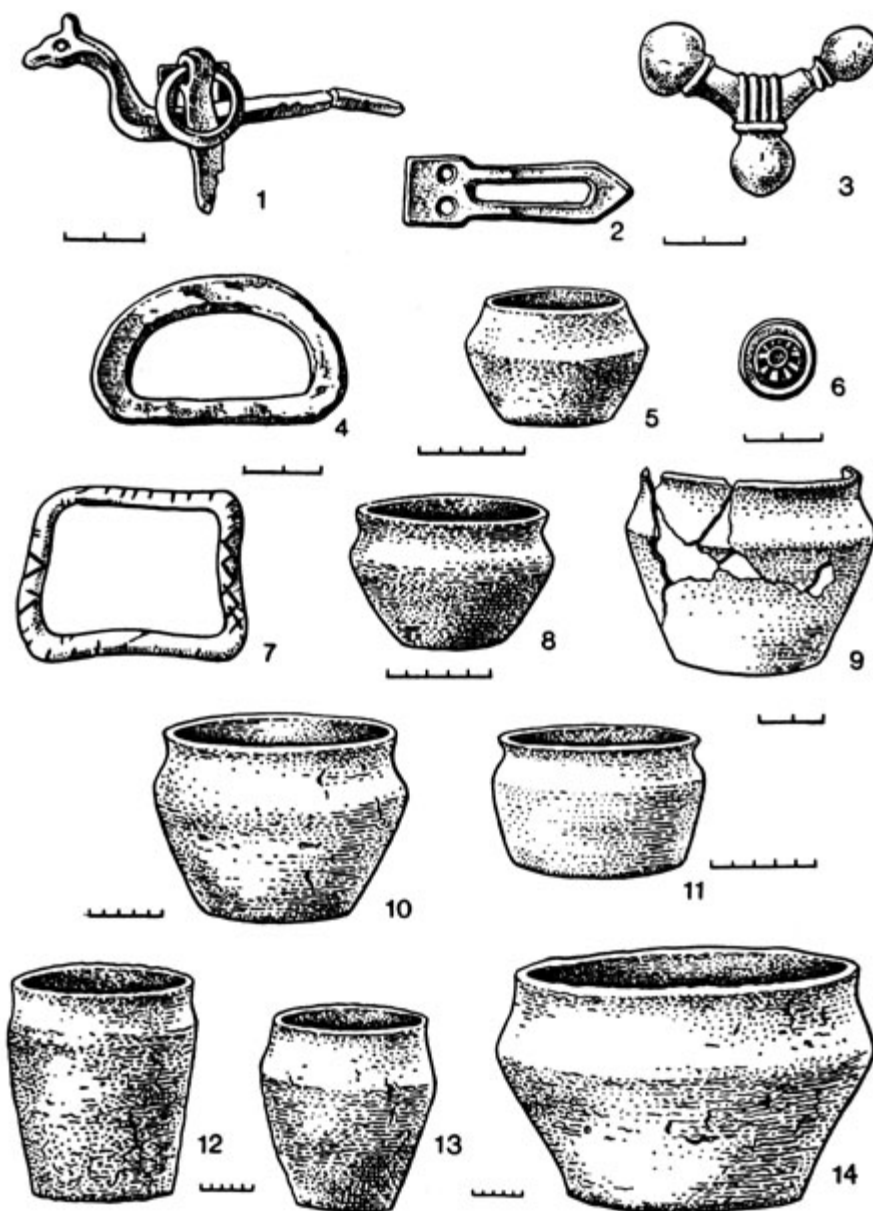

Рис. 70. Древности культуры новгородских сопок:
 1 - Плакун; 2-4, 6, 7 - Победище; 5, 8, 10-14 - Старая Ладога; 9 - Золотое Колено
 1 - 3, 6 - цветной металл; 4, 7 - железо; 5, 8-14 - глина

участки наиболее притягательные для пашенного земледелия. Мне уже приходилось обращать внимание на то, что сопки привязаны преимущественно к дерново-карбонатным почвам, наиболее плодородным для северо-западного региона. Многие памятники культуры сопок приурочены также к плодородным аллювиальным землям речных и озерных долин [139].

Размещение населения культуры сопок на самых плодородных почвах - надежное свидетельство земледельческого уклада носителей этой культуры. Это было, безусловно, пашенное земледелие, поскольку, как подметил В.Я.Концевский, подсека на дерново-карбонатных почвах из-за особенностей их химического состава вообще невозможна [140]. О пашенном земледелии свидетельствуют также находки наральных в древнейших слоях Старой Ладogi и Новгорода и непосредственные следы древней распашки, зафиксированной при исследовании культового сооружения культуры сопок у д. Коломно в Юго-Западном Приильменье [141]. В.Я.Концевский утверждает, что пашенное земледелие в ту пору могло существовать лишь в форме перелога. При этом использовались как луговой, так и лесной перелог. "Первый, безусловно, имел место в Поозерье, наиболее густонаселенном районе в эпоху сопок, где ежегодно огромные пространства затапливаются во время половодья и можно предполагать существование в древности значительных участков, занятых луговой растительностью, к тому же ежегодно удобряемых илом. Подобное явление могло наблюдаться и кое-где в других местах, ведь в конечном счете подавляющее большинство сопок приурочено к крупным водоемам, однако в большинстве случаев древнее земледелие, несомненно, было сопряжено с предварительным сведением леса и кустарника" [142]. Земледелию сопутствовало разведение домашнего скота, свидетельством чего является костный материал из сопок.

Культура сопок не имеет каких-либо генетических корней ни в древностях западнофинского населения, занимавшего Приильменье в предшествующее время, ни в памятниках соседних прибалтийско-финских племен. Создателями культуры сопок в Ильменском регионе могло быть только новое население, расселившееся здесь когда-то ранее VIII в.

Территория культуры сопок в значительной части перекрывает восточные области ареала культуры псковских длинных курганов. Вполне очевидно, что носители последней не были ядром-основой нового культурного образования, представленного сопками. В результате археологических наблюдений, выполненных в отдельных регионах распространения сопок, устанавливается, что какое-то время население, оставившее длинные курганы, и население культуры сопок проживало на одной и той же территории чересполосно. Но очень скоро начался процесс интеграции культуры длинных курганов и культуры сопок. Носители культуры длинных курганов оказались включенными в единый этногенетический процесс и восприняли культуру сопок.

Концентрация памятников культуры сопок и последующая история их носителей дают все основания относить эти древности к словенам ильменским или новгородским, о которых летопись сообщает: "Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своимъ имянемъ" [143].

Между сопками и достоверно славянскими курганами этого края обнаруживаются связующие элементы. Свыше четверти могильников с сопками включают и курганы словен новгородских IX-

XIII вв. И те, и другие погребальные памятники часто имеют в основаниях обкладку из камней. В сопках и курганах с трупосожжениями тождественны все детали погребальной обрядности, одинаков состав вещевых находок. Прослеживается преемственность между керамикой культуры сопок и новгородской глиняной посудой IX-X вв.

Против эволюции обрядности от сопок к полусферическим курганам с трупосожжением высказался В.Я.Конечкий. Его доводы представляются несущественными: 1) районы концентрации сопок и курганов не совпадают; 2) памятники, содержащие сопки и курганы, составляют около 25% сопочных могильников; 3) в полусферических курганах нет каменной обкладки [144]. Два первых пункта объясняются некоторой подвижностью населения внутри ареала культуры сопок, что обусловлено истощением почв и ограниченными размерами участков пашенного земледелия. Интересно, что о подвижности населения рассматриваемой культуры пишет и В.Я.Конечкий [145]. Третий довод должен быть отвергнут, поскольку курганы с каменными кольцами и трупосожжениями известны. Их немного, но следует учитывать, что каменные обкладки ряда новгородских могильников были разобраны позднее местным населением.

Вместе с тем, не следует всё сводить к предложенной еще А.А.Спицыным общей схеме развития погребальной обрядности в Новгородской земле. В обширном ареале сопок эволюция погребальных сооружений в разных регионах, безусловно, протекала неоднозначно. В отдельных местностях захоронения в сопках совершались сравнительно долго, в то время как в других получили распространение уже полусферические курганы, а в третьих зарождались жальничные могилы. Один пример: еще Н.К.Рерих обратил внимание на отсутствие в Южном Приильменье полусферических курганов и высказал предположение о региональной особенности эволюции обрядности от сопок к жальникам. С этим согласился А.А.Спицын [146]. Можно присоединиться также к предположению Е.Н.Носова о возможном переходе населения в ряде мест Новгородской земли от захоронений в сопках непосредственно к погребениям в грунтовых могильниках [147]. Это тем более вероятно, что, как говорилось выше, большие массы славянского населения первой волны миграции в междуречье Волги и Клязьмы не знали курганной обрядности. Судя же по находкам браслетообразных сомкнутых височных колец, выходцы из этой группировки славян, безусловно, проникали в Новгородскую землю.

Вполне очевидно, что население культуры сопок было пришлым в Приильменье. Относительно путей расселения ильменских словен в научной литературе высказаны две основные гипотезы. Многие исследователи, затрагивавшие вопрос о происхождении новгородских словен (П.И.Шафарик, Н.П.Барсов, А.А.Шахматов, А.А.Спицын, Ю.В.Готье, П.Н.Третьяков и другие), предполагали, что они продвинулись в бассейн Ильменя с юга, из Поднепровья. Каких-либо исторических и археологических данных, свидетельствующих о таком пути миграции, в распоряжении науки нет. Мысль о том, что начало сооружению новгородских сопок дали курганы третьей четверти I тыс. н.э. верхней Оки и соседних регионов Смоленщины, которые по размерам (высота до 5 м), форме и расположению сопоставимы с сопками [148], неприемлема. Все детали устройства, погребальной обрядности и вещевых инвентарей сопок и окских курганов типа Шаньково-Почепок (мощинская культура) настолько различны, что о какой-либо преемственности между ними не может быть речи.

Еще в прошлом столетии исследователи обратили внимание на близость религиозных воззрений, преданий, некоторых обычаев, а также географической номенклатуры и языковых особенностей новгородцев и балтийских славян Поморья.

Было высказано предположение о расселении славян в Приильменье из земель балтийских славян. Некоторые археологические наблюдения (наземное срубное домостроительство, конструкции оборонительных сооружений Новгородского детинца и полабских славян) также указывают на какие-то связи Ильменского региона с Польско-Поморским.

О близости словен ильменских с балтийскими славянами говорят и антропологические данные, относящиеся, правда, уже к XI-XIII вв. Черепа из курганов новгородских словен характеризуются суббрахикефалией и относительной узколицестью [149]. Генетическая же связь новгородцев с приднепровскими славянами по краниологическим материалам исключается. Нельзя также объяснить уменьшение ширины лица ильменских словен метисацией поднепровских славян с местным финским населением, поскольку черепа прибалтийско-финского населения Новгородской земли характеризуются широколицестью (скуловой диаметр черепов средневековой води 136 мм, ижорских

- 138,8 мм, приладожской веси - 135 мм).

Узколицы суббрахицефалы Новгородской земли обнаруживают ближайшие аналогии среди краниологических материалов балтийских славян. Так, черепа ободритов [150] также суббрахицефальны (черепной указатель 76,6; у новгородских словен - 77,2) и узколицы (скуловой диаметр 132,2; у новгородских словен - 132,1). Весьма близки они и по другим показателям. Правда, имеются и различия - более низкое лицо у ободритов, более широкий нос у словен ильменских. Но полного тождества ожидать не следует - словене новгородские не происходят от ободритов и не являются их ветвью. Речь может идти только о том, что и новгородские словене, и балтийские славяне восходят к общему исходному типу узколистых мезосуббрахицефалов.

Все эти данные свидетельствуют о том, что славяне, осевшие в Ильменском регионе, имеют не днепровское, а западное происхождение. Как и предки кривичей, они вышли, нужно полагать, из земель Среднего Повисленья и продвигались, как показывают топонимические материалы, собранные и систематизированные Ю.Удольфом, теми же путями и направлениями [151]. Поскольку сопки датируются VIII-IX вв., а длинные курганы псковского типа появляются уже в V столетии, то обычно предполагается, что освоение племенами культуры сопок Приильмения было результатом второй крупной волной славянского расселения на севере Русской равнины, датируемой VII в. [152].

В поисках решения вопроса о происхождении носителей культуры сопок исследователи искали прототипы этим погребальным памятникам. О поисках их в Верхнем Поочье сказано выше. Мною было высказано предположение, что предки словен новгородских, продвигаясь в Приильмение, пересекли земли балтских племен, от которых и был позаимствован обычай сооружения курганных насыпей. Этому могло способствовать и то, что в процессе славянской миграции пришла в движение и часть балтов, осевшая вместе со славянами на северо-западе Русской равнины [153].

В настоящее время может быть предложено и иное решение происхождения словен ильменских и их ранних погребальных памятников. Археологические материалы Среднего Повисленья, Неманского бассейна и других балтских территорий не фиксируют каких-либо следов крупной миграции населения в восточном или северо-восточном направлениях в VII в. или на рубеже VII и VIII вв. Поэтому допустимо предположение, что славянская племенная группировка, известная позднее как словене новгородские, появилась на северо-западе Русской равнины в более раннее время, мигрируя в общем большом переселенческом потоке самого конца IV или начала V в., вызванном отмеченными выше климатическими катаклизмами.

В пользу такого предположения говорит открытие И.В.Ислановой в Удомельском Поозерье особой культурной группировки славян, представленной материалами поселения и могильника Юрьевская Горка. Появление нового населения около середины I тыс. н.э. в одном из регионов территории новгородских сопок выявляется, прежде всего, по керамическому материалу. Это "...сосуды стройных пропорций с наибольшим расширением в верхней трети, округлым туловом, пологим плечиком, небольшой шейкой, боченовидные и горшки с ребром в месте перехода от плечика в конусовидное тулово" [154]. Новым для Удомельского Поозерья являются также жилища с печами-каменками в углу и глиняные биконические пряслица. Грунтовой могильник, открытый около поселения, включал захоронения по обряду трупосожжения на стороне, помещенные в неглубокие округлые ямки. Собранный при раскопках поселения и могильника вещевой инвентарь (наконечник дротика, звенья трехчастных удил, пряжка с расширением язычка, спиралька и бронзовая обоймица), как отмечает исследовательница, ориентирован, прежде всего, на западнобалтские древности, но основные материалы указывают на славянскую принадлежность этих памятников.

По всей вероятности, славянское население в Удомельское Поозерье пришло в составе мощного потока переселенцев середины I тыс. н.э. Появление в рассматриваемых древностях некоторых предметов, имеющих аналогии в памятниках западных балтов, в таком случае вполне закономерно. В

первое время это славянское население, а оно осело, нужно полагать, не только в Удомельском Поозерье, но и в некоторых других местах Ильменского бассейна, проживало чересполосно со славянами другой племенной группы - носителями культуры псковских длинных курганов. Потепление климата и понижение уровней водоемов и грунтовых вод привело к перемещению поселений на приозерные участки и к поймам рек. Однако, как отмечает И.В.Исланова, при этом "...коренных изменений в ландшафтной и почвенной приуроченности не произошло, по сравнению с населенными пунктами третьей четверти I тыс. н.э. культура сопки Удомельского Поозерья - генетически связана с предшествующим периодом. Об этом свидетельствуют сохранившиеся традиции в изготовлении массового материала: лепной посуды (горшки баночной и хорошо профилированной формы, некоторые варианты высоких и низких сосудов с ребром в верхней трети, слабопрофилированные горшки), глиняных биконических пряслиц; в относительно простой технологии железных ножей и элементах домостроительства (наземные постройки со сдвоенными ямами в материке, одна из которых подпечная, другая - хозяйственная" [155].

Безусловно, следует согласиться с И.В.Ислановой в том, что культура сопки формировалась на месте, в Ильменском бассейне и ее ядром было славянское население, оставившее памятники третьей четверти I тыс. н.э. типа удомельских, возникших в тех же ландшафтных местностях, что и сопки. Вместе с тем, представляется несомненным, что в этногенезе словен новгородских приняли также участие местные финноязычные племена и население культуры псковских длинных курганов, в той его части, которая входит в ареал сопки. В таком случае поиски прототипов этим погребальным сооружениям на стороне не целесообразны. Сопки могли зародиться в Поильмене на определенном этапе активного развития жизни и культуры новгородских словен как культово-погребальные сооружения независимо от влияний других этносов.

1. Литературу о климатических изменениях I тыс. н.э. и анализ начальной миграции среднеевропейского населения в северные районы Русской равнины см.: Седов В.В. Славяне в древности. М., 1984. С. 296-304; Он же. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 127-137.
2. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 18-25; Lietuvos TSR archeologijos atlasas. T. II. Vilnius, 1975. P. 20-24; Sedov V. Baiti senatnc. Riga, 1992, 29-39 1pp.
3. Таутавичюс А.З. Балтские племена на территории Литвы в I тыс. н.э. // Из древнейшей истории балтских народов (по данным археологии и антропологии). Рига, 1980. С. 84; Michelbertas M. Senasis gelezies amzius Lietuvoje. Vilnius, 1986. P. 239. 240.
4. Даугудис В. Некоторые данные о происхождении и хронологии шероховатой керамики в Литве // Труды АН Литовской ССР. Серия А. N 3(66). С. 56-62; Медведев А.М. К вопросу об участии ятвягов в формировании культуры восточнолитовских курганов // Vakaru baitu arche-ologija ir istorija. Klaipeda, 1989. С. 55-59.
5. Cesnys G., Urbanavicius V. M.e. I tukstantmecio vi-durio ryty Lietuvos gyventojy antropologija // Lietuvos TSR moksly Akademijos darbai. A. Serija. N 3(88). Vilnius, 1984. P. 56-67; Денисова Р.Я. География антропологических типов балтских племен и этногенетические процессы в I - начале II тыс. н.э. на территории Литвы и Латвии // Балты, славяне и прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990. С. 38-40.
6. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья... С. 18-25; Зверуго Я.Г., Медведев А.М. Селище на берегу оз. Свирь (к вопросу о происхождении культуры восточнолитовских курганов) // Vakaru baitu istorija ir kultura. I. Klaipeda, 1992. С. 35-45.
7. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. САИ. Вып. Е1-8. М., 1974; Он же. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982. С. 46-58.

8. Гроздилов Г.П. Археологические памятники Старого Изборска // АСГЭ. Вып. 7. 1965. С. 81.
9. Орлов С.Н. Археологические исследования в низовьях реки Меты // СА. 1968. N 2. С. 166. 167.
10. Носов Е.Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на оз. Съезжее // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 65, 66.
11. Аун М.Э. Курганные могильники Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. Таллин, 1980. С. 38-45; Она же. Развитие курганного обряда в Юго-Восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н.э. // КСИА. Вып. 166. 1981. С. 17-22.
12. Спицын А.А. Раскопки 1910 г. в Лужском уезде С.-Петербургской губернии // Известия Археологической комиссии. Вып. 53. Пг., 1914. С. 89.
13. Szymanski W. Szeligi pod Ptockiem na poczatku wczesnego sredniowiecza. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 1967.
14. Шмидехельм М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955. С. 74-90.
15. Moora H. Die Eisenzeit in Lettland bis etwa 500. n. Chr. Bd. II. Tartu, 1938. S. 569-574; Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973. S. 39.
16. Werner J. Bemerkungen zum nordwestlichen Si-ediungsgebiet der Slawen im 4.-6. Jahrhundert // Beitrage zur Ur- und Frthlghcschichte. Bd. I. Berlin, 1981. S. 700.
17. Schmiedehelm M. Kaabaskalmistud Lindoras ja mujal Kagu-Eestis // Slaavi-laanemeresoome suhe-te ajaloost. Tallinn, 1965. Lk. 43. Joon 8:5; Аун М. Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II // Известия АН Эстонской ССР. Общественные науки. 1980. N 4. С. 370, 371. Табл. IX, 12.
18. Мальм В.А., Фехнер М.В. Об этническом составе населения Верхнего Поволжья во второй половине I тыс. н.э. // Экспедиции ГИМ. М., 1969. С. 188. Рис. 5:1; Леонтьев А.Е. Древнерусские поселения верхней Мологи // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин, 1983. С. 68. Рис. 3:2
19. Башенькин А.Н. Сопки и длинные курганы в Юго-Западном Белозерье // Славянская археология. 1990. Этногенез, расселение и духовная культура славян (Материалы по археологии России. Вып. 1). М., 1992. С. 136, 137.
20. Бажан И.А., Каргапольцев С.Ю. Хронология В-образных рифленых пряжек в Европе (к проблеме нижней датировки длинных курганов) // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 129-135; Они же. В-образные рифленые пряжки в Европе как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. Вып. 198. 1989. С. 28-35.

247

21. Седов В.В. Первый этап славянского расселения... С. 132. Рис. 1-3.
22. Носов Е.Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов... С. 66-68.
23. Башенькин А.Н. Сопки и длинные курганы... С. 136.
24. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1974. С. 185-201; Она же. Славянские, балтийские и финно-угорские элементы в топонимии Русского Севера // Перспектива развития славянской ономастики. М., 1980. С. 250-258; Ageeva R.A. Wortbildungsstrukturtypen von Hydronymen des Pskover und des Novgoroder Gebietes // Zeitschrift for Slawistik. Berlin, 1979. N 2. S. 230-237.
25. Sedov V.V. Zur ethnischen Geschichte der ostsee-finnischen Stamme // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. T. IV. Turku, 1980. S. 429-438; Седов В.В. Прибалтийские финны // Финны в Европе VI-XV века. Вып. 1. М., 1990. С. 12-15.
26. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Севера... С. 199.
27. Седов В.В. Длинные курганы кривичей... С. 36-41; Он же. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // КСИА. Вып. 166. 1980. С. 5-10.
28. Какая-то часть прибалтийско-финского населения Ильменско-Псковского ареала в условиях миграции в эти земли крупных масс нового населения, нужно полагать, покинула места своего обитания и отдельными группами переселилась в области, занятые родственными племенами. В результате этого произошел распад прибалтийско-финской языковой общности и началось формирование отдельных языков (Sedov V. Die erste Welle slawischer Ansiedlung im Nordwesten Osteuropas und die Ostseefinnen // Cultural Heritage of the Finno-Ugrians and Slavs. Tallinn, 1992. S.

- 62-77).
29. Яковлев А.В. Исследование кургана в Выбутах // Археологические открытия 1994 года. М., 1995. С. 60, 61.
 30. Зализняк А.А. К исторической фонетике древ-неновгородского диалекта // Балто-славянские исследования. 1981. М., 1982. С. 60-81; Он же. Наблюдения над берестяными грамотами // История русского языка в древнейший период. М., 1984. С. 36-153; Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1977-1983 гг. М., 1986. С. 111-119, 217. 218.
 31. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-запада... С. 153-185.
 32. Седов В.В. Восточные славяне... С. 34-41.
 33. Шмидт Е.А. Проблемы хронологии тушемлин-ской культуры в верховьях Днепра // Археологія і старожитня псторія Маплеушчыны і сумежных тэрыторый (Матэрыялы канферэнцыі 22 красавца 1993 г.). Маплеу, 1994. С. 104-113.
 34. Лопатин Н.В., Фурсев А.Г. О роли памятников III-V вв. н.э. в формировании культур псковских длинных курганов и Тушемли-Банце-ровщины // Петербургский археологический вестник. N 9. 1994. С. 136-142.
 35. Поболь Л.Д. Поселения железного века около Щатково Бобруйского р-на // Белорусские древности. Минск, 1967. С. 263-269.
 36. Перхавко В.Б. Украшения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана // Вестник Московского университета. История. 1978. N 3. С. 59-72; Он же. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесред-невековых памятников междуречья Днепра и Немана // СА. 1979. N 4. С. 40-55.
 37. Niederle Livot starych Slovanu. T. I. Praha, 1911. S. 591-603; Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 242-245; Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899. N VIII. С. 301-340.
 38. Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987.
 39. Седов В.В. Из этнической истории населения средней полосы Восточной Европы во второй половине тысячелетия н.э. // Российская археология. 1994. N 2. С. 58.
 40. Шмидт Е.А. Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тыс. н.э. в Смоленском Поднепровье // Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966). Минск, 1969. С. 196-198. Рис. 1.11,12, Он же. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М., 1970. С. 68, 69. Рис. 3:79,20.
 41. Археологія, нумізматыка і реральдыка Беларусі. Мінск, 1979. С. 17, 18.
 42. Шмидт Е.А. Археологические памятники Смоленской области с древнейших времен до VIII в. н.э. Смоленск, 1976. С. 192. 193. Рис. 49:1.).
 43. Археологія, нумізматыка і реральдыка... С. 31, 32; Штыхов Г.В. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей // Древности Белоруссии. Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966). Минск, 1969. С. 247. Рис. 3:2.

-
44. Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX-XIII вв. Минск, 1989. С. 54. Рис. 25:5,7.
 45. Штыхов Г.В. Сравнительное изучение древнейших городов... С. 243. Рис. 5:8.
 46. Шадыро В.И. Раскопки селища в Витебской области // Археологические открытия 1985 года. М., 1987. С. 473.
 47. Митрофанов А.Г. Железный век Средней Белоруссии. Минск, 1978. Рис. 53:1-5 и 55:4.
 48. Археологія, нумізматыка і реральдыка... С. 43.
 49. Шмидт Е.А. Поле погребения и курганы у дер. Акатово Смоленской области // СА. 1962. N 4. С. 193. Рис. 5:4.
 50. Штыхау Г.В. Крывічы. Па матэрыялах раско-пак курганау у Пауночнай Беларуо. Мжск, 1992. С. 55. Рис. 36:1.
 51. Розенфельдт ИГ. Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI-IX вв. М., 1982. С. 13, 14. Рис. 1:10-13.
 52. Дубынин А.Ф. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмоскovie М., 1970. Рис.

- 16:]4,21.24-26: 17:26.
53. Дубынин А.Ф. Троицкое городище... С. 96-98, Розенфельдт И.Г. Керамика Троицкого городища // Древнее поселение в Подмоскowie. М., 1971. С. 6-79; Она же. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М., 1974. С. 90-197.
54. Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987. С. 67-81.
55. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА. 94. М., 1961. С. 82-91.
56. Леонтьев А.Е. Археология мери (К предыстории Северо-Восточной Руси). М., 1991. Рукопись // Архив Института археологии РАН. Р-2. N 2488 (Альбом докт. дисс.). Рис. 16, 18Б, 33, 35:/2, 69. 72, 90:/6, 94, 101:4. 104:2.
57. Сабурова М.А., Седова М.В. Некрополь Суздаля // История и культура средневекового города. М., 1984. С. 127. Рис. 16.
58. Исланова И.В. Этно-культурные процессы в Удомельском Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 18-23; Она же. Керамика селища Юрьевская Горка // Российская археология. 1995. N 3. С. 178-187.
59. Дубынин А.Ф. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли // СА. 1966. N 3. С. 77; Генинг В.Ф. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 65, 66; Sedov V. Schlafenringe der wolga-finnischen Stamme // VII Congress Internationalen Fenno-Ugristarum. Sessiones sectionum. Disserta-tiones. Historica, archaeologica et anthropologica. Debrecen, 1990. S. 117-122; Финно-угры и балты... С. 78
60. Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников мысового типа // Материалы по этнографии. Т. III. Вып. I. С. 59-84; Он же. К истории Западного Поволжья в I тыс. н.э. по археологическим источникам // СА. Т. 2. 1937. С. 39-56; Финно-угры и балты... С. 78.
61. Седов В.В. Рязанско-Окские могильники // СА 1966. N 4. С. 86-104.
62. Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966-1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 134.
63. Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. Т. 25. 1901. С. 34.
64. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. II. // СА. 1971. N 3. С. 113.
65. Шитов В.Н. Старокадомский могильник // Материалы по археологии Мордовии (Труды ИЯЛИЭ Мордовской АССР. Вып. 85). Саранск. 1988. С. 23-43.
66. Дубынин А.Ф. Раскопки Малышевского могильника // КСИИМК. Вып. XXVII. 1949. С. 93.
67. Ерофеева Е.Н., Травкин П.Н., Уткин А.В. Коч-кинский грунтовой могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 14. Йошкар-Ола. 1988. С. 99-125. Рис. 2:2.3,5.
68. Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. XXIV. М., 1914. С. 58.
69. Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы... С. 45-51, 105-113.
70. Гришаков В.В. К истории населения правобережья нижней Оки в конце I тыс. н.э. // Материалы по археологии Мордовии (Труды ИЯЛИЭ Мордовской АССР. Вып. 85). Саранск, 1988. С. 73. Табл. VI,16.
71. Горюнова Е.И. Этническая история... С. 177. Рис. 78:2S-JO.
72. Финно-угры и балты... С. 88; Sedov V. Schlafenringe... S. 117-122.
73. Дубынин А.Ф. Раскопки Малышевского могильника... С. 91-96.
74. Розенфельдт И.Г. Древности западной части... С. 15, 16.
75. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 13, 18.

76. Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (К истории Горьковского Поволжья в эпоху раннего средневековья). М., 1980.
77. Леонтьев А.Е. Поповское городище (результаты раскопок 1980-1984 гг.) // Раннесредневековые древности Верхнего Поволжья. М., 1989. С. 79. Рис. 23:1.
78. Рябинин Е.А. Могильник и селище у д. Попово на р. Унже // Раннесредневековые древности

- Верхнего Поволжья. М., 1989. С. 148, 153. Рис. 6:8,10,11.
79. Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973. С. 92, 104. Рис. 85, 93:2.
80. Архипов Г.А. Дубовский могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1984. С. 119. Рис. 8:26.
81. Никитина Т.Б. Инвентарь могильника Нижняя Стрелка // Археология и этнография Марийского края. Вып. 17. Йошкар-Ола, 1990. С. 81-118.
82. Архипов Г.А. Марийцы IX-XI вв.... С. 19. Рис. 16:/-6; Он же. Дубовский могильник... С. 119. Рис. 8:19-25.27.28.
83. Архипов Г.А. Марийцы XII-XIII веков (К этнокультурной истории Поветлужья). Йошкар-Ола, 1986. С. 19. Рис. 14:1,4; 15:6,//.
84. Седов В.В. Длинные курганы кривичей... С. 43. Табл. 26:6.9.
85. Седов В.В. Длинные курганы кривичей... С. 49. Табл. 26:10.
86. Рыбаков Б.А. Новый Суджанский клад антско-го времени // КСИИМК. Вып. XXVII. 1949. С. 77. Рис. 31а, 32а.
- Из кладов VI в., найденных в селах Мартынов-ка и Малый Ржавец в Каневском уезде Киевщи-ны, происходят браслетообразные кольца диаметрами около 12 см, один их конец закручен в спираль, обращенную вовнутрь (Рыбаков Б.А. Древние русы. // СА. Т. XVII. 1953. С. 74-76, 82, 83. Рис. 16, 18). Такие же браслетообразные кольца со спиральным окончанием известны и среди случайных находок в Княжьей Горе и Сах-новке на р. Рось (Нидерле Л. Славянские древности... Рис. 34:2). Аналогии им имеются среди украшений Юго-Восточной Литвы. Правда, спиральные завитки последних имеют меньшее число оборотов (Lietuviu liaudies menas. Senoves lie-tuviu papuosalai. Kn. I. Vilnius, 1958. 256, 257 pav; Volkaite-Kulikauskiene R. Senoves lietuvu motery galvos danga ir jos papuosalai // IS lietuvil kulturos istorijos. II. Vilnius, 1959. P. 38, 39. II pav.). Не исключено, что и эти украшения были привнесены в Среднее Поднепровье с севера.
87. Спицын А.А. Старейшие русские могильники в Новгородской обл. // Известия Археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 1-5.
88. Отчет Археологической комиссии за 1896 год. СПб.. 1898. С. 93.
89. Куза А.В., Никитин А.Л. Славянский могильник в пос. Купанском близ г. Переяславля Залесского//КСИА. Вып. 104. 1965. С. 117-120; Комаров К.И. Новые раскопки Купанского могильника // КСИА. Вып. 144. 1975. С. 91-94.
90. Никитин А. В. Городище и могильник у д. Кресты // КСИА. Вып. 139. 1974. С. 104, 105.
91. Горюнова Е.И. Этническая история... С. 253- 264. Карты 3 и 4
92. Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI-XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М., 1990. С. 17-32.
93. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969. С. 202-204.
94. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии. М., 1990. С. 157, 158; Булатова Р.В., Дыбо В.А., Николаев С.Л. Проблемы акцентологических диалектологизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 31-65.
95. Дыбо В.А., Замятина Г.И., Николаев С.Л. Основы славянской акцентологии... С. 157.
96. Повесть временных лет... С. 18.
97. Леонтьев А.Е. Ростов. Предпосылки возникновения древнерусского города // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 2а. М., 1987. С. 156.
98. Ткаченко О.Б. Мерянский язык. Киев, 1985.
99. Кухаренко Ю.В. Памятники железного века на территории Полесья. САИ. Вып. Д1-29. М., 1961. С. 20. Рис. 53А.
100. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья... С. 92-104; Он же. Длинные курганы кривичей... С. 32.
101. Енуков В.В. Ранние этапы формирования смо-ленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам). М., 1990. С. 155-173.
102. Повесть временных лет... С. 13.
103. Повесть временных лет... С. 18.
104. Повесть временных лет... С. 13.
105. ПСРЛ. Т. II. Л.. 1926. С. 15, 91; Т. VII. СПб., 1856. С. 28, 76.

106. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1899. N IV. С. 336.
107. Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. М., 1949. С 230-234.
108. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970. С. 445-452.

250

109. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988 и 1987. М., 1989.
110. Плоткин К.М. Начало Пскова // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. С. 36. Рис. 11.
111. Горюнова В.М. Новое в исследовании Городка на Ловати // КСИА. Вып. 139. 1974 С. 78. Рис. 25:4.
112. Davidan O. Contacts between Staraja Ladoga and Skandinavia // Skando-Slavica. Supplementum. I. Copenhagen, 1970. S. 79-91; Давидан О.И. К вопросу о контактах древней Ладоги со Скандинавией // Скандинавский сборник. Т. XVI. Таллин, 1971. С 134-144; Она же. Этнокультурные контакты Старой Ладоги VIII-IX веков // АСГЭ. Вып. 27. 1986. С. 99-101.
113. Sedov V. Skandinavische Elemente im frUhslavischen Pskov // Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frtlhen Mittelalter. Stockholm, 1992. S. 143-154.
114. Горюнова В.М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 140-148.
115. Тараканова С.А. Псковские городища // КСИИМК. Вып. 62. 1956. С. 41, 42. Рис. 22.
116. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья... С. 101.
117. Шмидт Е.А. Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине 1-го тысячелетия н.э. // Acta Baltico-Slavica. Т. VI. Biatystok, 1969. С. 139-144; Он же. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря смоленских длинных курганов // Материалы по изучению Смоленской области. Вып. VII. Смоленск, 1970. С. 226, 227.
118. Нукшинский могильник. Рига, 1957. С. 35. Табл. I:1,2; Latvijas PSR archeologija. Riga, 1974. 231 Lpp. Tabl. 61: 65:1; Lietuvos TSR archeologijos atlasas. Т. IV. Vilnius, 1978. P. 25. Zemcl 15.
119. KoroSec P. Zgodnjesrednjeveska archeoloska sli-ka karantanskih slovanov. Т. I-II. Ljubljana, 1979.
120. Marusiu B. Starohrvatska nekropola u Zminju / / Histria Archaeologica. Т. 17-18. Pula, 1987. Tabl. XVII.5.
121. Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии (VII-VI вв до н.э. - VIII в. н.э.). Минск, 1978. Рис. 53:28.
122. Давидан О.И. Этнокультурные контакты... С. 103. Рис. 2.10.
123. Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X-XIII вв. Рига, 1965. С. 92 Рис. 40
124. Уртанс В. Раскопки Мадланского городища //Археологические открытия 1981 года. М., 1983 С. 387.
125. Археологія, нумізматыка і реральдыка... С. 146, 147; ДУЧЫЦ Л.У. Браслауска Паазере у IX- XIV ст. СТ.'Мінск, 1991. С. 61. Рис 7:11
126. Российский Исторический музей. Указатель памятников. М., 1893. С. 135.
127. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.) М., 1981. С. 16.
128. Шмидт Е.А. Длинные курганы у дёр. Цурков-ки в Смоленском районе // СА. 1958. N 3. С 168.
129. Пушкина Т.А. Височные кольца Гнсздовско-го комплекса // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М., 1987. С. 50-57.
130. Перхавко В.Б. Один из компонентов материальной культуры раннсрсрдневекового населения Беларуси // Насельнштва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза. Тезісы дакладау канферэнцыі прысвячонай 80-годдаю з дня нараджэння А.Г.Мітрафанова. Менск, 1992. С. 86-88
131. Szymanski W. Przyczynki do zagadnienia chro-nologii i zasięgu występowania zclaznych nozy z rekojesciami zakonczonymi wolutami // WA. XXX. 3-4. 1964. S. 221-228; Idem. Wczesnosrednio-wieczne noze z rekojesciami zakonczonymi wolutami w swietle nowych badan // WA. XXXI, 2- 3. 1965. S. 146-148; Idem. Noze z rekojeciami zakorcłczonymi wolutami - zagadkowe komponen-ty kultury stowianskiej i awarskiej // Studia nad etnogeneza stowian i kultury Europy wczesnosred-niowiecznej. Т. II. Wroctaw; Warszawa; Krakow; Gdansk; Lodz, 1987; Śiśka St. Note s wolutovym ukonccnim

- rukovati v hradiStnej kultufe // AR. 1964. N 3. S. 395-404; Pleterski A. Nozoci z zavojskoma z zgodnjem srednjem veku // Arheoloski vestnik. XXXIV. Ljubljana, 1983. S. 375-395.
132. Лунничные височные кольца, сопоставимые с дунайскими, встречены в погребениях IX-X вв. грунтовых могильников муромы, уже затронутой славизацией (Седов В.В. Из этнической истории Муромской округи во второй половине I тысячелетия н.э. // Уваровские чтения - II. М., 1994. С. 98-102). Это - некрополи в окрестностях г. Муром - Максимовский, Молвотицкий и Корниловский (Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы... С. 105-113; Селезнев Ф.Я. Археологические исследования в окрестностях Муром. Культура финнов средней Оки Владимир, 1925; Розенфельдт Р.Л. Муромский могильник у с. Молвотицы // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 180-184. Аналогичные височные кольца найдены где-то в окрестностях Юрьева Польского или Переяславля Залесского (Aspelin J. R. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. III. Hel-singfors, 1878. N 1058; Спицын А.А. Владимирские курганы // Известия Археологической комиссии. Вып. 15. СПб., 1905. С. 128. Рис. 463), в одном из курганов Семухинского могильника на р. Тезе (Ерофеева Е.Н. Курганный могильник у д. Семухино на р. Тезе // Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. С. 217. Рис. 1,/J), в Танкеевском могильнике IX-X вв. на территории Татарстана (Казаков Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 118, 142. Табл. XVII, 14) и в марийском Дубовском могильнике (Архипов Г.А. Дубовский могильник // Археология и этнография Марийского края. Вып. 8. Йошкар-Ола, 1984. Рис. 8.J2). Находки лунничных колец более северных территорий, которые уже, нужно полагать, принадлежат к местным украшениям, описаны Н.А.Макаровым в статье: О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1989. С. 51-64.

251

133. Мачинский Д.А. "Дунай" русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110-171.
134. Седов В.В. Длинные курганы кривичей... С. 32. Табл. 26: 1,6,7,9,10.
135. Седов В.В. Новгородские сопки. САИ. Вып. Е1-8. М., 1970; Он же. Восточные славяне... С. 58-66; Петренко В.П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII-X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб., 1994. Из последних рас-копочных исследований сопки интересны материалы небольшой публикации: Фролов А.А. Сопка у дд. Брод-Лучки Валдайского р-на Новгородской области (результаты исследования и интерпретация) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 8. Новгород, 1994. С. 36-49.
136. Носов Е.Н., Конецкий В.Я. Разведки на средней Мете и раскопки поселения Золотое Колено // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 28, 29.
137. Орлов С.Н. Славянское поселение на берегу р. Прость, около Новгорода // СА. 1972. N 2. С. 127-139.
138. Орлов С.Н. Городище эпохи раннего железа в низовьях реки Ловати // КСИА. Вып. 87. 1962. С. 43.
139. Седов В.В. Новгородские сопки... С. 9 и карта III.
140. Конецкий В.Я. Некоторые вопросы исторической географии Новгородской земли в эпоху средневековья // Новгородский исторический сборник. Т. 3 (13). Л., 1989. С. 11, 12.
141. Конецкий В.Я. О каменных кругах юго-западного Приильменя // Новое в археологии Северо-Запада. Л., 1985. С. 37-44.
142. Конецкий В.Я. Некоторые вопросы... С. 12, 13.
143. Повесть временных лет... С. 11.
144. Конецкий В.Я. К вопросу о сопках и длинных курганах в бассейне р. Меты // Проблемы истории и культуры Северо-запада РСФСР. Л., 1977. С. 84, 85.
145. Конецкий В.Я. Некоторые вопросы... С. 12-15.
146. Рерих Н.К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца // Записки Русского Археологического общества. Т. XI. Вып. 1-2. СПб., 1899. С. 352; Спицын А.А. Сопки и жальники // Там же. С. 154.

147. Носов Е.Н. Проблемы изучения погребальных памятников Новгородской земли (к вопросу о славянском расселении) // Новгородский исторический сборник. Т. 1 (11). Л., 1982. С. 68-71.
148. Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966. С. 284, 285; Носов Е.Н. Источники по славянской колонизации Новгородской земли // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VI. Л., 1974. С. 231-234.
149. Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XV. М., 1952. С. 72-85.
150. Алексеева Т.И. Славяне и их соседи (по данным антропологии) // Anthropologie. IV-2. Brno, 1966. С. 3-37. Табл. 1.
151. Udolph J. Die Landnahme der Ostslaven im Lic-hte der Namenforschung // JahrbUcher fUr Geschi-chte Osteuropas. Bd. 29. 1981. S. 321-336; Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 77. Рис. 15 и 16.
152. Седов В.В. Восточные славяне... С. 66; Он же. Первый этап славянского расселения... С. 135, 136.
153. Седов В.В. Восточные славяне... С. 65.
154. Исланова И.В. Этно-культурные процессы... С. 19. Более обстоятельно керамический материал поселения рассмотрен в статье: Исланова И.В. Керамика селища Юрьевская Горка... С. 178- 187.
155. Исланова И.В. Этно-культурные процессы... С. 20.

Вместо текстового изложения итогов археологического рассмотрения истории и эволюции культуры праславянского периода предлагается графическая схема, которая, кажется, более наглядно демонстрирует развитие древностей от древнеевропейской этноязыковой общности до разветвленной сети археологических культур начала средневековой поры (рис. 71).

В V-VIII/IX вв. завершается последний период общеславянской истории. Великая славянская миграция начала средневековья, активное взаимодействие с иноэтничным населением вели к культурной и языковой дифференциации славян. Наступает совершенно новый этап славянской истории, когда в результате сложных миграционных и ассимиляционных процессов формируются отдельные славянские народности, а на основе праславянского языка - отдельные славянские языки. Истории славянства этого периода посвящена вторая часть настоящего исследования.

253

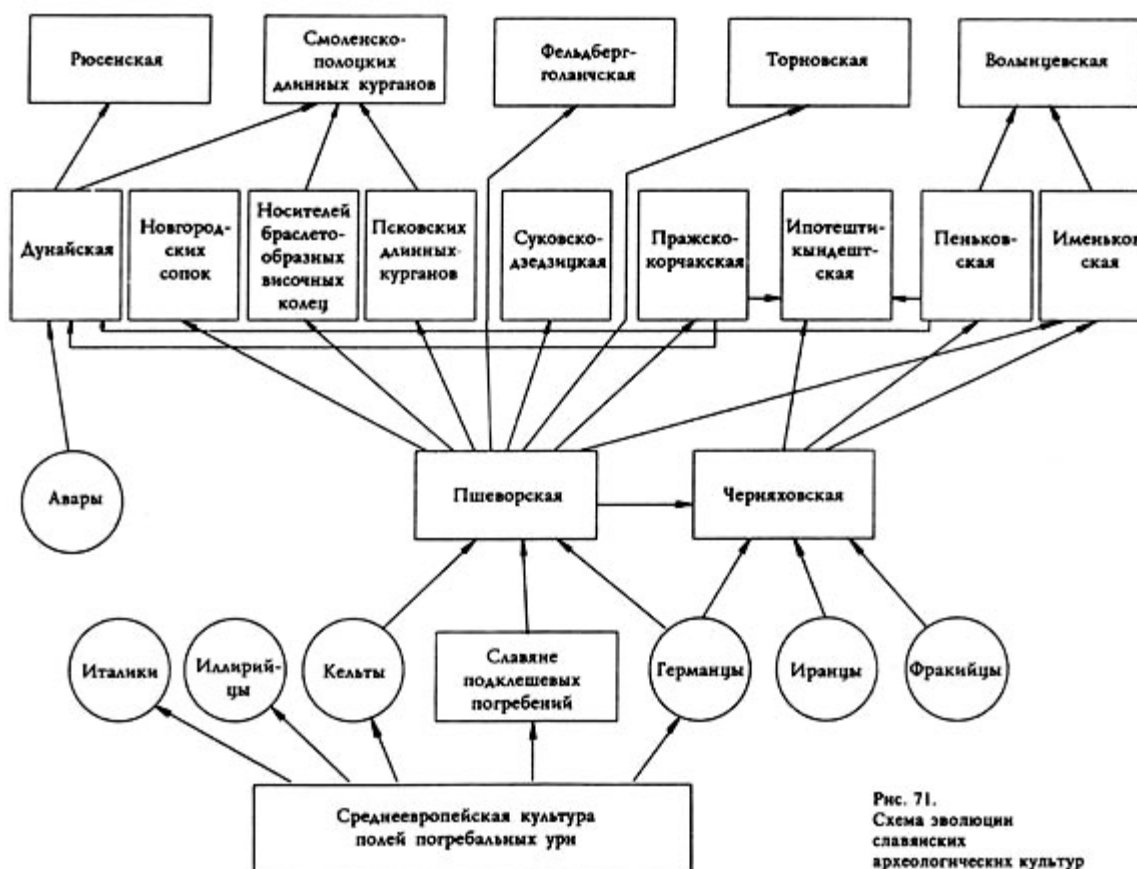

Рис. 71.
Схема эволюции
славянских
археологических культур

254

Становление славянских народностей и государств

Болгары - тюркоязычные племена, впервые зафиксированные историческими источниками в IV в. н.э., когда они, переселившись из Центральной Азии, проживали на Северном Кавказе. Со второй половины IV в. они локализуются в основном в Приазовье. В последних десятилетиях VI и в начале VII в. болгарские племена были подвластны Западнотюркскому каганату. Во время войн между конфедератами этого каганата Дулу и Нушиби, начавшихся в 30-х годах VII в., приазовские болгары сумели освободиться из-под власти тюркютов. Вождь племени гунногундур Кубрат начал энергично объединять разрозненные болгарские орды и создал военно-политическое объединение, известное у византийцев под названием "Великая Болгария". Кубрат установил тесные связи с Византийской империей. После его смерти в середине VII в. объединение распалось, во главе отдельных частей его встали сыновья Кубрата. Воспользовавшись этим, на разрозненные орды болгар стали наступать хазары, создавшие свой довольно мощный Каганат, и, одержав победу, принудили восточноприазовскую орду болгар, возглавляемую Батбаяном, старшим сыном Кубрата, выплачивать им дань. Другая болгарская орда во главе с Котрагом под напором Хазарского каганата ушла на среднюю Волгу.

Дольше всех сопротивлялась хазарам болгарская орда Аспаруха. Не пожелав покориться, она в 70-х годах вынуждена была оставить степи Северного Приазовья и переселиться на запад. Хан Аспарух с ордой, как сообщает "Хроника" Феофана, "переправившись через Днепр и Днестр и достигнув Онгла, более северных по отношению к Дунаю рек, поселился между ним и ими".

Исследователи обычно локализуют местность Онгл севернее Дуная, в низовьях Серета и Прута. Вместе с тем, высказано предположение о том, что Онгл находился в современной Румынской Добрудже, в болотистых низовьях Дуная. Последнее мнение получило некоторую аргументацию в работах Р.Рашева и принято многими археологами [1]. Эта местность с севера и юга защищена многокилометровыми валами (они сооружены в разное время, но могли быть использованы болгарской ордой Аспаруха), с востока ее ограничивало Черное море, с запада - Дунай с заболоченными пространствами. Около Никулицел имеются остатки земляного укрепления, где могла быть расположена ставка хана (рис. 72).

Древности болгар в Приазовье ранее середины VIII в. не обнаружены. Хозяйственно-культурный тип их был кочевническим. Постоянные становища болгарами еще не устраивались, поскольку они разводили скот (кони, овцы, козы), не требующий в зимнее время специальных помещений и заготовки кормов. Постоянные трассы кочевания для каждой из

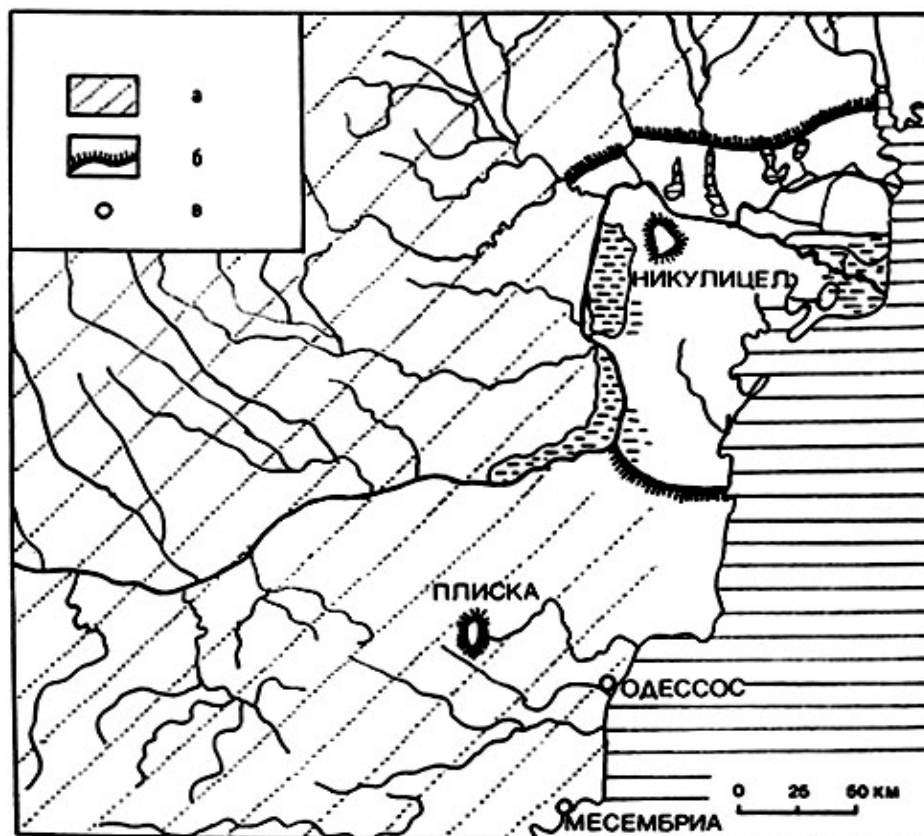

Рис. 72. Первый регион расселения протоболгарских орд Аспаруха (до 680 г.) и Плиска: а - территории, освоенные славянами до прихода протоболгар Аспаруха; б - валы, использованные Аспарухом, и его резиденции; в - византийские города

родо-племенных групп не были строго регламентированы. Погребальная обрядность болгарских кочевников остается археологически неуловимой. Не выявляются их древности и в местности Онгл [3].

Когда византийский император Константин IV узнал о том, что болгары разбили лагерь у Дуная в Онгле и разоряют окрестные земли, подвластные христианам, он двинул войска и флот к Дунаю. Болгары, как сообщают хронисты, предпочли обороняться и первоначально укрылись в укреплениях. Но византийцы из-за болотистой местности медлили с

нападением на болгарский лагерь, болгары осмелели и нанесли крупный урон войскам Империи. Болгары Аспаруха, преследуя врага, двинулись на юг от Дуная, по-видимому, вдоль берега моря. Достигнув окрестностей Варны, они осели в этих землях, постепенно распространившись на широкой территории между поречьем Дуная и Балканскими горами.

Необходимо отметить, что среди болгарских переселенцев были не только турки, но и ираноязычные аланы, по всей вероятности, в Приазовском регионе входившие в состав Великой Болгарии. На ранней стадии древности этой этнической группировки не вычленяются, но позднее в культуре Северо-Западного Причерноморья проявляется некоторое воздействие аланского компонента. Иранским по происхождению является, по-видимому, имя первого хана дунайских

болгар.

Территория южнее нижнего Дуная к этому времени была довольно прочно освоена славянами. Они не принимали участия в военных действиях на стороне Византии, не помогали и болгарским ордам в сражениях против нее. Славянское население Западного Причерноморья, очевидно, еще не создало военно-политического образования, которое могло бы выступить против войска Аспаруха как единая самостоятельная сила. Отдельные племенные формирования славян были неспособны противостоять военизированной болгарской орде.

Подчинение славян Аспаруху обошлось, очевидно, без столкновений. Аспарух переселил славянское племя северов на юг, к приморскому проходу; они должны были препятствовать вторжениям византийцев. Существовавшее до прихода болгар славянское объединение "Семь родов" Аспарух, став повелителем славян, расформировал, переселив часть населения на запад для защиты от Аварского каганата. Некоторые славянские формирования сами признали верховную власть Аспаруха.

Протоболгары (этим термином в историко-археологической литературе называются болгары-тюрки для различения от болгар-славян) на первом этапе устроили свои станы в районе Плиски - Шумена. Карты протоболгарских и славянских могильных памятников, составленные У.Фидлером [2], свидетельствуют, что славянское население было в значительной степени действительно переселено из Мисии и Малой Скифии к югу в порубежные земли с Византией и северо-западу к границам с Аварским каганатом. Лишь кое-где в землях, примыкающих к Дунаю, протоболгары сразу же расселились впережку со славянами (рис. 73).

Уже в 680 г. власть Аспаруха распространялась на обширные пространства Западного Причерноморья от Черного моря до долины р. Тимок, основным населения которого оставались славяне. В 680-681 гг. протоболгары совершили походы на земли Византийской империи к югу от Балкан. Это вынудило императора заключить мирный договор с Аспарухом с выплатой ему ежегодной дани.

Время Аспаруха - начало государственного образования "Болгария" (рис. 74). Это было крепнущее военно-политическое объединение, высшая власть в котором принадлежала пришлому кочевому тюркоязычному племени, а подчиненное земледельческое население составляли славяне. В окраинных регионах последние сохранили свои подвластные хану этносоциальные организмы, именуемые Славиниями. Управлялись они князьями,

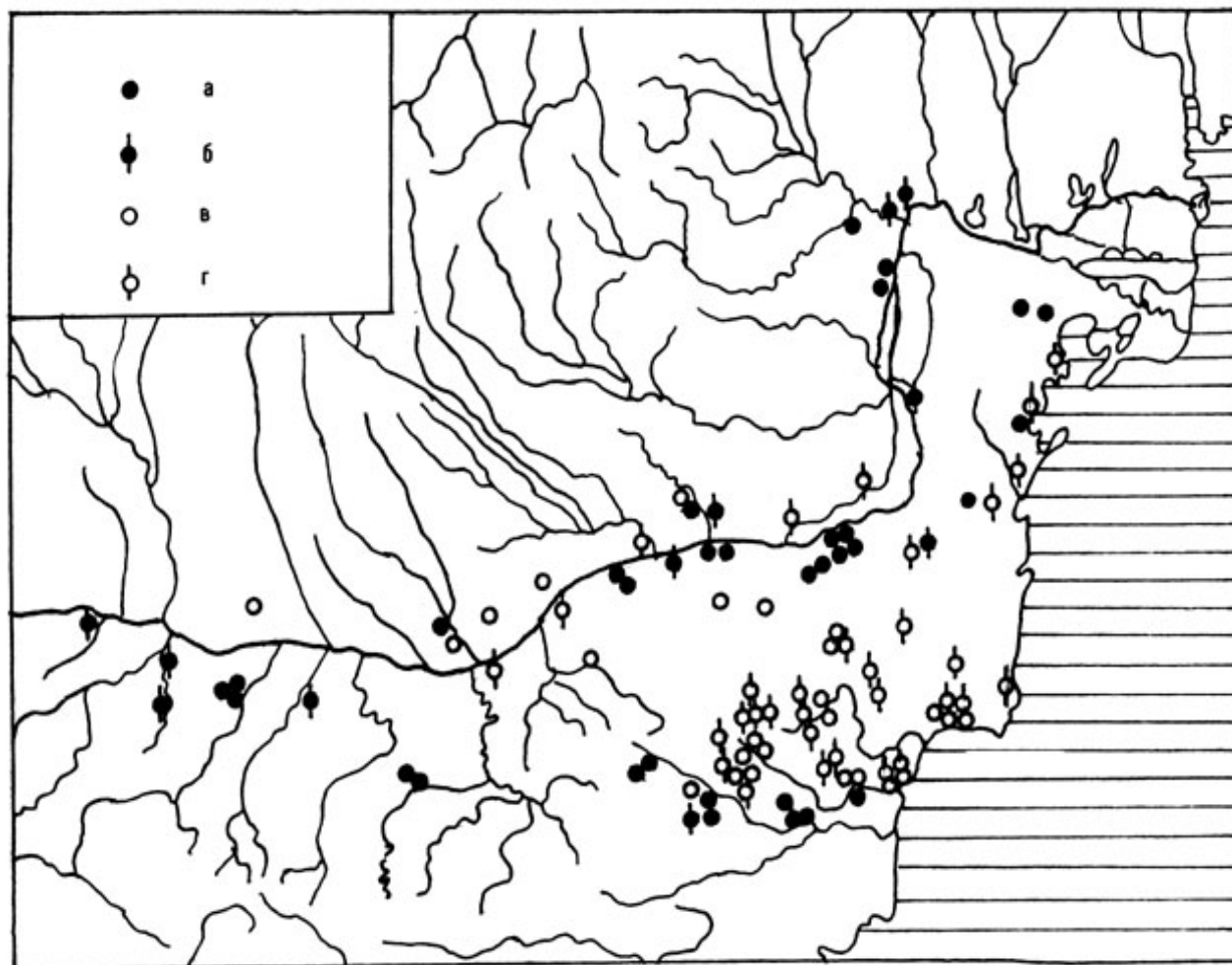

Рис. 73. Славянские и протоболгарские могильники на территории государства Аспаруха (681-701 гг.) и Тервела (701-718 гг.): а - достоверно славянские могильники; б - могильники, причисляемые к славянам предположительно; в - достоверно протоболгарские могильники; г - могильники, предположительно протоболгарские

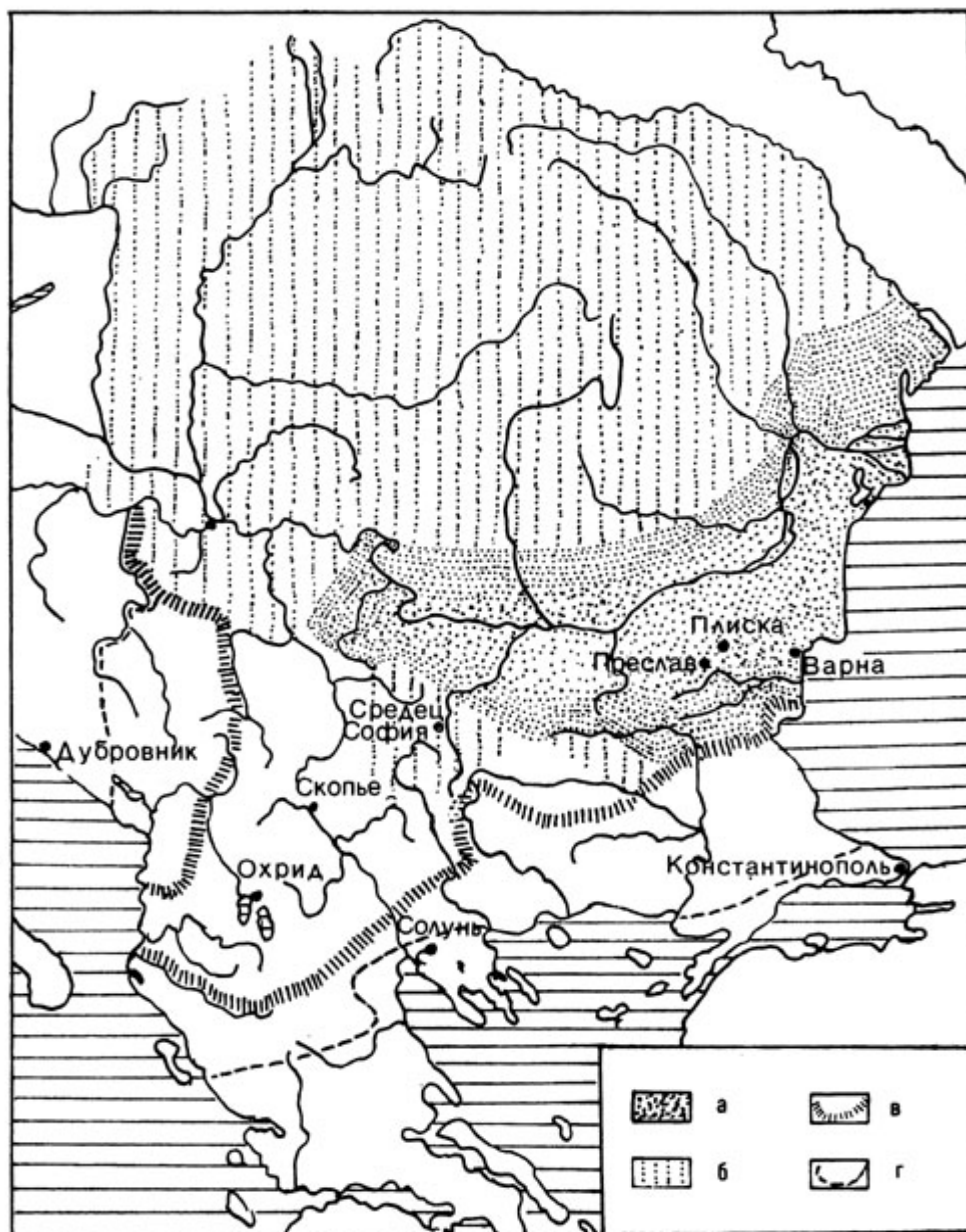

Рис. 74. Территория Болгарского государства на разных исторических этапах: а - при хане Аспарухе; б - при Тервеле; в - при Круме (803-814 гг.) и Омуртаге (814-831 гг.); г - при князе Борисе (852-889 гг.); д - при Симеоне (893-927 гг.)

которые также возглавляли подчиненные им отряды славянских ополченцев. Эти отряды участвовали в военных операциях хана, им была поручена охрана границы государства.

На первых порах Болгария была обычным полукочевым государством. Во главе его стоял связанный со своим родом и знатью хан, которому были подвластны как другие протоболгарские роды, так и все славянское население, в той или иной степени оформленное в Славинии. Это была своеобразная федерация, ядро которой составляли протоболгары, а периферию - зависимое славянское население, по численности заметно превосходившее болгар-тюрков. Государственным в формирующейся державе стал тюркский язык. Около полутора столетий (примерно до 30-х годов IX

в.) Болгарское государство сохраняло некоторые особенности, унаследованные от предшествующей эпохи родо-племенного строя. Институты власти протоболгар восходили к военно-политической системе кочевого скотоводческого народа. Вместе с тем, несомненен административный дуализм: Славинии выплачивали дань центральной власти и несли военную службу.

Одним из первых мероприятий Аспаруха стало строительство ставки-резиденции. Она была основана на месте славянского селища Плиски и создавалась по кочевнической традиции. В плане столица государства имела форму двух концентрических трапеций. Общая площадь ее достигала 23 кв.км. Центральная часть отводилась ставке хана, а периферийная предназначалась для шатров сородичей и для стад скота. Окружал резиденцию глубокий и широкий ров, общая длина которого составляла около 21 км (западная и восточная стороны по 7 км, северная и южная - соответственно около 4 и 3 км). Почти в центре этого укрепленного лагеря была устроена крепость, опоясанная массивной каменной стеной. Длина ее по периметру составляла около 3 км. Крепость была сооружена из огромных известняковых блоков. Такая кладка применялась и при строительстве зданий внутри крепости. В некоторых постройках использована и кирпичная кладка. Были построены также баня, бассейны и цистерны для воды [4].

Дворец хана и соседние административные здания ярко выделялись на фоне кочевнических юрт. Каменные сооружения в Плиске безусловно были воздвигнуты не протоболгарами. Монументальная архитектура была чужда их быту. Строительство ханского дворца, бань, цистерн и бассейнов велось квалифицированными мастерами. Корни его идут в Византию. Строителями каменной крепости и дворцовых зданий, очевидно, были византийцы и, может быть, славяне. Следы пребывания здесь последних зафиксированы археологически [5].

Кроме ханской ставки в окрестностях Плиски археологами исследовались еще два крупных селения протоболгар. Следы протоболгарских станов обнаружены и в других районах Малой Скифии. Жилищами протоболгар были юртообразные постройки. Одна из них исследована раскопками в Блашково в округе Варны. В плане она имела овально-подчетыреугольные очертания свыше 4 м в поперечнике с прирезкой для входа. Пол жилища был опущен в грунт на 30 см. По периметру котлована прослежено свыше четырех десятков ямок от кольев, составлявших каркас юрты. В срединной части ее имелся ямный очаг [6]. Подобные жилища-юрты овальной формы исследовались еще на двух раннеболгарских поселениях - около Кладенци в Толбухинском округе, в Стермен близ г. Бяла, Нова Черна в Силистренском округе [7]. На

поселении у с. Река Девня найдена глиняная модель юртообразного жилища [8].

Исторические источники свидетельствуют, что и внутри Болгарского государства, и за его пределами вплоть до начала IX в. в составе населения отчетливо различались два основных этноса. Они были разными и по хозяйственно-культурному типу, и по социально-общественной структуре. Их культурное различие отчетливо проявляется в погребальных памятниках. Могильные древности славян рассматриваемого периода эволюционировали из предшествующих. По-прежнему широко был распространен обряд кремации умерших с последующим захоронением остатков трупосожжений в грунтовых могильниках. Встречаются в этих некрополях и трупоположения, но они немногочисленны. Среди трупосожжений есть безурновые и урновые, последние иногда имели покрытия. Эта деталь обрядности, по всей вероятности, была воспринята славянами Балканского полуострова от местного фракийско-романского населения. Основная масса захоронений лишена вещевых находок. Между остатками трупосожжений встречаются кальцинированные кости животных. Как считают исследователи этих древностей, это - остатки жертвенного мяса, брошенного в погребальный костер.

Одним из характернейших погребальных памятников протоболгар является могильник близ Нови Пазар, датируемый концом VIII и началом IX в. В нем открыты трупоположения, ориентированные ССВ-ЮЮЗ. В одной из могил рядом с мужчиной был погребен конь. Захоронения сопровождалось обильным и разнообразным вещевым инвентарем. Это костяные накладки лука, сабля и другие предметы, а также горшки с яйцевидным туловом и кувшины [9]. Аналогичные могильники открыты и в других местах. О протоболгарской принадлежности их свидетельствуют ориентировка

трупоположений, наличие коня и вещевые материалы.

К протоболгарам У.Фидлер относит и некоторые биритуальные могильники. Исследователь полагает, что захоронения по обряду ингумации в таких некрополях принадлежат преимущественно протоболгарам. Для этих могил типичны ниши. Сверху над скелетными захоронениями обычно клались камни, что объясняется исследователями боязнью вампиризма умерших. Номадские элементы в трупоположениях проступают весьма отчетливо. Антропологические изыскания подтверждают это: черепа из захоронений несут некоторые монголоидные особенности. Среди захоронений по обряду кремации биритуальных некрополей доминируют безурновые. Остатки жертвенного мяса свойственны как для сожжений, так и для трупоположений, но в последних находки их (кости коня, коровы и овцы) обычны, а в трупосожжениях встречаются далеко не всегда. У.Фидлер считает, что захоронения по обряду кремации в таких могильниках могли принадлежать и протоболгарам, и славянам, но дифференцировать их не представляется возможным.

К смешанным в этническом отношении памятникам У.Фидлер причисляет также некрополь Истрия-Капул Винлор, в котором было раскопано 55 трупоположений (многие из них имели ниши) и 197 погребений по обряду кремации умерших. К подобным памятникам принадлежит и могильник в Султана и некоторые другие [10].

Процесс сближения протоболгар и славян носил естественно-исторический характер. В новых естественно-географических и культурно-исторических условиях, в которых оказались протоболгары в Западном Причерноморье, сохранение ими кочевого хозяйственного уклада оказалось бесперспективным. В этом регионе не было обширных степных пространств. Свободные перегоны скота были ограниченными, поскольку значительные площади удобных земель были освоены земледельческим населением. Проживая в тесном общении со славянами, протоболгары стали переходить к

оседлому образу жизни. Проживание славянского населения и протоболгар на одних поселениях и использование одних могильников для захоронений умерших свидетельствуют не только о территориальном смешении, но и о начавшемся процессе метисации.

Протоболгарский этнос перенимал у славян не только атрибуты земледельческого уклада, но и многие элементы быта и духовной жизни. По сравнению со славянским населением численность протоболгар была незначительной, а по мере расширения Болгарского государства за счет присоединения новых славянских земель доля протоболгарского этноса постоянно уменьшалась. Его представители оказались рассеянными на широкой территории, и славянская среда все более и более активно поглощала отдельные группы протоболгар. Со временем погребений, которые можно более или менее уверенно связывать с болгарами-тюрьками, становится все меньше и меньше.

Славянам-земледельцам при их численном преобладании не было нужно осваивать тюркский язык. Непосредственными их администраторами были старейшины, жупаны и князья из славянской среды. Во главе воинских формирований, состоявших из славян, стояли военачальники-славяне. Поэтому проникновение тюркского элемента в славянские диалекты было весьма незначительным. Славянами был усвоен лишь минимум протоболгарских слов, касающихся в основном титулатуры должностных лиц, некоторые воинские термины, наименования специфически протоболгарских бытовых вещей, слов, выражавших основы счета и понятия времени [11].

На территории единого государственного образования в условиях совместного проживания славян и протоболгар и их тесного взаимодействия начиная с рубежа VIII и IX вв., а в основном в IX столетии формируется единая археологическая культура (рис. 75). Ядром ее стали земли Западного Причерноморья между поречьем Дуная и Балканскими горами.

Отсюда эта культура быстро распространилась и на левый берег нижнего Дуная, и севернее вплоть до Прутско-Днестровского междуречья. Расцвет ее падает на период с IX по начало XI в.

Основным типом поселений рассматриваемой культуры были неукрепленные селища, обычно располагающиеся среди плодородных земель, на склонах речных долин. Жилищами были прямоугольные полуземляночные постройки срубной или плетнево-столбовой конструкции, с двускатными крышами, продолжающие традиции славянского домостроительства предшествующего времени. Отапливались они преимущественно печами, сложенными из камней или глины, в сравнительно немногих постройках имелись очаги. Интерьер жилищ типично славянский: отопительные устройства размещались в одном из углов. Только в единичных случаях встречены жилища с очагами в срединной части. Возле жилых построек нередко отдельно поставленные глинобитные хлебные печи и хозяйственные ямы. Жилища бедны находками (глиняные пряслица, железные ножи и кресала, наконечники стрел и другое).

На некоторых поселениях зафиксированы следы занятий железоделаньем и кузнечным ремеслом. Раскопками были изучены мастерские с орудиями труда. Для характеристики кузнечного дела интересен большой клад железных предметов, обнаруженный близ поселения IX-X вв. в Драгословени в Мунтении. В его составе были две кузнечные наковальни, молоты, клещи; сельскохозяйственные орудия - наральники, чересла, лопатки для очистки рала, оковки лопат, серпы, косы, бытовые вещи, а также боевые топоры, наконечники копий, стремяна, удила. В ряде мест исследовались также гончарные горны. Они были глинобитными, одноярусными.

Исследованные в ареале этой культуры погребальные памятники - грунтовые могильники с биритуальными захоронениями - свидетельствуют уже о полном культурном слиянии

263

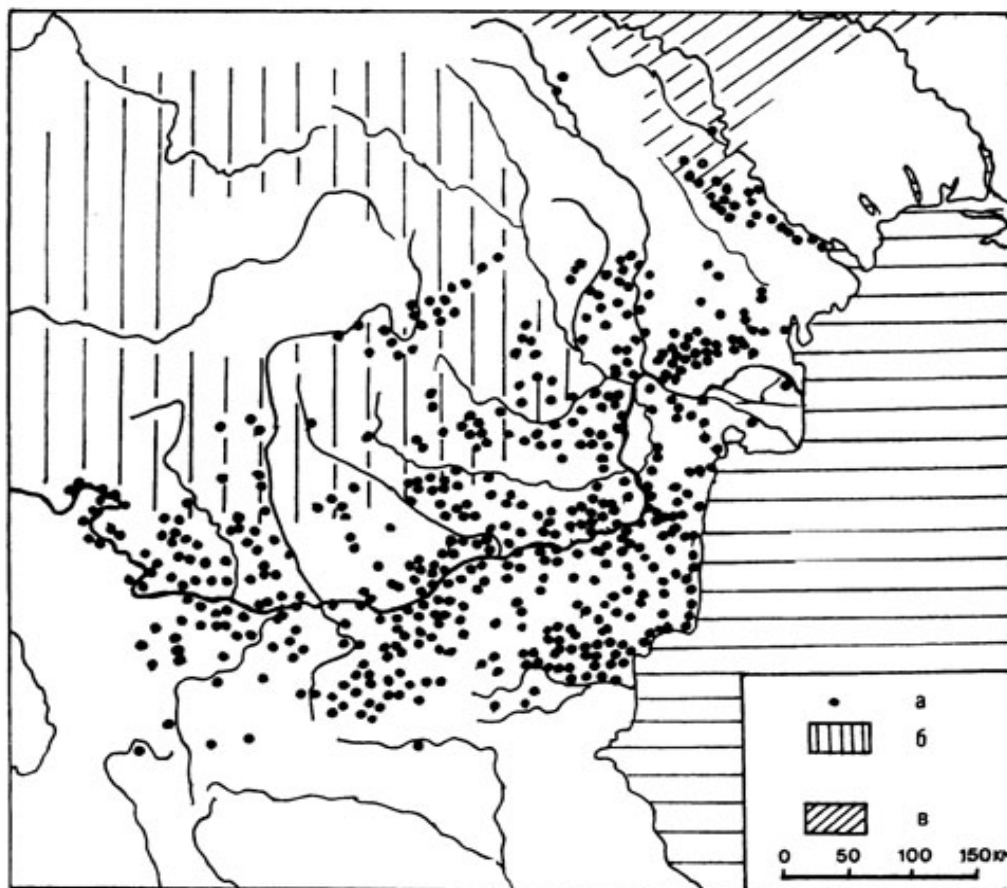

Рис. 75. Памятники болгар VIII-IX вв.: а - памятники VIII-IX вв.; б - приблизительный регион становления румынской народности; в - восточнославянские земли

представителей двух основных этносов - протоболгар и славян. Многие могильники, возникшие в предшествующее время, функционировали и позднее. Развитие погребальной обрядности в разных регионах рассматриваемой культуры протекало несколько своеобразно.

Так, в названных выше некрополях Нови Пазар и Султана есть и погребения IX в., и более поздние. В могильнике Султана (около г. Олтеница), функционировавшем до середины X в., 153 раскопанные могилы содержали труположения в вытянутом положении, на спине,

264

головой преимущественно на запад или северо-запад. Вокруг скелетов находились горшки, кувшины, ножи и различные украшения - серьги или головные подвески с многогранными зернеными привесками, разноцветные стеклянные бусы, поясные пряжки и другие вещи. В таких захоронениях встречены также отдельные кости, а иногда и целые скелеты овец и птиц, яичная скорлупа, угли и зола - остатки погребальных пиршеств. Остатки кремации умерших открыты в 46 могилах, они помещались в обычных горшках или просто в ямках, куда бросали и фрагменты ритуально разбитых сосудов. Вещевые находки при трупосожжениях единичны [12].

В могильнике Разделна в Варненском округе, наоборот, доминировали трупосожжения. Раскопками здесь открыто 216 таких захоронений в урнах и 6 в овальных ямах. Около 50 урновых трупосожжений были помещены в специальных гробницах, сложенных из античного кирпича или камня. Нередко урны накрывались каменными плитами, кирпичами или разбитыми глиняными сосудами. В единичных могилах встречены сожженные кости ягнят и птиц. Погребальный инвентарь крайне беден - железные ножи, пряжки, стеклянные бусы, серьги, браслеты, единичные пряслица, серпы, наконечники стрел [13].

Два могильника исследованы около Девня в Варненском округе. В первом вскрыты 51 труположение, 38 трупосожжений и две кенотафные могилы. Захороненные по обряду ингумации имели преимущественно северную ориентировку. Могилы с остатками кремации не образовывали особой группы и располагались рассеянно среди труположений. В другом некрополе (№ 3) раскопками изучено 95 труположений, 56 сожжений и 9 кенотафов. Скелетные захоронения ориентированы на север или северо-запад, единичные - на запад [14].

В регионе между Дунаем и Балканскими горами в IX в. обряд кремации в целом стал преобладать над ингумациями. Болгары-тюрки, переходя к оседлому образу жизни и земледельческому укладу и смешиваясь со славянами, очевидно, воспринимали и славянскую погребальную обрядность. В землях севернее Дуная, где славянское население было доминирующим, господствующим также был обряд кремации умерших, хотя немалое число могильников содержат и погребения по обряду труположения.

Глиняная посуда рассматриваемой культуры изготавливалась уже на гончарном круге и обжигалась в горнах. Наибольший процент в керамической коллекции составляет посуда с ярко выраженными салтовскими элементами. Это столовые сосуды, хорошо обожженные до серого цвета. Среди них доминировали горшки и одноручные кувшины с округлым туловом, покрытые сплошь лощением или с пролощенным орнаментом в виде сетки, зигзагообразных или прямых вертикальных полос. Эта керамика несомненно взаимосвязана с гончарством салтовской культуры, восходя, как считают исследователи, к аланскому керамическому делу.

Вторую группу керамики составляют кухонные горшки, сформованные из глиняного теста с примесью песка или дресвы. Поверхность их красная, коричневая или желтая. Наибольшее бытование получили горшки с плавно расширяющимся кверху туловом, но немало и горшков с округлым или яйцевидным корпусом. Исследователи рассматриваемых древностей обычно связывают первые сосуды с традициями славянского гончарства, а округло-яйцевидные формы - с гончарным делом болгаро-аланского населения, переселившегося из Приазовско-Донских земель в Западное Причерноморье.

Третью группу образуют сосуды, связанные с местным провинциально-византийским гончарством.

Эта посуда изготовлена из тонкого глиняного теста с примесью мелкого песка и достаточно хорошо обожжена. Поверхность сосудов красная или серая. Это преимущественно горшки, орнаментированные

горизонтальными поясами из врезных линии или каннелюрами по плечикам. Кроме того, имеются миски, высокие двуручные кувшины, в том числе с характерной для византийской керамики IX-X вв. желто-зеленой поливой [15]. Населением, сохранявшим провинциально-византийское гончарство, по всей вероятности, были остатки местных романизированных племен. Проживая в среде многочисленного славянского населения они, очевидно, были включены в общий этногенетический процесс.

Формирование в пределах Первого Болгарского государства единой культуры отражает процесс становления болгарской народности (рис. 76). Элементы славянизации протоболгар выявляются уже в конце VIII в. Тюркские надписи этого времени при передаче антропонимов, топонимов и должностной номенклатуры, как показал В.Бешевлиев, обнаруживают славянское языковое влияние [16]. В этих надписях первой четверти IX в. славянские подданные хана еще отличаются от болгар-тюрков. Но позднее термин *болгары* стал ассоциироваться со всем населением Болгарского государства.

В отличие от предшествующего периода болгарский хан Крум (803-814 гг.) в изданных им законоположениях уже не делал никаких различий по этническому признаку. В составе администрации Болгарского государства уже присутствовали славяне, и роль их постепенно возрастала. Так, при Круме послом Болгарии в Константинополе был славянин Драгомир, среди приближенных хана находились лица со славянскими именами. В середине IX в. существенные этнические различия среди основной массы населения Болгарского государства уже не усматриваются. Если прежде византийские авторы употребляли термин *болгары* в двух значениях (им обозначались и протоболгары, и население Болгарского государства), то с середины IX в. он стал однозначным (все население Болгарии без вычленения болгар-тюрков). С этого времени можно говорить о начальном этапе становления болгарской народности, как одного из этноязыковых образований славянства. Славянский язык вскоре становится государственным языком Болгарии. Вместе с тем, остается несомненным, что в среде складывающейся славянской народности кое-где продолжали сохраняться небольшие островки тюркоязычных протоболгар.

Вопрос о роли фракийского этнического компонента в этногенезе болгарского этноса остается не вполне ясным. Одни исследователи полагают, что фракийское население Балканского полуострова в те столетия, когда эти земли входили в состав Римской империи, было романизировано и не сохранилось к началу средневековья [17]. Однако топонимические материалы свидетельствуют все же о сохранении редкого фракийского населения, преимущественно в горных местностях Мисии, где они и контактировали со славянами [18]. В этой связи высказывается предположение о том, что фракийцы в процессе славянского расселения были вытеснены с удобных земель. Следы воздействия фракийской культуры на славян выявляются не в археологических данных, а в материалах этнографии (в элементах праздничных обрядов, свадебных и похоронных ритуалах, религиозных представлениях, а также в деталях одежды и украшений) и некоторых фольклорных особенностях [19]. Это послужило основанием для утверждений о значительном участии местного фракийского населения в этногенезе болгарской народности. Согласно исследованиям

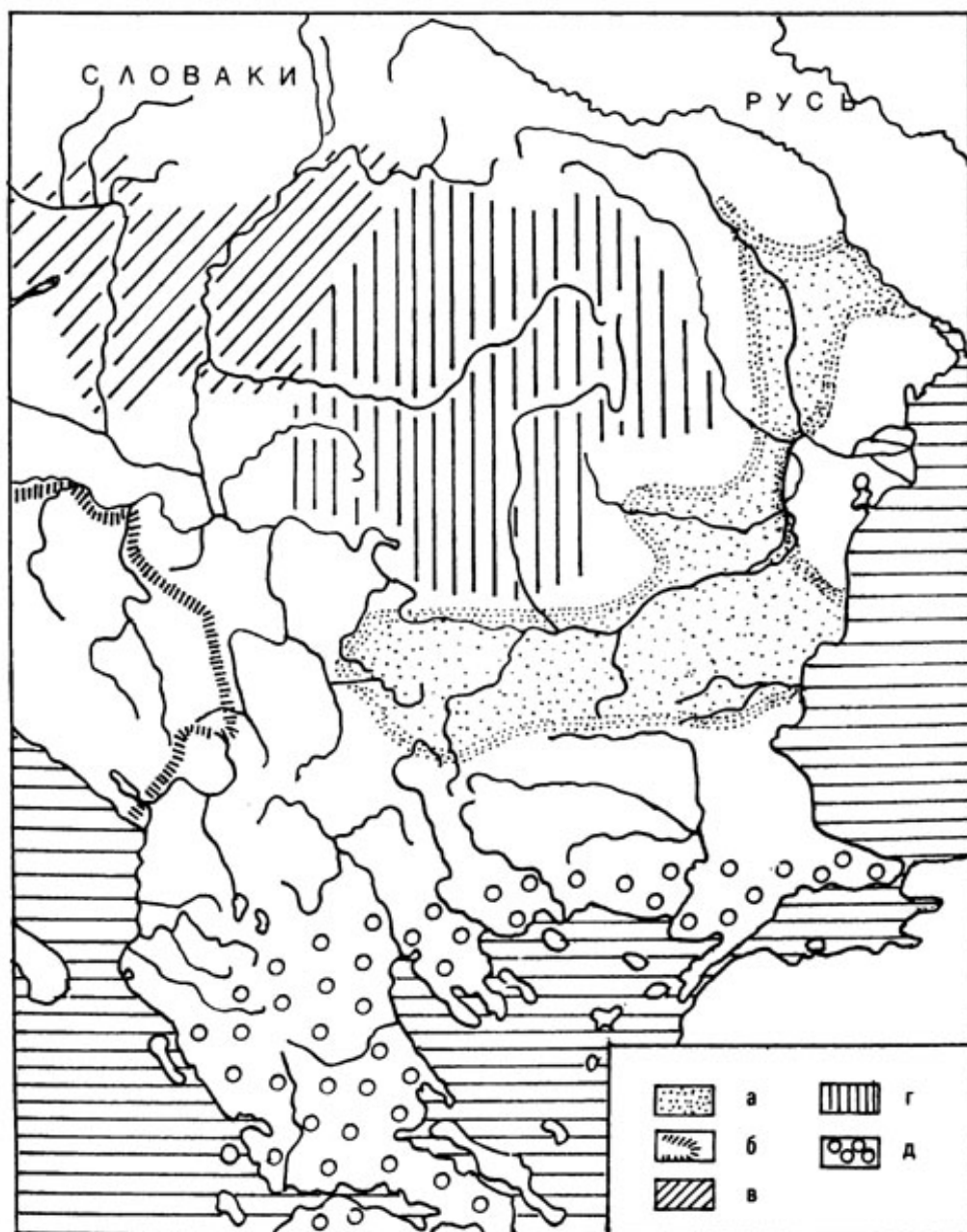

Рис. 76. Становление болгарской народности:

а - ареал формирования болгарской народности (балкано-дунайская культура); б - восточная граница ареала сербов; в - ареал ранневенгерских могильников (по И.Эрдели); г - ареал волохов - романского населения на дако-романской основе (по М.Комше); д - ареал греков

болгарского лингвиста Б.Симеонова, в лексике болгарского языка имеется много слов, воспринятых от фракийского субстрата. Исследователь полагает, что в римское время фракийское население Балканского полуострова не было окончательно романизировано. Здесь получила распространение не латинская речь, а сформировался фракийско-латинский язык; с этим-то населением и встретились славяне. Следовательно, таким образом, фракийский этнос, его язык и культура стали компонентами формирующейся болгарской народности [20].

По-видимому, активное славяно-фракийское взаимодействие относится в основном к периоду первоначального освоения славянами балканских земель, который весьма слабо представлен археологическими материалами. Допустимо также предположение о контактах славян с остатками фракийцев в горных местностях, откуда смешанное славяно-фракийское население могло расселяться в равнинных землях по мере стабилизации жизни в Первом Болгарском государстве.

Таким образом, первый период формирования болгарской народности связан с взаимодействием и метисацией более значительного по численности славянского этноса с протоболгарами и какими-то остатками древнего местного населения. Становление этой народности, прежде всего, было процессом этногенетическим. Протоболгары, многократно уступавшие по своей численности славянскому и автохтонному населению и вынужденные приспособляться к новому хозяйственно-культурному укладу жизни, оказались ассимилированными. Весь уклад жизни и быта протоболгар претерпевал коренные изменения и становился одинаковым со славянским. Создавалась новая этническая общность. Термин "болгары" из узко племенного (то есть этнонима тюркского племени) в условиях территориального смешения славянского и протоболгарского этносов стал обозначать всех подданных Болгарского государства, а с формированием единой народности, славянской по своей основе и языку, превратился в самоназвание новой этнической общности.

Ареалом становления болгарской народности была в основном область взаимодействия славянского и протоболгарского этносов, которая соответствовала лишь территории Болгарского государства на первом этапе его истории. В дальнейшем государственные границы многократно изменялись, не оказывая существенного влияния на формирование и эволюцию болгарской народности.

Уже при Круме и Омуртаге (814- 831 гг.) территория Болгарского государства включала обширные пространства Северного Подунавья вплоть до верховьев Тисы и Днестра на севере и поречья среднего Дуная на западе, где доминирующим было романоязычное население. Крум ввел общие для всего населения законы и положения. При Омуртаге прежнее административное членение по этническому признаку (автономные Славинии) было упразднено, страна была разделена на новые военно-административные территориальные образования - комитаты, никак не связанными с племенными областями. Бесспорно, что это укрепило государственность и, очевидно, во многом способствовало интеграции разноплеменного населения в единую этническую общность.

При Борисе (852-889 гг.) к Болгарии были присоединены земли Македонии, а при Симеоне (893-927 гг.) на юге ее пределы достигли Северной Греции и побережья Эгейского моря (рис. 74). Несмотря на то, что доминирующим населением вновь присоединенных земель были славяне, этногенетические процессы здесь протекали иначе, чем в области расселения протоболгарских племен. Поэтому эти земли следует исключить из ареала становления болгарской народности.

Вместе с тем, нельзя отрицать большого значения государственности в процессе консолидации протоболгарского и славянского этносов при формировании

единой народности. Болгарский историк Д. Ангелов, в течение многих лет исследовавший условия формирования болгарской народности, отводит решающую роль Болгарскому государству. Он полагает, что областью формирования этой народности были не только земли, составлявшие державу Аспаруха, но и Македония, и Сербское Подунавье, включенные в состав Болгарского государства позднее. Согласно Д. Ангелову, население всех этих регионов составляло отдельную группу раннесредневекового славянства [21]. Принять это положение никак нельзя. Каких-либо данных среди археологических и лингвистических материалов для такого утверждения не обнаруживается.

Государственное образование, думается, не могло играть решающей роли в этноязыковых взаимоотношениях разноплеменного населения. Но оно безусловно консолидировало его и благоприятствовало интеграционным процессам. В частности, исключительно важная роль принадлежит государству в формировании культурного единства формирующейся народности. В истории материальной культуры Болгарии рассматриваемого времени выделяются два основных

направления. Прежде всего, продолжали развиваться традиционные формы быта и культуры земледельческого населения. Как показано выше, это была уже единая болгарская культура, составленная в неделимое целое из культур славянского населения и осевших на землю протоболгар. Параллельно появляются и распространяются при активном содействии государственной власти культура, архитектура и искусство, связанные с византийскими традициями.

В результате присоединения к Болгарии значительных территорий Фракии и Македонии, а также Севернодунайских земель она стала наследницей многовековой цивилизации, тесно связанной с жизнью Византии. Монументальная архитектура Болгарии, бурно развивающаяся начиная с IX в., не только повторяла традиции и заимствовала формы, идущие из византийского мира, но и продемонстрировала стремление к нововведениям.

Помимо строительной активности в дворцовом комплексе Плиски, где возводятся большая тронная палата, новые жилые здания и новая кирпичная крепостная стена, государственные резиденции с архитектурными постройками возникают в ближайших аулах. Для строительства некоторых административных зданий используется тип базилики.

Значительное развитие получает ювелирное дело, унаследовавшее традиции провинциально-византийского производства. Бронзовые и серебряные украшения встречены при раскопках многих памятников болгарской культуры. Это разнообразные серьги, оформленные узорами из зерни и скани (рис. 77), перстни, браслеты, привески, поясные наборы.

Мощным импульсом в становлении и укреплении болгарского этноса стало принятие христианства. Сохранение двух видов языческой религии - славянской и протоболгарской - препятствовало оформлению единства духовной жизни складывающейся болгарской народности. В 864 г. византийская армия вторглась в пределы Болгарии, и болгары во главе с ханом Борисом (852-889 гг.) под давлением Византии приняли христианство. Попытка протоболгарской знати помешать принятию новой религии была пресечена самым решительным образом. Христианство укрепило центральную власть Болгарского государства и сыграло заметную роль в завершении ассимиляционного процесса, то есть в слиянии протоболгар со славянами.

Болгарская держава превратилась в одну из крупных европейских монархий, и имеются все основания говорить о завершении к началу X в. процесса становления болгарской народности, славянской по языку, своему облику и культуре. В правление Симеона (893-927 гг.) официальным для Болгарского государства становится славянский язык, все делопроизводство велось уже на славянском языке.

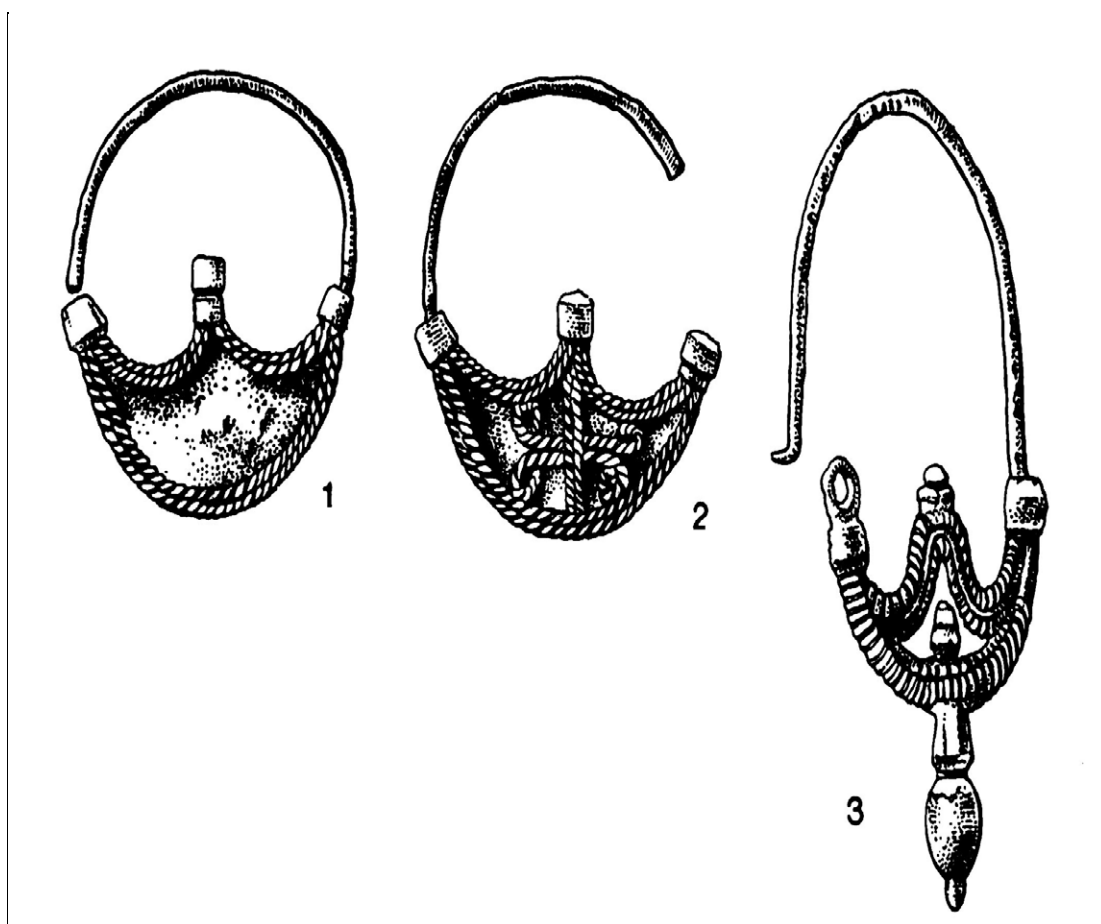

Рис. 77. Серьги из памятников болгар (Мадара, Каварна)

В те же годы совершился переход к церковнослужению на славянском языке [22].

Столица государства была перенесена из Плиски, связанной с протоболгарскими традициями, в Преслав, который стараниями царя Симеона существенно перестраивается и преобразуется. Возводятся новые оборонительные стены, белокаменный государев дворец расширяется, за его пределами строятся многочисленные жилища, а в окрестных долинах и предгорьях - монастыри и усадьбы феодалов.

IX столетие было периодом становления раннесредневековых болгарских городов как торгово-ремесленных центров [23]. Плиска была еще военно-административным поселением. Преслав уже можно относить к числу городских центров. Как и в других поселениях раннегородского облика значительная роль здесь еще принадлежала сельскому хозяйству. Вместе с тем, зафиксированы и следы ювелирного, камнерезного и керамического производств. Следовательно, на поселении жили и работали ремесленники, что и придает ему городской облик. Для ранних болгарских городов было свойственно неполное отделение ремесла от сельского хозяйства. Близ городов ремесленники обычно имели участки, на которых занимались земледелием. В Преславе в X в. функционировали торговые ряды, где сами ремесленники или торговцы продавали окрестным жителям ремесленные изделия [24].

С Переславом связано производство росписной керамики, распространенной во второй половине IX - X в. на северо-востоке Балкан и известной под названием "переславской". Это - плитки и сосуды, высокопрофессионально изготовленные из каолиновой глины. Белая поверхность их расписывалась художниками минеральными красками или глазурью. Орнамент носит восточный характер.

Производство росписной керамики на высокой стадии развития, как полагают исследователи, было привнесено в Болгарию откуда-то извне и доведено до совершенства уже местными мастерами. Об ее изготовлении в Болгарии свидетельствуют полуготовые изделия, бракованная продукция, сырье и печи для обжига [25].

На Балканском полуострове, как и в Византии, на ряде поселений прослеживается континуитет городского развития от античности к средневековью. Правда, жизнь таких городов протекала не всегда прямолинейно - периоды бурного развития сменялись кризисными этапами, вслед за которыми наступал новый подъем. Одним из таких городов является София. Возникнув как город римской провинции Дакии, София в IV в., когда наблюдается общий подъем градостроительства в Восточноримской империи, значительно расширяется. Город обносится новыми крепостными стенами, часть которых была поставлена на старые фортификационные строения. София становится одним из центров духовной культуры. В IV-VI вв. в городе имелось восемь христианских храмов. В общем это был довольно большой город с населением весьма пестрым в этническом отношении, но в значительной степени романизированным.

Славяне в процессе расселения на Балканском полуострове, по-видимому, неоднократно нападали на Софию (следы разорения и некоторого запустения фиксируются исследователями), оседали в городе небольшими группами, но основу его населения составляли автохтонные жители. Постепенно доля славянского этнического компонента увеличивалась. С IX в. город уже именуется Средец, то есть достоверно славянским топонимом, свидетельствующим о славянизации жителей поселения. Раннесредневековая эпоха унаследовала часть античных улиц и античные здания.

Время царствования Симеона - период подъема и расцвета болгарской культуры и государственности. Достижения византийской цивилизации приспосабливались к местным условиям и получали дальнейшее развитие. При царском дворе создается славянский литературный центр, где произведения византийских авторов переводились на славянский язык.

При преемниках Симеона в Болгарии наступил социально-политический кризис, центральная власть оказалась ослабленной, чем воспользовалась Византия. После 40-летней борьбы с Империей в 1018 г. Первое Болгарское государство прекратило свое существование. Византийское господство продолжалось до 1186 г.

Полностью сложившийся болгарский этнос выдержал византийское владычество и продолжал свое развитие в последующие столетия. Иной была ситуация в землях, расположенных к северу от нижнего течения Дуная. Здесь, потеснив болгар, в степях расселились печенеги и половцы, которые, в XI в. переправившись через Дунай, неоднократно вторгались в пределы южнодунайских земель Болгарии. Часть лесостепных областей Дунайско-Днестровского междуречья вошла в состав Древнерусского государства, а позднее восточнославянское и остатки болгарского населения были поглощены романоязычным этносом.

1. Rasev R. L'Onglos - temoignages ecrites et fails archeologiques // Bulgarian Historical Review. 11. Sofia, 1982. P. 68-79; Idem. Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII-XI в.). Варна, 1982; Божилов Ив. Към историческата география на Северозападното Черноморие // Известия на Народния музей - Варна. Кн. 11. Варна, 1975. С. 27-36; Димитров Д.И. Прабългарите по ссвсрното и западното Черноморие. Варна, 1987. С. 191; Halccscu C. Din nou dcspre Onglos // Studii si cercetari de istorie veche. T. 40. Bucuresti, 1989. P. 340.
2. Fiedler U. Studien zu Graberfeldern des 6. bis 9. Jahrhunderts an der unteren Donau. T. 1. Bonn, 1992. S. 21-24.
3. В исторической литературе высказано мысль о том, что еще в Приазовье у болгар наметилась тенденция к оседлости и они занимались земледелием (Гюзелев В. Икономическо развитие, со-циална структура и форми на социална и политическа организация на прабългарите до

- образуването на българската държава (V-VII вв.) // Археология. София, 1979. N 4. С. 12-22).
4. История на България. Т. 2. София, 1981. С. 181-184; Rascv R. Pliska. The First Capital of Bulgaria // Ancient Bulgaria. Papers presented to the International Symposium on the Ancient History and Archaeology of Bulgaria, University of Nottingham, 1981. Nottingham, 1983.
 5. Михайлов Ст. Първата славянска столица Плиска в свстлината на последните археологически разкопки // СА. Т. 7. 1959. С. 366-368; Ваклинов Ст. Плиска за тридесет години // Археология. София, 1974. N 3. С. 30-39.
 6. Димитров Д.И. Принос към изучаването на старобългарското жилище в Североизточна България // Известия на Народния музей - Варна. Кн. IX (XXIV). Варна, 1972. С 101-108.
 7. Dimitrov D.I. Neuc Angaben von den Protobulgaren im Nordostlichen Bulgarien auf Grund archaologischer Forschungen // Studia in Honorem Veselini BeSevliev. Sofia, 1978. S. 379-381.
 8. Въжарова Ж.Н. Юрто-жилище на прабългарите модел // Преслав. Сборник. Т. 1. София, 1966.
 9. Михайлов Ст. Един старинен некропол при Нови Пазар // Известия на Археологическия институт. Кн. XX. София, 1955. С. 293-336; Станчев Ст. и Иванов Ст. Некрополът до Нови Пазар. София, 1958.
 10. Fiedler U. Studien zu Graberfeldern... Т. 1. S 246-270.
 11. Коев И. Следи от бита и езика на прабългарите в нашата народна култура // Етногенезисът и културно наследство на българска народ. София 1971. С. 57-61; Маринов В. За етнокултурните приноси за българското животноводство // Там же. С. 87-92.
 12. Mitrea B. La nekropole birituele de Sultana - resultats et problemes // Dacia. Т. 32. Bucuresti 1988. P. 91-139.
 13. Димитров Д.И. Некрополът при гара Раздел на // Известия на Народния музей - Варна. Т XIV (XXIX). Варна, 1978. С. 120-152.
 14. Димитров Д.И. Новооткрит раннобългарски некропол при Девня // Известия на Народния музей - Варна. Кн VII (XXII). Варна, 1971. С 57-76; Он же Раннобългарски некропол N3 при Девня // Там же. Кн. VIII (XXIII). 1972. С 45-65; Он же. Древнеболгарские некрополи в Варненском округе // Славяните и средиземноморският свят VI-XI век. София, 1973. С. 75- 91.
 15. Новейшее исследование керамики VI-IX вв Нижнедунайского региона принадлежит У.Фидлеру (Fiedler U. Studien zu Graberfeldern... Т. 1 S. 124-170).
 16. Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София 1979 С. 57. 58.
 17. Бешевлиев В. Български език. София, 1971. С. 77, 78.
 18. Тъпкова-Заимова В. Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966. С. 84; Ангелов Д. Образуване на българската народност. София. 1971. С. 86-96, 173.
 19. Милчсв А. Славяните и народите на римските провинции в източна част на Балканския полуостров // Berichte II Intrnationale Kongress fur slawische Archaologie. Bd. III. Berlin, 1973. S. 149, 150; Vakarelski Ch. Des vestiges anciens. probablement thraces, dans la culture materielle des Bul-gares // Thracia. Primus Congressus Studiorum Thracicorum. Т. II. Serdicac, 1974. P. 183-189; Georgieva I. Sur certaines influences thraces dans la culture spirituelle du peuple bulgare // Там же. P. 213-217; Koleva T. Typologie de la fete de la

-
- Saint George chez les Slaves du Sud // Etudes Balkaniques. Sofia, 1977.N1. P. 116-122.
20. Симеонов Б. К вопросу о субстратных фракийских элементах в болгарском языке // Thracia. Primus Congressus Studiorum Thracicorum. Т. II. Scrdicac, 1974. С. 313-330. См. также кн.: Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971.
 21. Ангелов Д. Образуване на българската народност. София, 1971. С. 332; Он же. Покръстванс на българитс - причини и послсдицы // Православисто в Болгариин. София. 1974. С. 77-100; Он же. Формиране на българската народност // История на България. Т. 2. София. 1981. С. 261- 277.
 22. О формировании этнического самосознания болгарской народности в V-X вв. см. в кн.: "Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья". М., 1982. С. 49-82.
 23. Димитров Д. Възникване на градски цснтровс в Севсро-Источна България // Средновсковният български град. София. 1980. С. 35-45; Овчаров Д. Възникване и оформанс на Преслав като средновековен град (IX- X в.) // Там же. С. 107-116.
 24. Преслав. Сборник. Т. 1. София. 1968; Т. 2. 1976; Ваклинов Ст. Формиране на старобългарската

- култура. VI-XI век. София, 1977. С. 167-227.
25. Миятев Кр. Преславската керамика. София, 1936; Акрабова-Жандова Ив. Преславската рисувана трапезна керамика // Преслав. Сборник. Т. 2. София, 1976. С. 62-80.

Достоверно славянские памятники VI и начала VII в. в Приальпийском регионе, включающем верхнее течение Дравы с Муром, верховья Савы и смежные земли бассейна Энса и левобережья Тальяменто, пока не известны. Поэтому вопрос о деталях освоения этого региона на основании археологических материалов не может быть решен. Анализ водных названий и данные ономастики дают основание предполагать, что славянская колонизация территорий, примыкающих к Альпам с востока, осуществлялась двумя основными потоками, один из которых шел с юго-запада, другой - с севера. При этом отмечается, что славянское население, продвигавшееся в эти предгорные области, было весьма неоднородным в диалектном отношении [1].

В результате анализа сообщений письменных источников время освоения славянами Приальпийского региона определяется серединой и второй половиной VI в. Б.Графенауэр полагает, что уже около 550 г. массивы славянского населения имелись в окрестностях позднеантичных центров Агунтума и Овилавы. Концентрацию славян около других таких пунктов исследователь датирует 570-590 годами [2]. Славяне встретились в Приальпийском регионе с разрозненными группами романизированного (кельто-иллирийского) населения и быстро наладили с ним активные культурные и соседские контакты [3]. Позднеантичные центры положительно воздействовали на развитие культуры альпийских славян и сыграли организующую роль в становлении их государственности.

Аварские владения в Среднем Подунавье не достигали территории альпийских славян. Не исключено, что часть славянского населения бежала в эти земли, спасаясь от аварского гнета. Освоив Приальпийские земли, славяне совершили несколько нападений на города Истрии и Северной Италии. Письменные источники зафиксировали походы 592, 600 и 602 годов. В 595 и 596 годах, как сообщает Павел Диакон, приальпийские славяне приняли участие в сражениях против баварского воеводы Тассилы где-то в верховьях Дравы и Мура, в области, именуемой "provincia Sclavorum" [4].

В VII в., по-видимому, в его первой половине, альпийские славяне создают свое государственное образование. Ядром его стала область в окрестностях античного Виринума, где местный князь из града Карантана (в районе нынешнего Карнбурга близ Клагенфурта) начал объединение разрозненных славянских групп, постепенно распространяя свою власть на пространство от среднего течения Энса на севере до верховьев Дравы на юге [5]. Таким образом образовалось Карантанское княжество (рис. 78), объединившее всех альпийских славян,

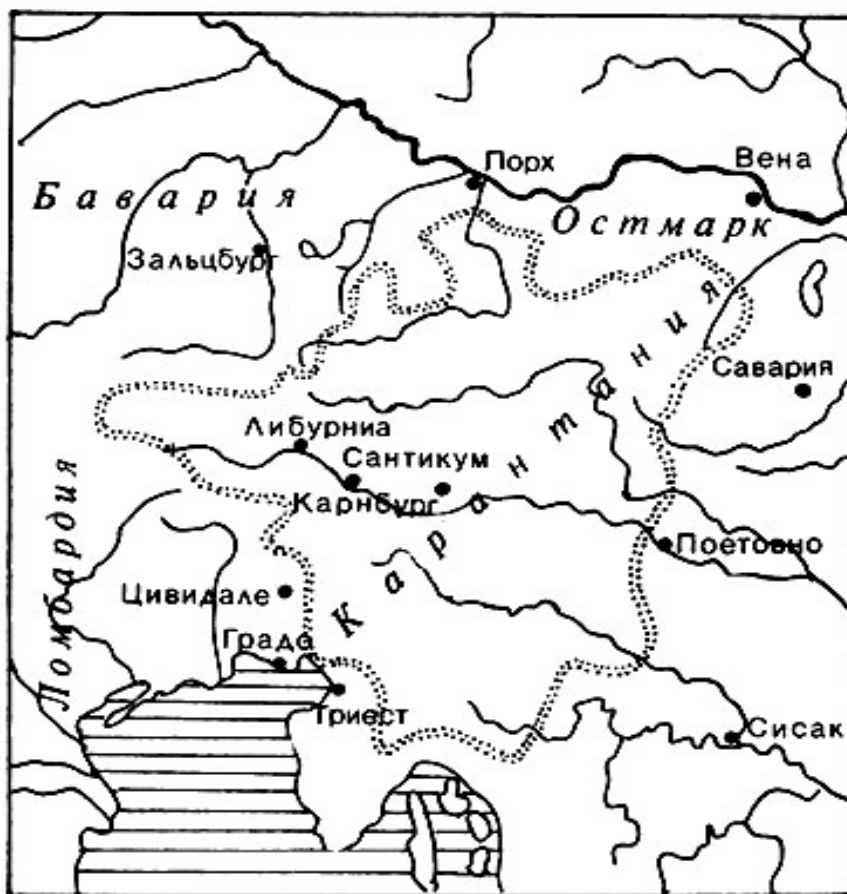

Рис. 78. Карантия и ее окружение

которое просуществовало как независимое политическое образование более 100 лет.

Славянские захоронения по обряду кремации в Приальпийском регионе не обнаружены. Отсутствует здесь и лепная керамика, столь характерная для многих земель раннесредневекового славянства. Наиболее ранние могильники, связываемые исследователями со славянами, содержат трупоположения. Из-за отсутствия при погребенных в этих некрополях характерного инвентаря этническая атрибуция их всегда затруднительна. Так, в грунтовом могильнике в Подмелцу-Башка (Словения) раскопками вскрыто пять трупоположений с западной ориентировкой. Вещевой материал небогат: железные пряжки и ножи, фрагменты гончарной глиняной посуды. Пряжки датируют захоронения второй половиной VI или началом VII в. Исследователь памятника В.Шрибар считает его славянским, поскольку лангобарды в это время были уже в Италии, а в этом регионе

археологически наблюдается приток нового населения, которое могло быть только славянским [6].

Аналогичные могильники исследовались в Гойаче-Морлеке в окрестностях Горичи, в Лашке при Целе, Бледе и Крани. В первом из названных некрополей при трупоположениях с широтной ориентировкой найдены стремени и другие вещи, датируемые концом VI в. [7]. В большом скелетном могильнике в Лашке встречены стеклянные бусы, бронзовая игла, фрагменты керамики, давшие основание для датировки памятника концом VI - VII в. [8].

Весьма вероятно, что начало значительной славянской колонизации Восточноальпийского региона восходит ко времени переселения лангобардов из Среднего Подунавья в Северную Италию. Выше говорилось о том, что в Дунайском регионе среди лангобардов несомненно было и славянское население. Когда под давлением аваров лангобарды вынуждены были оставить Среднедунайские

земли, с ними вместе, видимо, направились на запад и славяне. В лангобардский миграционный поток могли быть вовлечены и славяне соседних областей Среднего Подунавья. По времени широкое освоение славянами Приальпийской территории соответствует миграции лангобардов в Северную Италию.

Об этом же говорит и ряд археологических наблюдений. Так, в достоверно славянском некрополе Блед-Пристава II, основанном, как считают его исследователи, около 568 г. и функционировавшем вплоть до XI в., в некоторых ранних труположениях зафиксированы элементы лангобардской культуры [9]. В могильнике Света Гора близ Ровище, основная масса погребенных которого принадлежит славянам, среди ранних есть и лангобардские захоронения [10]. Интересные материалы были получены при раскопках крупных славянских некрополей в Крани [11]. В одном из них, расположенном на высоком берегу Савы (урочище "На Лайху"), раскопками вскрыто около 750 труположений, относящихся к концу VI или началу VII в. Й.Вернер причислял их к лангобардским, другие исследователи не согласились с этим. В могильнике при слиянии Кокры и Савы, согласно А.Валичу, наиболее ранние захоронения оставлены славянами и по находкам височных колец датируются VII-VIII вв. Некрополь Крань-Крижище Искра содержит два горизонта захоронений, один из которых относится к периоду переселения народов, а второй - раннесредневековый. Наиболее ранние труположения верхнего горизонта с датируемыми вещевыми находками кеттлахской культуры относятся ко времени около 800 г., поэтому исследователь этого памятника М.Сагадин склонен думать, что средневековый могильник был основан только в начале IX столетия. Однако среди ранних погребений этого средневекового кладбища имеется несколько безынвентарных, которые могут быть отнесены ко времени ранее 800 г. Весьма вероятно, что ранние датируемые находки в погребениях определяют дату становления кеттлахской культуры, а не время основания средневекового могильника.

Лангобардско-славянские связи отражают и находки серег кошарицкого типа (проволочные браслетообразные с дополнительным малым колечком-петлей). Они найдены в захоронениях альпийских славян в могильниках Блед-Пристава, Крань и Лашки. Й.Вернер считал, что такие украшения имели в Италии римско-византийское начало и стали типично лангобардскими [12].

Если значительные массы славянского населения появились в Приальпийском регионе в связи с лангобардским миграционным потоком, то становится понятным, почему в среде альпийских славян с самого начала господствовал обряд труположения. К тому же продвигавшиеся сюда более или менее крупные группы славян нередко оседали на поселениях местного романизованного населения, о чем свидетельствуют могильники, правда, немногочисленные, основанные

еще в более раннее время и без каких-либо перерывов функционировавшие и в славянский период. Проблема континуитета населения и культуры остается дискуссионной. Так, Ф.Бирбрауэр полагал, что славянская экспансия прервала прямые связи с римским наследием. Исключение составляет лишь Истрия, где славянская инфильтрация не была разрушительной и античное наследие получило в раннем средневековье дальнейшее развитие [13]. Недавно У. Г. Иблер, рассмотрев ряд металлических украшений рубежа античности и средневековья, пришла к заключению об их преемственности [14]. О континуитете культурного развития от римской эпохи до средневековья много писал Б.Графенауэр [15].

Образование Карantanского княжества и наступившая стабилизация жизни привели к консолидации славянского населения Альпийского региона, о чем свидетельствует сложение здесь в начале VIII в. единой археологической культуры. Кельто-иллирийское романизованное население к этому времени было уже окончательно ассимилировано, и всюду безраздельно господствовала славянская речь. Новая культура получила название карantanской [16]. Ее ядром стали земли Карantanского княжества. Кроме того, памятники этой культуры известны в Восточном Фриуле. Единичные находки встречены севернее Карantanии на Дунае, а изолированные - на территории Чехии и Венгрии (рис. 79).

Старшая фаза карantanской культуры, датируемая VIII - первой половиной IX в., названа

кеттлахской (ранее выделялась отдельная кеттлахская культура) по раскопанному еще в середине прошлого столетия могильнику Кеттлах около Глогница в Австрийской Штирии [17]. Одним из типичных памятников этой фазы является названный выше могильник Блед-Пристава. Захоронения этой фазы представлены почти во всех некрополях Приальпийского региона. За некоторыми исключениями трупоположения ориентированы в направлении восток (с сезонными отклонениями). Умерших клали в могилы на досках или прямо на грунт, на спине, со сложенными руками. Как и в предшествующее время, при захоронениях изредка встречаются кости животных - остатки ритуальной пищи. Могильный инвентарь богат и разнообразен. Это - проволочные височные кольца, серьги со стеклянными ягодообразными привесками, фибулы, шейные цепочки, привески, молоточкоподобные брактеаты, перстни, стеклянные бусы и глиняные сосуды. Последние принадлежат к дунайской гончарной керамике, о которой речь шла в первой части настоящего исследования. Приблизительно шестая часть захоронений сопровождалась горшками, которые чаще ставились около головы умершего.

Проволочные височные кольца представлены несколькими типами. Большое распространение получили кольца, заканчивающиеся крючком и петлей или двумя крючками. Кроме Карнтании подобные украшения известны в Северной Далмации и Хорватии, а также в смежных районах Нижней Австрии и Баварии. В Приальпийском регионе широкое бытование имели еще проволочные кольца с концами, завязанными отдельной проволочкой. На кеттлахской стадии получают распространение кольца с S-видным окончанием, свидетельствуя о происхождении основной массы славянского населения Приальпийского региона из среды племен пражско-корчакского культурного круга. Об этом же говорит также зафиксированный письменными источниками этноним *дулебы*, носители которого локализируются где-то в бассейне р. Мур (этнонимы других славянских племен, принявших участие в колонизации Восточноальпийских земель, неизвестны). Типичными для карнтанских славян на рубеже старшей и младшей фаз становятся проволочные височные кольца с S-видным концом и крючком. Вариантом их являются кольца с крючком на одном конце и спиралькой на другом.

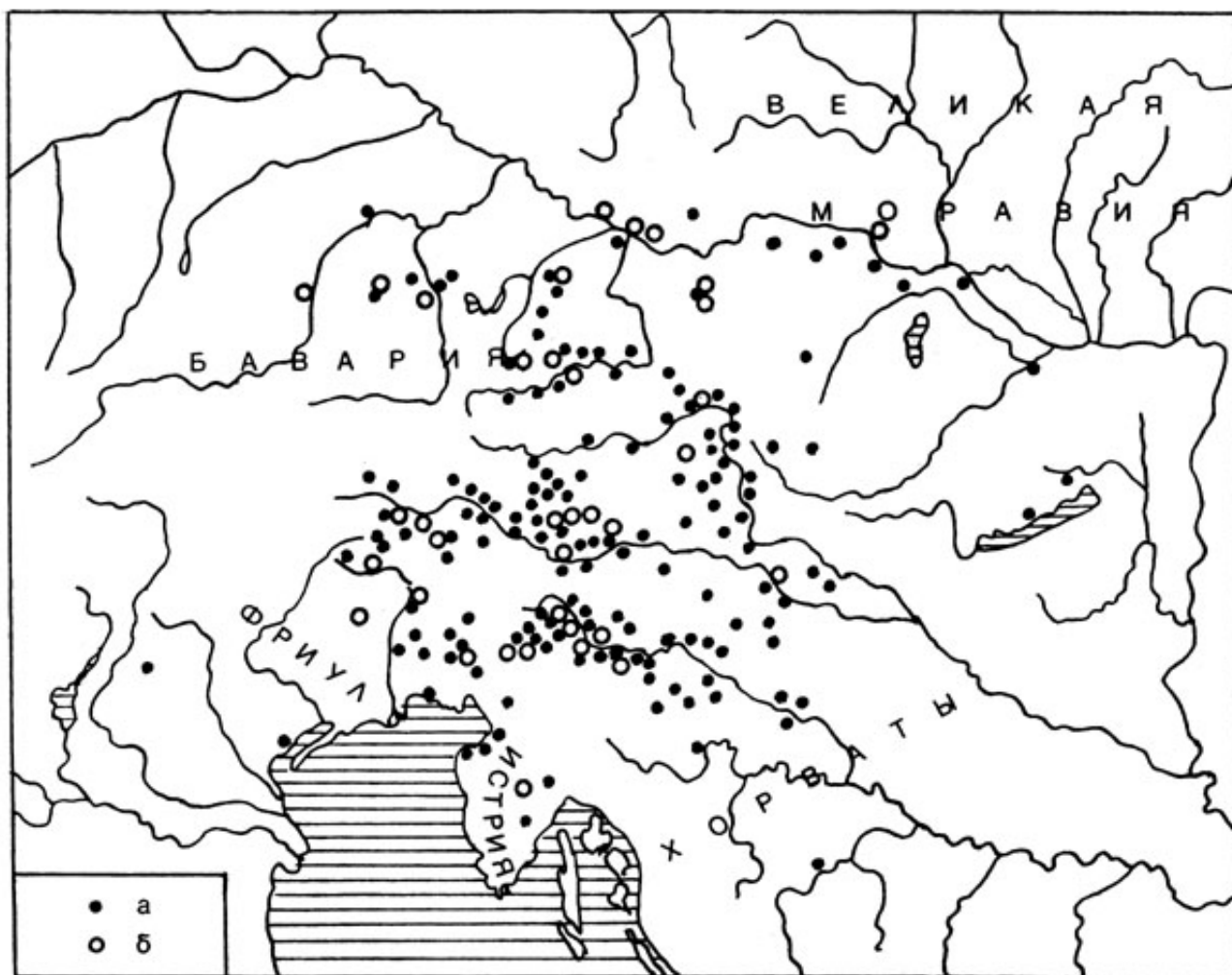

Рис. 79. Карантанская культура: а - памятники, основанные в кеттлахской фазе; б - памятники, основанные в карантанской фазе

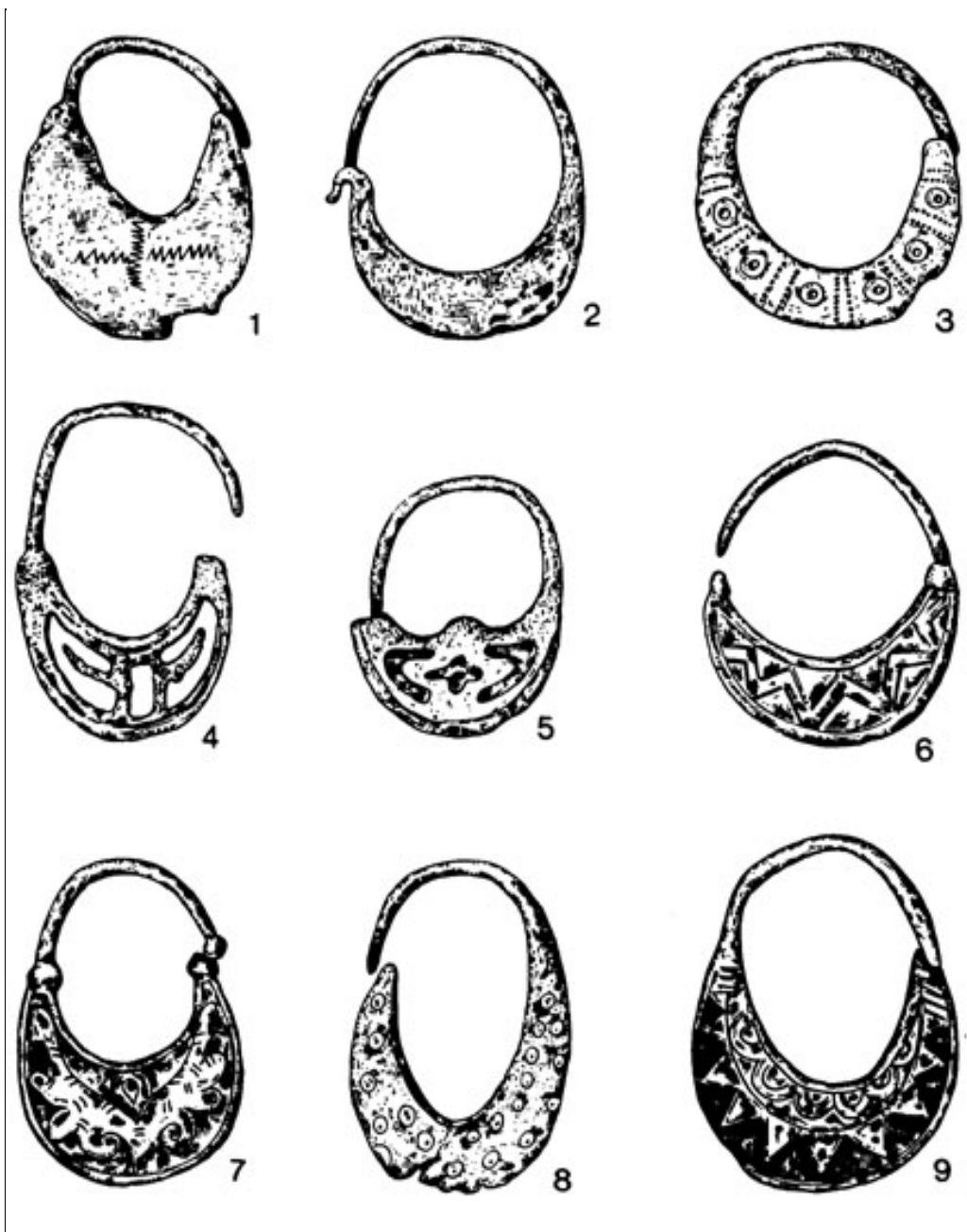

Рис. 80. Лунничные височные кольца карantanской культуры: 1 - Кёттлах, Глогнитц; 2 - Фёрк; 3 - Жминья; 4 - Крань; 5 - Крунгл, Миттерндорф; 6 - Афрам, Лейбнитц; 7 - Юдовска вас; 8 - Гермагор (Шмохор); 9 - Туррида, Седеглиано

Большинство могильников карantanской культуры содержат захоронения как старшей, так и младшей фаз. Эволюция культуры шла постепенно, но в целом материальная культура второй фазы (вторая половина IX - X в.) заметно отличается от старшей.

Господствующей ориентировкой погребенных младшей фазы было направление северо-запад - юго-восток, с отклонениями до линии север - юг. Как и раньше, какого-либо определенного порядка в расположении могил не наблюдается. Умершие погребались обычно прямо на дно могилы, в отдельных случаях - на доске или под доской. Руки погребенных складывались на корпусе.

Могильный инвентарь в одних случаях отличается скромностью (одна серьга или височное кольцо и перстень или небольшой нож и кресало), в других выделяется множеством украшений (несколько височных колец и серег, фибулы, перстни, богатые ожерелья из бус). Если раньше украшения изготавливались преимущественно из проволоки или кованых пластин, то теперь широкое распространение получает техника литья и эмали.

Типичными украшениями карantanских славян становятся лунничные височные кольца (рис. 80 и 81). Они появились еще в старшей фазе. Ранние экземпляры этих колец имеют простые прочерченные узоры неправильно-геометрического облика или растительные и зооморфные орнаменты. В младшей фазе наряду с подобными ранними широко распространяются лунничные височные кольца, украшенные полихромными выемчатыми эмалями. Техника эмалирного дела пришла к альпийским славянам из каролингского мира. Рейнские параллели обнаруживают бытовавшие в карantanской культуре шайбообразные фибулы (рис. 81). Луннообразные украшения принадлежат к элементам позднеантичного наследия, переработанного славянами. Из проволочных украшений на поздней стадии по-прежнему широко бытуют эсоконечные височные кольца.

Вещевые материалы карantanской культуры документируют развитые контакты альпийских славян с Каролингскими землями, Северной Италией и Византией. В X в. ощущается заметное влияние со стороны белобрдovской культуры.

Карantanская культура свидетельствует об этнической консолидации альпийских славян. Очевидно, что с ее формированием и развитием начался процесс становления особой славянской народности. В трактате "Обращение баваров и карantanцев", написанном в Зальцбурге в 870 или 871 г., термин "карantanни" неоднократно и последовательно употреблен как этноним, обозначающий особый славянский этнос, заселявший пространство между Баварией и Нижней Паннонией [18]. Как отдельный славянский народ карantanцы фигурируют и в русских летописях: "А се ти же словени: хровате белии и серебъ и хорутане" [19]. Существование и развитие карantanской культуры несмотря на неблагоприятную историческую ситуацию вплоть до X столетия включительно указывает на устойчивость складывающейся славянской народности.

Уже в середине VIII в. карantanские князья оказываются в вассальной зависимости от империи Каролингов, начинается христианизация славянского населения миссионерами из Баварии и Италии. С 811 г. земли Карantanнии к северу от Дравы отошли под юрисдикцию Зальцбургского архиепископства, а южные области - Аквилейского патриархата. В 20-х годах IX в. в Карantanнии вводится власть баварских графов. Таким образом, славянский Приальпийский регион оказался в составе империи Карла Великого, и альпийские славяне окончательно утратили свою государственность. Карantanская знать стала сближаться с баварской и франкской аристократией и постепенно ассимилировалась.

Утрата государственной самостоятельности и унифицирующее воздействие христианства прервали процесс оформления альпийских славян в отдельную народность. Исторические источники

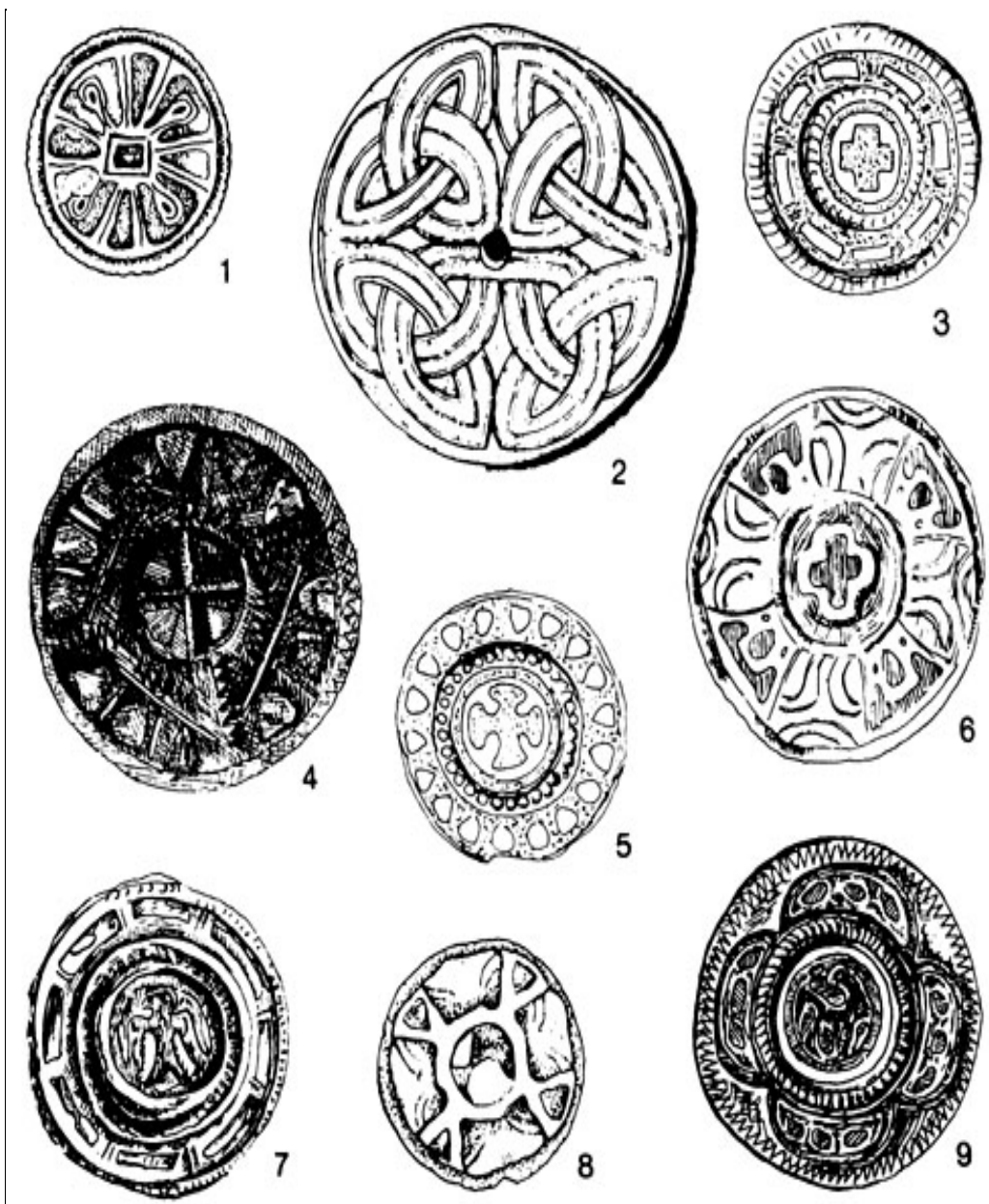

Рис. 81. Шайбообразные фибулы альпийских славян: 1, 3, 4, 6, 8 - Крань; 2 - Блед; 5 - Гарс, Тунау; 7 - Стари Трг, Словень Градец; 9 - Аквилея (Огдей)

свидетельствуют, что термин "карантани" уже в конце IX в. теряет этническое значение и становится хоронимом, обозначающим территориальную общность. Славянские земли в Восточных Альпах в немецких источниках называются теперь "Склавинией". Другие источники (Гельмольд, Бартоломей Английский) подразумевают под "карантанцами" славянское население Альпийского региона.

Карантанская культура была создана альпийскими славянами-язычниками. Ее последний этап отражает завершение процесса христианизации славянского населения рассматриваемого региона и одновременно начало его германизации. В XI - начале XII в. герцогство Карантания расчленяется на мелкие административно-территориальные образования. Одновременно началась интенсивная колонизация Восточноальпийских земель немецкими крестьянами. Еще в XV в. славянское население здесь сознавало себя особым этносом, составляя меньше половины населения региона. Позднее оно все же утратило свой язык и самобытность. Еще раньше были ассимилированы славяне,

расселившиеся во Фриуле среди доминирующего иноплеменного (романоязычного) населения.

Потомками альпийских славян ныне являются лишь словенцы. Становление их языка, очевидно, восходит к периоду существования Карантанского княжества. Ряд фонетических явлений словенского языка, как полагает Р.Коларич, говорит о возможности его обособления к концу IX в. [20]. В настоящее время язык словенцев членится на 49 диалектов, объединяемых лингвистами в 7 групп. Их формирование связано уже с последующими периодами истории этого славянского этноса и обусловлено не только территориальной расчлененностью его, но и сильными влияниями, исходившими со стороны разных этноязыковых образований (австрийских немцев, фриулов и итальянцев, сербов, хорватов и венгров).

1. Bezljaj F. Eseji o slovcnskem jeziku. Ljubljana, 1967; Kronsteincr O. Die alpenlawischen Personennamen. Wien, 1975.
2. Grafenauer B. Naselitcv slovanov v Vzhodnih Alpah in vpraSanjc kontinuitete //Arheoloski vest-nik. T. XXI-XXII. Ljubljana, 1970-1971. S. 17-32.
3. Grafenauer B. Die Kontinuitatsfragen in der Geschichtc dcs altkarantanischen Raumes // Alpes Orientales. T. V. Ljubljana, 1969. S. 65-70; Kahl H.-D. Zwischen Aquileia und Salzburg // Die V01-ker an der mittleren und unteren Donau im 5. und 6. Jahrhundert. Wien, 1980. S. 33-81.
4. Grafenauer B. Zgodovina slovenskega naroda. Zv. I. Ljubljana, 1978. S. 347-359.
5. 5. Pauli Historia Langobadorum // Monumenta Germanic Historica. Scriptorcs rerum Langobardicarum. Hannoverac, 1878. IV:7,10,24.
6. 6. Sribar V. ZgodnjcsrednlcveSko grobiSce in nselbina v PodmelcuBaska grapa // Zgodnji srednji vek v Sloveniji. Ljubljana, 1967. S. 69-80.
7. Kastelic J. Najdbe zgodnjega srednjega veka v GojacaH pri Gorici // Zgodovinski Casopis. T. VI- VII. Ljubljana, 1952-1953. S. 89-109.
8. KoroSec J. Staroslovenska grobisca v Severni Sloveniji. Ljubljana, 1947. S. 118.
9. Kastelic J., Skerlj B. Slovanska nekropola na Bledu. arheoloSko in antropoloSko porocilo za lcto 1948 // Dela Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. II. Ljubljana, 1950; Kastelic J. Slovanska nekropola na Bledu // Там же. XIII. 1960;Arheoloska najdisca Slovenije. Ljubljana, 1975. S. 170.
10. ArheoloSka najdisca Slovenije... S. 266.
11. Valic A. Oris 20-letnih raziskovanj grobisca v Kranju // Kranjski zbornik. 1975. Kranj, 1975;Idem. La necropole slave a Krani. Beograd, 1978; Sagadin M. Kranj-KriziSce Iskra (nekropola iz casa preseljcvanja ljudstev in staroslovanskega obdobja). Ljubljana, 1987.
12. Werner J. Die Langobarden in Pannonien. Munchen, 1962. S. 81.
13. Bierbraucr V. Jugoslawien seit dem Beginn der Volkerwanderung bis zur slawischen Landnahme:die Synthese aufdem Hintergrund von Migrations-und Landnahmevorgangcn // Jugoslawien. Integra-tionsprobleme in Geschichte und Gegenwart. GOt-tingen, 1984. S. 49-97.

-
14. U.-G.Ibler. Studien zum Kontinuitatsproblem am Obergang von der Antike zum Mittelalter in Nord-und Westjugoslawien. Bonn, 1990.
 15. Grafenauer B. Die Kontinuitatsfragen in der Geschichte... S. 65-70; Idem. Naselitev slovanov v Vzhodnih Alpah... S. 17-32.
 16. Korosec P. ZgodnjcsrednjcveSka arheoloSka slika karantanskih Slovanov. Zv. 1-3. Ljubljana, 1979; Sribar V. Slawen in Ostfriaul (Italien) // Balcanoslavica. N2. Prilep; Beograd, 1973. S. 109-123; Mader B. Die Alpenlawen in der Steier-mark. Ein toponomastisch-archaologische Untersu-chung. Wien, 1986.
 17. Franck A. Bericht Uber die Auffindung eines uralten Leichengraberfeldes bei Kottlach unweit Gloggnitz und uber einige bemerkenswerte Fund-stucke // Archiv ftir Kunde Osterreichischen Ge-schichtsquellen. Bd. 12. Wien, 1854. S. 235-259;Pittioni R. Der fruhmittelalterliche Graberfeld von Kottlach // Sonderschriften des archaologischen Institut des Deutschen Reiches. Bd. XIV. Wien, 1943.
 18. Vilfan S. Rechtsgcschichte der Slowenen. Graz, 1968. S. 40.
 19. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 11.
 20. Kolaric R. Periodizacija razvoja slovenskegajez-ika // Slavisticna Rcvija. Ljubljana, 1958. S. 69- 76. Об истории словенского языка см.: Bezljaj F. Eseji o slovenskem jeziku...; Lencek R.L. The structure and

history of the Slovene language. Columbas, 1982.

Великая Моравия

Хотя Великая Моравия - большое государственное образование славян Среднего Подунавья - просуществовала сравнительно недолго, она стала крупным очагом развития материальной и духовной культуры раннесредневекового славянства. Созданные в Моравии культурные традиции стали мощным импульсом развития культуры всего славянского мира.

После завершающих ударов, предпринятых в 805-806 годах Карлом Великим против аваров, славянское население Среднего Подунавья окончательно освободилось от их господства. В славянском мире этого региона началось зарождение самостоятельных политических образований. Под 822 г. франкские анналы фиксируют этнополитическую общность мораван. В декабре этого года на придворный съезд франкского короля и "императора римлян" Людовика Благочестивого, имевший место во Франкфурте-на-Майне, моравы наряду с другими политико-племенными образованиями того времени послали своих послов и преподнесли дары. Это сообщение позволяет полагать, что к 20-м годам IX в. в Среднем Подунавье оформилось самостоятельное Моравское княжество. Локализуется оно в бассейне р. Моравы, левого притока Дуная.

В зальцбургском трактате "Обращение баваров и карантанцев", составленном в 870-871 гг., рассказывается о князе Прибине, в состав владений которого входила Нитра. Сообщается, что в Нитре - граде Прибины - был воздвигнут христианский храм, освященный около 828 г. зальцбургским архиепископом Адальрамом (824-836 гг.). В 30-х годах IX в. Прибина был изгнан из своих владений Моймиром - "князем мораван над Дунаем" [1]. Многие укрепления, воздвигнутые при Прибине, были разрушены до основания и никогда уже не восстанавливались.

Моймир I (ум. около 846 г.) был первым крупным политическим деятелем Великоморавского государства. Его территория охватывала Моравию и значительную часть современной Словакии (рис. 82). В 831 г. епископ Пассау (Бавария) крестил "всех мораван".

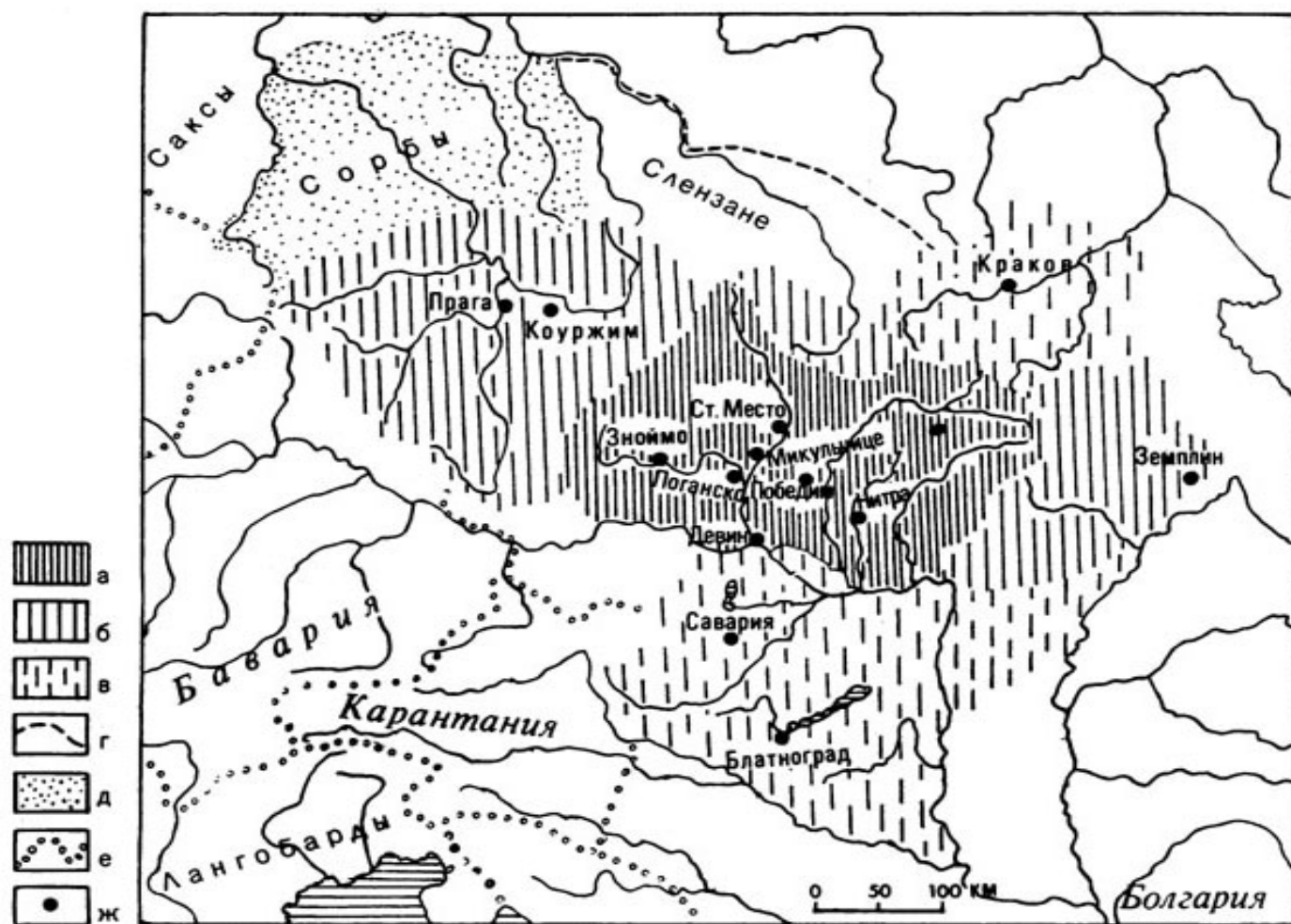

Рис. 82. Великая Моравия:

а - Великоморавское государство при Моймире I и Ростиславе; б - территориальные приращения до 874 года; в - приращения при Святоплуке; г - ареал слензан, предположительно входивший в состав Великоморавской державы; д - регион сорбов, находившихся при Святоплуке в союзнических отношениях с Великой Моравией; е - границы соседних политических образований; ж - важнейшие населенные пункты Великой Моравии

Анализ известий, содержащихся в "Каролингских анналах", позволил польскому историку Г.Ловмянскому заключить, что Великая Моравия в рассматриваемое время была уже формирующимся раннегосударственным образованием. Племенная знать вынуждена была уйти с исторической сцены, утверждалось представление о территории государства как собственности княжеского рода, складывался раннефеодальный господствующий класс [2].

При преемнике Моймира Ростиславе (846-870 гг.) Великоморавское государство смогло оказать упорное сопротивление неоднократным попыткам восточнофранкских королей подчинить его своей власти. Франкские источники сообщают о мощных крепостях, воздвигнутых Ростиславом и выдержавших натиск вражеских войск. Конкретно названа только крепость Dowina - Девин, где Ростислав в 864 г. сломил натиск войск Людовика Благочестивого. Упомянута еще столица Моравии (не названа по имени), выделяющаяся мощным характером своих укреплений. Крепости, как сообщают анналы, были также центрами светской и духовной власти, осуществляя управление

отдельных территорий Великоморавской державы.

Церковное подчинение моравских земель баварским центрам в Зальцбурге и Пассау отрицательно сказалось в борьбе с франками за государственную независимость. Духовенство не было опорой государства, оно проводило политику своих королей и герцогов. Поэтому Ростислав обратился в Константинополь с официальной просьбой направить епископа. Византийский император Михаил III удовлетворил просьбу, и в 863 г. в Моравию прибыла византийская миссия во главе с Кириллом и Мефодием, которые стали основоположниками славянской письменности. С именами этих просветителей связана целая эпоха культурной жизни Великоморавского государства. Великая Моравия стала очагом, откуда славянская письменность распространялась в другие славянские земли.

В Моравии получило преобладание греческое и славянское духовенство, было допущено богослужение на славянском языке. В 869 г. Ростислав добился создания для Великой Моравии и соседних с ней славянских земель архиепископства (на базе бывшего епископства Сирмия-Срема), во главе которого встал Мефодий.

Наибольшего расцвета политическая жизнь Великоморавской державы достигла при Святоплуке (870-894 гг.). Значительно расширяется и ее территория. Власть Святоплука распространяется на земли бассейна верховьев Эльбы (с Влтавой) на западе и на всю Словакию до Тисы на востоке. Области верхней Вислы также подчинились моравскому князю. В результате успешных войн с Восточнофранкским королевством в составе Великой Моравии оказываются и заселенные славянами паннонские земли вплоть до нижнего течения Дравы. В военно-политических союзнических отношениях с Великой Моравией находились сорбы.

Однако такое обширное политическое образование оказалось непрочным. Часть областей, присоединенных к Великоморавской державе Святоплуком, после его смерти отпала от нее. Продолжались военные конфликты между Моравией и Восточнофранкским королевством, которое претендовало на некоторые земли Великоморавского государства. Последнее некоторое время сдерживало натиск своего мощного западного соседа, но государственная власть в последних десятилетиях IX в. значительно ослабла.

В самом начале X в. в Придунайской низменности появились венгры. По словам русского летописца, угры "...устремишася чересь горы великия яже прозвашася горы Угорьския, и почаша воевати на живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту преже словени, и волохове прияха землю словеньску. Посемъ же угри прогнаша вольхи, и наследиша землю ту, и седоша съ словены, покоривша я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска" [3]. Сложившаяся к этому времени кризисная

ситуация подорвала военный потенциал Великой Моравии. Она не смогла выдержать натиск венгров, что привело к падению этого государства.

Археологические материалы VI-VII вв., рассмотренные в первой части настоящего исследования, со всей определенностью свидетельствуют, что расселение славян в бассейне Моравы там, где позднее сложилось ядро Великоморавской державы, осуществлялось не целостными племенными праславянскими группами. Это было массовое перемещение более или менее крупных и мелких групп носителей пражско-корчакской культуры из разных мест ее ареала, в результате которого прежняя племенная структура была в значительной степени разрушена. Это соответствует и информации исторических источников. Русская летопись прямо сообщает: "...пришедше седоша на реце имянемъ Марава, и прозвашася моравы" [4]. Каких-либо заметных региональных различий в археологических материалах на территории Моравии выявить не удастся [5]. Очевидно, что моравы были новым территориальным образованием раннесредневекового славянства, сложившимся уже в бассейне реки Моравы в условиях стабилизации жизни и формирования государственности.

В VII-VIII вв. славянское население бассейна Моравы входило в состав Аварского каганата. Аварская культура, отражающая аваро-славянский симбиоз, распространялась и на этот регион.

Моравия была окраиной Каганата, и имеются все основания утверждать, что славянский этнический компонент здесь был на всех этапах доминирующим, а весьма малочисленные авары-тюрки, выполнявшие военно-административные функции [6], уже к середине VIII в. растворились в местной среде. Говорить о славяно-аварском симбиозе для этой окраинной земли можно лишь с большой оговоркой.

В чешской и словацкой исторической литературе обсуждается вопрос о роли полугосударственного образования Само в становлении Великоморавской державы. Большинство исследователей считает, что основы моравской государственности были заложены в борьбе славян с аварами и Великую Моравию следует рассматривать как продолжение княжества Само [7]. Археологические изыскания свидетельствуют, что экономическая жизнь в Моравии шла впереди других земель Аварского каганата. Фиксируются следы развития металлургии и разных ремесел. Вполне очевидно, что культурные достижения Великой Моравии были подготовлены местными славянами в VIII столетии. Однако вопрос о локализации княжества Само остается нерешенным.

В бассейне р. Моравы - центральной области Великоморавской державы - выявлено и исследовано множество памятников рассматриваемой эпохи - селища, городища, могильники. Политическая и военная мощь моравских князей опиралась прежде всего на укрепленные грады, среди которых нельзя не назвать Микульчице на правом берегу реки Моравы, Старе Место у г. Угерске Градиште, Поганско близ Бржецлава, Девин при впадении р. Моравы в Дунай и Нитру в Словакии. Первоначальные названия их (кроме Девина) не сохранились.

Значительным центром было городище Микульчице. В VII-VIII вв. здесь находилось поселение, которое было защищено частоколом. Самый нижний горизонт культурных отложений содержал лепную керамику пражско-корчакского облика. В довеликоморавских напластованиях исследовано множество остатков срубных жилых построек с глиняными или песчаными полами. Большой интерес представляет открытие мастерских по обработке золота и бронзы, в которых найдены тигельки и множество бронзовых и позолоченных изделий. Керамический материал представлен фрагментами высококачественных гончарных сосудов. Среди находок имеются многочисленные глиняные фигурки людей, животных и конских седел, имеющие несомненно ритуальный характер. Предполагается, что здесь находился языческий

жертвенник. Для решения вопроса об общественном положении Микульчицкого городища VIII в. важны находки железных и бронзовых шпор с крючками. Они встречены здесь в большом количестве, что заметно выделяет этот памятник среди прочих синхронных поселений. Это позволило исследователям полагать, что Микульчицкий град был резиденцией одного из раннеморавских племенных князей, где размещалась и его конная дружина [8].

В самом конце VIII в. прежние укрепления на Микульчицком городище были заменены новыми более мощными крепостными сооружениями. За частоколом был сооружен вал с внутренними конструкциями из дерева, с внешней стороны к которому примыкала каменная стена. В северо-западной части городища были устроены въездные ворота. Площадь городища при его реконструкции увеличилась более чем вдвое и составила 6 га. Это был детинец-замок, в котором жили князь и господствующая верхушка великоморавского общества. К нему с нескольких сторон примыкали посадские селения и укрепленные усадьбы неаграрного характера, где размещались вельможи, их дружинники и слуги. Общая площадь поселения достигала 200 га. Раскопками в предградьи открыто свыше сотни домов срубной конструкции с глиняными полами и глинобитными печами. Размеры жилищ - от 16 до 70 кв. м. В нескольких усадьбах обнаружены остатки каменных церквей.

Многие исследователи считают, что Микульчицкий каменный с град с предградьем и усадьбами вельмож и был столицей Ростислава, которая безымянно упомянута в Фульдской летописи. Внутри Микульчицкого града открыты фундаменты свыше десятка каменных церквей. Среди них самый большой храм - трехнефная базилика с баптистерием. Раскопками установлено, что она была отделена от остальной территории княжеского детинца частоколом. Это был автономный церковный участок. В этой связи высказано предположение, что в Микульчицах в тот период, когда архиепископом был Мефодий, находился также и церковный центр. Впрочем, другая группа историков отстаивает локализацию резиденции моравского архиепископа на городище Старе Место.

Материалы раскопок Микульчицкого поселения указывают на весьма высокий уровень ремесленного производства. Разнообразный набор кузнечных изделий и инструментарий свидетельствуют, что эта отрасль ремесла была одной из важнейших в производственной деятельности великоморавского периода. Среди находок из железа заметное место принадлежит орудиям плотницкого и столярного дела - топоры, пилы, долота, сверла, струги.

Огромный интерес представляет микульчицкая коллекция золотых, серебряных и бронзовых изделий, среди которых немало высокохудожественных произведений прикладного искусства. Это - разнотипные украшения, пряжки, наконечники (рис. 83) и накладные бляшки роскошных поясов, кресты, позолоченные шпоры и другое.

Большинство их изготовлено в местных бронзолитейных и ювелирных мастерских, некоторые из которых были исследованы раскопками. Среди ремесленников были и местные умельцы, и мастера с побережья Адриатики и из Восточного Средиземноморья. Начало великоморавского прикладного искусства в основном же связано с местными традициями. Для первой половины IX в. характерными являются изделия из цветных металлов оригинального микульчицкого типа. К таковым, в частности, принадлежат позолоченные и серебряные поясные наконечники с рельефными или гравированными изображениями мужских фигур с воздетыми руками (рис. 84), бронзовые кресты с человеческими масками на лопастях (рис. 85:2), позолоченные шпоры. Во второй половине IX в. получило распространение производство серег, перстней и других украшений, выполненных в технике зерни и скани, указывающее на контакты Моравии с византийскими мастерскими. Типичной находкой становятся бронзовые, серебряные и позолоченные пуговицы, украшенные чеканным растительным или геометрическим узором.

Раскопки в Микульчицах дали важные материалы для характеристики текстильного ремесла. Найдено около двух тысяч глиняных пряслиц, некоторые из которых украшены процарапанными геометрическими узорами. Ткани изготавливались на вертикальных ткацких станках, использовались как растительные волокна, так и шерсть. Около 70% исследованных остатков ткани было выполнено полотняным переплетением, более редки находки саржевого переплетения. В двух случаях зафиксировано изготовление тканей из двух материалов - из шерсти и шелка и из льна и шелка.

О гончарном производстве свидетельствуют многочисленные находки фрагментов глиняной посуды. В основном это были горшкообразные сосуды, украшенные в верхней части поясами из волнистых или горизонтальных линий. Кроме того, встречена в значительно меньшем

Рис. 84. Серебряный позолоченный наконечник IX в. из Микульчице

количестве более качественная керамика. Это - кувшины, двуручные амфоры и бутылеподобные сосуды, выполненные из хорошо отмученной желтой глины. Изготавливалась эта керамика, как показали раскопочные исследования, в Микульчицком граде и, нужно полагать, предназначалась для семей господствующего сословия.

В Микульчицах найдено также большое количество целых стеклянных предметов и их фрагментов. Следы местного стеклоделия являются лишь находки шлаков, самих мастерских пока не обнаружено. Основная же масса изделий из стекла является предметами импорта. К таковым безусловно принадлежат кубки, украшенные золотом и цветными узорами. Некоторые из них привезены из Рейнского региона. Предметами импорта были также шелковые ткани (из Византии), итальянские денарии, наконечники пояса с альмандином и жемчугом и другие находки.

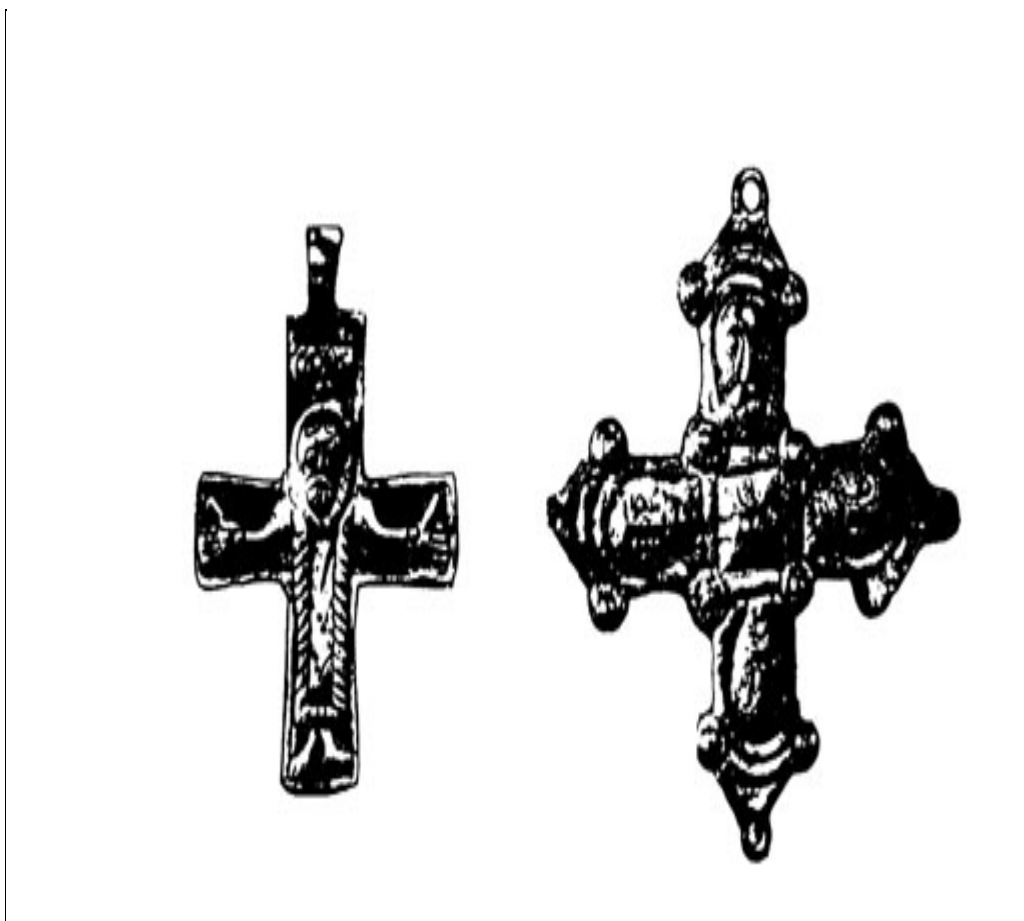

Рис. 85. Серебряные крестики IX в. из Микульчице

Исследователями Микульчицкого поселения установлено, что продукция земледелия поступала сюда в основном из окрестных аграрных селищ. В великоморавских слоях Микульчиц найдены зерна ржи, пшеницы, ячменя и проса, семена огурцов и зерна винограда. Ботанические исследования показали, что в самих Микульчицах имелись фруктовые деревья (слива, персики, ренклоды). Раскопками Микульчицкого предграды и усадеб установлено, что их жители содержали большое количество скота. Среди остеологических материалов преобладают кости свиней (до 60%), разводились также козы, овцы и лошади. Одним из средств существования жителей Микульчиц была рыбная ловля. При раскопках найдены железные и бронзовые рыболовные крючки, гарпуны, грузила и множество костей рыб.

Планы исследованных раскопками каменных церквей отличаются друг от друга, что обусловлено распространением христианства в Моравии миссионерами из разных стран Европы. Ряд микульчицких храмовых построек первой половины IX в. (церкви с прямоугольными "пресвитериями") несомненно связан с Баварией. Несколько церквей обнаруживают аналогии среди построек Адриатики и Далмации.

О распространении христианства в Микульчицах свидетельствуют не только церкви, но и находки крестиков и наконечников с изображениями священников и крестов. Одной из интереснейших находок является позолоченный мощевик, выполненный в виде богослужебной книги. Около трехнефной базилики найдены металлические писала.

В Микульчицах при церквях и около них исследовано свыше полутора тысяч захоронений. Немало погребенных сопровождалось различными вещами. Среди них имеются железные мечи, шпоры, многие из которых позолочены или инкрустированы серебром и медью, роскошные пояса с позолоченными и серебряными наконечниками. Анализ погребального инвентаря исследованных кладбищ свидетельствует о значительной

социальной дифференциации великоморавского общества. Среди погребенных есть немало представителей господствующего и княжеско-дружинного сословия, а в одном из них исследователи видят захоронение князя Моймира I. Погребениям с роскошно отделанным оружием и шпорами, золотыми и серебряными украшениями, остатками драгоценных импортных тканей противостоят массы захоронений, вообще лишенных каких-либо предметов или сопровождающихся простыми единичными вещами.

В первой половине X в. Микульчицкое поселение пришло в запустение. Его укрепления и постройки постепенно рушились, и никто их не обновлял [9]. В окрестностях Микульчиц археологами выявлено несколько селищ, где проживало земледельческое население. Жизнь на этих поселениях продолжалась и после падения Великоморавской державы.

Крупным производственным и торговым центром Великой Моравии было поселение Старе Место, расположенное при излучине реки Моравы близ г. Угерске Градиште. В результате многолетних раскопок установлено, что оно возникло еще в VII в. и нижние горизонты его культурного слоя содержат пражско-корчакскую керамику. В начале IX в. поселение с напольной стороны ограждается рвом шириной 5 м и длиной около 350 м, который был заполнен водой и своими концами выходил к пойме реки. Затем поселение разрастается, и около середины IX в. сооружаются еще два рва, из которых внешний располагался в 300 м от раннего. К концу этого столетия на расстоянии около 500 м возникает новая система укреплений, состоявшая из частоколов и рвов и ограничившая застроенный участок площадью в 250 га. Исследователь памятника В. Грубый усматривает в территории, огражденной первым, внутренним рвом, град-детинец, а в остальной части поселения - два предграды. В целом он считает это поселение одним из великоморавских городов.

Раскопками поселения открыты многочисленные жилища, распределяемые по трем строительным горизонтам; большая деревянная постройка, предположительно монастырская; мастерская по обработке оленьих рогов - сырья для косторезного ремесла; три плавильные печи и фундаменты каменных церковных построек. Печи имели округлую форму диаметрами 1,3-1,9 м. Дно их было чашеобразным. В печах переплавлялся металл (медь, олово, свинец), из которого изготавливались различные украшения. При раскопках поселения обнаружено множество вещевых находок, в числе которых есть пара золотых серег (рис. 86).

Фундаменты церквей сооружались из бутового камня, скреплявшегося известковым раствором. Предполагается, что на этих фундаментах покоились каменные стены, оштукатуренные и побеленные известью. На некоторых кусках штукатурки замечены коричневые и черно-коричневые полосы - следы бывшей росписи храма. Раскопками зафиксированы также отпечатки деревянных столбов и остатки каких-то деревянных конструкций. Являются ли они частями фахверковых стен, возвышавшихся над каменными, или это остатки перекрытий, сказать трудно.

Установлено, что одна из исследованных церквей была сооружена еще до прибытия кирилло-мефодиевской миссии. В какое-то время она серьезно пострадала во время пожара, была заново отстроена и вскоре после 900 г. была окончательно разрушена. Около церкви длительное время функционировало кладбище, в котором насчитывается свыше 2000 могил. Многие погребенные сопровождались глиняными сосудами (горшками, одноручными кувшинами, двуручными амфорами или флягами), реже деревянными ведерками или бадьями с железными обручами. В ряде захоронений обнаружены предметы вооружения (мечи, наконечники копий и стрел), железные шпоры, иногда с серебряной или медной инкрустацией, бытовые изделия (ножи, топоры, серпы), железные и бронзовые пряжки, бронзовые, серебряные и позолоченные

Рис. 86. Золотые серьги IX в. из Старе Место

пуговицы. В женских могилах много серег различных типов, в том числе свыше сотни золотых, нередко перстни и шейные ожерелья из стеклянных, пастовых и бронзовых бус (рис. 87).

К числу высокохудожественных произведений принадлежит чеканное украшение из листового серебра, найденное в погребении близ храма в местности "Шпитальки". На изделии изображен всадник, держащий в руке сокола. Охотник одет в короткий подпоясанный кафтан, на ногах мягкие сапоги, волосы длинные, распущенные (рис. 88). Соколиная охота в средние века была излюбленным развлечением. Искусствоведческий анализ свидетельствует о связи исполнения этой находки с художественным ремеслом Среднего Востока.

В источниках XII в. в районе этого городища упоминается торговое село Велиград. В этой связи В.Грубый полагает, что Староместское укрепленное поселение великоморавского периода именовалось Велиградом и после его разрушения оставшиеся жители основали по соседству небольшое селение, дав ему прежнее название [10].

Остатки каменных церквей великоморавского периода с некрополями исследовались археологами и в ближайших окрестностях Старе Место. На территории с. Сады при впадении р. Ольшанки в Мораву помимо остатков каменной постройки IX в. раскопками были изучены гончарные горны, в которых обжигалась упомянутая выше высококачественная керамика желтой глины, формы которой, как полагают исследователи, связаны с античной традицией [11].

Большой интерес представляют и работы на городище Бржецлав-Поганско, находящемся недалеко при слиянии рек Дые и Морава. Поселение, окруженное

Рис. 87. Золотые и серебряные украшения из погребения 1 и 2 некрополя при костеле в Старе Место

валом, имеет площадь 28 га. Многолетними археологическими изысканиями установлено, что в VI-VII вв. в этом регионе наблюдается концентрация поселений пражско-корчакской культуры [12]. Жизнь на них продолжалась и в последующие столетия. В великоморавский период это были аграрные поселения, поставлявшие продукцию сельскохозяйственного труда возникшему здесь укрепленному протогородскому центру.

Раскопками на городище вскрыты остатки каменных храмовых построек, исследовались многочисленные погребения. Материалы памятника во многом тождественны микульчицким. Наибольший

Рис. 88. Украшение IX в. из Старе Место

интерес представляет монографическое исследование одной из усадеб великоморавского вельможи. В ее истории выделяется два этапа. В первое время (середина IX в.) усадьба занимала площадь 4230 кв. м, по периметру она была ограждена дубовым частоколом. Резиденция ее хозяина была выделена внутренним частоколом. Кроме того, усадьба имела две пристройки, одна из которых ограждала культовое место, вторая же предназначалась для защиты построек, в которых содержался скот. На следующем этапе, датируемом второй половиной IX в., площадь усадьбы увеличивается до 7000 кв. м. Если раньше для въезда в нее были сделаны простые ворота, то теперь устроены ворота с башнеобразной надстройкой [113].

Раскопками Бржецлава-Поганско собрана большая коллекция различных вещевых находок, среди которых немало украшений из драгоценных металлов, являющихся произведениями искусства (рис. 89). К интереснейшим изделиям великоморавского художественного ремесла принадлежит украшение из листового серебра с чеканным изображением лошади с восседающей хищной птицей верхом, найденное в одном из погребений в Желенках (рис. 90).

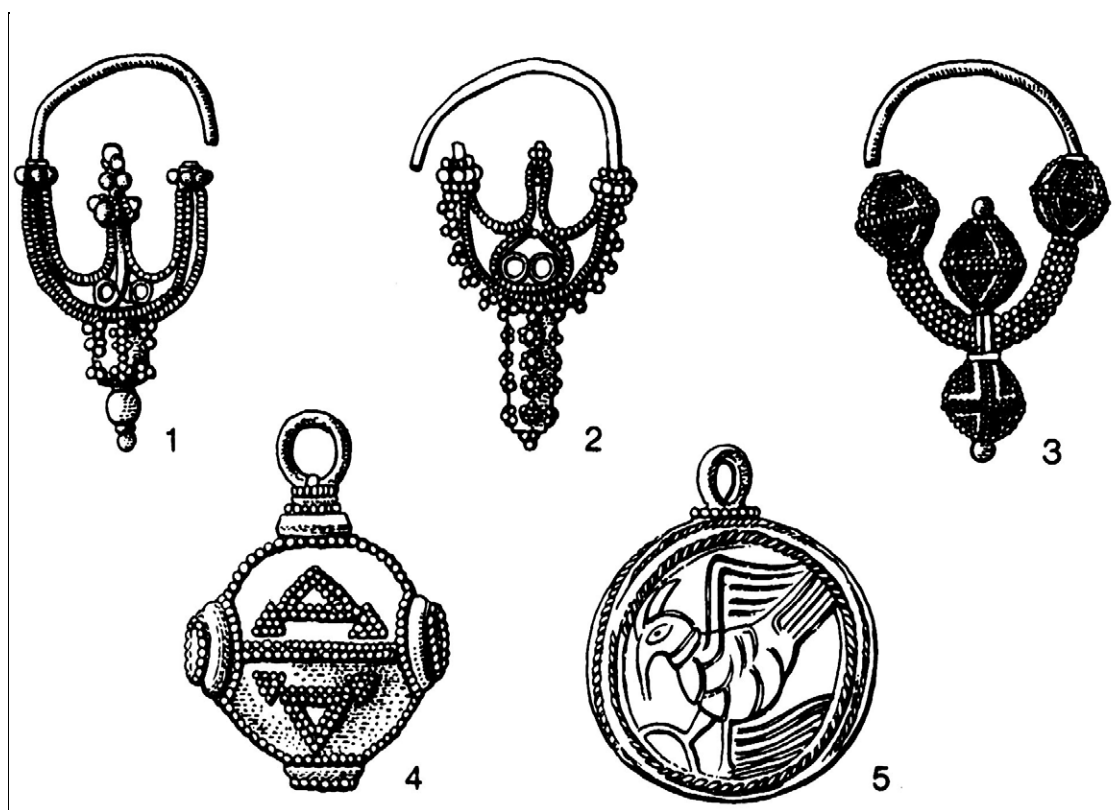

Рис. 89. Украшения из погребений при Первом костеле на городище Поганско около Бржецлава

В Словакии важнейшие результаты были получены при исследованиях в Нитре и Девине. Последнее поселение названо, как было сказано выше, в одном франкском источнике под 864 г. Это была небольшая по сравнению с описанными выше городищами пограничная крепость, в которой раскопками открыты также остатки каменных церковных построек [14].

Великоморавская Нитра была основана также в плотно заселенном славянами регионе еще в VI-VIII вв. Остатками княжеского града Прибины является городище с валами и рвами, устроенное на возвышенной местности у подножья горы Забор. В граде раскопками выявлены остатки церковной постройки, а в укрепленном предградьи зафиксированы следы бурной ремесленной деятельности (железоделанье, кузнечное и бронзолитейное дело, изготовление костяных гребней и жерновов). Раскопками на Штуровой улице открыты стеклоделательные печи, а на Лупке - гончарные горны [15].

Рассмотренные крупные укрепленные поселения, расчлененные на грады и предградьи, в которых концентрировалось торгово-ремесленное население, свидетельствуют о глубокой социальной дифференциации великоморавского общества и начальной стадии становления феодального строя. Эти поселения стали центрами великоморавской культуры, импульсы которой распространялись по всему ядру Великоморавской державы. Следствием государственной и культурной интеграции славянского населения Чешской Моравии и Юго-Западной Словакии, составляющих это ядро, стали, очевидно, и единые этноязыковые процессы, протекавшие здесь. Другие земли, в разное время включенные в состав Великой Моравии, характеризуются специфическими культурными особенностями

Рис. 90. Украшение из листового серебра из погребения в Желенках

и не составляли этнокультурного единства с этим регионом.

Ряд косвенных свидетельств письменных источников позволил Б.Н.Флоре высказать предположение, что в Моравии имел место процесс формирования великоморавской народности и становления этнического самосознания [16]. Прямых подтверждений этому в археологических материалах усмотреть не удастся. Но если такой процесс действительно происходил, то он был решительно прерван в начале X в., когда произошло разрушение государственности. Административно-культурные центры Великой Моравии прекратили существование, а в дальнейшем части ее территории оказались в разных исторических условиях. Славяне западной части ядра Великоморавского государства были связаны с венграми лишь данническими отношениями и были вовлечены в процесс формирования чешской народности. Моравская диалектная группа современного чешского языка, очевидно, восходит к раннесредневековому образованию мораван, составивших западную часть населения ядра Великоморавской державы. Население восточной части этого ядра оказалось в составе Венгерского государства; в дальнейшем здесь начался процесс складывания словацкой народности, в изучении которого уже не могут быть использованы археологические материалы.

Некоторые словацкие исследователи считают, что Моймир I, разгромив нитранского князя Прибину, разрушив многие укрепления прибиновского периода и распространив политическую власть на земли современной Словакии, не смог завершить процесс государственной унификации на всей территории Великой Моравии. В течение всей истории Великоморавской державы существовал определенный "дуализм"; словацкие земли развивались в некоторой степени

независимо, сохраняя и приумножая традиции прибиновского княжества в Нитре. К этому времени и восходит начальный процесс становления словацкого этноса [17].

В заключение нельзя не сказать о существующей в науке дискуссии относительно локализации ядра Великоморавского государства. В начале 70-х годов И.Боба опубликовал работу "Моравская история. Реинтерпретация средневековых источников", в которой, проанализировав исторические, филологические и археологические данные, утверждал, что ядро Великой Моравии (Моравия Святоплука и Мефодия) находилось не в сегодняшней Моравии и Словакии, а в южной части Среднего Подунавья, в Славонии [18]. В последующее время этот исследователь продолжил

изыскания в этом направлении. На основании интерпретации исторических сведений И.Боба локализует епархиальный центр Мефодия на правом берегу Савы, отождествляя его с античным Сирмиумом. В "Житии Мефодия" прямо говорится, что он наследовал престол святого Андроника, а последний, как хорошо известно, был епископом Сирмиума (Сремская Митровица) [19]. Археологам, открывшим яркие следы великоморавской цивилизации в Чешской Моравии и Словакии, трудно согласиться с этими положениями И.Бобы.

1. Magnae Moraviae Fontes Historici. T. III. Brno, 1970. P. 310-312.
2. Lowmianski H. Poczatki Polski. T. IV. Warszawa, 1970. S. 236-262.
3. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 21.
4. Повесть временных лет... С. 11.
5. Достал Б. Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 84.
6. Eisner J. Devínska Nova Ves. Slovanske pohrebiste. Bratislava, 1952. S. 211; Bialekova D. Navrh chronologie praveku a vcasnej doby dcinnej na Slovensku, Slovanske obdobie // SA. XXVIII. 1980. S. 218.
7. Vanecek F. Souvislost Velke Moravy se slovanskym svazem Samovym // Pravne historicke studie. T. 90. 1963. S. 211-227; Kucera M. Postavy velkomoravskej historic. Bratislava, 1986. S. 11-46
8. Klanica Z. Prádveľkomoravský horizont v Mikulčicih a jeho vzťahy k Podunajiu // AR. XIX. 1967. S. 686-692; Idem. Vorgrossmährische Siedlung in Mikulčice und ihre Beziehungen zum Karpatenbecken // Studijné zvesti Archeologickeho ustavu Slovenskej Akademie vied. T. 16. Nitra, 1968. S. 121-134; Poulik J. Mikulčice. Sídlo a pevnost kniazat velkomoravských. Praha, 1975. S. 32-48.
9. Литература о результатах раскопочных исследований весьма обширна. Монография, подводящая итоги археологических изысканий, написана их руководителем И.Полуликом (Poulik J. Mikulčice...). См. также: Dekan J. Moravia Magna. Grossmähren - Epoche und Kunst. Bratislava, 1980; Grossmähren und die Anfänge der tschechoslowakischen Staatlichkeit. Praha, 1986.
10. Hruby V. Stare Mesto. Velkomoravske pohrebiste Na Valach. Praha, 1955; Idem. Stare Mesto - velkomoravsky Velehrad. Praha, 1965; Idem. Katalog vystavy Stare Mesto v Moravskim muzeu v Brne. Brno, 1981.
11. Hruby V. Keramika antických tvarů v době velkomoravske // Casopis Moravského musea. T. L. Brno, 1965. S. 37-49.
12. Dostal B. K jasné slovanskému osídlení Breclavi-Pohansko. Praha, 1982.
13. Dostal B. Breclav-Pohansko. T. IV. Velkomoravský velmožský dvorec. Brno, 1975. О результатах раскопок погребальных древностей см.: Kalousek F. Breclav-Pohansko. T. I. Velkomoravský pohrebiste u kostela. Brno, 1971
14. Dekan J. Devín a Velká Morava // Příroda a společnost. 1961. 10. S. 25-29; Chropovský B. Die grossmährische Periode in der Slowakei // Das Grossmährische Reich. Praha, 1966; Idem. Krása

297

slovenskeho sperku. Bratislava, 1978. S. 19-23.

15. Chropovský B. The Situation Archaeological of Nitra in the Light of Find // Historica. T. VIII. Praha, 1964. P. 5-34; Idem. Das frühmittelalterliche Nitrava // Vor und frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter. Göttingen, 1974. S. 159-175; Idem. Nitra. Archeologický výskum slovanských lokalít. Nitra, 1975.
16. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 82-96.
17. Krajčovic R. Jazyk na Veľkej Morave a jeho kontinuita so slovincinou // Historický časopis. Bratislava, 1985. 2. S. 293-304.
18. Boba I. Moravia's history reconsidered. A reinterpretation of medieval sources. The Hague, 1971.
19. Die slawischen Sprachen. Bd. 8. Salzburg, 1985. S. 5-29.

298

Самые поздние памятники аварской культуры в Среднем Подунавье датируются началом IX в. Как отмечалось выше, в ареале этой культуры значительную часть населения составляли славяне. В отдельных местах славянские и аварские этнические регионы удастся разграничить по археологическим материалам [1], но в целом в Среднем Подунавье доминировали области смешанного населения, где совершалась ассимиляция аваров славянами. Лишь кое-где в течение всего IX в. охранялись островки собственно аварского населения. Под 873 г. упоминаются крещенные авары в Нижней Паннонии. Исследователи допускают также проживание в Среднедунайском регионе и остатков местного позднеаримского населения.

В 40-х годах IX в. в Паннонии образовалось славянское княжество со столицей в Мозабурге (Благоград на озере Балатон около современного села Залавара). Его первым правителем был Прибина (847-861 гг.), затем его сын Коцел (861-876 гг.). В 884 г. великоморавский князь Святоплук совершил военный поход в эти земли и присоединил их к своей державе.

В районе Залавара раскопками исследовано несколько памятников IX в. [2]. Они располагаются на возвышенных островах болотистой местности. Связь между ними осуществлялась по проложенным через болота дамбам, вымощенным бревнами. Остатки крепостного сооружения (земляной вал с плетневой внутренней конструкцией) времени Прибины изучались раскопками на так называемом "Крепостном острове", где найдены также синхронное селище с полуземляночными жилищами и кладбище (предположительно при церкви, которая не сохранилась). Наиболее богатые захоронения датируются последней третью IX в.

Поблизости, в местности Репешкут раскопками исследованы развалины каменной трехнефной базилики XI в. (при короле Иштване I Залавар был административным центром одной из венгерских областей). Венгерская исследовательница А.Шош утверждает, что эта церковь была выстроена на месте деревянного храма IX в. Согласно М.Б.Сёке, в открытых раскопками руинах базилики можно выделить два строительных периода и ее ранняя постройка действительно восходит к IX в.

Фундаменты небольшой церкви IX в. открыты еще в Борюаллашситете, около которой находился большой славянский могильник того же времени. К IX в. относится и славянское поселение с поставленными рядами полуземляночными постройками (близ Версигета) и синхронный могильник на острове Резеш.

В этом районе открыт большой могильник IX-X вв. - Кестхей-Фенекпуста. Большинство погребенных ориентировано головой на запад, часть их лежало в гробах.

Самой частой находкой являются горшки с линейным или волнистым орнаментом, поставленные у головы или ног умерших. Среди других находок имеются головные украшения разных типов, пряжки, серпы. В единичных могилах встречено оружие. При погребенных нередко кости животных. В целом население, хоронившее умерших на этом кладбище, было славянским, хотя не исключено присутствие в его составе и поздних авар [3].

Славянские могильники поставарского времени исследовались в ряде других регионов Среднего Подунавья. В могильнике Шопронкехида на северо-западе Венгрии вскрыто около 150 трупоположений, датируемых IX - началом X в. [4]. Во многих могилах найдены вещи. Мечи, наконечники копий и топоры, обнаруженные в мужских захоронениях, принадлежат к франкским типам. В трех погребениях найдены шпоры. Могильник находится на восточном пограничье Баварского графства, поэтому исследователи считают, что он оставлен населением, охранявшим границы этого государства. В погребениях обычны гончарные горшки с линейным и волнистым орнаментом, на днищах некоторых из них имелись клейма. В качестве заупокойной пищи в могилы клались мясо свиней, баранов и коз, а также куриные яйца. Материалы могильника не дают

возможности определить этническую принадлежность погребенных. Как полагают исследователи, это могли быть и славяне, и авары.

На левобережье нижнего течения Мура погребения IX в. исследовались в Летенье. Могилы располагались рядами, ориентировка погребенных западная. Из находок самыми распространенными являются горшки с волнистым орнаментом. Другие вещи (ножи, пряжки, серп) единичны [5].

В IX в. продолжали функционировать и некоторые позднеаварские могильники, основная часть погребенных в которых связывается с местным славянским населением. В меньшей степени исследовались рядовые поселения этого времени. На тех из них, которые подверглись раскопкам, открыты подквадратные в плане полуземляночные жилища, в том числе с типично славянским интерьером. Такие поселения в Алфелде венгерскими исследователями характеризуются обычно как позднеаварские. Однако каких-либо серьезных оснований для отнесения памятников IX в. с жилищами-полуземлянками к аварскому этносу не имеется. По всей вероятности, на таких поселениях проживали преимущественно славяне, включая и осевших на землю славянизированных авар. В венгерской научной литературе поднимается вопрос о сохранении в отдельных регионах Алфелда этнических групп аваров вплоть до прихода венгров [6]. Однако археологических подтверждений этого мнения найти не удастся.

Имелись на славянской территории Восточной Венгрии и укрепленные поселения. Так, предполагается, что на берегу Тисы на месте современного города Чонград в IX в. существовало городище (славянский Черный Город), остатки которого ждут исследователей. Остатки славянского поселения, укрепленного валами, зафиксированы также в Шарканьфароке.

Славянское население в IX в. занимало многие области Среднего Подунавья, но концентрация его в разных регионах была неодинаковой. Более или менее полной сводки славянских памятников этого времени пока нет, составление ее встречает много трудностей. Можно только полагать, что наибольшая концентрация славянского населения приходилась на регион Балатона и реки Залы, правобережье излучины Дуная (окрестности Вышеграда и Кестелца) и историческую область Пилиш.

В 895 г. в Карпатской котловине появляются венгры. До этого они какое-то время кочевали в степях Северного Причерноморья, сначала, как сообщает Константин Багрянородный, в Леведии, локализовать которую затруднительно, поскольку никаких археологически уловимых следов венгры не оставили. Не желая

иметь по соседству воинственных венгров, Хазарское государство разжигало рознь между венгерскими племенами и печенегами. В результате нападения последних венгры были вынуждены продвинуться на запад, в местность, именуемую Константином Багрянородным Ателкузу (степи между Серетом и нижним Днестром) [7]. Здесь венгры выбрали своего первого князя - Арпада.

Толчком для дальнейшего массового передвижения венгерских племен через восточные и юго-восточные перевалы Карпатских гор послужило нападение на их зимовья печенегов. К началу X в. венгры заселили значительные пространства бассейна Тисы и долину среднего Дуная. По сведениям анонимной хроники XIII в. "Деяния венгров", они встретили здесь сопротивление местного, в основном разрозненного славянского населения. Оно было сравнительно быстро подавлено, а в начале X в. венгры смогли разгромить войска Великоморавской державы, и это государство прекратило свое существование. С этого времени начинается история Венгерского государства.

Могильники венгерских племен в Северном Причерноморье остаются неизвестными, что обусловлено их кочевым бытом. Расселившись в Карпатском бассейне, венгры пришли в тесное соприкосновение с оседлым, преимущественно славянским населением. Это существенно изменило их быт. Экономическая жизнь венгров в Среднем Подунавье с самого начала оказалась взаимосвязанной с местными земледельцами. От кочевого быта они быстро перешли к полукочевому, а через какое-то время занялись и развитым земледелием. Под влиянием аборигенного населения среди венгров

постепенно распространяется обряд захоронения умерших в грунтовых могильниках.

Могильники венгров раннего периода (конец IX - X в.) характеризуются весьма малыми размерами. Погребения в них совершались на протяжении жизни не более двух-трех поколений. Как в мужских, так и в женских захоронениях зафиксированы частичные конские погребения. Мужские могилы обычно содержат сабли, боевые топоры, наконечники стрел и колчаны. В могилах найдено много украшений, металлических бляшек и наконечников поясов, чеканных оковок женских сапог. К одной из характерных деталей венгерских погребений принадлежат сумки, украшенные серебряными чеканными пластинами-накладками [8]. Ряд вещевых находок в могильниках имеют восточное происхождение. К числу таковых, в частности, принадлежат стремяна трапецевидной формы, имеющие многочисленные параллели в древностях VIII-X вв. восточноевропейских и сибирских степей [9]. Начиная с середины X в. в погребениях встречаются глиняные горшки, в основном местного, среднедунайского облика (городищенская керамика). Распространение могильников венгров показано на рис. 91.

Подчинив коренное население Среднего Подунавья, венгерские завоеватели сохранили славянские жупы - сравнительно небольшие территориально-общинные образования, существовавшие у славянского населения. Они стали именоваться комитами, во главе их встали ишпаны, то есть жупаны. Последние подчинялись наместникам, назначаемым венгерскими князьями. Венгерские военачальники-администраторы, получая в свое управление славянские комитаты, сохраняли в них христианскую церковь и не препятствовали ее деятельности. Некоторые венгерские магнаты вскоре приняли христианскую религию. Паннонские славяне обладали сложившейся земледельческой культурой и активно влияли на венгров, в результате Венгерское государство обрело земледельческую структуру. Этому, по-видимому, способствовала и политика правителей Венгрии. Известно, что после жестокого поражения венгров в 955 г. у Аугсбурга Геза, а позднее Иштван принуждали венгров, "рожденных для коня", к занятиям земледелием.

301

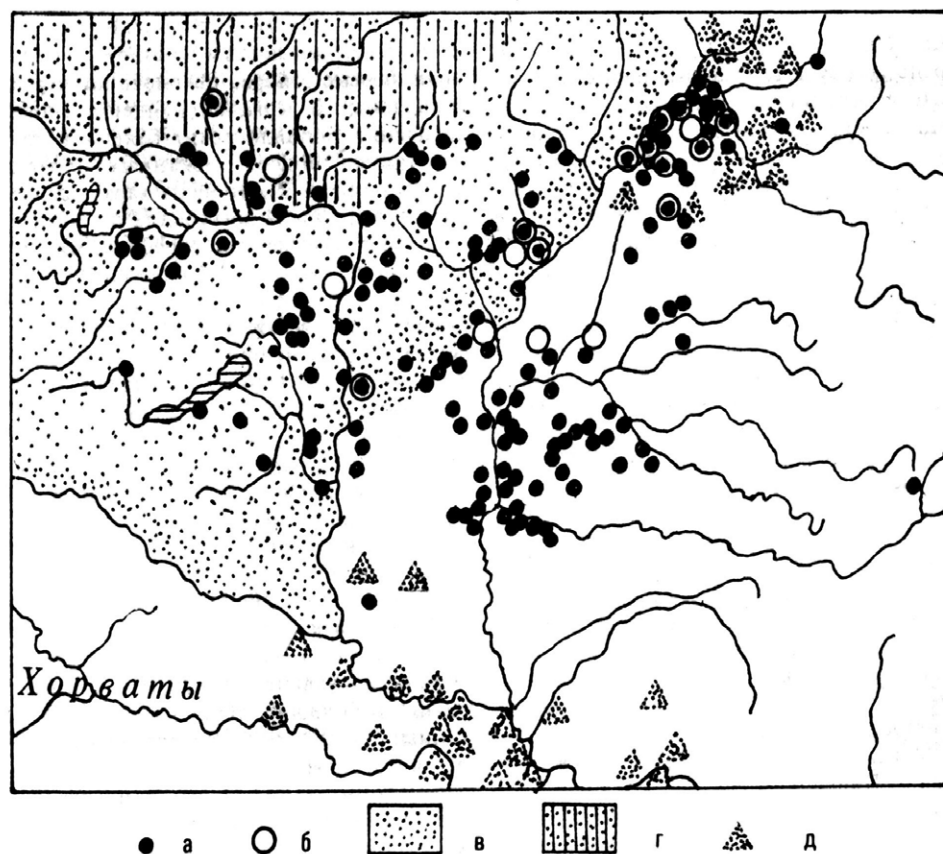

Рис. 91. Могильники венгров IX-X вв. с захоронениями коней: а - могильники с конскими захоронениями; б - могильники, содержащие погребения с пластинами-накладками от венгерских сумок; в - территория Великоморавского государства; г - ядро Великой Моравии; д - славянские памятники Сербского Подунавья и типа Гергенгория

Вместе с тем, венгерская администрация требовала от всех своих подданных овладения своим языком. Началась языковая ассимиляция славянского населения Паннонии.

В X в. в Среднедунайском регионе на основе славянских древностей предшествующего времени при взаимодействии с культурой венгров складывается белобрдовская культура (рис. 92), названная по могильнику Бело Брдо близ г. Осиек на нижней Драве. Понятие "белобрдовская культура" в научный оборот было введено Л.Нидерле, который признал ее славянской [10], и это мнение получило широкое распространение.

Известна эта культура преимущественно по погребальным древностям. Грунтовые могильники, как правило, насчитывают по много десятков, нередко сотни захоронений по обряду ингумации, располагающихся рядами. Наиболее распространенными украшениями этой культуры являются эсоконечные височные кольца,

302

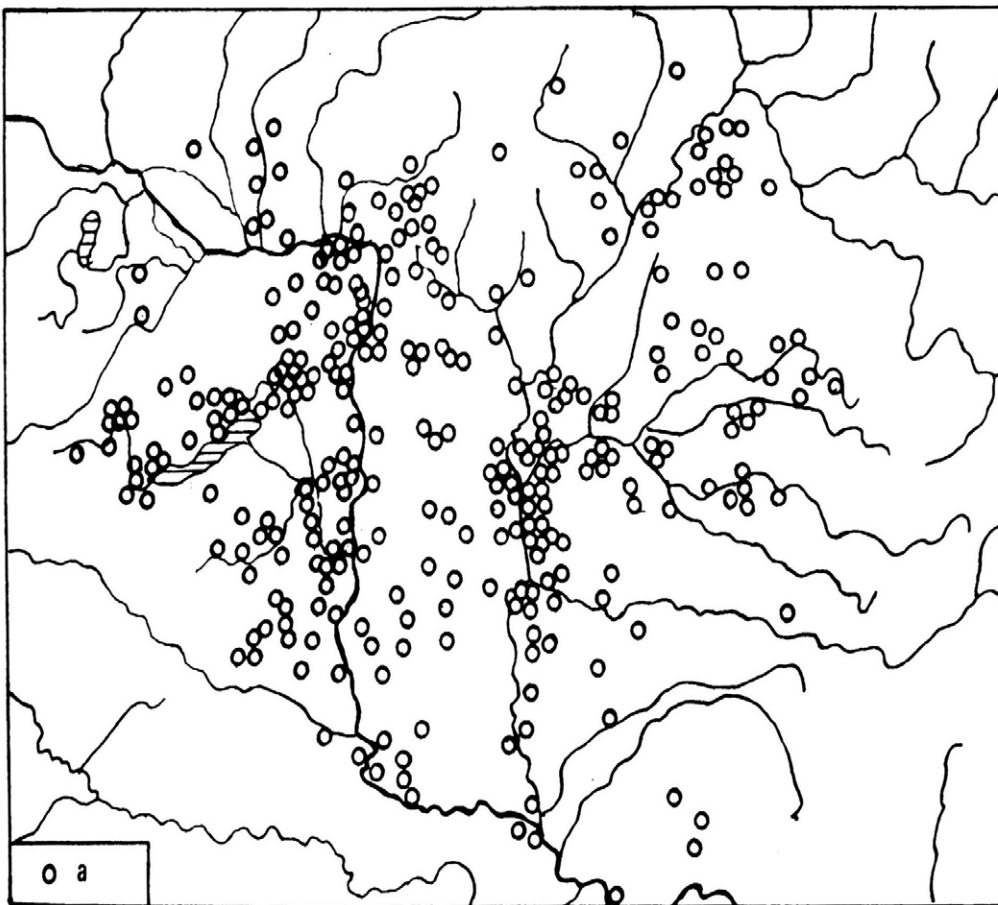

Рис. 92. Белобрдовская культура: а - могильники белобрдовской культуры

как говорилось выше, весьма характерные для славянского населения, вышедшего из

пражско-корчакского племенного образования; витые и тордированные браслеты и перстни; шейные ожерелья из пастовых бус, иногда к ним добавлялись привески, бубенчики и раковины каури. Встречаются еще гроздевидные и лунничные кольца. Вся глиняная посуда принадлежит к местной, так называемой городищенской керамике. Довольно редко в белобрдовских могильниках встречаются предметы вооружения. Среди могил начальной стадии есть единичные погребения с конями или с конским убором и оружием.

Вся коллекция украшений белобрдовской культуры свидетельствует о ее славянском происхождении. Они выполнены в местной позднеантично-византийской традиции, как и предметы ювелирно-бронзолитейного ремесла довенгерского периода. Основным ареалом рассматриваемой культуры является территория Венгрии, южные окраинные земли Словакии и часть Сербской Воеводины. За пределами этого ареала можно говорить только о влиянии белобрдовской культуры. Датируется она в целом X-XII вв. З.Ваня предложил ее членение на три фазы - древнюю (975-1025 гг.), среднюю (1025-1075 гг.) и позднюю (1075-1200 гг.) [11]. Начальная дата этой культуры исследователем определена ошибочно: ранние погребения ее в могильнике в Прше, как показал Ч.Балинт, относятся ко времени ранее середины X в. [12].

303

Венгерские исследователи сомневаются в славянской принадлежности белобрдовской культуры и даже пишут, что название и понятие ее являются устаревшими. Ч.Балинт видит в белобрдовских древностях исключительно памятники древних венгров [13]. С такими утверждениями согласиться никак нельзя. Главной ошибкой Ч.Балинта является то, что этническую атрибуцию населения рассматриваемой культуры он пытается определить не на основе анализа конкретных археологических материалов, а в основном оспаривая отдельные положения исследователей - сторонников ее славянской атрибуции и используя некоторые косвенные данные.

Весь комплекс материалов белобрдовской культуры показывает, что она является, прежде всего, эволюционным продолжением древностей Паннонии предшествующего периода. Поскольку основным населением Паннонии до прихода венгров были славяне, то они должны быть названы первыми в числе создателей белобрдовской культуры. Широкое бытование эсоконечных височных колец - один из ярких показателей этого. Другим этническим компонентом этой культуры были пришельцы-венгры, ставшие оседлыми жителями Среднего Подунавья и подвергшиеся культурной интеграции. Они переняли от местных славян целый ряд украшений, в том числе и эсоконечные височные кольца, керамику и некоторые другие культурные элементы. Иными словами, белобрдовская культура характеризует время славяновенгерского симбиоза, в условиях которого венгры воспринимали славянские культурные традиции, а славяне - язык венгров. Итогом такого взаимодействия стало формирование венгерской народности. Некоторое представление о территориальном распространении славянского и венгерского этносов накануне становления белобрдовской культуры дает карта на рис. 93.

Заключительный этап белобрдовской культуры отражает вытеснение погребальной обрядности, связанной с языческими традициями, христианским ритуалом. Параллельно можно говорить и о включении основных масс потомков паннонских славян в генезис венгерской народности.

На окраинах ареала белобрдовской культуры сохранились участки, где приход венгров не нарушил эволюции культуры славянского населения. Одним из таковых является регион Верхнего Потисья, где исследована группа славянских поселений VII-XI вв. с полуземляночными жилищами (древности типа Гергенугория). Почти во всех постройках выявлены развалы глинобитных печей, а некоторых случаях, возможно, очагов. До X в. господствовала лепная керамика (горшки, жаровни, сковороды), идентичная синхронной славянской посуде Украинского Закарпатья. В X-XI вв. получает распространение гончарная керамика. Находки орудий труда немногочисленны - железные ножи и серп, глиняные пряслица, точильные бруски [14]. Погребальные памятники пока не выявлены.

* * *

Заканчивая описание славянских древностей Среднего Подунавья, следует кратко

охарактеризовать памятники территории Нижней и Верхней Австрии (рис. 94). Первыми славянскими поселенцами здесь были носители пражско-корчакской культуры. Они проникли в восточные области современной Австрии еще тогда, когда здесь обитали лангобарды [15]. В VII-VIII вв. эти земли входили в ареал аварской культуры. Австрийские археологи постоянно подчеркивают, что основу населения его в этом регионе составляли славяне, которые "подделывались под аваров". В это время эти земли современной Австрии заметно пополнялись славянским населением. Как показывают археологические материалы, значительные массы славян, спасаясь от притеснения аваров, вынуждены были бежать на запад.

304

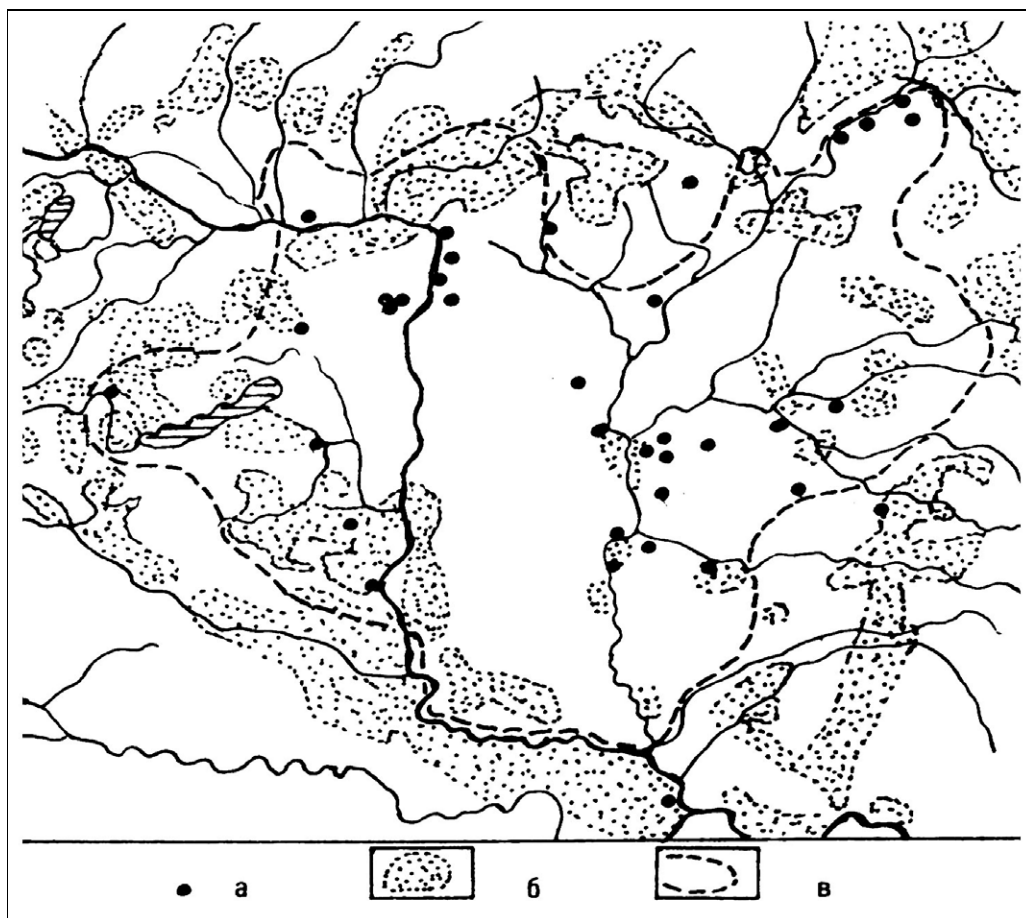

Рис. 93. Славяне и венгры на ранней стадии взаимодействия: а - памятники с находками трапецевидных стремян; б - регионы, занятые славянами (по А.Киш и Ч.Балинту); в - граница основной территории белобрдовской культуры

Культура славянского населения IX столетия в Нижней Австрии характеризуется могильниками, подобными упомянутому выше памятнику Шопронкехида. К числу таковых принадлежат относительно полно исследованные могильники Поттенбрунн и Туллн [16]. Первый из них был основан еще в аварское время и функционировал без перерыва и в IX в. Раскопками вскрыто свыше 60 труположений преимущественно с широтной ориентировкой. Исключением являются две могилы с детскими захоронениями, ориентированными по линии север-юг. Все украшения, встреченные в погребениях, - славянского облика. Это провололочные височные кольца небольшого диаметра с сомкнутыми концами, с одним концом, завернутым в колечко, с утолщениями, со спиралевидным концом, двухбусинные. В нескольких могилах встречены серьги с кеглевидным завершением. Шейные ожерелья состоят из небольшого числа мелких стеклянных и пастовых бус. В 18 могилах встречены ножи, лежавшие, как правило, у пояса с левой стороны туловища. В двух случаях они обнаружены у

плечевых костей. Вся керамика носит славянский характер.

305

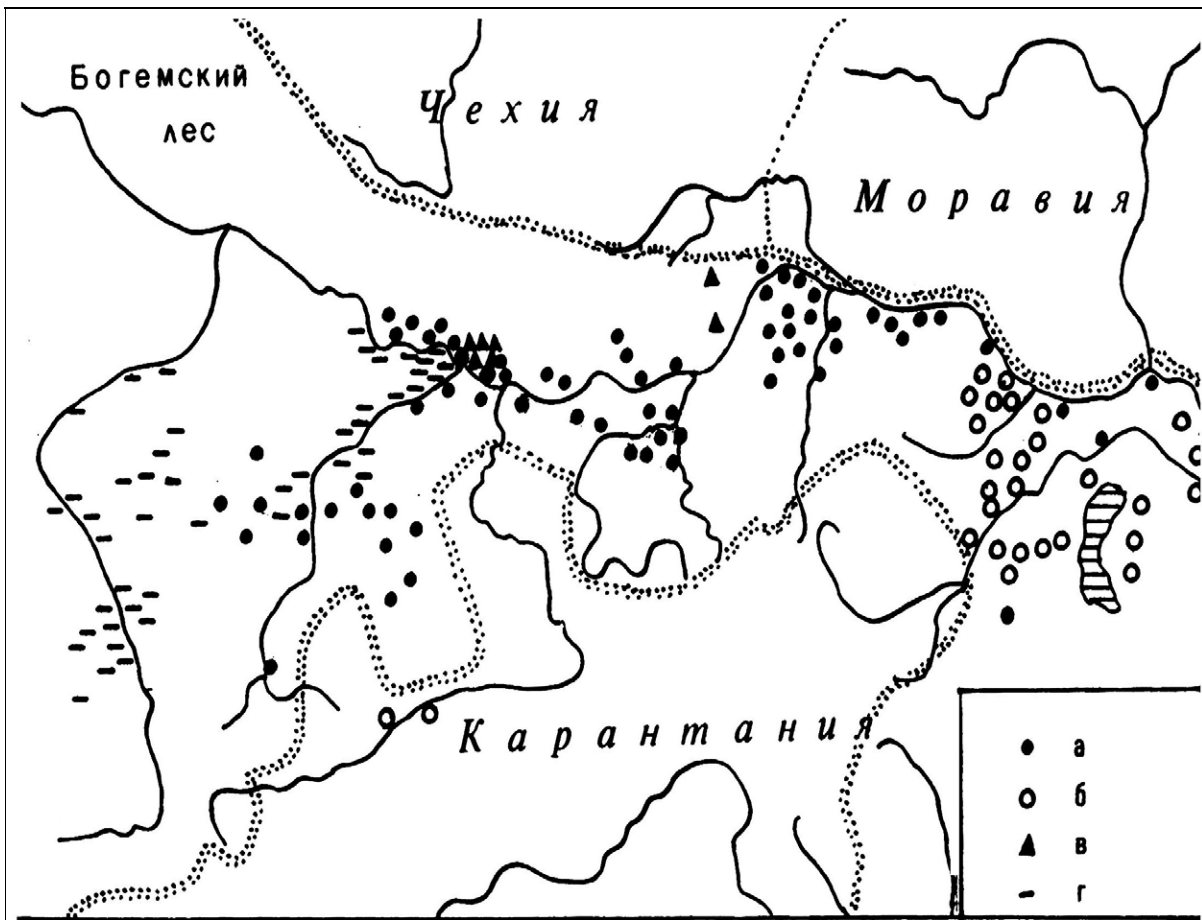

Рис. 94. Ситуация в Австрийском Подунавье в VIII-X вв.: а - славянские памятники VIII-X вв.; б - позднеаварские могильники (VIII-IX в.); в - славянские курганные могильники; г - памятники баваров VII-VIII вв. (памятники последующих столетий в связи с христианизацией баваров не выделяются)

306

Исследователь памятника считает, что могильник оставлен славянским и построманским этносами.

Аналогичную картину исторической ситуации Нижней Австрии IX в. дают и материалы раскопок Тулльнского могильника, а также исследованных в меньшей степени десятков других могильников. Господствующим обрядом было трупоположение. В немалом числе захоронений наряду с височными украшениями названных выше типов встречены и эсоконечные кольца. На левом берегу Дуная в окрестностях Вены известны и славянские курганные могильники. Они насчитывают от полутора десятков до полусотни полусферических насыпей с безынвентарными захоронениями по обряду кремации. На основании керамического материала они датируются IX в. [17]. Славянские поселения рассматриваемого времени остаются почти неисследованными. На селище Зоммерайн, датируемом IX-X вв., раскапывались жилища с несколько опущенными в грунт полами. Печи в них находились в одном из углов и всегда немного выступали за контуры построек [18].

Общий очерк о памятниках IX-XI вв. Нижней Австрии сделан в работах Г.Фрезингера [19].

Культура славянского населения этой области испытывала ощутимые влияния со стороны Великой Моравии, Карантании и Чехии. Не исключен неоднократный приток новых групп населения из этих земель.

Уже во второй половине VIII в. нижнеавстрийские земли были подчинены Баварскому графству. Баварская администрация активизировала колонизацию этих земель баварским населением. В результате славяне постепенно были ассимилированы, чему в немалой степени способствовала и их христианизация, приведшая к культурной интеграции смешанного славяно-баварского населения. К XII в. ассимиляционный процесс находился уже на завершающей стадии.

Ареной славянской колонизации в VIII-X вв. были также земли Верхней Австрии. В письменных источниках присутствие в этом регионе славян зафиксировано в 777 г. в указе баварского герцога Тассило III. Начиная с VII в. эти же области были заселены и баварами. Дифференциация славянских и баварских древностей в этой связи связана с большими трудностями. Некоторые австрийские археологии полагают, что славянский этнос на территории Верхней Австрии в культурном плане играл полностью подчиненную роль. Поэтому следы проживания здесь славян археологическими методами неуловимы. Такая мысль проводится, в частности, в трудах Й.Райтингера [20].

М.Пертлвизер, раскопавший сотни погребений в нескольких могильниках раннего средневековья, делит их на две группы, заметно различающиеся по всем своим основным характеристикам. Могильники первой группы, расположенные на ровных террасах, включают труположения со строго западной ориентировкой, значительный процент которых сопровождают предметы вооружения, поясные наборы и гребни. Датируются они VII - началом VIII в. и принадлежат, согласно М.Пертлвизеру, баварскому населению. Это были наиболее поздние баварско-языческие могильники. Позднее бавары, принявшие христианство еще в VII в., хоронили умерших уже на церковных кладбищах.

Вторая группа погребальных памятников Верхней Австрии, устроенных на вершинах и склонах всхолмлений, по вещевым инвентарям отчетливо отличается от первой. Оружие в захоронениях, как правило, отсутствует, в мужских могилах встречаются в основном ножи и кресала, в женских - различные украшения, сопоставимые с находками в синхронных славянских памятниках Нижней Австрии и Карантании. В погребениях обычны глиняные горшки, иногда встречаются кости животных (остатки заупокойной пищи). Строгой ориентировки умерших в этих могильниках не наблюдается. Она в целом западная, но большинство

погребенных лежит с различными бессистемными отклонениями. М.Пертлвизер датирует могильники второй группы. VIII-X вв. и считает их славянскими. Для обоснования этого привлекаются и краниологические материалы из принадлежащего к этой группе могильника Аухоф, в которых обнаруживается заметное сходство с некоторыми сериями черепов из достоверно славянских памятников раннего средневековья [21].

Славянское население Верхней Австрии не составляло единого целого и происходило из нескольких соседних земель. Какая-то часть его продвинулось вдоль Дуная, о чем свидетельствуют находки, сопоставимые с описанными выше древностями Нижней Австрии. В Раффельштеттском таможенном документе начала X в. называются славяне, периодически приходящие с севера. Имелись и переселенцы из Карантании. Памятником последних является могильник Георгенбург у Михельсдорфа, датируемый второй половиной VIII - серединой IX в. При погребенных обнаружены эсоконечные и лунничные височные кольца, серьги со стеклянными и металлическими бусами, украшения с эмалями и другое [22].

Славяне и бавары проживали совместно на одной территории в течение более трех столетий. Топонимические данные свидетельствуют не о полном территориальном смешении этих этносов, а об их чересполосном проживании. Баварское население было, по всей вероятности, доминирующим и более активным, результатом чего стала постепенная ассимиляция славян. Политически они

находились под властью баварских герцогов. Одним из показателей ассимиляционного процесса являются славянские топонимы, оформленные немецкими суффиксами.

Археологических памятников славян позднее X в. в Верхней Австрии неизвестно. К этому времени завершился процесс их христианизации: и славянские, и баварские захоронения стали безынвентарными и совершались на прицерковных кладбищах. В последний раз славяне упоминаются в документе начала XII в.

1. Szabo J. Topographische Angaben zur spatvolkerwanderungszeitlichen Siedlungsgeschichte des Matra-Gebiets // *Studijne zvesti Archeologickeho ustava Slovenskej Akademie vied*. T. 16. Nitra, 1968. S. 245-251.
2. Feher G. Les fouilles de Zaiavar // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. IV. Budapest, 1954. S. 201-265; Csalog J. Hig-es dorongutak Zalavar Kornyeken // *A Gocseji Muzeum Kozlomenyei*. 9. Zalaegerszeg, 1960; Sos A.Cs. Megiegyzesek a Zalavari asatasok jelentosegerol // *Zalai Gyujtemeny*. 6. Zalaegerszeg, 1976. S. 103-139; Idem. *Slawische Bevolkerung Westungarns im Jh. Munchen*, 1973.
3. Sos A.Cs. Frohmittelalterlichen Graberfeld aus Keszthely-Fenekpuszta // *Acta Archaeologica Academiae Hungaricae*. T. XIII. Bucuresti, 1961. S. 247-305.
4. Torok Gy. A sopronkohidai IX szazadi temeto. Budapest, 1973; Эрдели И. Вопросы археологических памятников славян в Фенекпуста и ее окрестностях // *Problemi Seoba naroda u Karpatskoj kotlini*. Novi Sad, 1978. S. 161-166.
5. Kerecsenyi H.E. IX. szazadi sirok Letenyen // *Folia archaeologica*. T. XXIV. Budapest, 1973. S. 135-150.
6. Fulop Gy. La survivance des Avars au IX-e siecle // *AR*. XVI. 1978. P. 87-95.
7. Финно-угры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987. С. 236-239.

308

-
8. Эрдели И. Археологическая культуры древних венгров // *Проблемы археологии и древней истории угров*. М., 1972. С. 128-144; Балинт Ч. Погребения с конями у венгров в IX-X вв. // Там же. С. 176-188.
 9. Kovacz L. Ober einige Steigbugeltypen der Landnahmezeit // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. XXXVIII. Budapest, 1986. S. 195-225.
 10. Niederle L. Slovania v Uhrach // *Letopis Matice Slovenskej*. T. XIII. Martin, 1921. S. 25-38.
 11. Vana Z. Mad'ari a Slovane ve svetle archeologickyh nalezu X-XII. stoleti // *SA*. II. 1954.
 12. Балинт Ч. Венгры и т. н. белобрдская культура // *Acta Archaeologica Carpathica*. T. XIX. Krakow, 1979. S. 129-131.
 13. Балинт Ч. Венгры... С. 97-143.
 14. Erdelyi I., Szimonova E. Grabung in der Gemarkung von Vasarosnameny // *SA*. XXXIII. 1985. S. 379-397; Idem. Ausgrabungen in der Gemarkung von Vasarosnameny-Gergelyiugornya // *Acta archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 39. Budapest, 1987. S. 287-312; Эрдели И., Симонова Е. Раскопки поселения IX- XI вв. в окрестностях Вашаррошнамень (Северо-Восточная Венгрия) // *Труды V Международного Конгресса археологов-славистов*. Т. 4. Киев, 1988. С. 240-244.
 15. Adler H. Zur Ausplilnderung langobardischer Graberfelder in 6sterreich // *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*. Bd. C. 1970. S. 138-147.
 16. Friesinger H. Fruhmittelalterliche Kurpergraber aus Pottenbrunn, Stadtgemeinde St. Polten, NO // *Archacologia Austriaca*. H. 51. Wien, 1972. S. 113-189; Idem. Fruhmittelalterliche Korpergraber in Tulln, NO//Там же. H. 50. 1971. S. 197-261.
 17. Friesinger H. Fruhgeschichtliche Hugelgraber in Messcrn, Irnfritz und Staningersdorf, pol Bez. Horn, NO // *Archaeologia Austriaca*. H. 39. Wien, 1966. S. 44-53.
 18. Friesinger H. Studien zur Archaologie der Slawen in Niederostcrreich (Mitteilungen der Prahis-torischen Kommission der Osterreichischen Akademic der Wissenschaften. Bd. XV-XVI). Wien, 1974.
 19. Friesinger H. BeitrSge zur Besiedlungsgeschichte des nordlichen Niederosterreich im 9.-11. Jahr-hundcrt // *Archaeologia Austriaca*. H. 37. Wien, 1965. S. 79-114; Idem. Studien zur Archaologie der Slawcn in Niederosterreich Bd. I-II. Wien, 1974, 1977; Friesenger H. und I. NiederOsterreich im 9.

- und 10. Jh. // Germanen, Awaren, Slawen in Niederosterreich. Das erste Jahrtausend nach Christus. Wien, 1977. S. 103-126. См. также: Mitscha-Marheim H. Archaeologisches und Historisches Materialien zur Slawensiedlung in Ostcrreich // Acta Congressus Historiae Slavicae Salisburgensis. 1963; Die Slawen in Niederosterreich. Beitrage der Fruhmittelalterarchaologie (Wissenschaftliche Schriftenreihe Niederosterreich. 15). St. Polten, 1976.
20. Reitinger J. Oberosterreich in Ur- und Friihgeschichtlicher Zeit. Linz, 1969.
21. Pertlwiser M. Zur ethnischen ZugehOrtigkeit der Beigabenfuhren den Graberfelder des 9. Jahrhunderts im Ostlichen Oberosterreich (Jahrbuch Oberosterreichischer Musealvereins. Bd. 122). Linz, 1977; Baiern und Slawen in Oberosterreich. Probleme der Landnahme und Besiedlung. Linz, 1980. S. 43-80.
22. Baiern und Slawen in Oberosterreich... S. 81- 132.

Славянское население начало осваивать Чешскую долину в VI-VII вв. Это были племена пражско-корчакской группы. С появлением в Среднедунайском регионе аваров здесь, как можно судить по археологическим материалам, произошли некоторые перемещения населения. В составе дополнительных потоков славянского населения, очевидно, было немало и выходцев из антской среды.

По сообщениям "Баварского географа", чешского хрониста начала XII в. Козьмы Пражского и различных грамот восстанавливается картина расселения славянских племен в Чешской долине накануне образования государственности (рис. 95). Верховья Влтавы принадлежали дулебам - части крупного праславянского племенного образования, представленного на заре средневековья пражско-корчакской культурой. Ниже по обоим берегам Лабы локализуется племя чехов. Их северо-западными соседями были лучане. Западные окраинные регионы Чехии заселяли три небольших племена - седличане, гбаны и тугошть. Севернее ареала чехов размещались также весьма небольшие племена - лемузы (на реке Огрже), литомержичи и дечане (на правобережье Эльбы-Лабы). На северо-восток от чехов проживало небольшое племя пшован. Восточными соседями чехов были зличане, а за ними выше по Лабке и далее на восток до Моравии на значительной территории расселились хорваты [1].

По материалам археологии названные племенные ареалы не выделяются. Р.Турек намечает три крупных археологических региона, которые различаются между собой по характеру городищ, керамическому материалу и погребальным памятникам. Так, вычленяется северо-западная окраина Чехии, характеризующаяся древностями, в некоторой степени сопоставимыми с памятниками сербов; курганный обряд погребения здесь не был известен. По погребениям в курганах и керамике красного цвета Р.Турек выделяет регион Восточной и Южной Чехии. В Срединной и Западной Чехии курганы отсутствуют, эти области характеризуются бытованием керамики серого цвета [2].

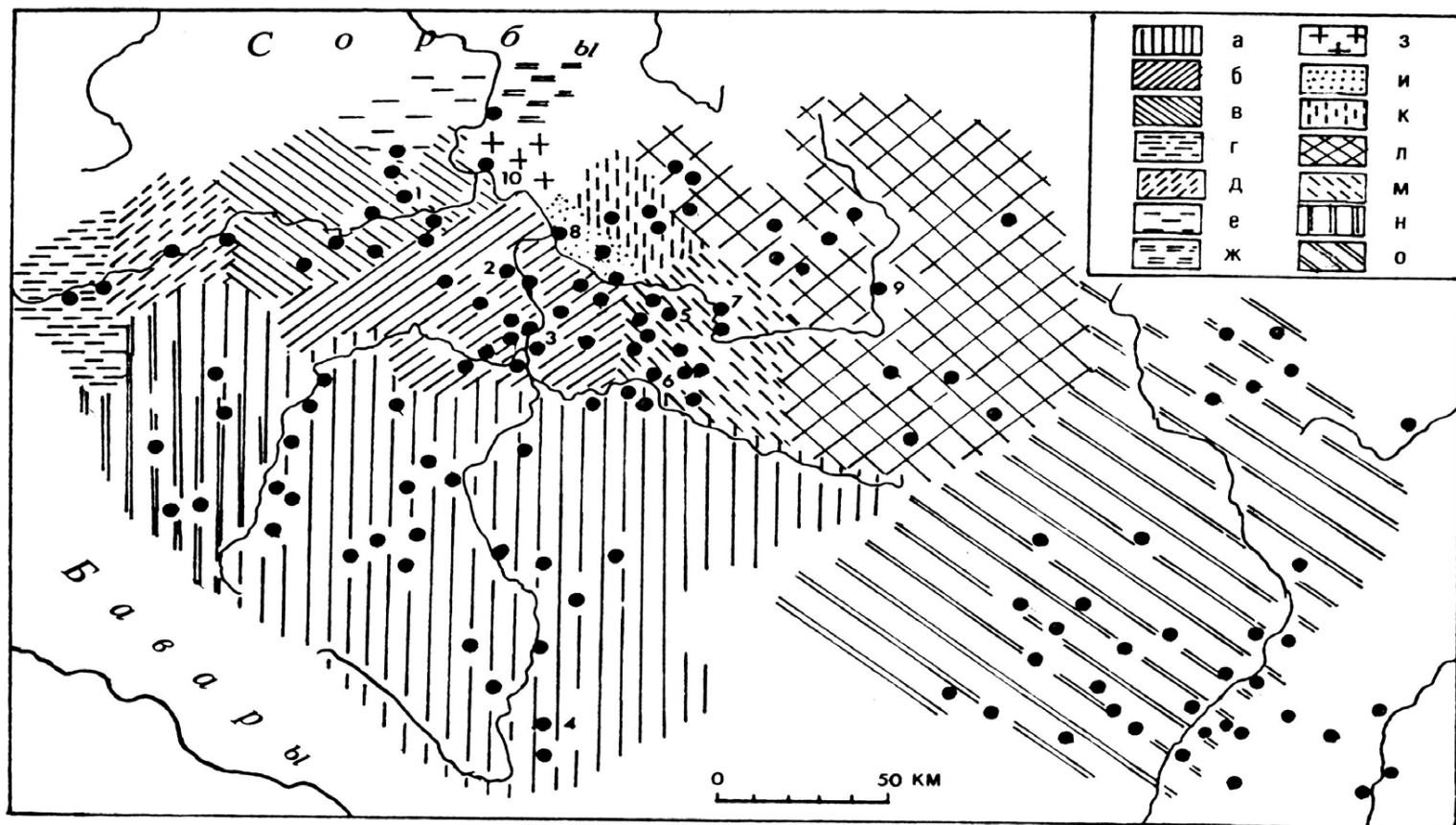

Рис. 95. Славянские племена Чехии Ареалы: а - дулебов; б - чехов; в - лучан; г - гбанов; д - седличан; е - лемузов; д - дечан; э - литомерженчей; м - пшован; к - хорватцев; л - хорватов; м - зличан; н - тугошь; о - мораван

Черными кружками обозначены городища VIII-X вв. (по Р.Туреку): 1 - Властислав; 2 - Либушин; 3 - Левый Градец; 4 - Прага-Град; 5 - Дудлебу; 6 - Ключев; 7 - Коуржим; 8 - Либице; 9 - Градец Кралове; 10 - Литомержице

Что скрывается за этой территориальной дифференциацией, сказать трудно. Намечаемые различия в основном не несут этнографической нагрузки, поэтому выделяемые области вряд ли соответствовали племенным ареалам.

Существенным для характеристики племенных ареалов являются различия в погребальной обрядности. Несомненный интерес представляет совпадение области распространения курганный обрядности на юго-востоке Чехии с ареалом дулебов. Это вполне закономерно, поскольку это племя принадлежит к той славянской группировке, где сравнительно рано получил распространение обычай хоронить умерших в курганных насыпях. Второй регион концентрации этой обрядности локализуется на Лабее, преимущественно в пограничных местностях между зличанами и хорватами. Р.Турек считал курганы на Лабее хорватскими [3]. Однако в ареале хорватов курганы известны только в западных, пограничных со зличанами районах. Это племя является частью большого антского образования, не знавшего курганный обрядности.

На территории чехов и племен, примыкавших к ним с севера и запада, обычай сооружать курганы для захоронений не был известен. Однако, на этом основании говорить об их принадлежности к определенной праславянской группе преждевременно. Вещевые инвентари курганных и грунтовых захоронений Чехии не дают каких-либо данных для характеристики чешских племен, тем более, что некоторые из них, как можно судить по этнонимам, были территориальными новообразованиями (седличане - от топонима Седлице, литомержицы - от Литомержице, дечане - от Дечин).

В письменных памятниках IX в. содержится информация о двух политических образованиях на территории Чешской долины - Богемии и Хорватии. Согласно "Франкским анналам", в IX в. Богемия была племенным объединением, охватывающим области Центральной и Северо-Западной Чехии [4], то есть племенные ареалы чехов, лучан, седличан, гбанов, лемузов, дечан и литомерженчей. Главная роль в нем принадлежала, нужно полагать, чехам. Не исключено, что некоторые из племен были включены в состав Богемского союза с помощью военной силы. По-видимому, одним из таких эпизодов является война чехов с лучанами, о которой сообщается в "Хронике" Козьмы Пражского. Согласно преданию, во главе войска чехов стоял Честимир, лучанское войско вел их князь Влатислав. Происшедшее на Турском поле сражение было весьма ожесточенным. Победителями оказались чехи, которые, захватив земли лучан, разрушили их грады.

"Хроника" Козьмы Пражского содержит рассказ о расселении на р. Влтаве "pater Bohemus" со своим родом, который и назвал эту землю своим именем. Исследователи видят в этом предание о происхождении племени чехов, идентифицируя "pater Bohemus" с легендарным Чехом [5].

Богемия была довольно устойчивым племенным образованием, которое оказывало сопротивление сначала Франкской империи, неоднократно пытавшейся подчинить эти земли своей власти, а позднее выступало против экспансии Великоморавского государства. В условиях борьбы за свою независимость славянские племена, входившие в состав Богемского союза, безусловно консолидировались; у них, как полагают исследователи, вырабатывалось сознание общих интересов, что стало основой для последующей эволюции этой общности в чешскую народность [6]. В самом начале 70-х годов IX в. Богемия вошла в состав Великоморавской державы. Однако после смерти Святоплука в результате междоусобицы между его сыновьями чешские земли выделились из состава Великой Моравии. Еще в 845 г. 14 старейшин племен в Регенсбурге приняли христианство.

Конец IX-X в. было временем становления Чешского государства. Этот период характеризуется стремлением племени чехов к объединению всех племен Чешской долины. В состав Чехии вошли

земли и всех племен этого региона. В IX в. Хорватия на верхней Лабе составляла особое племенное образование. До конца 90-х годов X в. часть хорватских земель управлялась князьями из рода Славниковцев, признававших зависимость от пражского князя Чехии. Согласно "Хронике" Козьмы Пражского, хорватское княжество занимало обширные области между Чехией и Моравией. К рубежу X и XI вв. эти земли стали частью древнечешского государства.

Получает распространение легенда о "призвании" Пржемысла - предка чешского княжеского рода. Пржемысловичи были уже не племенными предводителями, а князьями всей совокупности племен, составлявших население Чехии. Наряду с понятием чехи - одно из славянских племен - появляется понятие о чехах как общности славянских племен Чешской долины. На рубеже IX и X вв. Пржемысловичи и их дружинное сословие принимают христианскую религию, которая вскоре распространяется на всей территории, подвластной им. Процесс стирания племенных традиций активизировался, началось формирование древнечешской народности. На рубеже X и XI вв. держава Пржемысловичей превращается в более или менее однородный социальный и этноязыковый организм.

К периоду становления Чешского государства относится множество городищ, некоторые из которых обстоятельно исследованы археологами. Чешскими археологами культура этого времени именуется городищенской и дифференцируется на три стадии. Рассматриваемый здесь период соответствует среднегородищенской стадии.

Одним из центров рождающегося Чешского государства было городище Будечи, расположенное в 20 км на запад от Праги. Оно устроено на округлом холме, занимает площадь 22 га и членится на две части - округлый в плане град (6 га) и предградье. Раскопками установлено, что укрепления града были первоначально сооружены на рубеже VIII и IX вв., при этом для крепостной стены шириной 7 м был использован каменный вал эпохи бронзы. Он образовал внешние контуры стены, а ее внутренний край был выстроен из дерева. На рубеже IX и X вв. на руинах древней стены строится новая, которая имела ширину 10 м. Ее лицевая сторона была выложена из песчаника, внутренняя - из бревен. Одновременно укрепляется предградье. Оно окружается стеной, выложенной из камня с внешней стороны. С внутренней стороны она была сложена из деревянных решетчатых конструкций, заполненных глиной. Позднее эти крепостные сооружения несколько раз обновлялись.

Раскопочные исследования показали, что городище начиная с IX в. было плотно застроено. Жилищами IX-X вв. были подквадратные в плане полуземлянки и наземные дома столбовой конструкции. В XI-XII вв. безраздельно господствовали срубные наземные постройки, некоторые из которых имели фундаменты или цоколи, сложенные из камня. Около многих жилищ открыты ямы-зернохранилища. В одной из них, датируемой IX в., обнаружено много зерна (три четверти его составляет пшеница, четверть - рожь). На основании многочисленных находок можно говорить о наличии кузнечного и косторезного ремесел.

В легендах о святом Вацлаве говорится, что около 900 года чешский князь Спитигнев (891-916 гг.) построил в Будече храм святого Петра. Его остатки были открыты в граде. Это была ротонда с внутренними опорами и апсидой. Древнейшие погребения при костеле датируются между 900 и 950 годами.

На южном краю городища исследована усадьба со срубными постройками на каменных цоколях и дорогой, вымощенной камнем. Она была огорожена частоколом. Возникла усадьба в X в., но наиболее активная жизнь в ней приходится на два последующих столетия. Исследователи памятника полагают, что это была резиденция управляющего поселением [7].

недалеко от ее впадения во Влтаву. Это было одно из укрепленных поселений зличан. Предполагается, что во второй половине X в. оно было одной из резиденций княжеского рода Славниковичей. В 995 г. городище перешло во владения Пржемысловичей, и поселение стало кастелянским градом.

Внутреннее укрепленное поселение занимало террасный остров, его площадь - около 10 га. Славянское население осело здесь уже в VI в. Раскопками были изучены полуземляночные постройки с печами-каменками или очагами. Первые крепостные сооружения здесь были возведены в конце VIII в. Это была стена, основу которой составляли бревенчатые клетки, заполненные глиной и камнями. С внутренней и внешней сторон к стене примыкали рвы. Городище имело воротный проезд, ведущий в посадскую часть поселения. Первые ворота сгорели около середины IX в. и были восстановлены в виде легкой конструкции на столбах. Во второй половине следующего столетия были выстроены каменные ворота с башней над ними.

До присоединения городища к владениям Пржемысловичей оно было застроено наземными постройками столбовой и срубной конструкции. Кроме жилых домов выявлены остатки производственных строений (дубильня, крытый ток, рубленые садки для рыб), а также зерновые ямы.

С конца VIII в. функционировало и Либицкое предградье. В зличанский период здесь имелись постройки трех типов: полуземлянки, наземные столбовые и срубные дома. В северной части предместья работали железоделательные и кузнечные мастерские. В середине X в. в предместье был выстроен костел Богородицы, остатки которого пока не выявлены раскопками. На южном конце предместья находился большой срубный дом на каменном цоколе. Внутри он был разделен на несколько комнат. Под деревянным полом прослежен водоотводный канальчик. Среди находок, связанных с этой постройкой, имеются сосуд для обрядового литья воды во время богослужений и железное писало.

Ряд небольших поселений зафиксирован и в ближайших окрестностях Либицкого городища. При поселении в Либице было несколько могильников. Кладбище, насчитывающее около 300 могил, находилось во внутреннем городище. Здесь раскопками исследованы захоронения, принадлежащие дружинному сословию. При погребенных найдены оружие, предметы конского снаряжения и различные украшения, датируемые от последней трети IX в. до середины XI в. Анализ вещевых материалов выявляет заметное влияние великоморавского ремесла. С начала X в. в ювелирном деле проявляется становление собственно чешского ремесла, впитавшего в себя художественно-производственные традиции Великой Моравии.

В середине X в., когда на городище обосновываются княжеский род Славниковичей, в восточной части внутреннего городища строятся однонефный каменный костел и двухэтажный срубный дворец, соединенные мостовым переходом. К югу от дворца размещался монетный двор, при раскопках которого были открыты остатки трех литейных горнов и инвентарь ремесленника-литейщика со следами серебра и меди.

При захвате Либице Пржемысловичами поселение было в сильной степени разрушено и выгорело. Основные массы его жителей переселились в окрестные села. С XI в. на руинах старого городища стали возводиться новые здания, предместья запустели [8].

Важные результаты для характеристики культуры и быта населения периода становления Чешского государства получены раскопками городища Стара Коуржим, датируемого от середины VIII до середины IX в. [9]; городищ Левоусы в районе Литомержице [10], у с. Градец у Стода в Юго-Западной Чехии, Градец над

Йизероу в районе Млада-Болеслава [11], Либушин в районе Кладно [12], Левый Градец на Влтаве [13] и ряд других. Общая характеристика славянских городищ Чешской долины дана в книге М.Шолле [14]. Власть Пржемысловичей опиралась на сеть укрепленных пунктов, размещенных в стратегически важных местах как внутри страны, так и на пограничье. Эта сеть городищ сложилась уже в IX в. Начиная с рубежа IX и X вв. наблюдается перестройка укреплений, расширение поселений за счет предградий, выделяются огороженные усадьбы, появляются первые христианские церковные постройки. Во второй половине X в. основывается ряд новых городищ, по всей вероятности, в связи с

формированием централизованной администрации.

Сельские поселения рассматриваемого времени остаются археологически неизученными. Раскопками нескольких селищ вскрыты лишь отдельные объекты, преимущественно остатки жилищ, и собрана керамика. Так, на селище Држетовице исследовались две полуземляночные постройки и шесть зерновых ям [15]. При раскопках селища Енушев Уезд в районе Теплице зафиксированы следы литейного и кузнечного производств. Исследованиями селища Коунице установлено, что некоторые земледельческие поселения VIII-IX вв. укреплялись деревянно-глиняными стенами [16].

Погребальными памятниками чешского населения VIII-X вв. были грунтовые могильники, а в ареале дулебов и в бассейне среднего течения Лабы - курганы (рис. 96). Несколько бескурганных могильников исследовались в округе городища Либице-над-Цидлиноу. В могильнике II было вскрыто 160 захоронений по обряду ингумации, основная же часть его была ранее уничтожена. Две трети погребенных сопровождалась различными вещами - ножами, глиняными сосудами, украшениями. Среди последних имеются проволоочные височные кольца с эсовидными или кольцевыми завершениями, гроздевидные серьги и серьги с корзинковидными и спиральными привесками, ожерелья из стеклянных и янтарных бус, простые проволоочные перстни. Встречены также деревянные ведерки с железными обручами. В трех погребениях найдено оружие, в самом богатом - меч и шпоры. Четыре умерших были помещены в могилы животом вниз [17].

Исследовались остатки грунтового могильника и около городища Будечи. Могилы были ориентированы в направлении юго-запад - северо-восток. Многие из них были обложены камнями. Коллекция украшений этого памятника состоит из эсоконечных и простых перстнеобразных височных колец, серьги в виде виноградной грозди, серег с корзиночками и бубенчиками, зеленых маслинообразных бус, перстня и пуговиц. В нескольких захоронениях встречены деревянные ведерки. По вещевым находкам могильник датируется от конца IX до середины X в. [18].

Интересен грунтовой могильник в с. Башть в районе Прага-Восток, раскопками которого открыто около сотни труположений с западной ориентировкой. Умершие помещались в прямоугольных ямах с закругленными углами. Некоторые могилы на поверхности обозначались отдельными камнями, положенными по контурам или образующими окружности. Иногда отдельные камни клались над изголовьем или в ногах. Зафиксированы единичные случаи каменных навалов над могилами. По сторонам умерших, а изредка над ними или под ними встречены доски. На отдельных могилах были поставлены каменные плиты-стелы с выбитыми крестами.

Наиболее частой находкой являются глиняные сосуды. Кроме того, найдены бронзовые и серебряные височные кольца и серьги, разнотипные бусы из стекла, пасты, янтаря и цветных металлов, железные ножи, бронзовый крестик. По своему инвентарю могильник относится к первой половине X в. Это было еще языческое кладбище, но население, хоронившее здесь умерших, было уже крещеным [19].

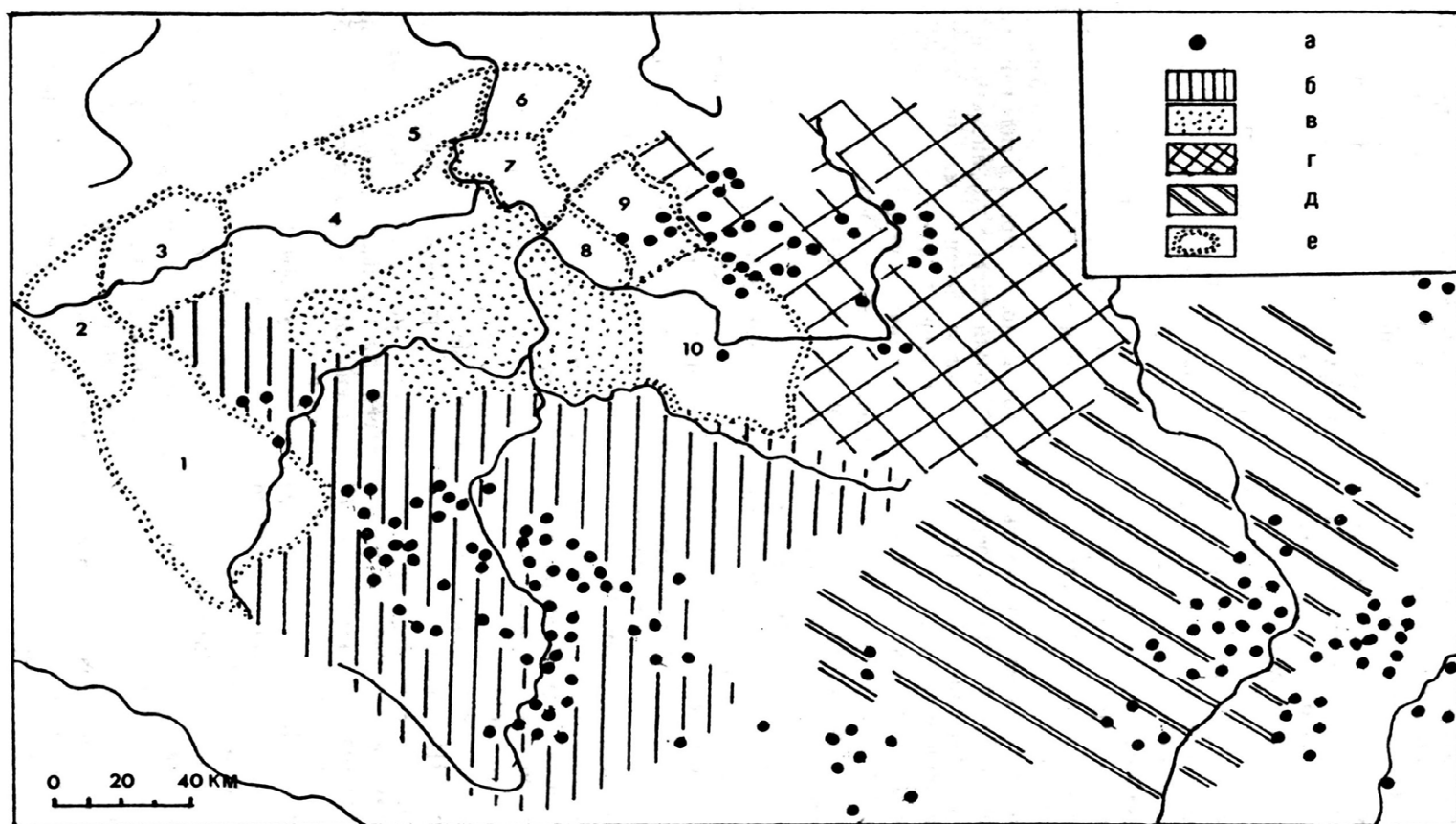

Рис. 96. Племенные ареалы и курганные могильники:
а - курганные могильники. Ареалы: б - дулебов; в - чехов; г - хорватов; д - мораван; е - прочих племен (1 - тугошати; 2 - гбаны; 3 - седличане; 4 - лучане; 5 - лемузы; 6 - дечане; 7 - литомержичи; 8 - пшоване; 9 - хорватцы; 10 - зличане)

Подобные могильники исследовались во многих других местностях Чешской долины, в том числе и на территории Пражского града. К концу IX - X в. принадлежит кладбище в саду Лумбе на южной стороне Йиздарны. Здесь раскопано свыше сотни труположений. Было найдено относительно большое количество золотых украшений (серьги, височные кольца, "жемчужины" в составе ожерелий, пуговицы). Самыми распространенными были украшения из серебра - гроздевидные серьги, височные кольца, в том числе эсоконечные, ожерелья, цепочки, капторги и т.п. Было найдено множество бус - стеклянных, металлических, янтарных, две хрустальных и одна аметистовая. Нередкой находкой являются железные ножи. Оружия в погребениях нет, только в одном мужском захоронении найдены шпоры. Кладбище использовалось для захоронений в конце IX - X в. [20].

В рассматриваемое время в грунтовых могильниках Чешской долины безраздельно господствовал обряд труположения. Вполне очевидно, что распространение этой обрядности не связано с христианской религией, которая пришла в эти земли уже тогда, когда обряд ингумации получил широкое бытование. В Чехии этот ритуал появляется около 800 г., а в отдельных местах и раньше. Одни исследователи обуславливают столь раннее распространение труположений местными условиями - восприятием славянским населением позднеантичных традиций, которые здесь сохранялись несмотря на смену этносов. Другие археологи связывают переход к труположениям с проникновением религиозных представлений, прямо или косвенно вызванных христианством [21].

Курганные могильники в Чешской долине, как уже говорилось, характерны для двух регионов - дулебского в Южной Чехии и предположительно зличанского на р. Лабе. Ранние курганы содержат захоронения по обряду кремации умерших. В первой половине IX в. в курганах получает распространение обряд ингумации [22].

Курганных могильников с захоронениями по обряду трупоположения в Чехии немного и они не образуют компактных регионов. Картография их свидетельствует о том, что славянское население, ранее хоронившее умерших в курганах, в IX-X вв. в основном уже перешло к грунтовым захоронениям. Курганный обрядность в это время была реликтовой.

Одним из курганных могильников, где имеются захоронения рассматриваемого времени, является некрополь Дражички в Таборском районе. Первоначально он насчитывал свыше 100 круглых в плане курганных насыпей. Среди исследованных раскопками есть курганы с остатками трупосожжений нескольких индивидуумов, датируемые по керамическому материалу VIII - первой трети IX в. Курганы с трупоположениями выделяются малыми размерами. Умерших в них хоронили в грунтовых ямах с широтной ориентацией. В целом такие захоронения безынвентарные или малоинвентарные, но в одном из курганов в детском погребении найдены большие эсоконечные височные кольца [23].

Основой хозяйства славянского населения Чешской долины времени становления народности и государства оставалось земледелие и скотоводство. К этому времени относятся качественные изменения в развитии земледелия. Совершенствуются орудия обработки почвы: широкое распространение получают железные наконечники рал и плугов, а также чересла. Вместо пленчатых пшениц появляется более качественная пшеница обыкновенная. Археологией засвидетельствовано также культивирование проса, ячменя и бобов. Система земледелия становится более интенсивной. Земледельцы переходят к более кратковременным перелогам.

Специальными ремесленными отраслями становятся металлургия железа, кузнечное и ювелирное дело. На поселении Енишув Уезд исследовались

редукционные плавильные печи шахтообразной конструкции. Свидетельства о кузнечном производстве были найдены на десятках городищ. Технологическое изучение кузнечных изделий IX-X вв. показывает, что среди них есть вещи, изготовленные из науглероженной стали, ножи с наваренными слегка закаленными стальными лезвиями и дамаскированные. Раскопки в Пражском граде говорят о функционировании здесь в конце IX-X в. ювелирных мастерских, работавших по великоморавским традициям. Со второй половины IX в. широкое распространение получает ремесленная продукция гончаров.

Исследования городищ и могильников со всей определенностью говорят о социальном расслоении общества. Заметно выделяются богатством инвентаря и оружием погребения дружинников и зарождающего класса феодалов [24]. Прежняя племенная структура окончательно сходит со сцены. Все земли объединяются под центральным управлением чешского князя из рода Пржемысловичей с главной резиденцией в Праге. Крупные грады становятся административными центрами Чешского государства.

Система градов и развитие ремесленной деятельности привели к формированию единого культурного пространства в Чехии. Немалую роль при этом играла внутренняя колонизация. Населением осваиваются новые земли, были заселены все подходящие для земледелия области. В конце IX - X вв. наблюдается заметный рост сельских поселений и процесс уплотнения поселенческой сети. Исследователи связывают эти процессы с формированием государственно-хозяйственной структуры рождающегося чешского государства.

Можно предположить, что параллельно с формированием Чешского государства имели место этническая консолидация его населения и становление чешской народности. Археологические материалы X в. действительно свидетельствуют о значительном культурном единстве всей территории Чехии. Однако археология при этом не обнаруживает каких-либо этнографических особенностей, которые бы объединяли весь чешский регион в отдельную этническую общность и одновременно выделяли его из окружающей славянской среды. Все типы украшений, которые были распространены в Чехии, находят аналогии в соседних славянских землях. Ничего специфического не выявляется и в деталях погребальной обрядности, и в домостроительстве, и в керамических материалах. В результате складывается впечатление, что чешский этнос в раннем средневековье еще не сформировался. Для становления отдельной славянской народности в Чехии, по-видимому, потребовалось большее время, чем два-три столетия. Нельзя не учитывать при этом того факта, что рассматриваемая территория

осваивалась славянами, принадлежащими к нескольким праславянским племенным образованиям, и интеграционный процесс здесь занял более продолжительный период, чем в некоторых других славянских землях.

Такой вывод находит соответствие в исторических изысканиях. На основании анализа данных письменных источников Б.Н.Флоря утверждает, что к концу X в., то есть к моменту полного объединения земель Чешской долины под властью Пржемысловичей, процесс интеграции населения в единый этнос находился в зачаточном состоянии [25]. Разрабатывая вопрос о самосознании населения Чешского государства, этот исследователь отмечает, что в период раннего средневековья для представителей господствующего класса было характерно отсутствие представления о наличии в Чехии особого языка, а следовательно, и этнической общности. "По их мнению, чехи говорили на славянском языке, общем для них и ряда соседних им народов. Различия между отдельными славянскими говорами еще не осознавались как глубокие и принципиальные, и представления о славянской общности носили еще конкретный характер, воплощаясь в языковое единство" [26].

318

Только позднее, когда в Чехии сформировались городская жизнь и города заняли ведущее место в развитии экономики, культуры и отчасти быта населения этих земель, процесс становления чешской народности активизировался, и к XIII-XIV вв., вероятно, находился уже на завершающей стадии. К сожалению, изучение этого процесса по материалам археологии не представляется возможным, поскольку христианизация окончательно сnivelировала многие этнографические маркеры материальной и духовной культуры славянского населения Чехии, которыми оперирует эта наука.

Завершая обзор археологии раннего средневековья Чехии, можно отметить большую результативность исследований чешских археологов в разработке ряда исторических тем. К числу таковых, прежде всего, относится проблема становления города, находящаяся постоянно в центре внимания археологов-медиевистов. Зарождение городской жизни в Чехии безусловно восходит к раннему средневековью, когда возникло множество административных центров-градов и вокруг них образовались поселенческие агломерации. Такие агломерационные системы возникают в Чехии со второй половины IX в. Со второй половины X в. начинает складываться пржемысловская система административных градов, которая получает развитие в XII-XIII вв. Наиболее значительные из них превращаются в города, другие прекращают свое существование. Впрочем, известны случаи, когда города основывались не на самих градах, а вблизи них [27].

Ядром развития Пражской агломерации стало поселение, возникшее в 870-890-х годах на месте Пражского града. Заселение же окрестностей его славянами началось еще со времени пражско-корчакской культуры. Продолжающиеся свыше 60 лет археологические исследования показывают, что древнейшие укрепления, которые можно считать началом города, относятся ко второй половине XII в. Это, как полагают исследователи, была укрепленная княжеская усадьба, в окрестностях которой разрастались торгово-ремесленные поселения. Городом Прага стала в первой половине XIII в., когда появились торговые площади и костелы, вокруг которых формировалась городская застройка.

Раскопками были изучены и другие города Чехии, основание которых восходит к раннему средневековью. Большое значение имеют раскопки архитектурных памятников и монастырей. О сельских поселениях известно весьма мало.

1. Turek R. Cechy v ranem stredoveku. VySehrad; Praha, 1982. S. 40. 41
2. Turek R. Die fruhmittelalterliche Stammegebiete in Bohmen. Praha, 1957. S. 51-60.
3. Turck R. Mohyly ceskych Charvatu // Slavia Antiqua. T. V. Poznan, 1956. S. 103-157.
4. Dobias J. Seit wann bilden die natirlichen Grenzen von Bohmen auch seine politische Landesgrenze // Historica. T. VII. Praha, 1963; Флоря Б.Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 98.
5. Novotny V. Cesky dejiny. D. I. C. 1. Praha, 1912. S. 228-235.
6. Wenskus R. Die slawischen Stamme in BOhmen, alt ethnische Einheiten // Siedlung und Verfassung

- Bohmens in der Fruhzeit. Wiesbaden, 1967. S. 34.
7. Solle M., Vafta Z. BudcC - pamatnik ceskeho davnoveku. Kladno, 1983.
 8. Turck R. Libicc, knizcei hradisko X. veku. Praha, 1966-1968; Idem. Libice. Hroby na libickem vnitfnim hradisku // Sbornik Narodniho muzea. A - Historie. T. 32. Praha, 1978. S. 1-150; Idem. Libice nad Cidlinou, monumentalni stavby vnitřního hradiska // Там же. T. 35. 1981. S. 1-72; Idem. Slavníkovci ajejich panství. Hradec Kralove, 1982; Justova J. Archcologicky vyzkum na libickern predhradi v letech 1974-1979 // AR. XXII. 1980. S. 241-264, 351-357.
 9. Solle M. Staru Kourim a projevy velkomoravske hmotne kultury v Cechach. Praha, 1966; Idem. Kourim v rnladsi a pozdni dobe hradistni // PA. LX. 1969. S. 1-124; Idem. Kourim v prubeihu veku. Praha, 1981.
 10. Vafta Z. Slovanske hradiste v Levousich (k.o. KFesin, okr. Litomerice) a otazka rozsahu lúckeho uzemi //AR. XXV. 1973. S. 271-288.
 11. Kovan J. Slovanske hradisti Hradec nad Jizerou a nektere problemy jeho datovani // PA. LVIII. 1967. S. 143-168.
 12. Vafta Z., Kabat J. LibuSin (Vysledky vyzkumu casni strcdovekeho hradiste v letech 1949-1952, 1956 a 1966) // PA. LXII. 1971. S. 179-313; Vana Z. Prcmyslovsky Libusin. Historie a povest ve svetle archcologickeho vyzkumu // Pamatniky nasi minulosti. T. 7. Praha, 1973; Idem. Vyzkum Libusina v letech 1970 a 1971. Doplnujici poznamky k postaveni hradiste ve stredoceske oblasti // AR. XXVII. S. 52-71.
 13. Borkovsky I. Levy Hradec. Praha, 1965.
 14. Soue M. Staroslovansku hradisko. Praha, 1984.
 15. Knor A. Nova hradistni sidlists na Kladensku a Slansku // PA. XLVIII. 1957. S. 58-96.
 16. Kudrnac J. Slovanske vysinne sidliste v Kounicich ve vztahu k osidleni v Posemberi // AR. XXXVI. 1984. S. 279-287.
 17. Hrdlicka L. Kanin, pkr. Nymburk // Bulletin zachranneho oddeleni. D. 6. Praha, 1968. S. 55, 56;
- Justovu L. Kanin, k. o. Opolany, o. Nymburk // Vyzkumy v Cechach. Praha, 1969. S. 47.
18. Solle M. Slovanska pohrebiste pod Budci // PA. LXXII. 1981. S. 386-408.
 19. Skruzny L. K nekterym zvlastnostem pohfebniho ritu na slovanskem pohrebisti v obci BaSt (o. Praha-vychod) // Slovane 6.-10. století, Breclav-Pohansko 1978. Brno, 1980. S. 211-220; Sankot P. Bast, okr. Praha-vychod // Vyzkumy v Cechach 1978-1979. Praha. 1982. S. 7.
 20. Smetanka Z., Hrdlicka L., Blajerova M. Vyzkum slovanskeho pohfebiste za Jizdarnou na Prazskem hrade //AR. XXV. 1973. S. 265-270. 369; Idem.
- Vyzkum slovanskeho pohrebiste za Jizdarnou Prazskcho hradu v r. 1973. // AR. XXVI. 1974. S. 386-405, 433-438.
21. Krumphanzlova Z. Pocatky krest'anství v Cechach ve svetle archcologických pramenu // PA. LXII. 1971. S. 406-456.
 22. Turek R. Slawischc Hugelgraber in Sudbohmen //Fontes Archaeologici Pragenses. 1. Pragae, 1958;
- Idem. Problemy slovanských mohyl v Cechach // Slavia Antiqua. T. XII. Poznan, 1965. S. 57-81.
23. Benes A. Zachranne vyzkumy slovanských mohyl v jiznich Cechach // Vyber z praci clenu Historického klubu pri Jihoceskem muzeu v Ceskych Budejovicich. 15. 1978. S. 234, 235.
 24. Krumphanzlovi Z. Pohrebiste jako pramen sociální sikadby obyvatelstva // Metodologicke problemy csl. archeologie. Praha, 1982. S. 108-117.
 25. Флоря Б.Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности... С. 97-125.
 26. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 140.
 27. Zemlicka J. Prcmyslovsku hradsku centra a pocatky mest v Uechach // Ceskoslovensky casopis historicky. XXVI. Praha, 1978. S. 559-586; Richtcr M. Ccskc stfedoveke mesto vc svetle archeologiekých vyzkumu // AR. XXVII. 1975. S. 245-258; Рихтер М. Главные тенденции развития городов XII-XIII вв. в Чехии // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 26. М., 1987. С. 37-42.

Хорваты, как следует из сказанного выше - одно из антских племенных образований Северного Причерноморья. Его этноним принадлежит к иранизмам, восходящим ко времени славяно-скифосарматского симбиоза римского периода. Великая славянская миграция разделила это племя на несколько частей, осевших в разных регионах раннесредневекового славянского мира.

Сравнительно крупная группа хорватов в начале средневековья расселилась в Далмации. Пути миграции далматинских хорватов по данным археологии пока не могут быть установлены. Но есть все основания полагать, что импульсом переселения хорватского племени на запад стал мощный натиск аваров, существенным образом затронувший антские земли. Хорваты, по-видимому, оказались в большом миграционном потоке, лавиной продвигавшемся на запад и достигшем Среднедунайского региона. В результате прежде единое хорватское племя раздробилось и оказалось в разных местах - в Восточной Чехии, на Заале, в Силезии и на верхней Висле, в Далмации и Восточном Прикарпатье.

Время расселения хорватов на Адриатике определяется рубежом VI и VII столетий или самым началом VII в. Ранние погребения в хорватских могильниках, характеристика которых приводится ниже, датируются VII в. До миграции хорватов Далмация и смежные с ней земли были заселены преимущественно романизированным населением, сохранившимся здесь с римского времени [1]. Не исключено, что среди этого населения здесь имелись сравнительно небольшие островки и славян - носителей пражско-корчакской культуры (рис. 97). Но обосновать это из-за отсутствия каких-либо датирующих находок не представляется возможным. Хорватский археолог З.Винский полагает, что первые славяне, в том числе и принадлежащие к пражско-корчакской группе, появились в рассматриваемых землях вместе с аварами в конце VI - начале VII в. [2]. Это весьма вероятно. Славянские захоронения по обряду трупосожжения на территории Хорватии единичны. Одно из них открыто в Кашичах и по керамике датируется исследователями VII в., другое - в могильнике Ждрияц около Нина среди более двухсот трупоположений [3].

Хорваты, очевидно, расселились в Далмации весьма многочисленной группой. Прежние жители отчасти были вытеснены в гористые местности, отчасти вынуждены были бежать на острова Адриатического моря или в прибрежные города, подвластные Византии. Впрочем, в ряде регионов романизированное население осталось на своих прежних местах обитания, установив контакты со славянами.

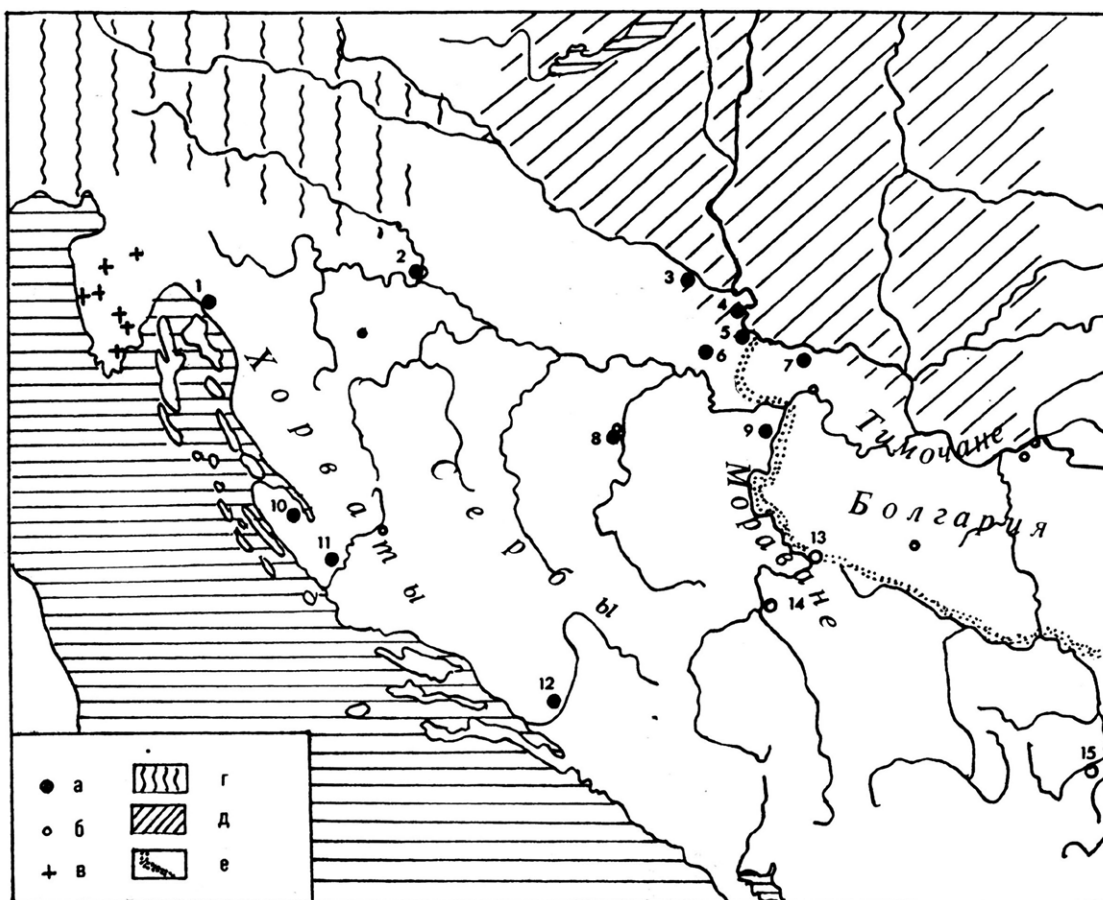

Рис. 97. Начало славянского освоения Адриатики:
 а - ранние памятники славян (с находками лепной керамики и с захоронениями по обряду кремации); б - памятники аваров периода Первого аварского каганата; в - поселения с христианскими храмами, разрушенными славянским (славяно-аварским) вторжением; г - ареал карantanской культуры; д - ареал аварской культуры; е - западная граница Болгарского государства 1 - Бакар; 2 - Сисак; 3 - Осиек; 4 - Сарваш; 5 - Сотин; 6 - Винковци; 7 - Илок; 8 - Добой; 9 - Язбина в Батьковичах у Биелина; 10 - Кашичи; 11 - Смрдели под Скрадином; 12 - Нарези; 13 - Рогатица; 14 - Мушичи под Вышеградом; 15 - Царичин Град

Взаимоотношения славян с местным населением весьма отчетливо выясняются по материалам Истрии. Славяно-аварское освоение этого полуострова на основании известий письменных источников определяется 599-611 годами, что, как утверждает Б.Марушич, находит полное подтверждение в материалах археологии. Следы славянского или славяно-аварского проникновения в Истрию являются, прежде всего, разрушения целого ряда христианских построек. Археологически зафиксирована гибель церковных зданий на поселениях Рим под Роча, Мунтаяна, Врсар, Клоштар, Св. Фошка под Жминью, Рогатица (рис. 97). Частичные разрушения отмечены также на поселениях романизированного населения Двоград, Бале, Велика Госпа под Бала, Бетика, Баньоле под Водняной, Фажана, Гуран и Галижана [4]. Среды разрушений обнаруживаются и в жилых районах некоторых из исследованных поселений [5].

Для VII-VIII вв. в Истрии характерны две группы грунтовых могильников. Первую составляют некрополи романизированного населения. Начало захоронений в них восходит к предшествующим

столетиям. Это были христианские кладбища, в расположении могил которых наблюдается рядность. Они содержат трупоположения с широтной ориентацией. Некоторые могилы обозначены камнями в головах и ногах, появляются и первые подплитовые захоронения. Вместе с тем, при погребенных встречаются вещевые находки - предметы вооружения, пряжки, височные кольца, браслеты. Согласно Б.Марушичу, автохтонное население, хоронившее умерших в этих могильниках, испытывало сильное влияние со стороны славян, о чем свидетельствуют отдельные вещевые находки, а в особенности керамические материалы.

Ко второй группе принадлежат некрополи Истрии, датируемые тем же временем и устроенные на отдельных всхолмлениях или на руинах позднеантичных строений уже после славянской экспансии. Могилы в них расположены бессистемно. Наряду с преобладающей западной ориентировкой встречается и иная. Погребения в большинстве случаев обставлены плитами или обложены камнями. Результатом местного позднеантичного влияния является обозначение могил в головах и ногах камнями. Среди вещевых находок обычны железные ножи, пряжки, браслеты и глиняные сосуды; предметов вооружения нет. Захоронения датируются VII-VIII вв., более ранних вещевых находок в этих могилах нет. Могильники второй группы, согласно В.Марушичу, принадлежат славянам-язычникам [6].

Собственно аварские древности периода Первого аварского каганата (до 670 г.) в Хорватии единичны (рис. 97). В основном это случайные находки или отдельные вещи конского снаряжения в могилах [7]. Очевидно, тюркский элемент в славяно-аварском освоении территории Хорватии составлял ничтожный процент.

Древнехорватские могильники Далмации получили монографическую характеристику в работах Д.Еловины и Я.Белошевича [8]. Начало захоронений в большей части этих некрополей определяется первыми десятилетиями VII в. По-видимому, эта дата отражает не время появления славян-хорватов в Далмации, а период стабилизации их жизни во вновь освоенных землях.

Эти кладбища обычно содержат по несколько сотен захоронений по обряду трупоположения. Функционировали они продолжительное время, некоторые до X столетия и позднее [9]. Расположение могил в некрополях бессистемное, что характерно для славянских языческих памятников. Вполне очевидно, что обряд ингумации не был нововведением хорватов Далмации, а был привнесен ими из более древних мест проживания. Как уже отмечалось выше, обычай хоронить умерших несожженными среди антской племенной группировки славян восходит к позднеримскому времени и обусловлен славяно-иранским взаимодействием.

Умершие погребались на старохорватских кладбищах в могильные ямы глубиной от 0,6 до 1,5 м. Покойники клались на спине, как правило, головой на запад (с сезонными отклонениями). В отдельных могильниках отмечены единичные захоронения с иной ориентацией, что обусловлено, по всей вероятности, наличием в хорватской среде иноплеменников.

Выделяется три основных типа могил. Первый составляют простые грунтовые ямы, овальной или подпрямоугольной формы. Второй тип составляют могилы, в которых при погребенных имеются камни, иногда положенные в головах и ногах умершего, иногда образующие несплошную обкладку погребенного или лежащие бессистемно. К третьему типу принадлежат могилы, в которых умершие обставлены камнями или стенки ям выложены вертикально поставленными крупными плитами. Исследователями рассматриваемых памятников отмечено, что со временем процент погребений с каменной или плитняковой обкладкой заметно увеличивается. Эта обрядность становится одним из характерных признаков хорватов. Могилы, обставленные камнями или плитами, обычны и на хорватских христианских кладбищах.

Немалое число захоронений древнехорватских могильников сопровождалось различными вещевыми находками. Наибольший интерес среди них представляют украшения. Среди височных колец широкое распространение имели провололочные небольшого диаметра. Концы многих из них

завернуты в колечки-петли, при помощи которых они соединялись. Кроме того, широко бытовали головные кольца с подвеской в виде виноградной грозди, а также двух- и трехбусинные кольца (со сканными бусами). В очень немногих захоронениях встречены эсоконечные височные кольца.

Особого описания заслуживают височные украшения из могильников Истрии. Здесь в ряде захоронений обнаружены височные кольца кошарицкого типа. Они провололочные, с одним концом, завернутым в небольшое колечко, которое служило ушком для подвешивания. Наиболее ранние кольца этого типа встречены в лангобардских могильниках. В Истрии, как полагает Б.Марушич, височные украшения принадлежат к позднеантичному наследию [10].

Другую группу височных украшений Истрии составляют кольца бузетского типа. Это провололочные кольца, к которым снизу припаяны по три колечка небольшого диаметра (рис. 98). По подсчетам Б.Марушича, в памятниках Истрии найдено 54 кольца бузетского типа. Кроме того, они известны в Триестской области, Фриуле и в небольшом числе разбросанно почти по всему Апеннинскому полуострову [11].

Шейные ожерелья в древнехорватских могильниках сравнительно немногочисленны. Они включают разнотипные стеклянные бусы, среди которых есть экземпляры византийского и каролингского происхождения. В некоторых могилах встречены бубенчики, в единичных - крестики. К более распространенным принадлежат перстни различных типов.

Обычными находками являются железные ножи. В мужских погребениях нередко пряжки, в женских встречаются глиняные пряслица. Предметы вооружения (мечи, наконечники копий и стрел, боевые топоры) и конского снаряжения

принадлежат к сравнительно редким находкам. Интересные обзоры их с картами распространения сделаны З.Винским [12].

Как в мужских, так и в женских погребениях нередко глиняные сосуды. Керамика древнехорватских могильников, как и синхронных поселений, которые пока весьма слабо изучены, изготовлена на гончарном круге и принадлежит к дунайскому и так называемому городищенскому типам, распространенным в Среднем Подунавье [13].

К периоду проживания хорватов на Адриатике относятся древние предания об их происхождении, позднее записанные в сочинении Константина Багрянородного "Об управлении империей", которое было составлено приблизительно в 950 году [14].

В одном из таких преданий сообщается, что авары "перебили всех жителей города (Салона), а затем овладели всей страной Далмацией и поселились в ней... Хорваты же жили в то время за Багиварией, где с недавнего времени находятся белохорваты. Один из родов, отделясь от них, а именно - пять братьев: Клука, Ловел, Косендцис, Мухло и Хорват и две сестры, Туга и Вуга - вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом - и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов" [15].

Несколько по-иному о начале хорватского расселения на Адриатике рассказывает тот же источник в следующем разделе: "...хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называющихся белыми, которые обитают по ту сторону Турции, близ Франгии, и граничат со славянами - некрещеными сербами..." И далее: "...когда авары, пройдя войною, прогнали... римлян... в ныне именуемой Хорватии и

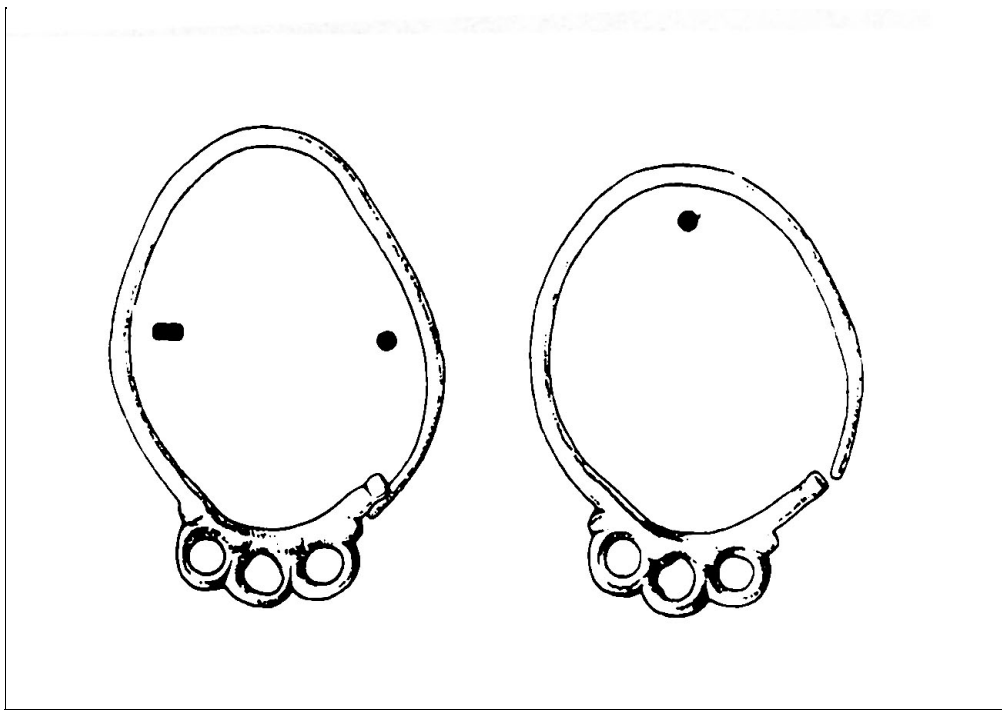

Рис. 98. Височные кольца бузетского типа из могильника Крань

Сербии... их земли остались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут и ныне. Эти хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга" [16].

Некоторые разногласия этих версий обусловлены, по-видимому, тем, что в основу труда Константина Багрянородного легли сведения, полученные из разных источников, от нескольких информаторов, и к тому же могли быть переработаны в соответствии с политической традицией Византии. Думается, что не следует видеть в этих преданиях серьезных противоречий. Хорваты появились в Далмации, по всей вероятности, в составе единой переселенческой волны вместе с аварами и, может быть, ведомые конными отрядами аваров. На первых порах авары считали хорватов своими подданными и властвовали над ними. Однако вскоре хорваты, составившие подавляющую часть населения Далматинской Хорватии и создавшие племенное объединение во главе с архонтом - отцом Порги, восстали против аварского владычества и приобрели независимость. Эти события и были по-разному трактованы

информаторами Константина Багрянородного.

Победу хорватов над аварами историки ориентировочно относят к 20-30-м годам VII в. Ряд исследователей отмечают заинтересованность Византии в союзе с хорватами против главного противника - Аварского каганата. Поэтому не исключено, что византийский император Ираклий (610-641 гг.) оказывал содействие хорватам в их борьбе с аварами. Это и нашло отражение во фразе Константина Багрянородного о расселении хорватов "по воле василевса Ираклия". Ф.Дворник полагает даже, что между Ираклием и хорватами было заключено союзническое соглашение против аваров и датирует его 626 г., когда Константинополь был осажден персами, аварами и славянами [17].

В исторической литературе высказано множество гипотез и догадок относительно локализации места проживания "белых хорватов", откуда вышли далматинские хорваты. Большинство

исследователей помещает эти земли в Чехии, поскольку Константин Багрянородный сообщает, что они проживают "за Багиварией" (Баварией?), "по ту сторону Турции (Венгрии), близ Франгии (Франконии), и граничат со славянами - некрещеными сербами" [18]. Но это - место проживания чешских хорватов, которые были хорошо известны и в Византии, и во Франкском королевстве в X в. Эти хорватские земли, по всей вероятности, ошибочно были приняты византийцами за древний ареал хорватского племени. Уже В.Ягич утверждал, что хорваты не могли прийти в Далмацию из бассейна Лабы, они переселились из более восточных областей, с Вислы и Днестра. Исследователь решительно отвергал существование Великой Хорватии на севере, считая ее фантазией Константина Багрянородного [19].

Вместе с тем, сообщение о Белой (или Великой) Хорватии как древней родины хорватов другими исследователями было признано реальностью. В частности, Л.Нидерле считал, что Великая Хорватия находилась в Прикарпатье. О ее существовании будто бы свидетельствуют и арабские авторы IX-X вв. (славянская область Chordab, Chravat, Chrvat) [20]. В научной литературе предприняты попытки конкретизации сведений о Великой Хорватии. Так, польский исследователь Е.Гачиньский считал, что это хорватское содружество относится ко времени V- VIII вв. и занимало пространство к северу от Карпатских гор, от верховьев Одера на западе до Горыни на востоке. Он допускал, что предводитель аланской дружины Хорват правил этими землями в качестве наместника гуннов и после его смерти образованный от этого антропонима термин "хорваты" вошел в употребление среди местных славян, став их этнонимом [21]. Там же помещали Белую или Великую Хорватию и другие историки. Ф.Дворник расширял ее территорию до верхней Эльбы на западе и до Западного Буга на востоке [22].

Эти гипотетические построения ныне представляют чисто историографический интерес, поскольку не находят никакого подтверждения в археологических материалах. На основании последних можно со всей определенностью утверждать, что хорваты начали свою историю в антской среде, оттуда расселились на запад и, разделившись на несколько групп, осели в разных местностях раннесредневековой славянской территории.

Анализ косвенных свидетельств письменных памятников привел исследователей к выводу о возникновении на рубеже первой и второй трети VII в. в Приморской Далмации племенного союза хорватов [23]. Его центр предположительно находился где-то в районе Цетине и Велебита. В рамках этого политического образования начался процесс консолидации хорватского населения в народность. В исторической литературе высказано мнение о становлении к концу VII в. на основе этого племенного союза раннесредневекового Хорватского государства [24].

Это предположение представляется весьма вероятным. Материалы хорватских могильников VIII - начала IX в.

показывают значительное социальное расслоение общества. Особенно это заметно в некрополях Приморской Далмации, где славяне встретились с позднеантичной культурой. Здесь выявляются и захоронения с дорогим боевым снаряжением, и погребения рядовых дружинников с копьем, боевым топором и стрелами, и малоинвентарные или безынвентарные могилы простых общинников. Особенно богатые могилы содержали золотые изделия византийского происхождения, сирийские и североитальянские произведения из стекла, дорогие украшения. Зашедший довольно далеко процесс социально-имущественной дифференциации - один из существенных показателей становления государственности.

Первые прямые свидетельства о государственном образовании славян в Далматинской Хорватии датируются началом IX в. Князем его был Борна. Первоначально он выступает во Франкских анналах как "князь гудускан", а затем именуется "князем Далмации". Годускане в хорватской литературе называются гачанами и локализируются в бассейне р. Гацки. Очевидно, это было одно из хорватских территориально-племенных новообразований. Борна исследователями отождествляется с названным Константином Багрянородным архонтом, отцом Порги. Термином "архонт" этот автор именует не племенных старейшин, а правителей территориальных формирований (князей). Франкские анналы

сообщают о наличии у Борны княжеской дружины и крепости. Первое Хорватское княжество находилось под верховной властью Франкской империи.

Политическое образование Борны продолжало свое развитие и после его смерти в 821 г. Решением народного собрания (с согласия императора франков) назначается новый правитель, им стал племянник Борны Владислав. К середине IX в. в исторических источниках фигурирует понятие о единой "стране хорватов". В надписи на камне Бранимира, занявшего престол в 70-х годах того же столетия, он именуется "князем хорватов".

Становлению и упрочению Хорватского государства [25] способствовали два обстоятельства. Хорваты, заселив плодородные земли Далмации, очень скоро установили самые тесные контакты с местным романизированным населением. Целый ряд славянских поселений был основан на месте позднеантичных. Раскопки их свидетельствуют о возможном использовании славянами жилых позднеантичных построек [26]. Концентрация старохорватских некрополей в ближайших окрестностях позднеантичных городов Далмации говорит о некотором интересе славянского населения к остаткам римской цивилизации. Археологические раскопки показали присутствие хорватского населения и в самих городах Далмации [27]. Можно полагать, что процент славянского населения в городах Нин, Брибир, Салона, Котор и других постепенно возрастал.

Известно, что в конце VI - первой половине VII в., когда славяне вышли к Адриатическому побережью, прежде "цветущие" позднеантичные города пережили упадок, они аграризируются. Однако уже во второй половине VII в. и особенно в VIII-IX вв., когда ситуация в Далмации стабилизировалась, начинается подъем городской жизни Адриатического Поморья. От античного времени продолжали жить римские дороги, некоторые жилые и сакральные объекты, сохранились и античные топонимы [28]. Хорваты переняли у автохтонного населения элементы домостроения. Хорватские ремесленники использовали наследие римско-византийского мира в ювелирном и косторезном деле [29].

Вторым моментом в процессе укрепления Хорватского государства является принятие хорватами христианской религии при князе Трпимире (ок. 845-864 гг.).

Объединение всех хорватов в едином государстве и упрочнение его привело в формированию древнехорватской народности (рис. 99). Этноним хорваты в

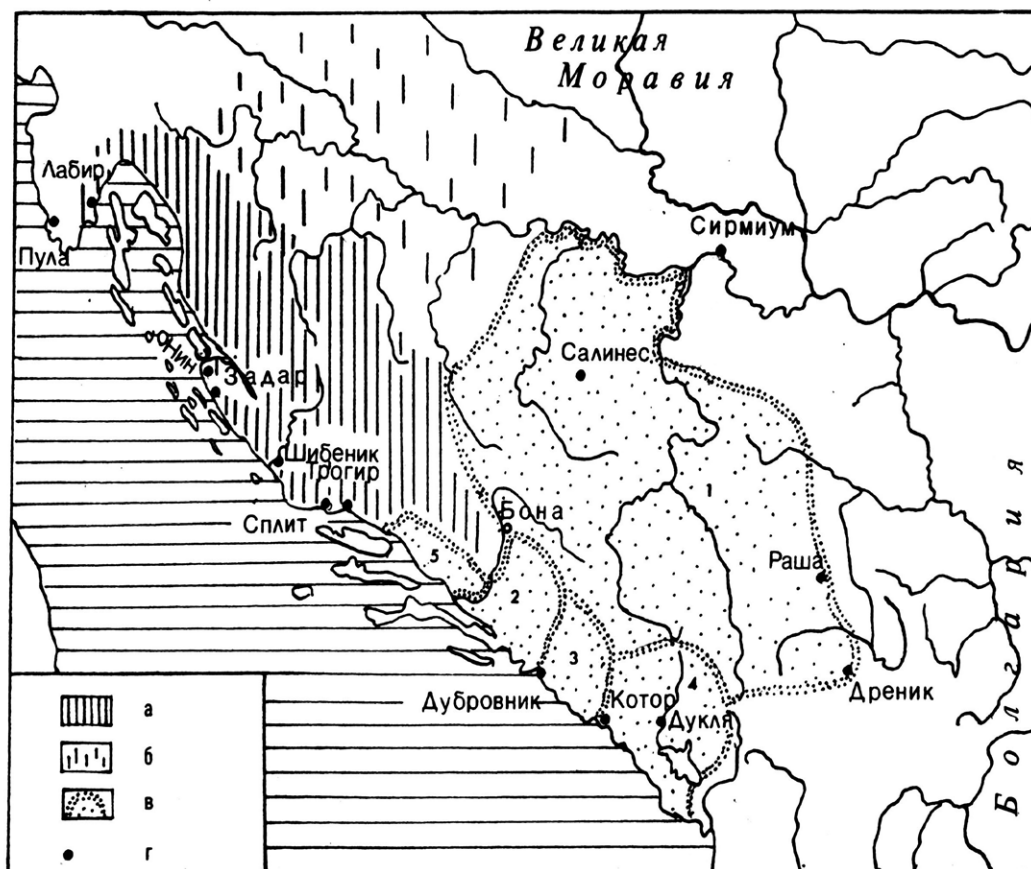

Рис. 99. Ареалы хорватов и сербов:

а - ареал становления хорватской народности; б - Посавская Хорватия; в - области сербов (1 - Сербия; 2 - Захумье; 3 - Травиния; 4 - Дукля; 5 - Пагания); г - основные города

Х- XI вв. употреблялся для обозначения той народности, которая сложилась в Далматинской Хорватии и которая по археологическим данным характеризуется единой культурой, кратко описанной выше. Славяне северных областей, в исторических трудах именуемых Посавской или Паннонской Хорватией и ныне составляющих часть территории Хорватской республики, до XIV-XV вв. не входили в состав древнехорватской народности. В источниках это население называется просто "славяне", а территория - "Славиния" или "Словинье" [30].

1. Kovacevic J. Les Slaves et la population dans L'Illyricum // Berichte uber den II Internationalen Kongress fur Slawische Archaeologie. Bd. II. Berlin, 1973. P. 143-151.
2. Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // Vjesnik Arheoloskog muzeja u Zagrebu. 3 serija. Sv. V. Zagreb, 1971. S. 61-67. О находках керамики пражского типа на территории Югославии см.: Vinski Z. Gibt es slawische Keramik aus der Zeit der sudslawischen Landnahme? // Archaeologia Jugoslavica. 1. Beograd, 1954. S. 71-82; Andelec P. Slavenska keramika sa Crkvine u Narezima kod Capljine // Glasnik Zemaljskog muzeja u Sarajevu. Arheologija. Sv. XIV. Sarajevo, 1959. S. 175-178.
3. Belosevic J. Uber einige Besonderheiten in der Entwicklung der Keramik auf dem Gebiete Dalmatiens // Balcanoslavica. 3. Prilep; Negotin, 1974. S. 161-181; Idem. Zdrijs, Nin -ranosrednjovjekovna nekropola // Arheoloski pregled. 12. Beograd, 1970. S. 156, 157.
4. Marusic B. Prilog poznavanju kasnoantickog Nezakcija // Starohrvatska prosvjeta. Serija III. Sv. 16. Split, 1986. S. 51-76.
5. Marusic B. Slavenskoavarske napadi na Istru u svijetlu arheoloSke grade // Peristila. Pula, 1957. S. 63-69.

6. Marusic B. Nekropole VII. i VIII stoljeca u Istri //Zgodnji srednji vek v Sloveniji. Ljubljana, 1967. S. 25-40; Idem. Nekropole VII. i VIII. stoljeca u Istri //Arheološki vestnik. XVII. Ljubljana, 1967. S. 333-348.
7. Kovacevic J. Avari na Jadranu // Materijali III Simpozijum praistorijska i srednjevekovne sekcije arheoloskog drustva Jugoslavije. Beograd, 1966. S. 53-81; Vinski Z. O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviju s posebnim obzirom na arheolosku ostavstinu iz vremena prvog avarskog kaganata // Opuscula archaeologica. III. Zagreb, 1958. S. 13- 67; Idem. Rani srednji vijek u Jugoslaviji... S. 47-73.
8. Jelovina D. Starohrvatske nekropole na podrucju izmedu rijeka Zrmanje i Cetine. Split, 1976; BeloSevic J. Materijalna kultura Hrvata od VII do IX stoljeca. Zagreb, 1980
9. Jelovina D., Vrsalovic D. Srednjovjekovno groblje na "Begovaci" u selu Biljanima Donjim kod Zadra // Starohrvatska prosvjeta. Serija III. Sv. 11. Split, 1981. S. 55-134.
10. Marusic B. Ranosrednjovjekova nalazista iz Istre // Starohrvatska prosvjeta. Serija III. Sv. 8-9. Split, 1963; Sonje A. Ostaci groblja kod seta Klisti; i jugozapadno od Tinjana // Histria Archaeologica. XI-XII. Pula, 1980-1981. S. 67-88.
11. Marusic B. Staroslovanske in neke zgodnesrednjeveske najdbe v Istre // Arheološki vestnik. VI. Ljubljana, 1955. S. 97-133; Idem. Tri ranosrednjovjekovna nalazista iz Istre // Jadranski zbornik. VI. Rijeka; Pula, 1966. S. 280-294; Idem. Ranosrednjovjekovna nekropola na Vrhu kod Brkaca // Histria Archaeologica. X. Pula, 1979. S. III- 150.
12. Vinski Z. Oruzje na podrucju Starohrvatske drzave do godine 1000 // I. Miedzynarodowy

329

-
13. Kongres archeologii stowianskiej. T. III. Warszawa, 1970. S. 135-158; Idem. O nalazima karolinških maceva u Jugoslaviji // Starohrvatska prosvjeta. Serija III. Sv. 11. Split, 1981. S. 9-53.
 14. BeloSevic B. Materijalna kultura Hrvata... S. 109-115; Marusic B. Povodom nalaza staroslaven-ske keramike u Istri // Starohrvatska prosvjeta. Serija III. Sv. 14. Split, 1984. S. 41-76.
 15. Константин Багрянородный. Об управлении империей (текст, перевод, комментарий). М., 1989.
 16. Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 131.
 17. Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 137.
 18. Constantine Porphyrogenius. De administrando imperio. Vol. II. London, 1962. P. 124.
 19. Константин Багрянородный. Об управлении государством... С. 131 и 135.
 20. Jagic V. Ein Kapitel aus der Geschichte der slawischen Sprachen // Archiv für slavische Philologie. T. XVII. Berlin, 1895. S. 47-87.
 21. Niederle L. Slovanske starozinosti. II. Původ a počátky slovanských. II. Praha, 1910. S. 251- 262.
 22. Gaczynski J. Zarys dziejow plemiennych Malopolski // Rocznik Przemyski. T. XII. Przemyśl, 1968. S. 51-117.
 23. Dvornik F. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949. P. 278; Vlahovi. P. Current theories about the settlement of Slavs in the contemporary Yugoslavian countries and their anthropological conformation // Ethnologica Slavica. T. IV. Bratislava, 1972. P. 25-41.
 24. Historija naroda Jugoslavije. T. 1. Zagreb, 1953. S. 177;
 25. Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. Zagreb, 1971. S. 146-148.
 26. 25. О начальной истории Хорватского государства см.: Бромлей Ю.В. Становление феодализма в Хорватии: К изучению процесса классовообразования у славян. М., 1964; Акимов О.А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. VI-XII вв. М., 1985. С. 219-249
 27. BeloSevic J. Materijalna kultura Hrvata... S. 82.
 28. Batović S. Istraživanje ilirskog naselja u Bribiru // Diadora. Sv. 4. Zadar, 1968. S. 85-90; Idem. Istraživanja liburnskog naselja u Ninu // Diadora. Sv. 5 Zadar, 1970. S. 33-44; Bribir u srednjem vijeku. Split, 1987.
 29. Bostović D. Reflexions sur la reurbanisation medievale du territoire du central des Balkans // Rapports du IIIe Congrès International d'Archeologie Slave. T. 1. Bratislava, 1978. P. 109-115.
 30. Batović Š.; Ostric O. Tragovi ilirske kulturne baštine u narodnoj kulturi našeg primorskog područja // Posebna izdanja. XII. Sarajevo, 1969. S. 245-277; Rapanić Z. Prilog proučavanju kontinuiteta

naseljenosti u salonitanskom ageru u ranom srednjem vijeku // Vjesnik za arheologiju i histor-iju dalmatinsku. Sv. 74. Split, 1980.

31. Истори́ка наро́да Югосла́вије. Т. I. Београд, 1953. С. 168.

О происхождении сербов, расселившихся в западной части Балканского полуострова, сообщает Константин Багрянородный в труде "Об управлении империей". Как считают исследователи этого памятника, при его написании были использованы сведения, содержащиеся в недошедшей до нас "Хронике сербских правителей", датируемой ориентировочно IX-X вв. [1].

Константин Багрянородный пишет, что "...сербы происходят от некрещеных сербов, называемых также "белыми" и живущих по ту сторону Турции в местности, именуемой Воики. С ними граничит Франгия, а также Великая Хорватия, некрещеная, называемая также "Белой". Там-то и живут с самого начала эти сербы. Но когда двое братьев получили от отца власть над Сербией, один из них, взяв половину народа, попросил убежища у Ираклия, василевса ромеев". Далее рассказывается, что первоначально византийский император Ираклий (610-641 гг.) поселил сербов в "феме Фессалоники", но вскоре они решили возвратиться в прежние места проживания. Однако при переправе через Дунай сербы переменили свое намерение и вновь попросили расселить их на землях Империи. "Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров (они ведь изгнали оттуда римлян, живущих в теперешней Далмации и Диррархии), то василевс и поселил означенных сербов в этих странах" [2].

Из этого сообщения следует, что древней землей сербов был регион проживания лужицких сербов по соседству с Франкском государством (Франгией) и Чешской Хорватией. Здесь они проживали единой общностью, а затем поделились на две части, одна из которых осталась на месте, другая была расселена на территории Византийской империи. Однако в следующей главе Константин Багрянородный сообщает, что сербами являются также захлумы, а "... род... архонта захлумов, прибыл от некрещеных поселенцев на реке Висле (их называют личики) и поселился на реке, именуемой Захлума" [3].

Эта информация Константина послужила основой для целого ряда гипотетических построений. Согласно мнению одних исследователей, прародина балканских сербов действительно находилась в регионе Эльбы-Заале [4]. Другие полагают, что древней территорией сербов были земли в верховьях Вислы и Одера [5]. Третья группа историков допускает, что прародина сербов и хорватов включала земли от Эльбы-Заале до верхней Вислы [6].

Археологические материалы не позволяют согласиться ни с одной из этих догадок, и можно присоединиться к мысли,

высказанной Л.Нидерле, о том, что каких-либо доказательств существования Великой Сербии нет и весьма вероятно, что Константин создал северную Великую Сербию лишь как *folii* к традиции о Великой Хорватии [7].

На основании археологических данных, изложенных выше, можно полагать, что балканские сербы, как и сорбы на Эльбе, были частью праславянского племени, некогда проживавшего в Северном Причерноморье и получившего имя в условиях славяно-иранского симбиоза. Импульсом миграции сербов на запад стало, надо полагать, аварское нашествие. По-видимому, они оказались включенными в мощный миграционный поток, направившийся в Среднедунайский регион. Одна из групп сербов - будущие лужицкие сорбы - прежде чем осесть на Эльбе-Заале, некоторое время, очевидно, проживала где-то на среднем Дунае. Здесь сербами были восприняты некоторые элементы среднедунайской культуры (рюсенская керамика и строительство городищ с каменными стенами), ставшие характерными для сербского региона Эльбы-Заале. В западные земли Балканского полуострова сербы прошли, очевидно, не задерживаясь на Дунае, непосредственно с первой аварской миграционной волной.

Области Балканского полуострова, где в первых десятилетиях VII в. расселились сербские племена, по всей вероятности, действительно сильно пострадали от аварских вторжений. Памятников археологии, непосредственно предшествующих сербскому расселению, в этих землях известно крайне мало. Одним из таковых является могильник Михалевици в Боснии, раскопками которого открыта группа погребений конца V - VI в. Это труположения с ориентацией запад - восток или север - юг, с остроготскими фибулами, германскими аграфами и различными вещевыми находками позднеантичной культуры. Погребения, как считают исследователи, принадлежат местной романизированной популяции и остаткам остроготов [8]. Прежнее романизированное население (влахи поздних источников) сохранилось в древнем сербском регионе, нужно полагать, лишь небольшими островками.

Немногочисленным было и славянское население, расселившееся в этих землях в предшествующее время. Единичны и ранние памятники аваров (рис. 97).

Основным затруднением изучения процесса расселения сербских племен на Балканах является то, что древности этого времени пока трудно улавливаются археологическими методами [9]. Достаточно хорошо изучены лишь памятники VI-VIII вв. Сербского Подунавья [10], которое было заселено тимочанами и другими славянскими (несербскими) племенными образованиями. Эта территория была одно время частью ареала аварской культуры, позднее - окраиной белобрдовской культуры. Политически область тимочан входила в состав Первого Болгарского государства. Кстати отмечу, что древности тимочан не имеют каких-либо этнографических маркеров. Тимочане - не древнее праславянское племя, а территориальное новообразование разнородного славянского населения, осевшего в бассейне реки Тимока и получившего имя по этому гидрониму.

Сербские племена первоначально освоили более южные земли Балканского полуострова. Согласно информации Константина Багрянородного, сербы расселились на довольно значительной территории, освоив не только внутренние районы Сербии и Боснии, но и области, прилегающие к Адриатическому морю, известные по источникам X в., - Травунию, Паганию и Захлумье. Историки полагают, что во второй трети VII в. в этом регионе возникло крупное сербское племенное образование. Из отдельных сербских племен в источниках называются лишь личики. Некоторое представление об этом политическом объединении сербов дает рассказ Павла Диакона о крупном походе славян в 662 г. против лангобардов Южной Италии. Славяне на

"множестве кораблей" пересекли Адриатическое море и достигли города Сипонта. По-видимому, эта военная операция была организована Византией. Вполне очевидно, что сербский союз имел провизантийскую направленность. По словам Константина Багрянородного, сербы приняли христианство уже при императоре Ираклии.

Во "Франкских анналах" в информации о событиях начала IX в. сербы фигурируют как особая народность, занимающая значительную часть Далмации (в античном понимании - от побережья Адриатического моря до Савы). Вряд ли эта народность является результатом консолидации различных славянских племен и остатков местного романизированного населения в западнобалканском регионе. По всей вероятности, основа сербского этноса восходит к антскому времени. Расселившись на Балканах, сербские племена (может быть, численно преобладающие по сравнению с прочими племенами) стали цементирующим элементом в этнических процессах, протекавших в рассматриваемом регионе.

По свидетельству Константина Багрянородного, в 20-х годах IX в. "оказались независимыми и самовластными, никому не подчиненными" сербы, захлумы, диоклетианы и тервунюты. По всей видимости, в это время в сербской среде сложилась система государственных образований (рис. 99). "Княжество (архонтия) Дукля (в греческих источниках - Диоклея) включало часть Южной Далмации и прилегавших к ней внутренних районов до Котора. К северо-западу от Дукли по Адриатическому побережью простиралась архонтия Тервуня (Травуня), включавшая местности вплоть до Рагузы

(Дубровника). Между Рагузой и р. Неретвой было расположено Захумское княжество (архонтия Захлумов), а далее к северо-западу (между Неретвой и Цетиной) располагалась Пагания (Арентания). Наконец, во внутренних районах Балканского полуострова, примыкая с востока к названным приморским княжествам, находилось княжество сербов, или так называемая крещеная Сербия..." [11].

Наличие самостоятельных государственных образований не помешало становлению раннесредневековой сербской народности. Это еще раз свидетельствует о том, что основа сербского этноса сформировалась еще в праславянский период. Проследивая формирование этнического самосознания сербов в раннем средневековье, Е.П.Наумов показал, что в IX-X вв. имелось два уровня именованья сербского населения. Один из них отражал политико-территориальную принадлежность (дукляне и т.п.), второй - это общее наименование "сербов", потомков первых поселенцев на Балканах. Начиная с XI столетия локальные наименования постепенно выходят из употребления, преобладающим становится единый этноним - "сербы" [12].

В VIII-IX вв. на территории расселения сербского этноса складывается довольно однообразная культура, известная в основном по погребальным памятникам. Это грунтовые могильники, обычно включающие многие десятки и сотни захоронений по обряду трупоположения с широтной ориентацией. Обряд кремации не зафиксирован вовсе. Предполагается, что господство трупоположений в Сербии обусловлено влиянием христианской религии. Воздействие последней на похоронную обрядность рассматриваемого времени несомненно. Вместе с тем, следует полагать, что ритуал ингумации был принесен сербскими племенами из своих прежних мест проживания. Раннесредневековые сербские кладбища функционировали продолжительное время, некоторые - до XIV-XV вв. включительно. Часть их находится при церквях, но погребения еще содержат вещевые находки, отражающие языческое наследие.

История изучения сербских могильников рассматриваемого периода с краткой характеристикой важнейших из них отражена в двух работах Г.Марьянович-Вуевич [13]. Монографических изданий отдельных сравнительно полно исследованных

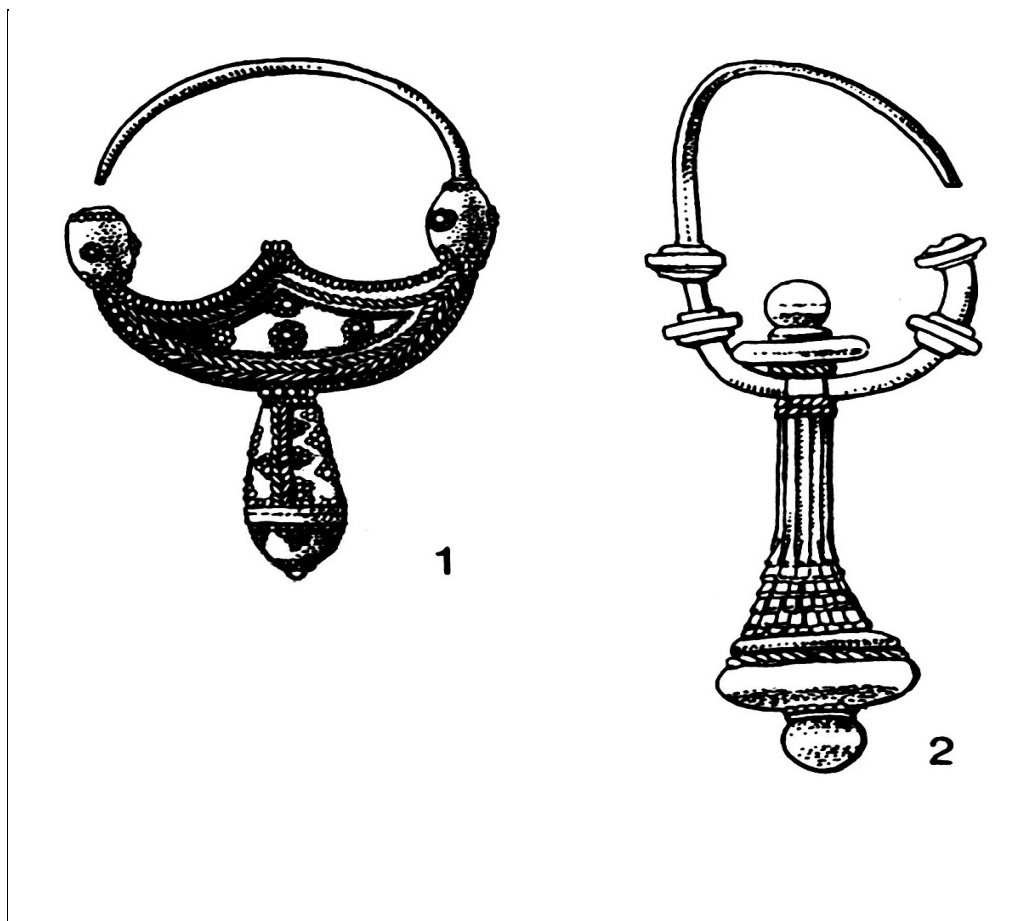

Рис. 100. Серьги из могильников сербов 1 - Мачванска Митровица; 2 - Браничево

памятников немного [14].

Наиболее ранние могильники Сербии известны преимущественно в Подунавье. Так, в могильнике у с. Грабовица в местности Позаймиште открыто 26 захоронений IX-X вв., в которых найдены гроздевидные серьги [15]. Разрушенный некрополь, из которого происходят вещи VIII-XII вв., зафиксирован в Брестовике в районе Белграда. Могильники, первые захоронения которых датируются VIII-IX вв., выявлены и в ряде других мест Сербского Подунавья [16].

Более многочисленную группу составляют некрополи, основанные в IX-X вв. Они известны уже на всей сербской территории [17]. Погребальный обряд во всех этих памятниках довольно стандартен. Умерших погребали в прямоугольные ямы с несколько закругленными углами, на спине, головой на запад (с сезонными отклонениями). Нередко погребенные обкладывались камнями или стенки могильных ям обставлялись крупными каменными плитами. Исследователи памятников считают этот элемент обрядности античным наследием. В некоторых могильниках сербов имелись и каменные саркофаги с двускатным перекрытием, явно отражающие позднеантичное наследие [18]. В похоронном ритуале сербских некрополей отмечены и некоторые другие особенности, часть которых восходит к славянскому язычеству. Обстоятельная характеристика обрядности по данным могильников XI-XII вв. приведена в специальной статье Г.Марьянович-Вуевич [19].

В захоронениях раннесредневековых могильников обнаружено множество вещевых находок. Женские погребения нередко сопровождаются различными украшениями. Для IX-X вв. характерны бронзовые и серебряные серьги с четырьмя биконическими или ягодообразными утолщениями, из которых два надеты на проволоочный стержень, а два других выступают за пределы проволоочного основания; гроздевидные гранулированные и серповидные серьги с привесками (рис. 100); перстни простейших типов и небольшие ожерелья из пастовых бус.

Большинство украшений из погребений XI-XII вв. принадлежит к изделиям массового ремесленного производства [20]. Широкое распространение получили проволочные височные кольца небольшого диаметра. Большая часть их имеет сомкнутые концы, но в сравнительно небольшом числе захоронений есть и эсоконечные кольца. Широко бытуют проволочные однобусинные серьги. Бусы чаще имеют биконическую форму, реже ягодообразную. Они обычно орнаментировались зернью или псевдозернью (рис. 101). Шейные ожерелья включали разнообразные бусы и иногда дополнялись привесками - бубенчиками, крестиками. В ряде погребений встречены браслеты - пластинчатые или витые из трех или четырех

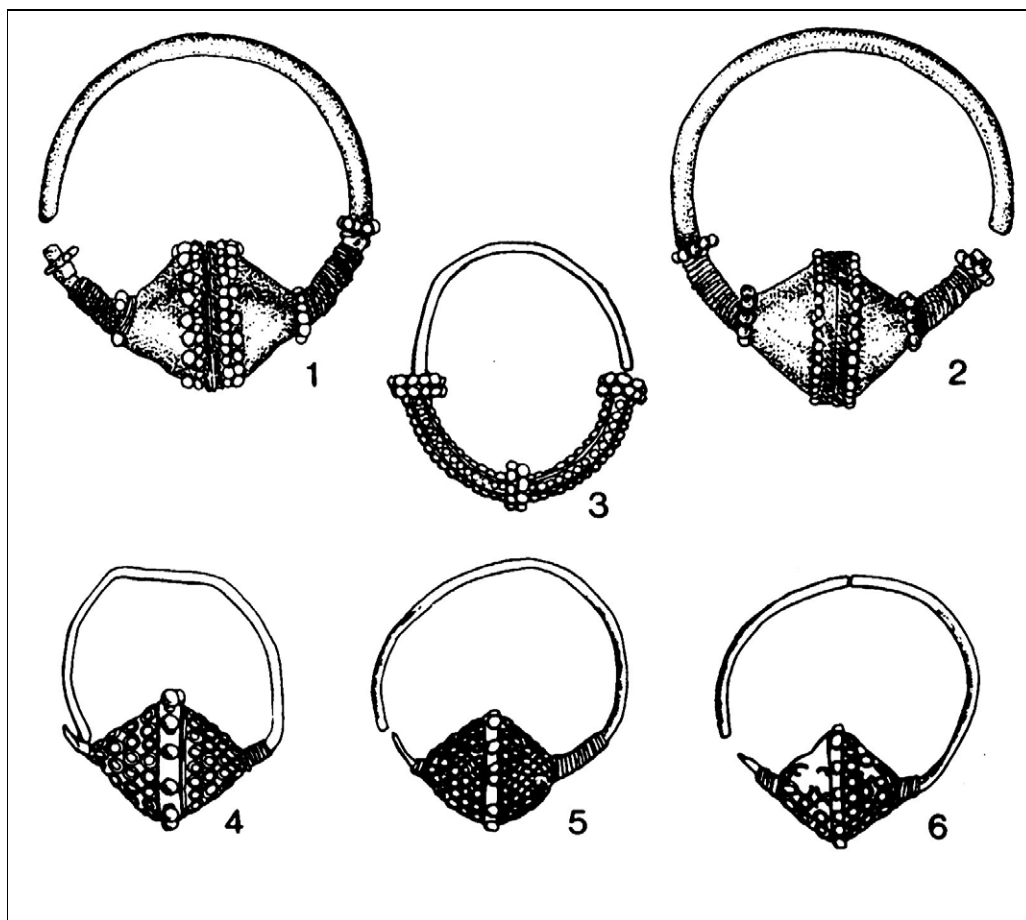

Рис. 101. Серьги из могильников сербов: 1, 2 - Винча: 3-6 - Трняне

проволок. Очень частой находкой являются перстни - проволочные, пластинчатые и печатные. В мужских могилах изредка присутствуют железные и бронзовые пряжки, железные ножи, кресала. Как мужские, так и женские захоронения иногда сопровождалась глиняными сосудами [21].

Ювелирное ремесло сербов развивалось на основе позднеантичного наследия в условиях влияния со стороны византийских мастеров [22]. Византийское влияние проявляется и в других элементах сербской культуры, в том числе и в керамическом производстве.

Поселениями сербов в VIII-XI вв. были селища с наземными и полужемляночными постройками срубной и каркасно-столбовой техники. Сербское население нередко селилось на сохранившихся или разрушенных поселениях местного позднеантичного населения, при этом использовались прежние постройки. Наследием античного и римского времени были города и крепости, постепенно пополняемые славянским населением. Такие античные города, как Sirmium (Сремска Митровица),

Singedunum (Белград), Romuliana (Гамзиград), Viminacium и другие, стали славянскими. Согласно изысканиям П.Мийовича, в регионе Дукля первый этап славянского освоения этих земель не оставил никаких следов в городской культуре. Только начиная с IX в. в городах появляется славянский этнический компонент, который со временем становится решающим [23].

Завершение формирования сербской народности, включившей в себя не только потомков всех сербских племен, но

также тимочан и разноплеменное славянское население поречья Дуная, относится уже ко времени Сербского государства Неманичей [24].

1. Острогорски Г. Порфиригенитова хроника српских владара и њени хронолошки подаци // Сабрана дела Георгџа Острогорског. Кн. 4. Београд, 1970. С. 79-86.

2. Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М., 1989. С. 141.

3. Константин Багрянородный. Об управлении империей... С. 149 и 151.

4. Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh. // Beitrage zur byzantinischen Geschichte im 9.-11. Jahrhundert. Praha, 1978. S. 441-462.

5. История Црне Горе. Кн. 1. Титоград, 1967. С. 292, 293; Vlahovic P. Current theories about the settlement of Slavs in the contemporary Yugoslavian countries and their anthropological confirmation // Ethnologica slavica. Т. IV. Bratislava, 1972. P. 25-41.

6. Новакови Р. Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво. Београд, 1978. С. 362-387.

7. Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 78.

8. Epoque prchistorique et protohistorique en Yougoslavie. Recherches et resultats. Beograd, 1971. P. 55, 56.

9. Ljubinkovic M. Problemi arheoloskih istrazivanja VI-VII veka u Jugoslaviji, sa posebnim osvrtom na probleme slovcnske arheologije // Materijali III. Simpozijum praistorijske i srednjevekovne sekcije ArheoloSkog drustva Jugoslavije. Beograd, 1966. S. 83-99.

10. Јанкович М. и Б. Словени у Југословенском Подунављу. Београд, 1990. Здесь небольшим раскопкам подвергнуты были не только могильники, но и поселения VII-VIII вв., на которых открыты следы наземных и полужемляночных жилищ с печами в углу (селища Кула у с. Михайловац, Велесница, Слатина и другие).

11. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 187.

12. Развитие этнического самосознания... С. 190, 191.

13. Марјанович-Вујович Г. Прилог проуавану историјата истраживања средњовековних некропола у Србији // Старинар. Кн. XXXVI. Београд, 1986. С. 105-113; Она же. Средњовековне некрополе у Србији евидентирани кроз археолошка ископавања // Старинар. Кн. XXXVII. Београд, 1987. С. 191-207.

14. Марајнович-Вујович Г. Трњане. Српска некропола (Крај - почетак века). Београд, 1984;

15. Ерцегович-Павлович С. Грабовица. Рано-средњовековно насеље // Бердапске свеске. III. Београд, 1986. С. 346-361.
16. Јанкович М. и Б. Словени у Зугословенском Подунављу...
17. Археолошки споменици и налазишта у Срби-ЈН. I. Западна Србија. Београд 1953; II. Централна СрбНЈа. 1956; Милетич Н. Словенска некропола у Гџомјаници код Приједора // Гласник Земалског музеја Босне и Херцеговине. XXI- XXII. Сарајево, 1967; Он же. Словенска некропола у Маховљанима код Банја Луке // Там же. XXXIV. 1980.
18. Minih D. La site d'habitation medieval de Macvanska Mitrovica // Sirmium. XI. Beograd, 1980.
19. Marjanovic-Vujovic G. Burial Rite in Necropolises of 11th-12th Century in territory of Serbia // Balcanoslavica. 9. Prilep, 1986.
20. Радојковић Б. Накит код Срба. Београд, 1969; Накит на тлу Србснје из средњовековних некро-пола од IX-XV века. Београд, 1982.
21. Мини Д. Керамичке посуде као гробни прилози на средњовековним некрополама у Србији // Годишњак града Београда. Београд, 1978.
22. Corovid-Ljubinkovid M. Les influences de l'orfevrerie Byzantine sur la parure de luxe Slave du IXe au XIIe siecles // Actes du XII-e Congres International des Etudes Byzantines. T. III. Beograd, 1964. P. 35-39.
23. Мийовић П. Проблеми истраживања славјанских градова у Црногорији // Rapports du III-e Congres International d'Archeologie Slave. T. 2. Bratislava, 1980. С. 269-275.
24. Тчиpкович С. Образоваје српске државе. Београд, 1983; Наумов Е.П. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 189-218.

Земли Македонии, как отмечалось в первой части настоящего труда, были освоены славянами в VI-VII вв. Археологические материалы этого времени здесь весьма скромны. Это в основном находки антских фибул, зафиксированные пока в трех пунктах [1], и предположительно погребение могильнике при с. Радолиште в регионе Струга. Последнее было открыто на кладбище IX-XII вв. при раннехристианской базилике.

Труположение имело западную ориентацию, при нем найдены две серебряные серьги, орнаментированные "наростами", бронзовая гривна, фибула и обломок бусины, позволяющие датировать могилу временем Великой славянской миграции [2]. К VI-VIII вв. предположительно относятся два поселения в окрестностях Прилепа (рис. 102).

В византийском агиографическом сочинении "Чудеса святого Димитрия", написанном в 80-х годах VII в., рассказывается, что в 685 г. Кувер (предполагаемый брат Аспаруха) вместе со своей протоболгарской дружиной в качестве федерата Византийской империи поселился на Керамисийском поле (округа Прилепа и Битолы). Эта информация стала основанием для предположения о расселении на территории Македонии протоболгарского этнического элемента. Исследователи в этой связи считают, что в этом регионе протекали такие же этнические процессы, как и в Болгарии, и они привели к оформлению болгарской народности на широкой территории от Охридского озера до Черноморского побережья [3].

Однако археологические материалы, которые бы как-то подтверждали эту гипотезу, полностью отсутствуют. В Охридском регионе не было протоболгарского населения. Здесь нет ни протоболгарских памятников, ни древностей балкано-дунайской культуры, получившей бытование в период славяно-протоболгарского симбиоза. Следует согласиться с теми исследователями, которые на основании исторических данных склонны полагать, что протоболгары Кувера были сравнительно малочисленны. Они не составляли даже основной массы дружины Кувера, поэтому их роль ни в политическом, ни в этногенетическом планах никак не может быть сопоставлена с ситуацией в регионе Плиски - Преслава [4].

Славянское население, осевшее в регионе Охридского озера, по-видимому, не составляло племенного единства. Островками сохранилось здесь и романизированное иллирийское население, которое включилось в общий этногенетический процесс. Потрясенная миграционными волнами жизнь постепенно стабилизировалась. К началу IX в. в округе Охридского озера славянское население было уже доминирующим. Тогда и складывается однородная культура, известная, преж-

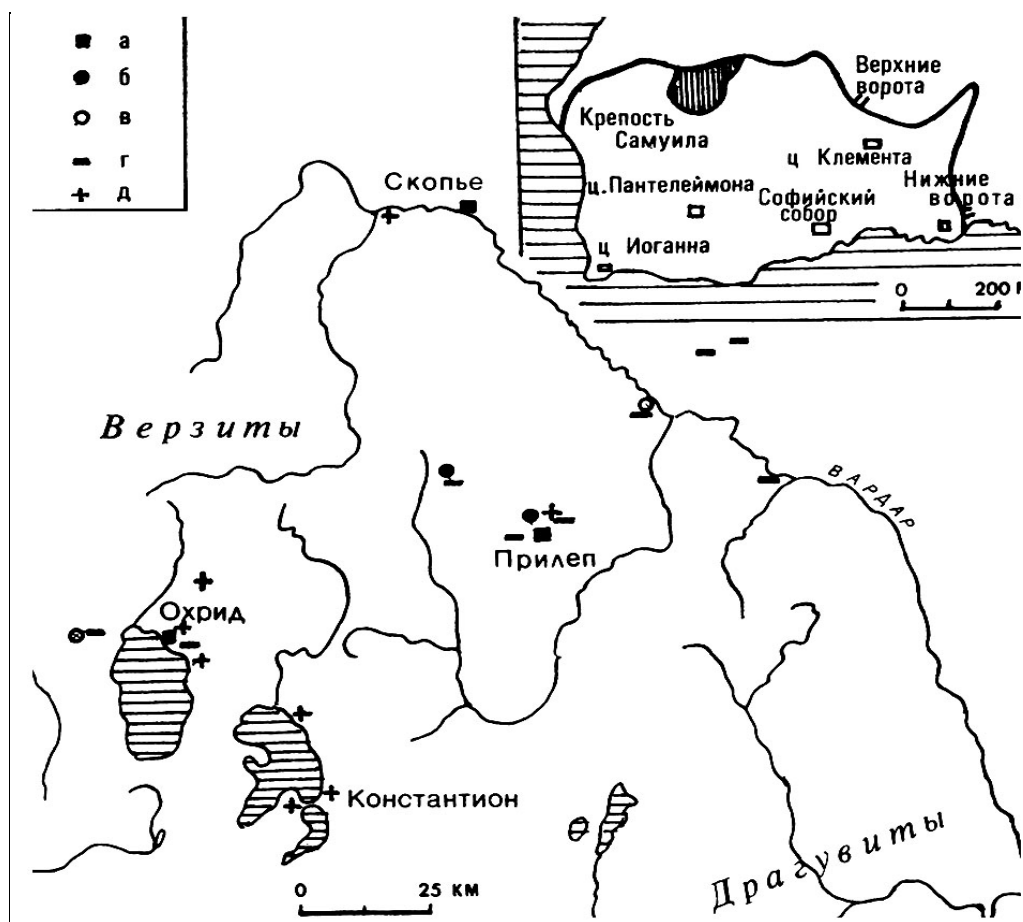

Рис. 102. Охрид и его округа в начале средневековья: а - города; б - поселения VI-VIII вв.; в - могильники VI-вв.; д - церкви IX-X вв.; г - могильники IX-X вв. На врезке: план Охрида периода Самуила -VIII вв.

де всего, по раскопочным исследованиям некрополей, расположенным в основном при христианских храмах.

Одним из таковых является могильник Демир Капия, находящийся недалеко от впадения р. Бошаве в Вардар. Раскопками вскрыто свыше 500 могил. Для захоронений в ряде случаев были устроены из

каменных плит ящикообразные гробы с перекрытиями. Ориентировка умерших западная. При трупоположениях найдено множество вещевых находок, преимущественно женских украшений. Многочисленны серьги, принадлежащие к нескольким типам - проволочные простые, с утолщениями, одно-, двух- или трехбусинные, с привесками, в виде вопросительного знака. Реже встречаются колты. Самым распространенным украшением были перстни разных типов. Немало встречено также браслетов, среди которых преобладают пластинчатые с различными геометрическими узорами. Христианские крестики единичны. В сравнительно немногих погребениях найдены глиняные сосуды, железные ножи, глиняные пряслица, рыболовные крючки и грузила, наконечник стрелы и несколько пряжек. Аналогичные могильники исследовались и в других местах Македонии. Они датируются IX-X или XI-XII вв., а некоторые из них содержат и захоронения XIII-XIV вв. [5].

Обстоятельная характеристика материальной культуры X-XIV вв. славянского населения региона

Прилепа сделана в монографии Б.Бабица [6]. Установляется, что славянская культура этих земель формировалась в значительной степени за счет усвоения и развития позднеантичного наследия. Это касается не только изделий ремесленного производства, но также домостроительства и фортификации.

Охрид - важнейший городской центр рассматриваемого региона - как поселение был основан еще в III в. до н.э. (Desaretia, греч. Lychnidos). Уже в III в. н.э. здесь распространилось христианство. В V столетии основана епископия. В V-VI вв. Лихнидос был сильно укрепленным городом Византии. Славянское поселение Охрид было основано на месте этого византийского города, жители которого в значительной степени погибли во время эпидемии VI в. К VII в. принадлежит славянское городище - одно из укрепленных поселений племени берзитов.

В IX в. начинается период расцвета жизни Охрида. В первой половине этого столетия в результате активной расширительной деятельности Болгарии Македония была поглощена этой державой. Как полагают исследователи, присоединение Македонии с ее преобладающим славянским населением ускорило процесс славизации протоболгар и способствовало распространению христианской религии в коренных землях Болгарии. С другой стороны, христианство стало мощным импульсом развития Охрида и его культуры. В 886 г. первые просветители славянства - Кирилл и Мефодий - вынуждены были покинуть Великую Моравию и нашли прием при дворе болгарского царя Бориса. В Охриде началось строительство христианских храмов. Уже в правление Бориса возводится базилика - кафедральный собор святой Софии. Неподалеку от Охрида в 886 г. основывается Охридская школа просвещения и литературы. Ее преподавателем был продолжатель дела Кирилла и Мефодия - известный славянский просветитель Западной Болгарии Климент Охридский (ум. 916 г.). Им основан в Охриде Пантелеймонов монастырь, отстраиваются и другие церкви. В 893 г. Климент Охридский стал первым епископом-славянином. С его именем связывают создание славянского алфавита кириллицы.

В последующие годы X в. Охрид оставался крупным центром славянской культуры и просвещения. При царе Самуиле в северной части города возводится внутренняя крепость, а все поселение обносится крепостной стеной с двумя воротами (рис. 102, врезка).

С этого времени начинается история раннесредневековых городов Македонии, археологическое изучение которых находится на ранней стадии [7]. Грады - небольшие укрепленные поселения Македонии, бывшие и административными центрами, и резиденциями властителей, и военными крепостями - относятся к периоду IX-XIV вв. [8].

1. Babic B. Die Erforschung der altslawischen Kultur in der SR Mazedonien // Zeitschrift für Archäologie. 10/1. Berlin, 1976. S. 59-73.

2. Aleksova B. Prosek - Dcmir kapija. Slovenska nekropola i slovenske nekropole u Makedoniji. T. 1. Skopje; Београд, 1966. S. 80.

3. Ангелов Д. Образување на българската народност. София, 1971. С. 208.

4. Литаврин Г.Г. Формирование и развитие Болгарского раннефеодального государства (Конец VI-начало VII в.) // Раннефеодальные государства на Балканах. VI-XII вв.. М., 1985. С. 150, 151.

5. Aleksova B. Prosek - Dcmir kapija...

6. Бабиц Б. Материјалната култура на македонските словени во светлината на археолошките истражувања во Прилеп. Прилог за историјата на културата на македонскиот народ. Прилеп, 1986.

7. Дероко А. Средневековни градови у Србији, Црној Гори и Македонији. Београд, 1951; Корнаков Л. Локациј и функција на сакралните објекти во средновековните градови во Социалистична

республика Македонка // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 2а. М., 1987. С. 145-156; Trajkovski K. Srednovekovniot grad Morodvis vo Makedonija // Там же. Т. III. Вып. 16. С. 89-93.

8. Tomoski T. Entwurf einer Karte von Burgen in Makedonien // Balkanoslavica. 11-12. Prilcp, 1984-1985. S. 33-45.

Какого-либо праславянского племени, которое можно было бы назвать прапольским, ставшим основой формирования древнепольской народности, как показывают археологические материалы, не существовало. В начале средневековья территория, где позднее сложилась эта народность, была заселена племенами двух праславянских образований - суковско-дзедзицкой и пражско-корчакской (рис. 103).

Суковско-дзедзицкий ареал членился на две зоны. Первую составляли коренные земли славян, в римское время входившие в область распространения пшеворской культуры. Вновь освоенные суковско-дзедзицкими славянами земли Польского Поморья образовывали вторую зону. Известные по письменным источникам племена суковско-дзедзицкого ареала были кратко охарактеризованы выше.

В южнопольских землях, основу славянского населения которых составляли потомки племен пражско-корчакской культуры, историческими источниками засвидетельствовано одно крупное образование племенного характера - висляне. Археология не выявляет в их ареале каких-либо элементов, свидетельствовавших бы об этнографическом своеобразии этого формирования. Очевидно, это было территориальное новообразование средневековой поры, включившее в себя разрозненные группы славянского населения, сохранившегося в Верхнем Повисленьи после великой миграции славян. Название этого образования (этноним образован от названия реки Вислы) подтверждает данное предположение.

Южнопольские племена ранее других попали в поле зрения средневековых авторов, что обусловлено их связью с историей Великоморавской державы. Достоверно устанавливается, что в IX в. существовало княжество вислян. Это политическое образование Верхнего Повисленья (Vuisłani) упомянуто "Баварским географом". Допустимо предположение, что это был племенной союз, включивший в себя все славянские земли Висленского Прикарпатья. Около 875-876 гг. великоморавский князь Святоплук подчинил себе княжество вислян. В Паннонском житии Мефодия об этом событии сообщается:

"Поганьскъ князь сильнъ вельми, седя въ Вислех, ругашеся християном и пакости деяше" [1]. Некоторые исследователи интерпретируют это сообщение как свидетельство существования в Верхнем Повисленьи в предвеликоморавское время мощного государственного образования. Вряд ли это так. Но, по-видимому, следует согласиться с теми историками, которые считают, что Верхнее Повисленьи в IX в. было первым очагом зарождения государственности на территории Польши. В конце IX в. английский король Альфред Великий писал: "А к востоку от Моравии находится страна Вислян (Visleland), к востоку от нее - Дакия" [2]. Очевидно, в представлении западных ев-

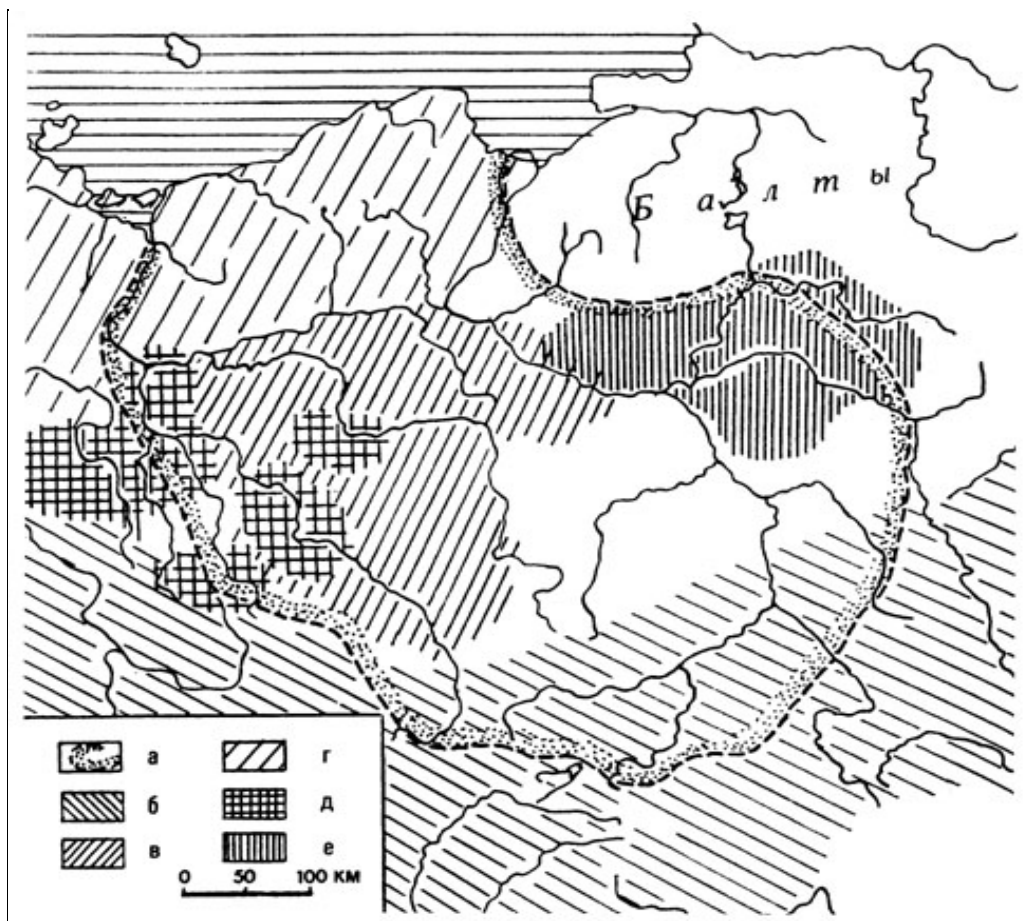

Рис. 103. Праславянские племенные группы и ареал становления польской народности: а - приблизительная граница ареала средневековой польской народности; б - ареал пражско-корчакской культуры; в - коренная область суковско-дзедзицкой культуры; г - области, освоенные суковско-дзедзицкими племенами в начале средневековья и несколько позднее носителями фельдбергских (голанчских) древностей; д - регионы торновской культуры; е - ареал мазовшан

ропейцев область верхней Вислы, как и Великая Моравия, была самостоятельным политическим образованием. Во второй половине X в. княжество вислян оказалось в зависимости от Чешского государства. Славянское население Верхневисленского края, Моравии и Чехии принадлежало к единой праславянской (праж-

ско-корчакской) группировке, что, возможно, в некоторой степени способствовало объединительным тенденциям этих земель.

Первые небольшие укрепленные поселения в земле вислян появляются в VIII в. В следующем столетии в этом регионе возникают уже крупные грады, которые рассматриваются исследователями как показатель становления больших племенных княжений. Племенным центром вислян был Краков - "грод" на Висле. Археологически он пока не изучен, но в пользу этого положения говорят концентрация в округе Кракова поселений раннего средневековья и огромный курган Крака, легендарного основателя этого города.

В "Хронике" Галла Анонима, написанной в начале XII в., рассказывается, что после гибели в Крушвице у озера Гопло князя Попель князем в Гнезно стал Семовит, сын крестьянина Пяста [3]. Его сыном был Лестько, внуком - Семомысл, а правнуком - Мешко I - первый польский князь, достоверно зафиксированный рядом письменных памятников. Высказывалось мнение о том, что названные Галлом Анонимом предки Мешко являлись легендарными личностями, но в настоящее время большинство историков видит в них реальных исторических персонажей. Если это действительно так, то Семовит - основатель династии Пястов - княжил примерно в последней трети IX в. [4] и, следовательно, княжество полян восходит к этому столетию и существовало параллельно Висленскому политическому образованию.

Археологические изыскания показывают, что Гнезно с середины IX в. был уже сильно укрепленным градом, который мог быть центром большого племенного княжества полян [5]. Основан он был на так называемой горе Лежа еще в конце VIII в. В следующем столетии поселение имело трехчастную структуру: укрепленный "град", защищенное валом предградье и открытое селение (подградье). Раскопками фиксируются следы ремесленной деятельности. В середине X в. вал "града" реконструируется и становится более мощным, защищается валом и подградье. Вокруг разрастаются открытые поселки, некоторые из которых имели торговый характер. Очевидно, что это был уже сформировавшийся раннесредневековый город.

Большой интерес представляет конструкция гнезненских валов X в. Их основу составляли многоярусные накаты бревен. Внизу они клались накатом вдоль вала, выше - поперек вала. Накаты крепились бревнами с мощными суками-крюками (хаковое крепление). Жилищами Гнезно, как и других поселений Великопольши, были наземные постройки срубной, реже столбовой конструкции, продолжавшие традиции местного домостроительства. Глиняная посуда рассматриваемого периода изготавливалась уже на гончарном круге.

Кроме Гнезно в земле полян имелось еще два крупных центра - Крушвица и Познань [6]. Помимо того, в земле полян известно множество небольших "городов", значительная часть которых имела чисто оборонительные функции. Некоторые из них были мелкими административными центрами, часть выполняла функции языческих центров.

Когда и при каких условиях сложилось племенное княжество слензян, сказать трудно. Не исключено, что такового и не было. В X в., когда Силезия на какое-то время вошла в состав Чехии, судя по учредительной грамоте Пражского епископства, в состав слензян входили ополяне, дедошане и бобряне. На этом основании иногда делается предположение о существовании племенного союза слензян. Однако какого-либо подтверждения этой догадке историки не находят.

Одним из интереснейших поселений этого региона является Ополе. Оно было основано в VIII в. на островке между руслами Одера. В X в. Ополе было уже сильно укрепленным поселением. Оно было окружено высоким валом, а внутренняя площадка, как показали раскоп-

ки, была плотно застроена наземными жилищами. Постройки располагались и за пределами валов. Начиная с X в. улицы Ополе имели деревянное замощение. Установлено, что на поселении жили и трудились ремесленники разных специальностей [7]. Общий обзор изучения поселений различных типов и их эволюции в ареале слензян сделан Е.Лодовским [8].

В Польском Поморье образовалось два племенных княжения - Западнопоморское с центром в Щецине и Восточнопоморское с Гданьском во главе. Раннесредневековое поселение в Щецине было основано в VIII в. на месте селения лужицкой культуры. В первой половине IX в. это был укрепленный "град" с подгородьем, где проживало торгово-ремесленное население и рыбаки. В XI-XII вв. ремесленно-торговое предградье быстро разрастается, к концу этого периода город насчитывал 5-10 тысяч жителей [9].

Наиболее яркие данные для изучения периода, предшествующего становлению городской жизни, дали раскопные изыскания в Волине [10]. В VIII-IX вв. на острове при р. Дзивне существовало еще неукрепленное поселение. Во второй половине IX в. были сооружены оборонительные валы и поселение получило регулярную застройку. Исследователи считают, что это был центр волинян - одного и поморских племен. В X в. при граде разрастается неукрепленный посад. Во второй половине X - XI в. Волин стал одним из крупных славянских городов на Балтике. Об этом свидетельствует Адам Бременский. Раскопками зафиксированы следы большой ремесленной деятельности (косторезное дело, стеклоделие, обработка янтаря и др.). Начиная с X в. Волин активно участвовал в балтийской торговле. Одновременно Волин был одним из культовых мест балтийских славян. В результате раскопок была найдена серия находок, характеризующая разные стороны славянского язычества.

В исторической литературе обсуждается вопрос о местоположении племени лендзян (Lendizi "Географа Баварского", Lenzeninoi Константина Багрянородного). Многие исследователи полагают, что это племя должно быть локализовано в районе Сандомирской возвышенности, и Г.Ловмянский попытался обосновать эту догадку [11]. Другие авторы, в частности К.Тыменецкий, возражают против такой локализации, полагая, что лендзяне были племенем Великопольши, в пользу чего свидетельствует сосредоточие здесь топонимов, созвучных с этим этнонимом [12].

Еще А.А.Шахматов обратил внимание на взаимосвязь форм *ляхь* и *ляд*- в названии Польши Лядская (Ляшская) земля. В настоящее время не подлежит сомнению, что этнонимы *ляхи* и *лендзяне* генетически связаны между собой. Есть все основания полагать, что первоначально эти этнонимы были однозначны. Следовательно, лендзяне "Баварского географа" должны быть равноценны ляхам "Повести временных лет". Русская летопись к ляхам относит польских полян, поморян, лютичей, мазовшан и славян, которые "седоша по Висле". Следовательно, ляхи, как отмечалось выше, - общее название потомков праславянских племен, представленных в начале средневековья суковско-дзедзицкими древностями. Отсюда литовское ("ленкас") и венгерское ("лендьен") названия поляков. Вместе с тем, информация "Баварского географа" дает основания полагать, что ранее среди племен суковско-дзедзицкой группы праславян существовали лендзяне, вероятно, давшие имя этому праславянскому культурно-диалектному образованию.

Судя по всему, малое племя лендзян нужно локализовать где-то в коренной части суковско-дзедзицкого ареала, но конкретизировать этот регион по данным археологии не представляется возможным. Гипотеза К.Тыменецкого с археологической точки зрения может быть принята. Однако нельзя не согласиться с критиками аргументации этого исследователя: этноним *ляхи-лендзяне* образован от физиографического понятия - славянского *ledo* (русс. *ляда*, *лядина* в значении "пустошь, новь, необработанная земля"), и топоним-

мы типа *Lad*, *Ladek* в большей степени связаны не с этнонимом *лендзяне*, а с этим распространенным понятием.

Погребальная обрядность в ареалах племенных образований Польши эволюционировала на базе более ранних ритуалов. В Верхневисленском регионе и в верховьях Одера, где в пражско-корчакский период на смену грунтовым могильникам приходит курганный обряд погребения, последний получает несколько большее распространение. Обряд захоронения остается прежним. Тела умерших сжигали на погребальных кострах, а собранные после кремации остатки помещались в разных местах курганных насыпей. Курганный обряд бытовал в Малопольше и на верхнем Одере в основном до рубежа X и XI столетий. Позднее в связи с распространением христианства население стало хоронить умерших на церковных кладбищах. Кое-где в долинах Карпатских гор курганный обряд задержался до рубежа XI и XII вв. В бассейне Сана известны и единичные курганы XI в. с захоронениями по обряду трупоположения [13].

К числу наиболее обстоятельно изученных курганных могильников рассматриваемого ареала

принадлежат прежде всего две группы насыпей близ с. Корнатка недалеко от Мышленице [14]. Первый могильник состоял из 20 круглых курганов высотой до 1,2 м и диаметрами оснований 5-7,5 м. Во втором насчитывалось 8 таких же погребальных насыпей. При раскопках в отдельных курганах зафиксированы обугленные остатки прямоугольных сооружений из тонких бревен, составлявших каркас насыпей. Остатки трупосожжений были обнаружены не внутри курганных насыпей, а в поверхностных отложениях на склонах их, у подножий и в ровиках. Исследователь этих памятников Х.Цолль-Адамикова считает, что остатки кремаций, собранные с погребальных костров, в глиняных урнах ставились на вершинах курганов и, может быть, на каких-то деревянных конструкциях, поскольку находки фрагментов горшков обычно сопровождалась более или менее крупными кусками обугленного дерева.

Курганы с захоронениями остатков кремации на вершинах насыпей исследовались также в Биалогуже, Гуциуве, Избиско, Пиотровице, Рацибуж-Оборе, Розумице и Трепче. В Дахнуве и Липско остатки трупосожжений и керамические фрагменты найдены были в поверхностных отложениях, свидетельствующих о том, что погребения были совершены на курганах, а не в насыпях [15]. В единичных курганах могильников Гуциув и Избиско кальцинированные кости находились около столбовых ям, оставшихся от кольцевой ритуальной ограды, окружавшей насыпи. Нужно полагать, что поверхностные захоронения были весьма распространенным ритуалом среди славянского населения Верхневисленского края и верховьев Одера.

К северу от Верхневисленского края, в области формирования суковско-дзедзицких древностей, курганный обряд погребения не был известен вовсе. Погребальные памятники второй половины I тысячелетия н.э. здесь остаются почти неизвестными. По всей вероятности, в этом регионе, как и в начале средневековья, бытовали поверхностные захоронения по обряду кремации, от которых не осталось или почти не осталось каких-либо следов.

Единственный могильник, содержащий захоронения по обряду трупосожжения второй половины I тысячелетия н.э., исследовался в Конине близ Познани [16]. Безкурганный некрополь был основан на месте могильника пшеворской культуры. Остатки кремации помещались в неглубоких ямах, в заполнениях которых имелись камни. Одно захоронение было урновым, остальные безурновые и безынвентарные. Керамический материал позволяет датировать исследованные погребения приблизительно от VII/VII до XI в. включительно. К первым векам II тысячелетия на этом могильнике относятся захоронения по обряду ингумации.

Исследовались в Великопольше еще три биритуальных грунтовых могильника, датируемых от конца X до XII в. включительно. Среди них наибольший интерес представляет некрополь Лутомерск в Лодинском воеводстве [17]. Раскопными работами здесь вскрыто 77 трупоположений и 12 сожжений. Последние не образовывали компактной группы, а разбросанно встречались среди могил с трупоположениями. Остатки сожжений, совершаемых на стороне, помещались в неглубоких ямах округлой или четырехугольной формы. В заполнениях ряда могил зафиксировано множество камней. При кальцинированных костях встречены вещи - железные ножи, наконечники стрел и копий, стремена, удила, деревянные ведерки с железными обручами и др. Датируются трупосожжения концом X - XI в. В могилах с трупоположениями встречено значительно большее количество вещевых находок. Среди них есть предметы вооружения (мечи, копья, стрелы), снаряжение всадника и коня, бытовые предметы и металлические принадлежности одежды. Датируются погребения по обряду ингумации XI-XII вв. В это время основные массы славянского населения Великопольши хоронили умерших на христианских кладбищах. Характеризуемые могильные памятники, очевидно, являются реликтовыми языческими некрополями, оставленными уже крещеным населением. Впрочем, некоторые археологи полагают, что Лутомерский могильник оставлен неместным населением. В частности, Л.Раухут относит его к памятникам мазовшан, полагая, что поверхностные обозначения могил из камней, характерные для погребальных памятников этого племени, были разобраны для различных строительных работ.

В Польском Поморье, как отмечалось выше, под воздействием расселившихся в прибрежных

торговых факториях скандинавов начиная с VIII в. стал распространяться курганный обряд захоронения. Первые курганы с трупосожжениями были описаны в первой части настоящей книги. Эта обрядность бытовала в земле поморян до XI в. включительно. Курганы с сожжениями сосредоточены преимущественно в регионе нижнего Одера и прибрежных землях. В XI-XII вв. курганный обряд погребения получает более широкое распространение. Курганные могильники этого времени известны уже по всей территории расселения поморских племен. В отличие от более ранних, умерших в курганах теперь хоронили не только по обряду кремации. Постепенно распространяется ритуал трупоположения, он активно вытесняет прежнюю обрядность. Умерших хоронили головой на запад в подкурганных ямах. Некоторые могилы обкладывались по бокам камнями. В большинстве курганов имелось по одному трупоположению, но раскопаны также насыпи с несколькими скелетными захоронениями.

По внешнему виду курганы Польского Поморья не отличаются от погребальных насыпей других регионов славянского мира. Это невысокие, круглые в плане насыпи, которые часто окольцовывались ровиками. Курганы всегда образуют группы, состоящие из нескольких десятков насыпей. При погребенных нередко вещевые находки. В мужских могилах встречаются ножи, пряжки, глиняные горшки; в женских - различные украшения (эсоконечные височные кольца, как поморского типа, так и дротовые, небогатые ожерелья из стеклянных и пастовых бус, браслеты, перстни). Характерной керамикой польско-поморского региона рассматриваемого периода (рис. 104) являются биконические горшки [18].

Особое место среди славянских племен, принявших участие в генезисе древнепольской народности, занимают мазовшане. Сведения о них отсутствуют у "Баварского географа". Впервые мазовшане упоминаются в "Повести временных лет" как одно из племен ляхов. Польский хронист Галл Аноним хорошо знает это племя, именуя его Masovitae и Masouiensos. Один раз он называет мазовшан особым народом. По-видимому, Галлу Анониму

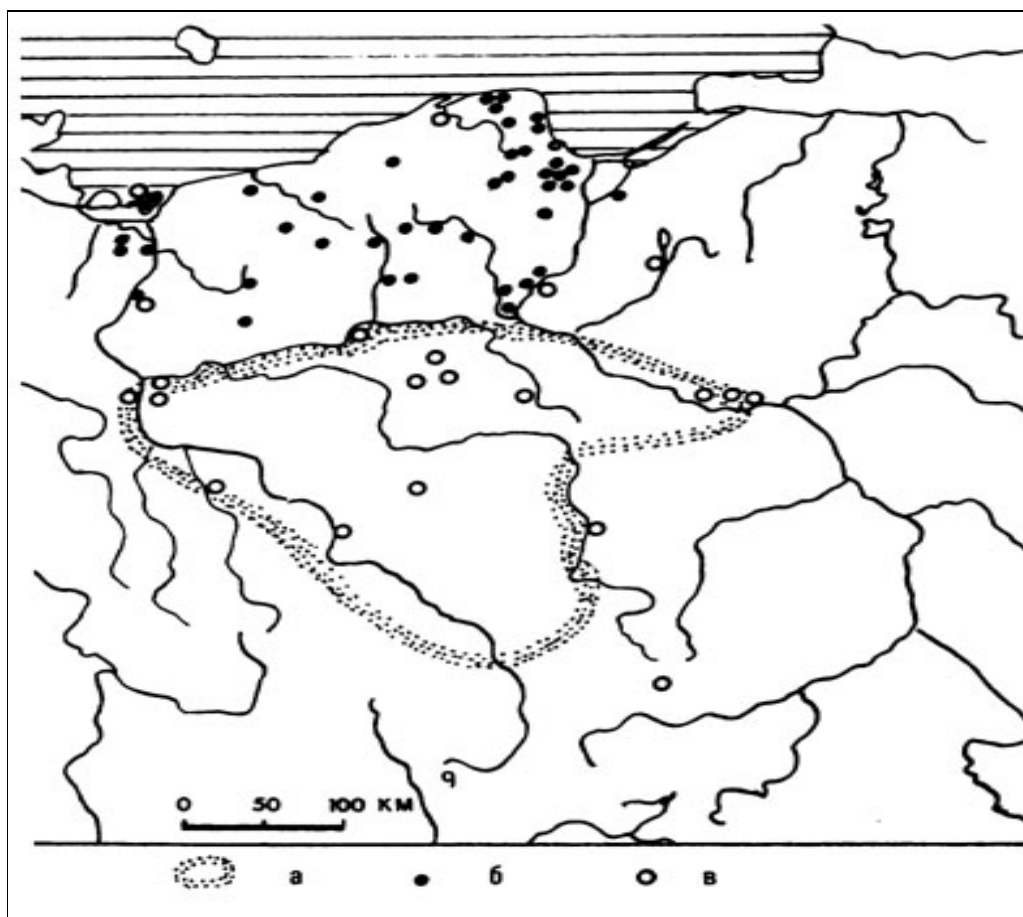

Рис. 104. Распространение биконических и цилиндрических глиняных сосудов, изготовленных на гончарном круге:
а - коренная область суковско-дзедзицкой культуры; б - места находок биконических сосудов (по В.Лега); в - места находок цилиндрических сосудов (по Б.Костшевскому)

были известны какие-то этноязыковые особенности этого племени.

В исторической литературе неоднократно высказывалась гипотеза о связи этнонима *мазовшане* с *амазонками* (общее -маз-). О стране женщин где-то на севере Европы упоминается в сочинениях Павла Диакона (VIII в.) и Альфреда Великого (IX в.). Арабский автор Ибрагим ибн Якуб (X в.) сообщает о городе женщин к западу от Руси. Эта туманная информация послужила основой для предположения о том, что мазовшане были одним из древних крупных племенных

347

образований. В частности, Г.Ловмянский относил мазовшан вместе с дулебами, хорватами и велетами к древнейшим славянским племенам.

Археологические материалы позволяют восстановить историю мазовшан довольно конкретно. В конце римского периода Среднее Повисленье из-за неблагоприятных климатических условий было покинуто основной массой населения. Первые славянские памятники средневековой поры принадлежат здесь к суковско-дзедзицкой культуре и известны лишь на очень ограниченной территории. В основной части Мазовии памятники третьей четверти I тысячелетия остаются неизвестными, свидетельствуя о незаселенности или исключительно слабой заселенности этого региона.

Положение резко меняется в конце I тысячелетия, когда в Мазовии и окрестных землях получают распространение своеобразные каменные курганы и могильники (рис. 105). Устраивались они обычно на возвышенных местах и состоят из нескольких десятков, а иногда и сотен могил, обозначенных на поверхности плоскими каменными кладками, или курганов, сложенных из камней. Кладки имели различную форму (прямоугольную, овальную, округлую или неправильную), иногда по периметру обрамлялись крупными валунами. Основная часть умерших погребалась по обряду трупоположения, но есть и трупосожжения, которые в целом являются более ранними.

Остатки трупосожжений обычно находятся среди камней курганной насыпи или плоской кладки. Погребения, как правило, безынвентарные, встречены лишь фрагменты глиняной посуды, и обычно трудно сказать, связана ли эта керамика с конкретными захоронениями. Погребения по обряду ингумации нередко совершались на горизонте, при раскопках останки обнаруживаются непосредственно под поверхностным каменным навалом. В других случаях для умерших предварительно выкапывались могильные ямы глубиной от 0,3 до 1 и более метра, которые после совершения захоронения сплошь заполнялись камнями.

Обобщающая работа по рассматриваемым погребальным памятникам Мазовии с их полной сводкой принадлежит Л.Раухуту [19]. Исследователь утверждал, что каменные могильники оставлены местным славянским населением, а их устройство и вещевой инвентарь не дают возможностей для вычленения какого-либо чужеродного этнического компонента. Это были языческие некрополи, и прекращение использования камня в устройстве могил в XIII в., по мнению Л.Раухута, обусловлено было воздействием христианского мировоззрения.

Однако каменные могильники Мазовии резко отличны от погребальных памятников славянского мира раннего средневековья, и происхождение этой обрядности нуждается в объяснении.

Представляется, что каменные курганы и могилы Мазовии следует рассматривать не суммарно,

как это делалось до сих пор, а в динамике. На основании материалов, собранных Л.Раухутом, выделяются три стадии их эволюции, отчасти налегающие друг на друга: 1) XI - начало XII в.; 2) конец XI - XII в.; 3) вторая половина XII - XIII в.

Для дальнейшего рассмотрения использованы все исследованные к настоящему времени погребения из каменных могильников Мазовии, в которых определяется пол умершего и его ориентировка. В целом мужские трупоположения с восточной ориентацией составляют 75,1%, с западной - 24,9%, женские соответственно - 8,2 и 91,8%. По хронологическим стадиям мужские захоронения с восточной ориентировкой распределяются так: 1 - 92,7%; 2 - 70,0%; 3 - 56,4%; женские соответственно - 10,5, 16,1 и 5,1%. Вполне очевидно, что ранней обрядностью населения Мазовии было положение в могилы мужчин головой к востоку, женщин - к западу. Западную ориентацию умерших в целом никак нельзя обуславливать христианиза-

348

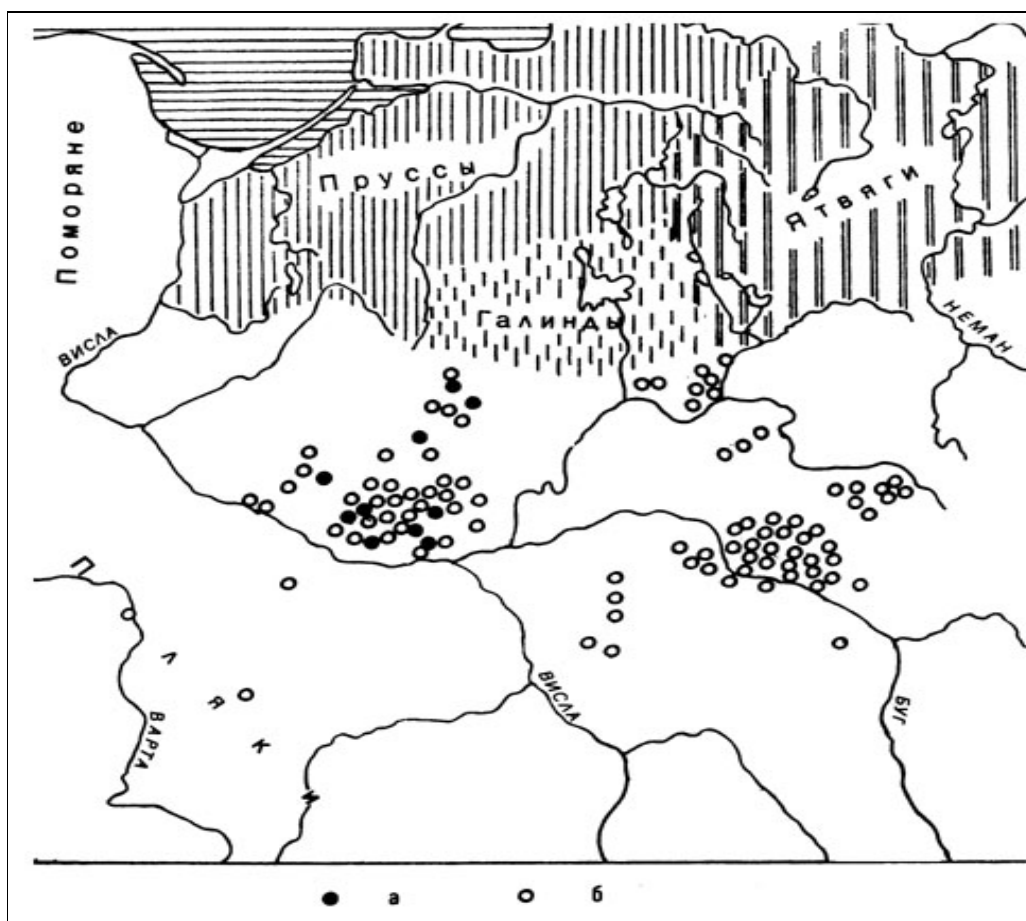

Рис. 105. Каменные могильники мазовшан: а - могильники, основанные в первой хронологической стадии; б - могильники, возникшие во второй-третьей стадиях

349

цией населения. Невозможно допустить, что в XI в. около 90% женщин были христианками, а их мужья оставались язычниками.

Анализ вещевых инвентарей погребенных с различной ориентацией выявляет заметные различия между этими захоронениями. Так, устанавливается, что для мужских захоронений, положенных

головой на восток, свойственны шпоры, кресала с кремнями, топоры, наконечники копий и стрел. На первой стадии предметы вооружения и шпоры в могилах с западными трупоположениями практически отсутствуют. Только в одном из таких захоронений обнаружен топор (Блихово под Плоцком). Но в отличие от обычных рабочих топоров, встречаемых в могилах с восточной ориентировкой умерших, он является боевым и импортным из Скандинавии. Очевидно, что в Блиховской могиле был похоронен не местный земледелец, а воин. В мужских погребениях с западной ориентировкой, относящихся ко второй стадии, встречены немногочисленные шпоры и кресала с кремнями. Но в целом нельзя не отметить, что количество вещевого материала уменьшается со временем параллельно как в погребениях с западной, так и с восточной ориентировкой. В захоронениях третьей стадии, обращенных головами к востоку, уже нет ни топоров, ни наконечников копий и стрел, ни шпор.

Для женских погребений с западной ориентировкой весьма характерны эсоконечные височные кольца, ожерелья из бус (стеклянных, пастовых, янтарных, хрустальных и серебряных), серьги, перстни и железные ножи. Погребения с височными кольцами на первой стадии составляют 72,1% , на второй - 57,7%, на третьей - 65,3%, захоронения с ожерельями из бус соответственно - 35,3, 66,0 и 57,3%. Серьги и перстни встречены в единичных могилах.

Женские погребения с восточной ориентировкой весьма немногочисленны. В некоторых из них обнаружены эсоконечные височные кольца. Но нельзя не обратить внимание на то, что это были единичные височные кольца, в то время как в могилах с западными трупоположениями нередко наборы височных украшений, состоящие из четырех-шести экземпляров. Ожерелья из множества различных бус в погребениях, обращенных головами на восток, практически не встречены, в немногих могилах присутствуют лишь единичные находки бусин.

Эти наблюдения допускают предположение о наличии в составе населения, оставившего каменные могильники Мазовии, двух племенных групп, различающихся по ориентации погребенных, а на ранней стадии и по вещевым материалам.

Группа погребений, представленная мужскими захоронениями с восточной ориентировкой, кажется, была более многочисленной. Положение умерших головами к востоку - обрядность, не свойственная славянскому похоронному ритуалу. Она проявляется в разных частях раннесредневекового славянского мира, преимущественно в тех регионах, где славяне встретились и контактировали с иноэтничным населением - различными балтскими, тюркскими или иными племенами. Широкое распространение восточной ориентировки погребенных в каменных могильниках Мазовии, по-видимому, обусловлено западнобалтским происхождением части населения этого края. В пользу этого свидетельствуют и наличие в погребениях с восточной ориентировкой топоров и копий, и повсеместное употребление камня при устройстве могил. Исследователи древностей западных балтов неоднократно отмечали, что применение камня при захоронениях в течение длительного времени было характерно для племен этого этноса [20]. Обряд погребения под каменными курганами распространился у всех западнобалтских племен еще в I тысячелетии до н.э. [21]. У пруссов и галиндов в I тысячелетии н.э. произошла эволюция обрядности - на смену каменным курганам пришли грунтовые захоронения с поверхностными обозначениями из камней.

Применение камня в виде кладок или вымосток сохранялось длительное время, в частности среди пруссов вплоть до XIII-XIV вв. Ятвяжские племена сохраняли курганный ритуал в течение всего I тысячелетия н.э., а в отдельных местностях ятвяжского ареала обряд погребения в каменных насыпях удерживался до конца XIII в. Применение камня для обозначения погребений в некоторых местах расселения ятвяжских племен фиксируется вплоть до XVII в. [22].

Каменные могилы Мазовии дифференцируются на два типа (рис. 106). Первый составляют захоронения в курганообразных сооружениях или навалы камней в несколько ярусов, в настоящее время обычно покрытые дерном. Второй тип рассматриваемых погребальных конструкций образуют могилы, имеющие обкладку из валунов и одноярусную вымостку из камней внутри нее. В первой хронологической стадии 97,1% исследованных погребений принадлежит к могилам первого типа. На

второй стадии такие могилы составляют уже лишь 25% раскопанных. Вполне очевидно, что эволюция обрядности в Мазовии шла от курганных и курганообразных насыпей из камней к захоронениям под каменными вымостками с оградками из валунов. Любопытно, что среди мужских трупоположений, открытых в могилах первого типа, 94,7% составляют погребения с восточной ориентацией.

Могильные сооружения Мазовии первого типа по всем своим элементам сопоставимы с ятвяжскими курганами и, нужно полагать, генетически связаны с ними. Других истоков мазовецким каменным курганам обнаружить не удастся. Первые каменные могильники в Мазовии получают распространение в регионе, не затронутом ранним славянским расселением, - севернее Вислы, несколько ниже устья Буга. Только в этом регионе сконцентрированы все могилы первого типа (рис. 105). Очевидно, эту область следует рассматривать как регион формирования мазовшан, основу которых составили переселенцы из Ятвугии. Только они могли перенести сюда обряд захоронения в каменных курганах. Время расселения ятвягов в этом регионе из-за отсутствия датирующих находок определить затруднительно. Скорее всего, это событие относится к последним столетиям I тысячелетия н.э.

На второй хронологической стадии каменные могильники распространяются вверх по р. Нарев, а на третьей известны уже на всей территории Мазовии.

Период функционирования каменных могильников в Мазовии, по-видимому, характеризует славяно-балтский симбиоз. Допустимо предположение, что женское население этого региона в большей степени, чем мужское, пополнялась за счет переселенцев из соседних славянских земель, о чем прежде всего свидетельствует большой процент захоронений с эсоконечными височными кольцами. К сожалению, процессы взаимодействия славянского и балтского этносов в Мазовии более детально не могут быть изучены ввиду малоинформативности раскопочных материалов каменных могильников.

Кроме широкого применения камня в погребальной обрядности и восточной ориентировки мужских захоронений об участии балтского населения в генезисе мазовшан надежно говорят данные гидронимии. В Мазовецко-Подляшском регионе известно несколько десятков водных названий достоверно балтского происхождения. Регион балтских гидронимов простирается от р. Кшны до бассейна Бзуры, его центром, как утверждают лингвисты, была зона, примыкающая к месту слияния Наревы с Бугом и последнего с Вислой [23]. Весьма вероятно, что этноним *мазовшане* произведен от балтского антропонима *Мазо* (князь земли, соседней с Пруссией, у Симона Грунау, литовские нобили XIII-XIV вв.).

До середины X столетия на территории Польши существовало несколько племенных княжений. Наиболее мощным среди них к этому времени стало Великопольское княжество. Во второй полови-

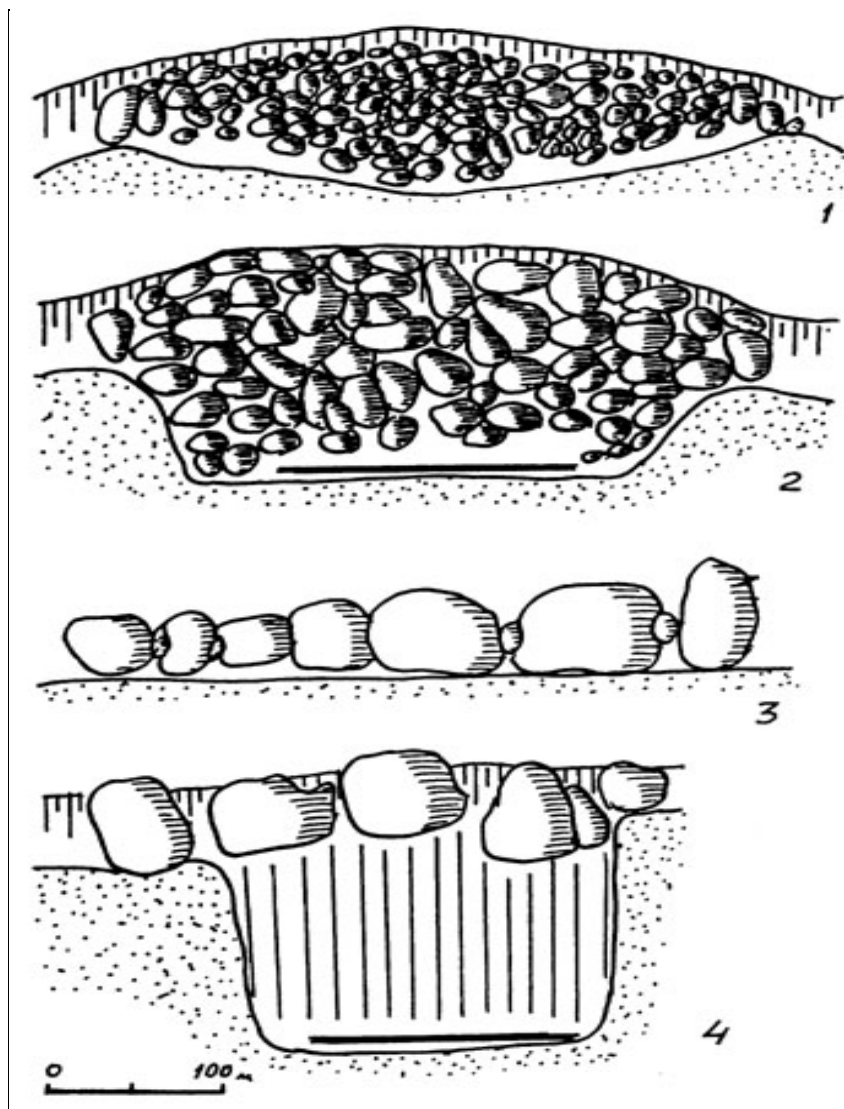

Рис. 106. Два типа каменных могил мазовшан: 1, 2 - курганообразные могилы первого типа; 3, 4 - могилы второго типа 1-3 - Ленчыно Старе; 4 - Старгород

не X в. начался его территориальный рост. Очевидно, это государственное образование настолько окрепло, что смогло присоединить к себе соседние славянские земли. Устанавливаемая археологически концентрация малых и крупных "городов" в Великопольше - важный показатель крепнущей государственной администрации и сильной военной организации. В правление князя Мешко I (960-992 гг.) в состав Великопольского княжества вошли Куявия, Ленчицкая и Серадзская области. Попытки великопольского князя расширить свои владения на запад встретили сопротивление со стороны лютичей. В 966 г. Мешко I принимает христианство по латинскому обряду. В относительно быстром распространении новой религии в Великопольше важное значение имело его сближение с Чехией. Еще в 965 г. Мешко I скрепляет союз с Чехией браком с Дубравкой, дочерью чешского князя Болеслава I. Уже тогда при великопольском дворе появились чешские священники и миссионеры. Около 968 г. в Великопольшу прибыл и первый епископ Иордан, местом пребывания которого стала Познань.

Принятие христианства сыграло важную роль в укреплении и развитии польской государственности. Христианизация способствовала не только скреплению союза с Чехией, но и

политическим контактам с Империей. В 967 г. Мешко I продолжил борьбу с волинянами-язычниками. В результате к Древнепольскому государству было присоединено Западное Поморье, а правивший в Гданьске племенной князь признал свою зависимость от Мешко I.

В последних десятилетиях X в. развернулась борьба между великопольским князем Мешко I и чешским князем Болеславом I, в результате которой Чехия утратила свою власть над землями в верховьях Одера. В конце этого столетия сын Мешко Болеслав Храбрый (992-1025 гг.) присоединил к Великопольскому государству земли вислян. Таким образом, около 1000 г. создано Польское государство, поглотившее прежние племенные княжения (рис. 107).

Объединение племенных земель в единую государственную территорию стало одним из факторов, способствовавших этнической консолидации славянского населения Польши. Княжество Болеслава I было уже сложившимся раннефеодальным государством, в рамках которого и началась интеграция разноплеменного славянского населения в единую народность. Консолидирующую роль играло и христианство. В 1000 г. было создано архиепископство, охватившее Польское государство целостно. Образованная сеть епархий не совпадала с прежними племенными ареалами, как и вновь складывавшаяся административная структура. Этноним *поляне*, прежде означавший население сравнительно небольшого племенного региона, стал постепенно распространяться на всех жителей Польского государства. "Это зафиксировали сразу же, - как подметил Я. Д. Исаевич, - хорошо информированные иностранные авторы" [24].

Другой мощной движущей силой интеграции славянского населения Польского государства в единую народность стали города, население которых формировалось в той или иной степени из разноплеменной среды. Развитие городской ремесленной деятельности стало основой создания общепольской культуры (рис. 108). Изделия городского ремесла стали импульсом развития внутренней торговли, которая более тесно связывала бывшие племенные регионы в единое целое.

Представляется, что на начальной стадии становления польской народности мазовшане еще не были включены в этот этногенетический процесс. Некоторые исследователи высказывают предположение, что при Мешко I Мазовия входила в состав Польского государства, но сохраняла особенности старого архаического строя. Документально это никак не подтверждается, исторические источники свидетельствуют, что в XI в. Мазовия была отдельным полугосударственным

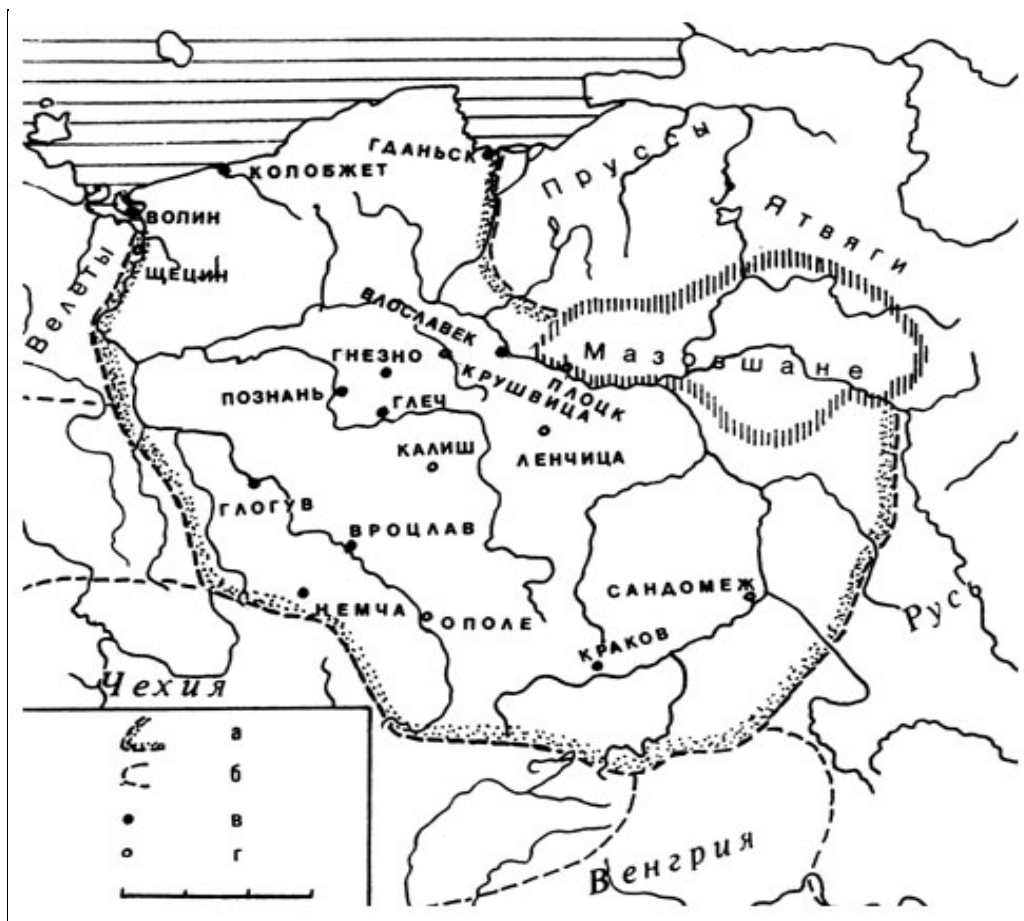

Рис. 107. Польское государство в начале XI в.:
 а - приблизительная граница Польского государства; б -
 границы других государственных образований; в - польские
 города, известные по письменным источникам; г - польские
 города, существование которых в XI в. устанавливается
 данными археологии

образованием со своей княжеской династией. В следующем столетии она была уже одной из провинций Польского государства, но в XIII-XIV вв. Мазовия вновь существует отдельно от остальной части Польши. Только в 1526 г. после прекращения мазовецкой княжеской линии Пястов Мазовия окончательно воссоединилась с Польшей.

Процесс формирования польской народности продолжался несколько столетий. В XI-XII вв., можно полагать, этот

Рис. 108. Некоторые находки из поселений Польши: 1 - нож с орнаментированной рукояткой (Нестройна); 2 - серебряное височное кольцо (Швянтек); 3 - культовая фигурка из дерева (Ополе); 4 - Деревянная голова языческого божества (Янково); 5 - Деревянный сосудик (Гданьск); 6 - Фрагмент серебряной капторги (Бискупин)

этногенетический процесс полностью охватил население Великопольши, Силезии и Малопольши. В какое-то время к этому процессу присоединилось и население Польского Поморья, а на самом позднем этапе - мазовшане. Если в XI-XII вв. термин *поляне-поляки* в большей степени означал жителей Польского государства, то во второй половине XIII - XIV в. на первый план выступает языковой критерий: поляки - население, говорившее на польском языке. В литературе есть мнение, что этим временем и следует определять завершение формирования польской народности со своим самосознанием [25]. С этим положением, вероятно, можно согласиться.

Территория распространения польского языка ныне делится на пять диалектных групп: великопольскую, малопольскую, силезскую, мазовецкую и кашубскую. Весьма вероятно, что эти диалектные группы находятся в какой-то зависимости от праславянских племенных групп, заселивших территорию Польши. В основе малопольской группы, очевидно, находятся говоры вислян, сложившиеся в части пражско-корчакского ареала. Великопольская диалектная группа безусловно сложилась на основе говоров суковско-дзедзицкой праславянской общности. Формирование силезской группы обусловлено взаимодействием потомков суковско-дзедзицких племен с торновскими. Мазовшане, как отмечалось выше, сформировались в условиях балто-славянского

симбиоза. Кашубы являются потомками суковско-дзедзицких племен, заселивших Польское Поморье в начале средневековья, в генезис которых в какой-то мере включились и фельдбергские (голанчские) племена. В своем культурном развитии поморский регион длительное время несколько отличался от коренных земель суковско-дзедзицких племен (рис. 104).

1. Monumenta Poloniae Historica. T. 1. Kraków, 1946. P. 107.
2. Monumenta Poloniae Historica... P. 13.
3. Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.
4. Lowmianski И. Początki Polski. T. 5. Warszawa, S. 462.
5. Hensel W. Najdawniejsze stolice Polski. Gniezno. Kruszwica. Poznań. Warszawa, 1960. S. 7-62.
6. Hensel W. najdawniejsze stolice... S. 63-194.
7. Nasz A. Opole. Wrocław, 1948; Hotubowicz Wt. Opole w wickach X-XII. Katowice, 1956.
8. Lodowski J. Aus den Forschungen über das Siedlungswesen des Slezanie-Stammes im 6.-10. Jh. // Rapports du III-e Congrès International d'Archeologie Slave. T. 1. Bratislava, 1979. S. 507-511.
9. Cnotliwy E., Leciejewicz L., Losinski W. Szczecin we wczesnym średniowieczu. Wzgórze Zamkowe. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983; Rogosz R. Bcsiedlungsbedingungen in der Umgebung von frühmittelalterlichen Szczecin // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 26. М., 1987. С. 43- 55.
10. Filipowiak W. Wyspa Wolin w prahistorii i we wczesnym średniowieczu // Z dziejów Ziemi Wolin-skiej. Szczecin, 1973. S. 63-137; Idem. Die Kultproblematik in Wolin vom 9. bis zum 12. Jh. // Rapports du III-e Congrès International d'Archeologie Slave. T. 1. Bratislava, 1979. S. 243-257.
11. Lowmianski H. Ledzianie // Slavia Antiqua. T. 4. Poznań, 1953. S. 97-114; Исаевич Я.Д. Висляне и лендзяне в IX-X вв. // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 156-170.
12. Tymieniecki K. Sprawa Ledzian // Slavia Antiqua. T. 11. Poznań, 1964. S. 190-195.
13. Zoll-Adamikowa H. Wczesnosredniowieczne cmentarzyska ciałopalne słowian na terenie Polski. Cz. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1975. Cz. II. 1979.
14. Zoll-Adamikowa H. Ciałopalne kurhany Wczesnosredniowieczne w Kornatce, pow. Mysłenice, w świetle badań lat 1963-1965 // Sprawozdania Archeologiczne. T. XIX. Kraków, 1968. S. 305-335; Idem. Czworokątne konstrukcje drewniane w kurhanach ciałopalnych z Kornatki, pow. Mysłenice // Acta Archaeologica Carpathica. T. X. Kraków, 1968. S. 141-155; Idem. Wczesnosredniowieczne cmentarzyska ciałopalne... Cz. I. S. 120-140.
15. Информацию об этих курганах см.: Zoll-Adamikowa H. Wczesnosredniowieczne cmentarzyska ciałopalne... Cz. I.
16. Pieczynski Z. Cmentarzysko z okresu wędrówek ludów i z wczesnego średniowiecza z Konina // Fontes Archaeologici Posnanienses. T. XVIII. Poznań, 1967. S. 54-67.

-
17. Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T. Cmentarzysko z XI wieku w Lutomiersku pod Łodzią (Acta Archaeologica Łodziensia. Nr. 7). Łódź, 1959.

18. Lega W. Kultura Pomorza we wczesnem sredniowieczu na podstawie wykopalisk. Torun, 1930;
Waga T. Pomorze w czasach przedhistorycznych. Torun, 1934.
19. Rauhut L. Wczesnosredniowieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu //
Materiaty starozytne i wczesnoiredniowieczne. T. 1. Wroctaw, 1971. S. 435-656.
20. Engel C., La Baume W. Kulturen und Vulker der Frilhzeit im Preussenlande. Konigsberg, 1937. S.
141; Alseikaite-Gimbutiene M. Die Bestattung in Litauen in der vorgeschichtlichen Zeit. Tilbingen, 1946. S.
77, 84; Финноугры и балты в эпоху средневековья (Археология СССР). М., 1987. С. 414.
21. Engel C., La Baume W. Kulturen und Volker... S. 84-86.
22. Tatko-Hryncewicz J. Przyczynek do paleoet-nologii Litwy. Cmentarzysko na Arjanskiej gorce w
majetnosci Unji pod Wierzbolowem, pow. Wolkowyszii, gub. Suwalska // Prace i materjaly antro-po-logiczno-
archcologiczne i etnograficzne. T. I. Cz. 1-2. Krakow, 1920. S. 48-51.
23. Орел В.Э. Балтийская гидронимия и проблемы балтийского и славянского этногенеза //
Советское славяноведение. 1991. Т. 2. С. 83-86.
24. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.,
1982. С. 153.
25. Grodecki R. Powstanie polskiej swiadomosci narodowej na przelomie XIII i XIV w. // Przegląd
wspotczсны. T. II. Warszawa, 1925.

Восточнославянская этноязыковая общность

Существование восточнославянской или древнерусской народности документировано историческими и лингвистическими данными. Среди работ последних десятилетий по истории древнерусского языка наиболее важными представляются исследования Ф.П.Филина. В книге "Образование языка восточных славян" исследователь, уделив основное внимание анализу отдельных языковых явлений, пришел к заключению, что сложение восточнославянского языка происходило в VIII-IX вв. на обширной территории Восточной Европы [1]. В другом исследовании Ф.П.Филин утверждает, что расселение славянских племен в VI-VII вв. на огромных просторах Средней и Восточной Европы привело к разобщенности развития различных общеславянских языковых тенденций. Их эволюция стала носить не всеобщий, а локальный характер. В результате "в VIII-IX вв. и позже рефлексy сочетаний типа *tort, *tbrt, *tj, *dj и *kt, деназализации о и е и ряд других изменений фонетической системы, некоторые грамматические инновации, сдвиги в области лексики образовали особую зону на востоке славянского мира с более или менее совпадающими границами. Эта зона и составила язык восточных славян, или древнерусский" [2]. Исторические условия оформления древнерусской народности в работах Ф.П.Филина остались невыясненными, поскольку они в большей степени связаны не с историей языковых явлений, а с историей носителей языка. Можно отметить также, что начало развития восточнославянского языка определено этим ученым слишком ранним временем.

Первым исследователем, попытавшимся восстановить начальный этап восточного славянства, осветить проблему происхождения, эволюции и диалектного членения общевосточнославянского языка, был А.А.Шахматов [3]. "Первой прародиной" русских, то есть восточных славян, как полагал исследователь, были земли в междуречье нижних течений Прута и Днепра. Примерно в V-VI вв. н.э. здесь из юго-восточной ветви праславянства выделились "прарусы". Это были анты, упоминаемые в исторических документах VI-VII вв., которые и составили ядро восточных славян. С этого периода и начинается самостоятельное развитие общерусского языка. В VI в., спасаясь от аваров, значительные массы антов переселились на Воынь и в Среднее Поднепровье. Этот регион А.А.Шахматов называл "колыбелью русского племени". Здесь восточные славяне составляли "одно этнографическое целое" и отсюда в IX-X вв. они начали освоение обширных

358

пространств Русской равнины от Черного моря на юге до Ильменя на севере и от Карпат на западе до Дона на востоке. Начался новый этап в истории восточного славянства (А.А.Шахматов назвал его древнерусским), язык которого в результате широкого расселения дифференцировался на три большие наречия - севернорусское, восточнорусское (или среднерусское) и южнорусское. После XIII в. на их основе и в результате их взаимодействия формируются отдельные восточнославянские языки - русский, украинский и белорусский.

Реконструкция А.А.Шахматова была принята рядом языковедов, в том числе Д.Н.Ушаковым, Е.Ф.Будде, Б.М.Ляпуновым [4]. Мнения, согласно которому предками восточного славянства были анты VI-VII вв., придерживались многие исследователи, в том числе А.Л.Погодин и Ю.В.Готье.

Сербский лингвист Д.П.Джурович, предпринявший интересную попытку реконструкции диалектного членения праславянского языка, также выделял прарусский диалект и локализовал его на правобережье Среднего Поднепровья, на западе включая бассейн Буга [5].

В 50-х годах XX в. Б.А.Рыбаков на основе историко-археологических данных изложил гипотезу о среднеднепровском начале восточнославянской народности [6]. Ее ядром будто бы стал племенной союз, образовавшийся в Среднем Поднепровье (будущие Киевская, Черниговская и Северская земли) в VI-VII вв. под главенством одного из славянских племен - русов. В последней четверти I тысячелетия н.э. к формированию восточнославянского этноса, как полагал Б.А.Рыбаков, подключились и другие славянские племена Восточной Европы, а также часть славянизированных финских племен. Не подкрепленная конкретными археологическими материалами, эта мысль не

получила дальнейшего развития.

Согласно представлениям П.Н.Третьякова, восточнославянская общность была результатом метисации части праславян - носителей зарубинецкой культуры, расселившихся в первых веках нашей эры по всему Верхнему Поднепровью, с местным балтоязычным населением. Верхнеднепровский регион и стал прародиной восточных славян. "При последующем расселении восточных славян, завершившемся созданием этногеографической картины, известной по Повести временных лет, из Верхнего Поднепровья в северном, северо-восточном и южном направлениях, в частности в поречье среднего Днепра, двигались отнюдь не "чистые" славяне, а население, имевшее в своем составе ассимилированные восточнобалтийские группировки" [7]. Догадку о зарождении восточнославянской языковой общности в зарубинецкой культуре (II в. до н.э. - II в. н.э.) высказывал и Ф.П.Филин [8].

Построения П.Н.Третьякова о формировании древнерусской народности под воздействием балтского субстрата на восточную славянскую группировку не находят оправдания ни в археологических, ни в языковых материалах. Восточнославянский язык не обнаруживает каких-либо общих балтских субстратных элементов. То, что объединяло всех восточных славян в языковом отношении и в то же время отделяло от других славянских этнообразований, не может рассматриваться как продукт балтского воздействия.

Мысль о существовании прарусского диалекта внутри праславянского языкового состояния проводится во многих лингвистических исследованиях [9]. Поэтому поиски прародины восточнославянской этноязыковой общности где-то в Восточной Европе продолжаются и в настоящее время. Так, Г.П.Пивторак считает, что восточнославянский этнос формировался постепенно в ходе расселения славянских племен на Русской равнине. Первоначальным же ядром этого этноса была область между Западным Бугом и средним Днестром [10]. О.Н.Трубачев в последнее время видит древний очаг общевосточнославянской языковой общности на Дону и Северском Донце [11].

Вместе с тем, в лингвистике существуют и иные точки зрения. Б.М.Ляпунову принадлежит мысль о формировании восточнославянской этноязыковой общности не на базе прарусского диалекта, а на основе нескольких древних (праславянских) диалектных групп [12]. Согласно представлениям Г.А.Хабургаева, восточнославянское языковое единство было результатом нивелировки и интеграции диалектов восточнославянских племенных образований [13].

Обширнейшие материалы, накопленные к настоящему времени славянской археологией, отчетливо свидетельствуют, что какого-либо диалектно-племенного образования внутри праславянского этноса, которое стало бы основой восточнославянской этноязыковой общности, не существовало. Восточнославянский этнос был сложным образованием, включившим в себя племена нескольких праславянских группировок (рис. 109).

Как показано выше, одну из крупных этнографических группировок славян на поздней стадии эволюции праславянского языка составляли племена пражско-корчакской культуры. В Восточной Европе эти племена заселяли в VI-VII вв. Воынь и правобережную часть Киевского Поднепровья. Это были дулебы - праславянское племя, расчлененное на несколько частей в результате великой славянской миграции. В VIII-X вв. дулебские племена Правобережной Украины постепенно расширили свою территорию и в результате географического размежевания разделились на весьма близкие друг к другу племена (рис. 110), известные по русским летописям. Это воыняне, древляне, поляне и дреговичи [14].

В X-XII вв. воыняне и дреговичи продолжили расселение в северном направлении, освоив области нижнего течения Березины, левых притоков Припяти и верхнего Немана. Эти земли издревле принадлежали балтам, которые в процессе славянской инфильтрации в основном не покидали мест своего обитания, смешивались со славянами и постепенно были ассимилированы. В X в. поляне распространили свою территорию и на часть левобережья Киевского Поднепровья.

Таким образом, древляне, поляне, волыняне и дреговичи были территориальными новообразованиями, сформировавшимися на основе одного из крупных праславянских образований начала средневековья. Погребальная обрядность этих племен эволюционировала в одном направлении. Для IX-X вв. характерны были курганы с захоронениями по обряду кремации. Эти курганы по своему облику не отличались от более ранних. В X в. на смену трупосожжениям приходит обряд ингумации, который в следующие столетия становится господствующим. Ранние трупоположения помещались в основаниях курганов, а на следующем этапе умерших помещали уже в подкурганных грунтовых ямах.

Курганы дулебских племен составляют единую культурную группу, племенные ареалы различались лишь по весьма второстепенным деталям. Захоронения по обряду трупосожжения принадлежат преимущественно к безурновым и безынвентарным. Лишь в редких погребениях встречены фрагментарные остатки глиняных урн, железные ножи, пряжки или единичные пастовые бусы. Курганные трупоположения также небогаты вещевыми материалами.

360

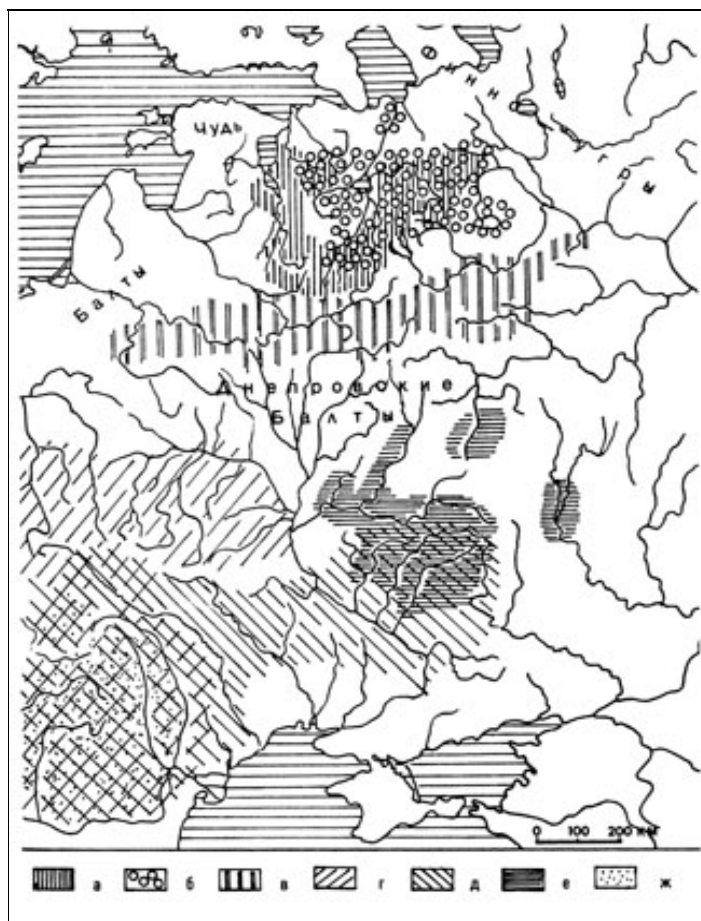

Рис. 109. Праславянские группировки начала средневековья по археологическим данным на территории становления восточного славянства: а - ареал культуры псковских длинных курганов; б - ареал сопок; в - область распространения браслетообразных сомкнутых височных колец в начале средневековья. Ареалы: г - пражско-корчакской культуры; д - пеньковской культуры; е - волынцевских древностей; ж - ипотешти-кындештской культуры

Рис. 110. Восточнославянские племена в IX-XII вв. Ареалы: а - словен ильменских; б - кривичей псковских; в - кривичей смоленско-полоцких; г - ростово-суздальской ветви; д - радимичей; е - племен юго-востока Русской равнины (В - вятичи; С - северяне); ж - дулебских племен (В - волыняне; Д - древляне; П - поляне); з - хорватов

Характерные женские украшения - перстнеобразные полутораоборотные височные кольца (рис. 111: 2) - получили равномерное распространение по всему ареалу волынян, полян, древлян и дреговичей. Как уже отмечалось, по всему дулебскому региону встречаются также (в значительно меньшем количестве) эсоконечные височные кольца. Каких-либо различий в курганных вещевых инвентарях

этих племен не обнаруживается. Исключение составляют лишь крупные зерновые бусы, изготовленные из цветных металлов и получившие широкое бытование в земле дреговичей, став этнографическим маркером этого племени.

Несколько своеобразно протекало развитие похоронной обрядности в южных окраинных регионах волянян и полян. Курганы с трупоположениями на горизонте здесь не известны вовсе. Уже в X в. в этих землях получают распространение трупоположения в грунтовых ямах под курганными насыпями. Это обусловлено пограничным положением рассматриваемых областей с антскими племенами. Последние не знали курганной обрядности и хоронили умерших в грунтовых могильниках. Не исключено, что в южных областях ареалов волянян и полян имела место инфильтрация потомков антов. Поэтому при распространении курганной обрядности здесь с самого начала трупоположения стали помещать согласно антской обрядности - в грунтовых ямах. В пользу этого свидетельствуют также антропологические материалы. Черепа из курганов с ямными захоронениями заметно отличаются от краниологических материалов из курганов с трупоположениями на материке и по своим основным показателям сопоставимы с серями черепов из скифских и черняховских могильников лесостепной полосы Украины [15]. Наследием скифо-сарматской обрядности, по всей вероятности, являются курганы со срубными могилами, встреченные неоднократно в ареалах волянян и полян. В прямоугольной могильной яме в таких случаях сооружался сруб из тесаных брусьев или толстых досок. Досками или брусьями выстилалось дно, а сверху могила накрывалась деревянным помостом. Со скифской обрядностью опять-таки сопоставимо применение мела или извести при захоронениях в подкурганных ямах. Однако хронологический разрыв делает такие сопоставления весьма гипотетическими. Курганы со срубными гробницами не образуют отдельных могильников, а встречаются несколько разбросанно в ареалах полян и волянян.

Более южные территории Восточной Европы от Прута до Северского Донца в начале средневековья заселяли антские племена, представленные пеньковской культурой. Из среды антов вышли известные по русским летописям племена хорватов, обитавшие в эпоху Древней Руси в Северо-Восточном Прикарпатье, уличи, локализуемые в лесостепной зоне от Днестра до Днепра, и тиверцы Поднестровья. Хорваты - часть большого антского племени, разбросанного великой славянской миграцией. Тиверцы, судя по их этнониму (Тирас < Тиврь от иранского слова со значением "быстрый" - античное название Днестра), были древними обитателями бассейна Днестра; их начало, по-видимому, восходит к римскому времени. Курганы все эти племена, как и все другие племенные образования антского происхождения, не знали. Этнографические особенности в женской одежде рассматриваемых племен не обнаруживаются.

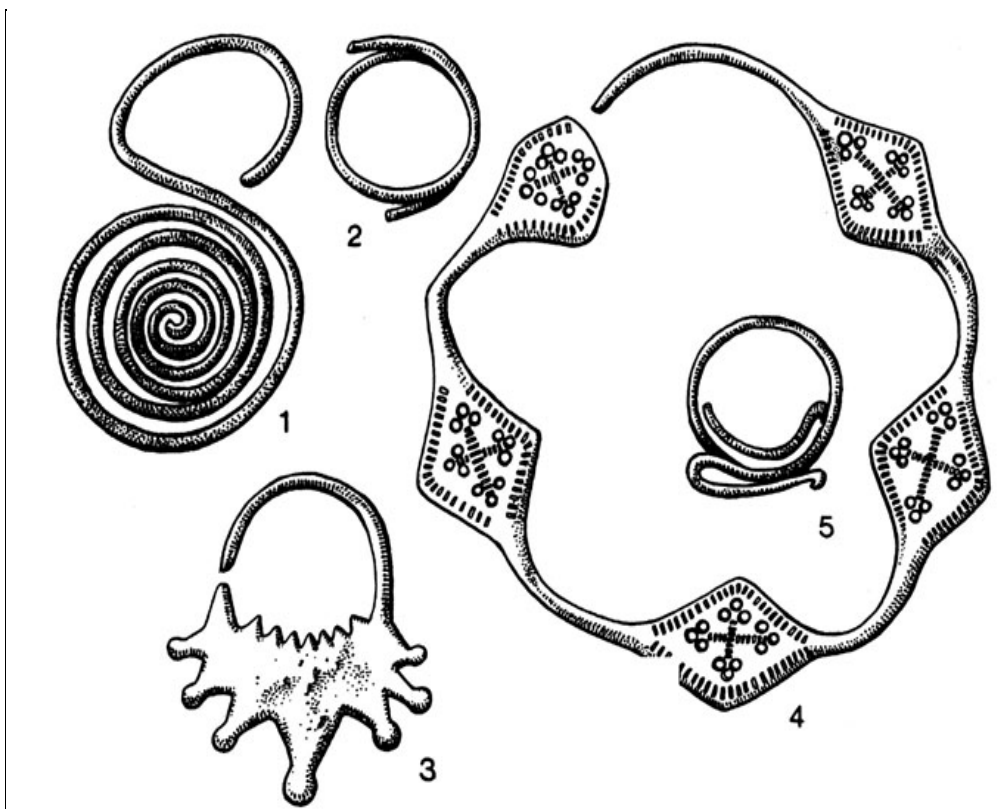

Рис. 111. Височные украшения восточнославянских племен:

1 - спиральное (северяне); 2 - перстнеобразное полуторообразное (дулебские племена); 3 - семилучевое (радимичи); 4 - ромбоштитковое (словене ильменские); 5 - завернутоконечное

Выделяется лишь регион хорватов, поскольку в нем получили распространение подплитовые могилы.

Юго-восточные земли Русской равнины первоначально принадлежали антам. На рубеже VII и VIII столетий они были заняты переселенцами из Среднего Поволжья, создавшими волынцевскую культуру. Кроме левобережных областей Среднего Поднепровья волынцевское население расселилось на верхней Оке и на Дону, заложив основы летописных северян, вятичей и донских славян. Сложившаяся в Днепровском левобережье роменскую культуру можно надежно считать северянской. Распространение курганного обряда погребения в этом регионе, по всей вероятности, является результатом инфильтрации славянского населения из бывшего дулебского ареала. Развитие обрядности протекало так же, как и в Днепровском правобережье: для IX-X вв. характерны курганы с одиночными трупосожжениями; для XI-XII вв. - трупоположения, на первых порах на горизонте, на второй стадии в подкурганных грунтовых ямах, которые в земле северян весьма немногочисленны.

Характерными височными украшениями северян были спиральные кольца (рис. 111: 7), которые носились по два-четыре с каждой стороны головы. При исследованиях курганов в Броварке на р. Сула

Рис. 112. Реконструкция северянского женского убранства

получены материалы, позволившие реконструировать женский головной убор северян (рис. 112). Кроме шапочки голова украшалась серебряным пластинчатым венчиком с мелкими подвесочками над лбом. У висков с двух сторон подвешивались спиральные кольца, а у одного из висков, кроме того, имелась длинная проволочная привеска с 11 бубенчиками. Помимо спиральных височных украшений, в северянских курганах встречены распространенные у всех восточнославянских племен перстнеобразные и трехбусинные кольца. Женское убранство включало также ожерелья из стеклянных и иных бус, шейные гривны, браслеты и перстни общевосточнославянских типов. На верхней Оке в условиях ассимиляции местного населения, представленного мощинской культурой, формируется племенное образование вятичей. О вятичских курганах VIII-IX вв. говорилось выше. Дальнейшая история этого племени обстоятельно восстанавливается по курганным материалам последующих столетий. Курганы с захоронениями по обряду кремации X и, может быть, начала XI в. распространяются на север по части Подмосковья. В последующие столетия, когда уже бытовал обряд ингумации, вятичские курганы занимают широкую территорию Верхнего и Среднего Поочья.

Умерших погребали по общеславянскому ритуалу - на спине, головой на запад, на горизонте в первый период и в подкурганных ямах приблизительно

Рис. 113. Украшения восточнославянских племен: 1 - трехбусинное височное кольцо; 2-4 - браслетообразные завязанные височные кольца (смоленско-полоцкие кривичи); 5 - семилопастное височное кольцо (вятичи); 6 - лунница

начиная с середины XII в. Вятичские курганы очень богаты вещевым материалом. В этом отношении они существенно отличаются от курганных захоронений южной части Русской равнины. Особенным разнообразием вещей характеризуются трупоположения женщин. Характерные для вятичей семилопастные височные кольца (рис. 113: 5) найдены в сотнях женских погребений. Их носили на головной ленте из кожи или ткани, иногда вплетали в волосы (рис. 114). Самыми ранними были семилопастные кольца с округлорасширенными лопастями, лишенными

орнаментации (XI - начало XII в.). Лопастные колец XII- XIII вв. приобретают секирообразные очертания, появляются боковые колечки, щитки орнаментируются сначала заштрихованной полосой в один, а затем в два ряда. Кроме находок в курганах, семилопастные кольца неоднократно встречены и на вятичских поселениях, в том числе в городах Москве, Старой Рязани, Переяславле-Рязанском, Серенске, Тешилове и др.

Шейные украшения вятичских женщин состояли из гривен нескольких типов и ожерелий из большого числа бус, разнообразных по форме и окраске. Очень распространено было чередование хрустальных шарообразных бусин с сердоликовыми бипирамидальными. Украшения рук представлены металлическими браслетами и перстнями общерусских типов. Наиболее распространенными в земле вятичей были решетчатые перстни.

В погребениях с трупоположениями мужчин в вятичских курганах вещей нет или их очень мало.

Наиболее частыми находками были железные ножи и глиняные горшки.

В Рязанском Поочье вятичи появились сравнительно поздно, судя по курганным материалам, в основном уже в XII в. Прежде Рязанская земля была освоена славянским населением, вынужденным оставить земли на Дону. Последние на рубеже X и XI вв. оказались в сфере передвижений и грабительских набегов печенегов. Мысль о заселении славянами Рязанской земли с двух сторон - с запада по Оке и с юга из Донского бассейна - была высказана еще А.А.Шахматовым. В настоящее время она находит надежное археологическое подтверждение [16].

Рис.114. Реконструкция вятичского убранства

В XII - первых десятилетиях XIII в. наблюдается обратное перемещение древнерусского населения из Рязанской земли в области Донского бассейна. Его лесостепная полоса была довольно плотно заселена восточными славянами. В результате археологических изысканий здесь открыты сотни поселений этого времени и устанавливается, что далеко не все славянское население покинуло этот регион в условиях активизации кочевников. Повторное широкое расселение славян в Донском регионе шло в основном из Рязанского Поочья. Это было возвращение славянского населения на места жительства предков, и вполне понятно, что эта территория вошла в состав

Рис. 115. Реконструкция радимического убранства

Рязанской земли. Ее южные пределы определяются и по распространению древнерусских селищ, и по половецким "каменным бабам"; они включали целиком р. Воронеж и значительные части р. Битюг. На южных окраинах Рязанской земли были основаны города, называемые в летописном "Списке русских городов" в перечне рязанских городов.

Очевидно, в IX в. в бассейне Сожа расселяются радимичи, ареал которых отчетливо очерчивается по курганным материалам X-XII вв. Радимичская культура Посожья сложилась в результате взаимодействия славян-переселенцев с местным балтоязычным населением. Регион, из которого вышли предки радимичей, археологически пока очертить не удастся. Эволюция погребального обряда в Посожье протекала так же, как и в соседних землях. Радимичский курганный инвентарь весьма многообразен, но большинство предметов принадлежит к общеславянским типам. Собственно радимичскими были семилучевые височные кольца (рис. 111: 3) [17]. В составе ожерелий обычны стеклянные бусы различной окраски, а также позолоченные и посеребренные. Кроме того, нередки монетовидные привески, лунницы, бубенчики и сердоликовые бусы. Среди нагрудных привесок выделяются собственно радимичские - гроздевидные, биэллипсоидные, петельчатые и язычковые. Популярны среди радимичей были бронзовые и серебряные браслеты и перстни. В захоронениях мужчин и женщин нередки железные ножи, пряжки и глиняные сосуды. Реконструкция женского головного и нагрудного убранства радимичей дана на рис. 115.

В курганной культуре радимичей в большей степени, чем в других местах древнего балтского ареала, проявляются балтские элементы. Среди них можно назвать шейные гривны, звездообразные (лучистые) пряжки, костяные привески в виде уточек, украшения с концами, оформленными в виде змеиных голов и т.п. К днепровским балтам восходит и обычай хоронить умерших головой к востоку. Подобная обрядность распространена и в курганах дреговичей и кривичей, в тех землях, где имел место балто-славянский симбиоз [18].

Освоение славянами северных лесных земель Русской равнины, как показано было выше,

Европы. Здесь выявляется по крайней мере три племенных образования праславянского периода. Основу формирования кривичей составили племена, представленные на раннем этапе культурой псковских длинных курганов. В Псковской земле эти древности развивались без каких-либо трансформаций. В IX-X вв. на смену длинным пришли круглые (полусферические) насыпи с одним-двумя захоронениями по обряду кремации. Связь их с культурой псковских длинных курганов устанавливается по всем деталям погребального ритуала и строения курганных насыпей. Погребения этого времени, как и раньше, преимущественно безынвентарные и безурновые, что затрудняет датировку памятников. Около рубежа X и XI вв. получает распространение обряд ингумации, который вскоре вытесняет прежний ритуал. Однако строение курганов остается прежним: характерная для псковских валообразных насыпей подошвенная зольно-угольная прослойка, образовавшаяся в результате очищения огнем места, избранного для погребальной насыпи, присутствует и в круглых курганах с сожжениями, и в таких же насыпях с трупоположениями. Лишь начиная с середины XII в., когда на Псковщине распространяются подкурганные трупоположения в могильных ямах, ритуал выжигания площадки основания насыпей постепенно исчезает.

Курганы псковских кривичей бедны вещевым инвентарем. Этнографических особенностей в нем не выявляется, перстнеобразные височные кольца, шейные ожерелья из бус, браслеты и перстни принадлежат к общевосточнославянским типам. О том, что славяне бассейна Псковского озера и реки Великой принадлежали к кривичам, свидетельствуют отнесение летописями к этому племени города Изборска, а также то, что ближайшие соседи псковичей - латыши до сих пор именуют русских этнонимом, производным от имени кривичей (krievs).

Кривичи смоленско-полоцкие были особым племенным образованием восточного славянства. Их основу, по всей вероятности, составили племена тушемлинско-банцеровской культуры, в среду которых несколькими инфильтрационными волнами проникли славяне разных групп. Первые славяне расселились в ареале этой культуры в эпоху великого переселения народов. Следы этой миграции являются браслетообразные височные кольца с сомкнутыми или заходящими концами. В VIII в. в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье появляются более или менее крупные группы славян из Псковской земли, которые принесли в эти земли обычай сооружать длинные курганы. Наконец, третья волна инфильтрации исходила из далеких Дунайских земель, следствием которой являются находки лунничных височных колец и некоторых других украшений. В результате взаимодействия славянских переселенцев с местным балтоязычным населением и сложилась рассматриваемая племенная группировка восточного славянства.

В IX-X вв. в ареале смоленско-полоцких кривичей получают распространение круглые курганы с захоронениями по обряду кремации. Основная масса их сосредоточена в тех регионах, где известны длинные курганы. Некоторое расширение курганной территории наблюдается в южном и юго-восточном направлениях. Во второй половине X в. появляются первые подкурганные захоронения по обряду трупоположения, в первых десятилетиях следующего столетия этот ритуал окончательно вытесняет трупосожжения. Первые трупоположения совершались на горизонте, в основаниях курганных насыпей. Начиная с середины XII в. бытуют курганные захоронения в грунтовых ямах.

Абсолютное большинство трупоположений смоленско-полоцких кривичей имеет общеславянскую (западную) ориентировку. Насыпи с захоронениями, обращенными головами к востоку, встречены в небольшом количестве и тракуются как наследие обрядности днепровских балтов.

Убранство женского костюма смоленско-полоцких кривичей весьма

завязанные височные кольца (рис. 113: 2-4), обычно прикреплявшиеся при помощи кожаных ремешков к головным уборам типа русской кички с твердой основой. Довольно частыми находками являются ожерелья, составленные из бус, а иногда и металлических привесок. Наиболее распространенными бусами были стеклянные позолоченные или посеребренные бочкообразной или цилиндрической формы. Привесками служили лунницы, круглые пластинчатые или ажурные подвески, бубенчики, изредка просверленные клыки животных. Наибольший интерес представляют подвески в виде пластинчатого конька, тело которого обычно украшено циркульным узором. Ареал таких изделий позволяет считать их типичными для смоленско-полоцких кривичей, поскольку на территории расселения последних найдено свыше 80% подобных находок [19]. Другие украшения и принадлежности одежды из курганов смоленско-полоцких кривичей (браслеты, перстни, пряжки, поясные наборы и др.) принадлежат к общерусским типам.

Частью смоленско-полоцких кривичей были полочане, несколько раз названные в летописях. Какого-либо этнографического своеобразия курганы окрестностей Полоцка или бассейна р. Полоты не обнаруживают. Следует согласиться с теми исследователями, которые утверждают, что полочанами в Древней Руси назывались жители Полоцка, его округи и возможно всей Полоцкой земли, подобно тому как новгородцами именовалось все население Новгородской земли.

Наиболее характерными ранними памятниками словен ильменских, как уже отмечалось, были сопки. Об условиях формирования этого племени, о включении в его генезис племен культуры псковских длинных курганов, расселившихся в Восточном Поильмень, говорилось выше.

На смену сопкам по всему их ареалу приходят круглые курганы, по внешнему виду одинаковые с погребальными насыпями других восточнославянских племен. Только одна весьма примечательная особенность выделяет новгородские курганы среди прочих - основания их обкладывались кольцом из валунов. Очевидно, что эта деталь перешла к курганам от сопкок. Переход от захоронений в сопках к курганным погребениям был неодновременным. К сожалению, из-за отсутствия датирующих находок он не может быть восстановлен в деталях. Имеющиеся фрагментарные находки позволяют полагать, что в отдельных местностях на смену сопкам пришли курганные захоронения по обряду кремации и, следовательно, этот процесс можно датировать X в. Однако в ряде других местностей захоронения в сопках, по-видимому, продолжались вплоть до XI в., когда обряд кремации был окончательно вытеснен трупоположениями.

Также весьма неравномерно продолжалась дальнейшая эволюция обрядности на территории ильменских словен. В отдельных местностях уже в XII в. курганные захоронения сменяются жальничными, в других регионах курганы продолжали сооружаться еще в XIII в., а в отдельных могильниках и в XIV в. В курганах XI в. умерших хоронили на горизонте, в последующее время - в грунтовых могилах. Положение умерших общеславянское. В ряде могильников зафиксированы немногочисленные меридиональные трупоположения, связанные безусловно с финно-угорским миром. Финно-угорским наследием являются и сидячие захоронения, сосредоточенные в основном в Водской земле, но разбросанно встречающиеся более широко по Восточному Приильменью. Участие местного прибалтийско-финского населения в генезисе словен новгородских представляется несомненным. Об этом говорят также выявляемые в курганах Ижорского плато культовые груды камней и ряд вещевых находок.

В области расселения ильменских словен получили распространение

ромбоидные (и овальноидные) височные кольца (рис. 111: 4), которые стали этноопределяющими украшениями этого племенного образования. В курганах Новгородской земли нередко находят тонкопластинчатые (серебряные или бронзовые) головные венчики. Весьма вероятно, что они также составляли этнографическую особенность словен ильменских.

Для словен были свойственны небогатые шейные ожерелья, состоящие преимущественно из стеклянных и пастовых бус разных цветов. Менее многочисленны сердоликовые (призматические и многогранные) и хрустальные (призматические, шарообразные и многогранные) бусы. Среди

нагрудных привесок есть лунницы, бубенчики, монетообразные и ажурные. Довольно широко были распространены металлические браслеты и перстни общерусских типов. Реконструкция женского убранства словен ильменских приведена на рис. 116.

Новгородские жальники содержат тот же набор украшений, что и курганы, но встречаются вещевые находки в жальничных могилах значительно реже и в меньшем числе. Большинство же жальничных захоронений принадлежит к безынвентарным.

Освоение славянами междуречья Волги и Клязьмы в настоящее время следует дифференцировать на два основных этапа. Первая волна славянского проникновения в эти земли, отраженная находками браслетообразных сомкнутых височных колец, датируется VI-VII вв. По-видимому, местное финноязычное население было здесь весьма немногочисленным, и славяне вскоре стали господствующим этносом.

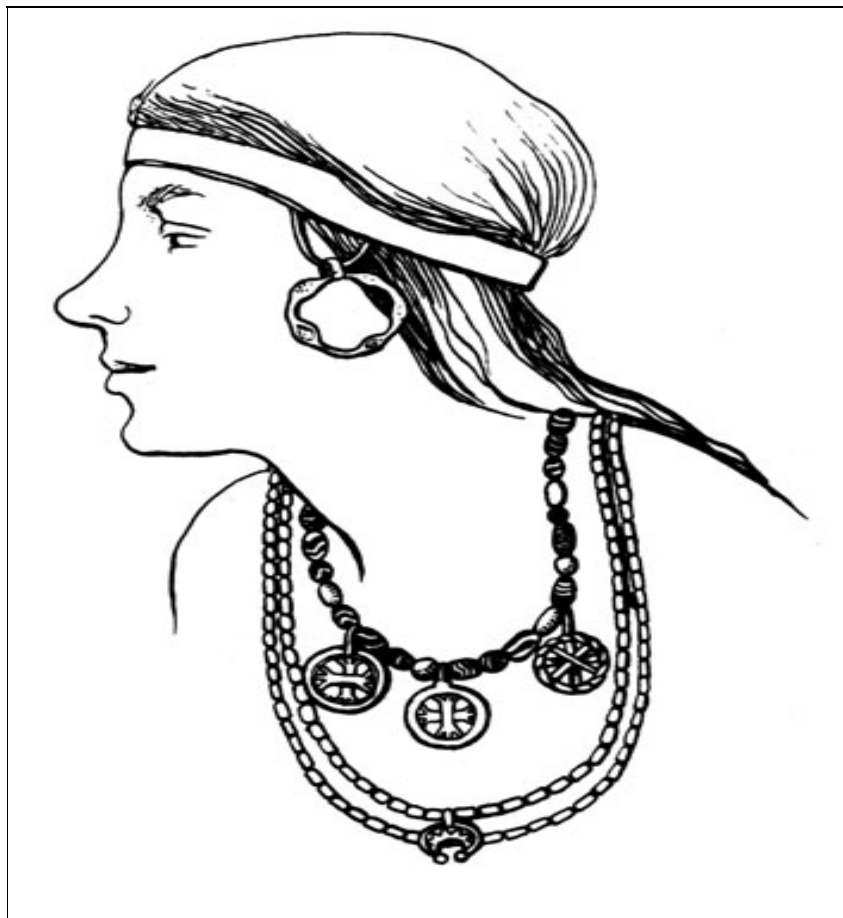

Рис. 116. Реконструкция женского убранства словен ильменских

Браслетообразные височные кольца с сомкнутыми и заходящими концами стали характерными украшениями этой племенной группировки славян. Особенно многочисленны их находки в захоронениях XI-XIII вв., когда господствующим стал обряд трупоположения.

Этноним этого племени не зафиксирован летописями; не исключено, что славянские переселенцы, осевшие в земле мери, именовались собственно славянами, а соседи называли их по имени местного племени. К сожалению, археологические материалы последней четверти I тысячелетия н.э. рассматриваемой

территории весьма скудны, и история будущих ростово-суздальских славян крайне фрагментарна.

Уже в X в. в регион Ярославского Поволжья проникают славяне из Новгородской земли. В последующие столетия наблюдается постоянный приток новых групп населения с Северо-Запада. Они расселялись довольно широко во многих регионах междуречья Волги и Клязьмы, растворяясь среди славянского населения, осевшего здесь в более раннее время. Переселенцами был принесен сюда курганный обряд погребения, который был воспринят и какой-то частью местных славян. Погребальные насыпи новгородцев и в этих землях обкладывались в основании валунами. Вещевые материалы из курганов свидетельствуют, что в составе миграционных потоков в ранний период были также скандинавы и выходцы из прибалтийско-финской среды. Характерных для ильменских словен ромбоштитковых височных колец в курганах Ростово-Суздальской земли найдено очень немного. По-видимому, приток населения с Северо-Запада в тот период, когда обычай ношения этих украшений получил широкое бытование, был уже незначительным.

О кривичской миграции в междуречье Волги и Клязьмы определенно свидетельствуют находки браслетообразных завязанных височных колец. Не подлежит сомнению, что осуществлялась она из Смоленской земли и датируется XI- XII вв. Картография находок браслетообразных колец с завязанными концами показывает, что переселенцы из областей смоленско-полоцких кривичей продвигались между поречьем тверского течения Волги и верховьями Клязьмы и рассеивались среди местного населения Ростово-Суздальской земли. Сравнительно небольшие группы кривичей достигли Мещерско-Муромского края.

Основную массу древнерусского населения Ростово-Суздальской земли составили все же, как можно судить по находкам браслетообразных сомкнутых височных колец, славяне, осевшие здесь еще в третьей четверти I тысячелетия н.э. В Тверском Поволжье, где ареал браслетообразных сомкнутых колец частично налегает на территорию распространения кривичских височных украшений, сложился своеобразный тип височных колец. Они завязаны узлом, но вместе с тем имеют заходящие концы, подобно сомкнутому ростово-суздальским.

В сложении древнерусского населения Волго-Клязьменского междуречья участвовал также местный финский этнический компонент. Об этом говорят находки в могильных памятниках и на поселениях разнообразных шумящих привесок, которые были характерной и самобытной категорией женского наряда финно-угорских племен Среднего Поволжья и Прикамья, и немногочисленные захоронения с меридиональной ориентацией.

Вопрос о том, что представляли собой восточнославянские племена, называемые в Повести временных лет, не раз поднимался в исторической литературе. Долгое время доминировало представление, согласно которому славяне на территории Восточной Европы появились буквально накануне образования Киевской Руси в результате миграции из сравнительно небольшой прародины немногочисленными группами. Такое расселение нарушило их прежние родоплеменные связи. На новых местах проживания между разнородными славянскими группами образовались новые территориальные связи, которые из-за постоянной подвижности населения не были прочными и могли быть утрачены вновь. Следовательно, летописные племена восточных славян были исключительно территориальными объединениями. "Из местных названий X в. летопись сделала "племена" восточного славянства", - писал С.М.Середонин, один из последовательных сторонников этой точки зрения [20]. Аналогичного мнения придерживались в своих исследованиях В.И.Ключевский, М.К.Любавский и многие другие.

Вторая группа ученых, в том числе

многие лингвисты и археологи, рассматривала летописные племена как этнографические группы восточного славянства. Исходя из этого многие представители языкознания (А.А.Шахматов, А.И.Соболевский, Е.Ф.Карский, Д.Н.Ушаков, Н.Н.Дурново и др.) полагали, что истоки современной диалектной дифференциации восточнославянских языков восходят к племенной эпохе, и пытались выявить соответствие между современным и раннесредневековым диалектными членениями [21].

Положения об этнической сущности летописных племен придерживался и А.А.Спицын, предпринявший попытку обосновать это на основе археологических материалов [22]. На курганных инвентарях вятичей и радимичей А.В.Арциховским и Б.А.Рыбаковым было ярко показано этнографическое своеобразие этих племенных образований восточного славянства [23].

Согласно третьей точке зрения, восточнославянские племена, названные в русских летописях, были политическими образованиями. Это мнение последовательно проводил в своих работах еще основатель русской исторической географии Н.П.Барсов [24]. По представлениям Б.А.Рыбакова, летописные поляне, древляне, радимичи и другие были союзами племен, объединившими несколько отдельных славянских племен. В период кризиса родоплеменного общества "родовые общины объединились вокруг погостов в "миры" (может быть, "верви"); совокупность нескольких "миров" представляла собой племя, а племена все чаще объединялись во временные или постоянные союзы... Культурная общность внутри устойчивых племенных союзов ощущалась иногда довольно долго после вхождения такого союза в состав Русского государства и прослеживается по курганным материалам XII-XIII вв. и по еще более поздним данным диалектологии" [25].

Рассмотренные выше археологические материалы не позволяют решать вопрос о сущности летописных племен однозначно, присоединившись к одному из изложенных мнений.

Представляется достаточно очевидным, что волыняне, дреговичи, поляне и древляне были территориальными новообразованиями, но формировались все они не из различных племен, перемешанных в процессе славянской миграции, а на основе единого праславянского племенного образования дулебов. Со временем у каждой локальной группы складывается свой жизненный уклад, стали формироваться некоторые особенности, что нашло отражение в частных деталях погребальной обрядности.

Оформлению этих племен, бесспорно, способствовала политическая структура каждого из них. Летопись сообщает: "И по сих братьи (Кия, Щека и Хорива) держати почаша родъ ихъ княженъ в поляхъ, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое..." [26]. Очевидно, что славянское население каждого из названных племен, близкое по системе хозяйства и живущее в сходных условиях, постепенно объединялось для целого ряда совместных дел: устраивало общее вече, общую племенную дружину и т.п. Формировались политические образования племенного типа древлян, полян, дреговичей и, вероятно, волынян.

Северяне, вятичи и радимичи безусловно были этническими образованиями. Однако, это были не праславянские племена, а племенные новообразования. Формирование вятичей в какой-то степени обусловлено субстратом. Можно полагать, что в VIII в. группа славян (возможно, под водительством Вятко), оторвавшись от основного волынцевского массива, поселилась на верхней Оке. Ареал ранних вятичей в основных чертах соответствует территории мощинской культуры, и есть все основания полагать, что как отдельное этноплеменное образование вятичи сложились в условиях ассимиляционного взаимодействия с местным населением.

Северяне в значительной степени были потомками именковских племен,

но и их окончательное формирование протекало в том регионе, который отводит им летопись. В генезисе этого племени приняли участие также потомки носителей пеньковской культуры Днепровского левобережья, в северной части - остатки днепровских балтов.

Племя радимичей составили потомки той группы славян, которая расселилась на Соже. Вследствие метисации и ассимиляции в состав радимичей были включены и значительные массы местных балтов. В результате к XI в. в Посожье и образовалась отдельная племенная группировка с целым рядом этнографических особенностей.

Допустимо предположение, что формирование кривичей как отдельной племенной группы славян Восточной Европы началось в третьей четверти I тысячелетия н.э. на Псковщине. Последующее

расселение кривичей в Полоцком Подвинье и Смоленском Поднепровье, в землях днепровских балтов привело к их членению на отдельные этнографические группы восточного славянства кривичей псковских и кривичей смоленско-полоцких. В результате накануне образования Древнерусского государства кривичи не составляли единого племенного союза. Летописи сообщают об отдельных кривичских княжениях в Полоцке и Смоленске. Есть основания полагать, что псковские кривичи имели собственную племенную организацию с центром в Изборске.

Этнографическое своеобразие словен новгородских формировалось в Приильменье. Основу их составили праславянские племена восточной части ареала ранних длинных курганов и носители культуры сопок. Собственного этнонима это племенное образование не имело, но создало свою политическую организацию - племенной союз.

Как следует из изложенного выше, отдельное племенное образование славян сложилось в Ростово-Суздальской земле. Его ядром стала праславянская группировка, расселившаяся в междуречье Волги и Клязьмы около середины I тысячелетия н.э. Этнографические особенности этого племенного образования прослеживаются по археологическим данным вплоть до XIII в.

Скудные материалы о хорватах, тиверцах и уличах не дают возможности достаточно определенно говорить о сущности этих племен. Все они вышли из антского диалектно-племенного образования. Хорваты Прикарпатья, несомненно, были частью большого праславянского племени, расчлененного славянской миграцией начала средневековья. Были ли в конце I тысячелетия н.э. уличи и тиверцы этническими или просто территориальными образованиями, сказать невозможно.

Таким образом, в основе восточнославянской этноязыковой общности лежит несколько разнотипных племенных образований праславян. Ситуация несколько осложнялась еще и тем, что славянское население, осваивавшее широкие просторы Восточной Европы, застало в лесной зоне различные финноязычные и балтские племена и постепенно славянизировало аборигенов. В таких условиях формирование восточнославянской народности было возможно только в результате мощных интеграционных процессов.

Эти процессы начались не ранее второй половины IX-X вв. и обусловлены целым комплексом исторических обстоятельств. Начальный этап интеграции славянских племен, расселившихся на Русской равнине, характеризуется активизацией торговой деятельности и развитием речного судоходства. Балтийско-Волжский и Ильменско-Днепровский магистральные торговые пути с их многими разветвлениями пересекали земли почти всех славянских племен Восточной Европы, связав их в общие узы. Ильменско-Днепровский путь, известный в летописи как маршрут "из варяг в греки", стал не только торговой артерией, но и военно-политической магистралью, служившей целью единения Русской государственности.

Сформировавшееся в X в. дружинное сословие сосредоточилось в основном на Ильменско-Днепровском пути и его ответвлениях. Исследованные раскопками дружинные курганные некрополи Гнездова под Смоленском, Шестовиц под Черниговом и других мест отчетливо свидетельствуют, что дружина и войско Руси имели надплеменной характер и формировались из разнородного населения - представителей разных славянских племен Восточной Европы, скандинавских варягов и выходцев из окраинных финноязычных регионов. Анализ погребальной обрядности и вещевых инвентарей дружинных курганов ярко демонстрирует нивелировку племенных особенностей. Древнерусская дружина стала первым надплеменным сословием, сформировавшимся из разноплеменного населения. Это был первый шаг к этноязыковому объединению славянского населения Восточной Европы.

Еще в VIII в. в различных местностях славянского расселения появляются ранние торгово-ремесленные поселения - протогорода. Они стали центрами кристаллизации военно-дружинного, торгового сословий и ремесленного люда. Протогорода охотно принимали в состав своего населения иноплеменников, были пестрыми в этническом отношении. Так, Старая

Ладога с момента своего возникновения была поселением полиэтническим, среди ее жителей были и словене ильменские, и кривичи, и местная чудь, и балты, и варяги [27]. Разноплеменность населения была одной из характерных черт протогородских поселений [28].

Таковыми же неоднородными по этноплеменной структуре стали и древнерусские города. Археологические исследования Новгорода, Киева, Суздаля, Смоленска, Пскова, Чернигова, Изборска и других городов показали, что городское население Руси формировалось из жителей разных областей, из разных племенных регионов. Так, материалы раскопок Новгорода свидетельствуют, что его население складывалось не только из словен ильменских и кривичей, но и переселенцев из отдаленных ареалов вятичей и радимичей, а также финских племен из окраин Новгородской земли. Среди жителей Изборска, судя по материалам раскопок, были не только псковские кривичи, но и переселенцы из Приильмения, Смоленской земли и с территории радимичей. Разноплеменность населения городов Древней Руси фиксируют и летописи - когда в конце X в. по велению киевского князя Владимира Святославича с целью защиты юго-восточных рубежей Руси от набегов печенегов строятся новые города: "... нача ставити города по Десне, и по Востри, и по Трубежеви, и по Суле, и по Стугне. И поча нарубати муже лучшие от словень, и от кривичь, и от чюди, и от вятичъ, и от сихъ насели грады" [29]. Безусловно, что в строительстве и обживании этих городов участвовали также местные славяне - северяне и поляне.

Вполне очевидно, что городское население Древней Руси было новообразованием, формировавшимся из представителей разных племен и регионов, внутри которого прежние племенные различия довольно быстро нивелировались.

Скандинавские источники именуют Древнюю Русь "страной городов". Действительно территория домонгольской Руси выделялась большим множеством больших и малых городов (рис. 117). По подсчетам М.Н.Тихомирова, уже в X в. на Руси было не менее 25 городов, в XII в. число их достигает 224, а ко времени татаро-монгольского нашествия существовало уже около 300 городов [30]. В реальности их было больше, так как не все города упомянуты в летописях.

С ростом числа городов, их бурным развитием вырастает новая общественная сила - горожане. Городское население стало мощной движущей силой в создании единой материальной и духовной культуры на всей территории Руси, в нивелировании племенных различий, в интеграционных процессах, приведших к формированию восточнославянской этноязыковой общности.

Рис. 117. Распространение городов Древней Руси: а - домонгольские города Руси; б - граница Древнерусского государства в XI-начале XII в.

Целостность культуры восточного славянства в значительной степени была обусловлена активным развитием городской жизни и высоким уровнем городского ремесла. Уже распространение гончарного круга и глиняной посуды, изготовленной с его помощью, привело к определенному единству керамического материала всего восточного славянства - одинаковому ассортименту изделий, в основном однотипной орнаментации их, однонаправленности эволюции. О формировании единства городской культуры Руси говорят и изделия железообрабатывающего ремесла, и общность кузнечных приемов, и одинаковость вооружения и продукции косторезного ремесла, и особенно ярко бронзолитейное и ювелирное дело. На всей территории Руси - от Ладоги до севернопричерноморских степей - начиная с XI в. получают распространение одинаковые украшения. Городская культура с первых шагов своего развития разрывает рамки племенной замкнутости. Металлическое убранство костюма горожанок - трехбусинные височные кольца, выполненные в разном стиле и различной технике, - не обнаруживает при картографировании каких-либо региональных различий. Бронзовые и серебряные браслеты и перстни из древнерусских городов принадлежат к многим типам, но одинаково распространены по всей территории Древней Руси. Во всех городах встречаются стеклянные браслеты, ставшие излюбленным украшением горожанок. Ювелирные изделия, выполненные в сложной технике (чернь, зернь, скань, эмаль) получили распространение опять-таки по всей Русской земле. Древнерусские города были тесно связаны между собой торговыми узами. Торговля на Руси приобретает широкий размах. В многочисленные малые города из более крупных поставлялись стеклянные бусы, стеклянные и металлические браслеты и перстни, костяные и самшитовые гребни, разнообразные изделия ювелирного производства, бронзовые крестики-тельники и энколпионы; корабельники разносили по всей Руси шиферные пряслица и различные мелкие вещи.

Города оказывали заметное культурное воздействие на сельскую округу, содействовали развитию деревенского ремесла. Постепенно городская культура в той или иной степени проникала в толщу сельских масс.

Города были не только носителями и распространителями единой материальной культуры, но и оказывали существенное воздействие на духовную жизнь всего восточного славянства. Города стали местами, где создавалась древнерусская архитектура, развивалось каменное строительство. Города стали центрами просвещения и грамотности. В крупных городах велось летописание, составлялись грамоты и уставы, велась деловая переписка. Грамоты на бересте, ныне обнаруженные уже при раскопках восьми городов, а также бронзовые, железные и костяные писала-стили, встреченные в десятках городских поселений, говорят о широком распространении грамотности на Руси. Все это несомненно способствовало культурному и языковому сближению восточнославянского населения.

В становлении древнерусской народности существенная роль принадлежала христианской религии. Церковь способствовала укреплению русской государственности, многократно влияла на становление единой культуры всего восточного славянства, сыграла положительную роль в развитии просвещения, создании литературных ценностей и произведений искусства и архитектуры. Несомненна и роль церкви в приобщении Руси к культурным богатствам Византии.

Христианская идеология, искусство и просветительная деятельность стали мощным импульсом в преодолении племенной расчлененности славянского населения Русской равнины и формировании культурной и языковой общности.

Весьма существенным в становлении восточнославянского этноса стало образование единого Древнерусского государства, политически объединившего все земли славян, расселившихся на просторах Восточной Европы. Ведь недаром начало формирования древнерусской народности по времени совпадает с процессом складывания русского государства. В общих чертах совпадают территория древнерусского государства и ареал восточнославянской народности. Государственная власть, осуществлявшая административные и судебные функции на всей территории Руси, организовывавшая походы войска, собираемого из различных земель, способствовавшая росту и развитию городов и крепостей, несомненно консолидировала население в единое целое.

Начало образования восточнославянского культурного единства по археологическим данным датируется X в. Этим временем и следует определять начальный этап становления древнерусской народности. В XI-XII вв. окончательно оформляется единая древнерусская культура. Очевидно, это был период наиболее активного формирования и развития восточнославянской народности и ее языка.

Согласно изысканиям Н.С.Трубецкого, в X-XII вв. славянская речь, несмотря на заметные диалектные различия, переживала общие языковые процессы. Только после завершения такого общеславянского языкового явления, как падение редуцированных гласных, то есть после X-XII вв., можно говорить об окончательном оформлении отдельных славянских языков [31], в том числе и восточнославянского. Эту точку зрения поддержали многие лингвисты. Вместе с тем, начиная с XI в. различия внутри общеславянского языка, отмечают его исследователи, увеличиваются настолько, что можно уже говорить о существовании восточнославянского языка [32]. Таким образом получается, что отдельные явления праславянского языка продолжали развиваться вплоть до XII в., а восточнославянский начал оформляться в X-XI вв., и в XI-XII вв. эволюционировал как самостоятельный язык. В этом не следует видеть какое-то противоречие. Если восточнославянский язык стал результатом интеграции нескольких диалектов праславянского, то так оно и должно быть.

Арабские авторы употребляют этнонимы "славяне" и "русы". Согласно А.П.Новосельцеву, разграничение этих терминов для периода IX - начала X в. непонятно, но со второй половины X в. "русами" восточные авторы последовательно именуют восточных славян в целом - население Древнерусского государства, а "славянами" - весь раннесредневековый славянский мир [33]. По-видимому, восточные славяне - русы (на первых порах - военно-дружинное сословие и жители

городов) начали осознавать свое единство уже в начальной стадии формирования древнерусской народности и языка.

В Повести временных лет термин Русь уже в X в. употребляется для обозначения Древнерусского государства, а в XI-XII вв. в славянских и иных источниках в двояком смысле - в этническом и в принадлежности государству. Очевидно, что восточнославянская этноязыковая общность складывалась в самой тесной связи с формирующейся государственной территорией.

О происхождении термина "русь" в научной литературе написано много, но вопрос этот никак нельзя считать решенным. Первоначально этот термин, по всей вероятности, применялся только к части славянского населения Среднего Поднепровья - устойчивому образованию "Русская земля", как она по летописным данным очерчена для IX в. А.Н.Насоновым [34]. После того как новгородский князь Олег закрепился в Киеве, объединив славянские земли Восточной Европы в единое государство, термин "русь"

постепенно распространился на славянское население всей территории Древней Руси. Может быть, этому в какой-то мере способствовало и то, что близким термином Ruotsi именovalo финское население скандинавов, которые проникли в восточнославянские земли в качестве воинов и купцов и сыграли немалую роль в развитии международной торговли в Восточной Европе.

Как свидетельствуют курганные материалы, древнерусская деревня домонгольской поры бережно сохраняла этнографические особенности, которые сложились в эпоху племенных объединений. Письменные источники Древней Руси содержат ряд диалектизмов, что дало основание исследователям говорить о наличии региональных особенностей в восточнославянском языке. Однако попытки реконструкции диалектов этого языка встретили непреодолимые трудности. Так, исследуя смоленско-полоцкие говоры XIII-XIV вв., А.И.Соболевский отмечал, что из-за малого объема информации в письменных источниках охарактеризовать их надлежащим образом не представляется возможным. Памятники письменности дают возможности предполагать в составе древнерусского языка существование галицко-волынского наречия. Заметные отличия обнаруживаются в древнерусских говорах Псковской земли. Однако целостной картины диалектного членения восточнославянского языка по историческим материалам восстановить не удается.

Согласно построениям А.А.Шахматова, восточнославянские диалектные зоны восходят к трем группам позднеславянского диалектно раздробленного языка [35]. Т. Лер-Сплавинский видел в прарусском языке два наречия - северное, говоры которого позднее вошли в состав северновеликорусских, средневеликорусских и части севернобелорусских, и южное, ставшее основой остальных восточнославянских диалектов. Совсем иной подход к этой проблеме изложен Н.С.Трубецким, полагавшим, что восточнославянский ареал изначально представлял собою часть позднеславянской территории с небольшими региональными различиями, на которую распространялись инновационные "волны". Диалектное членение восточнославянского языка началось уже позднее, в период "падения редуцированных" [36]. Высказано мнение о формировании диалектных зон внутри восточнославянского континуума в связи с феодальной раздробленностью Древней Руси второй половины XII-первой половины XIII в. [37].

В настоящее время в результате лингвистического анализа берестяных грамот из раскопок в Новгороде довольно отчетливо выделяется лишь древненовгородский диалект, который в своей основе принадлежит к праславянским [38]. Объектом обстоятельного изучения С.Л.Николаева в последние годы стали кривичские говоры ("псковский диалект" и "смоленский диалект"), восходящие к племенным диалектам [39]. Тем же исследователем предприняты попытки охарактеризовать отдельные языковые особенности, связанные предположительно с племенными диалектами вятичей и донских славян [40]. Эти изыскания дают надежные основания полагать, что диалектная дифференциация восточнославянских языков имеет длительную историю и своими корнями уходит в позднеславянскую эпоху.

Обширные данные, накопленные к настоящему времени славянской археологией, ставшие одним

из авторитетных источников детального изучения проблемы освоения славянами пространств Русской равнины, должны быть привлечены к изучению становления и развития диалектного многообразия восточнославянских языков. Анализ славянских миграционных процессов, имевших место в Восточной Европе и зафиксированных археологическими материалами, на фоне "Диалектологической карты русского языка в Европе", составленной Московской диалектологической комиссией [41], дает основание утверждать, что корни

диалектов, отраженных на этой карте (рис. 118), восходят к раннему средневековью.

Так, есть все основания считать, что пражско-корчакский регион на восточнославянской территории (летописные дулебы) стал ядром формирования северноукраинских (полесских) говоров. Распространение северноукраинских говоров на левобережье Среднего Поднепровья с археологической точки зрения представляется вполне оправданным. Роменская культура, получившая здесь распространение, по всем параметрам сопоставима с правобережной синхронной культурой типа Луки Райковецкой - наследницей пражско-корчакской. Выше высказывалась мысль о формировании роменской культуры в условиях притока славянского населения из правобережной части Среднего Поднепровья.

Вышедшие из среды дулебов волыняне и дреговичи колонизовали земли по нижней Березине, левым притокам Припяти и часть Верхнего Понеманья, заселенные балтами. Это - зона южнобелорусского наречия, связь которого с северноукраинскими вне всякого сомнения. Разграничение этих диалектов, очевидно, было обусловлено балтским субстратом.

Антские племена пеньковской культуры и их потомки - хорваты, уличи и тиверцы, - нужно полагать, заложили основу собственно украинских говоров.

Исходным ядром южновеликорусских говоров стали племена волынцевской культуры, сформировавшиеся в условиях взаимодействия славянских переселенцев из региона Среднего Поволжья с антскими племенами Днепровского левобережья, Подонья и верхней Оки. Широкое расселение их и, вероятно, подключение субстратного населения в условиях инфильтрации славянских групп из Днепровского правобережья наметили членение говоров внутри южновеликорусской диалектной зоны.

Говоры довольно отчетливо выделяемой племенной группировки славян, расселившихся в V-VII вв. в бассейнах рек, связанных с Псковским озером, и в Ильменском регионе (носители культуры псковских длинных курганов), составили древненовгородский диалект, который в последнее время был обстоятельно описан А.А.Зализняком.

Другую волну славянского освоения Русского Северо-Запада отражает культура сопков, отождествляемая со словенскими ильменскими. Славяне этой миграционной волны расселились отчасти в восточной части ареала культуры псковских длинных курганов. Носители последней здесь влились в состав вновь пришедшего населения с более прогрессивными методами хозяйственной деятельности. В результате древненовгородский диалект расчленился на две части. В западной и юго-западной частях ареала псковских длинных курганов, не затронутых этой миграцией, получают развитие псковские говоры, а в области словен ильменских были заложены основы западного наречия северновеликорусских говоров.

Очевидно, второй волной миграции славян на Северо-Запад было обусловлено переселение в самом начале VIII в. части населения культуры псковских длинных курганов в южном направлении. В результате взаимодействия переселенцев с местными племенами днепровских балтов складывается культура смоленско-полоцких длинных курганов.

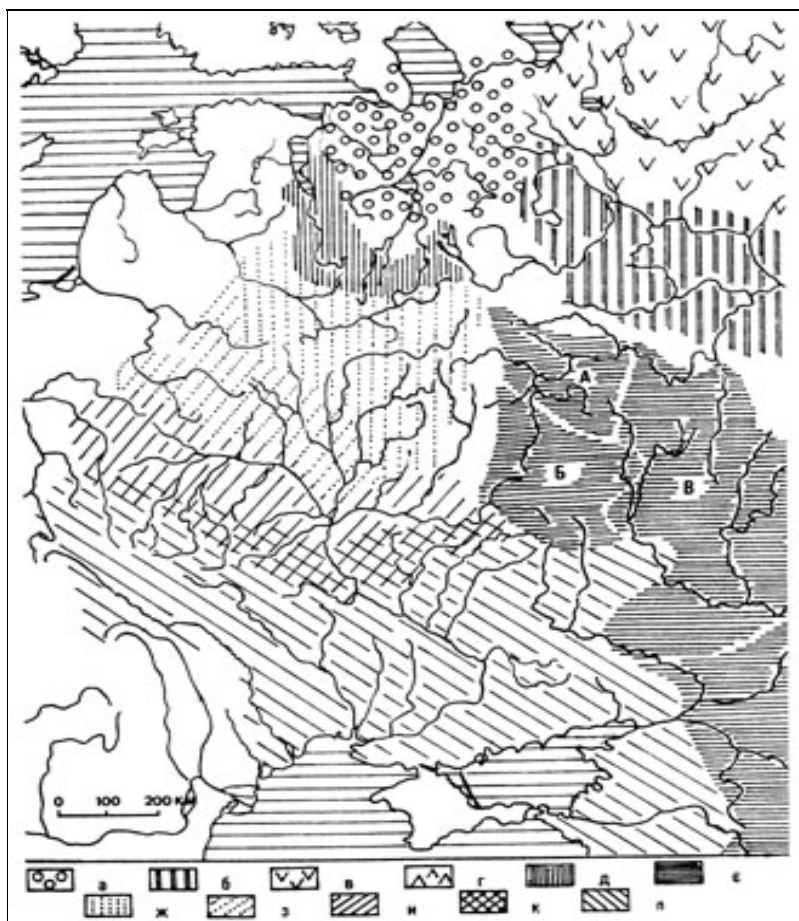

Рис. 118. Дialectологическая карта восточнославянских языков: а-г - северновеликорусские говоры (группы: а - западная; б - владимирско-поволжская; в - северная; г - олонецкая); д - псковская группа; е - южновеликорусские говоры (их группы обозначены буквами А, Б, В); ж - севернобелорусские говоры; з - южнобелорусские говоры; и - полесские (северноукраинские) говоры; к - полесско-украинские говоры; л - украинские говоры. Средневеликорусские говоры и переходные к южновеликорусским на белорусской основе не заштрихованы

Последнюю, как и последующие курганные древности, характеризующиеся браслетообразными завязанными височными кольцами, со всей определенностью можно считать кривичскими. Ареал смоленско-полоцких кривичей, согласно рассматриваемой здесь диалектологической карте восточнославянских языков, составляет основную часть севернобелорусских говоров. В этой связи можно говорить, что смоленско-полоцкий диалект лег в основу севернобелорусского наречия, но формирование последнего отражает и более ранние процессы исторического развития этих территорий. На левобережье Днепра ареал севернобелорусских говоров охватывает и земли радимичей. Говорить на основании археологических данных о близкой родственности кривичей и радимичей никак невозможно. Очевидно, следует признать, что на формирование севернобелорусского наречия заметное влияние оказало субстратное население. Ареал этого наречия в значительной степени соответствует не племенному членению восточного славянства, а области расселения одной из ветвей этноязыкового массива балтов, именуемой днепровской [42].

На северновеликорусской территории выявляется еще одна крупная племенная группировка раннесредневекового славянства. Начиная с VIII-IX вв. она отчетливо выделяется по

распространению браслетообразных сомкнутых височных колец. Ядром этого племени стало междуречье Волги и Клязьмы - будущая Ростово-Суздальская земля. Славянское население здесь было довольно многочисленным. Финноязычное племя меря частично растворилось в славянской среде, отчасти было вытеснено на окраины славянского расселения. Как уже отмечалось выше, чрезвычайно архаичная акцентная система свидетельствует о раннем появлении славянского населения в Волго-Клязьменском междуречье, а ряд диалектных особенностей этой территории позволяет говорить об особом славянском племени, заселившем эти земли [43]. Владимирско-поволжские говоры, безусловно, ведут начало от диалекта этого племени. Притоки славянского населения из Новгородчины и Смоленской земли, имевшие место в X-XII вв., нашли отражение в некоторых особенностях владимирско-поволжских говоров, но не изменили их сущности, заложенной первыми славянскими жителями этого края.

Татаро-монгольское нашествие и последовавшее за ним включение западнорусских земель в состав Литовского государства полностью прервали интеграционные процессы восточного славянства. Основой восточнославянской этноязыковой общности, как показано выше, было городское население, в сельских местностях, видимо, прочно сохранялись диалектные особенности. В середине XIII в. целый ряд древнерусских городов прекратил свое существование, многие города были сожжены и разграблены, значительные части их жителей или погибли, или разбежались - городская жизнь была коренным образом нарушена. В результате восточнославянская общность прекратила свое развитие, в этноязыковом развитии восточного славянства возобладали дифференциационные процессы.

1. Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М., Л., 1962.
2. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 29.
3. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. -No IV. С. 324-384; Он же. Введение в курс истории русского языка. Ч. 1: Исторический процесс образования русских племен и русских народностей. Пг., 1916; Он же. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
4. Ушаков Д.Н. Наречия русского языка и русские народности // Русская история в очерках и статьях. Под редакцией М.В.Довнар-Запольского. Т. 1. М., без года; Будде Е.Ф. Лекции по истории русского языка. Казань, 1914; Ляпунов Б.М. Единство русского языка в его наречиях. Одесса, 1919.
5. Джурович Д.П. Говоры общеславянского языка. Варшава, 1913; Толстой Н.И. Из истории славистики. Опыт карты праславянских диалектов Д.П.Джуровича. 1913 г. // Сборник матице српске за филологју и лингвистику. Т. XXVII- XXVIII. Нови Сад, 1984-1985. С. 789-799.
6. Рыбаков Б.А. Проблема образования древнерусской народности // Вопросы истории. 1952. N 9. С. 40-62; Он же. Древние русы // Советская археология. Т. XVII. М., 1953. С. 23-104.
7. Третьяков П.Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970. С. 153.
8. Филин Ф.П. О происхождении праславянского языка и восточнославянских языков // Вопросы языкознания. 1980. N 4.
9. Shevelov G.Y. A Prehistory of Slavic. The historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964; Furdal A. Rozpad języka prastowianskiego w swietle rozwoju glosowego. Wroclaw, 1961.
10. Швторак Г.П. Формування і діалектна диференціація давньоруської мови (Історико-фонетичний нарис). Кип", 1988.
11. Трубачев О.Н. В поисках единства. М., 1992. С. 96-98.
12. Ляпунов Б.М. Древнейшие взаимные связи русского и украинского языков и некоторые выводы о времени их возникновения как отдельных лингвистических групп //Русская историческая лексикология. М., 1968.
13. Хабургаев Г.А. Становление русского языка (пособие по исторической грамматике). М., 1980. С. 70-115.
14. Подробнее о деталях расселения восточнославянских племен см.: Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.
15. Седов В.В. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палеоантропологии) // Советская этнография. 1974. N 1. С. 16-31.

16. Монгайт А.Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 121-128.
17. Анализ всей суммы знаний по лучевым височным кольцам см.: Шинаков Е.А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // Советская археология. 1980. N 3. С. 110- 127.
18. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 134-170.
19. Седов В.В. Амулеты-коньки из древнерусских курганов // Славяне и Русь. М., 1968. С. 151-157.
20. Середонин С.М. Историческая география. Пг., 1916. С. 152.
21. Соболевский А.И. Очерки по истории русского языка. Ч. I. Киев, 1884; Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий... С. 324-384.
22. Спицын А.А. Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. N IV. С. 301-340.
23. Арциховский А.В. Курганы вятичей. М., 1930; Рыбаков Б.А. Радзімічы // Працы сэццп археологи Беларускай АН. Т. III. Менск, 1932. С. 81- 151.
24. Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.
25. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М., 1964. С. 23.
26. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 13.
27. Давидан О.И. Этнокультурные контакты Старой Ладogi VIII-IX веков // Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Вып. 27. Л., 1986. С. 99-105.
28. Седов В.В. Начало городов на Руси //Труды V

383

-
- Международного конгресса славянской археологии. Т. I. Вып. 1. М.. 1987. С. 12-24.
 29. Повесть временных лет... С. 83.
 30. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 9-43
 31. Troubetzkoy N. Es.sai sur la chronologie de certains fails phonetiques du slave commun // Revue dcs etudes slaves. T. II. N 3-4. Paris, 1922.

Н.Н. Дурново полагал, что конец общеславянского языкового единства следует определять серединой X в., когда фиксируется начало процесса падения глухи:; (Дурново Н. К вопросу о времени распада общеславянского языка // Sbornik praci I sjezdu slovanskych fililogu v Praze 1929. Sv. II. Praha, 1932. S. 514-526).

32. Вайян А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952. С. 18; Топоров В.Н. Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка // Славянское языкознание. М., 1959. С. 19, 20.
33. Новосельцев А.П. "Худуд-ал-алам" как источник о странах и народах Восточной Европы // История СССР. 1986. N 5. С. 99-103.
34. Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1961. С. 32, 33.
35. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
36. Трубецкой Н.С. О звуковых изменениях рус ского языка и распаде общерусского языкового единства // Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. М., 1987, С. 143-167.
37. Аванесов Р.И. Вопросы образования русского языка в его говорах // Вестник Московского университета. 1947. 9. С. 109-158.
38. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 164-177; Он же. Древненовгородский диалект. М., 1995.
39. Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балтославянские исследования. 1986. М., 1988. С. 115-154; 1987. М., 1989. С. 187-225; Он же. К истории племенного диалекта кривичей // Советское славяноведение. 1990. N 4. С. 54-63.
40. Николаев С.Л. Раннее диалектное членение и внешние связи восточнославянских диалектов // Вопросы языкознания. 1994. N 3. С. 54-63.
41. Опыт циалектологической карты русского языка в Европе, с приложением очерка русской диалектологии. Составители Н.Н Дурново, М.Н.Соколов и Д.Н.Ушаков. М., 1915.
42. Седов В.В. Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Вильнюс,

1985. С. 20-29; Sedovs V. Baiti senatne. Riga, 1992. 58-70 1pp.
43. Филин Ф.П. Очерк истории русского языка до XIV столетия (Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института имени А.И.Герцена. Т. XXVII). Л., 1940. С. 86; Он же. Происхождение русского, украинского и белорусского языков... С. 58-60.

Заключение

Формирование отдельных славянских этноязыковых образований - народностей - в результате распада праславянской общности было сложным и неодновременным процессом. Позднепраславянское этноязыковое состояние характеризуется значительной диалектно-племенной раздробленностью. Мощное и широкое славянское расселение начала средневековой поры в той или иной степени нарушило прежнюю племенную структуру славянства. Большая часть складывающихся славянских народностей не была результатом простой эволюции племенных образований поздних праславян. Наиболее крупные из них стали основой для формирования нескольких славянских народностей, а большие этнообразования славян, такие как древнерусская или польская народности, складывались в условиях интеграционных процессов, ведущую роль в которых играло активное развитие городской жизни и государственности. Взаимосвязи между раннесредневековыми славянскими народностями и племенными образованиями последнего периода праславянского этноса схематично переданы на рис. 119 и 120.

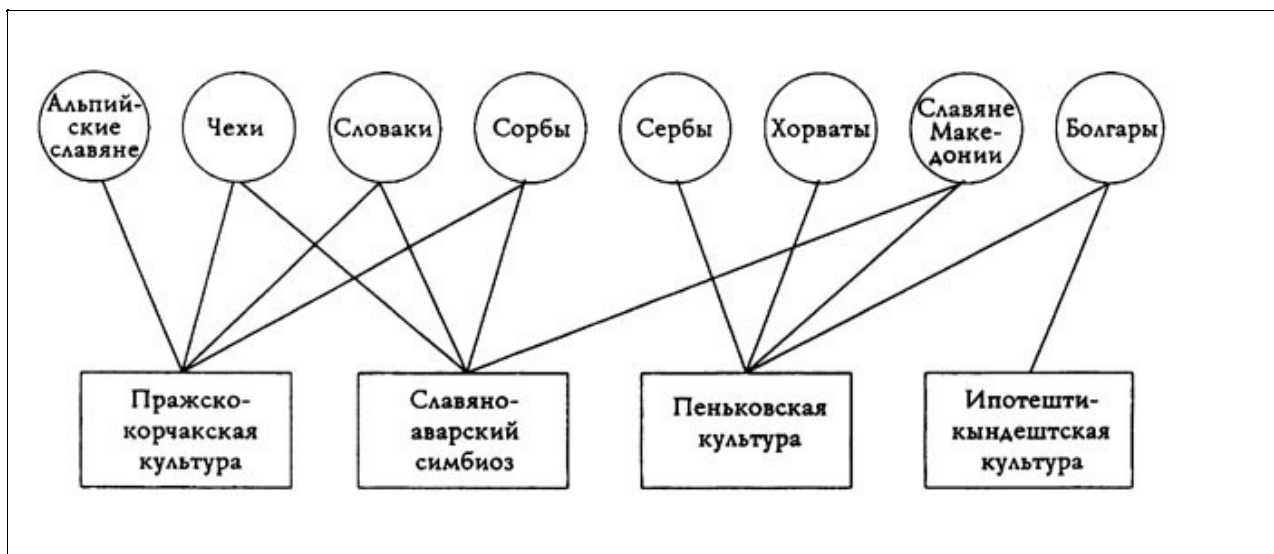

Рис. 119. Праславянские культурные группы начала средневековья и формирование славянских народностей. Схема взаимосвязей

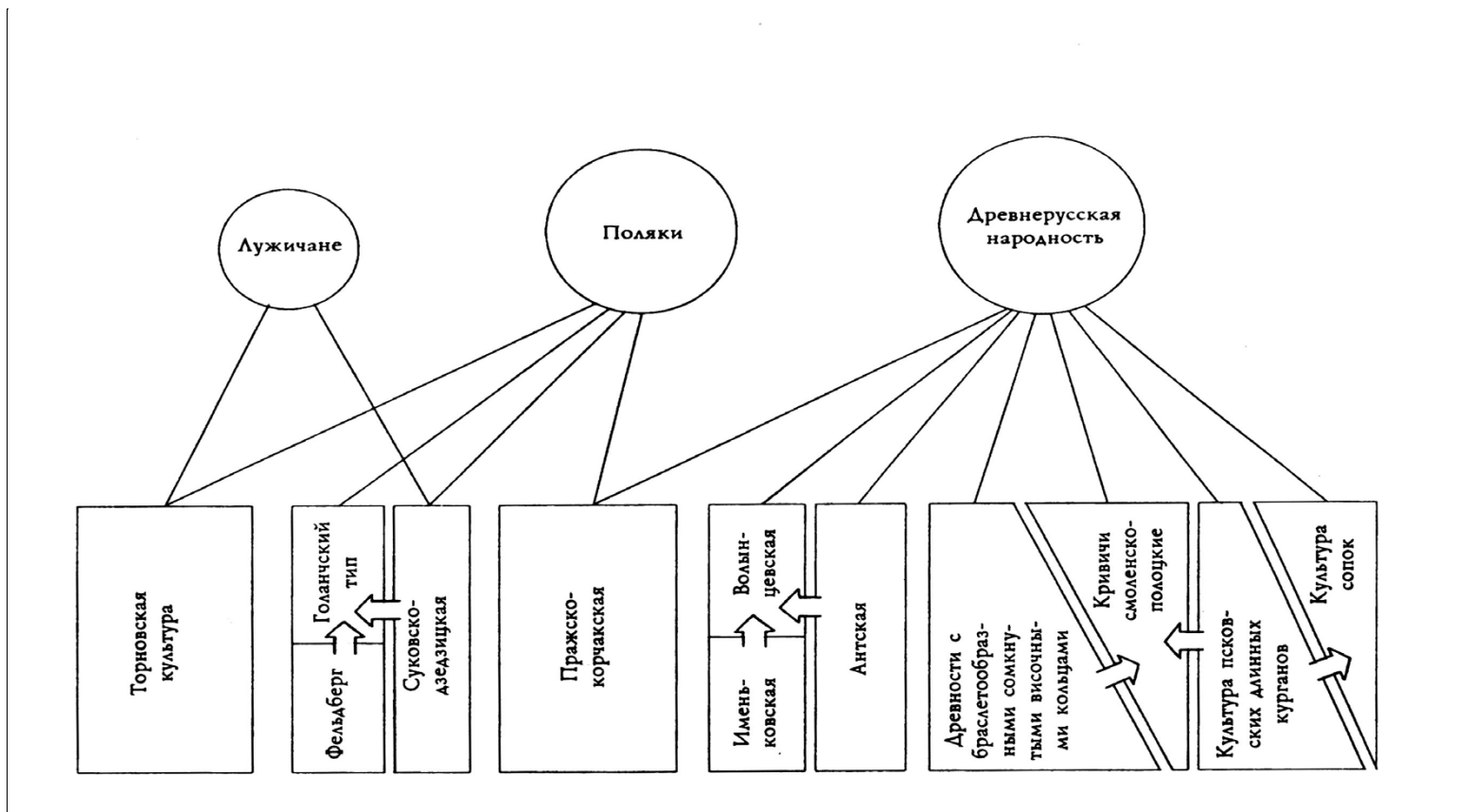

Рис. праславянские культурные группы начала средневековья и формирование северных славянских народностей. Схема взаимосвязей.

Указатель археологических культур и этносов

Аварская культура 84, 109-111, 113-119, 121-123, 125-130, 134, 287, 299, 304, 323, 332

Авары 29, 88, 109, 110, 117, 118, 120. 122, 123, 127-134, 137, 142, 150, 151, 159, 164, 171, 254, 276, 284, 287, 299, 300, 304, 310, 321, 323, 325, 326, 331, 332. 358

Аламаны 142

Алано-болгары 72, 193

Аланы 110, 187, 258

Албанцы 167

Анты 30, 81-84, 88. 91, 93, 103, 104, 106, 107, 109, 120, 123- 125. 130, 149, 150. 165, 171,193, 194. 321, 358, 359, 363, 364, 374, 380

Аукштайты 180, 181

Бавары 9, 111,121,126, 139, 280,284, 306-308, 311

Балкано-дунанская культура 266,337

Балты 6, 9, 15, 41, 52, 110, 171,216, 219, 245, 342, 360, 361, 375,380

Балты днепровские 88. 172, 210,218, 222, 227, 229, 231, 234, 361, 368, 369, 374. 380. 382

Балты западные 31, 170, 210, 246, 350

Баранджары 196

Бастарны 149

Белобрдовская культура 280,302-306,332

Белохорваты, см. также хорваты белые 325,326

Берзиты (верзиты) 153, 338, 339

Берсилы 187

Бессы 148

Бобряне 343

Богачевская культура 170 Богемы (чехи) 125, 312

Болгарская культура 269, 271

Болгарская народность 266, 268, 269, 273, 337

Болгары 49, 148, 256, 264, 266, 268-271

Болгары (тюрки) 110, 116, 117, 135, 195, 196, 256-258, 261, 263, 265, 266, 272

Болгары волжские 195

Болгары-оногуры 94

Болгары приазовские 256

Болгары-тюрки 105, 158

Болгары черные 195

Боршевская культура 199, 204, 205

Браничевцы 153

Браслетообразных сомкнутых височных колец культура 5, 6, 218-228, 254, 360, 371, 372, 382, 386

Брижане 55

Буковская культура 135

Буртасы 187

Вагры 48-51

Вандалы-силинги 48

Варны 25, 48-5, 55

Варяги 232, 375

Ваюниты 153

Велегезиты 153, 154, 163

Велеты (лютичи) 49, 50. 54-56, 58-60, 63, 66, 348, 354

Велеты-лютичи 51

Великоморавская народность 296

Великорусы 228

Вельбарская культура 170

Велюнзани, см. волиняне Венгерская народность 304

Венгры 135, 282, 286, 287, 296, 300-302, 304, 305

Венды (винды) 175-182

Венеды/венеты 30, 84, 177

Верзиты (берзиты) 152

Весь 87, 220, 222. 245, 362

Византийская культура 129, 131

Византийцы 82, 84, 109, 257, 258, 261, 326

Визиготы 166

Вильцы, см. велеты

Винеды/виниды 132

Висляне (vuisłani) 341-343, 353, 356

Влахи/волохи 106, 266, 286, 332, 362

Водь 172, 177, 245, 362

Волжскоболгарская культура 196

Волиняне (велюнзана) 48, 49, 344, 353

Волынцевская культура 186-195, 197-200, 206, 254, 360, 364, 373, 380, 386

Волыняне 35, 360, 363, 373, 380

Восточнолитовских курганов культура 211

Выжичане, см. приссана Вятчи 203, 222, 230, 235, 239, 363-366, 373, 375, 379

Галинды 170, 349, 350

Гбаны 310, 312, 316

Гепиды 26, 27, 49, 96, 99, 110, 111, 119, 120, 127, 134, 171

Германцы 5, 6, 15, 28, 41, 42, 47, 84, 88, 90, 97, 110, 127, 149, 171, 177, 207, 210, 254

Германцы восточные 171

Германцы поэльбские 26

Герулы 25, 148

Гето-даки 95, 106

Геты 149

Глеопеане 48

Гломачи 144, 145

Говоляне, см. стодоране Голанчане 342

Гопляне 48, 49

Гордо-серба (гордосерба) 152, 157

Городищенская культура 313

Готы 25, 84, 90, 91, 99, 224

Гото-гепиды 90

Греки 3, 166, 266

Гудискане (гачане) 327

Гунногундуры 256

Гунны 82, 95, 149, 150. 210

Гунны (авары) 109, 132, 326

387

Гунны-кутригуры 109

Дако-романцы 106, 266

Даны 25, 52

Датчане 50, 57

Дедошане 48, 49, 142, 343

Дечане 310, 312, 316

Диоклетианы 333

Днепродвинская культура 218

Добродзеньская культурная группа 142

Долеминцы 144, 145

Доленцы, см. толлензы

Драгувиты 152, 153, 163, 338

Древане 48-50, 60

Древляне 222, 239, 360, 363, 373

Древнеевропейцы 3

Древнерусская культура 31, 202, 378

Древнерусская (восточнославянская) народность 216, 358- 360. 374, 375, 377, 378, 382. 385, 386

Дреговичи 35, 152, 153, 222, 239. 360, 362, 363, 368, 373, 380

Дулебы 30, 35, 119, 277, 348, 360, 363, 364, 373, 380

Дулебы (чешские) 310, 312, 315-317

Дукляне 153, 333

Дьяковская культура 223

Европейцы 341,342 Езериты, см. эзериты

Жаровяне 142

Жемаиты (жмудь) 180,181,362

Житичи 144

Зарубинецкая культура 218

Земгалы 180, 181

Западнобалтских курганов культура 170

Западномазурская (мазуро-германская) культура 171-174

Зарубинецкая культура 359

Захлу́мы (захлу́мяне) 153, 331, 333

Земгалы 362

Зихи 187

Зличане 310, 312, 314, 316, 317

Иллирийцы 254

Именьковская культура 5, 6, 135, 187,193-197, 206, 254, 373, 386

Ипотешти-кындештская культура 5, 6, 8, 14. 15, 17, 30. 71. 84, 86. 95, 96, 98, 100-105, 110, 111, 119, 121-123. 159, 173, 254, 360, 385

Иранцы 83, 124, 254

Италики 254

Итальянцы 282

Каналиты 331

Карантанская культура 277, 279-281, 323

Карантанцы (карантани) 137, 280, 281, 284

Карпатских курганов культура 16, 17

Кашубы 48, 49, 356

Кельто-иллирийцы 274, 277

Кельтская культура 7

Кельты 254

Кессины, см. хижане Кеттлахская культура 276, 277, 279

Киевская культура 72, 81, 218

Кипчаки 207

Клешевых погребений культура 254

Колодичи 144

Колочинская культура 69, 71, 72, 81, 86-88, 186-188, 192-194, 220

Команская культура 166, 167

Коми 219

Корела 219

Котраги (кучи-булгары) 187

Кривичи 227, 228, 231, 232, 235, 245, 368, 369, 372, 374, 375, 379, 380, 382

Кривичи псковские 222, 232, 239, 363, 369, 374, 375

Кривичи смоленско-полоцкие 221, 222, 227, 232, 235, 238, 239, 386

Купи-булгар 187

Курши 170, 172-182, 185, 363, 366, 369, 370, 372, 374, 382

Кутригуры 109, 110, 117, 187, 193

Лангобарды 9, 25-28, 110, 133, 149, 171, 275, 276, 285, 304, 332

Латгалы 176, 179-181, 222, 234, 239, 362

Латыши 177, 232, 369

Лемузы 310, 312, 316

Лендзяне (lendizi, lenzeninoi) 344, 345

Ленцициане 48

Летто-литовцы 87, 172, 219, 220, 235

Ливы 172, 174, 176-182, 219, 234, 362

Линяне 48-50, 54

Литва 180, 181, 184, 211, 222, 234, 239, 362

Литовцы 176

Литомержичи 310, 312, 316

Личики 331, 332

Лужицкая культура 344

Лужичане 141, 142, 146, 386

Луки-Райковецкой культура 14, 31, 75, 186, 200, 380
Лучане 310, 312, 316
Любушане 142
Лютичи см. также велеты 56, 66, 344, 353
Ляхи 203, 344, 346
Мазовшане (masovitae, masoui ensos) 49, 342, 344, 346-349, 351-356
Мари 222, 239
Марийцы 87, 221, 226, 227
Мартыновская культура 120, 130, 159
Медиаш-группа 98, 111, 119, 134, 135
Меря 87, 220, 224, 228, 229, 362, 371, 382
Мидяне 82
Милинги 153, 154, 166
Мильчане 142
Мокша 219
Мораване/Моравы (северные) 284, 287, 296, 310, 316
Мораване (южные) 152, 153, 332
Мордва 87, 188, 199, 221, 222, 239, 362
Морешти культура 71
Моричане 55
Мощинская культура 87, 187, 188, 202, 203, 220, 230, 244, 365, 373
Мурома 87, 88, 220, 225, 226, 251
Надечане 153
Нелетичи 144
Немцы австрийские 282

Новгородцы 176, 244, 245, 370, 372
Нуджичи 144
Ободриты 48-51, 54, 56, 58-60, 63, 65, 245

Оногуры-болгары 115, 116

Ополяне 48, 49, 343

Остгерманцы 9

Остроготы 332

Паионы 148

Пеньковская (антская) культура 5-8, 14, 15, 17, 30, 68, 69, 71- 76, 78-84, 86, 88, 92, 95-98, 100, 102, 104, 110, 120-123, 157, 159, 171, 186-188, 192- 194. 204, 220, 254, 360, 363. 374, 380, 385, 386

Персы 150, 151, 164, 326

Печенеги 205,271,301,367,375

Плоне 55

Позднеаварская культура 115, 128

Позднеантичная культура 327, 332

Позднediaковская культура 87, 187, 212, 220, 223, 226

Полабы 48-50

Половцы 271, 362

Полочане 232, 370

Польская народность 341, 342, 346, 353-355, 385

Поляки 341, 344, 349, 355, 386

Поляне (восточнославянские) 35, 360, 363, 373, 375

Поляне (польские) 48, 49, 343, 344, 353, 355

Поморяне 48, 49, 344, 346, 349

Попина культура 157, 158

Праболгары 103

Пражская культура 7

Пражско-корчакская культура 5-8, 10, 11,13-18, 20-28, 30, 31, 35, 40, 41, 49, 52,69, 71, 74, 81,84,86,95-98, 100, 104, 110, 117-121, 123, 124, 129. 138. 141, 142, 144, 145. 157,159,187, 188, 204, 220, 254, 277, 287, 293, 303, 304, 310, 319, 321. 341-343, 356, 360, 380, 385, 386

Прарусы 358

Прешовская культура 24-6

Приссане (выжичане) 48, 49

Провинциально-византийская культура 129

Провинциально-римская культура 5, 95, 197, 209, 210

Протоболгары 257, 258, 261-264, 266, 268, 269, 337, 339

Пруссы 49, 170, 172, 173, 349-351, 354, 362

Псковичи 176, 369

Псковских длинных курганов культура 5, 6, 87, 171, 211-218, 220, 229, 230, 232, 235, 243, 246, 254, 360, 369, 370, 374, 380, 386

Пшеворская культура 5, 20, 30, 46, 209, 210, 254, 341, 345

Пшоване 310, 316

Радимичи 203, 222, 239, 363, 364, 368, 373-375, 382

Ране (руяне, рушане, руги), см. руюне

Редари (ротари) 49, 55

Римляне 3 Римляне(византийцы) 152, 284, 325, 331

Ринхины 152-154

Романо-влахи 148

Романцы 105

Ромеи 149, 150, 331

Роменская культура 192, 198-202, 230, 235, 364, 380

Росы/русы 91

Руги (rugi)125

Ругии 47

Румынская народность 264

Румыны 106, 107

Русские 232

Русь (русы) 124-126, 267

Русь-руги 125, 126

Русы (славяне восточные) 359,378

Руюне (ране) 47, 56, 57

Рюсснская культурная группа 139,142-146, 254, 332

Рязанско-Окских могильников культура 87-89.188, 221, 224, 225

Савиры 109

Сагудаты 152-154, 163

Сакалиба 196

Саксы 9, 50, 52, 121, 285

Салтовская культура 72, 193, 197, 198, 265

Самбииско-натангская культурная группа 170

Сапы 148

Сарадзане 48

Сарматы 5, 90, 110, 124, 127

Северы (балканские) 153, 154, 258

Северяне (север) 154, 193, 197, 202, 222, 239, 363-365, 373, 375

Седличане 310, 312, 316

Селы 180, 181

Семчичи 55

Сербо-лужичане 145, 146

Сербская народность 333, 335

Сербы 83, 124-126, 134, 153, 157, 266, 280, 282, 322, 329, 331-335, 385

Сербы белые 331

Сербы некрещенные 325, 326, 331

Сербы-сорбы 144

Сиван 196

Силинги 48

Сиуслы 144

Скальвы 170, 172, 180,

Скандинавы 58, 124, 346, 372, 379

Скиры 149

Скифо-сарматы 82, 83

Славяне альпийские (карантанские) 274, 276. 277, 280-282, 385

Славяне балтийские 56, 58, 60, 177, 182, 244, 245, 344

Славяне-венеды 175

Славяне восточные 175, 358, 359, 367, 369, 372, 373, 377, 378, 382

Славяне донские 205, 364, 379

Славяне западные 177

Славяне иллирийские 134

Славяне паннонские 299, 301, 304

Славяне полабские 58, 125, 154, 246

Славяне ростово-суздальские 372, 374, 382

Славяно-аварская культура 30, 385

Слензяне 48, 49, 284, 285, 343, 344

Словаки 267, 385

Словацкая народность 296, 297

Словене ильменские (новгородские) 219, 221, 222, 227, 228, 231, 239, 243-246, 363, 364, 370-372, 374, 375, 380

Словенцы 282

Слубяне 142

Смоленско-полоцких длинных курганов культура 188, 229- 231, 235-237, 254, 380

Смолинцы (smeldingen) 154

Смоляне (балканские) 153, 154

Смоляне(днепровские) 154, 237

Сопок культура 231, 232, 235, 238, 240, 241, 243-246, 254, 360, 370, 374, 380, 386

Сорбы (сербы лужицкие) 126, 132, 144, 145, 284-286, 310, 311, 331, 332, 385

Среднеевропейская культура полей погребальных урн 254

Стодоране 49, 55, 56

Струменцы (стримонцы) 152- 154

Судавская культура 170

Судины, см. ятвяги

Суковско-дзедзицкая культура 5-8, 13-15, 17, 31. 40, 41, 43-47, 49, 51, 52. 54-56, 60, 62, 63, 74, 84, 110. 121, 138, 141, 142. 171, 172, 213, 254, 341, 342, 344, 345, 347. 348, 356, 386

Суоми (сумь) 219, 362

Тевтоны 176, 210

Текстильной керамики культура 211, 216

Тервунюты 333

Тиверцы 362, 363, 374, 380

Тимочане 152, 153, 322, 332, 336

Толлензы (доленцы) 55

Торновская культура 49, 52, 138-142, 146, 254, 342, 386

Травуняне 153

Треболяне 142

Тугошь 310, 316

Тушемлинско-банцеровская (тушемлинская) культура 87. 88, 187, 203, 212, 213, 217-223. 227, 229-231, 236-238, 369

Тюринги 9, 52, 121, 139

Тюрки 109, 207

Тюрки-болгары см. болгары-тюрки

Тюркюты 256

Угры 187

Угры (венгры) 286

Удмурты 219

Укряне 49, 55

Уличи 362, 363, 374, 380

Уногондуры 187

Утигуры 81, 82, 109, 110, 187

Фатьяновцы 229

Фельдбергская культура 51, 52, 54, 55, 60, 63, 254, 342, 385

Финно-угры 6, 219, 361, 372

Финны поволжские 210, 224

Финны прибалтийские (западные) 177, 210, 216, 240, 243, 245

Фракийская культура 266

Фракийцы 5, 254, 266, 268

Франки 50, 52, 55, 110, 132, 134, 142, 145, 286, 327

Фриулы 126, 282

Хазары 187, 256

Херсонесцы 150

Хижане (кессины) 55

Хорватская народность 326, 327

Хорватцы 310, 316

Хорваты 83, 124-126, 130, 134, 280, 282, 312, 326, 348, 385

Хорваты (восточнославянские) 363, 364, 374, 380

Хорваты (далматинские) 126, 153, 278, 302, 321-327, 329, 331

Хорваты (чешские) 310, 316, 326

Хорваты белые 325

Хорваты некрещенные 325

Хорутане, см. карантанцы Худичи 144

Цирципаны, см. черезпеняне

Черезпеняне (цирципаны) 49, 55, 59

Черняховская культура 5, 20, 73-75, 78, 80-82, 90, 254

Чехи (племя и народность) 125, 310, 312, 313, 316, 318, 385

Чешская народность 296, 312, 318, 319

Чудь 222, 239, 361, 362, 375

Чудь Заволочская 222, 239

Шпреяне 55

Штрихованной керамики культура 210, 211

Эзериты 153, 154, 156

Эрзя 219

Эскель 196

Эсто-ливы 220

Эсты 172, 176, 180-182, 219, 234

Югра 219

Ятвяги 170, 172, 211, 349, 351, 354, 362

Slavus 125

Wenden 125

Указатель географических названий

Аварский каганат 117, 118, 120, 123, 127-132, 134, 150, 165, 258, 287, 323, 326

Авдееве 188

Австрия 25, 129, 304

Австрия Верхняя 125, 304, 307, 308

Австрия Нижняя 125, 129, 134, 277, 304, 307, 308

Агунтум 274

Адамешти 99

Адамов 15

Адриатика 7, 29, 30, 35, 124, 130, 131, 149, 162, 289, 290, 321, 323, 325

390

Адриатическое море 148, 321, 332, 333

Адриатическое побережье 131, 167, 327, 333

Адриатическое Поморье 327

Аздятичи 221

Азия 127

Азия Малая 88, 152, 159, 164, 165, 173

Азия Средняя 115, 117

Азия Центральная 256

Азовское море 81, 109

Айвазовское 90

Аи-Тодор 90

Акатово 222, 232, 235

Аквилея 280, 281

Алаттьян 111

Албания 106, 155, 159, 166

Александия 99

Алексесвка 71, 74, 75

Алеппо 152
Алфельд 127, 300
Алчедар 71
Альпы 274
Альпы Верхние 133
Альпы Восточные 281
Альт-Бартельдорф 62
Альтенплатхов 144
Альт-Любек 51, 59, 62, 63
Альтфресак 43
Альтштадт 42
Андрусовка Великая 71, 75, 81
Антиохия 152
Апамея 152
Апатии 29, 129
Апеннинский полуостров 324
Арайши 176
Арентания, см. Пагания Арефино 233, 235, 236
Аркона 57
Арраша, см. Арайши Артан, р. 152
Артек 86, 90
Арчар 99
Ателкузу 301
Аугсбург 301
Аухоф 308
Афины 166
Афрам 279
Ахмылово 226
Ахтырский район 76

Бабиетен 173

Бабка 15

Бабово 157

Бавария 125,275,277,278,280, 285, 290

Баварское графство 300, 307

Багивария (Бавария) 325, 326

Бакар 26, 323

Бакота 20, 23, 24

Бакэу-Куртя 97

Бала 323

Балаклея 76, 86

Балатон. оз. 30, 118, 120, 134, 299, 300

Балашовка 71

Балканские горы 258, 263, 265

Балканский полуостров 92, 100,104-106, 132, 148-156, 158- 160, 162-165, 167, 262, 266, 268, 271,331-333

Балканы 148. 149, 151, 155, 157, 159, 163, 164, 258, 270, 332, 333

Балта Верде 103

Балтийско-Волжский путь 374

Балтийское море 4, 48, 50, 51, 57,170, 173, 177, 209, 241

Балтика 57, 344

Бальмонт 232, 235

Бамм 43

Банат 95, 100, 110, 135

Банцеровщина 223

Баньоле 323

Баранья 127, 128

Барашевка 15

Бартельсдорф 172, 173

Батковици 131

Батьковичи 323

Бахуж 15

Бачко Петрово Село 119

Башть 315

Беджиховице 15

Безводнино 221, 226

Бела Церква 119

Белая Гора 189, 198

Белая Церковь 71

Белгород 189

Белград (Singedunum) 129, 131, 334, 335

Белев 35

Бело Брдо 302

Белое море 228

Белое озеро 227

Белоруссия 219, 236

Белтень-Васлуй 99

Бельск 79, 84

Бельчицы 221, 222

Белымерское 196

Беляевка 71

Березина, р. 360, 380

Березовка 86

Берен-Любхин 59

Берлин-Каульдсдорф 43

Берлин-Копеник 43

Берлин-Мальсдорф 43

Берлин-Марцан 47

Бернашевка 84, 86

Беседовка 189, 193
Бетика 323
Бешенев 15
Бзура, р. 351
Биалогужа 345
Биелин 323
Биендорф 62
Бийельин 131
Биловице 15
Биннензее, оз. 60
Биограцы 131
Бискупин 46, 60, 62, 355
Бискупия под Книном 122, 130, 160
Битица 186, 189, 190
Битола 160, 337
Битюг, р. 368
Бишкань 189
Благоевград 162
Бланкенберг 43
Блатоград 299
Блашково 261
Блед 276, 281
Влед-Пристава 276, 277
Близнаки 221
Блиндов 62
Блихово 350
Блатноград 285
Блото (Платков) 62
Бобниц 15

Богатое 71, 79

Богачевка 90

Богемия 133, 312

Богемский лес 306

Бозау 44, 47, 51

Бой 119

Боки 172, 174

Болгар (Болгары) 196

Болгария (Дунайская) 103, 135, 154, 157-159, 163, 258. 261, 266, 268, 269, 271, 285, 322,328, 337, 339

Болгария Великая (Причерноморская) 195, 256, 258

Болгария Волжская 195, 196

Болгарское государство 154, 166, 261-163, 266, 268, 269, 271,323, 332

391

Боль 128

Бона 328

Бониково 44, 46, 47, 140

Борисовский р-н 221, 222

Борки (Рязанские) 225

Борниш 105

Боровице 17

Боровой Млын 46

Бородино 221

Боромля 35

Вороники 221

Борхельт 140

Боршева 221, 223

Боршево 189, 204, 205

Боршод 118

Борюаллашситете 299

Босанчъ 96, 100

Босния 29, 129, 131, 148, 162, 332

Босфор 152

Ботошань 95, 96

Ботошань, округ 97, 103

Ботошань-Сучава 102

Ботра 131

Бочар 130

Бошава, р. 338

Брамбах 15

Бранденбург, город 43, 62

Бранешты 71

Браничево 334

Братей 134

Братислава 15, 133

Брацлавское Поозерье 236

Бребени 98

Брезолупы 16, 17

Брест 35

Бресте под Виничанами 160

Брестовик 334

Бржезно 10, 21, 28

Бржецлав 287

Бржецлав-Поганско 15, 43, 292, 294, 295

Бржецлав-Стара 15

Брза Паланка 131

Брибир 327

Брно 27

Броварка 364

Брущево 45, 46

Брянская обл. 88

Бубенеч 8 Буг (Западный), р. 11, 24, 326, 349, 351, 359

Буг Южный, р. 68, 72, 74, 102

Буда 76

Буда Шеецкая 16, 17

Будень 95. 97

Будечи 313, 315

Будешти-Васлуй 99

Будище 71, 72, 79

Будуреаска 97, 99

Бузэу 95, 102

Буки 35

Буковина Северная 20

Букрин 86

Букурешти 97

Бутиману 99

Бухарест 97, 100

Бухарест-Бэнеаска 99

Бухарест Дэмэроала 99

Бухарест Тей 99

Быстрица, р. 152, 157

Бычина 62

Бэлень 105

Бэлэбенешть 97

Бэняса 95, 100

Бяла 60, 261

Бяла Подляска 63

Вагрия 47, 50, 51
Вайноры 15
Валахия 135
Валдайская возвышенность 210
Ваплиц 172-174
Варвес Стрики 172,173
Вардар, р. 152, 338
Варна 258, 260, 261
Варна, р. 49, 50
Варненский округ 265
Варпалота 119
Варта, р. 49, 50, 349
Варшава-Брудно Старе 43
Варшавский шлюз 213
Василевщина 232, 235
Васильки 189
Васильковка 219, 222
Васлуй, уезд 100
Ватич, р. 73
Вежбица-Шлахеца 63
Вела 98, 119
Велатиие 15, 26, 27
Велебит 326
Велем-Сентвид 116
Велеславин 8, 22
Велесница 98, 119, 131, 336
Велестино 159-161
Велиград (Мекленбург) 50, 51
Велиград (Моравия) 292

Велика Госпа 323

Великая, р. 213, 217, 239, 369

Великая Моравия 133, 278, 284, 286, 287, 291, 295-297, 302, 306,307, 312, 314, 328, 339, 342

Великие Луки 233, 235

Великое (Ярославская обл) 228

Великоморавская держава 133, 284, 286, 287, 291, 295-297, 301, 302, 312, 341

Великопольское княжество (государство) 351,353

Великопольша 60, 343, 344,346, 353, 355

Велико Тырново 160

Велчедрем 162

Велька Гроб 15

Вена 275, 307

Вена-Лезинг 129

Вена-Унтер Санкт-Вит 129

Вена-Чокоргассе 129

Венгерское государство 296, 301

Венгрия 10, 29, 127, 136, 173, 277, 300, 301, 303, 326, 354

Венда, р. (Wenda, Winda, Venda, Vende), см. Вента

Венден (Цесис) 176-178,184

Веннолинн 176

Венский лес 110, 129

Вента, мыс 175

Вента, р. 170, 173-178, 182

Вентас Рагас 175

Вентин 175

Вентина 175

Вентис 175

Вентос 175

Вентос Перкасса 175

Вентспилс 177

Вентшов 44

Вербелов 62

Веремья 86

Верепково 217

Верзития 152

Версигет 299

Верхневисленский край 342, 355

Верхневолжье 223

Верхнеокский бассейн 204

Веселово 227

Веселое 188

Ветлуга, р. 227

Вецел 98, 119, 123

Вжосово 62

Видин 155

Византия. Византийская империя 6, 8, 17, 26, 27, 29, 78, 83, 96, 98, 102. 104, 109-111, 115, 117, 119, 121, 127, 129, 131, 148-152, 157, 160, 164-166,

256, 258, 261, 269, 271, 280, 289, 321, 325, 326, 331, 333, 337, 339, 377

Визенау 141

Виля, р. 88

Вильдберг 141

Вильмнитц 62

Вильховчик 71, 79, 122

Вилы 15

Винары 16

Винда 176, 178

Виндерей-Васлуй 99

Виничаны 160

Винковци 26, 323

Винницкая обл. 88

Винча 29, 129, 335

Випперов 43, 62

Виринум 274

Вирки Нижние 189

Вирлоапе 99

Вискла, см. Висла

Висла, р. 14, 24, 30, 44, 46, 124, 171, 173, 207, 209, 229, 286, 321, 326, 331, 341-344, 349, 351

Висмар 51

Витедский р-н 221

Вифиния 152, 154, 157

Вицин 35

Властислав 310

Влоцлавек 354

Влоцлавский округ 173

Влтава, р. 286, 310, 312, 314

Вовки 189, 191-193

Вогастисбурк 132, 133

Водская земля 370

Водяная 323

Воеводина 303

Воики 331

Войская 35

Волга, р. 4, 124, 187, 194-197, 218, 226-229, 231, 244, 256, 371, 372, 374, 382

Волго-Камье 194, 219

Волго-Клязьменское междуречье 224, 372, 382

Волго-Окское междуречье 223, 224, 227, 228

Волин 43, 48, 57, 62, 344, 354

Волковыск 35

Волосское 71, 79, 84, 86

Волхов, р. 240, 241

Волынцево 186, 188-194

Волынь 11, 14, 16, 30, 193, 358, 360

Воргол 188

Воронеж 198

Воронеж, р. 198, 368

Воронежская обл. 204

Воронец 203

Воротынцево 189, 197, 198

Ворскла, р. 197, 202

Восточноевропейская равнина, см. Русская равнина Восточноримская империя 115, 271

Восточнофранкское государство 286

Врача, уезд 97

Врбас 119, 122

Врбчане 15

Врев 162

Вроцлав 354

Вроцлав-Острув Тумский 62

Врсар 323

Вусце 232

Вуткани-Васлуй 99

Выбуты 217

Выжегша 224

Выжумский 227

Вырс 26

Выртоп 98. 119

Выска 172, 173

Вычапы-Опатовце 15

Вышеград (Адриатика) 29, 131, 162, 323

Вышеград (Среднее Подунавье) 300

Вята, р. 222, 236

Гадебух 62

Гайворон 71, 74, 80

Галижана 323

Галич-Крылос 35

Гамбург 42

Гамель 62

Гамзиград 335

Гана 144

Гапоново 87

Гарвэн (Гарван) 99, 157, 162

Гарс 281

Гатер 119

Гауя. р. 176-179, 182

Гацка, р. 327

Гбелы 17

Гданьск 31,43,60,62, 344,353- 355

Гебр (Марица), р. 149, 150

Гез 60, 62

Георгенбург 308

Геркс 44, 53

Гермагор 279

Германия 7, 10, 40, 43, 54, 125, 146, 207, 210

Герцеговина 29, 131, 148

Глеч 354

Глинище 232

Глинское 71
Глогниц 277, 279
Глогув 47, 354
Глубокое 16, 20
Глубочек Великий 35
Глухов 188
Гнездово 154, 237, 375
Гнезно 62, 343, 354
Гнойен 62
Гойач-Морлек 276
Голанч 43
Голешов 15
Голис 15
Голубинцы 160
Голштейн 49, 50
Гольм 62
Голяжье 188
Гомель 87, 88
Гомольша Сухая 71, 79
Гопло, оз. 48, 343
Гореча 16
Горичи 276
Горишнешеровский 35
Горки-Х 35
Горки Полонковские 35
Городище (Мядельский р-н) 222, 223, 235-237
Городище (Новгородская земля) 213
Городня 221, 227
Городок 20

Городок на Ловати 232, 235
Горошев 86
Горынь, р. 326
Горюнь, р. 215
Грабовица 131, 334
Градец Кралове 310
Градец над Йизероу 314
Градец у Стода 314
Градижск 86
Градина 131
Градо 275
Гребень 236
Греция 106, 151, 152. 155, 157, 158, 162, 268
Греческий полуостров 166
Григоровка 71
Гродек Ровенский 35
Гродно 35

Гросе-Мюль, р. 125
Гросс Зеберитц 15
Гросс Кюссов 62
Гросс Раден 60
Грубск 35
Гручно 62
Гуран 323
Гурбаново 43
Гусецко 14
Густавель 62
Гута-Михайловская 71,80

Гуциув 345

Гымбаш 98, 119

Гютцков 43, 63

Давидень 95-97

Давидень-Неамтц 99

Дакия 271

Далмация 110, 117, 124, 148, 150, 158, 277, 290, 321, 323-327, 331, 333

Дамен 53, 54

Дамм 62

Данапр (Днепр) 81

Данастр (Днестр) 30, 81

Дания 341

Данковице 60, 63

Данчены 71, 72, 75, 79, 84, 86

Даугава, р. 174, 176-179, 182

Даугмале 178. 179

Дахнув 345

Двоград 26, 30, 323

Девин (Dowina) 133, 286, 287, 295

Девинска Нова Весь 15, 113, 114, 128

Девинске Язеро 21

Девня 99, 265

Девня Река 262

Дедиловичи 221, 222

Дежки 79

Делва 35

Дембчино 47

Демидовка 221, 223

Демир Капия 338

Демьянов 86

Дериевка 71

Дерчево 47

Деса (Деза) 98, 119

Десна, р. 81, 88, 197, 202, 375

Дессау-Мозигкау 10, 11, 15, 28, 29

Детлеверух 173

Дечин 312

Дзедзицы 40, 47

Дзивна, р. 344

Диногоция 97

Диррархия 331

Длугошня 35

Дмитриевское 71, 80

Дмитровское 189, 197

Днепр, р. 10, 68, 75, 82, 154, 197, 202, 218, 232, 237, 256, 301, 358, 359, 363, 382

Днепровский бассейн 218

Днепровско-Днестровское междуречье 69, 71

Днепровское левобережье 69, 81, 186, 193-195, 197, 198, 200, 364, 374, 380

Днепровское лесостепное левобережье 69, 72, 186, 200, 202, 203

Днепровское Надпорожье 81

Днепровское правобережье 72, 364, 380

Днепропетровская обл. 74

Днестр, р. 10, 18, 30, 68, 81, 82, 97, 256, 268, 326, 363

Доббин-Флессенов 62

Добого у Кестхея 119

Добой 323

Добре 172, 173

Добржиховицы 20

Добруджа 97, 100, 105, 149, 256
Додешть-Васлуй 97
Долно Церово 162
Долхазка 96, 100
Дольне-Кршканы 15
Домантово 71, 80
Домнеаскэ 97
Дон, р. 196, 198, 202, 204, 205, 359, 364, 367
Донец см. Северский Донец Донской бассейн 367
Дорнбург 43
Дорохи 232, 235
Дорпат (Тарту) 176
Драва, р. 30, 134, 150, 274, 280, 286, 302
Драгословени 263
Дражички 317
Драчени-Ботошан 99
Древнерусское государство 228, 271, 373, 374, 377, 378
Древняя Гора (Mons Antiques) 176, 178, 179
Древняя Русь см. Русь Дрезден-Штегш 15
Дреник 328
Држетовице 315
Дрин, р. 152
Дробета-Турну Северин 98, 119
Дрогичин 43
Дроково 232, 233, 235
Дружный 35
Дрэниц 98, 119
Дубейково 35
Дубово 119

Дубовское 227, 252

Дубровник 260, 328, 333

Дударь 86

Дудлебу 310

Дукля (Диоклея) 328, 329, 333, 335

Дулчанка 105

Дунавец 162

Дунай, р. 20, 25, 30, 49, 50, 81, 92, 95, 97, 99, 100, 102-104, 106, 109, 110, 115, 117, 120, 121, 123, 125, 127, 129, 133, 135, 137, 148-152, 154, 155, 157, 159, 162, 164, 174, 237, 238, 256-258, 263, 265, 268, 271, 277, 284, 287, 300, 301, 307, 308, 331, 332, 336

Дунайский бассейн 237

Дунайско-Днестровское междуречье 157, 271

Дунайско-Прутское междуречье 157

Дунасекче 110, 127

Дунауйварош 116, 131

Дьод 113, 114, 128

Дыя, р. 292

Дьяково 221

Дэмэроае 102

Евразия 77 Европа 3, 4, 84, 209, 241, 290, 347, 379

Европа Восточная 5, 7, 84, 86, 124, 135, 210, 215, 219, 236-238, 240, 358-360, 363, 368, 372, 374, 375, 378, 379

Европа Западная 57

Европа Средняя 5, 7, 209, 358

Европа Юго-Восточная 109, 117, 187

Екабпиский район 174

Елгава 175

Енишов-Ташовице 43

Енушев Уезд 315, 317

Ерегхечь 119

Ерменькут 116

Ермошино 235
Жабино 223
Жабляк 131
Жарнувка 60
Ждрияц 321
Железные ворота 155
Желенки 294, 296
Житомирщина 7, 16
Жминья 233, 236, 279, 323
Жовнин 72
Жовтнево 189, 197
Жуковице 46
Журань 26, 27
Заале. р. 28, 133, 142, 144, 321, 331, 332
Забор 295
Завод 15
Завонча 43
Загард 62
Загорска Быстрица 15
Загреб-Стеньовец 119,130
Задар 29, 157, 328
Задонецкое 71,81
Зайцеве 189, 198
Закарпатье Украинское 304
Зала, р. 300
Залавар 299
Залакомар 118
Зальцбург 125, 275, 280, 286

Замошье 213

Занки 71, 79, 189

Занцков 62

Заозерье 218, 232, 233

Западная 198, 203

Западная Двина, р. 232, 239

Западнодвинский бассейн 171, 218

Западноримская империя 127

Западнотюркский каганат 256

Западный Буг, см. Буг Запорожская обл. 74

Запорожье 68

Записилье 189

Зарнувка 63

Заславль 35

Засулье 71

Зауездлитц 15

Захлума, р. 33

1 Захлумское княжество (архонтия Захлумье) 333

Захлумье (Захумье) 329, 332

Захов 15

Защанка 35

Зеленянка 79

Землянски Врбовк 122

Земун 119

Звездочка 35

Звенигород (Волынский) 33

Зветнау 15

Звиняч 15

Звонецкое 71, 72, 79, 81, 86

Зеденик 43
Земелин 62
Земплин 285
Зилупе 236
Зимно 11, 20, 22, 23
Зноймо 285
Золотое Колено 241, 243
Золун 160
Зоммерайн 307
Зубковичи 16, 17
Иванов 189
Ивановка 71
Иголомиа 15
Игрень 71
Игрень-Подкова 79, 86
Ижорское плато 370
Избиско 345
Изборск 213, 232, 369, 374, 375
Извоареле 98, 119
Ик, р. 195
Иллирия 124, 150
Илок 323
Ильменский бассейн 246, 380
Ильменско-Днепровский путь 374,375
Ильменское Поозерье 243
Ильмень, оз. 211,214,216-218, 239, 243, 244, 359
Именьково 135
Инкерман 90
Инн, р. 125

Ионийский залив 150
Ипельске Предмостие 15
Ипотешти 95
Ипуть, р. 202
Истр (Дунай), р. 25,81, 149, 150
Истрия (Адриатика) 30, 131, 158, 274, 277, 278, 323, 324
Истрия (Нижнее Подунавье) 158
Истрия-Капул Винлор 262
Италия 27, 110, 151, 163, 274-276, 280, 332
Йиздрана 317
Каб 29
Кабожа, р. 214
Каварна 270
Кавказ 124
Кавказ Северный 109, 256
Кае 26
Казачья Локня 86, 87. 89
Казиха 221, 227
Кайбельское 195,196
Калдус 31, 62
Калиш 354
Кама, р. 195
Каменево (Петровац на Млави)119,160
Каменка (Верхнее Поднепровье) 35
Камно 233, 235
Канев 81
Каневский р-н 250
Канцерка 74
Каппадокия 152

Карантан 274

Карантания 133, 275, 277, 280, 282, 285, 306-308

Карантанское княжество 274, 277, 282

Каргашино 35

Карлино 62

Карнбург 274, 275

Карпато-Дунайский регион 106, 107

Карпатская котловина 300

Карпатские горы 326, 345

Карпаты 16, 30, 95, 97, 100, 301, 359

Касциоареле 99

Каупанг 59

Каширский р-н 202

Кашичи 29, 129, 157, 321, 323

Кезигесбурх 144

Кезитц 144

Кекешд 114

Келары 172

Келкед-Фекетекапу 127

Кенигсборн 15

Керамийсийское поле 337

Ксркыр 158, 162

Керчь 86, 90

Кестхсй 118, 122

Кестхей-Фенекпуста 299

Кесь (Цесис) 184

Ксттлах 277, 279

Киев 197, 375, 378

Киев-Детинка 189

Киев-Киселевка 189

Киев-Китаевка 189

Киевская земля 359

Киевская Русь см. Русь Киевщина 250

Кизлевский 84

Кислое 223

Кисляк 71, 79

Кишинев 75

Кишкереш 119

Кладенци 261

Кладно 315

Кладово 76, 98, 119

Клайн-Бодшвингкен 173

Клаин Лантов 62

Клаин Марков 44

Клайн-Пуппен 173

Клайпеда 175

Клагенфурт 274

Клетнянский р-н 88

Климентовичи 14, 17

Клоштар 323

Ключев 310

Клязьма, р. 218, 225, 229, 244,
371, 372, 374, 382

Кнетцгау (Knetzgau) 133

Княжья Гора 86, 250

Кобуска-Веке 71

Кобылин-Кулешки 63

Кобылья Голова 213

Кодын 10, 16, 21-23

Козаричи 35

Козиевка 86, 122

Козин 35

Козлодуй 97, 103

Кокра, р. 276

Колобжег 354

Колобжег-Будцистово 43

Колодня 232, 235

Коломно 243

Колосково 86, 122

Конин 345

Константинополь 109, 162, 260, 266, 286, 326

Константион 338

Копачинцы 35

Копеник 43

Корбово 98, 103, 119

Коринф 159, 160, 165, 166

Корнатка 345

Коровень 188

Коротень 97

Корфа 152

Корчак 7. 8. 15-17

Косево 172, 174

Костелец 300

Костешты 71

Котор 327, 328, 333

Коунице 315

Коуржим 285, 310, 314
Кочерги 188
Кочкино 225
Кочубеевка 69, 71, 72, 79, 80
Кошево 62
Кошовени 97, 98, 103, 122
Кошуты 15
Краков 173, 285, 343, 354
Краков-Стары Рынок 63
Крань 276, 279, 281
Крань-Крижище Искра 276
Краславас Саулекскалнс 236
Красное Село 35
Кренешты 15
Крепостной остров 299
Кресты (р-н Мологи) 228
Крещатик 71, 193
Кривина 99
Криков-Цептура 97, 103
Крит 152, 155, 157, 165
Криуши 196
Крконошские горы 124
Кромы 202
Крунгл 279
Крушвица 43, 343, 354
Круя (Албания) 160, 166. 167
Крите 29, 131
Крыловка 90
Крым 90, 91, 174, 191

Крым Юго-Западный 90
Ксянженице 63
Кубань, р. 195
Куббе 178
Кудановка 189
Кудово 217
Кудьма, р. 226
Кузьминки 87-89, 174
Кукорэнь 95, 96
Кула около Михайловца 131, 336
Куня 71, 79, 81
Купанское 228
Куприне 218
Курземе 175, 177-179, 182
Курляндия 177
Курония 176
Курск 87
Курская обл. 227
Кусово 62
Куты 15
Куявия 353
Кшна, р. 351
Кындешти 95, 103
Лаба, р. 50, 310, 312, 313, 315, 317, 326
Лабия 328
Ладоба, Старая Ладоба 59, 375, 377
Ладыжин 71
Лангенлебарн 26, 27
Ландскрон 172, 173

Ланжхот 15, 27
Ланкен-Гранитц 62
Ланц 62
Латвия 174, 175, 177, 179, 236
Латгалия 175
Латышевка 188
Лачи 160
Лашки 276
Лебедка 189, 198, 202
Леберсхоф 172, 173
Лебиховка 86
Лебяжье 188
Леведия 300
Левкое 152
Левоусы 314
Левый Градсц над Влтавой 310,315
Леегебрух 43
Лезги 213
Лезха 160
Лейбнитц 279
Ленинское (Спасское) 188
Ленчица 48, 354
Ленчииа-Эмаус 63
Ленчицкая область 353
Лснчыно Старе 352
Лесная 236
Летенье 300
Леты 20
Леха Гора 343

Лехлескен 172
Либень 15
Либице-над-Цидлиноу 310, 314, 315
Либурниа 275
Либушин 310, 315
Ливония 176, 177
Линдора 214
Линкунай (Линкунен) 172, 173
Линц 125
Линц-Зизлау 27
Липско 345
Липцы 71
Литва 170, 171, 174, 175, 250
Литвиновичи 188
Литовское государство 382

Лихнидос (Lichnidos), см. Охрид Ловать, р. 213, 214
Лович 63
Ловня 103
Ловценац 130
Логойский р-н 222
Лодзинское воеводство 346
Лозна-Дорохой 104
Лозна-Стрэтень 95, 96, 105
Лозница 16, 17
Локрис 166
Ломбардия 275
Лоози 217
Лопатна 71

Лопъял 227
Лорх 275
Лосицы 217
Лоссов 141
Лоуни 28
Лубуш (Лебус) 62
Лубянж 62
Луг 71, 72, 74, 79
Луг, р. 11
Луга, р. 217, 239
Лудчицы 35
Лужица 141, 142
Лужицкая область 142
Лужки 202
Лука-Каветчинская 23
Лукашевка 71
Луковня 221, 223
Лукомль 237
Лумбе 317
Лупка 295
Лутомерск 63, 346
Лух, р. 225
Лучистое 86, 90, 174
Лысая Гора 189, 198, 205
Лыща 35
Любек 42
Любекский залив 48
Любеново 162
Любимовская Забора 77

Любхинское оз. 59

Люляково 99, 160

Люнебург 60

Лютьенберг 28, 140

Лядская (Ляшская) земля 344

Мавчанска Митровица 332

Мадалану 236

Мадара 99, 160. 270

Мадора 35

Мазовия 348, 350, 351, 353, 354

Мазовско-Подляшский регион 351

Мазурия 175

Мазурское Поозерье 88, 170, 171, 173, 183

Майн, р. 133

Майорка 79, 84, 86

Майссен 43

Макаров Остров 74

Македония 106, 130, 148, 149, 151, 154, 155, 157-159, 162, 163, 268, 269, 337, 339. 385

Максимове 225

Макча 188

Малаешты Старые 69, 80

Малая Рыбница 86

Мали Идош 130

Малкович 62

Мало-Давыдовское 224

Малопальцевское 196

Малопольша 18, 20, 345, 355

Мальхин 62

Малы Леваре 15

Малый Ожавец 122

Малый Ржавец 77, 79, 86, 250

Малый Черемшан, р. 195

Малышеве 225

Мариенгаузен 35

Марица, 162

Марица, р. 150, 159

Мартыновка 76, 77, 79, 86, 120, 122, 130, 250

Масковичи 236

Матушково 15

Мачуха 191

Медлинг-Гольдене Штее 129

Мезия 151

Мейецовощ 31

Мекленбург, округ 40, 43, 49, 54, 56, 57, 63. 177, 214

Мекленбург, поселение 42, 51, 62

Мекленбург, городище 51, 54

Мена 86, 87, 89, 188

Мендзиборув 14, 15

Менцлин 53. 57

Меотийское озеро (Азовское море) 81

Мерзановице 24

Мерзебург 125

Мерин 62

Мершвитц 15

Месембриа 257

Мещерско-Муромский край 372

Места-Нестос, р. 154, 163

Мигово 35

Микольцы 87, 88, 172, 221, 222

Микульчице 43, 285, 287-291

Милитарь 97

Милорадовичева циглава у Панчево 122

Мингфен 172

Минералки Бани 162

Миния, р. 170

Миорский р-н 222, 236

Мирополь 14, 17

Мирословешть 99

Мисия 258, 266

Миттерндорф 279

Митяевичи 35

Михайловец 131, 336

Михайловское 217

Михалевици 332

Михельсдорф 308

Михэешти 98

Мишевка 45

Млада-Болеслав 315

Млевский Бор 221

Млодзиково 31

Могилевщина 88

Мозабург 299

Молдавия 30, 69, 71, 73, 75, 79, 107

Молдова 95, 97, 103, 105

Молога, р. 213, 214, 228, 232, 239

Молочарня 71, 79

Монастырек 189

Морава, р. (левый приток Дуная) 284, 287, 291, 292
Морава, р. (правый приток Дуная) 152, 155, 162, 166
Моравия 14, 24, 25, 27, 133, 134, 137. 143, 284. 286, 287. 289, 290, 295-297, 310, 313. 341. 342
Моравскы Ян 15
Морешти 76
Морея 166
Москва 367
Москва, р. 202
Москворечье 223
Московская обл. 202
Мостар 131
Мостова 15
Мраморное море 151, 152, 155
Мета, р. 213, 214, 241
Мужиново 87, 88
Мульда, р. 28, 144
Мунтаяна 323
Мунтения 95, 100, 102, 103, 105, 263

Мунтенская равнина 97
Мур, р. 274, 277, 300
М- ригиол 97
Муром 35, 226, 251
Муромское 196
Мурса (ныне Осиек) 30
Мурса, р. 30, 120
Мурсианское оз. 30
Мушичи 131, 162, 323
Мышленице 345

Мядельский р-н 222

Мядельское оз. 221

Мякинино 35

Мяста, р. 222

Мястра, оз. 88

Нагъхегъ 119

Наделитц 62

Надпорожье 75

Наделав 17

Надъхаршань 128

Накло 43

Налбант 105

Нарев, р. 351

Нарези 323

Наташино 90

Натзевитц 62

Наумен 43

Неа Анхиалос 159, 160

Невиодун 30

Неготин 98, 119

Нежаровские хутора 35

Неждино 223

Нейбранденбург, поселение 43, 55

Нейбранденбург, округ 51, 59

Некасецк 223

Неман, р. 170, 173, 175, 349, 360

Неманский бассейн 245

Немча 354

Непорент 14, 15, 63

Неретва, р. 333
Нерис-Виля, р. 210
Нестронна 355
Нечаевка 189
Нижегородская обл. 226
Нижние Вирки 189
Нижние Дубовики 241
Нижняя Стрелка 227
Никея 152
Никодимово 87-89
Николаевка 35
Никольское 35
Никомедия 152
Никулицел 256, 257
Нин 321, 327, 328
Ниппермин 62
Нитра 284, 285, 287, 295, 297
Нитра, р. 16
Ниш 148
Нова Гута-Могилы 8
Нова Черна 99, 162, 261
Новая Гута 173
Новая Одесса 122
Новгород 217, 228, 236, 241, 243, 245, 375, 379
Новгородская земля 59, 177, 214, 244, 245, 370-372, 375
Новгородская обл. 213
Новгородско-Псковская земля 213, 216, 217
Новгородчина 219, 382
Нови Бановицы 119

Нови Пазар 262, 264
Нови Сад 26, 29
Новиетун 30
Новины 46
Новоселье 86, 87
Новотроицкое (Волго-Окское междуречье) 224
Новотроицкое (Сумская обл.) 200, 201
Новы Дворек 46
Новы Кнежевац 130
Ногата, р. 170
Норвегия 59
Нунья-Чардавелдь 116
Ньгопалл 1 14
Нюнхритц 15
Нями, уезд 97
Обухов 189, 193
Овилава 274
Оглей 281
Огрже, р. 28, 310
Оденпя (Оденпе) 176
Одер, р. 23, 25, 40, 46-49, 51, 59, 60, 138, 140. 142, 144, 209, 326, 331, 343. 345, 353
Одессос 158, 257
Одинцово 35
Одинцовский р-н 202
Оздятичи 35
Озерное 90
Ока, р. 171, 174, 199, 202, 203, 205, 224, 225, 228, 244, 364, 365, 367, 373, 380
Олимпия 158
Олтеница 264

Олтения 95,100,103,105,110,135

Ольденбург 44, 47, 50, 51

Ольшанка, р. 292

Онгл 256, 257

Опово-Баранда 26, 29

Ополе 43, 343, 344,346,354, 355

Ополе-Острувек 63

Опошня 186, 187, 189

Ореаву 97

Орлеа 99

Орослань 29, 118, 128

Оршова 98, 119

Оршымовице 63

Осечна 62

Осечница 46, 47

Осиек 26. 130, 302, 323

Осиповка 71, 72, 79

Осокоровка 79, 81

Остер, р. (летописный - Востер) 375

Остмарк 275

Отлочын 62

Отмичи 221, 223

Оток 160

Офельдеак 119

Охиу Боулуй 99

Охрид (Desarelia, Lychnidos) 260, 337-339

Охридское озеро 152, 337

Пагания 329

Падзерские Огородники 35

Паланка 97
Панагия (Ареитания) 331, 332, 339
Паннония 27, 110, 120,122,12,127-129, 302, 304
Паннония Нижняя 134,280,29
Пантикапей 90
Панчево 29, 122
Папа 119
Парсента, р. 40, 43
Пархим 50, 59
Пассау 284, 286
Пастовице 15
Пастырское 71, 73, 74, 77, 7е,80, 86, 92
Паусснитц 15
Пеена (Пена), р. 55, 57
Пекари 86
Пелопоннес 4, 88, 132, 148,151-155, 159, 162, 164-166, 173
Пеньковка 68, 71
Пеньково 224
Пенькунь 62

Пергамон 160, 173
Персбыковцы 69
Псресопница 35
Персяславль Залесский 252
Псреяславль Рязанский 366
Перник 162
Пески 189
Пески (на Суле) 189
Песчаное-Народичи 35

Пстровац на Млави 119
Петровина 26
Петровское 71
Псч 119
Печ-Кезтемете 114, 118, 128
Пиков 71
Пилиш 300
Пинда 148
Пиннов 62
Пиотровицс 345
Плакун 243
Планяны 15
Плсница 98. 119
Плещево оз. 228
Плиска 257, 258, 260, 261, 269, 270, 337
Плиснеск 35
Плоньск 63
Площе 173, 213, 350, 354
Плоцкос воеводство 44
Плюсса, р. 239
Пляж 86
Пнев 15
Пнево 238
Победим 285
Победище 243
Побужьс 74, 79. 124
Побужьс Южное 81
Повалишино 218
Повисленье 213, 216-218

Повисленьс Верхнее 341

Повисленьс Среднее 40, 209, 210, 245, 348

Поволжье Верхнее 171

Поволжье Самарское 195

Поволжье Среднее 135,193,195, 196, 206, 224, 227,364,372,380

Поволжье Тверское 219, 372

Поволжье Ярославское 219,372

Поганско 285, 287

Погорелка 35

Подболтня 87, 88, 225

Подвинье Полоцкое 218, 221-223, 227, 231, 232, 236, 237, 369, 374

Подгорцы 35

Поддембце 35

Поддубье 35

Подесенье 88, 186, 193, 194,197,202

Подмелцу-Башка 275

Подмосковье 365

Поднепровье 24, 69, 72, 74, 90, 92, 125, 128, 187, 193, 197, 219, 244

Поднепровье Верхнее 154, 223, 227, 237, 359

Поднепровье Гомельско-Могилевское 231

Поднепровье Киевское 7, 186, 360

Поднепровье Нижнее 76

Поднепровье Смоленское 218, 219, 221, 223, 227, 231, 236, 369, 374

Поднепровье Среднее 24, 76, 173, 174, 192, 194, 195, 358,359,278,380

Поднестровье 10, 363

Поднестровье Верхнее 23

Поднестровье Среднее 183

Подоли 15

Подольско-Днепровский регион 80, 81

Подонье 204. 205, 380

Подоньс Среднее 198

Подрось 35

Подунавье 27, 35, 83, 88, 124, 129, 130, 133, 137

Подунавье Австрийское 125,306

Подунавье Нижнее 7, 30, 69, 77, 88, 92, 95, 97-100, 103-106, 134, 135, 155, 157, 158

Подунавье Паннонское 27

Подунавье Северное 133, 165, 268

Подунавье Сербское 10, 29, 129-131, 269, 302, 332, 334

Подунавье Среднее 20, 24-29, 35, 69, 88, 109, 110, 114, 115, 117, 118, 120, 123,124,126,130,133, 134. 142, 143, 146, 150, 154,159, 173, 233, 236, 237, 274, 276, 284, 297, 299-301, 304,325

Поетовио 275

Пожорэнь-Васлуй 97

Позаймиште 334

Познань 43, 343, 345, 353, 354

Поильменьс 370

Покасепетк 29, 118

Полабье 154

Поланка 97

Полибино 214

Полосы 213

Полота, р. 370

Полоцк 222. 228. 232. 370, 374

Полоцкая земля 231, 232, 370

Полтава 191

Полтавщина 76

Полузорье 71

Полунин 46

Польское государство 353-355

Польское Поморье 177,244,245, 341,344, 346, 353, 355, 356

Польша 7, 10, 40, 44, 48, 58, 341,344, 345, 351, 353-356

Польша Северо-Восточная 23,211

Польша Южная 20, 24

Померания 60

Поморье Польское 40, 43, 47, 48, 51, 54, 55, 57

Понсманьс Верхнее 171,380

Понеманьс Среднее 171, 210, 211

Понтийское море 81

Поочье 88

Поочьс Верхнее 199, 202, 203, 245, 365

Поочье Муромское 238

Поочье Рязанское 88, 205, 224, 225, 367

Поочье Рязанско-Муромское 89

Поочьс Среднее 88, 225, 365

Попадьинскос 221, 223, 224

Попеншицс 43

Полина 157,162

Попово (на Унже) 221, 226

Попово-Лежачи 189

Посожьс 368, 374

Поставмуки 76, 86

Посудичи 188

Потворицс 15

Потисьс 110

Потисье Верхнее 304

Потсдам 43, 62

Поттсбрунн 305

Почепок 203, 244

Починки 227
Почтовая Вита 35
Поэльбьс 50
Поян 95-97, 101
Прага 15, 285, 313, 317-319
Прага-Восток 315
Прага-Град 310, 317-319

399

Прага-Градчаны 15, 43
Прага-Левы Градец 43
Прахово 98, 119
П;сголь, р. 170
Прейссенорт 173
Преслав 260, 270, 337
Пржитлуки 14-17, 24, 27
Приазовье 195, 256, 272
Приаралье 114
Прибалтика 170, 176
Прибалтика Юго-Восточная 88, 170, 172, 174, 175, 178, 180, 181, 214, 219
Пригревица 130
Придунайская низменность 95, 286
Призанновитц 62
Приильменье 241, 243-246, 374, 375
Прикамье 372
Прикамье Нижнее 196
Прикарпатье 326, 374
Прикарпатье Висленское 341
Прикарпатье Восточное 183, 321
Прикарпатье Северо-Восточное 16, 363

Прикубанье 115

Приладожье 240

Прилеп 337-339

Прионежье 228

Припятское Полесье 10,152,203

Припять, р. 24, 360, 380

Притцир 214

Приуралье 219

Причерноморье 120, 171, 209

Причерноморье Западное 258, 262, 263, 265

Причерноморье Северное 68, 78, 80,82-84,86,90, 120, 123-125, 130, 131, 197, 300, 301, 321, 332

Причерноморье Северо-Западное 258

Прогресс 71

Прозор 160

Проскурня 35

Прость, р. 241

Протопоповка 79

Прувени 97

Прудники 221, 222, 236

Прунени 99, 103

Пруссия 351

Прут, р. 10, 68, 95, 97, 102, 256, 358, 363

Прутско-Днестровское междуречье 263

Прша 303

Прютцке 15

Псары 63

Псел, р. 193, 194, 197, 202

Псков 217, 233, 235, 375

Псковская земля 216, 231, 232, 369, 379

Псковское оз. 211, 213, 214, 216-218, 227, 369, 380

Псковщина 215, 369, 374

Птичь, р. 236

Пула 328

Пулавы-Влостовице 24

Путивльский р-н 186

Путилово 35

Пьятра-Фрэкэцй 97, 99

Пышкань-Яссы 99

Рагуза (Дубровник) 333

Радзеюв Куявский 46

Радолиште 337

Радом 43

Разделна 265

Ральсвик 42, 56, 58, 59

Рамбин 62

Рамин 62

Рассау 62

Ратайчины 35

Ратиборское оз. 48

Рацибуж-Обора 17, 345

Рацисбург (Ратибор) 50

Раша 328

Рашков 10, 23, 24, 86

Ревячка 223, 237

Регенсбург 125, 312

Регнитц, р. 133

Редегост (Ретра) 55, 56

Резеш 299

Рейн, р. 173, 207

Река 99

Рекалмас 26

Репешкут 299

Ретра 55, 56

Реут, р. 73

Реча 69, 71

Римская империя 25, 148, 166

Рерик 50

Ржева Пустая 235, 236

Рига 176-178

Рига, р. 178

Риекстукалнс 176, 178

Рим (Истрия Адриатическая) 323

Римская империя 210, 266

Ринхин, р. 152

Рипнев 20, 23

Ровице 276

Рогатица 323

Рогозна 16

Родопы 154

Рождественно 193

Розпржа 43

Розумице 345

Роице 188, 193

Ромашки 35

Ромонья 113, 114

Росдорф (Rosdorf) 125

Россия 175, 197

Ростов 228

Ростово-Суздальская земля 219, 227, 229, 372, 374, 382

Росток 125

Рось, р. 68, 76, 250

Рохлитц-Мюгельнский регион 141

Роча 323

Ругиланд 25

Руднево 188

Рудня 221, 232

Румыния 30, 107, 173

Русская Мюль, р. 125

Русская земля 377, 378

Русская равнина 88, 89, 134, 179, 186, 209, 210, 229, 238, 241, 245, 247, 359, 364. 366, 368, 374, 378, 379

Русский Северо-Запад 372, 380

Русь 125, 175, 179, 201, 219, 347, 354, 363, 370, 372, 375, 377-379

Русь Северная 228

Русь Северо-Восточная 224, 227, 228

Русь Южная 82

Рутка 227

Руши-Мэнэстриоара 95-97

Рыбница Малая 86

Рысна-Сааре 214

Рюген 47, 54, 56-58, 62

Рязанская земля 367, 368

Сабиле 182

Сава, р. 134, 150, 151, 157, 159, 274, 276, 297, 333

Савар 30

Савария 275, 285

Садовец 99

Сады 292

Сакалиба 196

Сакаль (Ерегхечь) 119

400

Салинес 328

Салона 325, 327

Самарская лука 195

Самбор 26, 29

Самокража 213

Самое 152

Самчинцы 71, 80

Сан, р. 345

Сандомир 16, 354

Сандомирская возвышенность 344

Санتيкум 275

Санток 43

Сарадза 48

Сарваш 323

Саркел 197

Сармизеджетуза 98, 119

Сарское 224

Сахновка 250

Света Гора 276

Свила 221, 222

Свищево 35

Сдоррен 173

Себежское Поозерье 227

Севастополь 90

Севера (Severia) см. Северская

земля Северик 217

Севсрка 35

Северскин Донец, р. 68, 6,9, 81, 104, 196, 197, 202, 359, 363

Северская (Северянская) земля 197, 359

Севлиево 162

Седеглиано 279

Седлице 312

Сейм, р. 81, 88, 186, 193, 194, 197, 202

Сексард-Бодыслои 116, 117

Селенча 130 Селец 16, 17

Селиште 69, 71-75, 79, 84, 86

Сельцо 241

Семенки 69. 71, 72, 79, 80, 86

Семеновка 71

Семово 43

Семониа-Колоица Подмлынис 15

Семухино 252

Сенонаго 132

Сентендре 8, 26

Серадзская область 353

Сербия 124, 129, 130. 148, 158,162, 325, 329, 331-334

Сербия Великая 332

Серблия(Сербия), город 157

Сербское государство 336

Середь 15

Серенск 367

Серет, р. 256, 301

Серпуховский р-н 202

Сигетсентмиклош-Харош 119

Силезия 18, 43, 48, 54, 60, 124, 142, 321, 343, 355

Силистренский округ 261

Сингидун(Сингидунум) 149,151

Синюково 189, 197

Сипонта 333

Сирет, р. 97

Сирия 152

Сирмабешенье 118

Сирмиум (Сремская Митровица) 297, 328, 335

Сирмия-Срем 286

Сисак 119. 275. 323

Скадра 160

Скалистинское 90

Скалица 17

Скандинавия 57, 58, 240, 350

Скелька 71

Скибинцы 69, 71, 72, 79, 80

Скифия 109

Скифия Малая 149, 259, 261

Скок 71

Скопье 260, 338

Скорницс 15

Скрадина 129, 323

Скрвилно 43

Скробач 62

Славиния (Посавская Хорватия) 329

Славония 297

Славянская река 196

Слатина 95, 131, 336

Слатинская Река 131

Слобода (Смоленская обл.) 232, 235, 238

Слобода Великая 86

Слобода-Глушица 232, 235, 238

Слободка 35

Словакия 10, 14, 21, 24, 25, 128, 134, 284. 286, 287, 294-295, 303

Словакия Западная 25

Словакия Юго-Западная 128

Словения 275

Словень Градец 281

Сленз (Сленж) 48

Сленза, р. 48

Слупянки. р. 44

Смоленск 154, 232, 237, 374, 375

Смоленская земля 231-233, 372, 375, 382

Смоленщина 88, 203, 221, 222, 232, 236, 237, 244

Смолян 154

Смородинка 86

Смрдельи 129, 323

Снопоть, р. 202

Советск 173

Сож, р. 368, 374

Солгутов 74

Солдатское 189

Солунская равнина 152

Солунь (Фессалоники) 151, 152, 260

Сосница 188, 194

Сотин 323

София, Средец 148, 260, 271

Спарта 159, 160

Сплит 328

Среберна 162

Средец, см. София Средиземное море 152, 164

Средиземноморье Восточное 289

Среднедунайская низменность 110

Среднедунайский бассейн 127

Средненеманская гряда 210

Средний Восток 292

Сремская Митровица, см. Сирмиум

Сремская область 150, 151

Ставка 35

Стамбул 160

Стан 188

Стара Загора 160, 162

Старая Ладога 233, 235-237, 240, 241, 243

Старая планина 152

Старая Рязань 367

Старгард (Ольденбург) 50

Старгород 352

Старе Место 285, 287, 288, 291-294

Старе Място 15, 43

Стари трг 281

Старо Село 162

Старый Кадом 225

Стерман 261

Стецовкая 69, 71, 72, 79, 80

Стжалково 45

Стжельно 62

Стовпяги 189

Столпе 141

Страдув 24

401

Страулешти-Лунка 95

Страулешть 97

Стрелица 188

Струга 337

Струма, р. 152, 155, 162, 163

Струмица, р. 152

Стручены 71

Стugna, р. 375

Студенок 71

Ступава 15

Стыдынка 35

Суботица 29

Сувалкия 211

Сувар 196

Судак 90

Суджа 86, 87, 89, 122, 221, 227

Суздаль 224, 375

Суздальская земля 203

Суков 40, 43, 44

Сула, р. 197, 202. 364, 375

Султана 262, 264

Сумская обл. 76, 186

Сура, р. 195

Сурская Забора 79, 84, 86

Суук-Су 86, 90, 91, 174

Сухая Гомольша 198
Сухой Ташлык, р. 73
Сучава, округ 97, 100
Сучава-Шипот 76, 95-97, 99, 101, 104
Сушки 69. 71, 79, 81
Съезжее, оз. 213, 215
Сэлашурь 105
Сэрата-Монтеору 95, 97, 99, 101-103
Сэцюени 98, 119
Таборский р-н 317
Тавриз 152
Тайгет 154
Тайлово 217
Таллин 174
Тальяменто, р. 274
Танкеевка 196, 252
Таранов Яр 191
Таранцево 71, 79
Тарту 176
Тарханы Большие 195
Татабанья-Алшогалла 116
Татарстан 252
Теза, р. 252
Тенос 152
Теплице 315
Тервуния (Травуния) 331-333
Теремно 35
Терновское 90
Терновый 189

Тетерев, р. 16
Тетеревка 8, 15
Тетерев 42, 59
Тетеровское оз. 59
Тешилов 366
Тильзит. см. Советск Тимок, р. 152, 155, 258, 335
Тирас (Днестр), р. 363
Титчиха 189. 198, 204
Тиса, р. 129, 134, 151, 268, 286, 300, 301
Тисабура 119
Токари 189
Толбухинский округ 261
Толлензее, оз. 55
Томис 158
Тополита 21
Топорок 221, 223
Топрайкиой 97
Торейда, см. Турайда Торнов 43, 138-141
Траве, р. 59
Травиния 329
Трансильвания 95,100,101,105,134, 135
Трансильванское плато 134
Требельвиезен 62
Требужены 79
Тренчанске Бискупице 15
Трепче 345
Трибзеес 62
Триест 275
Триестская обл. 324

Трнава, р. 49, 50
Трняне 335
Трогир 328
Троицкое 221, 223
Троубско 63
Троян 99
Трубез, р. 375
Трубчевск 87
Туллн 27, 305, 307
Тулча 97
Тумяны 172
Тунау 281
Турайда 176, 179
Туркия (Венгрия) 325, 326, 331
Туров (Германия) 62
Турово (Польша) 63
Туррида 279
Турское поле 312
Турце 62
Тушемля 223
Тшебеславицы 16
Тыргшор 97
Тырпешть 96, 97
Тэбэлешть 97, 100
Тюрингия 110, 132, 133, 145
Тягинская Забора 79
Тясмин, р. 68, 73, 75
Уборть, р. 16
Угерске Градиште 287, 291

Углы 86

Угорская земля 286

Угорские горы 286

Угра, р. 202

Удомельское Поозерье 246

Уж, р. 16

Узмень 223

Уйшце 43

Укра, р. 55

Украина 363

Украина Правобережная 24, 31, 360

Ульха 14, 17

Унгавания 176

Унжа, р. 226

Урчице 119

Усмеж 24

Усть-Белая 214

Устье 223

Фажана 323

Фарланд 15

Фархау 44

Фасос 152

Федешти-Васлуй 99

Федово 35, 228

Федоровка 74

Федяшево 189, 198

Фекете-Сигет 116

Фекетич 130

Фелнак (Фенлак) 98, 119, 122

Фельдберг 51, 60
Феригиле 98
Фёрк 279
Фессалия 106, 149, 154, 155, 159, 163, 165, 166
Фессалоники 151, 152, 155, 163, 165, 166, 331
Фестдандия 57
Фехеро 119
Филиашь 105
Фихтенберг 144
Флашберг 233
Флессенов 62
Форберг 138, 139, 141

402

Фордон 43, 62
Фошка 323
Фракия 148, 150, 151, 154, 269
Франгия, см. Франкония
Франкония 325, 326, 331
Франкское государство (королевство, империя) 125, 132, 133, 145, 312, 326, 327, 331
Франкфурт-на-Маине 284
Фрисландия 57
Фритцов 62
Фриул 277, 278, 282, 324
Фэркашеле 98
Хавель. р. 43, 47, 51, 55, 56, 138
Хазария 204
Хазарский каганат (государство) 195, 196, 200, 256, 301
Хаитхабу 50, 59
Халкидика 152, 165

Ханска 69, 71, 74, 75,79-81,84,86
Харивка 77, 79,86, 122, 188, 192
Харьков 86
Хасково 162
Хацки 77-79, 86, 122
Хвалкув 46
Хвоининский р-н 213
Хелм 35
Хельге 59
Херсонес 90
Хидвегпуста 116
Хистрия 97
Хитцы 71, 72, 79, 189, 193
Хлинча-Яссы 105
Ходосовичи 35
Ходосовка 189, 192, 193
Хорватия 29, 129, 130, 158, 236, 277, 321, 323, 325, 327, 329
Хорватия Великая (Белая) 326, 331, 332
Хорватия Далматинская 130
Хорватия Подравская 130
Хорватия Чешская 312,313,331
Хорватское государство 326, 327, 330
Хорваты 157
Хорваты Посавские (Паннонские) 329
Хорга-Васлуй 99
Хоргош (Суботица) 26, 29
Хорек 15
Хорст 62
Хортица 71

Хотомель 15, 20
Хотынь 232, 235
Хохенау 26, 27
Хохон-Виехельн 62
Христифоровка 90
Хулаш 196
Хуча 69, 80
Царичин Град 160, 323
Царьград 151, 229
Целе 276
Целиков Бугор 188
Церен 43
Цесис 176, 177, 184
Цетин 326
Цетина, р. 333
Цибли 71
Цивидол 275
Цидлина, р. 314
Цон, р. 202
Цурковка 232, 235, 237
Чагода, р. 215
Чагодоща, р. 213, 232
Чаджавица 122, 130
Чакберень 119
Чаусы 35
Чеканово 45
Челганцизна 35
Чепель-Остров 119
Чепоносы 17, 18

"Черемисское кладбище" 227

Черемшан, р. 196

Черепин 86

Черкасы 86

Черкут 114, 118, 128

Чернещина 71, 72, 79

Чернещина Великая 189

Чернигов 359

Черниговская земля 359

Черновка 86

Черногория 148

Черное море 148, 256, 258, 359

Черноморское побережье 337

Чернореченское 90

Черный Бишкин 86

Черск 43

Чертово городище 227

Чехия 10, 20, 25, 28, 30, 120, 124, 133, 143, 144, 277, 306, 307, 310, 312-314, 317-319, 321, 326, 343, 353, 354

Чехословакия 7, 10, 24

Чешская долина 310, 312, 313, 315, 317, 318

Чешское государство 312-314, 318, 342

Чигирин 86

Чигиринский р-н 76

Чичовице 15

Чока-Кременяк 130

Чонград (Черный город) 300

Чортешть 97, 100

Чудское оз. 217

Чуков 86

Чулатово 188
Чулково 225
Чурелу 95, 97
Шаньково 203, 244
Шарканьфарок 300
Шарсторф 51
Шатрищи 225
Шауляйский р-н 175
Шваан 62
Шварцер Берг 58
Швенненц 62
Шверин-Зее 62
Шверинский округ 60
Швеция 57. 59
Швилубие 57
Швянтек 355
Шелиги 40,44-47, 172,173, 213
Шепетовка 14, 17
Шератице 26, 27
Шестовицы 188, 375
Шефельдорф 172
Шибеник 328
Ширне 105
Шихино 224
Шмохор 279
Шокшово 87-89
Шопронкехидя. 300, 305
Шпаиаау 43
Шпитальки 292

Шпрее, р. 43, 47, 51, 55, 56, 138, 142

Штрейтлаукен 172, 173

Штернбергер 60

Штирия 125, 277

Штральзунд 125

Штурова улица 295

Шугайлово 218, 232, 233

Шулетеи-Васлуй 99

Шумен 258

Шумск 15

Шурская 224

Щербинка 221,223

Щецин 43, 55, 62, 344, 354

Эвбея 152, 166

403

Эгейское море 148, 152, 154, 155,159, 164, 268

Эгина 152

Эддеритц 15

Энкотишкес 221

Элексаллас 119

Эллада 150, 151, 166

Элос 154

Эльба, р. 4, 7, 10, 14, 18, 24, 25, 28-31, 40, 47, 50, 59, 60, 63, 83, 124, 133, 142, 144, 154, 209, 286, 310, 326, 331, 332

Эльда, р. 154

Эльбо-Заальский регион 142-144, 147

Эльбо-Заальское междуречье 143

Энс, р. 129, 274

Эрир 148, 152. 157. 164

Эски-Кермен 90 ,
Эстония 174
Эчка 122
Югославия 10, 29
Юдовская Вас 233, 279
Юмскин 227
Юпер 157
Юра, р. 170
Юрьев Польский 252
Юрьевская Горка 246
Ютландия 25, 209
Ютландский полуостров 59
Ябела 43
Ягала 172,174
Ягнятин 35
Язбина 131, 323
Язув 46
Якушин 71
Ямбол 160
Янково 355
Янковцы 16, 17
Янтра, р. 151
Ярославский р-н 228
Ярцево 237, 238
Ясень 35
Ясмудский Большой залив 58
Яссы 95, 100
Яссы-Круча Луи Ференц 96, 99
Ятвягия 351

Avaria 110
Avarorum 134
Desaretia см. Охрид Hunnja 110
Knetzburg 133
Lichnidos см. Охрид
Romuliana см. Гамзиград
Sclavorum (Карантия) 274
Severia см. Севера/Северянская земля
Sirmium см. Сирмиум
Singedunum см. Белград
Slavorum (Sclavorum) 133
Ventas 176
Viminacium 335
Viseland 341
Wendeculla 176
Wending 176
Wendorum 176
Wenedeculle 176
Winberg 25
Winideheim 133

902.6 63.4(0)4
ББК 63.4
С284

Книга издана в рамках проекта
Российского гуманитарного научного фонда
"Славяне в древности и раннем
средневековье" (код: 93-06-10352).

Редактор Н. В. Лопатин

Издательство:
Научно-производительное
благотворительное общество
"Фонд археологии"

С28 **Седов В. В.** Славяне в раннем
средневековье. - М., 1995. - 416 с.: ил. ISBN
5-87059-021-3

Книга является вторым томом труда автора
под общим названием "Славяне в древности
и раннем средневековье" (первый том
опубликован в 1994 г.)

Рассмотрены археологические культуры
второй половины I тысячелетия н.э. в
Центральной и Восточной Европе,
связываемые со славянами и их соседями.

Прослеживаются пути формирования раннесредневековых народностей - болгар, сербов, хорватов, чехов, поляков, восточных славян и других.

ISBN 5-87059-021-3

В. В. СЕДОВ

В. В. Седов, 1995 г.

Абаев В.И. 82, 83, 93
Аванесов Р.И. 250, 384
Авдуин, правитель лангобардов 27
Авенариус Н.П. 92
Агеева Р.А. 217, 248
Адальрам, архиепископ 284
Адам Бременский, средневековый автор 55, 344
Айбабин А.И. 90, 94
Акимова О.А. 330
Акрабова-Жандова Ив. 273
Аладжов Д. 168
Алексеев В.П. 250
Алексеева Т.И. 252
Алмуш (Алмас), предводитель болгар 196
Альберт, рижский епископ 176
Альфред Великий, английский король 341, 347
Амброз А.К. 77, 90, 92, 225, 249
Ангелов Д. 167, 269, 272, 273, 340
Ангелова Ст. 168
Андроник, епископ Сирмиума 297
Аннинский С.А. 184
Апсих, аварский военачальник 83
Арпад, венгерский король 301
Артамонов М.И. 73, 92, 193, 206
Архипов Г.А. 250, 252
Арциховский А.В. 373, 383
Аспарух, болгарский хан 92, 105, 154, 256-258, 261, 269, 337
Ауліх В.В. 36

Аун М.Э. 213, 247

Бабич Б. (Бабик Б.) 168,339,340

Баварский Географ, анонимный средневековый автор 48, 310

Бажан И.А. 214, 247

Балабанян Д. 168

Балинт Ч. 136,303-305,309

Баран В.Д. 10, 24, 36, 37, 93

Баранов И.А. 94

Барнеа А. 100, 108

Барсов Н.П. 244, 373, 383

Бартоломей Английский, средневековый автор 281

Бартольд В.В, 207

Батбай, предводитель болгар 195

Батбаян, болгарский хан 256

Башенькин А.Н. 213, 214, 247, 248

Баян, хан аваров 109

Белошевич Я. 38, 168, 323, 329, 330

Березовец Д.Т. (Березовець Д.Т.) 68, 91. 92, 136, 192-194, 206

Берестенев С.И. 91

Бертольд, магистр рыцарей 176

Бешевлиев В. 266, 272

Б1дз1ля В.І. 92

Виленштейн А. 176, 177, 184

Бирбрауэр Ф. 277, 282

Ал-Бируни 197

Боба И. 297, 298

Бобринский А.А. 92

Бодянский А.В. 75, 91

Божилев Ив. 272

Болеслав 1, чешский князь 353
Болеслав Храбрый, польский князь 353
Бона И. 27, 38, 116, 135
Борис, болгарский царь 261, 268, 269, 339
Борковский И. 7, 36, 39, 320
Борна, князь хорватов 327
Брайчевская А.Т. (Брайчевська А.Т) 92
Брайчевский М.Ю. (Брайчевський М.Ю.) 92
Бранимир, князь хорватов 327
Брахманн Г.-Ю. 10, 36, 38, 143
Бромлей Ю.В. 330
Буга К. 175, 184
Будде Е.Ф. 359, 383
Будинский-Кричка В. 36, 136
Буковский З. 63, 67
Булатова Р.Ф. 250
Булле Х. 159, 168, 169
Булычев Н.И. 203
Бялекова Д. 10, 24, 36, 37, 297
Вайтманн М.В. 159, 166-168
Вайян А. 384
Ваклинов Ст. 272, 273
Вакуленко Л.В. 37
Валиди-Тоган А.З. 196, 207
Валич А. 276, 282
Ванагас А.П. 184
Ваня З. 303, 309, 320
Велес, языческое божество славян 83

Вернер И. 25, 27, 38, 84, 91, 93, 97, 159, 168, 171, 173, 174, 183, 214, 247, 276, 282

Вилцеану Д. 100, 108

Вилчан, князь ободритов 50

Вильгельм, римский легат 176

Винников А.З. 198, 207, 208

Виноградский Ю.В. 93

Винокур И.С. (Винокур I.C.) 24, 37, 93

Винский З. 10, 28, 36, 38, 130, 136, 321, 325, 329

Вириг, племенной князь 196

Вирсе (Озере) И. 174, 184

Виталиан, вождь восставших 149

Витов М.В. 177, 184

Владимир Святославович, киевский князь 375

Владислав, князь хорватов 327

Влатислав, военачальник лучан 312

Вознесенская Г.А. 37. 92

Вуга, легендарный предводитель хорватов 325

Выжарова Ж.Н. (Въжарова Ж.) 168, 169, 272

Вятко, легендарный предводитель вятичей 373

Гавритухин И.О. 183

Гаевский Л. 23, 37

Галл Аноним, средневековый хронист 343

Гамченко С.С. 36

Гарам Э. 115

Гачиньский Е. 326, 330

Геза, король венгерский 301

Гельмольд, средневековый автор 50, 55, 281

Гензель В. 31, 39, 356

Генинг В.Ф. 195, 207, 249

Генрих, князь ободритов 60

Генрих Латвийский 175-178,184

Георгиев В. 82

Геродот, античный историк 83 Геррманн И. 10, 28, 36, 38, 54, 60, 64-66, 138, 142, 146, 147, 168

Гиндин Л.А. 167

Гопак В.Д. 92

Горак Б. 65, 137, 147

Гор1шжй П.А. 37

Городцов В.А. 88, 93, 249

Горюнов Е.А. 91-93, 192, 206

Горюнова В.М. 251

Горюнова Е.И. 228, 249, 250

Готшалк, князь ободритов 50, 65

Готье Ю.В. 82. 244, 359

Графенауэр Б. 137,274,277,282, 283

Гребе К. 55, 64, 66

Грингмут-Даллмер А. 59, 60

Гришаков В.В. 249

Гроздилов Г.П. 213, 247

Грубый В. 291, 292, 297

Грушевский М.С. 82, 93

Гурба Я. 23, 37

Гюзелев В. 272

Дабрела. старейшина ливов 176

Давидан О.И. 251, 383

Дагоберт, король франков 132, 137

Дайм Ф. 129, 136

Дамбе В.М. 184

Даниил, орденский священник 176

Данилевич В.Е. 92
Даугудис В. 247
Дворник Ф. 326, 330
Денисова Р.Я. 247
Дерван (Дерванус), князь сорбов 132, 145
Дероко А. 340
Дечев Д. 168
Джурович Д.П. 359, 383
Димитров Д. И. 168, 272, 273
Дион Кассий, древний автор 48
Довнар-Запольский М.В. 383
Долинэску-Фэрхэ С. 100, 107
Домбровская Е. 20, 37
Домбровский Э. 47, 64
Донат П. 12, 13, 36, 51, 54, 64-66, 168
Достал Б. 297
Драгомир, болгарский посол 266
Дражко, князь ободритов 50
Дринов М. 167
Дубравка, дочь Болеслава I 353
Дубынин А.Ф. 225, 249
Дуйчев Ив. 167
Дуриданов Ив. 167
Дурново Н.Н. 373, 384
ДучыцЛ.У. 251
Душек З. 147
Дьяченко А.Г. 91, 207
Дыбо В.А. 250
Еловина Д. 323, 329

Енуков В.В. 231, 250
Ерофеева Е.Н. 249, 252
Ерцегович-Павлович С. 137, 336
Ефименко П.П. 208, 249
Жак Я. 40, 64, 183
Жива (Сива), языческое божество славян 50
Жулкус В.В. 185
Заберган, предводитель кутригуров 109
Займов И. 155, 156, 168
Закиев М.З. 207
Зализняк А.А. 248, 380, 384
Замятина Г.И. 250
Зариня А. 185
Застерова Б. 137
Зверуго Я.Г. 93, 247, 249
Зеленин Д.К. 177, 184
Земан И. 10, 14, 25, 36, 37
Зиньковская И.В. 198, 207

Иблер У.-Г. 168, 277, 283
Ибрагим ибн Якуб, арабский автор 347
Иванов Вяч.Вс. 168, 197, 207
Иванов Ст. 169, 272
Иванова О.В. 169
Ильдигис, сын наследника лангобардов 27
Иоанн Камениат, средневековый автор 163
Иоанн Эфесский, средневековый автор 117, 150, 151
Иордан, епископ Польши 353
Иордан, средневековый историк 30, 39, 81, 92, 224

Ираклий, византийский император 152, 325, 326, 331, 333

Исаевич Я.Д. 353, 356

Исидор, средневековый автор 152

Исланова И.В. 224, 246, 249, 252

Иштван, венгерский король 299, 301

Казаков Е.П. 207, 252

Казанский М.М. 92

Кайлинг Х. 40, 59, 64, 66

Каргапольцев С.Ю. 214, 247

Карл Великий, король франков и император 50, 56, 134, 145, 280, 284

Карский Е.Ф. 373

Кассиодор, средневековый историк 81

Качковский М. 46, 47, 64

Кий, легендарный основатель Киева 373

Кирилл, славянский просветитель 286, 339

Киш А. 128, 136, 305

Кланица З. 10, 25, 36, 37, 297

Климент Охридский, славянский просветитель 339

Клука, легендарный предводитель хорватов 325

Ключевский В.И. 372

Кнорр Г. 146

Ковалевский А.П. 207

Ковриг И. 110, 111, 135

Коев И 272

Козьма Пражский, средневековый хронист 310, 312, 313

Коковцев П.К. 207

Коларич Р. 282, 283

Комша М. 38, 97, 100, 107, 108, 122, 135, 136, 266

Конецкий В.Я. 243, 244, 252

Константин Багрянородный, византийский император 117, 124, 135,149,154,164, 300, 301, 325-327, 330-333, 336, 344

Константин III, византийский император 159

Константин IV, византийский император 251

Корнаков Л. 340

Королук В.Д. 65

Корошец И. 38, 130, 136, 282, 283

Косендцис, легендарный предводитель хорватов 325

Костшевский Б. 347

Котраг, болгарский хан 256

Коцел, славянский князь 299

Кравченко Т.А. 249

Крак, легендарный основатель Кракова 343

Краснов Ю А. 226, 250

Красковская Л. 128, 136

Кропоткин В.В. 94

Крум, болгарский хан 261, 266, 268

Крюгер Б. 10, 28, 29, 36, 38

Кубрат, болгарский хан 134,195, 256

Кувер, предводитель болгар 337

Куза А.В. 250

Кулаков В.И. 183

Кунстманн Х. 133, 137

Кухаренко Ю.В. 36, 250

Кучера М. 133, 137, 297

Кюн Г. 171, 173, 174, 183

Лабуда Г. 137

Лавьюк Д.И. 93

Ламанский В. 167, 168

Лапушнян В.Л. 92

Левицкий Т. 196, 207

Лега В. 347, 357

Леонтьев А.Е. 224, 247, 249, 250

Лер-Сплавинский Т. 65, 379

Лестько, сын Пяста 343

Липкинг Ю.А. 93

Литаврин Г.Г. 162, 340

Ловел, легендарный предводитель хорватов 325

Ловмянский Г. 48,65, 286, 297, 344, 348, 356

Лодовский Е. 344, 356

Лопатин Н.В. 218, 248

Лосинский В. 43, 47, 54,64,66, 356

Лутовский М. 37, 66

Любавский М.К. 372

Любичев М.В. 91

Людвик Благочестивый, франкский император 284, 286

Людвик Немецкий, восточно-франкский король 50

Ляпунов Б.М. 359, 360, 383

Ляпушкин И.И. 192, 193, 200, 206-208

Маврикий, византийский император 151

Мазо, западнобалтский князь 351

Майко В.В. 94

Макаренко Н.Е. 191

Макаров Н.А. 228, 250, 252

Макушников О.А. 93

Малингудис Ф. 163, 164,169

Мальм В.А. 247

МаНопоJBHt) В. 137

Маринов В. 272

Маркварт И. 196
Марушич Б. 38, 131. 137, 168, 251, 321, 323, 324, 329, 330
Марцеллин Комит, средневековый автор 149, 167
Марьянович-Вуевич Г. (Марајнович-Вујович Г.) 333, 334, 336
Мачинский Д.А. 252
Мегей В.П 93
Медведев А.М. 247
Мезамир, посол антов 109
Менандр Протектор, византийский историк 109, 162
Мефодий, славянский просветитель 286, 288, 297, 339, 341
Мешко I, польский князь 343, 353
Мийович П. 335, 336
Милетич Н. 336
Милидух, князь сорбов 144,145
Мильчев Ат. 168. 272
Мини Д. 336
Минорский В.Ф. 196, 207
Митрофанов А.Г. 249, 251
Михаил III, византийский император 154, 286
Михайлина Л.П. 93
Михайлов Ст. 272
Мича-Мерхайм Х. 27, 38, 309
Миятев Кр. 273
Моймир I, моравский князь 284, 286, 291, 296
Монгайт А.Л. 383

Москаленко А.Н. 208
Мугуревич Э.С. 177, 178, 184,185, 236, 251
Муктагир, арабский посол 196

Мусянович К. 31, 36, 39

Мухло, легендарный предводитель хораватов 325

Надь Т. 110, 115, 135

Назаренко А.В. 125, 126, 136

Насонов А.Н. 378, 384

Наумов Е.П. 333, 336

Нестор И. 102, 108

Нидерле Л. 39, 48, 50, 56, 65, 66, 82, 93, 133, 137. 1'44, 154, 168, 219, 248, 302, 309, 326, 330, 332, 336,

Никитин А.В. 250

Никитин А.Л. 250

Никитина Т.Б. 250

Николаев С.Л. 232, 250, 251, 379, 384

Николай III, византийский патриарх 152

Никольская Т.Н. 197, 202, 207, 208

Новакович Р. 336

Новосельцев А.П. 196, 207, 378, 384

Новотный В. 133. 137, 319

Носов Е.Н. 213, 241, 244, 247, 2486 252

Овчаров Д. 273

Ододр, легендарный предводитель 50

Олег, киевский князь 229, 378

Омуртаг, болгарский хан 261, 268

Орел В.Э. 357

Орлов С.Н. 213, 247, 252

Острогорски Г. 336

ПабстЭ. 176

Павел Диакон, средневековый автор 110, 274, 332, 347

Панов Б. 168

Парчевский М. 10, 36, 37, 40, 46, 64

Пертлвизер М. 307-309

Перхавко В.Б. 219, 237, 248, 251

Петренко В.П. 252

Петренко Е.Н. 91

Петров В.П. 36, 68, 91

Петрович Э. 107, 108

Перун, языческое божество славян 83

Петрашенко В.А. 192, 206, 207

Пивторак Г.П. (Швторак Г.П.) 359, 383

Пиоро И.С. 94

Пипин, император франков 134

Писарев С.П. 154, 168

Питтиони Р. 27, 38, 283

Плейнерова И. 10, 28, 36-38

Плоткин К.М. 251

Поболь Л.Д. 219, 248

Погодин А.Л. 82, 167, 359

Попель, племенной польский князь 343

Порга, предводитель хорватов 325, 327

Поулик И. 24, 37. 297

Пржемысл, родоначальник чешского княжеского рода 313

Прибина, моравский князь 284, 295, 296

Прибина, князь в Мозабурге 299

Приймак В.В. 206

Приск, византийский военачальник 151

Приходнюк О.М. 37, 69, 72, 91, 92

Проб, римский император 149

Прове, языческое божество славян 50

Прокопий Кесарийский (Прокопий из Кесарии), византийский историк 25, 27, 81, 82, 92, 104, 149, 150, 162, 163, 165, 169

Псевдо-Маврикий, анонимный средневековый автор 162, 163

Птолемей Клавдий, античный географ 124, 170, 207

Пудовин В.К. 92

Пушкина Т.А. 237, 251

Пяст, основатель династии польских князей 343

Радегаст (Радогошт), языческое божество славян 50, 55

Радожкович Б. 336

Райтингер И. 307, 309

Раухут Л. 346, 348, 357

Рафалович И.А. 75, 91-93

Рашев Р. 256, 272

Репников Н.И. 94

Рерих Н.К. 244. 252

Ригль А. 84, 93

Риекстин Х. 173

Рикман Э.А. 93, 108

Рихтер М. 320

Розенфельдт И.Г. 249

Розенфельдт Р.Л. 251

Роспонт С. 203, 208, 217

Ротислав, моравский князь 284, 286, 288

Ружич М. 137 Русанова И.П. 10, 14, 18, 24, 36, 37, 93

Рутковская Л.М. (Рутковська Л.М.) 91, 93

Рыбаков Б.А. (Рыбакоу Б.А.) 84, 90, 92, 93, 184, 196, 207, 250, 359, 373, 383

Рябинин Е.А. 250

Сабурова М.А. 249

Сагадин М. 276, 282

Саксон Грамматик, средневековый автор 57

Саливон А.Н. 65 Само, славянский князь 132-134, 137, 145, 287

Самуил, болгарский царь 338, 339
Сварожич, языческое божество славян 55
Святовит, языческое божество славян 57
Святоплук, моравский князь 284, 286, 297, 299, 312, 341
Святослав, новгородский князь 184
Седин А.А. 93
Седова М.В. 236, 249, 251
Сёке Б. 116, 299
Селезнев Ф.Я. 251
Семовит, племенной польский князь 343
Семомысл, внук Пяста 343
Середонин С.М. 372, 383
Симаргл, языческое божество 83
Симеон, болгарский князь 261, 268-271
Симеонов Б. 266, 273
Симон Грунау, средневековый автор 351
Симонова Е.Н. 173, 183, 309
Скржинская Е.Ч. 30
Славомир, князь ободритов 50
Смшенко А.Т. 92
Смирнов А.П. 194, 196, 206, 207
См1шко М.Ю. 37
Соболевский А.И. 373, 379, 383
Соколов М.Н. 384

Спитигнев, чешский князь 313
Спицын А.А. 82, 84, 93, 213, 219, 244, 247-252, 373, 383
Ставракий, византийский военачальник 166
Станојевич) Н. 137

СТапојевич Ст. 167
Станчев Ст. 272
Старостин П.Н. 195, 196, 207
Стойанова-Серафимова Д. 169
Супрун А.Е. 67
Сухобоков О.В. 192, 200, 206- 208
Тальгрэн А.М. 84, 93
Тараканова С.А. 251
Тассила, баварский воевода 274
Тассило III, баварский герцог 307
Таутавичюс А.З. 183, 247
Тацит, античный автор 47
Телегин Д.Я. 91
Теодор Д.Г. 38,97,100, 107, 108
Тервел, болгарский хан 258,261
Тиверий, византийский военачальник 132
Тиверий, византийский император 151
Тимошук Б.А. (Тимошук Б.О.) 10, 18, 93
Титмар Мерзебургский, средневековый автор 48
Тихомиров М.Н. 375, 384
Ткаченко О.Б. 250
Толстой Н.И. 383
Томашек В. 124
Топоров В.Н. 83, 93, 168, 197, 207, 384
Торопу О. 100, 108
Тотт.А. 127, 128
Травкин П.Н. 249
Третьяков П.Н. 93, 203, 208, 244, 252, 359, 383
Трофимович К.К. 147

Трпимир, хорватский князь 327

Трубачев О.Н. 24,37-39,49,65, 94, 124, 136, 154, 168, 175, 184, 359, 383

Трубецкой Н.С. 378, 379, 384

Туга, легендарный предводитель хорватов 325

Турек Р. 310, 312, 319, 320

Тухтина Н.В. 196, 207

Тыпкова-Заимова В. (Тыпкова В.) 167, 272

Тыменецкий К. 344, 356

Тыниссон Э. 183-185

Удольф Ю. 245, 252

Узянов А.А. 198, 208

Уртанс В. 183-185, 251

Уткин А.В. 249

Ушаков Д.Н. 359, 373, 383, 384

Ибн-Фадлан, арабский писатель 196, 207

Фасмер М. 136, 208

Феофан, средневековый хронист 152, 256

Феофилакт Симокатта, византийский историк 83, 93, 135, 163, 164

Фехнер М.В. 247

Фидлер У. 97, 100, 103, 106, 108, 158, 168. 258, 262, 272

Филин Ф.П. 358, 359, 383, 384

Фирштейн Б.В. 136

Флоря Б.Н. 296, 318-320

Фока, византийский император 151

Фредегар, раннесредневековый хронист 132, 133, 145

Фрезингер Г. 307, 309

Фролов А.А. 252

Фурасьев А.Г. 218, 248

Хабургаев Г.А. 360, 383

Хавлюк П.И. 91

Халиков А.Х. 195, 207

Харузин Н.Н. 177, 184

Хахманн Р. 81

Хвойко В.В. 92

Херрманн И. см. Геррманн И

Хлебникова Т.А. 196, 207

Хорват, легендарный предводитель аланской дружины 326

Хорват, легендарный предводитель хорватов 325

Хоредт К. 135. 137

Ал-Хорезми, средневековый ученый 207

Хорив, брат Кия 373

Хоре, языческое божество славян 83

Хынку И.Г. 93

Цауне А.В. 184

Цейс К. 124

Цолль-Адамикова Х. 14, 36, 37, 57, 66, 345, 356

Цыбин М.В. 208

Чаллань Д. 115, 135

Чангова Й. 169

Чаусидис Н. 159, 168

Чедраг, князь ободритов 50

Честомир, легендарный предводитель чехов 312

Чех, легендарный родоначальник чехов 312

Чиркович С. 336

Чремошник И. 38, 131, 137, 169

Шадыро В.И. 249

Шафарик П.И. 195, 206, 244

Шахматов А.А. 82, 93, 197, 207, 244, 250, 344, 358, 359, 367, 373, 379, 383, 384

Шегрен А. 177, 184
Шекель З. 100. 108
Шиманьский В. 44, 45, 64, 213,247, 251
Шинаков Е.А. 383
Шитов В.Н. 93, 249
Шиффманн К 125
Шишманов Ив. 167
Шлезингер В. 144, 147
Шмид В.П. 175, 184
Шмидехельм М.Х. 247
Шмидт Е.А. 218, 235, 248, 249, 251
Шноре Э. 177, 184, 185
Шолле М. 315, 320
Шош А. 38,127, 128, 135, 136, 299, 308
Шрибар В. 275, 282, 283
Штыхов Г.В. (Штыхау Г.В.) 248, 249
Шульдт Э. 43, 54, 64-66
Шустер-Шевц Х. 136,146,147
Штурмс Э. 171, 173, 177, 182- 185
Щеглова О.А. 206-208,192,194, 198
Эндзелин Я. 177, 184
Эрдели И. 115, 266, 308, 309
Юренко С.П.192, 198, 206. 208
Юстин I, византийский император 149
Юстин II, византийский император 150, 151
Юстиниан, византийский император 29, 109, 149, 150

Ягич В. 326. 330
Якоб Х. 133, 137

Якобсон А.Л. 90

Яковлев А.В. 248

Янин В.Л. 248

Янкович Д. 10, 29, 36, 38, 137, 168, 336

Янкович М. 10,29,36,38,168,336

Ярослав Мудрый, киевский князь 179

Яроцкий ВВ. 36

Abramowicz A. 39, 357

Adler H. 309

Ageeva R.A. см. Агеева Р.А.

Aleksova B. 168, 340

Alseikaite-Gimbutiene M. 357

Anamali S. 169

Ancitis K. 184

Andeleu P. 329

Apals J. 184

Aspelin J.R. 252

Avenarius A. 135, 137

Babic B. см. Бабич Б.

Balint Cs. см. Балинт Ч

. Balodis F. 185

Barnea Al. см. Барнеа А.

Batoviu S. 330

Beloievic J. см. Белошевич Я.

Benes A. 320

Beranova M. 37

Bezljaj F. 282, 283

Bialekova D. см. Бялекова Д.

Bierbrauer V. см. Бирбрауэр Ф.

Bilenstcin A. см. Биленштейн А.
Boba I. см. Боба И.
BonaI. см. Бона И.
Borkovsky I. см. Борковский И.
Boskovic D. 330
Brachmann H.-J. см. Брахманн Г.-Ю.
Budinsky-Kricka V. см. Будинский-Кричка В.
Buga K. см. Буга К.
Bukowski Z. см Буковский З.
Bulin H. 66
Bulle H. см. Булле Х.
Cesnys G. 247
Chausidis N. см. Чаусидис Н.
Chropovsky B. 136, 297, 298
Cilinsku Z. 136, 137
Cnotliwy E. 356
Com\$a M. см. Комша М.
Constantinu M. 108
Corovic-Ljubinkovic M. rte. Ljubinkoviu M.
Cremosnik J. см. Чремошник И.
Csallagy D. см. Чаллань Д.
Csalog J. 308
Dabrowska E. см. Домбровская Е.
Dabrowski E. см. Домбровский Э.
Daim F. см. Дайм Ф.
Davidan O. см. Давидан О.И.
Davidson-Weinberg G. 168
Dekan J. 297
Dimitrov D.I. см. Димитров Д.И.

Ditten H. 136, 336

Dobias J. 319

Dolinesku-Ferche S. см. Долинэску-Фэрхэ С.

Donat P см. Донат П

Dostal B. см. Достал Б

Dusek S. см. Душек З.

Dvornik F. см. Дворник Ф.

Eichler E. 147

Eisner J. 136, 297

Endzelins J. см. Эндзелин Я.

Engel C. 183, 357

Ercegovic-Pavlovid S. (Ercegovic S.) см. Езцегович-Павлович) С.

Erdelyi I. см. Эрдели И.

Evans H.M.A. 168

Feher G. 308

Fiedler U. см. Фидлер У.

Filipowiak W. 356

Franck A. 283

Fricsinger H. см. Фрезингер Г.

Fritze W.H. 65, 137

Fulop Gy. 308

Furdal A. 383

Gabal6wna L. 64

Gabriel I. 65

Gaczyrtski J. см. Гачиньский Е.

Gaerte W. 183, 184

Gajewski L. см. Гаевский Л.

Georgacas D. 168

Georgiewa I. 279

Ginters W. 183

Godlowski K. 64

Grafenauer B. см. Графенауэр Б.

Grebe K. см. Гребе К.

Grodecki R. 357

Gurba J. см. Гурба Я.

Halcescu C. 272

Hauptmann L. 135, 137, 167

Hensel W. см. Гензель В.

Herrmann J. см. Геррманн И.

Hilczewna Z. 146

Holowinska Z. 64

Horak B. см. Горак Б.

Horedt K. см. Хоредт К.

Hrdlicka L. 320

Hruby V. см. Грубый В.

Hubener W. 66

Ibler U.-G. см. Иблер У.-Г.

Jaanits L. 187

Jagic V. см. Ягич В.

Jakob H. см. Якоб Х.

Jankovic D. см. Янкович Д.

Янкович Д. см. Янкович Д.

Янкович М. см. Янкович М.

Jansons A. 184

Jaskanis J. 183

Jelovina D. см. Еловина Д.

Justovu J. 320

Kabat J. 320

Kaczkowski M. см. Качковский М.

Kahl H.-D. 282

Kalousek F. 297

Kastelic J. 282

Keiling H. см. Кайлинг Х.

Kerecsenyi H.E. 308

Kiss A. см. Киш А.

Kivikoski E. 247

Klaic N. 330

Klanica Z. см. Кланица З.

Klimka L. 185

Kloiber A. 65

Knor A. 320

Knorr H. см. Кнорр Г.

Kocka-Krenz H. 39

Kohler R. 65

Kolaric R. см. Коларич Р.

Koleva T. 272

Korosec J. см. Корошец Й.

Korosec P. 251

Kovacević J. 329

Kovacz L. 309

Kovan J. 320

Kovrig I. см. Ковриг И.

Krajcovicu R. 298

Kralovansky A. 39

Kraskovsku L. см. Красковская Л.

Kronsteiner O. 282

Kroger B. см. Крюгер Б.

Krumphanzlova Z. 320
Krusch B. 147
Kucera M. см. Кучера М.
Kudrnau J. 320
Kunstmann H. см. Кунстманн Х.
Kuhn H. см. Кюн Г.
Laakman H. 184
La Baume W. 183,357
Labuda G. см. Лабуда Г.

409

Lange E. 65
Laul S. 183
Lericjewicz L. 65, 356
Lega W. см. Лега В.
Lehr-Sptawinski T. см. Лер-Сплавинский Т.
Lemerle P. 167
Lencek R.L. 238
Lewicki T. см. Левицкий Т.
Lippert A. 136
Lissauer A. 39
Ljubinkovic M. 336
Lodowski J. см. Лодовский Е.
Losirtschi W. см. Лосиньский В.
Lougas V. 183
Lowmianski И. см. Ловмянский Г.
Lutovsky M. см. Лутовский М.
Mader B. 283
Malingoudis Ph. см. Малингудис Ф.
Marjanovic-Vujovic O. см. Марьянович-Вусвич Г.

Marusic B. см. Марушич Б.

Mesterhazy K. 39

Michelbertas M. 247

Mihaila G. 108

Mikkola J. 137

Minih D. см. Мини Д.

Miiskiewicz M. 37

Mitrea B. 272

Mitscha-Marheim H. см. Мича-Мерхаим

Moora H. 183, 247

Moszynski L. 65

Muka E. 147

MullerA. 64

Muller S. 39

Musca L. 108

Musca T. 108

Musianowicz K. см. Мусианович К

Nadolski A. 357

Nagy T. см. Надь Т.

Nasz A. 356

Nemecek O. 137

Nestor I. см. Нестор И.

Neustupny J. 147

Niederle L. см. Нидерле Л.

Novakoviu R. 65

Novotny V. см. Новотный В.

Nowakowski W. 183

Okulicz J. 183

Okulicz L. 183

Ostrie O. 330

Parczewski M. см. Парчевский М.

Peisker J. 137

Pertlwisser M. см. Пертлвизер М.

Petrovici E. см. Петрович Э.

Pieczynski Z. 356

Pittioni R. см. Питтиони Р.

Pleinerová I. см. Плейнерова И.

Pleterski A. 251

Poklewski T. 357

Poulik J. см. Поулик Й.

Rapanic Z. 330

Rasev R. см. Рашев Р.

Rauchut L. см. Раухут Л.

Reitinger J. см. Рейтингер Й.

Rempel H. 147

Richter M. см. Рихтер М.

Riegl A. см. Ригль А.

Rogosz R. 356

Rosetti A. 108

Rudnicki M. 65

Ruttkay A. 136

Sagadin M. см. Сагадин М.

Sankot P. 320

Schlesinger W. см. Шлезингер В.

Schmid W.P. см. Шмид В.П.

Schmiedehelm M. см. Шмидехельм М.Х

Schneider J. 147

Schoknecht U. 65

Schuldt E. см. Шульдт Э.

Schuster-Sewc H. см. Шустер-Шевц Х.

Seyer H. 64, 65

Shevelov Y. 383

Sikorski A. 64

Simon G. 108

Siska St. 251

Sjogren A.J. см. Шегрен А.

Skruzny L. 37, 320

Smetanka Z. 320

Snore E. см. Шноре Э.

Solle M. см. Шолле М.

Sonje A. 329

Sos A.Cs. см. Шош А.

Spahiu H. 169

Sribar V. см. Шрибар В.

Stein E. 135

Struve K.-W. 64, 65

Strzelczik J. 147

Sturms E. см. Штурме Э.

Szabo J. 308

Szatmari Saralta B. 135

Szekely Z. см. Шекель З.

Szimonova E. см. Симонова Е.

Szymariski W. см. Шиманьский В.

Tatko-Hrynciewicz J. 357

Tallgren A.M. см. Тальгрэн А.М.

Tempir Z. 37

Teodor D.Gh. см. Теодор Д.Г.

Timpel W. 147

Tocik A. 136

Tomoski T. 340

Tonisson E. см. Тыниссон Э.

Torok Gy. 308

Toropu O. см. Торопу О.

Trajkovski K. 340

Travnicek D. 65, 147

Troubetzkoy N. см. Трубецкой Н.С.

Turek R. см. Турек Р.

Tymieniecki K. см. Тыменецкий К.

Udolph J. см. Удольф Ю.

Unverzagt W. 66

Urbanavicius V. 247

Urtans V. см. Уртанс В.

Vakarclski Ch. 272

Valic A. см. Валич А.

Validi Togan A.Z. см. Валиди Тоган А.З.

Vana Z. см. Ваня З.

Vankina L. 183

Vauhka-Sura, иранское божество 83

Venecek F. 297

Vilceanu D. см. Вилиеану Д.

Vilfan S. 283

Vinski Z. см. Вянскяи З.

Vinski-Gasparini K. 137

Virchow R. 39

Vladar J. 136

Vlahoviu P. 330, 336

Vogt H.-J. 147
Volkaite-Kulikauskiene R. 250
Vrsplovid D. 329
Waga T. 357
Walther H. 147
Warnke D. 64, 65
Weithmann M.W. см. Вайтманн М.В.
Wenskus R. 319
Werner J см. Вернер Й.
Wetzel G. 147
Wierkuff G. 184
Willkomm H. 65
Zak J. см. Жак Я.
Zaharia E 108
Zasterova B. см. Застерова Б.
Zeman J. см. Земан Ю.
Zemliika J. 320
Zoll-Adamikowa H. см. Цолль-Адамикова Х.
Zulkus V. см. Жулкус В.В.

Slavs in the Early Middle Ages

Summary

In the first part of the book, named "The Slavs in the beginning of the Middle Ages" (p. 5), the archaeological cultures are characterized, which have been formed on the basis of Provincial Roman ones, as well as in conditions of Slavic migration. The Slavs in the beginning of the Middle ages settled in the extended territories of Central and Eastern Europe from the Elbe in the west up to the Don in the east and from the coast of the Baltic sea in the north up to Peloponnessos in the south and were differentiated in several dialect-tribal formations.

One of those large formations was Prague-Korchak culture (p. 7) formed on the basis of late Pszeworsk antiquities (Southern Poland, Western Ukraine and north-eastern Slovakia). Its main markers are hand-made pottery, square semisubterranean dwellings with heating devices in a corner and cremation burial rite. From the tribes of this group only the Dulebs are known, who appeared in the 8th-12th centuries divided and scattered in different parts of its former territory. The S-shaped hair-rings are their ethnographical feature.

Another dialect-tribal formation of the Slavs is represented by Sukow-Dziedzice culture (p. 40), which have been formed also on the basis of late Przeworsk culture in Central Poland. Its characteristic elements are distinctive hand-made pottery, ground timber buildings and surface cremation burials. In the 7th century a part of Sukow- Dziedzice area was captured by the Slavs of another group - the bearers of Feldberg ceramics. On the territory of Sukow-Dziedzice culture the tribal groups of the Obodrits, the Velets, the Pomoryans and the Polyans have been formed. For all Of them the S-shaped hollow hair-rings were common.

In the North Pontic Area Pen'kovka culture (p. 68) has been formed on the basis of Cherniakhov culture. The bearers of Pen'kovka culture were the Ants, fixed by historical sources of the 6th-7th centuries. The characteristic elements of the Ants were semisubterranean dwellings, specific handmade ceramics and biritual flat burials. The Ants together with the tribes of Prague-Korchak group and romanized autochtons became the creators of Ipotesti-Cindesti culture (p. 95) of the Danube and Prut basins. It is partly similar to Pen'kovka antiquities, but differs from it by numerous Provincial Byzantine elements.

In the first half of the 6th century the Avars (p. 109) came to the Pontic territories. In 557 they attacked the Ants and defeated them. Soon after that a powerful migration wave under the leadership of the Avars spread westwards and in 578 reached the Middle Danube area. Here under the conditions of Slavic-Avarian symbiosis a homogenous culture has been formed; it is

impossible to divide Slavic and Avarian ethnic components in it.

The capture of Danube lands by the Avars has become an impulse for movements of separate Slavic groups in Central Europe. In the 7th century the Slavic Tornow culture (p. 138) spread in the Middle Oder and in the Hawel basins. These were the Luzhichans (Lausitz Sorben) ancestors. In the 8th century another group of the Slavs represented by Russen antiquities (ancestors of the Sorbs) populated the basins of the Elbe and the Saale.

Beginning from the second half of the 6th century large masses of the Slavs settled in the Balkan Peninsula (p. 148). They actively accepted numerous elements of Provincial Byzantine culture, therefore their antiquities are hardly distinguished among the materials of the local population. Soon the Balkans were slavized. On the Peloponnessos the Slavs dominated about two centuries, but then have been assimilated by the Greeks.

At the boundary of the 6th and 7th centuries a large group of people of different tribes from the Danube area moved to the Mazury Lakes region. A group of the Slavs from this population inhabited the southeastern coast of the

Baltic Sea (p. 170) and was gradually absorbed by the local tribes of the Western Baits. Their rests under the name of the Vends are fixed by the Chronicle of Heinrich the Latvian in the early 13th century.

At the end of the 7th century the Slavs of Imen'kovo culture under the pressure of the Bulgars-Turks had to leave the Middle Volga and settle the left bank of the Dnieper where the Ants lived. The result of this interaction was the formation of Volyntsevo culture (p. 186) in this region. It inherited Pen'kovka house-building as well as Imen'kovo pottery-making. In the 8th century this Slavic group populated the Upper Oka, where together with Moshchiny population formed the basis of the Viatices, and the Upper Don. In the forest-steppe zone of the left-bank Dnieper the Severyans were formed.

In the northern forest zone of the Russian plane (p. 209) two large groups of the Slavs dominated. One of them is represented by the culture of Pskov long barrows (p. 211), spread in the basins of Pskov and Ilmen' lakes. The other one (p. 218) settled among the Dnieper Baits of Tushemlya- Bantserovshchina culture and further eastwards - the basins of the Volga and the Klyaz'ma. Its main characteristic feature are the bracelet-shaped non-tied hair-rings which were common up to the 13-14th centuries. The ground house-building, specific pottery and burial rites mark out this group from the other Slavic world.

In the beginning of the 8th century the culture of Sopki (high barrows) spread (p. 238) in the Ilmen' basin. Its bearers were the Slovens. The wide distribution of this culture was stipulated by more progressive methods of economic activity. The tribes of Long barrows culture of this region joined the structure of the Slovens. At the same time a part of the population of Long barrows culture settled on the Dvina near Polotsk and on the Dnieper near Smolensk (p. 229). This process formed the basis for a separate group of the Slavs - the Smolensk-Polotsk Kriviches. To the north the Pskov Kriviches have been formed. In the Volga and Klyaz'ma basins an anonymous group of the Slavs emerged.

The second part of the research (p. 255) is devoted to the questions of differentiation of the Common-Slavic world and formation of separate Slavic nationalities.

One of the early ethno-linguistic groups were the Bulgarians (p. 256), the formation of which occurred in conditions of interaction with Turks-Bulgars settled in the eastern part of the Balkan peninsula. Creation and strengthening of state organization played a significant role in this process.

The basis of the Alpan Slavs of Karan-tania (p. 274) have made the tribes of Prague-Korchak culture, who early separated from their tribesmen and were not included in the Slavic-Avarian symbiosis. A significant part of these Slavs was later Germanized, and only the Slovenes survived.

The Slavs of Pannonia (p. 299) after the disintegration of Avarian Kaganat were not a tribal unity. Only in the northern part of the Middle Danube region among the Slavs of the Great Moravian State (p. 284) the process of formation of separate ethnos probably took place, but was interrupted by the conquest of these lands by the Hungarians. The Slavs of Great Moravia joined not only the ethnogenesis of the Czechs and the Slovaks, but the Hungarian nationality also.

The structure of Czech ethnos (p. 310) included the tribes of the Prague-Korchak culture, the Ants and the Slavs of Slavic-Avarian symbiosis.

The Croats (p. 321) and the Serbs (p. 331) were large tribal groups of the great massif of the Ants. Probably they have come from the North Pontic area to the Adriatic Sea together with the Avarian migration wave and here the local Slavs and Romanized population were also included into this process.

In the region of Ochrid (p. 337) there were no circumstances for the formation of an independent Slavic nationality.

The Poles (p. 341) as separate Slavic ethnos were generated in the conditions of state formation on the basis of tribes of three groups - Sukow-Dziedzice, Prague-Korchak and Tornow.

Even more complex was the process of formation of the Ancient-Russian nationality (p. 358). It was formed by the tribes of several groups - Prague-Korchak in the Dnieper forest-steppe and forest right-bank zone (the Dulebs and their descendants - the Volynyans, the Drevlyans, the Polyans and the Dregoviches); Pen'kovka (the Croats, the Tivertses and the Uliches); Volyntsevo in the south-east of the Russian plane (the Severyans, the Vyatiches and the Don Slavs); Long barrows, Sopkis and the bearers of bracelet-shaped hair-rings (the Kriviches, the Slovenes and the tribal formation on the Volga and Klyaz'ma). The Ancient-Russian State with its meta-tribal structures, numerous cities, the Christianity as an official religion were eliminating the ethnic differences within the Ancient-Russian territory.

The Tataro-Mongolian invasion and inclusion of West-Russian lands in the Lithuanian state interrupted this process and a gradual formation of Russian, Ukrainian and Byelorussian nationalities began.

In the conclusion (p.385) it is stated that the wide Slavs migration of the beginning of the Middle Ages had greatly destroyed the ethno-tribal structure of the last Common-Slavic period. None of the medieval Slavic ethnos was formed on the basis of Ancient-Slavic tribal groups.

Translated by N.Lopatin

Список сокращений

АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.

КСИА - Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.

КСИАУ - Краткие сообщения Института археологии Академии наук Украинской ССР. Киев

КСИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М;
Л.

МАР - Материалы по археологии России. СПб.

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.

ПСРЛ - Полное собрание русских летописей.

СА - Советская археология. М.

САИ - Свод археологических источников. М.

AR - Archeologicke rozhledy. Praha.

MZP - Materiaty zachodriopomorskie. Szczecin.

PA - Památky archeologicke. Praha.

SA - Slovenska archeologia. Bratislava.

WA - Wiadomosci archeologiczne. Warszawa.

Предисловие	3
Часть первая. Славяне в начале средневековья	5
Правско-корчакская культура	7
Суковско-дзедзицкая (лехитская) группа	40
Пеньковская (антская) культура	68
Ипотешти-кындештская культура	95
Аварская культура в Среднем Подунавье	109
Сербо-лужицкая группа	138
Расселение славян на Балканском полуострове и Пеллопонесе	148
Славяне в Юго-Восточной Прибалтике	170
Волынцевская культура. Славяне на юго-востоке Русской равнины	186
Славяне северной зоны Русской равнины	209
Культура псковских длинных курганов	211
Славянская группировка, представленная браслетообразными сомкнутыми височными кольцами	218
Культура смоленско-полоцких длинных курганов	229
Культура новгородских сопок	238
Заключение	253
Часть вторая. Становление славянских народностей и государств.	255
Болгары	256
Альпийские славяне	274
Великая Моравия	284
Паннонские славяне	299
Чехи	310
Хорваты	321
Сербы	331

Охрид и его округа	337
Поляки	341
Восточнославянская этноязыковая общность	358
Заключение	385
Указатель археологических культур и этносов	387
Указатель географических названий	390
Указатель имен	404
Valentin V. Sedov. Slavs in the Early Middle Ages. Summary	411
Список сокращений	414